

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

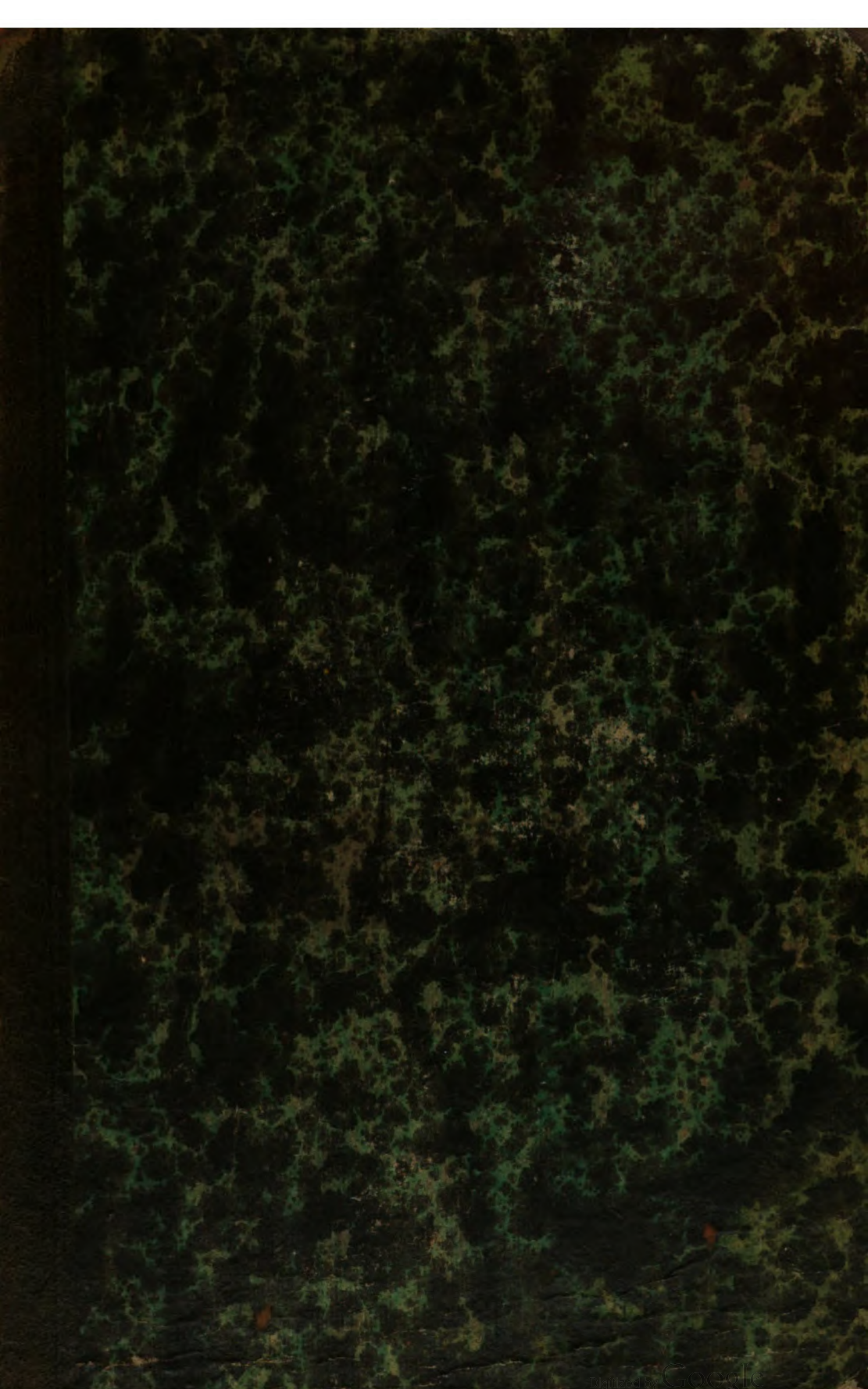
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav-236.4 (1875)
11

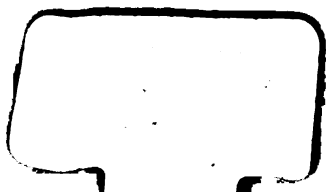
ПРОВЕРЕНО
1940 г.

1947

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

НОЯБРЬ.

1875.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. САНИТАРНЫЯ ИЛЮЗИИ. В. Ф. ПОРТУГАЛОВА.
- II. СЛАВЯНКА ВЪ ТУРЕЦКОМЪ ГАРЕМЪ. Стихотвореніе. (Съ сербскаго.) В. И. СЛАВЯНСКАГО.
- III. ИСПОВѢДЬ СТАРИКА. Романъ. (Гл. XVII—XIX.) ВИОЛТА ПЬЕВО.
- IV. СЕРВИИ — ГЕРЦЕГОВИНЕЦЪ. Стихотвореніе. (Съ сербскаго.) В. И. СЛАВЯНСКАГО.
- V. СТАРЫЯ РИВЪЗДА. Романъ. (Гл. VIII—XVIII) А. МИХАЙЛОВА.
- VI. КРИТЯНИНЪ. (Ново-греческая поэма.) Н.-Д.
- VII. ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Ж. - Ж. РУССО. (Статья третья.) С. СТАВРИНА.
- VIII. ПОХОРОНЫ НА МОРЪ. Стихотвореніе. ИВ. БЕУНИНА.
- IX. КРАСАВЕЦЪ. Романъ. (Гл. XVII — XIX.) ЖЮЛЯ БЛАРЕТИ.
- X. МОЛИТВА СЛАВЯНИНА Стихотвореніе. (Съ сербскаго.) В. И. СЛАВЯНСКАГО.
- XI. НА ПУТИ ВЪ ПЕРСІЮ. III. Прикаспійскіе порты. П. ОГОРОДИНЬКОВА.
- XII. ПРИВОЛЬЕ. Лѣто въ становищѣ. (Окончаніе.) В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.
- XIII. САМОУВІЙЦА. Стихотвореніе. ИВ. ЯКУШИНА.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIV. НЕ ПОДОЖДАТЬ-ЛИ ОТНИМАТЬ? Д. Л. МОРДОВЦЕВА.

(По поводу предположеній о преобразованіи волостныхъ судовъ.)

XV. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. С. СТАВРИНА.

(Culturgeschichte in ihrer natürlicher Entwicklung bis zur Gegenwart, von Fr. von Hellwald, 1875.—M-r Spenser on Social Evolution, by prof. Cairnes, „Forthnightly Review“, 1875, № 1—2.)

XVI. НОВЫЯ КНИГИ.

Россія и Англія въ средней Азій. М. А. Терентьева. Спб. 1875 г.—**Природа.** Популярный естественно-историческій сборникъ. Годъ третій. Книга III. Москва, 1875 г. — **Н. И. Новиковъ,** издатель журналовъ 1769 — 1785 гг. Изслѣдованіе А. Незеленова. Спб. 1875 г. — **Золотая грамота,** первалъ въ Россіи учебно-воспитательная народная христоматія и т. д., состав. Ф. В. Ливановымъ и т. д. — **Наши чудодѣи.** Лѣтопись чудачествъ и эксцентричностей всякаго рода. Составилъ Касьянъ Касьяновъ. Спб. 1875 г.

XVII. ОТВѢТЬ Г. ВОДОВОЗОВУ. И. В. ШЕЛУГОВА.

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. П. Ш.

Не разсуждаемъ-ли мы о народномъ образованіи вмѣсто *начала съ конца*? — Опыты европейской мысли въ этомъ отношеніи. — Что такое обязательное обученіе? — Мнѣніе Европы объ обязательности. — Что думаетъ петербургская дума о томъ-же? — Зачѣмъ народу грамота, и что-же дальше? Народныя чтенія и проектъ публичныхъ лекцій о юриспруденціи. — Заботы о народной школѣ петербургскаго земства. — Чему народъ учится въ школахъ и что знаемъ мы, руководители? — Игра въ узелки. — Докторъ Струсбергъ и московская катастрофа. — Жалкая роль нашихъ акціонеровъ. — Послѣдствія излишества банковъ и выгодное и убыточное потребленіе. — Какой наукѣ мы не учились?

XIX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. М. ТРИГО.

Право Ганри Валлона на біографію. — Располагающая наружность Валлона. — Примѣрный ученикъ. — Философскія упражненія. — Награды за посредственность. — Валлонъ въ роли политическаго орудія Гизо. — Вопросъ объ освобожденіи невольниковъ во французскихъ колоніяхъ. — „Исторія рабства въ древнемъ мірѣ“. — Секретарь общества уничтоженія невольничества. — Валлонъ — депутатъ законодательнаго собранія. — Геровческій подвигъ. — Настоящее мѣсто Валлона. — Теологическія труды Валлона. — „Исторія Жанны д'Аркъ“. — Соперница-медиумъ. — Увѣнчаніе преміей. — Валлонъ секретарь академіи. — „Біографія Людовика IX“. — Волненіе, возбужденное сочиненіемъ Ревана „Жизнь Иисуса Христа“. — Неудачная вылазка Вал-

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Кн. № 24493

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1875.

12.16747

△
Ръка - 231.4 (18-5)
11

HAASD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

62.2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 ноября 1875 г.

САНИТАРНЫЯ ИЛЮЗІИ.

Нельзя сказать, чтобы мы не были богаты добрыми намереніями и благодушными иллюзіями, но, можетъ быть, потому только мы и богаты ими, что остаемся только при однихъ намереніяхъ и иллюзіяхъ, не видя ни осуществленія ихъ, ни практическихъ результатовъ. Что у насъ есть искреннее желаніе предохранить народъ отъ разныхъ болѣзней, отъ повальныхъ эпидемій, въ этомъ никто не сомнѣвается, глядя на то, какъ распинаются наши земства въ пріисканіи и распредѣленіи врачей, фельдшеровъ, бабокъ, повитухъ, въ устройствѣ больницъ, госпиталей, пріемныхъ покоевъ, въ учрежденіи сѣздовъ общенациональныхъ земскихъ врачей и санитарныхъ сѣздовъ. Но гдѣ-же плоды всѣхъ этихъ заботъ, разсужденій и мѣропріятій, гдѣ результатъ всего этого? Никто его не видитъ и не знаетъ. Мы только знаемъ и видимъ значительныя затраты на санитарную и земско-медицинскую часть, а намъ говорятъ и мы повторяемъ, что все *обстоитъ благополучно*. Не мѣшаетъ, однакожь, всмотрѣться въ дѣло поближе.

I.

Мѣриломъ санитарнаго состоянія какой-нибудь страны, безспорно, можетъ служить число смертныхъ случаевъ, средняя продолжительность жизни и, если угодно, число заболѣваній. Последній критерій никогда не можетъ быть точно опредѣленъ, а потому особеннаго значенія онъ не можетъ имѣть. Дѣтъ десять,

пятнадцать тому назадъ, между 1858—1862 годами, наибольшая смертность въ Европѣ выпадала на долю Россіи. По Гауснеру, въ Европѣ вообще умиралъ въ то время 1 человекъ на 35,7 жителей. Чрезвычайная смертность была лишь въ одномъ государствѣ — въ Россіи, именно умиралъ 1 на 29,6 жителей; между тѣмъ въ Великобританіи умиралъ 1 на 43,4 жителей. Тогдашняя статистическая теорія старалась все это приписать суровому континентальному климату Россіи, но впоследствии эта теорія оказалась ложной, по крайней мѣрѣ, преувеличенной, потому что въ Швеціи и Норвегіи, при такомъ-же, если не болѣе суровомъ климатѣ, смертность чуть-ли не на половину была меньше. Въ Швеціи умираетъ 1 на 45,8 и наименьшая смертность какъ-разъ оказывается въ Норвегіи, гдѣ умираетъ 1 на 53,5 жителей, почти наполовину меньше, чѣмъ у насъ. Замѣтимъ здѣсь естатѣ, что въ Норвегіи и не думаютъ о тѣхъ санитарныхъ затѣяхъ и затратахъ, которыми теперь такъ озабочены наши ревнители народнаго здоровья.

Лѣтъ десять тому назадъ этими цифрами до того мозолили глаза обществу, всей читающей публикѣ и возникавшему земству, что бѣдное земство съ самаго начала своего появленія совсѣмъ потеряло голову. Его увѣрили, что главной виной значительной смертности недостатокъ врачей, бабокъ, фельдшеровъ, больницъ, аптекъ, и земство принялось заводить ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Прошло цѣлое десятилѣтіе земской заботливости объ улучшеніи народнаго здравія и нельзя сказать, чтобъ эта заботливость дешево обошлась народу. Въ послѣдніе годы вятское земство ежегодно тратило на земско-медицинскую часть болѣе 300,000 р. На эти деньги земство содержало отъ 30 до 40 врачей, до 150 фельдшеровъ, около 30 бабокъ, отъ 30 до 40 больницъ и приемныхъ покоевъ. Кромѣ того вятское земство ежегодно тратило огромныя суммы на другія потребности земско-медицинскаго дѣла. Такъ губернское вятское земство въ пять или шесть лѣтъ употребило до 60,000 руб. на поправки и пристройки своей нигде негодной городской больницы. Саранульское земство затратило тысячь 100 на постройку огромной каменной больницы; нолинское земство затратило до 70 тысячь на сооруженіе трехъ-этажной каменной больницы, въ видѣ какого-то египетскаго мав-

золея; яранское и другія земства сравнительно шли тѣмъ-же форсированнымъ маршемъ. Но гдѣ-же практической результатъ всѣхъ этихъ предпріятій? Возвратило-ли земство народу хотя десятую долю того, что онъ отдалъ ему на поправленіе своего здоровья? Изъ самыхъ достовѣрныхъ фактовъ мы убѣждаемся, что санитарное состояніе народа, прозябающаго въ вятской губерніи, не улучшилось ни на волосъ. Смертность въ той-же вятской губерніи за это время была даже сильнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ губерніяхъ Россіи. Такъ „умершихъ въ вятской губерніи въ 1872 году было всего 99,236 человекъ обоого пола“. На 100 человекъ жителей приходилось 4,13 смертныхъ случая или на каждыя 24,2 одинъ умершій, а за пятилѣтіе 1868—1872 гг. на 100 человекъ было среднимъ числомъ 4,23 смертныхъ случая или 1 умершій на 23,6 человекъ. Такъ-какъ въ Россіи средній коэффициентъ смертности составляетъ, по „Военно-статистическому сборнику“, 1 умершій на 27,4 человекъ, то, слѣдовательно, смертность въ вятской губерніи сильнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ губерніяхъ Россіи (Отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ вятскаго губернскаго статистич. комитета за 1872 г., стр. 37).

„Смертность самарской губерніи чрезвычайно значительна, такъ-какъ одинъ смертный случай приходится на 22,62 жителя, тогда какъ въ западной Европѣ на одинъ смертный случай приходится отъ 36,6 до 42,62 и даже 42,67 жителей“ (Памятная книжка самарской губерніи на 1874 годъ, стр. 37). Въ виду такой смертности что-же дѣлало земство? Надо отдать ему должную дань справедливости, что оно, положительно некомпетентное въ дѣлѣ медицины, выполняло все то, на что ему указывали. Оно не скупилось на средства, и такъ-какъ ему сказали, что нужно побольше врачей, фельдшеровъ, больницъ, бабокъ, оно завело всюду побольше врачей, фельдшеровъ, больницъ, бабокъ. Обозрѣвая вятскую губернію въ санитарномъ отношеніи, я осмотрѣлъ 23 больницы и сказалъ земству, что больничное дѣло въ вятской губерніи ведется очень плохо. Но, оставляя въ сторонѣ крайне небрежное веденіе медицинскаго дѣла, въ чемъ земство насколько неповинно, мы позволяемъ себѣ упрекнуть его въ томъ, что оно дѣйствовало несправедливо по отношенію къ своимъ плательщикамъ. Въ вятской губерніи (конечно, то-же самое и въ другихъ мѣстахъ) мы видимъ вездѣ огромныя затраты земскихъ

суммъ, но крайне непроизводительно и, если хотите, вопреки истиннымъ принципамъ и интересамъ земства. Изъ моего отчета, представленнаго вятскому земству, ясно видно, что земство по преимуществу затрачиваетъ свои средства на устройство городскихъ больницъ, воздвигаетъ и украшаетъ преимущественно уѣздные города величественными и монументальными постройками, оставляя села совершенно на второмъ планѣ. Но главный плацдармъ земства—село, крестьянинъ, и всѣ заботы земства должны быть сосредоточены на селѣ, на крестьянинѣ, всѣ его денежные затраты должны быть направлены туда. Если земство захочетъ выполнить свое настоящее призваніе и пойдетъ надлежащимъ путемъ, то сразу будетъ положенъ конецъ грандіознымъ, трехъ-этажнымъ египетскимъ пирамидамъ. Ниже мы покажемъ, насколько онѣ бесполезны. Впрочемъ, въ этомъ грѣшитъ не одно вятское земство, но, вѣроятно, если не всѣ, то и многія другія. Въ городѣ Самарѣ воздвигается теперь больница. Исторія ея очень назидательна; но объ этомъ поговоримъ когда-нибудь. Теперь лишь скажемъ, что она состоитъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ домиковъ, малоудовлетворительныхъ въ гигиеническомъ отношеніи, и четырехъ громадныхъ, каменныхъ, двухъ-этажныхъ корпусовъ *подъ службы*. Больница будетъ стоить до 300,000 р. и больше половины уйдетъ на постройку каменныхъ службъ, канцелярій, квартиръ служащимъ и т. д. При чемъ тутъ больница? Та-же исторія повторяется, на разныхъ варіаціи, и въ другихъ земскихъ центрахъ.

Въ нѣкоторыхъ земствахъ есть участковые врачи безъ больницъ и такіе врачи не живутъ въ своихъ участкахъ, а живутъ въ городѣ, гдѣ они занимаются частной практикой и больные являются къ нимъ изъ участка. Они живутъ въ городѣ, гдѣ обитаетъ другой земскій врачъ, имѣющій въ своемъ вѣденіи земскую больницу. Такимъ образомъ, случается, что въ одномъ уѣздѣ имѣются два земскихъ врача, которые оба благодушествуютъ подъ городскими смоковницами, а весь уѣздъ находится на попеченіи фельдшеровъ и бабокъ. Посмотримъ, что дѣлаютъ послѣдніе. Обѣзжая вятскую губернію, я вездѣ искалъ случая познакомиться лично съ фельдшерами, бабками и повитухами, разговаривалъ съ ними объ ихъ медицинской дѣятельности, рассматривалъ книги, въ которыя они записываютъ своихъ входящихъ больныхъ, болѣзни, которыя

они распознали на больныхъ, и леченіе, которому они ихъ подвергали. Обо всемъ этомъ я представилъ подробный отчетъ земству. Мои изслѣдованія о познаніяхъ и дѣятельности фельдшеровъ даютъ мнѣ право высказать нѣкоторые обобщенія. Большею частію эти *друзья человечества* поступали въ прежнія фельдшерскія школы въ раннемъ возрастѣ, безъ всякой общеобразовательной подготовки, оставались въ школѣ 2 — 3 года и по окончаніи немедленно поступали на службу съ самыми скудными медицинскими познаніями. Тѣ изъ нихъ, которые еще состоятъ при врачахъ и не обречены на самостоятельную дѣятельность, могутъ пока быть терпимы въ прежнемъ смыслѣ фельдшеровъ, но тѣ изъ нихъ, которые состоятъ при пріемныхъ покояхъ или занимаются самостоятельной практикой, оказываются ниже всякой критики и далеко уступаютъ и не соотвѣтствуютъ тому назначенію, которое хотѣло имъ придать земство. Земство, конечно, надѣялось видѣть въ нихъ дѣйствительныхъ помощниковъ врачей и хорошихъ медицинскихъ дѣятелей въ дѣлѣ пособія страждущему народу. На самомъ-же дѣлѣ это оказалось далеко не такъ. Собранные мною факты (см. мой докладъ протокола 1 сѣзда врачей вятской губерніи) доказываютъ, что фельдшера получили самое скудное медицинское образованіе, съ которымъ выступить на самостоятельную роль они едва-ли были вправѣ; затѣмъ они остановились на томъ, что вынесли изъ школы, и сами дальше нисколько не развивались: не такое направленіе получили они, чтобы самимъ двигаться впередъ, что-нибудь читать, чѣмъ-нибудь интересоваться, доскидываться, что такое лекарство, какое оно производитъ дѣйствіе на нашъ организмъ, почему оно дается въ той или другой болѣзни и какъ отличать одну болѣзнь отъ другой. Еще меньше эти люди знакомы съ современными пріемами науки для изслѣдованія больныхъ. Они понятія не имѣютъ ни о термометріи, ни о какихъ-бы то ни было химическихъ изслѣдованіяхъ, ни о постукиваніи или выслушиваніи (оскультаціи). Что-же касается санитарныхъ или гигиеническихъ пріемовъ, то это для нихъ совершенная новостъ и они едва-ли даже слышали о современныхъ требованіяхъ общественной и частной гигиены. Оставлять такихъ людей полновластными распорядителями пріемныхъ покоевъ просто безразсудно. Повидимому, народъ это самъ сознаетъ инстинктивно, потому что большинство пріемныхъ поко-

евъ, при которыхъ состоятъ фельдшеры, во-время моего посѣщенія были пусты. Оспопрививаніемъ они совершенно пренебрегаютъ и, какъ люди невѣжественные, они подчасъ воображаютъ себя всепонимающими и очень смѣлы въ способахъ леченія и раздачѣ лекарствъ. По моему глубокому убѣжденію, они могутъ быть терпимы лишь какъ неизбѣжное зло и необходимо хотъ исподоволь замѣнить ихъ людьми съ болѣе серьезными медицинскими познаніями. Я говорю, что ихъ можно пока терпѣть, какъ неизбѣжное зло, потому что народъ къ нимъ вездѣ относится очень снисходительно и даже дружелюбно.

Вездѣ, гдѣ я ни бывалъ, не доѣзжая до того мѣста, гдѣ обитаетъ фельдшеръ, и отѣхавъ, въ сосѣднихъ селахъ я разспрашивалъ всюду: къ кому народъ обращается? оказываютъ-ли имъ фельдшера пособіе? берутъ-ли съ народа какую-нибудь плату? и вообще доволенъ-ли народъ фельдшерами?—и вездѣ я получалъ самый удовлетворительный отвѣтъ. Почти нигдѣ, никто не заявлялъ никакихъ жалобъ на фельдшеровъ. Это очень важно. Тѣмъ серьезнѣе должно отнестись земство къ этому классу людей и внести въ фельдшерскій вопросъ радикальное преобразованіе. Оставляя фельдшеровъ такими, какіе они есть, земство лишь очищаетъ свою совѣсть, и то на бумагѣ, а вопросъ о равномерномъ и сколько-нибудь справедливомъ распредѣленіи медицинской помощи оно оставляетъ, такимъ образомъ, открытымъ. Въ сущности, строго говоря, теперешніе фельдшера, въ числѣ 150 человѣкъ, есть лишь бесполезная затрата огромныхъ суммъ безъ всякой существенной пользы.

Что касается акушеровъ и повитухъ, то польза отъ нихъ еще меньше и значеніе ихъ въ земско-санитарномъ отношеніи еще ничтожнѣе. Почти въ каждомъ уѣздѣ теперь по нѣскольку акушеровъ и повитухъ, но народъ къ нимъ вовсе не обращается. Изъ официальныхъ данныхъ, полученныхъ мною отъ акушеровъ и отъ уѣздныхъ управъ, я узналъ, напримѣръ, что буйская акушерка, уржумскаго уѣзда, въ продолженіи пяти мѣсяцевъ приняла *одного* младенца! Извѣстно, что при правильныхъ родахъ акушерки ровно ничего не дѣлаютъ, развѣ иногда перевяжутъ пуповину, а при неправильныхъ онѣ не только не вправѣ, но и просто не умѣютъ ничего сдѣлать. Представьте теперь положеніе санитарнаго дѣла, если акушерка за цѣлое полугодіе разъ пере-

в язетъ пуповину. Но такая перевязка обошлась уржумскому земству въ 125 руб. сер.! Въ серпурскомъ участкѣ акушерка за полгода приняла трехъ младенцевъ и каждая перевязка пуповины обошлась въ 40 руб. И это вовсе не единичные факты, а общіе и почти повсемѣстные. Замѣтимъ здѣсь кстати, что народъ пробуетъ обращаться къ акушеркамъ съ просьбой о помощи въ женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ и, не получая отвѣта, теряетъ довѣріе къ нимъ и вовсе перестаетъ обращаться даже въ акушерскихъ случаяхъ. Тѣ-же акушерки, которыя состоятъ въ городахъ при врачахъ, конечно, приносятъ самую существенную пользу. Во-первыхъ, у нихъ больше практикы, во-вторыхъ, онѣ принимаютъ на себя уходъ за больными въ больницахъ, и въ-третьихъ (и это чуть-ли не самое главное), онѣ часто становятся женами самихъ врачей. Земство въ этомъ отношеніи достойно всякаго уваженія. Оно вполне содѣйствуетъ ассоціаціи мужского и женскаго труда... Но такъ или иначе, а на повѣрку выходитъ, что вся земская медицина сосредоточена по-преимуществу въ городахъ или въ большихъ заводахъ, превосходящихъ многіе уѣздные города во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ обыкновенно живетъ врачъ, тутъ-же при немъ роскошная земская больница, въ которой подчасъ полтора больныхъ, тутъ-же въ городѣ живетъ и другой земскій врачъ, котораго участокъ за три-девять земель, тутъ живетъ лучшая акушерка, которую мѣстные купчихи и чиновницы очень одобряютъ которая сидитъ себѣ сиднемъ на своемъ мѣстѣ, тутъ-же и лучшій фельдшеръ. А бѣдный крестьянинъ, а село очень часто предоставлены на произволь какого-нибудь отжившаго, безграмотнаго фельдшера, котораго врачъ контролируетъ разъ въ годъ, и то, конечно, на бумагѣ. Все это я имѣлъ честь заявить земству въ іюлѣ мѣсяцѣ 1874 года, на вятскомъ съѣздѣ врачей, состоявшемъ изъ 30 человекъ, при многочисленномъ стеченіи публики.

Приведенныя и сообщенныя мною земству данныя доказываютъ, что наши земскія акушерки и повитухи находятся въ самомъ критическомъ положеніи. У нихъ охота смертная быть чѣмъ-нибудь полезными земству, но участь горькая. Жалованье онѣ получаютъ хорошее, а дѣятельность ихъ почти равняется нулю. Рядомъ съ ними въ селѣ сидитъ фельдшеръ, къ которому народъ по-неволѣ обращается еще за разными медицинскими совѣтами,

акушерки-же сидят по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ безъ всякаго занятія. Знанія ихъ крайне ограниченны. Между тѣмъ земство затрачиваетъ на содержаніе акушерокъ и повитухъ огромныя суммы, не принося народу никакой осязательной пользы. Прибавимъ, что земство наше блаженно, потому что оно „и скоты милуетъ“. Губернское вятское земство расходуетъ на содержаніе нѣсколькихъ ветеринарныхъ врачей до 20,000 руб. сер. Мы расспрашивали всѣхъ уѣздныхъ земскихъ предсѣдателей и членовъ управъ и получали единогласный отвѣтъ, что ни земство, ни народъ не имѣютъ отъ нихъ абсолютно никакой пользы. Мы глубоко увѣрены, что если-бъ земство ежегодно покупало на 20,000 руб. хорошую и отборную породу скота и раздавало-бы немущимъ и нуждающимся крестьянамъ, то оно такой мѣрой принесло-бы болѣе радикальную пользу, чѣмъ бесполезнымъ наймомъ ветеринаровъ. Въ итогѣ получается, что триста тысячъ, ежегодно расходуемыхъ земствомъ на медицинскую часть, полезны развѣ городамъ и земскимъ врачамъ, но никакъ не тому бѣдному населенію, которое оплачиваетъ эти затраты.

Оспопрививаніе—одно изъ тѣхъ мѣропріятій, которое можно назвать излюбленнымъ занятіемъ земства. Унаслѣдовавъ его отъ прежнихъ порядковъ, земство обѣими руками ухватило за него, какъ за очень легкое и доказательное средство своей заботливости о народномъ здоровіи. И хотя вопросъ объ оспопрививаніи въ послѣднее время чуть было не поколебался въ своихъ основныхъ принципахъ, но земство осталось вѣрнымъ въ этомъ отношеніи своему призванію. Повсюду видно, что земство не жалѣетъ средствъ на эту часть и радуется успѣшному ходу этого санитарнаго дѣла. Спросите любое земство, въ какомъ положеніи оспопрививаніе въ его уѣздѣ. „Отлично—5,000 дѣтей привита оспа, столько-то оспенниковъ и есть даже депо“. На вопросъ врачамъ, въ какомъ положеніи находится оспопрививаніе, многіе врачи отвѣчали, что „въ удовлетворительномъ“, еще больше отвѣчало „въ неудовлетворительномъ“. Но что значитъ въ удовлетворительномъ и неудовлетворительномъ—вѣдаетъ одинъ Богъ. Но вотъ маленькая исторія изъ хроники елабужскаго земства. Оспопрививатель Кузицынъ, крестьянинъ мензелинскаго уѣзда. въ пьянобарской волости привилъ 700 младенцамъ оспу, за которую получилъ плату по 20 к., всего 140 руб. Врачъ своею

подписью и приложеніемъ печати удостовѣрилъ, что онъ освидѣтельствовалъ дѣтей, что этому числу дѣтей оспа, дѣйствительно, привита. Но земство, какъ-то поссорившись съ врачомъ и усомнившись въ дѣйствительности отчета, послало другого врача провѣрить перваго. По провѣрѣ этого отчета другимъ врачомъ оказалось, что изъ 700 дѣтей двѣсти умерло, тремъ стамъ вовсе и не думали прививать, 14 показаны во второй разъ по одной и той же вѣдомости, ну, а остальнымъ... дѣйствительно привита. Такъ обстоитъ дѣло у одного оспопрививателя. А кто можетъ поручиться, что такъ дѣло не обстоитъ у многихъ оспопрививателей?

Очень интересенъ рассказъ врача Бжежинскаго, какъ онъ прививалъ оспу вотякамъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ довольно сильный холодъ, онъ отправился въ волость прививать оспу вотякамъ. Явившись, онъ потребовалъ къ себѣ начальство и велѣлъ тотчасъ-же пригнать къ нему бабъ съ дѣтьми. Велѣлъ — и ждетъ. Проходитъ довольно много времени, и нѣтъ никого. Онъ опять къ волостному начальству. Начальство отвѣтило, что оно не знаетъ, куда дѣвались бабы съ дѣтьми. Тогда врачъ самъ отправился искать ихъ. Въ избахъ — ни души, въ надворныхъ строеніяхъ — никого; онъ отправился по гумнамъ — и въ каждомъ гумнѣ нашелъ притаившуюся бабу съ ребятами. Разными ласками, сладкими рѣчками, сахаромъ, конфетами ему удалось заманить ихъ въ волость и тамъ привить оспу.

Повидимому, земско-медицинское дѣло не на-столько блестяще, чтобъ отъ него приходило въ восторгъ и впадать въ какой-то оптимизмъ. Дѣло это, однакожъ, покажется печальнѣе, если мы обратимъ вниманіе на экономическое состояніе какого-нибудь вятчанина. Въ то время, какъ земскій бюджетъ на медицинскую часть изъ году въ годъ возрасталъ и дошелъ до 300,000-ой цифры, въ это самое время благосостояніе вятскаго края земству рисовалъ сероными штрихами агентъ его г. Заволжскій (см. Исслѣдованіе экономическаго быта населенія сѣверной части вятской губерніи, составленное Заволжскимъ, стр. 75—87): „Исслѣдуемый районъ, говоритъ г. Заволжскій, — занимаетъ огромную площадь вятской губерніи, въ большинствѣ покрытую лѣсами, съ песчаной, болотистой почвой и довольно рѣзкимъ, холоднымъ климатомъ. Населеніе въ сѣверныхъ волостяхъ раскинуто клочками по большимъ пространствамъ. Земли на душу

приходится вообще довольно много, но въ дѣйствительности земли удобной для хлѣбопашества мало. Дороги въ большинствѣ находятся въ первобытномъ состояніи“. „Поля крестьяне удобряютъ плохо, вслѣдствіе того, что держатъ небольшое количество скота. Урожай потому весьма низки, не превосходятъ самъ-4 ¹/₂ для ржи и самъ-4 для овса. Лучшіе урожай на сѣверѣ бывають на посѣкахъ, и до тѣхъ поръ, пока возможно было ладное хозяйство, сѣверное населеніе жило сносно. Въ настоящее-же время посѣки во многихъ волостяхъ, по недостатку свободныхъ для этого мѣстъ, совершенно немислимы; въ другихъ-же волостяхъ, гдѣ еще есть свободныя мѣста для посѣкъ, производство посѣвъ также не можетъ быть вполне развито вслѣдствіе стѣснительныхъ правилъ, какія существуютъ по производству послѣднихъ“. „Въ результатъ такого состоянія земледѣлія получилось то, что крестьянинъ не можетъ прокормить себя собственными произведеніями и принужденъ покупать хлѣбъ на сторонѣ. Количество недостающаго хлѣба въ осмотрѣнныхъ г. Заволжскимъ волостяхъ сѣверной части вятской губерніи простирается до 117,537 пудовъ“.

„На сѣверѣ никакихъ ремеслъ не существуетъ. Не производя достаточно хлѣба для собственнаго потребленія, за незнаніемъ ремеслъ, которыя-бы давали ему заработокъ дома, сѣверный крестьянинъ долженъ искать какихъ-либо заработковъ внѣ дома. На сѣверѣ развелись такъ-называемые отхожіе промыслы, бурлачество, выработка и сплавъ лѣса, извозничество, дранье бересты, коры. Всѣ эти промыслы занимаютъ громадное количество рукъ и, повидимому, даютъ нѣкоторую выгоду. Общій заработокъ отъ всѣхъ этихъ промысловъ простирается выше полумиліона руб. сер. Но эта выгодность только кажущаяся“.

Далѣе г. Заволжскій говоритъ, что вслѣдствіе огромныхъ дефицитовъ крестьяне задолжались по кассѣ, хлѣбозапаснымъ магазинамъ и продовольственному капиталу, и оказались несостоятельными въ платежѣ податей. Онъ указываетъ на то, что эти недоимки не уменьшаются, а съ каждымъ годомъ возвышаются. Мало того, обремененные долгами крестьяне удовлетворяютъ своимъ личнымъ потребностямъ самымъ плачевнымъ образомъ. При долгахъ они еще голодаютъ—ѣдятъ хлѣбъ съ мякиной. Затѣмъ г. Заволжскій, обрисовавъ картину быта самаго мрачнаго харак-

тера, продолжаетъ: „Указываемое нами, много лѣтъ продолжавшееся недоѣданіе, сопровождаемое постоянными заботами о насущномъ кускѣ хлѣба, не могло не оказать своего могучаго вліянія на физическій и умственный складъ населенія сѣверныхъ волостей“. „Бѣда мякиннаго хлѣба и другихъ неудобоваримыхъ суррогатовъ повліяла на органическое развитіе населенія; это вліяніе особенно замѣтно на жителяхъ слободскихъ волостей. Жителя сѣверной части слободскаго уѣзда легко отличить отъ жителя слободскаго-же уѣзда, но только южной его части. Хилое, недоразвитое сложеніе ясно показываетъ его сѣверное происхожденіе. Общій видъ его такой: лицо истомленное, глаза тусклые и впалые, волоса рѣдкіе, а также мускулы слабые и дряблые. Въ прошлый рекрутскій наборъ было замѣчено, что жители сѣвера слободскаго уѣзда уступаютъ ростомъ жителямъ слободскаго уѣзда болѣе южныхъ волостей на 2 и 1 1/2 вершка. Такимъ образомъ, они физически совершенно вырождаются“. Это обстоятельство понятно, если взять во вниманіе жизнь бѣднаго населенія, окруженнаго неблагоприятными почвенными и климатическими условіями и почти незнающаго, что такое мясо. Далѣе, въ самомъ первомъ питаніи младенца у груди матери, когда дается основа быстро развивающемуся въ это время организму, уже кладется начало заболѣванію, потому что плохо питающаяся мать не можетъ имѣть достаточно молока. Часто поэтому дѣтей и совсѣмъ не кормятъ молокомъ, замѣняя послѣднее жвачкой изъ кислаго мякиннаго хлѣба. „Смертность въ этихъ волостяхъ весьма высока, — среднимъ числомъ умираетъ 1 изъ 21. Смертность, особенно большая между дѣтьми до 5 лѣтъ, доходитъ до 60 и даже до 67% по отношенію къ общему числу умирающихъ, между тѣмъ какъ въ Германіи и Англіи она неидетъ дальше 1/3 общаго числа умирающихъ или 33%“ (С. с., стр. 81).

Все это изложено въ отчетѣ вятскому земству о бытѣ всего сѣвера вятскаго края г. Заволжскимъ. Во время нашего кругосвѣтнаго путешествія по вятской губерніи мы лично убѣдились, что губернія эта далеко не процвѣтаетъ въ экономическомъ отношеніи и бѣдное населеніе ея нуждается во многомъ. Проѣхавъ трое сутокъ по разнымъ дорогамъ, мы очутились ночью, въ 11 часовъ, въ волости на большой дорогѣ. Домъ большой, каменный. Грязь классическая. Страшно проголодавшись и имѣя съ

собой хлѣбъ, чай, сахаръ, ложечку, ми попросили лишь самоваръ, который съ трудомъ добыли отъ писаря, чайникъ безъ носа и безъ ручки, небольшой, невообразимо грязный стаканчикъ, изъ котораго пьютъ водку, и мужичекъ вынулъ изъ-за пазухи синюю тряпку, предлагая ея вытереть стаканъ... Такъ далеко шагнула тамъ культура! И не въ одной вятской губерніи, — то-же повторяется и въ другихъ мѣстахъ.

Однажды намъ пришлось испытать странное ощущеніе. Въ іюнѣ прошлаго года было экстренное земское собраніе въ городѣ Глазовѣ, вятской губерніи. Я былъ приглашенъ туда экспертомъ по вопросу о постройкѣ новой больницы. Двѣ трети этого собранія состояли изъ мужиковъ, а одна треть — такъ-называемая интеллигенція. Интеллигенція выработала проектъ постройки весьма роскошной больницы. Считая эту больницу неудовлетворительной даже съ теоретической точки зрѣнія, мы объявили, что считаемъ ее ненужной, слишкомъ дорогой съ экономической стороны. Земское собраніе, т. е. мужики, отвергли проектъ. По окончаніи засѣданія нѣсколько мужичковъ подошли ко мнѣ, пожали мнѣ руку и поблагодарили за то, что я ихъ спасъ отъ совершенно излишней затраты. „Вы не повѣрите, говорили они мнѣ, — съ какимъ страхомъ и трепетомъ ѣдемъ мы на это земское собраніе. Соберутся и читаютъ какую-то бумагу; мы — народъ темный, ничего не понимаемъ; вдругъ закричатъ: согласные встаньте, а несогласные сидите. Сдуру встанешь, а это тамъ, того и гляди, тысячи три опять стянули. Приѣдешь назадъ въ село — односельчане тебя и зачнутъ ругать, што опять, поди, набавили налога копеекъ тридцать, — чтобъ вамъ нусто было! Просто дрожишь отъ страха!“ Такова оборотная сторона и закулисная сцена хвастливыхъ разглагольствованій земскихъ краснобаевъ о неудержимомъ прогрессѣ, о которомъ такъ спѣшать оповѣстить столичные органы печати мѣстные интеллигентные корреспонденты.

Положа руку на сердце, мы не можемъ ни обвинить, ни упрекнуть земство въ томъ, что оно транжиритъ земскія деньги на бесполезныя затѣи, неприносящія народу непосредственной пользы. Въ этомъ прежде всего виноваты врачи. Чуть появится въ литературѣ какая-нибудь новинка — и врачи наперерывъ спѣшаютъ навязать своему земству нововведеніе, не обращая никакого вниманія ни на экономическое состояніе народонаселенія, ни на сто-

имость этихъ новшествъ. Вотъ Петербургъ устроилъ у себя рождественскіе бараки—и земство, хоть лопни, давай всѣмъ врачамъ бараки. Мы постараемся доказать полнѣйшую несостоятельность баракманіи нашихъ земскихъ врачей. Прежде всего просимъ не запугивать насъ авторитетами. Во-первыхъ, мы всякіе авторитеты закидаемъ отвѣтами авторитетными—же, во-вторыхъ, для насъ авторитетомъ можетъ служить не имя, хоть будь оно семи пядей во лбу, а факты, провѣренныя наукой.

Всякая больница непремѣнно должна удовлетворять двумъ требованіямъ: 1) вылечить больного и 2) ускорить выздоровленіе, т. е. сократить по-возможности больше число больныхъ дней. Эти двѣ цѣли, что тамъ ни говори врачи, могутъ и должны быть достигнуты сколько искуснымъ леченіемъ, столько-же правильной гигиенической обстановкой больного! Профессоръ Бушарди, около 40 лѣтъ состоящій врачомъ при госпиталѣ, излагая свое ученіе о гигиенѣ больницъ и госпиталей, говоритъ: „Чтобы достигнуть точнаго и научнаго разрѣшенія вопросовъ, касающихся гигиены больницъ, необходимо тщательно избѣгать предвзятыхъ сужденій, какъ это очень часто случается. Напротивъ того, необходимо основывать свои сужденія на строгихъ изслѣдованіяхъ, необходимо изучить этиологию, освѣщенную статистикой, разумно истолкованной. О деревѣ судятъ по его плодамъ, а о хорошемъ состояніи больницъ судятъ по числу выздоровѣвшихъ. Для насъ основой хорошаго состоянія госпиталя служитъ сравнительная цифра смертности“.—Таково мнѣніе громкаго авторитета въ наукѣ. Побудительной причиной возникновенія бараконъ и другихъ новѣйшихъ видоизмѣненій больницъ и послужила самая жестокая смертность въ прежнихъ госпиталяхъ и больницахъ. Что-же, много-ли мы выиграли рождественскими бараками въ Петербургѣ? Ровно ничего. Это мы сейчасъ докажемъ отчетомъ доктора Бертенсона, представленнымъ имъ управленію комитета за 1872—1873 годы. Но прежде посмотримъ, кто лечится въ нашихъ уѣздныхъ больницахъ и какаѣ тамъ у насъ смертность при самыхъ, такъ-сказать, неблагоприятныхъ условіяхъ. Въ городскихъ уѣздныхъ земскихъ больничкахъ обыкновенно лѣтомъ бываетъ очень мало больныхъ,—почти на половину противъ того, что онѣ могутъ вмѣстить въ себя. На зиму сюда стекаются старыя, безпріютныя, бездомныя, безсемейныя отставныя солдаты, сосланные

et tutti quanti, которыхъ просто некуда дѣться; затѣмъ треть больницы всегда занята мнимо-больными арестантами. Очень и очень рѣдко случается, чтобъ въ такихъ больницахъ лежало по нѣсколькѣ человѣкъ горячечныхъ, тифозныхъ или вообще съ острыми болѣзнями, большею-же частію населеніе уѣздныхъ больничекъ составляютъ хроническіе пациенты. И смертность въ нашихъ больницахъ, при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ, обыкновенно держится около 4°/_o, поднимается до 5, рѣдко до 6; даже въ губернскихъ земскихъ больницахъ, при скопленіи больныхъ въ числѣ 300, 400 и 500, смертность иногда доходитъ до 9 и 10°/_o. Возьмемъ заграницей и наудачу отчетъ о санитарномъ состояніи Баваріи. Генеральный отчетъ о санитарномъ состояніи Баваріи за 1873 годъ говоритъ: „Общее число больныхъ, пользовавшихся въ больницахъ и госпиталяхъ Баваріи за 1870, 1871 и 1872 годы, составляло 76,591, 76,593 и 79,475; процентъ смертности равнялся 4,38, 5,14 и 4,92^o/_o“ (см. Deutsche Vierteljaresschrift für öffentliche Gesundheitspflege. Sechster Band, Viertes Heft, S. 627). — Г. Бертенсонъ на-столько добръ и откровененъ, что сознается въ совершенной бесполезности бараковъ для хроническихъ больныхъ. Онъ въ своемъ отчетѣ говоритъ, что „въ отношеніи-же хроническихъ больныхъ баракъ, само собою разумѣется (?), не могли оказать никакого вліянія ни на теченіе, ни на исходъ ихъ, и что общій процентъ смертности отъ хроническихъ болѣзней равенъ 15,74“ (См. отчетъ 1874 г. Введеніе, стр. X). Это ужасъ, что такое!

Устройство бараковъ было вызвано главнымъ образомъ потому, что самое величайшее зло, возникающее въ больницахъ при скопленіи больныхъ, заключается въ накопленіи вредныхъ газовъ и другихъ зараженій, называемыхъ миазмами, а какъ баракъ имѣютъ подвижную крышу, называемую фрашугами, то очень легко и удобно быстро обмѣнивать воздухъ, — словомъ, совершать моментально самую лучшую вентиляцію. По этому поводу Бушарди говоритъ: „Много надѣялись на вентиляцію, чтобы предупредить зло, возникающее вслѣдствіе накопленія больныхъ, и эти надежды имѣли свое основаніе, потому что всѣ госпитальныя болѣзни считались порожденіемъ миазмовъ, вдѣляемыхъ самими больными и передаваемыхъ чрезъ посредство воздуха. Я самъ, говоритъ Бушарди, — горячо раздѣлялъ это мнѣніе, пока не посмотрѣлъ на предметъ

нѣсколько глубже. Но результаты не оправдали ожиданій... Во многихъ парижскихъ госпиталяхъ были введены самыя сложныя вентиляціонныя аппараты. И вотъ если сравнить таблицы смертности вентилируемыхъ госпиталей, какъ Ларобуазьеръ, Неккеръ, Божонъ, съ таблицами смертности невентилируемыхъ госпиталей, лишенныхъ всякой вентиляціи, то вы увидите, что превосходство и преимущество на сторонѣ послѣднихъ и, что еще поразительнѣе, какъ - разъ въ отдѣленіяхъ хирургическомъ и родильномъ*.

Такое явленіе невольно наводитъ на размышленіе. Откуда-же, въ самомъ дѣлѣ, такая смертность въ рождественскихъ баракахъ, въ которыхъ воздушная масса сквозь крышу такъ и льется на больныхъ? „Тщательныя сорокалѣтнія изысканія привели меня, говоритъ Бушарди, — къ тому заключенію, что чрезвычайная смертность въ родильныхъ и хирургическихъ отдѣленіяхъ вентилируемыхъ госпиталей зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что родильная горячка и гнойное зараженіе распространяются непосредственно передачей, прививкой (inoculation), а не чрезъ посредство воздуха*. Нельзя сказать, чтобы рождественскіе бараки, при всей своей ерундливой вентиляціи, были свободны отъ этихъ осложненій. Такъ говоритъ отчетъ: „д) Втеченіи перваго отчетнаго года на больныхъ, пользовавшихся отъ ранъ, въ числѣ 34, наблюдались рожиствыя воспаленія головы и лица 4 случая и дифтерита 3 случая“. Въ 3 изъ 34 случаевъ, 20% — это крупно. Правда, въ слѣдующемъ году не было ни одного случая. Что-же изъ этого? Вѣдь это въ любой плохой больницѣ бываетъ годами — то вдругъ разныя заразы, то ихъ вовсе нѣтъ. Не ошибается-ли г. Бертенсонъ, приписывая это измѣнчивое явленіе своимъ излюбленнымъ фрашугамъ? „Что касается бараконъ, говоритъ Бушарди, — то они представляютъ то неудобство, что въ нихъ трудно защищаться зимой отъ холода. Какъ-бы то ни было, барачныя лазареты могутъ быть пригодны для армій и въ большихъ городахъ во время эпидемій“. Что скажутъ на все это наши бараконилы? Гдѣ факты, говорящіе въ ихъ пользу? Чѣмъ они могутъ оправдать ту страшную смертность въ своихъ хваленыхъ баракахъ, предъ которой блѣднѣютъ даже коньки, сидящіе на крышахъ? У нихъ умираетъ 15 человекъ на сто — цифра, какой нѣтъ ни въ одной провинціальной больницѣ, и они осмѣливаются

навязывать эту роскошь нашему бѣдному земству, да еще гдѣ — на всемъ сѣверовостокахъ Россіи! Добросовѣстно-ли это?

Приведемъ еще мнѣніе другого человѣка, здраво и безпристрастно относящагося къ дѣлу. По поводу бараконъ Эрисманъ говоритъ слѣдующее: „Возможно-ли леченіе больныхъ въ баракахъ на дальнемъ сѣверѣ во время зимы — а ргіогі рѣшить нельзя, это дѣло опыта. Во всякомъ случаѣ, бараки, которые должны противостать сѣверной зимѣ и не приносить больнымъ вреда, должны быть построены совершенно иначе, чѣмъ бараки, употреблявшіеся до сихъ поръ въ болѣе умѣренныхъ климатахъ: вентиляція чрезъ крышу, которою именно отличаются бараки отъ простыхъ павильоновъ, должна будетъ уступить мѣсто вентиляціи помощію другихъ средствъ. Вообще можно сказать, что баракъ, напр., въ С.-Петербургѣ долженъ быть построенъ такимъ образомъ, чтобы онъ немного отличался отъ настоящаго павильона, построеннаго по павильонной системѣ. Конечно, на короткіе лѣтніе мѣсяцы могутъ употребляться и на сѣверѣ легко построенные бараки и палатки“. Далѣе Эрисманъ высказывается еще опредѣленнѣе: „Если-бы былъ поставленъ вопросъ, вытѣснить-ли когда-либо барачная система другія системы госпитальныхъ построекъ, то на него можно смѣло отвѣтить: нѣтъ; во-первыхъ, число больныхъ, годныхъ для помѣщенія въ бараки, сравнительно незначительно; напримѣръ, по всей вѣроятности, одержимые ревматизмами, воспалениями грудныхъ органовъ, старики, обыкновенно весьма чувствительные къ переѣнамъ температуры (замѣтите, такими больными какъ-разъ переполнены цѣлый годъ всѣ наши провинціальныя больницы), скорѣй найдутъ излеченіе въ цѣлесообразныхъ палатахъ болѣе солидныхъ строеній, чѣмъ въ баракахъ, напр. въ каменныхъ павильонахъ безъ такой сильной вентиляціи, какая существуетъ въ баракахъ“ (См. его Руководство, стр. 87, 88 и друг.).

Но температура рождественскихъ бараконъ вовсе не соотвѣтствуетъ этимъ разумнымъ требованіямъ гігіены. Въ нашихъ провинціальныхъ больницахъ, при температурѣ въ 15 и даже въ 16 градусонъ, больные обыкновенно жалуются, что имъ холодно, тщательно закрываютъ форточки, кутаются и жмутся у печки. Доведите въ нашихъ провинціальныхъ больницахъ температуру до 12 или, чего Боже унаси, до 11 градусонъ — и большинство

больныхъ разбѣжится, а остальные перемрутъ. Такъ, вѣроятно, и поступаютъ въ рождественскихъ баракахъ. Отчетъ больныхъ гласитъ: „Изъ наблюдений простирается, что средняя температура въ баракахъ втеченіи декабря 1872 года была: въ № 1—12,67 Реомюра; въ № 2—11,92 R.; въ № 3—12,2 R. Въ январь 1873 года: въ № 1—13,10; въ № 2—12,5; въ № 3—12,37⁰/о. Въ февралѣ: въ баракѣ въ № 1—12,53; въ № 2—11,86, въ № 3—12,30“. И это было тогда, когда внѣшняя температура Петербурга не была особенно низка. „Что касается наблюдений температуры во 2-й половинѣ 1873 года (съ 15 октября по 1 января 1874 года), то въ ноябрѣ было лишь два холодныхъ дня, 8-го и 9-го (—15 и —17° R.), потомъ наступила оттепель (26-го при +3° R. дождь), а затѣмъ въ декабрѣ температура—14° R. держалась до того лишь два дня“ (13 и 16°). Такъ вотъ, значитъ, при какихъ-нибудь 14, 15 и рѣдко 17° холода внѣшняго воздуха внутри бараконъ температура доходила до 11° тепла. Что-же было-бы на нашемъ сѣверѣ, при морозахъ въ 35 и даже 40°, что было-бы съ бараками при нашихъ вьюгахъ, метеляхъ и сибирскихъ пургахъ? Да гдѣ-же голова у нашихъ бараконилонъ? Читали-ли они этотъ отчетъ, а если читали, то неужели они такъ слѣпы? Не этимъ-ли холодомъ объясняется та страшная смертность въ 15 процентовъ на сто, которыми такъ гордится рождественская больница? Уму нецостижимо, до какихъ несообразностей мы доходимъ въ своихъ медико-санитарныхъ увлеченіяхъ! Но если-бы вы знали, во что обошлось земству наше увлеченіе бараками, вамъ-бы стало грустно. Отчетъ г. Бертенсона на страницѣ V введенія говоритъ: „Если теперь уже, не далѣе двухъ лѣтъ со времени сооруженія нашихъ бараконъ, Калуга и Рига могутъ не безъ гордости указать на образцовые госпитали свои, вновь построенные ими *по барачной системѣ*...“ Позвольте. Въ Ригѣ устроены, дѣйствительно, образцовые бараки, но вы забыли указать на то, что эти бараки снабжены двойной системой отопленія и вентиляціи, т. е., закрывъ фрашуги, каждый баракъ обладаетъ весьма дорогой системой отопленія и вентиляціи, какой ни въ какихъ рождественскихъ баракахъ не нѣтсся. Во-первыхъ, это страшно дорого стоитъ, а во-вторыхъ, отчетъ объ этомъ счелъ нужнымъ умолчать. Что до Калуги, то намъ передавали, что тамъ всего два барака при больницѣ, но фра-

шуги въ нихъ никогда не раскрываются зимой изъ опасенія холода. Добросовѣстно-ли такъ вводить въ обманъ публику и земство?

Все нами вышеприведенное даетъ намъ полнѣйшее право утверждать, что земству вовсе не нужно тратиться на постройку разныхъ великолѣпныхъ и роскошныхъ дворцовъ, больницъ въ родѣ рождественскихъ бараковъ и тому подобнаго; что ему не слѣдуетъ заводить всякія павильоно-коридорныя украшенія въ уѣздныхъ городахъ. Ужь если нужна больница (а это вопросъ далеко нерѣшенный, какъ сейчасъ увидимъ), то для мужика достаточно простая изба, безъ всякихъ финтифлюшекъ. Было-бы въ ней тепло, сытно и чисто. Для очистки воздуха и совѣсги совершенно достаточно простой каминъ. Взглянемъ на этотъ вопросъ съ европейской точки зрѣнія современной гуманности и безпристрастія. Больше всего больничное дѣло развито, конечно, во Франціи. Тамъ существуетъ всякихъ hospices et hôpitaux 1,557. Тамъ не жалѣли никакихъ средствъ на постройку больницъ; тамъ какая-нибудь Hospice de Marle, построенная самымъ экономическимъ образомъ, въ Лионѣ, стоила 40 тысячъ рублей, и всего на 50 больницъ; тамъ ежегодныя издержки простираются до 18 тысячъ франковъ и содержаніе каждой кровати обходится до 400 франковъ. И что-же? Во Франціи пришли къ тому убѣжденію, что больницы не только не приносятъ никакой пользы, а скорѣе вредъ. „Отвращеніе, питаемое народомъ къ больницамъ, говоритъ общій сѣвздъ врачей Франціи, — имѣетъ основательные мотивы“. „У дверей больницы, говоритъ Шевалье, — разставаясь съ свободою, больной разстается и съ своей индивидуальной личностію, обращается тотчасъ въ одинъ изъ больничныхъ номеровъ. Хотя его окружаютъ вниманіемъ свѣдущихъ фельдшеровъ и сидѣлокъ, но это вниманіе служебное, официальное и потому холодное. А нерѣдко для исцѣленія ему нуженъ не столько специально-свѣдущій уходъ, сколько теплая забота близкихъ ему людей, хотя и въ бѣдномъ и неудобномъ, но въ собственномъ его частномъ помѣщеніи“. Шевалье заключаетъ такъ: „если-бы большіе госпитали не существовали, то надо-бы счесть злодѣяніемъ поступокъ того, кто задумалъ-бы изобрѣтать ихъ теперь“.

„Съ особенною силою развивало эту-же мысль бордосское об-

щество врачей въ 1867 году, по поводу общаго съезда французскихъ врачей“. Нѣкто г. Реми выступилъ самымъ яркимъ защитникомъ системы кантональныхъ госпиталей. „Доказывая, что леченіе не только бѣдныхъ, но и вообще крестьянъ на дому совершенно невозможно по неудобству ихъ жилищъ, отсутствію чистоты и всякаго рода приспособленій, необходимыхъ для леченія, Реми старался разъяснить, что всѣ нападенія, дѣлаемыя на систему госпиталей, могутъ быть признаны справедливыми только по отношенію къ большимъ городскимъ больницамъ, дѣйствительно способнымъ доставлять смерть вмѣсто излеченія, но эти нападенія совершенно безсильны по отношенію къ больницамъ, которыя могутъ быть устроены въ каждомъ кантонѣ, ввѣрены двумъ или тремъ сестрамъ милосердія и открыты для всѣхъ врачей кантона; это будутъ пріюты, способные бѣдному доставить излеченіе и замѣнить его неопратную и невозможную при болѣзни квартиру помѣщеніемъ, вполне соответствующимъ современнымъ требованіямъ гигиены“. Оказывается, что это громкая фраза, которою, можетъ быть, поддѣнешь наше земство, но никакъ не ученое общество французскихъ врачей.

„Эти положенія бордосское общество опровергаетъ прежде всего данными практической жизни. Такіе кантональные госпитали существуютъ уже во многихъ мѣстахъ Франціи, но бѣдныя, несмотря на обѣщаемое докторомъ Реми блаженство, предпочитаютъ лечиться въ своихъ грязныхъ и неудобныхъ жилищахъ. И, по мнѣнію бордосскаго общества, бѣдняки поступаютъ въ этомъ случаѣ довольно основательно. Во-первыхъ, кажушаяся грязною и неудобною хижина бѣдняка въ дѣйствительности въ гигиеническомъ отношеніи можетъ посперничать съ условіями госпиталя даже и теперь и, несомнѣнно, впоследствии, если санитарное дѣло въ селахъ будетъ поставлено надлежащимъ образомъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ только медицинская помощь не можетъ быть доставлена по причинамъ неудобства жилища. Во-вторыхъ, оставаясь въ этой грязной и неудобной квартирѣ, больной остается на свободѣ, при привычной ему обстановкѣ, среди заботъ и ухода близкихъ ему людей, чему онъ справедливо даетъ большую цѣну. Въ-третьихъ, хорошее, если и не идеальное устройство кантональной больницы стоитъ весьма дорого. Бордосское общество приходитъ къ выводу, что госпитали могутъ и должны существовать только какъ

пополненіе системы леченія на дому, какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ, леченіе которыхъ оказалось на дому невозможнымъ. Но для этой цѣли, по мнѣнію общества, маленькіе кантональные госпитали не годятся: тутъ нельзя совокупить врачей по всѣмъ спеціальностямъ, нельзя имѣть всѣхъ приспособленій; этого могутъ достигать только хорошо устроенные клиническіе госпитали, куда подобныя больные и должны быть перевозимы“ (См. „Здоровье“, № 3, стр. 49). Итакъ, одни говорятъ, что маленькіе госпитали и больницы никуда негодны, другіе утверждаютъ, что большіе госпитали приносятъ смерть, а не излеченіе. Повидимому, оба правы. Вотъ почему „мотивы, представленныя медицинскими обществами, оказались столь сильными, что парламентская комісія, предложившая эти вопросы, признаетъ доказанною необходимость медицинской помощи бѣднымъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, основанную на системѣ леченія на дому“ (см. „Здоровье“, № 3, стр. 50).

Совершенно иначе отнеслись къ этому вопросу наши провинціальныя сѣзды врачей. Прежде врачи разъѣзжали по своимъ участкамъ, осматривали многихъ больныхъ на мѣстѣ, на дому, раздавали лекарства, отыскивали нуждающихся въ медицинской помощи, болѣе серьезныхъ больныхъ уговаривали отправиться въ больницы, если болѣзнь ихъ требовала оперативнаго или болѣе продолжительнаго леченія. Затѣмъ они нашли этотъ способъ леченія неудобнымъ, невыгоднымъ, прежде всего для себя, и потребовали отъ земства устройства постоянныхъ больницъ, при которыхъ врачи жили бы безотлучно и принимали бы больныхъ у себя на дому. Но едва ли можно считать этотъ способъ болѣе рациональнымъ. Во-первыхъ, не всякій больной можетъ отправиться къ врачу за совѣтомъ; еще меньше больной крестьянинъ располагаетъ на-столько средствами, чтобы посѣтить врача два, три раза, а отъ однократнаго посѣщенія врача пользы и толку трудно ожидать. Самое же главное заключается въ томъ, что къ врачу является цѣлая сотня больныхъ, втеченіе же года нѣсколько тысячъ, чѣмъ неоднократно хвастали врачи, но это доказываетъ только то, что врачи не могутъ отнестись серьезно къ такому множеству больныхъ, вынуждены совершать свой осмотръ весьма поверхностно, скорехонько, даютъ совѣтъ самый крохотный, и въ результатъ получается... едва ли что получается

въ результатѣ. Та и другая системы оказываются одинаково бесполезными, безцѣльными, одной тратой времени и средствъ.

Затѣмъ собирается съѣздъ, богъ-вѣсть съ какой цѣлью. Никто не приготовитъ и не привезетъ никакого матеріала и нѣтъ ни малѣйшаго желанія къ разъясненію возникающихъ вопросовъ, а потому съѣзды, на-сколько намъ пришлось на нихъ секретарствовать, по нашему крайнему убѣжденію, не принесли и не приносятъ ровно никакой пользы. Они до сихъ поръ не разрѣшили ни одного вопроса, не облегчили ни одного народнаго бѣдствія, не помогли ни одному народному страданію. Они стоятъ большихъ денегъ земству и на-столько *обрусьли*, что пора хоть на-время остановиться восторгами и отложить до болѣе благоприятныхъ моментовъ ихъ настоящее призваніе и значеніе. Предоставимъ это мудреное дѣло нѣмцамъ. Нѣмцы у насъ открыли даже общинное землевладѣніе, а мы, легко сказать, вздумали взяться за изученіе причинъ болѣзней! Чего захотѣли! Это за насъ сдѣлаютъ другіе. Европа объ этомъ хлопочетъ. Она изучитъ причины, происхожденіе и возникновеніе повальныхъ эпидемій, отыщетъ средства предупреждать ихъ и устранять и пришлетъ намъ все это съ полной готовностью. Достаточно съ насъ будетъ, если мы съумѣемъ только примѣнить европейскую науку къ нашему быту, а мы... вотъ еще... полноте обольщаться несбыточными мечтами! Прочтите отчеты нѣсколькихъ съѣздовъ — и вы убѣдитесь въ полнѣйшей ихъ безсодержательности. Пишущему эти строки досконально извѣстна вся закулисная обстановка съѣздовъ и вся *mise en scene* ихъ, чтобъ съ полнымъ правомъ утверждать, что они оказались въ большинствѣ случаевъ весьма несостоятельными. Теперь они просто стали канцелярской формальностью безъ всякаго существеннаго значенія для земско-медицинскаго дѣла. Между тѣмъ земство на нихъ тратится, а потому если кому жалко земскихъ денегъ, особенно при теперешнемъ безденежьѣ, то лучше употребить ихъ на что-нибудь другое, болѣе полезное и существенное.

II.

Земство, учреждая съѣзды, имѣло въ виду дѣйствительно благоую цѣль; оно очень скоро убѣдилось, что масса врачей, фельд-

перовъ и бабокъ не оказываетъ никакого вліянія на улучшение здоровья народа, а тутъ ему напѣваютъ, что есть-де средства и пути предупредить болѣзни. Что это исполнѣ возможно и осуществимо—это наше глубокое, несомнѣнное, всей нашей жизни убѣжденіе. Что это уже осуществилось, напр., въ Англіи—это также несомнѣнно. Но вѣдь Вятка и Самара — не Англія, и мы сейчасъ покажемъ разницу. Вятскій край, да и вообще весь сѣверовостокъ Россіи, обитаемъ славянскимъ племенемъ чуть не цѣлое тысячелѣтіе. Онъ почти не зналъ крѣпостного права. Тѣмъ не менѣе вятскій край не выработалъ за все время своего историческаго существованія ничего самобытнаго, не создалъ ничего оригинальнаго ни въ культурѣ, ни въ цивилизаціи,—такъ трудно, такъ тягостна была борьба сѣвернаго человека съ окружающей природой за свое убогое существованіе. Вся жизнь, весь трудъ всего здѣшняго населенія за цѣлые вѣка— все ушло на эту тяжкую борьбу. Край этотъ, просуществовавшій почти тысячелѣтіе, въ невѣроятной пропорціи остался сельскимъ жителемъ. Я проѣхалъ по вятской губерніи полторы тысячи верстъ сухимъ путемъ, не встрѣтивъ ни одного порядочнаго экипажа, ни одной тележки съ товаромъ, ни одного обоза, никого, кромѣ крестьянъ, вывозившихъ свой навозъ изъ села въ поле,—такъ ничтожно въ этой отдаленной и бѣдной губерніи передвиженіе двухъ съ половиной миліоновъ людей.

При такомъ отношеніи села къ городу трудно ожидать особеннаго развитія культуры и цивилизаціи. Исслѣдованія статистиковъ и экономистовъ привели къ тому убѣжденію, что тѣ государства обладаютъ наибольшей силой культуры и цивилизаціи, въ которыхъ на одного городского жителя приходится 2,4 поселянъ. Въ Бельгіи это отношеніе равняется 1:3,3. Въ Пруссіи на cadaго городского жителя приходится 6,6 поселянъ. Въ Англіи на одного городского жителя приходится 3,4 поселянъ. Въ европейской Россіи на cadaго городского жителя приходится 12 поселянъ, а въ какой-нибудь вятской губерніи приходится на cadaго городского жителя 36 поселянъ. Разница громадная, и могутъ пройти цѣлые вѣка прежде, чѣмъ культура и цивилизація успѣютъ уменьшить эту пропорцію хотя-бы на половину. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что понятія о городѣ и селѣ въ различныхъ мѣстахъ различны. Трудно

смѣшивать точное понятіе о городѣ, какое внушаетъ намъ Лондонъ или Парижъ, съ понятіемъ, возбуждаемымъ Глазовымъ или Малыжемъ. Стоитъ также сравнить великорусскія и сибирскія села съ вятскими починками, чтобъ убѣдиться, на-сколько отличны особенности одной культуры отъ другой, какъ разнообразны мѣстности Россіи.

Тѣмъ не менѣе мы далеки отъ того, чтобъ проповѣдывать апатію и полное бездѣлье. Напротивъ того, я представлю факты потрясающей важности, на которые я указывалъ и земству, и съѣзду врачей въ юлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1874 года, что, однакожь, прошло безслѣдно. Этотъ фактъ, однакожь, такого рода, что онъ не долженъ давать покоя земству, какъ представителю сельскихъ жизненныхъ интересовъ. Во всей Франціи, говоритъ Фонсагривъ (стр. 19), умираетъ 1 на 43,8 жителей. Но если мы обратимъ вниманіе на смертность въ городахъ и селахъ Франціи, то встрѣтимъ рѣзкую разницу. Такъ въ сенскомъ департаментѣ, то-есть въ Парижѣ, умираетъ 1 на 37,2 жителей, во всѣхъ городахъ Франціи вообще умираетъ 1 на 38,4 жителей, а изъ сельскаго населенія умираетъ 1 на 46,5 жителей. Такимъ образомъ, смертность въ городахъ Франціи почти на одну пятую больше, чѣмъ въ деревняхъ и селахъ. Старкъ, представившій сравнительныя изслѣдованія о смертности въ Шотландіи, говоритъ, что въ Шотландіи на 100 горожанъ умираетъ 2,71, а изъ 100 поселянъ лишь 1,69,—опять, значить, изъ сельскаго населенія умираетъ почти на половину меньше, чѣмъ въ городахъ. Какъ же дѣло обстоитъ въ Россіи? Совсѣмъ не такъ, какъ у народовъ высшей культуры. „Въ вятской губерніи за 1872 годъ (Отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ вятскаго губернскаго статистическаго комитета, стр. 37) умерло около 100,000 людей. На каждыя 100 жителей приходилось 4,13 смертныхъ случаевъ или на каждыя 24,2 одинъ умершій, а за пятилѣтіе, съ 1868 года по 1872, на 100 было среднимъ числомъ 4,23 смертныхъ случая или одинъ умершій на 23,6“. „Распредѣляя смертность по городамъ и уѣздамъ, оказывается, что она въ 1872 году была несравненно ниже въ городахъ, чѣмъ въ уѣздахъ, составляя въ первыхъ 3,7%, а въ послѣднихъ 4,15% числа жителей, или въ городахъ одинъ умершій приходился на 27,7, а въ уѣздахъ одинъ на 24,1 челов. За пятилѣтіе-же, съ 1868 по 1872 г., распре-

дѣленіе смертности по городамъ лишь немногимъ превышаетъ смертность въ уѣздахъ. Смертность въ городахъ за это пятилѣтіе была 4,5, а въ уѣздахъ 4,2, — почти одинакова; явленіе это діаметрально противоположно западной Европѣ. И это явленіе не въ одной только вятской губерніи, но повторяется съ замѣчательнымъ постоянствомъ почти на всемъ сѣверо-востоку Россіи, въ самарской губерніи и даже, не въ обиду будь это сказано, въ московской губерніи. Совершается-ли то-же самое въ остальной Россіи — утверждать не беремся, за неизвѣніемъ подъ рукою изслѣдованій по этому вопросу. Но явленіе это, казалось-бы, безъ всякихъ комментариевъ указываетъ, куда должны быть направлены дѣятельность и санитарныя заботы земства и врачей. Подумайте еще разъ: въ то время, какъ на западѣ Европы смертность въ городахъ больше, а въ селахъ меньше, почти во всей сѣверо-восточной Россіи смертность въ селахъ больше, чѣмъ въ городахъ. Куда, значить, должны мы спѣшить на помощь?!

Посмотримъ въ немногихъ словахъ на санитарное состояніе нашихъ городовъ и сель и подумаемъ, что тутъ можно сдѣлать и можно-ли помочь горю. Наудачу возьмемъ городъ Котельничъ. Сей нарочито-великій городъ расположенъ въ оврагѣ на берегу рѣки Вятки, при сліяніи разныхъ рѣчекъ. Хотя въ городѣ ни запрудъ, ни мельницъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе во время весенняго разлива рѣкъ каждая изъ городскихъ рѣчекъ содержитъ, сообразно болѣе пологому руслу, стоячую, грязную воду съ различнаго рода нечистотами. По спадѣ водъ, осѣвшія органическія частицы почти по длинѣ всего города предаются *гниенію*. Грязь городская остается почти неприкосновенною въ городѣ, а соръ сталеживается въ овраги. Жилища большею частію деревянные; они большею частію сырныя и рѣдкія изъ нихъ удовлетворяютъ элементарнымъ гигиеническимъ требованіямъ. Городъ Котельничъ до того невеликъ, что въ немъ считается всего три улицы; значительная часть его занята огромнымъ Гостиннымъ дворомъ. Но грязь несравненно больше самаго города, и по главной улицѣ, едва проходимою по обилію грязи, изъ гостиннодворскихъ лавокъ торчатъ на виду самыя непривлекательныя вещи, какъ-то: деготь, сухая вонючая рыба, гвозди и всякая дрянь. Вся площадь покрыта соромъ. Выше города, по теченію рѣки, въ

полуверстѣ отъ города, находится винокуренный заводъ, изъ-подъ котораго всѣ нечистоты и барда стекаютъ въ рѣку Вятку, а оттуда полой водой заносятся въ городскія рѣченки. Заводъ, кромѣ того, откашливаетъ ежегодно 600 лошадей бардой и всѣ экскременты лошадей и весь сокъ изъ-подъ навоза доставляются въ городъ и, смѣшавшись съ водой рѣчекъ и съ водой рѣки Вятки, изъ которой всѣ жители города пьютъ воду, конечно, потребляются жителями. Нужно-ли тутъ удивляться господству тифовъ, лихорадокъ, кровавыхъ поносовъ и другихъ болѣзней? Кажется, дѣло это ясно и не требуетъ никакихъ объясненій. Возьмемъ городъ Слободской, очень хорошенекій городокъ, довольно богато обстроенный, на берегу той-же рѣки Вятки. Но онъ весь переполненъ грязью и соромъ и едва-ли когда чистится. Я осмотрѣлъ въ этомъ городѣ всѣ общественныя учрежденія, то-есть больницу, тюрьму, арестантскую, школы и нѣкоторыя частныя заводы, и долженъ сказать, что ни одно изъ этихъ заведеній не удовлетворяетъ самымъ простымъ требованіямъ гигиены. А казалось-бы, что такой богатый и претендательный городокъ, какъ Слободской, гордый своей торговлей и сношеніями съ Англійей, могъ-бы обставить свои общественныя учрежденія нѣсколько гигиеничнѣе (см. мои отчеты въ протоколахъ 1-го сѣзда врачей вятской губер.). Всѣ почти города вятской губерніи лежатъ на берегу рѣки Вятки, обыкновенно на высокомъ берегу, и такъ счастливо расположены, что могутъ устроиться очень удовлетворительно въ санитарномъ отношеніи.

Вятскія села на самомъ дѣлѣ очень однообразны. Это рядъ бревенчатыхъ избъ съ весьма узкими дорожками, именуемыми улицами. Каждая изба находится подъ одной крышей вмѣстѣ съ службами. Въѣзжая въ ворота, у васъ съ одной стороны жилая изба, съ другой—амбары, нѣсколько дальше—помѣщеніе для скота, для лошадей и коровъ. Весь навозъ впродолженіи круглаго года остается тутъ-же. Къ нему присоединяется соръ изъ избы и выдѣленія ея жильцовъ. Тутъ-же нѣрѣдко и колодець, изъ котораго вода идетъ въ питье и на приготовленіе пищи. Разъ въ годъ вся эта грязь, весь навозъ, всѣ эти экскременты расковыриваются и вывозятся въ поле для удобренія. Это втеченіи іюня мѣсяца. Вонь при этомъ по всей вятской губерніи непроходимая, непрѣзжаемая, невыносимая. Отсюда мы дѣлаемъ самый

справедливый и вѣрный выводъ, что у населенія вятской губернии нѣтъ чистаго воздуха, нѣтъ чистой воды, и даже то, что даетъ ему скудная природа, остается въ пренебреженіи, — по крайней мѣрѣ, человѣкъ такъ неразумно распорядится своими силами, что природа дѣлается для него не матерью, а мачихой. Отсюда-же ясно, въ чемъ должны заключаться и санитарныя улучшенія какъ села, такъ, пожалуй, и города.

Двѣ теоріи теперь господствуютъ въ общественной гигиенѣ и обѣ спорятъ о причинахъ и происхожденіи эпидемическихъ и многихъ другихъ болѣзней. Одну можно назвать водяной; представители ея, преимущественно англичане, видятъ все зло въ испорченной водѣ. Другую можно назвать земляной или почвенной. Самый ярый представитель ея — Петтенкоферъ изъ Мюнхена. Онъ видитъ все зло въ почвѣ, то-есть опять-таки не въ почвѣ, а въ повышеніи и пониженіи почвенной воды. Та и другая теорія пока еще не могутъ претендовать на абсолютную вѣрность и безошибочность. Самъ Петтенкоферъ сознается, что обѣ теоріи представляютъ лишь факты, которые говорятъ о неизбѣжномъ совпаденіи случаевъ испорченной воды съ возникновеніемъ эпидемій или о совпаденіи пониженія и повышенія почвенной воды съ появленіемъ эпидемій. Такихъ фактовъ, которые-бы указывали на непосредственную логическую связь между причиной и слѣдствіемъ, — такихъ фактовъ, кажется, нѣтъ. Но скоро будутъ. Доктора Бланкъ, Шарль-Шелларенъ приводятъ несомнѣнные доказательства происхожденія холеры отъ испорченной воды; докторъ Северинъ Робинскій приводитъ такія-же несомнѣнные доказательства въ пользу происхожденія тифа отъ испорченной воды. Но есть и рѣзкія противорѣчія, съ которыми никакъ не согласишься, ничего не подѣлаешь. А между тѣмъ, на основаніи этихъ двухъ теорій, мы чортъ знаетъ что строимъ. Хотите, говоримъ мы, — уменьшить смертность на половину — вводите водопроводы. Водится водопроводъ — и тифъ преспокойно свирѣпствуетъ или, по меньшей мѣрѣ, господствуетъ, проявляется. Хотите, чтобъ никогда не было холеры, — вводите канализацію; водится канализація, а холера все-таки нѣтъ-нѣтъ да и заглянетъ. Но такъ-же несостоятельно и увѣреніе тѣхъ, которые видятъ все зло въ отсутствіи того матеріальнаго довольства, которое должно удовлетворять требованія человеческого организма. Ниже мы приве-

демъ иѣннѣ Петтенкофера и факты, на которые онъ ссылается, что и это предположеніе не выдерживаетъ строгой критики.

Поклонники водяной теоріи утверждаютъ, что примѣсь къ водѣ азотной кислоты непременно можетъ быть причиной какой-нибудь эпидеміи. Такъ Рейхъ нашелъ въ колодцахъ Берлина во время эпидеміи холеры присутствіе азотной кислоты; англійскіе врачи въ то-же время опредѣлили, что на каждый литръ воды было 2 грамма азотной кислоты во время эпидеміи холеры. Отсюда выводятъ, что есть какая-то связь между холерой и примѣсью азотной кислоты къ водѣ. Но вотъ Кречманъ описываетъ довольно тяжелую и гибельную эпидемію въ Магдебургѣ, гдѣ съ 12 іюля по 30 сентября 1873 года умерло 1,438 человекъ отъ холеры. Онъ утверждаетъ, что воды Магдебурга въ колодцахъ не отличались безукоризненной чистотой, но приводитъ въ то-же время факты, съ которыми трудно сладить. Онъ убѣдился тщательными изслѣдованіями, что холерные очаги возникали тамъ, гдѣ по анализу воды отличались наибольшей чистотой. Такое-же наблюденіе сдѣлалъ Вагнеръ въ Мюнхенѣ, гдѣ колодцы отличались болѣе чистой водой тогда, когда тифъ сильнѣе проявлялся, и, наоборотъ, тифъ рѣже проявлялся тогда, когда воды были менѣе всего чисты (см. *Deutsche Vierteljaresschrift für öffentliche Gesundheitspflege*, Sechster Band, Drilles Heft, S. 461).

Такого рода наблюденія невольно возбудили сомнѣніе у многихъ ученыхъ и заставили ихъ искать причины эпидемій въ чемъ-нибудь другомъ. „Хотя я лично убѣжденъ, говоритъ Петтенкоферъ,—что вода, употребляемая въ питье, не играетъ той роли въ происхожденіи болѣзней, каковую ей приписываетъ водяная теорія, однакожь, я вовсе не намѣренъ отвергать вліянія воды или считать этотъ вопросъ поконченнымъ и рѣшеннымъ, какъ въ смыслѣ поклонниковъ, такъ и въ смыслѣ противниковъ. Мое откровенное изложеніе должно прежде всего вести къ тому, чтобы разрѣшить противорѣчія тщательно провѣренными фактами и чтобы впредь, при представленіи доказательствъ, соблюдалось бы больше строгости и точности, чѣмъ до сихъ поръ. Я лишь хотѣлъ указать на тотъ крупный недостатокъ, который иѣшаетъ намъ добиться толькы и который состоитъ въ томъ, что мы причину происхожденія тифа разъ видимъ въ почвѣ, затѣмъ въ

другой разъ отыскиваемъ эту причину въ водѣ безъ значенія почвы, затѣмъ находимъ ее въ клоакахъ и нечистотахъ безъ внимательства воды и почвы, или находимъ ее въ передачѣ отъ одного больного къ другому, въ нечистотѣ жилыхъ домовъ, — какъ кому придется, какъ кому заблагоразсудится“ (см. „Zeitschrift für Biologie, X Band, IV Heft, стр. 504).

„Исслѣдованія Буля, Зейделя въ Мюнхенѣ, говоритъ далѣе Петтенкоферъ, — имѣли значеніе эпохи. Они открыли паралель между числомъ смертныхъ случаевъ отъ тифа и уровнемъ почвенной воды, также какъ количествомъ выпадающаго дождя въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. И все это шло съ поразительнымъ постоянствомъ въ продолженіи 19 лѣтъ. Изъ всей массы совпаденій (coincidenz), привлеченныхъ для раскрытія причинъ происхожденія эпидемій, ни одно не можетъ похвалиться такой правдоподобной вѣроятностью. Ни устройство отхожихъ мѣстъ, ни ихъ испаренія, ни чистота или нечистота, ни канализація съ водоснабженіемъ, ни качество воды не измѣняются съ такимъ постоянствомъ по отношенію къ числу тифозныхъ случаевъ. Единственное вѣрное совпаденіе—это уровень почвенной воды и частота тифозныхъ случаевъ“ (см. стр. 517).

Не раздѣляя восторговъ водяной теоріи, Петтенкоферъ приводитъ весьма интересныя опроверженія, взятая изъ доказательствъ, приводимыхъ именно самими поклонниками. Онъ, такимъ образомъ, старается разбить поклонниковъ водяной теоріи ихъ собственнымъ оружіемъ, но едва-ли и самъ въ этомъ случаѣ выдерживаетъ строгую критику. „Я долженъ, наконецъ, говоритъ онъ, — указать еще на одно обстоятельство, которое такъ любятъ приводить поклонники водяной теоріи и которое касается англійскихъ городовъ, гдѣ санитарныя учрежденія и мѣры, проводимыя въ жизнь, уменьшили общую смертность вообще и тифозное господство въ частности. Эти санитарныя мѣры состоятъ обыкновенно въ хорошей канализаціи, въ обильномъ снабженіи водою всѣхъ зданій сверху до низу и въ лучшемъ устройствѣ устраненія всякаго рода нечистотъ. Все это ведется къ тому, чтобы содержать въ возможно лучшей чистотѣ почву и воздухъ жилыхъ домовъ и воду, употребляемую въ питье, предохранить отъ малѣйшей примѣси разлагающихся органическихъ веществъ. Джонъ Симонъ, этотъ выдающійся врачъ и гигиенистъ, держитъ твердой

рукой знамя общественнаго здоровья въ Англіи, спокойно проводитъ эту простую и великую истину съ логической послѣдовательностью въ жизнь, возвелъ свое стремленіе на степень ученія и по-возможности практически осуществилъ его. Онъ вездѣ изслѣдовалъ, на-сколько уменьшается общая смертность и частная смертность отъ тифа во многихъ большихъ и малыхъ городахъ Англіи въ силу введенія санитарныхъ мѣръ, хотя я не знаю ни одного изслѣдованія, которое указывало-бы, какая доля уменьшенія смертности принадлежитъ большей или меньшей чистотѣ воды. „Но нельзя упускать изъ виду и необходимо обратить свое полное вниманіе, какъ велика была смертность въ англійскихъ городахъ до введенія санитарныхъ мѣропріятій и на-сколько она съ тѣхъ поръ понизилась. Въ девятомъ рапортѣ „Privy Council“ приводятся данныя 24 городовъ, по которымъ значитса, что до введенія санитарныхъ учрежденій общая смертность въ нихъ равнялась 24,7 на тысячу, а отъ тифа 1,33 на тысячу, а послѣ введенія санитарныхъ мѣръ общая смертность стала равняться 21,9 на тысячу, а отъ тифа—0,78 на тысячу. Такимъ образомъ, общая смертность понизилась на 3 процента на тысячу, а смертность отъ тифа около $\frac{1}{2}$ процента. Этимъ я вовсе не хочу сказать, что такое уменьшеніе смертности не стоитъ потраченныхъ денегъ на улучшеніе; напротивъ того, я уже не разъ старался выразить цифрами, что она вполне оправдываетъ всякіе затраты и расходы. Но я хочу обратить вниманіе на то, что въ Англіи, еще до введенія санитарныхъ мѣръ, смертность была несравненно ниже, чѣмъ на континентѣ, такъ-что у насъ въ Германіи (о Россіи и говорить нечего) мы могли-бы считать себя крайне счастливыми, если-бы мы по введеніи санитарныхъ мѣръ достигли такой смертности, какой достигли англійскіе города до введенія и безъ всякихъ санитарныхъ нововведеній“. „Ужь если во всемъ слѣдно слѣдовать англичанамъ, то я посоветовалъ-бы строго послѣдовать имъ въ тѣхъ санитарныхъ мѣрахъ, какими англичане ухитрились, при дурной канализаціи и при крайне нечистой водѣ, довести въ большихъ городахъ свою смертность до 25 процентовъ на сто. Такъ, по крайней мѣрѣ, было дѣло въ Лондонѣ съ 1846 по 1855 годъ, несмотря на двѣ холерныя эпидеміи, посѣтившія въ это время столицу Англіи. Тогда дѣло ка-

нализаціи Лондона и его воды, употребляемой въ питье, было очень дурно; да, дѣло это обстояло до того дурно, какъ едва-ли гдѣ на континентѣ встрѣтишь что-нибудь подобное, даже въ городахъ, гдѣ смертность несравненно выше. То было время, когда поднялась страшная буря противъ недостаточности канализаціи Лондона, и по-дѣломъ, потому что берега Темзы до того запруживались нечистотами, до того были зачумлены, что лѣтомъ, во время отлива, отражавшагося и въ рѣкѣ, поднималась такая вонь, что однажды даже засѣданіе парламента было закрыто“ (L. C. S., стр. 498). Петтенкоферъ, однакожь, умышленно закрываетъ глаза на истинный смыслъ этихъ явленій, настоящее объясненіе которыхъ мы найдемъ въ фактахъ статистики. „Лордъ Эбрингтонъ нашель въ Лондонѣ среднюю смертность 25 на 1,000, но въ нѣкоторыхъ частяхъ Лондона она возвышается до 40, а въ другихъ падаетъ до 13. Равнымъ образомъ онъ высчиталъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ среднее продолженіе жизни ремесленнаго класса только отъ 19 до 20 лѣтъ, а въ классахъ торговцевъ и джентльменовъ отъ 40 до 45. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія, что въ цифрахъ нигдѣ не поставлены одни только богачи или одни только бѣдные. (То-есть это отношеніе было-бы гораздо хуже, если-бы были собраны именно такія цифры!). Кюдивичъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: въ зажиточномъ населеніи джентри умираетъ до пятилѣтнаго возраста изъ 100 дѣтей 20, а у рабочаго народа 50. Среднее продолженіе жизни у первыхъ 44, а у послѣднихъ 22 года. Факты этого рода (а число примѣровъ очень увеличивается) приводятъ къ такой аксіомѣ: чѣмъ ниже цивилизація и благосостояніе, чѣмъ недостаточнѣе культура и болѣе нищета, тѣмъ страшнѣе смерть похищаетъ людей. Вотъ почему случай, допустившій одного ребенка родиться на мягкой и удобной постели, дарить ему 18 лишнихъ лѣтъ противъ того, кто родится на соломенномъ ложѣ бѣдняка“ (Кольбъ, стр. 16, т. I). Такъ вотъ гдѣ самая выдающаяся причина людскихъ страданій и самое вѣроятное объясненіе большинства болѣзней, которыми такъ щедро надѣлено человѣчество. На повѣрку выходитъ, что самая радикальная санитарная мѣра противъ всякаго рода эпидемій и повальныхъ бѣдствій—все-таки улучшеніе экономическаго быта народа. Это такъ, это неоспоримо; но не абсолютно. Факты, нами представленные, въ то-же время

доказываютъ, что всѣ эпидемическія болѣзни обязаны своимъ происхожденіемъ какому-то специфическому яду, который, неизвѣстно досконально, гдѣ гнѣздится—въ водѣ, въ воздухѣ, въ почвѣ, въ пищѣ, вѣроятнѣе всего—во всѣхъ этихъ средахъ, всюду, гдѣ происходитъ разложеніе органической матеріи, причѣмъ выдѣляется азотъ, этотъ самый безпокойный элементъ органической матеріи. Азотъ, выдѣляясь, вступаетъ въ новыя соединенія, дѣйствующія какъ ядъ. Есть-ли это особеннаго рода ферменты и сопровождается-ли этотъ процессъ образованіемъ микроскопическихъ вибрионовъ, бактерій *et tutti quanti*, именуемыхъ миазмами, или-же образованіе этихъ низшихъ организмовъ есть результатъ процесса разложенія—пока еще неизвѣстно. Извѣстно лишь, что гніеніе и разложеніе органической матеріи влечетъ за собою образованіе чего-то ядовитаго, вредоноснаго, а потому вся санитарная дѣятельность сводится на устраненіе и удаленіе изъ мѣста жительства людскаго всего того, что способно разлагаться, переходитъ въ гніеніе, всего того, что заражаетъ, портитъ воздухъ, воду, почву и пищу. Отсюда необходимость канализаціи, дренажа, орошеній, водоснабженій. Отсюда необходимость устраненія всякаго скопленія людей, потому что вездѣ, гдѣ происходитъ скопленіе людей, непремѣнно происходитъ и скопленіе нечистоты и возможность разложенія и гніенія удешевляется. Это также неоспоримо подтверждается всѣми наблюденіями. Противъ этого, какъ мы видѣли, ничего не можетъ сказать Петтенкоферъ; напротивъ того, онъ является самымъ горячимъ проповѣдникомъ этихъ санитарныхъ взглядовъ. Сравнительныя изысканія слишкомъ наглядно подтверждаютъ эту теорію. „Англійскій врачъ Тайтъ (Tite) представилъ изслѣдованіе о сравнительной смертности Парижа и Лондона и нашелъ, что въ Лондонѣ перевѣсъ рожденій надъ смертными случаями выражается десятичною дробью въ 0,62; между тѣмъ какъ въ Парижѣ это отношеніе равняется лишь 0,58. Въ Лондонѣ умираетъ 1 на 38 жителей, а въ Парижѣ 1 на 35. Такое преимущество Лондона предъ Парижемъ не можетъ не бросаться въ глаза. Въ Парижѣ климатъ несравненно лучше, чѣмъ въ Лондонѣ; небо въ Парижѣ свѣтлѣе и чище, воздухъ менѣе влаженъ, рѣка Сена менѣе загрязнена, медицинская помощь въ Парижѣ лучше организована, чѣмъ въ Лондонѣ; пролетаріатъ, нищета, распутство и пьянство больше развиты въ

Лондонъ. чѣмъ въ Парижѣ, и, несмотря на всѣ такія преимущества Парижа, Лондонъ, единственно благодаря санитарнымъ учрежденіямъ и санитарнымъ мѣрамъ, представляетъ наименьшую смертность, и большую продолжительность жизни“ (Fonssagrives, стр. 492). Но попробуйте посѣтить Лондонъ и Парижъ, не сомнѣнно, что Парижъ произведетъ своею виѣшностью на васъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ Лондонъ. Впрочемъ, тутъ не до впечатлѣній, а до цифръ, которыя показываютъ, что санитарныя учрежденія, какъ канализація, водопроводы, хорошая вентиляція и другія общественныя учрежденія, доставляютъ всему населенію такое благо, котораго отдѣльный человѣкъ, несмотря на все свое желаніе, не въ силахъ достигнуть.

Такимъ образомъ, относительно городовъ можно считать санитарный вопросъ почти поконченнымъ, порѣшеннымъ. Обѣхавъ цѣлую губернію, мы осмотрѣли почти всѣ больницы, всѣ тюрьмы, арестантскія, школы, заводы, фабрики, баржи, казармы, и все это мы нашли въ крайне неудовлетворительномъ состояніи въ санитарномъ отношеніи. Можно сказать безъ преувеличенія, что чѣмъ больше скопленіе людей, тѣмъ менѣе санитарно содержится это мѣсто. Единственное зданіе, вполне удовлетворительное въ санитарномъ отношеніи и видѣнное нами въ цѣлой губерніи, а пожалуй, и на всемъ востокѣ Россіи,—это арсеналъ ижевскаго завода, въ которомъ хранятся десятки тысячъ ружей. На каждое ружье приходится вполне законное количество воздуха. Все-же остальное, цѣлые города и ихъ общественныя и частныя учрежденія, крайне неудовлетворительны и требуютъ самой серьезной санитарной очистки.

Лишь только у насъ въ Россіи зашла рѣчь о санитарныхъ мѣропріятіяхъ со стороны земства и общества, какъ отовсюду на бѣднаго Макара повалились шишки: бѣдность и невѣжество русскаго народа были выставлены главными препятствіями къ устраненію зла. Но мы видѣли, что бѣдность и невѣжество далеко не единственныя факторы, разрушающіе здоровье народа. Намъ поэтому необходимо санитировать больницы, арестантскія, тюрьмы, баржи, школы, фабрики и заводы, всевозможныя казармы и околотки,—словомъ, всѣ тѣ мѣста, гдѣ происходитъ огромное скопленіе народа, гдѣ обыкновенно впервые зарождаются разныя заразительныя и поварныя болѣзни и откуда онѣ разносятся а

развозятся потомъ всевозможными путями повсюду, по всей губерніи, въ село, въ деревню, въ починокъ, въ семью крестьянина, въ его потомство. Въ одной вятской губерніи однихъ фабрикъ и заводовъ, большихъ и малыхъ, до 862, съ 20 тысячами рабочихъ; бурлачествомъ тамъ занимаются до 16 тысячъ. Тамъ болѣе 500 школъ, гдѣ портится здоровье болѣе 20 тысячъ дѣтей въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ поколѣній. Все это оставить лучшими гигиеническими условіями и общественными вліяніями — широкая санитарная дѣятельность. Что касается села, то дѣло кажется еще проще. Въ селѣ заводить канализацию и водопроводы—принадлежитъ къ несбыточнымъ мечтамъ. Но при незначительномъ населеніи нечистоты, которыя могли-бы перейти въ гніеніе и разложеніе и, такимъ образомъ, дать возможность возникновенію ядовитыхъ ферментовъ,—такія нечистоты тамъ легче устранимы. Въ селѣ, при извѣстномъ устройствѣ, легче добиться своевременнаго удаленія изъ села всякихъ нечистотъ, сора и органическихъ остатковъ, способныхъ перейти въ гніеніе. Въ селѣ, слѣдовательно, легче заботиться, чтобы почва, вода и воздухъ содержались въ надлежащей чистотѣ. Затѣмъ самое устройство селъ допускаетъ введеніе нѣкоторыхъ улучшеній. Вступивъ въ должность санитарнаго врача, мы предложили вятской губернской земской управѣ, которая снеслась по этому поводу съ уѣздными управами, чтобы всякое новое возникновеніе села, деревни или починка или возобновленіе такихъ поселеній послѣ пожара совершалось не иначе, какъ по предварительному совѣщанію съ санитарнымъ врачомъ, который и мѣсто можетъ выбрать получше, и улицы распланируетъ, и укажетъ безвредный источникъ воды, посоветуетъ окопать канавой и усадить деревьями улицы, укажетъ, какъ лучше распланировать строения, чтобы экскременты и навозъ не скоплялись у самаго порога избы, рядомъ съ колодезѣмъ. Миѣ скажутъ, что трудно будетъ въ селѣ что-нибудь предпринять, а я спрошу, почему не трудно воздвигать стотысячныя, монументальныя больницы для украшенія городовъ? Миѣ скажутъ, что съ мужиками трудно столковаться; я на это отвѣчу, что столковаться съ другими не только не легче, а, пожалуй, даже труднѣе. Все трудно и все легко, смотря по обстоятельствамъ. Но это уже принадлежитъ къ области иллюзій...

В. Португаловъ.

СЛАВЯНКА ВЪ ТУРЕЦКОМЪ ГАРЕМЪ.

(Съ сербскаго.)

Жалкая, словно рабыня въ цѣпяхъ,
И молчаливая, скорбная, блѣдная—
Вотъ она, наша страдалница бѣдная,
Съ робкой улыбкой на грустныхъ устахъ...

Грудь надорвутъ-ли рыданія—

Плакать не смѣетъ она.

Не обнаружить страданія

Деспота злого жена,

Въ самой любви до конца оскорбленная

И отупѣвшая, и истомленная.

Рядомъ съ несчастной ребенокъ больной,

Взгляда не сводить съ нея боязливаго...

Бѣдный, не знаетъ онъ дѣтства счастливаго!

Вскормленный жалкой и слабой рабой,

Вынесетъ школу суровую,

И, такова ужъ судьба,

Выльется въ форму готовую

Иль палача, иль раба.

Будетъ онъ деспотомъ, всѣхъ оскорбляющимъ

Или невольникомъ, выю склоняющимъ...

В. И. Славянской.

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО.

(Переводъ съ итальянскаго.)

ГЛАВА XVII.

ПАРТЕНОПЕЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА. — ФРАНЦУЗЫ ВЫХОДЯТЪ ИЗЪ БОРОЛЕВСТВА. — ВТОРЖЕНІЕ РУФФО. — ТУРКИ, РУССКІЕ И АНГЛИЧАНЕ. — ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ МОЕ СЪ ОТЦОМЪ. — Я ПОПАДАЮ ВЪ ПЛѢНЪ КЪ МАММОНУ И СПАСЕНЪ ПИЗАНОЙ. — ГИБЕЛЬ ПАТРИОТОВЪ.

Двадцать второго января 1799 г. Шанпюне вступилъ въ Неаполь, и возникла новая партенопейская республика, знаменитая честностью и доблестью своихъ вождей и своимъ трагическимъ концомъ.

Новое правительство не успѣло еще учредиться, когда кардиналъ Руффо высадился съ разбойничьими шайбами изъ Сициліи въ Калабрию и подвергъ великой опасности республику. Одни селенія принимали его какъ освободителя, другія отражали какъ разбойника, отстаивали себя или погибали отъ его меча и огня. Ватаги бандитовъ, предводительствуемыя Маммономъ, Шарпой и Фра-Діаволо, поддерживали дѣйствія кардинала. Французы храбро отражали эти дивія шайбы. Въ Неаполѣ старались укрѣпить правительство, внушить народу республиканскія чувства, проповѣдывали ему демократическіе принципы на капуцинскомъ жаргонѣ. Но вдали уже гремѣло оружіе Суворова и Брая. Побѣдившій при Абукиръ флотъ

Нельсона, русскій и турецкій флоты, овладѣвшіе Іоническими островами, господствовали въ Адриатическомъ и Средиземномъ моряхъ. Бонапартъ между тѣмъ разыгрывалъ роль пророка передъ бедуинами и мамелюками. Съ нимъ побѣда покинула французскія знамена, которыя были еще побѣдоносны только въ отдаленной странѣ, куда онъ занесъ ихъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сбылись худшія опасенія. Преемникъ Шанпюне, Макдональдъ, былъ отозванъ въ верхнюю Италію, противъ русскихъ и австрійцевъ; осталось только нѣсколько маленькихъ гарнизоновъ въ Сант-Эльмо, въ Капуѣ, въ Гаэтѣ, которымъ отступление было отрѣзано, потому что реакціонный бунтъ уже бушевалъ на границѣ Папской области.

Въ этой безпорядочной войнѣ горныхъ перестрѣлокъ и засадъ наши колонны передвигались безпрестанно то туда, то сюда, и мнѣ нѣсколько разъ случалось сходитьсѣ съ Лючилио, Амилькаръ и Джуліо, но всегда на короткое время. Пизану я помѣстилъ у княгини Сантакоче, вдовы одного римскаго патриція, погибшаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Аверсѣ при защитѣ республики противъ нашествія Мака. Карафа былъ со мной очень друженъ и оказывалъ мнѣ большое довѣріе. Уходъ французовъ былъ для всѣхъ насъ жестокимъ ударомъ, но многіе изъ итальянцевъ, служившихъ въ цизальпинскомъ легіонѣ, не захотѣли уходить. Лючилио, Амилькаръ и Джуліо перешли въ легіонъ волонтеровъ, который формировалъ Скинани.

Въ это время колонна Этторе Карафа была послана въ Апулію усмирять реакціонное движеніе, вспыхнувшее и въ этой провинціи. Я пошелъ съ ней, простившись съ друзьями и съ Пизаной. О присутствіи ея въ Неаполѣ знали только Лючилио; Джуліо подозрѣвалъ, но не спрашивалъ. При прощаніи она дозволила мнѣ первый поцѣлуй со времени нашей встрѣчи въ Велетри; при этомъ мы не выдержали: когда уста наши коснулись, я затрепеталъ, а она расплакалась. Черезъ нѣсколько дней княгиня Сантакоче, пересылая мнѣ письма, полученныя на мое имя въ Неаполѣ, писала мнѣ, что мой отъѣздъ привелъ Пизану въ такое отчаяніе, что она опасно занемогла и въ бреду кричала, что если я не прощу ее, она жить не можетъ; княгиня прибавляла, что она рѣшительно не знаетъ, о какомъ прощеніи она говорила. Въ отвѣтъ на это я написалъ прямо Пизанѣ, прося у нея извиненія

за мое холодное обращеніе съ нею въ послѣдніе мѣсяцы и говоря ей, что это обращеніе стоило мнѣ самому большихъ усилій; теперь же я ей предлагаю всю мою любовь, болѣе страстную, преданную и пылкую, чѣмъ когда-либо прежде. Впослѣдствіи я узналъ, что это письмо чрезвычайно утѣшило ее и что она говорила обо мнѣ своей покровительницѣ, какъ о добрѣйшемъ и великодушнѣйшемъ человѣкѣ въ мірѣ.

Такимъ образомъ, я прибылъ въ Апулію довольный собой и обстоятельствами. Изъ Венеціи извѣстія были превосходныя. Аглаура была беременна, старый Апостулосъ благополучно возвратился, мой отецъ находился на возвратномъ пути, съ большими надеждами и съ ожиданіемъ великихъ событій. Я не зналъ, въ чемъ дѣло, и узналъ кое-что только изъ намековъ Лючилио. Повидимому, дѣло шло о томъ, чтобы, довершивъ республиканскую организацію всей Италіи, спровадить французовъ и начать самостоятельную національную жизнь. Съ этою цѣлью былъ задуманъ союзъ съ Турціей и Россіей, которыя должны были остановить Францію со стороны Средиземнаго моря; прямого преобладанія столь отдаленныхъ державъ въ Италіи нельзя было опасаться, и потому ихъ безъ риска можно было противопоставить вліянію правительствъ болѣе близкихъ и сильныхъ. Поэтому я предположилъ тогда-же, что отецъ мой служить русско-турецкому союзу. Но я понять не могъ цѣлесообразности его въ настоящее время, когда французы помышляли не о владычествѣ въ Италіи, а объ удаленіи изъ нея. Какъ-бы то ни было, мы были расположены въ Апуліи для наблюденія за турецко-русскимъ флотомъ.

Этторе Карафа не любилъ полумѣръ. Подступивъ къ своему родовому владѣнію Андриэ, жители котораго стояли за Руффо, онъ старался успокоить ихъ добрыми словами; но увидавъ, что увѣщанія не дѣйствуютъ, онъ повелъ насъ на приступъ, а всякій приступъ, предводимый Карафой, кончался побѣдой. Неуязвимый, какъ Ахиллъ, онъ былъ всегда впереди съ саблей или ружьемъ въ рукѣ или сидя на пушкѣ; во время боя онъ былъ самый храбрый солдатъ, и мгновенно превращался въ полководца, когда побѣда была одержана. Солдаты боготворили его, потому что всѣ чувствовали въ немъ его самое высокое отличительное качество — полное самоотверженіе, отсутствіе всякой мысли о себѣ. Но въ величіи его было что-то жестокое, нечеловѣческое. Непре-

клонный какъ сталь, твердый какъ кристалъ, онъ и другихъ судилъ по себѣ и считалъ-бы пощаду, оказанную врагу, напраснымъ оскорбленіемъ ему. Самъ онъ не принялъ-бы пощады и не давалъ ея. Съ нимъ былъ одинъ конецъ—смерть! Античный блескъ этого жестокаго мужества и имя его, славное и громкое въ томъ краю, давали ему въ немъ безграничную власть. Будь у неаполитанскаго правительства хоть пять такихъ кондотьеровъ, какъ Карафа, — Руффо и Маммонъ не поразили-бы при Марильяно, у самыхъ воротъ Неаполя, послѣднихъ остатковъ партенопейскихъ республиканцевъ. Но это правительство безразсуднымъ образомъ завидовало популярности Карафы. Подъ предлогомъ, что Апулія усмирена и что его неутомимая дѣятельность можетъ быть гораздо полезнѣе въ Абрुццахъ, ему велѣли идти туда. Этторе который былъ наивенъ и покоренъ властямъ, какъ древне-римскій республиканецъ, не позволилъ себѣ разсуждать и пошелъ въ Абрुццы. Въ Апуліи онъ для безопасности оставилъ маленькій легучій отрядъ подъ командой моею и Франческо Мартелли, другого офицера его легіона. Онъ очень довѣрялъ мнѣ, и я не могу безъ слезъ гордости и благодарности вспомнить о довѣрїи ко мнѣ такой высокой души.

Мартелли былъ молодой неаполитанецъ, покинувшій жену, дѣтей и дѣла для защиты отечества. Мы съ нимъ очень подружились еще съ Велетри, и онъ былъ изъ числа державшихъ со мной пари и участвовавшихъ въ экспедиціи на монастырь. Тогда было условлено, что если я выиграю, то проигравшіе обязаны задать мнѣ ужинъ и балъ, и Мартелли съ тѣхъ поръ все говорилъ мнѣ, что желаетъ исполнить это условіе. Однажды мы возвращались въ Андріе съ нашими пятидесятью стрѣлками послѣ преслѣдованія шайки бандитовъ, разграбившей подъ предлогомъ роллизма сосѣднюю ферму. Приближаясь къ замку, я увидѣлъ въ немъ яркое освѣщеніе; въ комнатахъ оказалось цѣлое общество сосѣднихъ парней и дѣвушекъ, которые ради бала согласились забыть на этотъ вечеръ, что мы преданные проклятїю республиканцы. При входѣ въ залу Мартелли открылъ балъ царственнымъ жестомъ, сказавъ мнѣ: „Вотъ я тебѣ плачу долгъ Велетри! Богъ-вѣсть, что можетъ случиться; завтра, можетъ быть, всѣ умремъ; я хотѣлъ прежде расквитаться“. Началось такое веселіе и тѣсная пляска, какой я не видалъ съ Фріуля, съ веселыхъ вечеринокъ въ Кордовадо, гдѣ, бывало, плясали до потери чувствъ и башмаковъ. А

между тѣмъ на насъ лежало трудное порученіе. Намъ приходилось имѣть дѣло съ населеніемъ невѣжественнымъ и полудикимъ; съ необузданными и своевольными баронами, изъ которыхъ республиканцы были неумолимы Робеспьера, а реакціонеры свирѣлы разбойниковъ; съ суевѣрными и необразованными патерами въ родѣ фратскаго капелана, — съ врагами хитрыми и способными на все. Однако, сила имени Карафы и нѣсколько такихъ расправъ, какъ съ Трани, разграбленнаго и сожженнаго за преданность реакціи, внушали страхъ, и республика была признаваема официально по всему побережью Адриатики. Какъ въ столицѣ, такъ и во всемъ королевствѣ, высшіе, образованные и зажиточные классы были привержены къ республикѣ, и преданность эту увеличивалъ страхъ дикихъ шаекъ кардинала.

Однажды пришло извѣстіе, что соединенный флотъ турокъ и русскихъ появился въ виду береговъ Апуліи. Мы не имѣли на этотъ случай опредѣленныхъ инструкцій, но Карафа предупреждалъ насъ не пугаться, потому что высадка едва-ли будетъ произведена въ значительныхъ силахъ. Согласно этому, мы посѣщали въ мѣстечко Бишелье, къ которому, повидимому, сосредоточивались непріятельскія суда. Здѣсь, воспользовавшись хорошимъ настроеніемъ духа жителей и нѣсколькими пушками, найденными въ замкѣ, мы приготовились къ отпору. Мы распустили слухъ, что на корабляхъ пріѣхали орды албанцевъ и сарацинъ, желающихъ предать всю страну огню и мечу, а въ этой странѣ память о турецкихъ набѣгахъ и ненависть къ туркамъ еще были свѣжи, такъ-что все населеніе возстало. Мы готовились къ мужественному сопротивленію, какъ вдругъ прискакалъ курьеръ изъ города Мольфеты, за семь миль отъ Бишелье, съ извѣстіемъ, что непріятель пытается высадиться тамъ и что народъ дѣлаетъ все для его отраженія. Мы потеряли надежду на возможность сопротивленія, но предпочитали погибнуть, чѣмъ не сдѣлать всего возможнаго для защиты республики. Оставивъ нашихъ людей въ Бишелье, мы съ Мартелли и нѣсколькими солдатами поскакали въ Мольфету. Не доѣзжая мили, мы увидѣли дымъ и услышали перестрѣлку. Въ морѣ виднѣлись корабли, пытавшіеся пройти въ портъ, что исполнить имъ препятствовало сильное волненіе. Въ городѣ мы нашли величайшее смятеніе. Турки и албанцы, пріѣхавшіе на шлюбкахъ, уже высадились и бросились грабить и рѣзать съ такой жестокостью,

что можно было вообразить себя перенесеннымъ во времена Баязета. Жители мужественно оборонялись. Появленіе наше ободрило ихъ. Мы бросились на грабителей, смяли ихъ, погнали къ морю, и здѣсь произошла уже чистая бойня. Здѣсь я въ первый и послѣдній разъ въ жизни съ наслажденіемъ проливалъ кровь существъ, подобныхъ себѣ. Отступленіе было имъ невозможно, пощады никому не давали. Послѣдній въ ужасѣ самъ напоролся на мой штыкъ, и въ ту-же минуту десятки рукъ сорвали съ него мой ужасный трофей и растерзали его въ куски. Мельфета была спасена. Народъ бѣжалъ въ церковь благодарить Мадонну, и вмѣстѣ съ ея именемъ тысячи устъ славили имена капитановъ Мартелли и Альтовити.

Распорядившись въ Бишелье, чтобы насъ извѣстили, если что-нибудь случится тамъ, не получая никакого извѣстія, а съ другой стороны, желая дать отдыхъ нашимъ утомленнымъ людямъ, мы расположились до зари въ одной тавернѣ. Сверхъ того, можно было опасаться, что если море успокоится, турки снова попытаются высадиться, чтобы отмстить за погибшихъ; пока-же дулъ такой неистовый сирокко, что опасенія эти были напрасны. Наши люди очень обрадовались отдыху и въ обществѣ моряковъ и женщинъ забыли всѣ опасности и тревоженія дня. Мартелли отправился на набережную посмотреть на погоду и разставить стражу. Я сидѣлъ одинъ въ комнатѣ таверны, положивъ локти на столъ и машинально прислушиваясь къ шуму въ залѣ и на улицѣ. Веселая южная жизнь возвращалась къ своимъ беззаботнымъ привычкамъ въ двадцати шагахъ отъ того мѣста, гдѣ еще текла кровь и валялись трупы. Но веселье, окружавшее меня, не могло разогнать грустнаго чувства, вдругъ овладѣвшаго мной.

Такъ сидѣлъ я въ раздумьи, когда ко мнѣ подошелъ старый, сторбленный священникъ, одѣтый въ лохмотья, и робко освѣдомился, не я-ли капитанъ Альтовити. Я отвѣчалъ утвердительно не безъ нѣкоторой недовѣрчивости, потому что опытомъ убѣдился, что съ мѣстнымъ духовенствомъ необходима осторожность. Тогда старикъ, принявъ таинственный видъ, сказалъ мнѣ, что имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто крайне важное, а именно, что одно лицо, связанное со мной священными узами родства, желаетъ видѣть меня передъ смертью. Я вскочилъ, и въ головѣ моей блеснула мысль о Пизанѣ и о какомъ-нибудь несчастіи съ нею; я подумалъ,

ужь не вздумалось-ли ей, чего добраго, явиться ко мнѣ въ Апудію и не сдѣлалась-ли она жертвой рѣзни въ Мольфетѣ. Я схватилъ священника за руку и потащилъ его на улицу, предупреждая его, что если онъ вздумалъ шутить со мной, то ему придется дорого поплатиться за шутку. Когда мы вышли на темную и глухую улицу, онъ прошепталъ мнѣ на ухо:

— Синьеръ капитанъ, это вашъ отецъ...

— Отецъ! воскликнулъ я. — Что вы говорите мнѣ объ отцѣ?

— Я спасъ его сегодня среди этихъ дикихъ, которые нападали на насъ. Это маленькій, невзрачный старичекъ; услышавъ ваше имя, онъ заметался на постели, куда я уложилъ его, сталъ разспрашивать меня о васъ, поклялся, что онъ вашъ отецъ, и сказалъ, что не умретъ спокойно, если передъ смертью не увидитъ васъ.

— Отецъ, отецъ... бормоталъ я, поспѣвая почти бѣгомъ, такъ-что старый аббатъ не поспѣвалъ за мной. Черезъ нѣсколько минутъ такой ходьбы мы подошли къ двери между двухъ колонъ, служившей, повидимому, входомъ въ какой-нибудь монастырь. Старикъ отперъ ее и, взявъ лампу, горѣвшую въ сѣняхъ, повелъ меня къ комнатѣ, изъ которой раздавались стоны больного. Я вошелъ, не помня себя отъ горя и удивленія, и съ крикомъ бросился къ постели, гдѣ мой отецъ, смертельно раненный въ горло, упорно боролся со смертью.

— Отецъ, отецъ! могъ только вымолвить я, пораженный столь неожиданнымъ ударомъ.

Онъ сдѣлалъ усиліе приподняться на локтѣ и, успѣвъ въ этомъ, сталъ искать чего-то у своего пояса. Съ помощью священника онъ извлекъ оттуда длинный кожаный кошель и съ усиліемъ сказалъ мнѣ, что тутъ все, что онъ можетъ оставить мнѣ, остального-же я долженъ требовать отъ великаго визира... Онъ хотѣлъ назвать его имя, но потокъ крови, хлынувшій изъ горла, прервалъ его голосъ и онъ упалъ на постель, тяжело дыша.

— Отецъ, умоляю васъ, живите! говорилъ я;— не умирайте, не покидайте меня!

— Карло, сказалъ онъ голосомъ слабымъ, но внятнымъ, — я не покидаю тебя одного. Ты теряешь отца, но у тебя есть сестра, которую ты до сихъ поръ не зналъ...

— Знаю, отецъ, знаю и люблю ее. Это Аглаура.

— А, ты уже знаешь и любишь ее! Прекрасно! Умираю болѣе довольный, чѣмъ ожидалъ. Слушай, сынъ, хочу оставить тебѣ въ наслѣдство послѣдній совѣтъ: никогда, никогда, какъ-бы ни измѣнялись времена и люди, никогда не основывай надеждъ благороднаго, честнаго дѣла на человѣческой корысти и чужихъ расчетахъ. Эта ложная мысль достигать дурными средствами хорошей цѣли довела меня до потери богатства, благоразумія, жизни, и я... я умираю въ увѣренности, что сдѣлалъ ошибку неисправимую. О, турки, турки! Но не суди меня, сынъ мой, за то, что я возложилъ надежды на турокъ. Для насъ всѣ одинаковы, повѣрь! Я хотѣлъ воспользоваться турками для изгнанія французовъ, чтобы намъ остаться самимъ своими господами. Дуракъ я былъ! Дуракъ! Теперь я увидѣлъ, чего хотѣлось туркамъ!

Онъ впалъ, повидимому, въ бредъ; тщетно я успокаивалъ его, поддерживая на рукахъ, чтобы облегчить его страданія; онъ бредилъ и кричалъ, что всѣ турки—негодяи. Священникъ между тѣмъ разсказывалъ мнѣ, что когда высадившіеся турки бросились грабить и рѣзать, отецъ, бывшій съ ними, сталъ сопротивляться имъ и палъ, пораженный страшнымъ ударомъ ятагана; послѣ пораженія турокъ мѣстные жители растерзали-бы его, если-бы онъ, священникъ, не унесъ его потихоньку сюда, такъ-какъ былъ съ колокольни свидѣтелемъ всей сцены и почувствовалъ состраданіе къ старику. Я могъ только взглядомъ выразить благодарность добродушному аббату и спросилъ его вполголоса, нѣтъ-ли здѣсь врача, который могъ-бы попробовать спасти раненаго. Умирающій услышалъ и понялъ меня и, отрицательно замахавъ головой, простоналъ:

— Нѣтъ, нѣтъ. Помни турокъ! Къ чему врачи? Помни Венецію... можетъ быть, еще увидишь ее великой, самодержавной, властительницей моря... окруженной лѣсомъ кораблей... въ ореолѣ славы... Сынъ мой, да благословитъ тебя небо!..

И онъ умеръ. Я закрылъ ему глаза и поцѣловалъ его лобъ. Но мощный духъ его, казалось, осѣнилъ меня и не далъ мнѣ поддаться горю:

„Отецъ! подумалъ я, — ты одобрилъ-бы меня, что, отказываясь отъ послѣдняго утѣшенія проводить тебя до послѣдняго твоего жилища, я ухожу заботиться о защитѣ, отнынѣ безнадежной, нашей республики!

Съ разрывающимся сердцемъ вышелъ я изъ комнаты, оставивъ священнику пригоршню дублоновъ на похороны, и вернулся въ таверну, гдѣ Мартелли съ нашимъ маленькимъ отрядомъ уже готовился къ выступленію. Заря играла на морѣ, разрисовывая его всѣми цвѣтами радуги, но волны ходили еще грозныя, и ни одного паруса не было видно на горизонтѣ. Церковный колоколь призывалъ рыбаковъ къ обѣднѣ; женщины болтали у дверей о вчерашнихъ страстяхъ; нѣсколько матросовъ, готовя паруса, пѣли припѣвы своей баркароллы. Ничто ни на землѣ, ни въ небесахъ не сочувствовало сострадательно горю сына, только-что закрывшаго глаза отцу.

— Гдѣ ты былъ? Что съ тобой? спросилъ меня Мартелли, сидѣвшій уже верхомъ.

Я, не отвѣчая, вскочилъ на свою лошадь, далъ ей шпоры и поскакалъ. Мартелли и солдаты послѣдовали за мной; жители провожали насъ привѣтственными криками. Мы проскакали около двухъ миль, какъ вдругъ пушечный грохотъ гдѣ-то по-близости остановилъ насъ, какъ вкопанныхъ. Едва приступили мы къ совѣщанію, какъ увидѣли, что къ намъ свачетъ всадникъ, безъ оружія и безъ шляпы, на взмыленной лошади. Оказалось, что въ Бишелье приѣхала лодка подъ парламентарскимъ флагомъ; парламентары объяснили жителямъ, что на этихъ корабляхъ не турки, а русское войско съ кавалеромъ Мишеру, генераломъ е. в. короля Фердинанда, и что они хотятъ высадиться только для изгнанія французовъ, оставшихся въ Капуѣ и Гаэтѣ. Тогда народъ сталъ кричать эввива! бросать оружіе и махать платками. Тысяча четырехста человекъ русскихъ высадились и двинулись къ Фоджіѣ, чтобы захватить городъ врасплохъ во время ярмарки и этимъ ударомъ сразу покорить всю провинцію. Посовѣтовавшись между собой, мы съ Мартелли рѣшили немедленно идти на Фоджію, чтобы предупредить русскихъ и привести городъ въ оборонительное состояніе. Мы двинулись по дорогѣ на Руво и Андриѣ, но близъ послѣдняго мѣстечка были окружены шумной, вооруженной толпой. Это была одна изъ шаекъ Руффо, посланная на соединеніе съ русскими. Мы попались какъ куры во-щи. Послѣ отчаяннаго сопротивленія Мартелли съ 17 человекъ удалось пробиться; десять человекъ были убиты, а восемь, въ томъ числѣ и я, получили пощадку, чтобы украсить собой впоследствии висѣлицы въ какой-нибудь празднич-

ный день. Такъ опредѣлялъ участь плѣнниковъ военный уставъ кардинала Руффо.

Шайка, взявшая меня въ плѣнъ, находилась подъ командой знаменитаго Маммона, самаго грубаго и свотсваго злодѣя, какаго мнѣ приходилось видѣть. Меня потащили босикомъ, на веревкѣ, подвергая на каждомъ шагѣ оскорбленіямъ, по той самой Апуліи, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ я былъ повластнымъ хозяиномъ; въ перспективѣ имѣлась вѣрная вистѣлица, что не способствовало украшенію этого путешествія. Но вечеромъ, когда мы подходили къ Андриѣ, резиденціи моего минувшаго величія, ко мнѣ подошелъ пастухъ и, подобно всѣмъ встрѣчнымъ и прохожимъ, сталъ осыпая меня невѣроятнѣйшей бранью, какую можеть изобрѣтать только неаполитанское воображеніе; среди ругательствъ онъ вдругъ прошепталъ мнѣ: „Не унывайте, синьеръ: въ замкѣ о васъ думаютъ!“ Я взглянулъ на него пристально и узналъ въ немъ одного изъ преданнѣйшихъ фермеровъ Карафы; взглянувъ затѣмъ на замокъ, я съ удивленіемъ увидѣлъ въ немъ блестящее освѣщеніе, хотя нѣсколько дней тому назадъ оставилъ его безлюднымъ: владѣлецъ его находился въ Абруццахъ, осажденный, говорили, въ цитадели Пескара. Надежда проникла въ мое сердце и я началъ чего-то ждать. Дѣйствительно, около полуночи одинъ изъ разбойниковъ подошелъ ко мнѣ, велѣлъ мнѣ встать съ соломы, на которой я лежалъ, и, показавъ стражѣ приказъ отъ начальника, снялъ кандалы съ моихъ рукъ и ногъ и приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ по дорогѣ. Пройдя довольно значительное разстояніе, къ одному уединенному дому, онъ сдѣлалъ меня человѣку небольшого роста, закутанному въ плащъ, и ушелъ назадъ, оставивъ меня съ этимъ новымъ повелителемъ моимъ. Я колебался, не зная, бѣжать мнѣ или оставаться, какъ вдругъ изъ за таинственнаго незнакомца выскочила другая фигура, показавшаяся мнѣ женщиной, и бросилась обнимать меня. Я не узналъ, а почувствовалъ Пизану. Но человѣкъ въ плащѣ остался недоволенъ этой сценой и проворчалъ, что не слѣдуетъ терять времени. Я узналъ и его по голосу и пробормоталъ съ изумленіемъ: „Лючилио!“

— Тсъ, сказалъ онъ, уводя меня на темную сторону дома, гдѣ три горячіе скакуна нетерпѣливо грызли удила. Мы вскочили на сѣдла и понеслись. Дорога была ужасна. Пизана, вѣхавшая по-

среди́нѣ, въ первый разъ въ жизни на мужскомъ сѣдлѣ, безпрестанно валилась то вправо, то влѣво и удерживалась только благодаря нашей помощи.

— Какимъ волшебствомъ добились вы этого отъ Маммона? спросилъ ее на-скаку Лючилио, знавшій объ этомъ не больше моего.

— Это умора! отвѣчала Пизана, говоря на-столько связно, насколько позволяло ей непрерывное качаніе на сѣдлѣ. — Синьеръ Маммонъ прельстился мной; я общала ему все, чего онъ просилъ, и даже покліялась всѣми его образами. Въ два часа по-полуночи мнѣ слѣдовало отправиться въ замокъ къ нему и наградить его за великодушіе! Ха-ха-ха!

Затѣмъ объяснилось и остальное. Пизана съ Лючилио отправились ко мнѣ въ Апулію, но встрѣтили бѣглецовъ изъ отряда Мартелли, которые увѣдомили ихъ о моемъ плѣнѣ. Узнавъ, что Маммонъ съ своими плѣнными долженъ придти въ Андрие, Пизана явилась туда раньше и разыграла часть исторіи Юдифи, что спасло меня отъ петли. Не знаю, кто былъ хуже обмануть — Маммонъ или Олофервъ. Утромъ мы доѣхали до аванпостовъ корпуса Скипани, гдѣ Джуліо и Амилькаръ были пріятно изумлены нашимъ появленіемъ. Радость, объятія, поцѣлуи были чрезвычайны, но среди всего этого насъ всѣхъ точила мысль о неизбежности паденія республики, а меня, кромѣ того, печаль по отцѣ. Я рассказалъ объ его смерти Лючилио. Онъ выслушалъ меня скорѣе съ грустью, чѣмъ съ удивленіемъ, и сказалъ:

— Да, онъ долженъ былъ такъ кончить. Я также раздвѣлялъ подобныя заблужденія... мнѣ также приходится теперь оплакивать столько потеряннаго времени, столько погибшихъ напрасно силъ! И знаешь, что я тебѣ скажу: скоро что-нибудь въ томъ-же родѣ случится подъ Анконой!

Я не понималъ, на что онъ намекаетъ, но запомнилъ его слова и припомнилъ ихъ, когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Лагозъ, генералъ цизальпинской республики, дезертировалъ отъ французовъ за нарушеніе ими свободы его отечества, соединился съ возставшими романцами и астрійцами и хотѣлъ низвергнуть съ ними послѣдній оплотъ республики въ этой части Италіи — Анкону. Убитый собственными братьями, оставшимися вѣрными французамъ, онъ передъ смертью въ торжественныхъ словахъ заявилъ свою

преданность Италіи, но все-же умеръ въ чужомъ лагерѣ, на чужихъ рукахъ. И съ нимъ жалкимъ образомъ погибла душа того общества, которое изъ Болоньи развѣтвлялось по всей Италіи и имѣло въ виду основать независимость отечества на антагонизмѣ разныхъ посягавшихъ на него державъ. Оно думало съ помощью однихъ ослаблять другія. Нѣтъ, не надо намъ ничьей помощи; надо только умѣть умирать.

Колона Скипани отступила въ Неаполь передъ возрастающими силами Руффо. Въ городѣ смятеніе и страхъ были не описанны. Однакожь, дѣятельно приготавлились къ оборонѣ, и многіе пали героями. Франческо Мартелли было поручено защищать Торре-ди-Вильена. Рѣшившись умереть, но не сдаваться, онъ написалъ мнѣ письмо, прося позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ. Джуліо дель-Понте, совсѣмъ умирающій отъ своей болѣзни, просилъ себя, какъ милости, этого самаго безнадежнаго назначенія, и отправился вмѣстѣ съ Мартелли. Передъ отъѣздомъ Пизана распѣловала его, какъ передъ смертью; онъ горько улыбнулся и посмотрѣлъ на меня съ невыразимой завистью. Черезъ два дня защитники Торре-ди-Вильена, доведенные до крайности, взорвали себя съ сотней уже ворвавшихся въ башню враговъ. Тѣла ихъ падали кусками на дымящуюся землю. Въ анархіи этихъ послѣднихъ дней я потерялъ изъ виду Амилькара и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ, что онъ кончилъ жизнь разбойникомъ въ горахъ Санніо. Вскорѣ, по подлой трусости французскаго коменданта Сант-Эльмо, Межана, русскіе, англичане и шайки Руффо вступили въ Неаполь. Нельсонъ уничтожилъ капитуляцію, сказавъ, что король не заключаетъ условій съ мятежными подданными. Начались казни и мнѣ былъ свидѣтелемъ трагедіи, подобной которой нѣтъ въ исторіи, кромѣ гибели пифагорейцевъ въ той-же области великой Греціи. Маріо Пагано, Чирилло, два свѣточа итальянской науки, люди простые, великіе, какъ древніе, умерли на эшафотѣ. Элеонора Фонсека, пившая кофе прежде, чѣмъ взойти на лѣстницу висѣлицы, Федеричи, маршалъ, Карачіоли, адмиралъ, цвѣтъ неаполитанской аристократіи, украшеніе итальянской литературы и искусства, умерли отъ руки палача.

Оставался Этторе Карафа. До-нельзя защищалъ онъ Пескару и сдалъ ее только по приказанію самого республиканскаго правительства, заключившаго капитуляцію. Его привезли въ Неаполь и

приговорили къ смерти. Онъ просилъ одной милости—быть гильотинированнымъ, лежа на спинѣ, лицомъ къ небу и ножу. Желаніе это было исполнено. Въ тотъ самый день, когда онъ всходилъ на эшафотъ, я, Лючилио и Пизана пробирались къ португальскому судну, которое должно было спасти насъ, и имѣли счастье поклониться герою. Онъ посмотрѣлъ на Пизану, на меня и на Лючилио, потомъ опять на Пизану — и улыбнулся. О, благословенно человѣчество, которое можетъ одной только улыбкой искупить вѣка униженія! Я и Пизана опустили, плача, глаза. Лючилио смотрѣлъ на его смерть. Мы бѣжали изъ Неаполя. Поручивъ вдову и дѣтей Мартелли княгинѣ Сантавроче, мы отправились въ Геную — послѣднее, въ то время, для насъ убѣжище. Паденіе Неаполя, капитуляція Анконы, побѣды Суворова и Края предали въ началѣ 1800 года всю почти Италію во власть коалиціи.

ГЛАВА XVIII.

1800 годъ.—Злоключеніе кошки и мое блаженство во время осады Генуи.—Честолюбивыя замѣняетъ во мнѣ любовь.—Мое исцѣленіе отъ бюрократизма.

Итакъ, въ началѣ 1800 г. все, сдѣланное французами въ Итали, было уничтожено. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ должно было грануть Маренго, опять уничтожившее всѣ плоды столькихъ битвъ и жестокостей. Да, это было странное время. Событія жались, тѣснились на короткихъ промежуткахъ времени, такъ что переживъ ихъ и оглянувшись назадъ, казалось, что прожилъ десяти лѣтъ, когда на самомъ дѣлѣ прошли только мѣсяцы. Если читать исторію партенопейской республики безъ чиселъ, можно подумать, что она существовала многіе годы, когда въ дѣйствительности она просуществовала только нѣсколько мѣсяцевъ. Поэтому и для меня Неаполь остался навсегда какой-то фантастической страной, гдѣ человѣческая жизнь не идетъ шагомъ, а ичится на парахъ, гдѣ почва въ одинъ день создаетъ плоды, требующіе въ другихъ странахъ цѣлыхъ мѣсяцевъ для прозябанія.

Между тѣмъ мы прибыли въ Геную. Городъ находился въ осадѣ, и извѣстія изъ Итали не доходили до него. Послѣд-

нія новости изъ Венеціи мы получили отъ одного плѣннаго нѣмца, квартировавшаго въ Венеціи мѣсяць тому назадъ въ домѣ мужа Пизаны и, быть можетъ, въ той самой комнатѣ, гдѣ жилъ нѣкогда поручикъ Минато. Этотъ поручикъ былъ одной изъ двухъ непріятныхъ находокъ нашихъ въ Генуѣ; второю былъ голодъ; черезъ день послѣ нашего прибытія англійскій флотъ тѣсно обложилъ городъ съ моря, и черезъ нѣсколько недѣль пришлось уже пуститься на охоту за кошками. За то для насъ полезна была встрѣча съ стариннымъ пріятелемъ нашимъ, мельникомъ Алессандро, теперь уже не капитаномъ, а полковникомъ. Въ двадцать шесть лѣтъ отъ роду синьеръ Джорджи имѣлъ полковничій чинъ, былъ на цѣлую голову выше всѣхъ людей своего полка и командовалъ направо и налѣво голосомъ, предназначеннымъ заглушать стукъ мельничныхъ жернововъ. Онъ не зналъ, что такое страхъ, и при безумной храбрости отличался, говорить, примѣрной распорядительностью въ самомъ разгарѣ боя; таковы были его достоинства. Онъ имѣлъ смутныя понятія объ орфографіи и только недавно узналъ имена Вобана и Фридриха II; это были его недостатки. Повидимому, достоинства перевѣсили недостатки, такъ-какъ въ два съ половиной года онъ изъ солдатъ дослужился до полковника. Однажды, когда приходилось ужь очень плохо, Пизана была нездорова и я никакъ не могъ найти въ всемъ городѣ фунта мяса на супъ, я встрѣтилъ великолѣпнаго полковника.

— Га, Карлино! забасилъ онъ, — какъ поживаете?

— Пока живъ, но не знаю, что будетъ завтра, отвѣчалъ я; — Пизана нездорова, и положеніе становится съ каждымъ днемъ хуже.

— Какъ, контесина больна? *Coglio del diavolo!* Хочешь, я пришлю тебѣ штукъ восемь полковыхъ медиковъ? Полковъ-то ужь нѣтъ, а врачи остались; это доказываетъ ихъ великую ученость.

— Спасибо, съ меня довольно доктора Віанелло.

— Конечно, довольно; я предлагалъ такъ, для совѣта.

— Нѣтъ, болѣзнь не хитрая, просто недостатокъ хорошаго воздуха и шищи.

— Только-то? Положись на меня. Завтра я дежурю на Польшеверѣ и тамъ могу дать ей въ одинъ часъ надышаться столько, сколько во Фратѣ въ цѣлый день не надынешься.

— Ты забываешь бездѣлки, которыми угощаетъ насъ Меласъ.

— Ахъ, и то! Я забылъ, что она контесина и что бомбы могутъ обезпокоить ее. Ну, что-же дѣлать, пошли ее гулять на крыши.

— Это было-бы возможно, будь она повѣрѣнче, но больная, питающаяся салатомъ, не можетъ быть способна къ гимнастическимъ упражненіямъ.

— Бѣдняжка! Впрочемъ, я могу помочь и этому. Видишь меня: кажется, я, слава-богу, держу себя въ тѣлѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ, ты точно соборный капеланъ въ Портогруаро!

— Чего капеланъ? Развѣ у капелановъ бываютъ такіе мускулы? (При этомъ онъ вытягивалъ и надувалъ мускулы предплечія, такъ что трещали швы рукава.) Благодаря моей предусмотрительности я сохранилъ себя въ такомъ добромъ здравіи. Я убилъ моихъ двухъ лошадей, посолилъ мясо и отпускаю себѣ по четыре фунта въ день. А тамъ будь, что будетъ. Хочешь, подѣлимся?..

— Для себя охотно принялъ-бы, но для Пизаны соленая конина не такъ-то удобна.

— Ну, есть другое средство. Моя хозяйка скупа, какъ сушная гемузетка, и питается вареными травами, которыя собираетъ на своемъ дворѣ, величаемомъ садомъ. Она и до осады питалась этимъ, и жизнь для нея ничто иное, какъ безконечная блокада. Но представь себѣ: у нея на колѣняхъ живетъ старая ангорская кошка, такая жирная, такая здоровенная, что всякій миланецъ съѣлъ-бы ее за лакомство и безъ осады *).

— Ладно! Согласенъ на ангорскую кошку. Пизана терпѣть не можетъ живыхъ кошекъ, но, можетъ быть, ей понравится вареная. Я скажу ей, что это супъ изъ курицы, а не изъ кошки. Достану гдѣ-нибудь пригоршню перьевъ, чтобы рассыпать въ кухню.

— Я могу и перья...

— Спасибо, Алессандро, у насъ много подушекъ. Но какъ-же ты добудешь кошку съ колѣнъ хозяйки?

*) Въ Италіи кошекъ ѣдятъ гораздо меньше, чѣмъ въ Швейцаріи и во Франціи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не ѣдятъ и смѣются надъ ломбардцами, гдѣ это мясо употребляется въ пищу. *Пр. перев.*

Храбрый полковникъ пріосанился и сталъ охорашиваться, какъ котъ.

— Какъ-же ты сдѣлаешь?

— Карлино, я имѣлъ несчастье понравиться ей больше кошки и она покоя не даетъ мнѣ своими приставаніями.

— Стало быть, она дурна, что тебѣ это въ тягость?

— Дурна, другъ, ужасна! Да и какъ быть скрагѣ красивой? Точно синьера Сандрава, только зубовъ поменьше.

Я сдѣлалъ гримасу.

— Но не безпокойся, продолжалъ онъ, — я не заставляю тебя смотрѣть на нее, возьму всю непріятность на себя; для тебя и для контесины я пошелъ-бы и на худшее. Впрочемъ, надѣюсь отдѣлаться страхомъ. Видишь, она всякое утро подходитъ къ моей двери спрашивать меня, какъ я почивалъ, и при этомъ вертитъ ручку дверей, какъ-бы желая войти, но я замѣтилъ это и запираю дверь извнутри задвижкой; скорѣе забуду снять сапоги, ложась въ постель, чѣмъ соблюсти эту предосторожность. Завтра-же я не задвину задвижку, она войдетъ, а тѣмъ временемъ мой ординарецъ справится съ кошкой.

— Хорошо придумано, рег Вассо! Съ такой сообразительностью ты скоро будешь генераломъ. Спасибо; помни, что я буду ждать твоей кошки для возобновленія здоровья моей кузины.

На другой день въ полдень Алессандро явился ко мнѣ мрачный.

— Что такое? спросилъ я его.

— Проклятая гарпія! воскрикнулъ полковникъ; — представь себѣ, она явилась ко мнѣ съ своей дурацкой кошкой подъ мышкой!

— И что-же?

— И я долженъ былъ выдержать полчаса бесѣды, отъ которой у меня до сихъ поръ вся внутренность переворачивается. Ахъ, чортъ подери, какъ мнѣ разлучить ее съ этой чертовой кошкой? Придумай что-нибудь!

— Если-бы, напримѣръ, ты попробовалъ обнять ее?

Бѣдный Алессандро скорчилъ ужасную гримасу.

— Кажется, другого средства нѣтъ, отвѣчалъ онъ; — но если кошка не уйдетъ или замедлитъ уйти?

— О, чортъ возьми, можетъ-ли быть, чтобы такой храбрый солдатъ, какъ ты, не нашелъ средствъ продлить сраженіе?

При этихъ словахъ моихъ Алессандро принялъ серьезный и нѣсколько оскорбленный видъ. Сначала я было не догадался, въ чемъ дѣло, но вдругъ меня озарило и я поспѣшилъ сказать:

— Я употребилъ слово „солдатъ“ въ смыслѣ война вообще; въ этомъ смыслѣ можно назвать солдатами Юлія Цезаря, Аннибала, Александра Македонскаго и Фридриха II. Я очень хорошо знаю, что ты полковникъ.

При этомъ объясненіи и при знакомомъ имени Фридриха II лицо полковника прояснилось.

— Хорошо, сказалъ онъ, поглаживая бабенбарды;—я прила-
скаю старую гарпію... но что скажетъ горничная?

— При чемъ тутъ горничная?

— Какъ при чемъ? Очень при многомъ. Вотъ еще!.. При всемъ!

— Горничная хорошенькая и молодая?

— Свѣжа и ядрена, какъ незрѣлое яблочко, съ рябинками, напоминающими мнѣ нашихъ крестьянокъ, и съ такимъ роти-
комъ, какого другого не сыщешь въ Генуѣ.

— Ну, теперь я понимаю, при чемъ она тутъ. Все это послѣдствія послѣдствій. Но можно услать горничную купить чего-
нибудь, хоть порошка для чистки шпоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дружище, нельзя, это возбудитъ ревность дочери дворничихи.

— Мой дорогой Алессандро, ты, кажется, поводилъ съ ума всѣхъ женщинъ! Надо сознаться, что у слабago пола извѣстныя потребности сильнѣе даже требованій желудка.

— Это случайность, Карлино! Впрочемъ, конечно, мое тѣло-
сложеніе и цвѣтъ лица производятъ впечатлѣніе. Притомъ ме-
жду генуэзцами и фриульцами приходится объясняться больше знаками, потому что мы говоримъ на двухъ самыхъ непонятныхъ нарѣчіяхъ, и когда спрашиваешь хлѣба, немудрено, что тебѣ дадутъ совсѣмъ другое.

— Да, это причина, но плохо пришлось-бы тебѣ безъ соле-
ной конины! Ну, дай что-нибудь выгладить.

— Хорошо, хорошо, посмотрю, устрою. Завтра получишь кошку; изъ нея выйдетъ бульону на двѣ недѣли.

— Прошу тебя; сегодня я еще купилъ полголубя за неслы-
шанныя деньги, а завтра совсѣмъ нечего ѣсть будетъ.

Полковникъ подтвердилъ свое обѣщаніе жестомъ и вышелъ. Дѣйствительно, на другой день, въ десятомъ часу, пришелъ его ординарецъ и принесъ добычу; кошка была, въ самомъ дѣлѣ, необычайно толстая и тяжелая, какихъ я никогда не видалъ даже въ фратской кухнѣ.

— А что полковникъ? спросилъ я ординарца.

— Я оставилъ его въ ссорѣ со всѣми бабами въ домѣ, отвѣчалъ солдатъ;—но что ему бабы, когда онъ привыкъ справляться со всякимъ непріателемъ?

Не успѣлъ я передать кошку кухаркѣ, поручивъ ей извлечь изъ нея какъ можно больше бульона и скрасить кошачій вкусъ приправой лука и травъ, какъ влетѣлъ самъ Алессандро, взбешенный и отчаянный, какъ Орестъ, гонимый фуриями. Онъ бросился на кресло, пыхтя и отдуваясь, разразился проклятіями и провозгласилъ, что теперь скорѣе согласится сдѣлать одинъ вылазку, чтобы отбить быка у осаждающихъ, чѣмъ предпринять охоту за другой кошкой.

— Слушай, что было, сказалъ онъ, швыряя шляпу на другой конецъ комнаты.—Я придумалъ услатъ дворничиху изъ дому, а горничную отправить за дворничихой; во время ихъ отсутствія хозяйка пришла-бы ко мнѣ и я остался-бы съ ней одинъ, мой ординарецъ свернулъ-бы кошку шею, а тутъ вернулись-бы горничная съ дворничихой и выручили-бы меня. И что-же вышло? Дворничиха встрѣтилась съ горничной на лѣстницѣ и онѣ побранились; я, вышвырнувъ кошку за дверь и схвативъ въ объятія ея хозяйку, остался въ такомъ положеніи, что ни назадъ, ни впередъ: проклятая кошка вцѣпилась мнѣ въ ноги, а хозяйка за шею. Я ругаюсь направо и налево и, наконецъ, прогоняю животное... въ эту самую минуту дворничиха и горничная входятъ, перебраниваясь, и застаютъ меня въ объятіяхъ хозяйки. Одна визжитъ, а другая кричитъ, такъ что, я думаю, переполошили всѣхъ сосѣдей. Хозяйка была красна, больше отъ досады, чѣмъ отъ стыда, я былъ блѣденъ, больше отъ страха, чѣмъ отъ досады. Однако я закричалъ, что ничего такого тутъ нѣтъ, что я только показывалъ синьерфъ, какъ на дѣвается сабля. Горничная кидается на хозяйку съ крикомъ, что выцарапаетъ ей глаза, если она тотчасъ не расчисаетъ ее, что она надула ее, не исполнивъ своего обѣщанія предоставить ей одной услуживать офицеру. Дворничиха протестуетъ противъ

этого непомѣрнаго притязанія. Снизу между тѣмъ доносится послѣднее мяуканіе несчастной кошки, зарѣзанной моимъ ординарцемъ ножницами хозяйки, которые были потомъ найдены окровавленныя. Мнѣ еще надо задать этому болвану нагоняй за такое свинство. Было настоящее столпотвореніе: хозяйка, которая было-оставила меня, опять полѣзла мнѣ на шею, горничная уцѣпилась за шиворотъ, а дворничиха тянула меня за фалды. Видя, что онѣ готовы растерзать меня, я заоралъ благимъ матомъ, такъ что онѣ отскочили, остолбенѣвъ, выскочилъ въ дверь, схватилъ въ передней шапку и удралъ; но, клянусь тебѣ, я чувствую себя теперь такъ, какъ если-бы выдержалъ въ каре атаку казакѡвъ.

Я постарался успокоить полковника и повелъ его принимать благодарность Пизаны; въ нашемъ разсказѣ ей кошка превратилась въ индюка, вслѣдствіе чего самоотверженіе полковника много, конечно, утратило своего героизма. Благодаря искусству кухарки-пьемонтезки, бульонъ былъ одобренъ Пизаной; разумѣется, его нельзя было сравнить съ говяжьимъ, но при всеобщемъ голодѣ можно было удовольствоваться и индюпечьемъ.

Всѣ эти исторіи покажутся очень мелочными послѣ неаполитанской эпопеи, но у всякаго времени свои заботы, а генуэзская осада изобиловала комическими приключеніями. Только Лючилио сохранялъ серьезный видъ, съ самымъ невозмутимымъ видомъ грызя цикорные коренья, какъ будто-бы ѣлъ котлеты изъ дичи или пулярдокъ.

Однажды полковникъ явился ко мнѣ нѣсколько блѣднѣе и унылѣе обыкновеннаго. Я приписалъ это истощенію запаса соленой конины, но онъ опровергъ это предположеніе, сказавъ, что у него совсѣмъ другое въ головѣ и что онъ сводитъ меня въ такое мѣстечко, гдѣ у всякаго пропадетъ веселіе. Я выразилъ готовность идти немедленно, но онъ отложилъ на завтра, говоря, что на сегодня съ него довольно. На другой день онъ повелъ меня въ лазаретъ, гдѣ подвелъ меня къ кровати Бруто Проведони, выздоравливавшаго отъ долгой болѣзни; онъ уже начиналъ вставать, но на одной ногѣ; другая осталась гдѣ-то въ полѣ. Алессандро встрѣтилъ его въ лазаретѣ случайно, разыскивая одного своего солдата. Бруто, впрочемъ, не унывалъ, сиѣлся, пѣлъ, пробовалъ плясать съ своимъ костылемъ съ самыми уморитель-

ными тѣлодвиженіями и говорилъ, шутя, что жалѣеть объ одномъ — что рано потерялъ ногу, что если-бы подождать подольше, то она пригодилась-бы ему на обѣдъ. Я поспѣшилъ взять его къ намъ на выздоровленіе, чтобы избавить отъ неудобствъ военнаго госпиталя.

Въ Генуѣ я свидѣлся также съ Уго Фосколо, служившимъ офицеромъ въ ломбардскомъ легіонѣ, и въ послѣдній разъ былъ съ нимъ въ прежнихъ короткихъ отношеніяхъ. Онъ уже тогда начиналъ держать себя на недоступной высотѣ генія, удаляться отъ дружбы, особенно съ мужчинами, чтобы вѣрнѣе приобрѣтать удивленіе людей, что, впрочемъ, не мѣшало ему писать оды своимъ друзьямъ со всѣмъ классицизмомъ Анакреона и Горація. Это доказываетъ, что мы не исключительно занимались умираніемъ съ голода и что цикорные корешки могутъ поддерживать поэтическій пылъ и веселіе молодости.

Однако, мало-по-малу, становилось не до веселія. Одинъ бобъ стоилъ три сольди; унція хлѣба — четыре франка; такимъ образомъ, питаюсь только хлѣбомъ и бобами, можно было разориться въ одну недѣлю. У меня было всего около двадцати тысячъ франковъ, считая въ томъ числѣ и австрійскіе билеты, которые, конечно, размѣнять въ Генуѣ было неудобно; такимъ образомъ, всѣ мои наличныя средства ограничивались сотней дублоновъ. Чтобы не разрушить окончательно разстроеннаго здоровья Пизаны и для этого давать ей болѣе питательную пищу, чѣмъ варенныя мыши и леденецъ, приходилось расходовать по дублону въ день. Наконецъ, пришлось прибѣгнуть и къ соленой конинѣ полковника; но вскорѣ отъ нея остались только вываренныя кости, и тогда оставалось питаться, какъ большинство, тухлой рыбой, варенымъ сѣномъ, травой и леденцами, которыхъ въ Генуѣ былъ большой запасъ, потому что они составляли значительную отрасль торговли. Въ заключеніе появились лихорадки и сыпныя болѣзни. По счастью, какъ-разъ въ это время Пизана выздоровѣла; должно быть, леденцы были ей полезны. Опять появился румянецъ на ея щекахъ, а съ нимъ и ея прежній взбалмошный нравъ, который во время ея болѣзни такъ притихъ, что ея необычайная кротость даже тревожила меня, заставляя предполагать болѣзнь болѣе опасной; чѣмъ казалось съ виду. Теперь же я могъ успокоиться; она стала совсѣмъ прежней Пизаной, ка-

кой была во Фратѣ: то прыгала и хохотала, то, безъ всякой причины, по цѣлымъ днямъ дулась, капризничала и отъ гробового молчанія переходила къ невѣроятной болтливости. Мнѣ иногда начинало казаться, что вмѣсто того, чтобы быть, такъ-сказать, ветераномъ войны за свободу, я прежній мальчишка во Фратѣ, безпрестанно ссорящійся и мирящійся съ этой дѣвочкой. Я впадалъ въ дѣтство, какъ какой-нибудь прадѣдушка, хотя не былъ еще отцомъ. Это послѣднее обстоятельство служило частымъ поводомъ къ сценамъ съ Пизаной. Ей почему-то захотѣлось во что-бы то ни стало имѣть ребенка; я представлялъ ей, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ это было-бы истиннымъ несчастіемъ и что надо радоваться, что его нѣтъ. Она выходила изъ себя, начинались споры, ссоры, все изъ-за этого небывалаго ребенка, хотя я нисколько не былъ повиненъ въ томъ, что его нѣтъ.

Къ этому присоединялась еще ревность. Я не могъ выглянуть въ окно безъ того, чтобы она не упрекнула меня. Противъ насъ жили двѣ модистки, гладильщица, жена одного арсенальнаго работника и акушерка; Пизана увѣряла, что я во всѣхъ ихъ влюбленъ, что было оскорбленіемъ моего вкуса, особенно въ отношеніи акушерки, которая была дурна какъ смертный грѣхъ. Тщетно я сидѣлъ по цѣлымъ днямъ дома, чтобы не давать ни малѣйшаго повода къ ревнивымъ выходкамъ; Пизана обвиняла меня въ притворствѣ и, чтобы не стѣснять меня, выходила, говоря, что пойдетъ на полдня бродить по улицамъ, хотя въ городѣ гулять почти невозможно по причинѣ отвратительной вони отъ госпиталей, кладбищъ и нечистотъ. Затѣмъ ей вздумалось ѣздить со мной на батареи, когда наши знакомые дежурили тамъ. Если я отказывался, она обвиняла меня въ трусости. Эти обвиненія и ея приставанія доводили меня до того, что, потребуй она, я готовъ былъ идти штурмовать укрѣпленный лагерь австрійскаго генерала Отто.

Однажды мы отправились, такимъ образомъ, съ визитомъ къ полковнику Алессандро въ фортъ Квецца, одинъ изъ самыхъ подверженныхъ непріятельскому огню. Бомбы сыпались дождемъ на казематы въ то время, какъ мы распивали малагу за счастье Бонапарта и за твердость Массены, защитника Генуи. Пизана пила стаганъ за стаганомъ, какъ маркитантка. Я чувствовалъ

противъ нея сильнѣйшую досаду. Когда мы выходили изъ форта, Алессандро остановилъ насъ посмотрѣть великолѣпный фейерверкъ; дѣйствительно, бомбы Отто описывали на небѣ красивыя параболы, и если-бы не шумъ и грохотъ ихъ паденія и взрыва, то зрѣлище было бы прекрасное. Я ускорилъ шаги, чувствуя сильное безпокойство, особенно за Пизану; но она шла за мной съ неудовольствіемъ, ворча себѣ подъ носъ о моей трусости и превознося до небесъ Алессандро и его славныя солдатскія манеры, его простыя, но остроумныя и мѣткія шутки и остроты. У нея была страсть къ типажъ; лаццарони не понравился-бы ей безъ вшей, а полковникъ изъ мельниковъ—безъ ругательствъ и неприличныхъ словъ. Я молчалъ въ негодованіи; тогда она стала упрекать меня въ зависти. Я вышелъ изъ себя и, возвысивъ голосъ, сказалъ, что, будь я женщиной, я скорѣе прельстился-бы ея дядей монсиньеромъ, чѣмъ такимъ скотомъ. Началась ссора, въ которой она упрекала меня въ неблагодарности, а я ее въ неразборчивости. По окончаніи ссоры мы сидѣли впотъмахъ въ двухъ противоположныхъ углахъ комнаты и молчали. Лючилио, войдя къ намъ, засталъ насъ въ такомъ положеніи спящими. Проснувшись, Пизана, чтобы уязвить меня, стала опять восхвалять Алессандро, говоря, что надо имѣть необыкновенныя способности, чтобы въ такое короткое время изъ мельниковъ дослужиться до полковника, и что она всегда ожидала отъ него, когда онъ былъ еще мальчикомъ, чего-нибудь блестящаго.

Такимъ образомъ, фратскія дѣтскія сцены, когда я, бывало, ревновалъ Пизану къ маленькому Сандро, возобновились. Но вскорѣ красавецъ Алессандро, поощренный Пизаной, сталъ позволять себѣ съ ней вольности. Она пришла въ неописанный ужасъ, и тутъ уже мнѣ пришлось взять его сторону и объяснить ей разницу между наивной пошлостью храбраго и добраго въ сущности солдата и непристойнымъ ухаживаніемъ какого-нибудь развращеннаго франта. Алессандро, то покровительствуемый Пизаной противъ меня, то мною противъ нея, совсѣмъ сбился съ толку и не зналъ, какъ держаться съ нами.

Между тѣмъ голодъ и прочіе ужасы осады все усиливались и надежды не было, повидимому, никакой. Можно было недоумѣвать, чего хочетъ Массена, моря цѣлый городъ: обратить Геную въ новую Помпею, населенную трупами, или отогнать непріятеля

страхомъ чумы? Всѣ были въ отчаяніи, въ ярости на главнокомандующаго. Но онъ зналъ, что дѣлалъ; каждая недѣля, каждый день отсрочки сдачи были громаднѣмъ выигрышемъ. Бонапартъ уже готовилъ ударъ и надо было дать ему время нанести его. Твердостью, терпѣніемъ и жестокостью въ отношеніи города Массена дотянулъ до 1 іюня, когда Бонапартъ какъ лавина устремился съ горъ на спокойно дремлющаго Меласа, и въ Миланѣ снова ожили надежды итальянцевъ. Генуя не сдалась на капитуляцію, а заключила договоръ, по которому восемь тысячъ уцѣлѣвшаго войска Массены отступили на усиленіе варской арміи, и побѣдители не подумали даже о восстановленіи въ Лигуріи прежняго правительства. Имъ было уже не до реставрацій. Меласъ спѣшилъ собрать свои разсѣянные корпуса на Бормидѣ, въ томъ самомъ пунктѣ, на который Бонапартъ передъ отъѣздомъ изъ Парижа показалъ пальцемъ на картѣ, сказавъ:

— Вотъ гдѣ я разобью его!

Бонапартъ спѣшилъ повинуть Миланъ и перейти По; онъ рассчитывалъ послать Ланна побѣдить при Монтебелло и припереть непріятеля къ Алессандріи.

Между тѣмъ, согласно договору, генуэзскіе эмигранты были перевезены на англійскихъ корабляхъ въ Антибъ. Въ числѣ ихъ были и я, Пизана, Лючилио и Бруто Проведони. Въ этомъ непріятномъ путешествіи я разстался съ моимъ послѣднимъ дублономъ и былъ очень радъ найти въ Марсели ростовщика, который размѣнялъ мои австрійскія асигнаціи по 30 за 100. Между тѣмъ уже пришло извѣстіе о побѣдѣ при Маренго, и всѣ мы направились въ Италію. Надежды наши были велики, но дѣйствительность превзошла ожиданія; австрійцы вынуждены были возвратить столько, что торжество казалось чудомъ. Всѣ, однакожь, ждали, что война этимъ сраженіемъ не кончится; продолженіе ея сулило въ будущемъ освобожденіе Венеціи и ея присоединеніе къ цизальпинской республикѣ. Но по дорогѣ мы узнали о капитуляціи Алессандріи; Меласъ уходилъ за По и Минчіо, отдавая французамъ Пьемонтъ, Ломбардію, Лигурію, герцогства, Тоскану, легатства. Новый папа, избранный въ Венеціи, былъ обязанъ возвращеніемъ своихъ владѣній только тому, что первый консулъ начиналъ разыгрывать роль защитника порядка, религіи и мира.

Новыя временныя правительства на новыхъ началахъ были

поставлены во всѣхъ провинціяхъ. Лючилио и старые демократы негодовали; но Бонапартъ ослѣплялъ и опынялъ народъ, ласкалъ власти, щедро награждалъ солдатъ, и противъ этого республиканство большинства не могло устоять. Я хотя оставался вѣренъ прежнимъ принципамъ, но ждалъ многого отъ новыхъ событій, не подозрѣвая, какъ много могутъ измѣниться люди въ самое короткое время. Я не порицалъ Лючилио за то, что онъ не принялъ должности, предлагаемой ему новымъ правительствомъ, но самъ взялъ охотно должность аудитора въ военномъ судѣ. Въ то время очень нуждались въ честныхъ чиновникахъ по гражданскому вѣдомству и потому меня скоро перевели секретаремъ финансовъ въ Феррару. Я былъ радъ честно зарабатывать себѣ хлѣбъ, такъ-какъ послѣ двѣнадцати тысячъ, оставленныхъ въ Неаполѣ на обезпеченіе вдовы Мартелли, послѣ дублоновъ, проѣденныхъ въ Генуѣ, и асигнацій, размѣнянныхъ въ Марсели, изъ денегъ, оставленныхъ мнѣ отцомъ передъ смертью, не оставалось почти ничего. Полковникъ Джорджи предлагалъ мнѣ свою протекцію, чтобы сдѣлать меня маіоромъ артилеріи или инженеровъ, но я предпочиталъ гражданскую службу, потому что въ ней мнѣ было удобнѣе жить съ Пизаной. Въ Феррарѣ мы поселились очень прилично. Бруто Проведони уѣхалъ домой въ Фріуль, обѣщая писать мнѣ. Мы радовались, что вышли цѣлы и невредимы изъ событій, бывшихъ роковыми для столькихъ людей гораздо выше и лучше насъ, и спокойно ждали, чтобы дальнѣйшія ожидаемыя событія позволили намъ узаконить наши отношенія.

Изъ этихъ событій самымъ желаннымъ была-бы кончина его превосходительства Наваджеро. Бѣдняга, я не желалъ ему зла, но находилъ, что, проживъ семьдесятъ лѣтъ слишкомъ, онъ могъ-бы безъ обиды для себя очистить мнѣ мѣсто. Вѣроятно, таково было общее вѣяніе времени, шедшаго на спокойствіе, на законность, на миръ; какъ - бы то ни было, любовь моя изъ бѣшенной страсти становилась разсудительной привязанностью, стремящейся къ законному браку. Что касается Пизаны, она была совершенно равнодушна къ этому и оставалась такой-же капризной и взбалмошной, какой была въ послѣднее время въ Генуѣ. Дошло до того, что она приняла въ нашъ домъ Асканіо Мина-то, который сдѣлался капитаномъ, покинулъ свою графиню, от-

битую у Эмилио Торрони, и стоялъ гарнизономъ въ Феррарѣ. Онъ встрѣтился съ Пизаной и она съ нимъ, какъ-будто между ними ничего не было, и сталъ бывать у насъ. Онъ мнѣ чрезвычайно не нравился по своимъ прежнимъ отношеніямъ къ Пизанѣ и по своей нестерпимой французской заносчивости. Но зная Пизану и то, какъ на нее дѣйствуетъ всякое противорѣчіе, я старался не подавать виду, что его посѣщенія непріятны мнѣ.

Отъ Аглауры извѣстія были частыя, но не особенно хорошія. У нея былъ уже второй ребенокъ, но мать Спиро умерла, и оба они были очень огорчены; дѣла ихъ процвѣтали, но общественныя дѣла шли очень плохо. Въ числѣ самыхъ дерзкихъ и притѣснительныхъ австрійскихъ чиновниковъ былъ старшій Венквередо, и Спиро, имѣвшій съ нимъ дѣло, писалъ, что ренегаты изъ своихъ гораздо хуже чужихъ. Съ нимъ заодно, но неофициально, дѣйствовали адвокатъ Ормента и падре Пендола. Старшій Фрумиеры оба умерли въ одинъ мѣсяцъ; изъ молодыхъ, Альфонсъ отказался отъ супружества, чтобы получить командорство въ Мальтійскомъ орденѣ, но объ этомъ орденѣ неизвѣстно было, существуетъ-ли онъ еще, а между тѣмъ Альфонсъ состоялъ подъ покровительствомъ одной немолодой дамы, по фамиліи Дольфинъ, вдовы портогруарскаго кореджителя. Я припомнилъ ее, Пизана тоже, и мы порядочно смѣялись.

Другой братъ поступилъ на службу къ австрійцамъ, потому что по смерти родителей ему нечѣмъ было жить. Ему, ретивому республиканцу, дали мѣсто при таможенѣ. Поговаривали о предстоящемъ выгодномъ бракѣ его съ дѣвицей Контарини, той самой, которую отецъ прочилъ мнѣ въ жены. Свахой была графиня Фрата, въ качествѣ тетушки жениха и въ надеждѣ получить вознагражденіе; она продолжала питать страсть къ игрѣ, но играть было больше не на что, потому что изъ всего имѣнія оставался только полуразрушенный замокъ. Монахиня Клара по смерти матери Реденты сдѣлалась столпомъ общины и мѣтила въ игуменьи; о дѣлахъ-же мірской суеты помышляла меньше прежняго. Графъ Ринальдо продолжалъ корпѣть въ бібліотекахъ и служить писцомъ; Раймондо Венквередо предлагалъ достать ему выгодную должность, но онъ отказался, не столько, я думаю, изъ патріотизма, сколько потому, что не хотѣлъ обременять себя службой больше того, сколько было нужно на приобрѣтеніе на-

сушнаго хлѣба. Аглаура писала мнѣ и о Дореттѣ, которая, падая все ниже, дошла до послѣдняго предѣла позора. Пизана сообщила мнѣ какъ-то, что она первая рассказала ей о моемъ побѣгѣ съ Аглаурой, причѣмъ эта несчастная дура дѣйствовала по наущенію Раймондо Венквередо противъ собственнаго интереса.

— Вотъ какими тварями ты вѣрила, сказалъ я по этому поводу Пизанѣ.

— Да, отвѣчала она, — извѣстное дѣло, когда на кого-нибудь сердиться, всегда охотно вѣришь всему дурному, что о немъ говорятъ. Мнѣ и Раймондо говорилъ, что ты и въ Венеціи оставался, и въ Миланѣ потомъ убѣждалъ, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, притомъ очень вонючей.

— Ага, подлець! воскликнулъ я. — Онъ сказалъ тебѣ это? И съ нимъ раздѣляюсь!

— Я этому не вѣрила, но это все-таки усиливало мое раздраженіе и побудило меня ѣхать въ Миланъ.

— Довольно объ этомъ, сказалъ я, не любя припоминать этотъ эпизодъ нашей жизни. — Посмотримъ, что пишетъ намъ изъ Кордовадо Бруто Проведони.

Письмо это хранится до сихъ поръ въ сокровищницѣ моихъ сувенировъ, которая начинается клокомъ волосъ, вырванныхъ мною въ дѣтствѣ у Пизаны по ея приказанію, и оканчивается шпагой моего сына, присланной мнѣ недавно изъ Америки съ извѣстіемъ о его смерти. Вотъ это письмо:

„Дорогой Карлино!

„Мнѣ хотѣлось-бы написать тебѣ очень длинное письмо, чтобы передать тебѣ всѣ тяжелыя впечатлѣнія, испытанныя мною здѣсь по приѣздѣ. Но я не имѣю навыка писать и потому ограничусь передачей тебѣ фактовъ, какъ они есть. Ты самъ поймешь, какое впечатлѣніе должны были они произвести на меня.

„Если-бы ты видѣлъ здѣшній край, Карлино! Ты не узналъ-бы его! Куда дѣвались сельскіе праздники, вечеринки, пирушки? Гдѣ теперь всѣ эти фамилии, оживлявшія страну своими празднествами, ссорами, враждами? Гдѣ прежнія соперничества между деревнями изъ-за выбора священника или за первенство права? Можно подумать, что съ тѣхъ поръ прошло 50 лѣтъ, а не четыре года. Неурожая не было, а всѣ плачутся на бѣдность; не

было ни наборовъ, ни эпидемій, какъ въ Пьемонтѣ и во Франціи, а поля стоятъ невоздѣланныя, селенія опустѣли. Кто ушелъ въ Германію, кто въ Цизальпину, кто уѣхалъ искать счастья въ Венеціи, кто сидитъ, запершись отъ страха, въ своемъ имѣніи. Разница убѣжденій разстроила семьи; тревоженія убили стариковъ и состарили молодыхъ. Свадебъ нѣтъ; не звонятъ колокола къ крестинамъ; когда слышится звонъ, то навѣрно къ похоронамъ или за упокой. Какъ вы знаете, древнія феодальныя права отмѣнены; Венквередо и Фрата теперь простыя деревни, какъ Тельо и Баньяра, подвѣдомственные портогруарскому префекту, — такъ называется новая учрежденная власть, никому, впрочемъ, не нравящаяся. Самъ я не берусь судить о качествахъ этихъ новыхъ учреждений, но народъ здѣшній съ недовѣріемъ смотритъ на все исходящее отъ тѣхъ, кто разорилъ его войной. Во всякомъ случаѣ, за послѣдніе годы разжились и попользовались только мошенники; честные люди разорились, не умѣвъ или не хотѣвъ воспользоваться общимъ бѣдствіемъ для своихъ выгодъ. Настало царство ростовщиковъ, кулаковъ, плутовъ всякаго рода, которые вчера еще были лакеями, а теперь попали въ господа, набивъ карманы разными неправдами; по своимъ прежнимъ привычкамъ, они даже не считаютъ нужнымъ прикрывать приличной внѣшностью свою подлость. Они требуютъ уваженія, повиновенія единственно за то, что богаты. Карлино, до сихъ поръ революція надѣлала намъ больше зла, чѣмъ добра. Мы попали подъ иго денежной аристократіи, которая заставитъ пожалѣть о родовой. Но я говорю *до сихъ поръ*, только потому, что если люди признали несостоятельность историческихъ правъ, то тѣмъ легче увидятъ они чудовищность притязаній, неоснованныхъ ни на чемъ иномъ, кромѣ толстаго кармана.

„О, если-бы вы взглянули на фратскій замокъ! Стѣны еще стоятъ, башни еще возвышаются среди ивъ и тополей, окружающихъ ровъ; но какое вездѣ разрушеніе! Нѣтъ ни толпы слугъ, ни собачьихъ своръ, ни коней; нѣтъ стараго Джермано, который, бывало, чиститъ ружья на мосту; нѣтъ канцеліере, сопровождающаго графа на прогулку; нѣтъ мужиковъ, снимающихъ шапки передъ контезинами! Все пустынно, уныло, разрушено. Подъземный мостъ развалился, а ровъ заваленъ щебнемъ и камнями изъ разобраннаго дома садовника. Дворы поросли травой, окна стоятъ

безъ рамъ; говорятъ, воры или кредиторы увезли и продали даже кровельныя балки, такъ-что часть крыши разобрана и снѣгъ и дождь идутъ въ комнатахъ. Маркетто, служащій причетникомъ въ Тельо и ставшій вялымъ, какъ каплуна, ходитъ еще въ замокъ по старой привычкѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что синьера Вероника умерла, что монсиньеру и капитану прислуживаетъ одна Джустина, служанка капелана, присматривающая за ихъ вещами и стряпающая имъ обѣдъ. Монсиньеръ вздыхаетъ, потому что не можетъ пить вина, капитанъ плачется на судьбу, потому что Вероника передъ смертью взяла съ него обѣщаніе не жениться вторично, а въ Фоссальтѣ есть сумасшедшая баба, вдова аптекаря, желающая выйти за него замужъ. Зимой ложатся въ пять часовъ, и то монсиньеръ задолго до этого клюетъ носомъ. Изъ всѣхъ его прежнихъ знакомыхъ остался только капеланъ. Монсиньеръ ди-Сантъ-Андреа и приходскій священникъ Тельо умерли. Словомъ, я уѣхалъ изъ живой страны, а по возвращеніи нахожу кладбище.

„Живутъ во Фратѣ, можно сказать, только милостыней четырехъ фермеровъ, еще оставшихся у нихъ; доходъ, какой получается, весь отсылается въ Венецію. Фульдженціо купилъ домъ Фруміеровъ въ Портогруаро и теперь чуть не первое лицо у насъ. Сынъ его, Доменико, нотаріусомъ въ Венеціи, а другой недавно служилъ первую обѣдню. Красивый патеръ этотъ донъ Джироламо и нравится мнѣ больше своего отца и брата, хотя тоже отчаянная бестія.

„Теперь, Карлино, перехожу къ моимъ семейнымъ огорченіямъ. Ты знаешь, моя мать умерла за мѣсяць до моего поступленія въ солдаты; отецъ недолго прожилъ послѣ нея. Бѣднякъ умеръ на рукахъ Аквиллы, потому что сыновья были съ нимъ въ ссорѣ и не хотѣли вѣрять, что онъ при смерти; Брадаманта-же сама лежала въ постели послѣ родовъ. Не хочу дурно говорить о братьяхъ, но старшій по незнанію, а прочіе по вѣтренности опустошили весь домъ, такъ-что когда я пріѣхалъ, все было пусто; впрочемъ, даже хуже, чѣмъ пусто, потому что братъ Леоне, уѣзжая съ семействомъ въ Сан-Вито на мѣсто управляющаго, отдалъ домъ внаймы, кромѣ трехъ комнатъ, оставленныхъ Аквиллѣ и Мастино; Грифоне также уѣхалъ школьнымъ учителемъ въ Иллирію. Черезъ три мѣсяца и Мастино предложили мѣсто

писца въ Удине, и онъ отправился, оставивъ четырнадцатилѣтнюю сестру одну въ домѣ.

„Все это я уже зналъ изъ писемъ, но не могу выразить тебѣ, какое впечатлѣніе это произвело на меня, когда я увидѣлъ воочию. Я поселился съ сестрой, но черезъ нѣсколько времени къ намъ явилась—кто-бы, ты думалъ?—невѣстуха, эта злосчастная Доретта! Она явилась съ какимъ-то не то писаремъ, не то юродивымъ, называвшимъ себя сыномъ венеціанскаго адвоката Ормента, и заявила требованіе получить свое приданое и наслѣдство мужа. Что ты на это скажешь? Приданое, котораго никогда не было дано, и наслѣдство человѣка, котораго она, можно сказать, убила! Но у нея была какая-то росписка Леопардо, и, кромѣ того, я сжалился надъ ней, потому что юродивый сказалъ мнѣ, что безъ этихъ денегъ она рискуетъ дойти до послѣдняго униженія; такимъ образомъ, чтобы спасти ее отъ дурной жизни и изъ уваженія къ памяти брата, я продалъ все, что могъ, и выплатилъ ей эту сумму. Они уѣхали. Потомъ я слышалъ, что она внесла эти деньги въ какой-то пріютъ новообращенныхъ, открытый въ Венеціи іезуитами, и поступила туда, но черезъ мѣсяць убѣжала, совсѣмъ, говорятъ, очертенѣвъ; такъ ея деньги и пропали.

„Теперь я живу, замѣняя Аквиллиѣ отца, управляя землями, которыя еще остались у насъ, и добывая себѣ пропитаніе уроками каллиграфіи, которые мнѣ достали добрые люди. По воскресеньямъ за нами пріѣзжаетъ нашъ зять, Донато, и мы ѣдемъ въ Фоссальту къ Брадамантѣ, у которой уже трое дѣтей. Несмотря на мою деревяшку, я скачу съ старшимъ и учу ходить второго; третій-же еще грудной. Такъ живемъ мы спокойно; не знаю, проченъ-ли этотъ покой, или это переходъ къ лучшему или, можетъ быть, затишье передъ новыми грозами. Во всякомъ случаѣ, пока я совершенно доволенъ своей судьбой, потому что мнѣ ничего другого не осталось, и я все-таки исполняю свой долгъ. Теперь я знаю только свою семью; пусть другіе проходятъ путь, который я уже прошелъ, и, не научившись опытомъ прежнихъ войнъ, ждуть чего-то отъ новыхъ. Нашъ первый консулъ побѣдилъ при Маренго, но и мы можемъ съ честью вспомнить о своихъ битвахъ. О, какъ-бы я хотѣлъ еще повидаться съ вами, потолковать о пережитомъ! Какъ хотѣлъ-бы я расцѣловать тебя,

Пизану, Лючилио! Кстати: правда-ли, что докторъ поселился въ Миланѣ? Знаете-ли вы, что полковникъ Джорджи ушелъ съ полкомъ въ Германію? Опять войны, и онъ навѣрно составитъ себѣ карьеру, чего я ему отъ души желаю, потому что, при всѣхъ его недостаткахъ, у него золотое сердце. Но довольно болтать. Не забывайте меня и, если возможно, постарайтесь устроить такъ, чтобы намъ еще увидѣться“.

Мы были тронуты этимъ письмомъ, которое напомнило намъ родныя мѣста, спокойные луговые горизонты Кордовадо и Фраты, чистые ручьи, текущіе по цвѣточнымъ лугамъ, благоуханныя рощи, чудныя окрестности Венквередо съ его источникомъ, окруженнымъ тѣнистыми тропинками, наполненнымъ запахомъ фіалокъ. Бѣдный Бруто! Такъ молодъ, добръ, чистъ, и уже лишень всякой надежды на личное счастье, на любовь, на дѣятельность! Въ деревняхъ калѣчество—порокъ непрощаемый, и всякая сельская дѣвушка предпочтетъ здороваго болвана искалѣченному герою. Но, съ другой стороны, что было-бы съ нимъ, если-бы онъ не потерялъ ноги? Что случилось съ Амилькаромъ, Дель-Понте? Не счастливы-ли онъ даже Лючилио и меня? Правда, мое положеніе могло казаться съ виду завиднымъ. Въ двадцать шесть лѣтъ я занималъ довольно высокое положеніе въ администраціи, и такая карьера возбуждала удивленіе и зависть. Но не было-ли это временной прихотью судьбы, которая перебрасывала меня какъ мячикъ, то бросая въ Геную въ качествѣ лишняго рта, то приводя въ Феррару членомъ администраціи? Уже во Франціи начинали поговаривать о новыхъ преобразованіяхъ правительства; становилось очевиднымъ, что консульство не курульное сѣдалище, а ступень къ болѣе высокому положенію. А куда буду я заброшенъ съ новой перемѣной и въ новомъ положеніи найду-ли такое счастье, какое Бруто нашель на родинѣ?

Такия мысли не разъ приходили мнѣ въ голову. Развлеченіемъ отъ нихъ мнѣ служили, кромѣ моихъ служебныхъ занятій, капризы Пизаны, которая своими причудами изумляла все феррарское общество. Но и это было внезапно прервано извѣстіемъ о болѣзни графини Фраты. Извѣстіе это сообщилъ Пизанѣ графъ Ринальдо, прибавляя къ нему только, что преподобная Клара не можетъ выйти изъ монастыря, такъ-что мать ихъ одинока и находится на попеченіи наемной сидѣлки; онъ-же, зная, что Пизана

живетъ въ Феррарѣ, счелъ долгомъ сообщить ей о такомъ положеніи матери. Прочитавъ письмо, Пизана взглянула на меня вопросительно. Я побоялся, что она упрекнетъ меня, что я отговариваю ее отъ исполненія священнаго долга, и потому, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сказалъ: „Да, тебѣ надо ѣхать“. Я увѣренъ, что не скажи я этого, она непремѣнно стала-бы говорить, что ея долгъ ѣхать; но такъ-какъ я сказалъ это первый, то она приняла мой совѣтъ очень дурно и стала ворчать, что она мнѣ надоѣла и что я только придумываю предлоги, какъ-бы мнѣ отъ нея отдѣлаться. Тѣмъ не менѣе, когда я сказалъ, что желаю, чтобы она осталась, и сталъ уговаривать ее не ѣхать, она рѣшительно объявила, что поѣдетъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней мы отправились; я провожалъ ее до границы австрійскихъ владѣній. Черезъ недѣлю я получилъ отъ нея письмо съ извѣстіемъ, что графиня внѣ опасности, но что выздоровленіе ея будетъ довольно медленно и что поэтому намъ надо приготовиться къ разлукѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Меня это очень огорчило, но за то утѣшили другія извѣстія. Сестра и Спиро съ двумя своими дѣтьми жили очень счастливо и очень полюбили Пизану. Братъ ея, графъ Ринальдо, несмотря на холодный тонъ своего письма, также принялъ ее очень любовно. Но лучше всего было то, что его превосходительство Наваджеро уже мѣсяць тому назадъ былъ пораженъ параличемъ и впалъ въ полное идиотство; хотя Пизана писала объ этомъ несчастіи въ грустномъ тонѣ, но, конечно, печаль о немъ не помѣшала-бы намъ по смерти его исполнить наше задушевное желаніе — узаконить формально нашу связь.

Между тѣмъ въ Ліонѣ былъ собранъ комитетъ для преобразованія цизальпинской республики, которая вышла изъ этой передѣлки съ именемъ итальянской, но за то съ президентствомъ Бонапарта на десять лѣтъ. Франческо Мельци, честный патриотъ, но роскошный аристократъ, былъ сдѣлавъ вице-президентомъ и долженъ былъ управлять непосредственно. Лючилио сообщалъ мнѣ эти новости изъ Милана тономъ негодованія, и по нѣкоторымъ намекамъ я понялъ, что онъ ожидаетъ моего выхода въ отставку. Я самъ подумывалъ объ этомъ, но меня до сихъ поръ удерживала главнымъ образомъ мысль, что цизальпинская республика, какая-бы она ни была, можетъ послужить къ освобожденію Ве-

неці. Но тутъ случилось обстоятельство, совершенно измѣнившее мои наміренія. Я былъ назначенъ интендантомъ финансовъ въ Болонью.

Не знаю, считало-ли меня новое правительство склоннымъ къ его правиламъ порядка и умѣренности, или хотѣло вознаграждать за добросовѣстные труды послѣднихъ мѣсяцевъ, или просто нуждалось въ дѣльномъ и старательномъ чиновникѣ—какъ-бы то ни было, я былъ изумленъ и обрадованъ этимъ назначеніемъ. Меня обуюло честолюбіе, такъ-что на два или на три мѣсяца я забылъ и Лючилию, и даже Пизану. Съ моего теперешняго мѣста былъ прямой переходъ въ министры финансовъ — шутка сказать! Я пріѣхалъ въ Болонью съ этими мечтами и съ жаромъ принялся за дѣло, переворачивая вверхъ дномъ всю финансовую администрацію легатствъ, такъ-что злоязычные болонцы не замедлили прозвать меня интендантомъ-вихремъ. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я немного опомнился и сталъ скучать по Пизанѣ, тѣмъ болѣе, что она ничего не писала мнѣ о времени своего возвращенія и даже, по переѣздѣ моемъ въ Болонью, письма отъ нея стали рѣдки. Вообще въ перепискѣ она имѣла привычку никогда не отвѣчать на письма, такъ-что задавать ей вопросы было совершенно бесполезно. Напрасно спрашивалъ я ее, отчего она не возвращается, не нужно-ли ей денегъ и когда думаетъ она вернуться. Въмѣсто отвѣта она писала, что любитъ меня больше прежняго, просить, чтобы я не забывалъ ее, что ей въ Венеціи кучно, что маменька ея здорова и что она пріѣдетъ, какъ только будетъ возможно. Не получилъ я отвѣтовъ и на мои вопросы о его превосходительствѣ Наваджеро, который, по моимъ расчетамъ, долженъ былъ давно скончаться. Я больше прежняго желалъ жениться на Пизанѣ, потому что мнѣ казалось необходимымъ быть женатымъ въ моемъ высокомъ положеніи, и я не годовалъ на Наваджеро, который осмѣливается своимъ существованіемъ мѣшать видамъ г. интенданта. Мнѣ такъ хотѣлось съ высоты моего величія осчастливить Пизану, сказавъ ей: „Ты любила меня въ ничтожествѣ; прійди теперь раздѣлить со мной мое величіе“—и, какъ Ассуръ скромную Эсфирь, возвести ее на мой интендантскій тронъ. Я предавался этимъ мечтамъ и такъ погружался въ нихъ, что не замѣчалъ входившихъ ко мнѣ съ бумагами чиновниковъ, которые говорили, выходя, что интендантъ-вихрь, должно быть, завружился до того, что пятитъ съ

ума. Но интенданту, въ самомъ дѣлѣ, приходилось плохо. Прошло восемь, девять мѣсяцевъ, почти годъ, какъ Пизана уѣхала, и я, недавшій ни одного изъ трехъ монашескихъ обѣтовъ, долженъ былъ соблюдать самый тяжвй изъ нихъ. Да, читатель, смѣйтесь или нѣтъ надо мной, но я соблюдалъ его, и соблюдалъ притомъ не изъ принциповъ, а по необходимости. Я такъ любилъ Пизану, что всѣ другія женщины казались мнѣ безполыми существами, и я не стыжусь сознаться, что мнѣ нѣсколько разъ случалось разыграть роль Иосифа Прекраснаго.

Доведенный до отчаянiя, я, наконецъ, написалъ сестрѣ, умоляя ее дать мнѣ извѣстiе о Пизанѣ, объяснить мнѣ тайну ея пребыванiя въ Венеци, какъ-бы она ни была горька для меня. До сихъ поръ Аглаура ничего не отвѣчала мнѣ на вопросы о Пизанѣ, но теперь побоялась, что я въ отчаянiи неизвѣстности сдѣлаю какое-нибудь безразсудство; она отвѣчала мнѣ, что вотъ уже полгода, какъ Пизана возвратилась въ домъ мужа ухаживать за нимъ; что, повидимому, она считаетъ это своимъ долгомъ и ни подъ какимъ видомъ не согласится покинуть больного старика; что, впрочемъ, она любитъ меня по-прежнему и живетъ, не отходя отъ постели больного, какъ сидѣлка.

Я пришелъ въ ярость на несчастнаго Наваджеро. Этотъ старикашка лишалъ меня счастья! Этотъ старый чурбанъ былъ способенъ протянуть такимъ образомъ еще многiе годы! Я схватилъ свое интендантское перо и настрочилъ Пизанѣ письмо, въ которомъ говорилъ, что если она тотчасъ не вернется, я брошу интендантство и приѣду къ ней. Прошло двѣ недѣли. Я уже собирался исполнить это намѣренiе, какъ вдругъ Пизана явилась сама, сердитая, какъ женщина, которую принудили сдѣлать не по ней. Она близко не подпустила меня къ себѣ, пока я не обѣщаль ей отпустить ее обратно въ Венецию, когда она захочетъ. Я далъ ей всевозможныя обѣщанiя, чтобы поскорѣе получить позволенiе обнять ее. Затѣмъ я показаль ей свое величiе, великолѣпныя апартаменты и четыреста дукатовъ, которые я скопилъ для ея достойнаго водворенiя въ болонскомъ обществѣ. Все это время я скупился на себя, питаюсь больше хлѣбомъ и масломъ, которые мнѣ отпускались изъ казны, вмѣстѣ съ дровами, свѣчами и табакомъ. Она, бѣдняжка, такъ отвыкла въ Венеци отъ роскоши, что была поражена всѣмъ этимъ и особенно гро-

мандностью суммы четырехъ сотъ дукатовъ. Но сумма эта не залежалась; наряды, прогулки, завтраки скоро поглотили ее. Пизана вполне отдалась веселью; о прежнихъ капризахъ не было и помину. Вскорѣ во всей Болоньѣ только и разговора было, что о ней. Мужчины поклонялись ей, женщины ласкали ее; она проѣзжала по улицамъ въ триумфѣ, и даже мальчишки, завидя ее, кричали: „Вотъ прекрасная венеціанка! Вотъ жена синьера интенданта!“ О Венеціи не было больше помину. Письма, получаемыя оттуда, она пробѣгала на-скоро и иногда бросала, не дочитавъ, послѣ чего я спѣшилъ сжигать ихъ, чтобы они больше не подвергивались ей на глаза. О своемъ пребываніи въ Венеціи она рассказывала, что мать уговорила ее хоть ради приличія навѣстить больного мужа; она отправилась къ нему и была поражена его бѣдностью (что случилось съ его прежнимъ богатствомъ — неизвѣстно) и одиночествомъ; она сочла своимъ долгомъ остаться при немъ, и осталась. Во мнѣ было достаточно чувства справедливости, чтобы одобрять ее за это, но достаточно и эгоизма, чтобы всѣми силами разочаровать ее въ намѣреніи возвратиться къ мужу, и поэтому я спѣшилъ перемѣнять разговоры, напоминашіе о его существованіи. Я съ ужасомъ видѣлъ, что письма изъ Венеціи учащаются и становятся все настоятельнѣе; но видя, какъ слабо ихъ дѣйствіе, начиналъ успокаиваться. Такъ прожили мы почти полгода. Я пересталъ мечтать о министерствѣ финансовъ и желалъ одного — чтобы мое блаженство продолжалось какъ можно дольше.

Но какая хрупкая вещь человѣческое счастье! Мое было разрушено учрежденіемъ дилижанса между Падуей и Болоньей. Съ однимъ изъ первыхъ къ намъ незванно, непрошено нагрянулъ графъ Ринальдо, заставилъ насъ угостить его загородными прогулками къ Мадоннѣ ди-Монче, на Монтаньолу, въ Санъ Петроію, и въ благодарность на третій день увезъ Пизану. При видѣ брата къ ней возвратились ея совѣстливость, ея состраданіе къ мужу, и она первая заговорила о возвращеніи въ Венецію. Разбойникъ ничего не сказалъ, хотя очевидно было, что за тѣмъ пріѣзжалъ, между тѣмъ какъ хотѣлъ увѣрить меня, что пріѣхалъ посмотреть Санъ-Петроію.

Когда я опять остался одинъ, во мнѣ произошла большая перемѣна; я какъ-бы сдѣлался другимъ человѣкомъ. Тридцатый

годъ, который мнѣ стукнулъ, давалъ знать себя. Я сталъ засиживаться за столомъ и дѣлать различіе между любовью духовною и тѣлесною и только тѣлесною. Я говорю, что становился другимъ человѣкомъ; вѣрнѣе сказать, я становился скотиной. Человѣкъ, теряющій молодость ума и поэзію души, переходитъ въ разрядъ низшихъ млекопитающихъ. Не знаю, до чего дошелъ-бы я, если-бы, наконецъ, провозглашеніе французской имперіи не открыло мнѣ глаза. Я опомнился, осмотрѣлся, бросилъ взглядъ на свое прошлое—и былъ пораженъ противорѣчіемъ между идеями и принципами моей молодости и моимъ нынѣшнимъ положеніемъ. Тогда я былъ свободный, интеллигентный человѣкъ, дѣйствовавшій сознательно, въ силу указаній своего разума и совѣсти; теперь я сталъ какой-то отполированной и изукрашенной машиной, исполняющей бессознательно чье-то чужое дѣло, а для себя немѣющей иной цѣли, кромѣ ѣды и сна.

Когда итальянская республика обращена была въ итальянское королевство, я собралъ свои пожитки, поѣхалъ въ Миланъ и подалъ въ отставку. Тамъ я нашелъ человѣкъ пять товарищей, пріѣхавшихъ съ той-же цѣлью и ожидавшихъ найти сотни единомышленниковъ, но нашедшихъ только меня. насъ поблагодарили насмѣялись намъ въ лицо и занесли наши имена въ книжицу, что не было хорошей рекомендаціей для будущаго. Наполеонъ надѣлъ въ Миланѣ желѣзную корону, сказавъ: „Богъ далъ мнѣ ее, горе тому, кто коснется ея!“ Я могъ-бы отвѣтить на это: „Богъ далъ мнѣ совѣсть, и никто не купитъ ея“. И я былъ-бы правѣе, потому что корона его слетѣла, а моя совѣсть осталась некупленной.

ГЛАВА XIX.

Покровительство, оказанное мнѣ мельниками и графинями. — Присоединеніе Венеціи къ итальянскому королевству. — Я сильно заволѣваю, но Пизана воскрешаетъ меня и увозитъ въ Фриуль. — Я женюсь, дѣлаюсь органистомъ и сельскимъ управляющимъ. — Старые актеры сходятъ со сцены. — Двойное паденіе Наполеона. — Событія мельчаютъ, и года въгуть до 1820 года.

Положеніе мое было незавидно. Лючилио я не засталъ въ Миланѣ: онъ эмигрировалъ въ Лондонъ. Пизану я не могъ и

помыслить звать къ себѣ, потому что мнѣ самому нечѣмъ было жить. Обращаться за деньгами къ Спиро я не хотѣлъ; онъ аккуратно уплачивалъ мнѣ 300 дукатовъ въ годъ, но я взялъ у него за два года впередъ на уплату долговъ и больше не хотѣлъ требовать. Въ первый разъ въ жизни я очутился лицомъ къ лицу съ нуждой. Я переворачивалъ въ головѣ разные планы предпріятій, но для всѣхъ ихъ нужно было имѣть въ рукахъ порядочную сумму денегъ. Я рассчитывалъ всякую копейку, но, наконецъ, насталъ день, когда въ карманѣ моемъ остался одинъ только золотой, и тотъ у меня украли въ тотъ самый день, когда Наполеонъ выѣзжалъ изъ Милана въ Германію. Передъ отъѣздомъ изъ Болоньи я продалъ всѣ лишнія вещи, оставивъ себѣ только то, что считалъ необходимымъ. Теперь это необходимое пришлось подвергнуть пересмотру; оказалось опять кое-что лишнее, за что я выручилъ четыре дуката. Сумма эта показалась мнѣ громадной, но вскорѣ эта иллюзія разсѣялась. Пришлось приняться за продажу рубашекъ, штановъ, башмаковъ и тому подобныхъ интимныхъ вещей, по поводу которыхъ я почти свелъ дружбу съ однимъ старьевщикомъ. Наконецъ, въ перспективѣ начало обрисовываться полное истощеніе моего гардероба, а я все еще ничего не придумалъ, чтобы выйти изъ критическаго положенія.

Однажды утромъ встрѣчаю полковника Джорджи, только-что пріѣхавшаго изъ булонскаго лагеря и собирающагося отправиться въ Германію въ надеждѣ схватить генеральство.

— Поступай въ военную администрацію, сказалъ онъ;—общая достать тебѣ отличное мѣсто, гдѣ живо разбогатѣешь.

— А что дѣлаетъ ваша армія? спросилъ я.

— Армія завоевываетъ Европу, ухаживаетъ за красавицами всѣхъ странъ, получаетъ отличное жалованье и пріобрѣтаетъ славу.

— Такъ-то такъ, но кому завоевываетъ она Европу?

— Чудакъ ты! Что за вопросъ?

— Нѣтъ, другъ, въ армію я не пойду даже обозникомъ.

— Жаль, я надѣялся тебѣ услужить.

— Не стоитъ, Алессандро; думай лучше о себѣ; быть тебѣ скоро генераломъ.

— Да, если бы два сраженія, чтобы избавить меня отъ двухъ старшихъ, то дѣло было-бы въ шляпѣ; мои союзницы—русскія и

нѣмецкія пули; вотъ что я называю жить въ ладу со всѣми. Но неужели ты насъ, бѣдныхъ солдатъ, презираешь?

— Нѣтъ, Алессандро, я вамъ удивляюсь, но неспособенъ по-дражать вамъ.

— Понимаю! Тутъ, конечно, нужна извѣстная крѣпость мускуловъ. Скажи мнѣ: имѣешь извѣстія о Бруто Проведони?

— Отличныя извѣстія. Живетъ съ молоденькой сестрой, лѣтъ восемнадцати, девятнадцати, — помнишь, Аквиллина? — копить ей приданое, даетъ уроки. Недавно, по смерти брата Грифоне, который упалъ съ крыши и убится до смерти, выкупилъ у братьевъ домъ для себя и для сестры. Думаю, что онъ былъ-бы совсѣмъ счастливъ, если-бы удалось выдать замужъ Аквиллину.

— Видишь, каковы мы, солдаты? Счастливы и безъ ноги!

— Прекрасно, Алессандро; но я не желалъ-бы даромъ потерять ногу. Такіе капиталы надо или помѣщать очень выгодно, или беречь.

— А ты ни во что не ставишь возможность въ восемь, десять лѣтъ сдѣлаться генераломъ? Это хорошій процентъ!

— Нѣтъ, я предпочитаю оставаться при своей бѣдности.

— Неужели-же я ничѣмъ не могу помочь тебѣ? Я могъ-бы ссудить тебѣ 30 скуди, больше не могу; солдаты не бережливы, и съ женщинами да съ игрой деньги уходятъ живо. Но вотъ что: отчего-бы тебѣ не поступить на гражданскую службу?

Добрый полковникъ не отличался сообразительностью. Четверть часа тому назадъ я разсказалъ ему всю исторію моей службы и выхода въ отставку; впрочемъ, можетъ быть, онъ считалъ финансовое вѣдомство отраслью военнаго, существующею для снабженія полковниковъ жалованьемъ. На мои слова, что я съ радостью взялъ-бы всякое мѣсто, только не отъ правительства, онъ нѣсколько презрительно усмѣхнулся, но и это не поколебало его добраго ко мнѣ расположенія.

— Въ Миланѣ у меня домовая хозяйка... началъ онъ.

— Да, какъ въ Генуѣ?

— Нѣтъ, совсѣмъ другая. Та была сущій скарעדъ, а эта великолѣпна и роскошна. У той кошку пришлось украсть, а эта готова всякій день дарить брилліанты. Богачиха! Въ свое время она не мало имѣла приключеній, но теперь получила большое наследство и остепенилась; настоящая барыня; правда, ужъ не пер-

вой молодости, но очень еще видная женщина. Представь себѣ, ни съ того, ни съ сего полюбила меня, пригласила къ себѣ и говорить по секрету, что будь ей двадцать лѣтъ вмѣсто тридцати, она поѣхала-бы со мной на войну!

— А мнѣ-то какой отъ нея прокъ?

— Какъ какой? Всякій! У нея множество знакомыхъ, и она достанетъ тебѣ какое угодно мѣсто. Если ты хочешь частной службы, то, я думаю, у нея самой найдется для тебя мѣсто.

— Помни только, что я ни у кого не хочу отбивать хлѣбъ и хочу получать его не даромъ, а въ самомъ дѣлѣ зарабатывать.

— Не безпокойся, тутъ этого не будетъ. Ты думаешь, что тутъ, какъ у насъ въ Фріулѣ, обычай, чтобы управляющіе наживались на счетъ хозяевъ? Нѣтъ, миланскіе синьеры счетъ деньгамъ знаютъ, за работу платить не скупятся, но въ обиду себя не дадутъ.

Предложеніе полковника мнѣ понравилось, хотя я еще не очень довѣрялъ его вліянію на даму, располагающую мѣстами. Я вернулся домой и приготовился къ завтрашнему визиту, вычистивъ платье и попросивъ у хозяйки ваксы, чтобы вычистить башмаки; моя единственная чистая рубашка была тоже приготовлена, и, глядя на ея непорочную чистоту, я утѣшался, думая, что блескъ ея прикроетъ поношенный видъ прочаго одѣянія. На другой день утромъ ординарецъ полковника пришелъ ко мнѣ сказать, что дама очень рада видѣть меня и будетъ ждать меня вечеромъ. Я сказалъ ординарцу, что зайду къ полковнику въ 8 часовъ, и вышелъ изъ дому. Когда настала обѣденная часъ, я рѣшился пощупать свой карманъ — рѣшеніе геройское, отъ котораго я воздерживался со вчерашняго дня. Запустивъ въ него руку, я извлекъ четыре сольдо — и только. Предстояло рѣшить неслыханную задачу: пообѣдать на эту сумму. Я призвалъ на помощь всю мою интендантскую опытность и сталъ расчитывать: на сольдо хлѣба, на два колбасы, на одно водки. Ради Христа! Возможно-ли на одно сольдо хлѣба человѣку, пеѣвшему сутки! Нѣтъ, не такъ: на два сольдо хлѣба, на одно овечьяго сыра, на одно водки. Зачѣмъ сыръ? Это аристократическій предрасудокъ, требующій разнообразія въ обѣдѣ. Итакъ, на три сольдо хлѣба!

Съ этимъ рѣшеніемъ я твердо вошелъ въ булочную, купилъ кусокъ хлѣба, и въ четыре глотка съѣлъ его. Тогда я соблаз-

нился и далѣе, и водка была пожертвована. Но голодъ былъ скорѣе возбужденъ, чѣмъ утоленъ. Я сталъ придумывать, куда-бы пойти пообѣдать; но идти было рѣшительно не къ кому. Изъ знакомыхъ—Парини шесть лѣтъ тому назадъ умеръ, и то кончивъ впроголодь; Лючилио былъ въ Англіи; Уго Фосколо профессорствовалъ въ Павіи, да если-бы онъ и былъ въ Миланѣ, я скорѣе умеръ-бы съ голоду, чѣмъ рѣшился-бы попросить его угостить меня кофе со сливками въ кафе. Къ полковнику у меня тоже не хватило духу обратиться. Между тѣмъ время въ этихъ размышленіяхъ шло, и я думалъ, что уже поздно, когда, проходя по площади Мерканти, увидѣлъ, что еще только пять часовъ. „Еще три часа ждать!“ подумалъ я съ отчаяніемъ и снова предался размышленіямъ. Я сталъ думать о томъ, откуда можно-бы получить заемъ или подарокъ или какую-нибудь денежную помощь; перебралъ Спино, моихъ болонскихъ знакомыхъ, 30 скуди полковника Джорджи, великаго визиря... Чортъ возьми, должно быть, съ голода этотъ великій визирь засѣлъ у меня нынче въ головѣ. У меня хранился въ кошелькѣ отца ключекъ бумаги съ какимъ-то турецкимъ или арабскимъ іероглифомъ; Апостулосы имѣли въ Константинополь много корреспондентовъ и связи съ армянскими банкирами, грабившими тогдашняго султана; я забылъ о голодѣ, побѣжалъ домой, написалъ письмо Спино, вложилъ въ него іероглифъ и весело снесъ его на почту.

Когда я возвращался съ почты, было уже безъ четверти восемь; я пошелъ къ полковнику; голодъ опять давалъ себя чувствовать. Войдя къ полковнику, я засталъ его за чтеніемъ ежедневныхъ рапортовъ ротныхъ командировъ, передъ бутылкой брешіанской анисовки.

— Bravo, Карлино! воскликнулъ онъ; — выпей со мной стаканчикъ.

Я сѣлъ, озираясь, въ чаяніи увидѣть гдѣ-нибудь булку или кусокъ сыра или вообще что-нибудь съѣдомое для закуски, но ничего не было. Дѣлать нечего, пришлось обойтись безъ закуски. Я выпилъ полный стаканъ анисовки, которая на тошій желудокъ подѣйствовала замѣчательно. Когда черезъ нѣсколько минутъ я всталъ, чтобы идти съ полковникомъ, я былъ веселъ и болтливъ неумѣренно. Болтливость и откровенность мои дошли даже до

того, что когда швейцарь отворилъ намъ двери и мы вошли въ сѣни, я громко сказалъ моему спутнику:

— Кто-бы подумалъ, что я изнемогаю отъ голода?

Швейцарь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня; Алессандро подтолкнулъ меня локтемъ, сказавъ:

— Вѣчно ты съ своими глупыми шутками.

— Какія тутъ шутки... Ай, ай, ай!

Брикъ этотъ вырвался у меня отъ щипка, которымъ наградила меня полковникъ. Швейцарь еще больше вытаращилъ на насъ глаза.

— Ничего, ничего, сказалъ полковникъ, — я наступилъ ему на мозоль.

Я не возражалъ, потому что мы уже входили въ салонъ хозяйки. Полковникъ замѣтилъ мое опасное состояніе, но отступить было поздно. Въ розовомъ полусвѣтѣ, исходявшемъ отъ лампы, висѣвшей съ потолка и закрытой розовыми шелковыми занавѣсками, я увидѣлъ, какъ мнѣ показалось, богиню. Она сидѣла въ одномъ изъ тѣхъ курульныхъ креселъ, которыя французская мода воскресила изъ временъ римской республики. Очень узкое и вырѣзавное платье выказывало формы, быть можетъ, не первой свѣжести, но очень роскошныя. Синьера приняла меня очень привѣтливо и спросила полковника, тотъ-ли я молодой человекъ, который желаетъ получить мѣсто. Полковникъ поспѣшилъ отвѣтить за меня и отвлечь отъ меня ея вниманіе. Но она упорствовала обращаться ко мнѣ.

— Карло Альтовити, если не ошибаюсь? сказала она, любезно сдѣлавъ усиліе памяти.

Я поклонился и побагровѣлъ отъ спазмовъ въ животѣ.

— Мнѣ помнится, въ прошломъ году я видѣла это имя въ альманахѣ служебныхъ вѣдомствъ, продолжала она.

Полковникъ отвѣчалъ, что я, дѣйствительно, служилъ интендантомъ въ Болоннѣ.

— Повимаю, сказала синьера вполголоса, наклоняясь ко мнѣ:—новое правленіе... съ его принципами... словомъ, вы удалились?

— Да, отвѣчалъ я съ усиліемъ, не понимая, о чемъ рѣчь.

Въ это время стали входить графы, графини, князья, аббаты и маркизы, провозглашаемые громогласно швейцаромъ. Только и

слышно было: Донъ такой-то! Донъ такой-то! Улучивъ минуту, полковникъ подошелъ къ синьерѣ проститься; онъ видѣлъ, что я едва держусь на ногахъ. Она шепнула ему, что все улажено и что мнѣ остается только побывать завтра въ ея конторѣ, условиться насчетъ жалованья и служебныхъ обязанностей. Я поклонился, волоча ноги такъ странно, что нѣсколько доновъ посмотрѣли на меня съ изумленіемъ, и пошелъ за полковникомъ, пошатываясь. Свѣжій воздухъ нѣсколько отрезвилъ меня, такъ что я почувствовалъ даже нѣкоторый стыдъ за свое поведеніе; но откровенность еще не покинула меня и я началъ жаловаться на голодъ.

— Ну, что-же? сказалъ полковникъ; — пойдемъ въ ресторанъ.

Въ ресторанѣ я принялся уписывать все, что мнѣ подавали, и по мѣрѣ того, какъ желудокъ мой наполнялся, голова трезвѣла. Въ моментъ расплаты мнѣ сдѣлалось очень неловко и я уже готовъ былъ прибѣгнуть къ обычной въ этихъ случаяхъ комедіи, хвататься за карманы и проецировать свою развѣянность, забывшую кошелекъ дома, но стыдъ, на этотъ разъ болѣе честный, удержалъ меня. Я, краснѣя, сознался Алессандро въ моей крайности. Онъ очень разсердился, что я не сказалъ ему объ этомъ раньше, и тутъ-же далъ мнѣ обѣщанные тридцать скуди, взявъ съ меня слово и впередъ обращаться къ нему въ нуждѣ.

— А завтра, сказалъ онъ, — я уѣзжаю въ Германію, но надѣюсь, что этихъ денегъ хватитъ тебѣ до полученія перваго жалованья. Ободрись, Карлино, и не забывай меня. Сегодня у меня еще пропасть дѣла, а завтра утромъ я забѣгу къ тебѣ проститься.

На другой день я отправился въ контору графини Мильяна, гдѣ толстый, гладко выбритый господинъ, главноуправляющій конторой и секретарь хозяйки, принялъ меня очень любезно, первымъ дѣломъ отсчиталъ мнѣ за мѣсяцъ впередъ 60 скуди и объявилъ мнѣ, что я имѣю быть мажордомомъ графини въ ожиданіи открытія вакансіи на должность, болѣе достойную моихъ способностей. Переходъ отъ болонскаго интендантства къ администраціи буфета былъ не малымъ паденіемъ; но, несмотря на мое происхожденіе отъ Метелловъ, какъ увѣрялъ отецъ, я не имѣлъ грѣха гордости. Такъ-какъ въ этой должности мнѣ надлежало

жить во дворцѣ и быть постоянно на глазахъ у графини, то я пошелъ къ ней, обезпокоенный тѣмъ впечатлѣніемъ, которое долженъ былъ произвести на нее вчера. Вмѣсто того она приняла меня очень любезно и наговорила мнѣ комплиментовъ, изъ чего я заключилъ, что пьяные, вѣроятно, нравятся миланскимъ дамамъ. Тѣмъ не менѣе я былъ очень благодаренъ ей за ея обращеніе со мной, какъ съ равнымъ, и расхваливалъ ее напропалую въ письмахъ къ Аглаурѣ, Лючилио, Вруто Проведони, Пизанѣ и полковнику. Но вскорѣ я замѣтилъ, что любезность ко мнѣ графини превосходить обычную мѣру; она стала посвящать меня въ такія интимности, которыя никакъ не входили въ мои обязанности, и, грѣшный человекъ, я посвятился.

Домъ графини былъ постоянно полонъ гостей, но, несмотря на веселый характеръ хозяйки, они приходили, повидимому, не для веселья. У всѣхъ ихъ былъ всегда озабоченный видъ; они шептались, приходили, уходили, а объ весельи не было и помину. Сама хозяйка, веселая и живая въ семейномъ кружкѣ или вдвоемъ, принимала серьезный и таинственный видъ въ обществѣ. Это крайне удивляло меня, и только два мѣсяца спустя появленіе новаго гостя изъ Венеціи озарило меня. То былъ адвокатъ Ормента. Онъ не узналъ меня, потому что я очень переиначился, а я не чувствовалъ никакого желанія возобновлять съ нимъ знакомство. Но я все-таки не понималъ, что можетъ дѣлать въ обществѣ графини, состоявшемъ большею частью изъ французскихъ генераловъ и сановниковъ итальянскаго королевства, австрійскій агентъ. Въ это-же время общество графини казалось озабоченнымъ болѣе обыкновеннаго. Впослѣдствіи все это объяснилось. Ловкій адвокатъ предвидѣлъ исходъ войны и его послѣдствія, заранѣе переходилъ отъ Дарія къ Александру и заготовлялъ себѣ протекціи. Графиня-же имѣла большой вѣсъ въ миланской политикѣ, что неудивительно, потому что женщины при военномъ владычествѣ всегда имѣютъ большую силу. Это знали еще древніе греки, постоянно переиначивавшіе въ своей мифологіи походженія Марса съ приключеніями Венеры.

Первое извѣстіе о побѣдѣ при Аустерлицѣ пришло въ Миланъ передъ Рождествомъ, а за нимъ вскорѣ послѣдовало и извѣстіе о мирѣ, заключенномъ въ Пресбургѣ въ день св. Стефана, по которому итальянское королевство расширялось до своихъ

естественныхъ границъ по Изонцо. Я забылъ на минуту вопросъ о свободѣ и весь предался радости увидѣть Венецію, Пизану, сестру и любимыя мѣста, гдѣ протекло мое дѣтство. Пизана писала мнѣ въ это время письма, полныя страстной любви, и я сгоралъ нетерпѣніемъ летѣть въ ея объятія. Съ этой мыслью я вошелъ къ графинѣ и объявилъ ей, что послѣ пресбургскаго мира...

— Что? Что новаго послѣ пресбургскаго мира? спросила она, глядя на меня съ яростію.

— То, что я не могу больше быть ни интендантомъ, ни мажордомомъ.

— Ахъ, разбойникъ! И у тебя хватаетъ духу такъ прямо объявлять мнѣ это? Виновата моя доброта, что я такъ... довѣрилась вамъ!.. Ступайте вонъ; чтобы духу вашего здѣсь не было!

Я былъ такъ счастливъ, что брань эта казалась мнѣ чуть не лаской. Уже потомъ я сообразилъ, какое свинство было съ ея стороны такъ говорить со мной. Извѣстнаго рода милости, разъ оказанныя, нельзя такъ забывать, и такое забвеніе непростительно.

Пизана встрѣтила меня съ восторгомъ; мнѣ была приготовлена квартира въ нашемъ домѣ, и она хотѣла непремѣнно поселиться со мной. Испуганный этимъ намѣреніемъ Наваджеро, чтобы не лишиться такой сидѣлки, изумилъ меня предложеніемъ поселиться у него, изъ чего я заключилъ, что апоплексія вышибла изъ него не только ревность, но и разсудокъ, потому что подобное устройство семейной жизни произвело-бы въ Венеціи неслыханный скандалъ. Я отклонилъ это предложеніе и даже уговорилъ Пизану остаться въ домѣ мужа, а самъ поселился въ нашемъ домѣ. Спиро и Аглаура также приглашали меня къ себѣ, но я былъ такъ счастливъ у себя, что не хотѣлъ трогаться отсюда. Я жилъ, цѣлый день наслаждаясь обществомъ Пизаны и стараясь только держаться подальше отъ ея матушки и брата. Единственное, что нѣсколько сердило меня, это ея необыкновенныя попеченія о мужѣ. Часто, когда послѣ какого-нибудь долгаго, скучнаго посѣщенія, мы, наконецъ, оставались одни, она вдругъ вспоминала, что ему надо дать лекарство или пережѣвить припарку, и убѣгала. Я могъ только молить Бога, чтобы онъ поскорѣе сподобилъ его превосходительство царствія небеснаго. Больше нечего было дѣлать. Женщины — любовницы, жены, ма-

тери, сестры, но прежде всего сидѣлки. Нѣтъ такой паршивой собаки, которая, заболѣвъ, не нашла-бы себѣ какой-нибудь женщины, готовой ухаживать за ней съ невѣроятнымъ для насъ самоотверженіемъ. Женщина можетъ потерять все — всякое чувство стыда, долга, чести, можетъ забыть всѣ обязанности, но никогда не теряетъ чувства состраданія къ страждущимъ.

Изъ прежнихъ моихъ венеціанскихъ знакомыхъ всѣ почти держались вдали отъ меня, кромѣ Венквередо, который всячески заискивалъ во мнѣ, но я остерегался сближаться съ нимъ. Изъ Фруміеровъ мальтійскій кавалеръ куда-то исчезъ, а другой женился на дѣвицѣ Контарини и занималъ такой высокой постъ, что былъ недосыгаемъ. Меня вообще не мало удивляло, что разные Венквередо, Ормента и имъ подобныя вѣрные слуги австрійцевъ, и при новомъ правительствѣ сохраняли свои мѣста и вліяніе. Другое обстоятельство, казавшееся мнѣ страннымъ, было то, что прежніе друзья Лючилио и Амилькара, пріятели Спиро и даже онъ самъ были со мной какъ-будто холодны. Я даже сообщилъ это замѣчаніе Аглаурѣ, но она отвѣчала уклончиво, что у мужа голова занята дѣлами, такъ что ему не до любезностей.

Однажды я завидѣлъ на площади знакомую рожу капитана Мивато. Я хотѣлъ-было улизнуть, но онъ издали привѣтствовалъ меня громогласнымъ о! выразившимъ удивленіе и радость. Пришлось остановиться и раскланяться.

— Кстати, сказалъ онъ послѣ привѣтствій:—я былъ проездомъ въ Миланѣ и порадовался за васъ. Вы наслѣдовали прелести, бывшія во время оно моими.

— Какія прелести?

— Какъ? Развѣ графиня Мильяна не прелесть? Правда, я нашелъ ее нѣсколько постарѣвшей со времени нашего путешествія изъ Рима въ Анкону, но все-таки она еще прекрасная женщина.

— Какъ? Графиня Мильяна...

— Пріятельница покойнаго Эмилио Торрони, моя подруга девяносто восьмого. Сколько воды съ тѣхъ поръ утекло!

— Это невозможно, вы шутите! То была какая-то авантюристка; у нея не было ни имени, ни состоянія, ни положенія графини Мильяна!

— Что до имени, то она мѣняетъ ихъ, какъ рубашки, можетъ быть, изъ деликатности къ своимъ любовникамъ. О богатствѣ вы знаете, что она недавно получила наслѣдство. А свѣтъ за деньги даетъ какое угодно положеніе. Вы видѣли, какими людьми окружена графиня; это все народъ, который за кое-какіе взносы на святое дѣло готовъ опустить покровъ на прошлое и принять заблудшую овцу въ великое лоно аристократіи, *пряничной* аристократіи, какъ говорятъ въ Миланѣ.

— Однако...

— Чего однако? Вы были у ней мажордомомъ... ну, и понятно... овца не на-столько привыкла къ овчарнѣ, чтобы иногда не дать себѣ немножко свободы...

— Синьеръ, ничто не даетъ вамъ права поносить честь женщины и...

— Синьеръ, ничто не даетъ вамъ права мѣшать мнѣ говорить то, что всѣ говорятъ.

— Вы изъ Милана, а здѣсь, въ Венеціи...

— Здѣсь, въ Венеціи, объ этомъ говорятъ еще больше, чѣмъ въ Миланѣ.

— Какъ? Надѣюсь, что это ваше воображеніе.

— Извѣстіе это привезъ, говорятъ, совѣтникъ Ормента, который хвалитъ васъ за эту связь, видя въ ней доказательство вашего обращенія къ религіи и ея дѣлу.

— Совѣтникъ Ормента?

— Да, да; развѣ вы его не знаете?

— Слишкомъ хорошо!

Я собралъ, что совѣтникъ Ормента такъ-же хорошо узналъ меня, какъ и я его, чему, можетъ быть, помогло мое имя, произнесенное передъ нимъ графиней, но также, какъ и я, не счелъ нужнымъ показать, что узнаетъ меня. Во всякомъ случаѣ, я былъ радъ узнать слухи, ходившіе обо мнѣ, и счелъ, что капитанъ оказалъ мнѣ услугу, сообщивъ ихъ мнѣ, вслѣдствіе чего я разстался съ нимъ любезнѣе, чѣмъ встрѣтился, и отправился къ Пизанѣ, размышляя обо всемъ слышанномъ.

У нея я засталъ неожиданнаго посѣтителя, Раймондо Венквередо. Я не предполагалъ встрѣтить его у нея послѣ всего зла, которое онъ намъ надѣлалъ съ своей Дореттой сплетнями, тѣмъ болѣе, что Пизана знала, какія непріятныя чувства мы всегда

питали другъ въ другу. При появленіи моемъ онъ поспѣшилъ встать и отеланяться, что я счелъ тоже довольно дерзкой выходкой. По уходѣ его между нами началась ссора.

— Зачѣмъ ты пускаешь въ себѣ такихъ тварей?— „Я принимаю, кого хочу“.— Нѣтъ, синьера, такъ нельзя.— „Я посмотрю, кто смѣетъ командовать мной“.— Я не команду, а прошу.— „Просить можетъ тотъ, кто имѣетъ на это право“.— Кажется, я приобрѣлъ это право многими годами терпѣнія.— „Хорошо терпѣніе!“— Что такое?— „Ничего, я кое-что знаю!“

Я вышелъ взбѣшенный. При слѣдующихъ свиданіяхъ она уклонялась отъ всякихъ объясненій, но о любви не позволяла мнѣ даже заикнуться. Наконецъ, придя въ третій или четвертый разъ, я опять засталъ у нея Венквередо, который, какъ домашній человѣкъ, игралъ съ ея собачкой. Это взбѣсило меня окончательно, и я удалился, проклиная Пизану. Я догадывался, что ей насплетничалъ на меня Раймондо, и собирався выместить на немъ свою досаду, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Лючилио, которое окончательно пришло ко мнѣ. Письмо это было очень холодно и загадочно, но изъ него явствовало, что человѣкъ, уваженіемъ котораго я дорожилъ больше всего на свѣтѣ, лишалъ меня его. Что за напасть! И друзья, и враги точно сговорились довести меня до отчаянія! Что я сдѣлалъ, чтобы заслужить это отъ Лючилио? Возможно-ли, чтобы послѣ столькихъ лѣтъ нашихъ близкихъ отношеній онъ такъ внезапно могъ порвать со мной безъ всякихъ объясненій, не давая мнѣ возможности ни отвѣтить, ни оправдаться? Я плакалъ отъ оскорбленія и злости; стыдъ терзалъ меня, хотя я понять не могъ, чего могъ стыдиться.

Была другая сторона медали, пожалуй, еще худшая. Въ то время, какъ друзья мои отворачивались отъ меня, я былъ осажденъ любезностями адвоката Ормента, его сына, стараго Венквередо, падре Пендола и ихъ братья. Добрый падре былъ духовнымъ директоромъ того пріюта для кающихся, гдѣ была прежде Доретта, а молодой Ормента состоялъ въ этомъ заведеніи экономомъ. Всякій разъ, встрѣчаясь со мной, падре расточалъ мнѣ низкіе поклоны, привѣтливныя улыбки, чуть не подмигивалъ мнѣ, и всей фигурой, казалось, говорилъ: „Ну вотъ, теперь ты нашъ! Прекрасно! Благодаримъ!“ Тщетно я не отвѣчалъ на поклоны;

люди видѣли ихъ, подозрѣнія усиливались, клеветы пускали глубокіе корни, и я чувствовалъ себя утопающимъ въ одномъ изъ тѣхъ предательскихъ болотъ, которыя тѣмъ больше засасываютъ попавшаго въ нихъ, чѣмъ больше онъ дѣлаетъ усилій, чтобы выкарабкаться. Наконецъ, я изнемогъ отъ этихъ усилій, пересталъ сопротивляться; на меня напала апатія; жизнь опостылѣла мнѣ; я былъ близокъ къ самоубійству. Противъ открытыхъ враговъ и явныхъ несчастій я чувствовалъ себя сильнымъ; но это мучительное гоненіе, воздвигнутое богъ-вѣсть къ мѣ, совершенно парализовало меня. Можетъ быть, въ моемъ положеніи другой окончательно потерялся-бы, поддался-бы заискиваніямъ Ормента и его братьи и бросился-бы къ нимъ въ объятія изъ-за суетнаго удовольствія сказать своимъ прежнимъ друзьямъ: „Эти люди, которыхъ вы презираете, честнѣе и гуманнѣе васъ!“ Но я былъ неспособенъ на это. Покинутый любимой женщиной, отвергнутый друзьями, я искалъ убѣжища въ своей совѣсти. Я вспоминалъ всю свою жизнь и не находилъ въ ней ничего, что могло-бы заслужить мнѣ такое отверженіе, и я скорѣе умеръ-бы безропотно, чѣмъ сдѣлалъ-бы поступокъ, который могъ-бы хотя заднимъ числомъ оправдать и узаконить это отверженіе. Но если чистая совѣсть служила мнѣ защитой противъ нравственнаго самоубійства въ припадкѣ отчаянія, утѣшеніе это было все-таки далеко недостаточно. Душевные мученія довели меня до болѣзни. Доктора опредѣляли ее то воспаленіемъ вѣнъ, то засореніемъ печени, но я зналъ истинную причину ея и съ какой-то странной покорностью судьбѣ, нелишенной какого-то горькаго наслажденія, ждалъ приближенія смерти, медленнаго, но вѣрнаго, дѣлавшаго шагъ впередъ съ каждой минутой, съ каждымъ ударомъ пульса. Смерть представлялась мнѣ любящимъ, но неумолимымъ ангеломъ, нашептывающимъ роковыя слова послѣдняго утѣшенія. Такъ медленно умиралъ я, окруженный нѣжными попеченіями Аглауры и Спиро, предубѣжденія котораго не устояли противъ невозмутимой ясности духа умирающаго. Между нами не было никакихъ объясненій; но изъ того, какъ онъ смотрѣлъ на меня и какъ жаль мнѣ руку, я видѣлъ, что онъ возвратилъ мнѣ все свое уваженіе и просилъ у меня прощенія за свои сомнѣнія. Это было для меня истиннымъ торжествомъ, и я отъ всей души простилъ ему. Однажды, оставшись со мной наединѣ, онъ спросилъ меня:

„Дѣло“, № 11.

— Карлино, скажи мнѣ по совѣсти: ты не можешь или только не хочешь выздороветь?

— Не могу, нѣтъ, не могу, отвѣчалъ я.

Въ эту минуту Аглаура торопливо вошла въ комнату, говоря, что одна особа, нѣкогда очень дорогая мнѣ, хочетъ во что-бы то ни стало видѣть меня.

— Впустите, впустите! закричалъ я, не помня себя отъ восторга, потому что для меня не было сомнѣнія въ томъ, кто была эта особа. Въ ту-же минуту я очутился въ страстныхъ объятіяхъ рыдающей Пизаны. О, бывають минуты, незабвенныя для души, но которыхъ нельзя ни анализировать, ни описать. На минуту я чуть не задохся отъ блаженства; но потомъ жизнь закипѣла, разогрѣтая радостью, и я почувствовалъ, какъ свѣжесть и теплота пробѣжали сладострастно по моимъ нервамъ и артеріямъ.

Пизана не отходила отъ моего изголовья. Быть можетъ, она хотѣла заслужить прощеніе; но къ чему? Оно было дано, полное и безусловное, съ перваго взгляда. Я ожилъ, отказался принимать лекарственныя снадобья, и уходъ Пизаны, которая ночей не спала, не позволяла никому прикоснуться ко мнѣ, сдѣлалъ чудеса. Вскорѣ я началъ выздоравливать, и выздоровленіе шло необыкновенно быстро. И тогда, какъ и прежде, у насъ не было никакихъ объясненій. Уста наши молчали, но сердца говорили понятнымъ другъ для друга языкомъ.

— Карло, сказала она мнѣ однажды, когда я началъ уже выходить;—тебѣ вреденъ городской воздухъ, надо-бы пожить въ деревнѣ. Поѣдемъ навѣстить дядюшку монсиньера.

Это было пламеннѣйшее желаніе моего сердца. Для меня казалось истиннымъ раемъ снова увидѣть съ Пизаной мѣста нашего перваго блаженства. Она передала мнѣ небольшую сумму, накопившуюся за наемъ нашего дома, которой въ деревнѣ хватило-бы гораздо на дольше, чѣмъ въ городѣ. Кромѣ того, я узналъ, какъ подло донесъ ей Раймондо Венквередо о моей связи съ графиней Мильяна, и хотя я простилъ ей, но не могъ поручиться, что сдержу свою ненависть къ нему при встрѣчѣ съ нимъ. Дня черезъ два Пизана явилась ко мнѣ съ своими чемоданами и сказала:

— Кузенъ, вотъ я готова. Мужъ все еще болѣнъ, но болѣзнь

его хроническая и можетъ, по словамъ докторовъ, продлиться еще много лѣтъ. А завтра сестра выходитъ изъ монастыря...

— Какъ? воскликнулъ я;—Клара выходитъ изъ монастыря?

— Развѣ вы не знали? Ея монастырь уничтоженъ и отданъ подъ школу; завтра выходитъ. Конечно, она и не помышляетъ расторгать свои обѣты и будетъ по-прежнему поститься три поста въ годъ. Но она согласилась ухаживать за моимъ мужемъ, такъ-какъ я убѣдила ее, что во мнѣ нуждается дядя, а мать моя, у которой тутъ есть свой расчетъ, всѣми силами содѣйствовала осуществленію этого плана.

— Какой-же у нея расчетъ?

— Расчетъ тотъ, что я отдала ей не только проценты моего приданого, но и капиталъ.

— Какое сумасшествіе! Что-же тебѣ самой осталось?

— Мнѣ остаются два франка въ день, которые мужъ во что-бы то ни стало навязалъ мнѣ, при всей своей бѣдности; а на это въ деревнѣ можно жить большой барыней.

— Извини меня, Пизана; по-моему, твоя жертва матери безумна и бесполезна. На что ей капиталъ, если она и безъ того получала съ него проценты?

— На что? Не знаю; я полагаю, на то, чтобы истратить его. Мнѣ не приходилось требовать у нея отчета въ томъ, что она съ нимъ сдѣлаетъ. Она объяснила мнѣ свое грустное положеніе, свою старость, требующую все большаго спокойствія, большихъ удобствъ и расходовъ; свои долги, въ которыхъ она запутана; ну, а потомъ и ея страстишка; мнѣ не хотѣлось, чтобы она продала послѣдній тюфякъ, чтобы поставить ставку. Я ей отвѣчала:—Хотите такъ?—Хорошо!—Но пустите меня отсюда; мнѣ нужно подышать свѣжимъ воздухомъ, хочется побывать на родинѣ.—Изволь, милая, да благословить тебя Богъ, сказала она. При этомъ я уговорила Ринальдо купить себѣ новую шляпу и болѣе приличное платье; и теперь у него будетъ въ карманѣ нѣсколькими цехинами больше. Пошла я къ нотаріусу и сдѣлала переводъ. Но представь себѣ, что мнѣ вздумалось попросить у нея за это?

— Что такое? Отроченія въ твою пользу отъ наслѣдства Наваджиро или отъ правъ на Фрату?

— Какой вздоръ, Карло! Нѣтъ, мнѣ давно запали въ голову слова, вырвавшіяся какъ-то у этой болтуни Фаустины насчетъ

моего рожденія, и любопытство мучило меня. Я попросила мать, чтобы она откровенно, положа руку на сердце, сказала мнѣ, былъ ли тутъ при чемъ-нибудь монсиньеръ ди-Сант-Андреа.

— Ахъ, сумасшедшая! Что-же отвѣчала тебѣ графиня?

— То-же, что ты. Сказала, что я сумасшедшая, и больше ничего. Ахъ, Карло, за восемь тысячъ дукатовъ я даже не узнала, кто мой отецъ!

Этотъ случай даетъ не только понятіе о характерѣ Пизаны и о полученномъ ею воспитаніи, но и о венеціанскихъ обычаяхъ прошлаго вѣка. Всякіе коментаріи тутъ излишни. Довольно этого луча свѣта, чтобы озарить всю картину.

— Итакъ, тебѣ остаются два франка въ день отъ щедротъ небогата Наваджеро, такъ что отъ прихоти этого стараго дурака зависитъ послать тебя въ богадѣльню?

— Ну, нѣтъ, я молода и сильна, могу работать; притомъ-же я буду жить съ тобой; стало-быть, о чемъ-же беспокоиться?

Такое устройство ея судьбы вполне соответствовало моимъ желаніямъ. Мнѣ нужно было только достать себѣ какой-нибудь заработокъ, чтобы безъ нужды дожидаться съ ней смерти Наваджеро, а потомъ вступить въ законный бракъ. Теперь-же надо было поскорѣе ѣхать, чтобы возстановить мое здоровье. У меня была въ кошелькѣ сотня дукатовъ, въ которой Пизана прибавила еще сотни двѣ, вырученныя отъ продажи ея драгоценностей.

Передъ отъѣздомъ изъ Венеціи мнѣ привелось еще разъ увидаться съ старымъ Апостулосомъ, только-что возвратившимся изъ Греціи. Онъ былъ вовлеченъ въ интриги, уже тогда имѣвшія цѣлью освобожденіе Греціи, имѣлъ по этому поводу сношенія съ фанариотами и разъѣзжалъ безпрестанно подъ предлогомъ торговыхъ дѣлъ. Спиро принадлежалъ къ болѣе передовой партіи, которая не хотѣла служить честолюбію разныхъ полутурецкихъ князьковъ и которая впоследствии восторжествовала и произвела возстаніе Греціи; поэтому Спиро неохотно содѣйствовалъ отцу. Старикъ привезъ мнѣ отличныя новости о моемъ великомъ визирѣ. Его удавили, по тогдашней удобной придворной модѣ Константинополя, но преемникъ его признавалъ мой вексель; однако, такъ-какъ онъ простирался на сумму семи миліоновъ піастровъ, а казна его величія не была слишкомъ полна, то уплаты пришлось ждать. Такимъ образомъ, миліонерами *in spe* и съ 300

дукатовъ въ карманѣ, мы съ Пизаной сѣли на барку и отпра- вились въ Портогруаро и на второй день прибыли на благосло- венные берега Лемена.

Путешествіе было продолжительно, но пріятно. Пизанѣ было двадцать восемь лѣтъ, на видъ-же всего двадцать, а по харак- теру—пятнадцать. Я, ветеранъ партенопейской войны, эксъ-ин- тендантъ болонскій, по мѣрѣ приближенія къ Фріулю все бо- лѣе и болѣе становился мальчикомъ. Въ Портогруаро мы нашли больше печальныхъ новостей, чѣмъ радостныхъ. Старый Фульд- женціо одряхлѣлъ, впалъ почти въ дѣтство, боялся своихъ сы- новей и подпалъ подъ власть экономки, которая помыкала имъ и копила себѣ капиталъ, пользуясь его слабостью. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда онъ умеръ, завѣщавъ круглую сумму экононкѣ и значительныя деньги разнымъ церквямъ и монастырямъ, въ томъ числѣ порядочный кушъ на постройку колокольни при фратской церкви. Изъ сыновей его донъ Джироламо безропотно взялъ свою часть наслѣдства, весьма почтенную; но нотаріусъ забилъ тре- вогу и хотѣлъ завести процессъ; однако, завѣщаніе оказалось вполнѣ правильнымъ, такъ что нельзя было ничего подѣлать.

Другая странная новость, полученная нами въ Портогруаро, было извѣстіе о бракосочетаніи капитана Сандраки съ вдовой фоссальтскаго аптекаря, которая поселилась съ нимъ во Фратѣ, принеся ему 700—800 франковъ дохода. Онъ успокоилъ свою совѣсть относительно первой жены тѣмъ, что новая жена его— вдова, и потому по смерти соединится съ своимъ первымъ му- жемъ, такъ что никто не будетъ препятствовать ему снова со- единиться на томъ свѣтѣ съ Вероникой *per omnia secula seculi- logum*.

Замокъ Фрата представился намъ въ такомъ видѣ, какъ-будто наканунѣ подвергся нападенію и грабежу турокъ. Капитанъ Сан- драка встрѣтилъ насъ какъ-то нерѣшительно, недоумѣвая, за- чѣмъ мы пріѣхали. Монсиньеръ-же принялъ насъ такъ, какъ- будто мы вернулись съ прогулки. Его зобъ очень увеличился, и онъ ходилъ, волоча ноги, но не могъ нахвалиться на свое здо- ровье и жаловался только на проклятое сирокко, отъ котораго у него болятъ суставы. То было сирокко восьмидесяти лѣтъ, которое и для меня дуетъ теперь круглый годъ, въ противорѣчіе всѣмъ календарямъ. Я, по старой привычкѣ, все ждалъ, что мон-

синьеръ спросить у меня что-нибудь изъ второй части Confiteor. Но онъ жаловался на скудость доходовъ и бранилъ фермеровъ, которые вмѣсто каплуновъ доставляютъ ему тощихъ куръ и пѣтуховъ.

— И увѣряютъ, что каплуны, говорилъ онъ, вздыхая: — когда по ночамъ я не могу спать отъ ихъ пѣнья!

Сандрава и капеланъ страшно состарѣлись, такъ-что казались собственными призраками. Жена капитана, синьера Венеранда, мать Донато, была женщина такой несоразмѣрной толщины, что ея 800 франковъ дохода казались едва достаточными для поддержанія ея въ этомъ видѣ. Она было-стала хлопотать съ довольно кислой миной о нашемъ ночлегѣ, но мы уже заранѣе рѣшили поселиться у Бруто Проведони и потому отказались отъ этого гостепрѣимства.

Бруто и Аквиллина приняли насъ съ распростертыми объятіями. Мы поселились у нихъ, конечно не за опредѣленную плату, а съ тѣмъ, чтобы общими силами бороться съ нуждой. Я забылъ сказать въ свое время, что еще въ Падуѣ, во время моей первой дружбы съ Амилбаромъ, я выучился играть на флейтѣ. Отличный слухъ доставилъ мнѣ возможность сдѣлаться хорошимъ настройщикомъ, и эти искусства оказали мнѣ теперь неожиданную помощь. Бруто прославилъ меня, какъ отличнаго настройщика; патеры стали обращаться ко мнѣ для починки церковныхъ органовъ; при помощи мѣстныхъ слесарей я успѣшно исполнялъ эти заказы. Вскорѣ ни одинъ органъ, ни одинъ цимбаль, ни одна гитара околodeа не миновали моихъ рукъ. Моя администрація въ этихъ мѣстахъ въ должности канцеліере оставила по себѣ хорошую память, которая еще не была забыта, а въ деревняхъ расположены думать, что хорошій канцеліере долженъ быть и хорошимъ музыкантомъ. Наконецъ, я достигъ высшей точки величія, получивъ должность органиста въ церкви. Сначала я нѣсколько сбивался въ Кугіе и Glugia, но вскорѣ достигъ полнаго искусства. Такимъ образомъ, изъ мажордомовъ я сдѣлался органистомъ и зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, какъ Бруто, учитель калиграфіи, какъ Пизана—швея и Аквиллина—вухарка.

Съ хозяевами нашими мы съ каждымъ днемъ сдружались все больше и больше. Съ Бруто мы были какъ братья. Аквиллину я любилъ какъ сестру; она-же просто благоговѣла передо мной. Желая быть

ей полезнымъ, я давалъ ей уроки итальянской грамматики и французскаго языка. Моимъ пламеннымъ желаніемъ было выдать ее хорошо замужъ, но когда между нами заходилъ объ этомъ разговоръ, она показывала неудовольствіе. При ея красотѣ, у нея было много обожателей, но она не обращала на нихъ вниманія. Это была дѣвушка дѣятельная, живая, немножко рѣзкая и съ душою, но при всемъ томъ добрая и разсудительная на удивленіе. Пизана была просто влюблена въ нее, не чаяла въ ней души и видѣла въ ней всевозможныя достоинства, съ чѣмъ я вполнѣ соглашался, хотя мнѣ бывало иногда даже досадно, что на зовъ Аввилины она бросала меня и бѣжала стремглавъ.

Проживъ такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ, я долженъ былъ предпринять поѣздку въ Венецію, чтобы испросить у графа Ринальдо согласія на продажу болотистой полосы, которую хотѣлъ купить одинъ богатый помѣщикъ, предпринимавшій большія осушки. Земля эта ничего не приносила, и за нее давали очень хорошую цѣну. Но графъ, всегда безпечный и равнодушный къ дѣламъ по имѣнію, вдругъ заупрямился. Онъ былъ изъ тѣхъ лѣнивыхъ и причудливыхъ людей, которые всю свою дѣятельность вносятъ въ фантастическіе планы и проекты; ему вообразилось, что онъ самъ займется осушкой этого болота и этимъ способомъ возстановитъ свое фамиліное богатство; поэтому онъ ни за какія деньги не соглашался разстаться съ этимъ обширнымъ поприщемъ, гдѣ его воображеніе могло строить воздушныя замки.

Въ Венеціи всѣ жаловались на новыхъ властелиновъ, да и было на что. Наборы и поборы легли на страну тяжелымъ гнетомъ, послѣдняя торговля упала и городъ превратился въ провинціальныя городишко. Подъ прикрытіемъ императорской мантии управляли французскіе сатрапы съ помощью разныхъ Венквередо и Ормента. Я начиналъ понимать, почему Лючилио не выдержалъ и эмигрировалъ въ Англію. Я попробовалъ-было завязать съ нимъ опять переписку, но онъ не отвѣчалъ мнѣ. Отъ другихъ я зналъ, что онъ живетъ въ Лондонѣ, имѣетъ очень большую практику и возлагаетъ упованіе на Англію, чтобы сломить Наполеона. Въ Венеціи я прожилъ съ мѣсяць и долженъ былъ вернуться, не добившись отъ графа разрѣшенія на продажу земли, кромѣ небольшого клочка, за который было получено очень немного, да и то вся выручка мгновенно исчезла на карточномъ

столъ старой графини. Мнѣ очень хотѣлось увезти съ собой въ Фріуль сестру, здоровье которой безпокоило меня. Но она не могла покинуть домъ, а Спиро, самъ здоровенный, какъ быкъ, не вѣрилъ въ серьезность разстройства здоровья жены. Онъ, впрочемъ, предлагалъ ей ѣхать въ Грецію, но она не рѣшалась пу- скаться въ такой дальній путь съ маленькими дѣтьми. Я пори- цалъ Спиро, что онъ сдѣлался слишкомъ купцомъ и думаетъ только о векселяхъ и цѣнѣ на кофе, страшно вздорожавшій по случаю развитія англійскаго крейсера; въ отвѣтъ на это онъ только качалъ многозначительно головой, чего я въ то время рѣшительно не понималъ.

По возвращеніи въ Кордовадо я засталъ Пизану въ еще бо- лѣе тѣсной дружбѣ съ Аквилиной, а на меня она почти не обра- щала вниманія, такъ-что Аквилинѣ приходилось часто говорить ей: „Синьеръ Карло говоритъ тебѣ! Синьеръ Карло спрашиваетъ тебя! Синьеру Карло нужно то и то“. Это мнѣ надоѣло и во мнѣ начало зарождаться непріятное чувство къ этой Аквилинѣ, вѣчно торчавшей между мною и Пизаной.

Здѣсь я дошелъ до такого обстоятельства моей жизни, кото- рое мнѣ очень трудно объяснить читателю, потому что и себѣ я никогда не могъ порядочно объяснить его; я говорю о моей же- нитьбѣ. Однажды Пизана позвала меня наверхъ, въ нашу комна- ту, и безъ обиняковъ сказала:

— Карло, я замѣчаю, что я надоѣла тебѣ; ты уже не мо- жешь любить меня, какъ прежде. Тебѣ нужна вѣрная привязан- ность, которая доставила-бы тебѣ семейное счастье. Я возвращаю тебѣ свободу и хочу осчастливить тебя.

— Что это? Что за нелѣпость? воскликнулъ я.

— Нѣтъ, я говорю тебѣ отъ души и давно все это обдумала. Говорю и повторяю, ты не можешь любить меня. Ты любишь меня только по привычкѣ или изъ снисхожденія; но я не могу дольше приносить тебя въ жертву себѣ и должна изъ благодар- ности устроить твое счастье.

— Мое счастье, Пизана! Мы, кажется, были довольно сча- стливы вмѣстѣ. Я никакого другого счастья не желаю.

— Я вижу, ты меня не понимаешь или не понимаешь самъ себя. Это приводитъ меня въ отчаяніе. Карло, ты уже не юноша не-

опытнѣй и вѣтрѣннѣй; ты не можешь довольствоваться такимъ непрочнымъ счастьемъ. Тебѣ надо жениться.

— Я только этого и желаю! Да простить мнѣ небо это желаніе, но какъ только твой мужъ покинетъ сію юдоль плача и переселится въ лучшій міръ, я первымъ дѣломъ предложу тебѣ соединиться со мной на всю жизнь.

— Карло, не забавляй себя подобными мечтами. Мой мужъ и не думаетъ умирать, а тебѣ не приходится жертвовать лучшіе годы своей жизни на тщетное ожиданіе. Притомъ какая я жена? Ты видишь, дѣтей у меня нѣтъ, а безъ дѣтей что за жена? Нѣтъ, Карло, нѣтъ, не заблуждайся; для твоего счастья тебѣ необходимо тотчасъ жениться.

— Довольно, Пизана; скажи просто, что ты разлюбила меня.

— Я люблю тебя больше себя, и потому-то именно ты долженъ послушать меня.

— Я ничего не сдѣлаю, кромѣ того, что говорить мнѣ мое сердце.

— Твое сердце уже навѣрно сказала тебѣ, и ты женишься на ней.

— Женюсь?.. Ты бредишь!.. Ты сама не знаешь, что говоришь.

— Говорю тебѣ—женишься; женишься на Аввилинѣ!

— На Аввилинѣ? Перестань! Умоляю тебя, опомнись!

— Я въ полномъ умѣ. Аввина влюблена въ тебя, она тебѣ нравится и по всему подходитъ къ тебѣ. Ты женишься на ней!

— Пизана, неужели ты не видишь, какъ мнѣ тяжелъ этотъ разговоръ?

— Я вижу добро, которое хочу тебѣ сдѣлать; и если-бы мнѣ вздумалось пожертвовать собой для твоего блага, никто не могъ-бы мнѣ воспрепятствовать.

— Да я-то не допущу этого. Я имѣю на тебя права, которыхъ ты не должна, не можешь забывать!

— Карло, у меня хватитъ мужества жить безъ тебя; по этому самому разговору ты можешь судить о моей силѣ. Но Аввина безъ тебя умретъ. Выбериай - же. Что касается меня, мой выборъ сдѣланъ.

— Да опомнись-же, Пизана! Ты безумствуешь, тебѣ богъ-вѣсть

что мерещится! Аквиллина любитъ меня какъ сестра; она всегда радуется на наше счастье.

— Молчи, Карло; повѣрь женской проникательности. Наше счастье отравляетъ ей существованіе.

— Ну, уѣдемъ, вернемся въ Венецію.

— Пожалуй, уѣзжай, если у тебя хватитъ жестокости; но я не поѣду. Я люблю Аквиллину. Я хочу сдѣлать ее счастливой; я убѣждена, что женитьба на ней доставитъ счастье и тебѣ; я хочу соединить ваши руки и благословить вашъ бракъ.

— О, это просто смерть! Я ее возненавижу! Вся внутренность моя возмущается противъ нея! Злѣйшій врагъ не былъ-бы такъ противенъ, если-бы мнѣ пришлось обнять его!

— Аквиллина противна? Извини, Карло, но если ты еще разъ скажешь такую гадость, я убѣгу отъ тебя и никогда больше не увижу тебя. Ангелы заставляютъ невольно любить себя; ты не такъ извращенъ, чтобы ненавидѣть существо, сошедшее съ небесъ, какъ прекраснѣйшее воплощеніе божественной мысли. Взгляни, взгляни, открой глаза, Карло!.. Посмотри, вѣдь ты совершаешь убійство! Если ты былъ слѣпъ, то я видѣла; а ты не замѣчалъ ни ея мученій, ни моихъ угрызений! До сихъ поръ я была твоей сообщницей, но, клянусь, больше не буду; нѣтъ, я не хочу убить невинное существо, любящее меня какъ мать. О, знаешь-ли, Карло, ея героизмъ превосходитъ всякое воображеніе! Никогда ни одного досаднаго движенія, ни одного завистливаго взгляда; тихая покорность, безропотная любовь. Нѣтъ, нѣтъ, повторяю, я не заплачу убійствомъ за гостепріимство, оказанное намъ въ этомъ домѣ; и ты поможешь мнѣ. Карло, ты былъ прежде великодушень! Ты любилъ меня, и если-бы тогда я звала тебя на благородное и великодушное дѣло, ты не заставилъ-бы меня тратить столько словъ!

Что хотите? Сначала я бѣсился, потомъ плакалъ, умолялъ, рвалъ на себѣ волосы. Все было напрасно. Пизана была неумолима и отвѣчала мнѣ, что если я не соглашусь на ея предложеніе, то покажу себя презрѣннымъ существомъ, недостойнымъ любви и неспособнымъ на чувство. Она не улыбалась мнѣ, не глядѣла на меня, не пускала меня въ свою комнату. Что касается Аквиллины, то, начавъ наблюдать, я вскорѣ убѣдился, что Пизана права; я проклялъ свою глупость и наивность, что рань-

ше этого не замѣтилъ, и не могу сказать, чтобы это открытіе внушило мнѣ къ Аквилинѣ пріятныя чувства. Я готовъ былъ возненавидѣть ее, если-бы она своимъ стыдливымъ, какъ-бы умоляющимъ видомъ не обезоруживала меня. Она, должно быть, догадалась о томъ, что произошло между мной и Пизаной по ея поводу, и какъ-бы просила у меня прощенія за невольно причиненное зло и всячески старалась задобрить Пизану въ отношеніи меня. Меня-же она большею частью избѣгала и даже была со мной рѣзка. Бруто замѣчалъ, что въ домѣ неладно, огорчался этимъ и пытался поговорить со мной, но я сердито отмалчивался и отворачивался. Между тѣмъ Аквилина серьезно захворала; братъ ея сильно тревожился; Пизана пристала ко мнѣ пуще прежняго, и однажды, я самъ не знаю какъ, у меня вырвалось согласіе.

Бруто былъ изумленъ предложеніемъ, сдѣланнымъ ему Пизаной отъ моего имени; но Пизана увѣрила его въ моемъ и ея сердечномъ желаніи устроить этотъ бракъ и представила ему, что Аквилина умираетъ отъ любви ко мнѣ, и онъ долженъ былъ согласиться. Дѣвушка сначала не повѣрила, потомъ отъ волненія лишилась чувствъ. Встрѣтившись затѣмъ со мной, она не могла говорить; она предчувствовала, что съ моей стороны согласіе вынуждено, и не имѣла духу принять отъ меня такую жертву. Повѣрите-ли, она меня тронула, и самоотверженіе Пизаны сообщило мнѣ. Мнѣ показалось достойнымъ спасти такую ангельскую душу пѣной своего счастья, а это настроеніе придало мнѣ спокойствіе и ясность духа. Сначала Аквилина не вѣрила увѣреніямъ Пизаны, что она и я любимъ другъ друга только какъ братъ и сестра и что другихъ отношеній, кромѣ родственныхъ, между нами никогда не существовало; но потомъ, видя меня спокойнымъ, расположеннымъ къ ней, почти счастливымъ, она поневолѣ повѣрила и вся расцвѣла радостью.

При видѣ этого расцвѣта я въ самомъ дѣлѣ полюбилъ если не самую дѣвушку, то мое благое дѣло въ ней. Пизана себя не помнила отъ счастья, и ея радость внушала мнѣ духъ соревнованія. Я сознаюсь, что въ этомъ дѣлѣ я выказалъ вполнѣ слабость характера, которая часто вводила меня въ жизни въ ошибки; я не могу отрицать, что я давалъ себя водить за носъ; но я, право, не знаю, лучше-ли-бы я поступилъ, если-бы дѣйствовалъ болѣе самостоятельно и пошелъ имъ наперекоръ. Во всякомъ

случаѣ, побужденія мои были вполнѣ великодушны, и я считаю недостойнымъ расказаться въ честномъ поступкѣ, какой-бы вредъ онъ ни причинилъ.

Дальнѣйшее разскажу вкратцѣ. Пизана устроила такъ, что дядя пригласилъ ее жить съ собой. Я остался съ Бруто и Аквиллиной, и на пасхѣ 1807 года свадьба была отпразднована. Аквиллина была наверху блаженства. Я былъ какъ въ чадѣ и иногда, упоминаясь, недоумѣвалъ, какъ все это могло случиться со мной. Монсеньеръ ди-Фрата обвинялъ насъ. Пизана была посаженой матерью невѣсты. Свадьба была невеселая, мнѣ хотѣлось плакать. За свадебнымъ столомъ монсеньеру Орландо пришлось ѣсть за всѣхъ насъ, что онъ и исполнялъ. Я въ разсѣянности нѣсколько разъ спрашивалъ его о здоровьи и онъ всякій разъ отвѣчалъ мнѣ съ набитымъ ртомъ:

— Здоровье было-бы прекрасно, не будь этого проклятаго сиренью! Прежде этого не бывало. Помнишь, Карлино?

При свадьбѣ присутствовали, конечно, Донато съ женой и дѣтьми, капитанъ съ синьерой Венерандой и фратскій капеланъ. Присутствовалъ, наконецъ, и Спаккафумо, который отправлялъ много лѣтъ свое правосудіе при разныхъ правительствахъ, но, наконецъ, одряхлѣлъ, спился и жилъ теперь почти милостынею. Вечеромъ былъ балъ. Причетникъ Маркетто, похожій на перодѣтаго чорта, игралъ на скрипкѣ съ удивительной по своимъ лѣтамъ неутомимостью. Подъ конецъ вечера Пизана хотѣла незамѣтно исчезнуть, но я подкараулилъ ее, глаза наши встрѣтились и мы обмѣнялись послѣднимъ поцѣлуемъ. Аквиллина говорила въ это время съ сестрой, но вдругъ обомлѣла.

— Что съ тобой? спросила ее Брадаманта.

— Ничего, ничего, здѣсь ужасно душно, отвѣчала новобрачная.

Хотя эти слова были сказаны вполголоса, но я слышалъ ихъ и подумалъ, что надо помыслить о своихъ новыхъ обязанностяхъ. До конца бала я былъ нѣженъ съ Аквиллиной. А потомъ? А потомъ имѣлъ случай замѣтить, что въ нѣкоторыя жертвы всеблагое Провидѣніе, быть можетъ, въ награду добродѣтели, вносятъ нѣкоторую дозу пріятности.

Въ первые дни мнѣ приходилось, однако, дѣлать надъ собой усиліе, чтобы выказать женѣ любовь, которой во мнѣ не было.

Но мало-по-малу ея страстная любовь ко мнѣ и ея безграничная благодарность за малѣйшую ласку тронули меня и я начиналъ съ каждымъ днемъ любить ее все искреннѣе. Пизана была посвящена во всѣ эти перемѣны, происходившія въ моемъ сердцѣ. Я былъ убѣжденъ, что главная причина ея самопожертвованія состояла въ охлажденіи ея любви ко мнѣ, и потому не считалъ нужнымъ скрывать отъ нея, что для меня моя жертва становится все легче и легче. Напротивъ, я думалъ, что если-бы она видѣла меня несчастливымъ, совѣсть упрекнула-бы ее за тиранію, съ которой она принудила меня къ браку. Сначала она, дѣйствительно, радовалась моему счастью, но при слѣдующихъ частыхъ посѣщеніяхъ ея къ намъ я началъ замѣчать въ ней признаки грусти. Я полагалъ, что она находитъ меня не довольно нѣжнымъ съ женой, и усугублялъ свое усердіе въ этомъ отношеніи; но она дѣлалась все грустнѣе и женѣ моей также уже не выказывала прежней дружбы. Наконецъ, однажды, когда Аквиллины и Бруто не было дома, она явилась ко мнѣ впопыхахъ и, увидя, что я раскрылъ ротъ, чтобы заговорить, остановила меня жестомъ:

— Молчите, сказала она; — я слѣшу обратиться. Теперь вы любите другъ друга; я вамъ больше не нужна и возвращаюсь въ Венецію.

Я хотѣлъ отвѣтить, но она не дала мнѣ времени на это, крикнула, уходя, чтобы я поклонился отъ нея женѣ и Бруто, вскочила въ экипажъ, въ которомъ пріѣхала въ сопровожденіи фратскаго капелана, и уѣхала. Черезъ часъ я явился въ замокъ, но она уже выѣхала совсѣмъ. Я былъ въ затрудненіи, какъ объяснить этотъ внезапный отъѣздъ Аквиллины, и придумалъ сказать, что старая графиня заболѣла, чему Аквиллина, конечно, повѣрила. Съ тѣхъ поръ жизнь моя потекла если не въ счастіи, то, по крайней мѣрѣ, въ мирѣ и тишинѣ.

Я сказалъ, что я не былъ вполне счастливъ; въ сущности это несправедливо. Аквиллина была милое, любящее существо, и если я не чувствовалъ себя вполне счастливымъ, то только по сравненію съ тѣмъ блаженствомъ, которое испытывалъ прежде съ Пизаной. Когда-же, наконецъ, въ моихъ рукахъ очутился толстый, розовый мальчуганъ, подаренный мнѣ Аквиллиной, я назвалъ себя вполне счастливымъ и былъ готовъ благодарить Пизану за до-

ставленное мнѣ счастье. Пизану я, конечно, не забывалъ, и на этотъ разъ мнѣ было невыразимо утѣшительно знать, что она живетъ по-прежнему при больномъ мужѣ. Это доказывало мнѣ, что она не сердита на меня; я по опыту зналъ, какъ-бы она съумѣла отомстить мнѣ, если-бы сердилась.

Такимъ образомъ, жилъ я спокойно цѣлыя годы, играя на органѣ и занимаясь также дѣлами Фраты, чѣмъ давалъ возможность монсеньеру ѣсть иногда настоящихъ кашуновъ.

Читатель, можетъ быть, подивится этому переходу отъ такой бурной жизни къ такому покою. Но это общее явленіе въ итальянской жизни, которая течетъ медленной, болотистой канавой и вдругъ бушуетъ временами водопадами.

Въ то время, какъ я все болѣе предавался мирной сельской и семейной жизни, мой маленькій Лучіано уже бѣгалъ по двору и на свѣтъ являлся мой второй сынъ, котораго мы окрестили въ честь дяди Донато, — миръ гремѣлъ военной славой Наполеона, Іеной и Ваграмомъ. Но идея свободы была не совсѣмъ заглушена этимъ трескомъ. Письма Спиро становились все таинственнѣе. Поэтъ Ригасъ основывалъ первую этерію, за что былъ вознагражденъ христіанами — предательствомъ, а турками — казнью на колѣ. Но въ Италіи составлялся подъ покровительствомъ Наполеона новый заговоръ въ пользу Греціи. Огонь энтузіазма загорѣлся между майнотами, среди дикихъ албанцевъ и патриархальныхъ черногорскихъ родовъ, у которыхъ обидой считается сказать человѣку: „твои родные умерли въ своихъ постеляхъ“. Старый Апостулосъ еще разъ отправился въ Морею, на этотъ разъ уже не интриговать съ фанаріотами, а приготовить дѣло кровавой мести. Смерть постигла его на Хіосѣ, и Спиро увѣдомлялъ меня объ этомъ съ мужественною грустью, говоря, что послѣднее желаніе его отца будетъ служить ему вдохновеніемъ во всѣхъ его предпріятіяхъ. Онъ постоянно убѣждалъ меня переселиться съ семьей въ Венецію, гдѣ я найду себѣ и приличныя средства къ жизни, и возможность быть полезнымъ другимъ. Читая нѣкоторыя его письма, Бруто кусалъ себѣ губы, съ горечью глядя на свою деревяшку. Я-же взглядывалъ на Аввину и на маленькаго Донато на ея рукахъ и не рѣшался пу-
скается въ неизвѣстность.

Въ это время воспослѣдовала величайшая война нашего времени.

Наполеонъ вступилъ въ Германію съ полмиліономъ войска и созвалъ въ Дрезденъ вассальныхъ императоровъ и королей. Александръ I призывалъ къ оружію всю Россію и войнѣ честолюбія противопоставилъ войну народную. Завоеватель дошелъ до Москвы и бѣжалъ изъ нея, побѣжденный, впрочемъ, болѣе стихіями, чѣмъ людьми. Сорокъ тысячъ итальянцевъ обагрили своею кровью русскіе снѣга, прикрывая отступление великой арміи. Наконецъ, явился бюлетень, возвѣщавшій великую катастрофу и оканчивавшійся словами: „Здоровье его величества находится въ отѣнномъ состояніи“. Наполеонъ явился въ Парижъ набирать новыя войска, новою ложью возбуждать упавшій духъ націи. Но Франція уже не вѣрила ему, Германія возстала. Побѣжденный подъ Лейпцигомъ, онъ палъ. Тогда оказалось, что такое его итальянское королевство. Подъ его деспотизмомъ народъ не жилъ и не научился жить. Въ глупой радости о паденіи Наполеона въ Миланѣ свергали правительство, низвергали эмблемы его, торжествовали сегодняшнюю вольность, не помышляя о завтрашнемъ днѣ, а *завтра* уже принадлежало нѣмцамъ. Не стану говорить о томъ, какъ тяжело было видѣть все это мнѣ, который вынесъ изъ пережитаго опыта знаніе и потому предвидѣлъ, чѣмъ это кончится. Единственная надежда оставалась на перерожденіе народа, на бессмертіе націи; на это я еще и надѣялся въ то время, какъ другіе возлагали упованіе кто на вице-короля Богарне, кто на лорда Бентинка и генерала Беллегарда.

Пизана, прежде писавшая мнѣ очень рѣдко, какъ-будто догадалась, что я нуждаюсь въ дружеской поддержкѣ, и стала писать мнѣ часто и подробно. Черезъ нее я зналъ, что дѣлается въ Венеціи. Утѣшительнаго было мало. При новой перемѣнѣ владычества подлость нашла себѣ новый случай выказаться. Изъ нашихъ знакомыхъ, однако, не всѣмъ повезло. Старый Венквередо послѣ высшихъ должностей долженъ былъ удовольствоваться мѣстомъ полицейскаго директора. За то Партистаньо блисталъ въ чинѣ уланскаго полковника и женился на моравской баронессѣ, за то, что, по его словамъ, она напоминала ему его любимую кобылу. Говорили даже, что Алессандро Джорджи перешелъ въ австрійскую службу и сохранилъ чинъ генерала, полученный за бородинское сраженіе. Но я этому не повѣрилъ, и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было получено отъ него извѣстіе изъ

Бразиліи, куда онъ отправился и гдѣ нашелъ хорошее мѣсто. Онъ предлагалъ мнѣ свою протекцію при императорѣ Донъ Педро и говорилъ, что найдетъ мнѣ въ Рио-Жанейро цѣлый десятокъ графинь Мильянъ, которыя дадутъ мнѣ у себя мѣста почище мажордома.

Слѣдующіе года были рядомъ похоронныхъ процесій. Первымъ отправился фратскій капеланъ; за нимъ послѣдовалъ Спавафумо; потомъ Маркетто, конюшій, причетникъ и скрипачъ, убитый молніей въ то время, какъ звонилъ въ грозу на колокольнѣ, вслѣдствіе чего туземцы до сихъ поръ чтятъ его, какъ мученика. Затѣмъ, въ голодный годъ, перемерло множество бѣднаго народа, и погребальный звонъ не умолкалъ; въ это-же время, но ужъ, конечно, не отъ голода, умерла и синьера Венеранда, оставивъ капитана вторично вдовцомъ. Мы тоже въ этотъ годъ потерпѣли порядочно, и долги, надѣланные въ это время, были первымъ началомъ дефицита, который образовался въ нашемъ бюджетѣ и потомъ все увеличивался. Около этого-же времени пріѣхалъ во Фрату графъ Ринальдо; пріѣхалъ онъ за деньгами, но, не найдя ихъ, продалъ одному предпринимателю на словъ наиболѣе ветхую часть замка. Я присутствовалъ при разрушеніи и мнѣ казалось, что я присутствую на похоронахъ. Графъ тотчасъ уѣхалъ, отозванный опасною болѣзнью матери. Едва успѣли очистить дворъ замка отъ камней и мусора, какъ монсиньеръ началъ особенно сильно ощущать сирокко. Однажды утромъ съ нимъ сдѣлался обморокъ за обѣдней, и съ тѣхъ поръ онъ уже не выходилъ изъ своей комнаты. Я посѣтилъ его за день до его кончины, и на вопросъ мой о здоровьи, онъ по обыкновенію отвѣчалъ: „Все этотъ сирокко!“ Тѣмъ не менѣе онъ ѣлъ по-прежнему, и въ послѣдній часъ жизни у него на постели лежалъ съ одной стороны молитвенникъ, а съ другой стояла тарелка съ жаренымъ цыпленкомъ. Джустина подошла къ нему и сказала:—Что же вы не кушаете, монсиньеръ?—Не хочется, отвѣчалъ онъ слабѣющимъ голосомъ. Такъ скончался монсиньеръ Орландо ди-Фрата, утоливъ, наконецъ, передъ смертью свой аппетитъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончалась и старая графиня, до послѣдняго издыханія мечтающая отыгаться. Родственникамъ Чистернамъ пришлось ссудить графу Ринальдо денегъ на ея погребеніе, такъ-какъ ни у него, ни у его сестеръ не было ни гроша, а

его превосходительство Наваджеро все жаловался на нищету. Всѣ умирали, одинъ онъ все жилъ. Пизана, сообщая мнѣ извѣстіе о кончинѣ матери, рассказывала мнѣ въ томъ-же письмѣ о неожиданномъ посѣтителѣ, явившемся къ нимъ. Однажды вечеромъ, въ то время, какъ она съ Кларой читала молитву въ домашней часовнѣ, имъ доложили, что какой-то маленькій, худенькій старикъ, лѣтъ за пятьдесятъ, плѣшивый, съ густой бородой и очень живыми глазами, повидимому иностранецъ, добивается видѣть ихъ. Онъ вышли въ салонъ, и Пизана, больше по голосу, чѣмъ по наружности, узнала доктора Лючилю Вianello. Онъ пріѣхалъ на англійскомъ кораблѣ, узнавъ, что Клара вышла изъ монастыря, требовать отъ нея исполненія ея обѣщанія. Пизана говорила, что докторъ испугалъ ее своимъ мрачнымъ и грознымъ видомъ; но Клара отвѣчала наотрѣвъ, что не знаетъ его, что она дала обѣтъ и будетъ по-прежнему молиться о спасеніи его души.

„Увѣряю васъ, писала Пизана, — что въ эту минуту негодованіе помолодило его на двадцать лѣтъ; потомъ онъ поблѣднѣлъ, помертвѣлъ и сдѣлался похожъ на восьмидесятилѣтняго старика. Онъ ушелъ, сгорбившись, пошатываясь и бормоча непонятныя слова. Клара перекрестилась и спокойно пригласила меня приняться опять за молитву. Я отказалась подъ предлогомъ, что должна разогрѣвать супъ для мужа; сцена эта произвела на меня слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Кто-бы подумалъ, что такая упорная страсть горитъ подъ такой холодной оболочкой! Вы помните его въ Неаполѣ и Генуѣ? Онъ тогда, казалось, совсѣмъ забылъ думать о Кларѣ, никогда не спрашивалъ о ней“.

Въ заключеніе письма она поручала мнѣ кланяться Бруто и Аквилія и поцѣловать моихъ мальчиковъ. Она поручала мнѣ также положить небольшую плиту на могилу монсиньера Орландо; я уже думалъ объ этомъ, но донъ Джироламо, сынъ Фульженціо, предупредилъ меня. На плитѣ красовалась латинская надпись, по поводу которой между фратскими обывателями возникали недоразумѣнія; такъ одинъ мѣстный ученый, взявшись переводить, толковалъ слова, что каноникъ умеръ восьмидесяти лѣтъ — octuagenarius, будто-бы онъ умеръ восьмого января, на что многіе справедливо возражали, что это неправда, что онъ скончался 15, а не 8 числа.

— Эхъ, не все-ли равно! отвѣчалъ ученый; — неужели вы думаете,
„Дѣло“, № 11.

маете, что въ эпитафіяхъ обращаютъ вниманіе на подобныя мелочи? Недѣлей раньше или позже—это все едино; дѣло въ томъ, что онъ умеръ и что ему поставленъ памятникъ.

Въ эти-же года умеръ и падре Пендола, тщетно хлопотавшій послѣднее время жизни о водвореніи іезуитовъ въ Венеціи. Старые актеры сходили со сцены, новые выходили на нее. Старшему сыну Спиро Апостулоса, Деметрію, было двадцать лѣтъ; второму, Теодоро, восемнадцать. Моимъ было двѣнадцать и десять. У Донато было трое сыновей, между двадцатью двумя и шестнадцатью годами. Будь то при Наполеонѣ, старшихъ давно взяли-бы въ конскрипцію. Правда, правительства Священнаго Союза не уничтожили конскрипціи, но въ виду обезпеченнаго мира было очень легко избавляться отъ нея. Новое поколѣніе могло-бы, пожалуй, не безъ основанія послать насъ на покой, потому что мы много заблуждались и много надѣлали ошибокъ. Но оно удивлялось намъ и уважало насъ, какъ свидѣтелей великихъ событій, какъ участниковъ великодушныхъ предпріятій, невѣроятныхъ попытокъ.

Въ 1820 году мои дѣла очень запутались, а, съ другой стороны, Спиро давалъ мнѣ надежды на благополучный исходъ дѣла о моемъ векселѣ на Константинополь, почему я рѣшился отправиться въ Венецію переговорить съ зятемъ. Съ іюля карбонары произвели въ Неаполѣ революцію и страна получила либеральную конституцію; король Фердинандъ поѣхалъ въ Троппау. Въ Неаполѣ готовились къ защитѣ. Мнѣ оказалось необходимымъ отправиться туда, потому что, по словамъ Спиро, для полученія уплаты по векселю нужно было предъявить свидѣтельство о смерти моего отца. Само-собой этого нельзя было добиться перепиской и надо было самому хлопотать, отыскивать свидѣтелей и напомнить имъ обстоятельства. Таковъ былъ главный мотивъ моей поѣздки и официальное заявленіе о цѣли ея для полученія паспорта; но, кромѣ того, я имѣлъ другія порученія, о которыхъ лучше было молчать.

Въ Венеціи я, конечно, увидѣлся съ Пизаной и она меня удивила. Смотри на себя въ зеркало, я ясно видѣлъ на своемъ лицѣ отпечатокъ своихъ сорока пяти лѣтъ; она же казалась по-прежнему молода; это были прежніе, полные огня, темные, страстные глаза, прежній безукоризненный овалъ лица, прежняя бѣллызна кожи, прежняя легкая поступь. Напрасно старалась она

подражать монашеской чопорности Клары: сквозь нее все-таки проглядывала прежняя Пизана. Это было тѣмъ удивительнѣе, что ей приходилось большимъ трудомъ зарабатывать себѣ средства къ жизни; денегъ, скудно выдаваемыхъ костлявыми пальцами Наваджеро, едва хватало на его леченіе. Когда я посѣтилъ его, онъ, кажется, испугался, что я по-прежнему увезу отъ него жену, и, расхваливая мнѣ ее, сказалъ:

— Ахъ, синьеръ Карло, безъ нея я дня не проживу!

— Полно, старикъ, отвѣчала ему Пизана:— ты вѣдь знаешь, что намъ, женщинамъ, больные дороже любовниковъ.

Старикъ пожалъ обоимъ намъ руки; я расстался съ нимъ, общая ему увидѣться съ нимъ на обратномъ пути черезъ Венецію. Пизана и при прощаніи была со мной холодна и сдержанна, какъ подобаетъ набожной дамѣ.

Въ Венеціи я имѣлъ также случай увидать полковника Партистаньо съ женой; онъ былъ правъ: она была, дѣйствительно, похожа на кобылу, что не мѣшало Раймондо Веневередо ухаживать за нею. Раймондо ужасно постарѣлъ и имѣлъ очень гнусный видъ; увидавъ меня издали, онъ юркнулъ въ кафе и закрылся газетой. Его отцу и Орментѣ совсѣмъ не везло; они сидѣли на половинной пенсіи. Впрочемъ, утѣшеніемъ Орментѣ былъ сынъ, который, говорили, подвизался съ успѣхомъ на дипломатическомъ поприщѣ въ Римѣ. Мнѣ, конечно, не было дѣла до радостей и огорченій всѣхъ этихъ тварей. Меня печалило только здоровье Аглауры, которая страдала больше прежняго тоской и слабостью. Бѣдная женщина! Кто узналъ-бы въ ней теперь прекраснаго моряка, нѣкогда ѣхавшаго со мной изъ Падуи въ Миланъ!

(Окончаніе будетъ.)

СЕРБИИ ГЕРЦЕГОВИНЕЦЪ.

(Съ сербскаго.)

Изъ міра рабства и оковъ,
Гдѣ слышенъ бичъ, гдѣ льются слезы,
Въ блаженный край твоихъ сыновъ
Меня порой уносятъ грезы...
Такъ древле плѣнный іудей,
Подъ иго голову склоняя,
О дальней родинѣ своей
Мечталъ, ее благословляя...

Придетъ пора... Близка она...
Порабощенные народы,
Сломавъ вериги тьмы и сна,
Познають счастье свободы...
О, Сербія! своей судьбѣ
Ты будь вѣрна и молодѣя,
Всѣхъ, кто поклонится тебѣ,
Спасай, какъ мѣдный змій Мойсея...

В. И. Славянской.

СТАРЫЯ ГНѢЗДА.

РОМАНЪ.

VIII.

Такие люди влияли на Максима в дѣтствѣ! И эти-то люди распоряжались его судьбою! Онъ рвался на волю, но рвался бессмысленно, глупо, по-дѣтски. Это были страстные честные порывы, ненаправляемые къ благой цѣли здоровымъ смысломъ, разумнымъ совѣтомъ, житейскою опытностью. Когда его привезли къ графамъ Баскаковымъ и маленькій графчикъ Маркъ Вячеславовичъ сказалъ ему: „какой ты деревенщина“, онъ просто-на-просто отколотилъ мальчугана и наотрѣзъ сказалъ „тетушкѣ Нѣтъ“, что не станеть просить прощенья у графчика и не будетъ ходить въ этотъ домъ по праздникамъ. Когда его отдали въ корпусъ, ему не понравилась дисциплина, не понравилась ѣда, не понравилась наука — и онъ бѣжалъ оттуда. Когда его поймали и засадили въ карцеръ, онъ попробовалъ повѣситься. Когда его спасли и отправили домой, онъ настоялъ, чтобы его отдали въ гимназію. Когда въ гимназіи его началъ, какъ ему показалось или какъ было на самомъ дѣлѣ, преслѣдовать одинъ старый учитель, онъ вышелъ самовольно изъ училища. Когда до него дошла первая дорогая для него вѣсть объ освобожденіи крестьянъ, онъ первый сообщилъ эту великую вѣсть дворовымъ, онъ съ юношескимъ восторгомъ увлекался ею и вызвалъ цѣлую бурю слезъ и жалобъ со стороны матери, невѣрившей возможности великой реформы и упрекавшей сына за то, что онъ возмущаетъ людей противъ родной матери. Когда мать вслѣд-

ствіе этого погрозила отречься отъ него, онъ не покорился ей, пѣшкомъ ушелъ въ Петербургъ и сталъ добывать себѣ кусокъ хлѣба.

Легко сказать: добывать кусокъ хлѣба на семнадцатомъ году жизни, нигдѣ не кончивъ своего образованія, не зная никакого ремесла, не имѣя физическихъ силъ! Сколько униженій, сколько скверно исполненныхъ обязанностей было въ это время! Сегодня нужно унижаться передъ полубезграмотнымъ самодуромъ-мѣщаниномъ, рѣшившимся обучить наукѣ своего „оболтуса“. Завтра нужно взяться приготовить ребенка во второй классъ гимназій, не имѣя ни надлежащихъ знаній, ни педагогическихъ способностей. Далѣе нужно понизить плату за переводъ, чтобы отбить эту работу отъ голоднаго собрата-переводчика и исполнить эту работу кое-какъ, такъ-какъ для перевода нѣтъ опять-таки порядочныхъ знаній, нѣтъ нужныхъ пособій и еще менѣе есть времени для кропотливой и добросовѣстной отдѣлки взятаго труда. И рядомъ съ этимъ идетъ плохая расплата со стороны самодура-мѣщанина, выговоры за неприготовленнаго во второй классъ гимназій мальчугана, злая рецензія на сдѣланный кое-какъ переводъ, написанная тѣмъ самымъ переводчикомъ, отъ котораго былъ отбитъ этотъ переводъ, и голодъ, голодъ почти всегда. Правда, у Максима были старшіе братья, можно было попросить помощи у нихъ, но онъ уже давно разошелся съ этими братьями. Онъ возненавидѣлъ сонливаго, апатичнаго и въ то-же время глубоко развратнаго брата Аркадія уже съ того времени, когда тотъ во время пріѣзда изъ столицы открывалъ братьямъ науку разныхъ пороковъ, когда изъ-за него прогнали ихъ молоденькую горничную. Эта ненависть, бессознательная, инстинктивная, превратилась въ сознательную вражду, когда послѣ битвы Максима съ графомъ Маркомъ Баскаковымъ Аркадій холодно замѣтилъ „тетушкѣ Нѣтъ“:

— Я на вашемъ мѣстѣ просто-бы высѣкъ этого негодяя, иначе онъ вооружить противъ насъ графовъ, а вѣдь у насъ въ будущемъ вся надежда на ихъ протекцію.

— Нѣтъ, возразила ему „тетушка Нѣтъ“, — не стану-же я сама его сѣчь здѣсь. Это скандалъ.

— Поручите мнѣ и я такъ отпорю, этого негодяя въ своей комнатѣ, что онъ будетъ помнить, произнесъ спокойно Аркадій.

— Если ты только тронешь, если ты только тронешь. такъ я все, все расскажу, воскликнулъ Максимъ.

Аркадій нахмурилъ брови и съ проницей проворчалъ:

— Что-же это ты расскажешь?

— Я знаю, чему ты училъ братьевъ, задыхаясь проговорилъ Максимъ. — Подлецъ!

Аркадій поблѣднѣлъ, какъ полотно, и молчалъ.

— Я и матери, и тетѣ, и графу, и всѣмъ расскажу, волновался мальчикъ. — Только тронь... только тронь...

— Негодяй, прошепталъ Аркадій и обратился къ „тетушкѣ Нѣтъ“: — Лучше всего не брать его въ отпуски. Пусть онъ не пятнаеть своимъ поведеніемъ нашей семьи.

— Нѣтъ... начала „тетушка Нѣтъ“, но Аркадій уже поднялся съ мѣста.

— Это будетъ лучше всего, перебилъ онъ ее, удаляясь, и тихо, мимоходомъ, замѣтилъ Максиму:—Но ты помни, что я тебѣ болѣе не братъ.

Съ братомъ Данилой Максимъ не былъ во враждебныхъ отношеніяхъ, такъ-какъ вообще враждовать съ Данилой Павловичемъ не было никакой возможности, но Данило самъ былъ вѣчно въ долгу, безъ средствъ, и выманивалъ у матери деньги, то угрожая застрѣлиться, то говоря, что онъ потерялъ казенныя деньги, то рассказывая, что у него украли все до нитки. Про Данилу говорили, что если съ лихой собаки можно содрать хоть шерсти клокъ, то отъ Данилы Павловича Муратова и этого не получишь, а только держи ухо востро, чтобы онъ самого тебя не ободралъ.

Еще менѣе возможности для вражды могло явиться между Максимомъ и братомъ Петромъ. Но Максиму были и въ дѣтствѣ не особенно пріятны эти приторныя ласки, а съ годами онъ началъ понимать, что далѣе этихъ ласкъ любовь Петра и не можетъ идти, что подъ этимъ вѣишнимъ добродушіемъ таятся сухое и холодное сердце. Когда Максимъ остался одинъ безъ помощи, братъ Петръ обнялъ его, разцѣловалъ, даже прослезился, и поспѣшно замѣтилъ, что жалованья гвардейскаго офицера не хватаетъ ему даже на приличную обмундировку; когда Максимъ встрѣтился съ нимъ на Невскомъ, оборванный и исхудалый, и подошелъ къ нему, братъ Петръ покраснѣлъ и замѣтилъ ему, что онъ очень радъ встрѣчѣ, но что ему неловко говорить съ нимъ на улицѣ, такъ-какъ это

можетъ не только компрометировать его въ глазахъ товарищей, но можетъ даже заставить ихъ поднять вопросъ объ удаленіи его изъ полка.

Все это было нелегко сознавать Максиму.

Эти сотни, тысячи мелкихъ, но постоянныхъ нравственныхъ и физическихъ мученій ломають и коверкають молодой характеръ и молодой организмъ. А тутъ еще пробуждается молодая страсть: хочется взглянуть на хорошенькое личико, хочется чьей-то нѣжной ласки, хочется отдохнуть въ чьихъ-то объятіяхъ. Ночью невольно вспоминаются братья, думается, какъ весело они живутъ, какъ наслаждаются жизнью, какъ, можетъ быть, горячо любимы они. Въ сердцѣ невольно пробуждается зависть и злоба на судьбу, мысль о томъ, что лучше-бы идти смиренно указанной дорогой. А вотъ и они, старые товарищи по корпусу, по гимназіи. На нихъ блестящіе мундиры, модное платье, у нихъ экипажи, любовницы, они ѣдутъ на балы, въ театры, на пикники, они веселы, счастливы и довольны.

— Они подлецы! срывается почему-то съ языка у Максима.

„А я? черезъ минуту думаетъ онъ. — Развѣ я не унижался передъ мѣщаниномъ Еропкинымъ? Развѣ я не надулъ надворнаго совѣтника Богоявленскаго? Развѣ я не обманулъ издателя Щукина? Развѣ я не оставилъ безъ хлѣба дѣльнаго переводчика Терпигорева? Развѣ я не переѣхалъ почти тайкомъ отъ солдатки Собакиной, задолжавъ ей пятнадцать рублей? Развѣ сапожники, портные, продавцы холста не были невольно обмануты мною, когда я бралъ у нихъ въ долгъ вещи, не имѣя средствъ заплатить долгъ? Я это дѣлалъ изъ нужды, отъ голода. Но вѣдь я могъ-бы этого не дѣлать, если-бы я шелъ по той-же дорогѣ, по которой шли мои братья, мои товарищи“?

И гдѣ-то въ глубинѣ сердца начинало копошиться раскаянье.

„Идти-бы къ матери, броситься къ ногамъ“, мелькало въ головѣ, и въ ту-же минуту со дна души поднималось чувство гордости и спѣси, являлась неприязнь къ той, которая съ дѣтскихъ лѣтъ губила сына.

А что-же она?

Она не посылала сыну ни денегъ, ни писемъ, она не вспоминала о немъ, не справлялась о немъ, но она не забыла его. Она ежедневно молилась за него дольше, чѣмъ за другихъ сыно-

вей, она служила молебны, прося Бога объ отпущеніи его грѣховъ, она мысленно разсуждала, что онъ долженъ нести крестъ для искупленія этихъ грѣховъ.

У него-же въ это время бывали минуты, когда онъ былъ готовъ дойти до крайней степени униженія, дойти до преступленія.

Это были тяжелые дни. Онъ помнитъ, какъ разъ ночью, лежа въ углу подвального жилища гробовщика, своего квартирнаго хозяина, онъ, продрогнувшій, голодный, близкій къ горячкѣ, услыхалъ, какъ, похожій на скелетъ, обтянутый желтой кожей, гробовщикъ усѣлся за перегородкою въ своей коморкѣ передъ печкой за ужинъ и сталъ считать полученныя за гробъ деньги. Чавкая жадными губами и изрѣдка подливая въ стаганъ и прихлебывая пиво, гробовщикъ шуршалъ кредитными билетами, пересчитывая ихъ отъ времени до времени и что-то соображая. Максимъ подерался въ своей клѣтущкѣ до перегородки и сталъ всматриваться въ щель въ комнату хозяина. Комната была слабо освѣщена свѣчею и огнемъ топившейся печи. На полу валялись стружки, обрѣзки плиса и позументовъ, на стѣнахъ висѣли блестящія скобы для гробовъ, на окнѣ лежали посеребренныя и позолоченныя ножки гробовъ, въ углу висѣли огромные образа съ тусклыми и некрасивыми лицами, въ золоченыхъ ризахъ, и теплились три лампы; на продавленномъ кожаномъ диванѣ, съ выраженіемъ полнѣйшаго споконья и безмятежнаго довольства, сидѣлъ гробовщикъ съ хищною физиономіей, съ длиннымъ носомъ, похожимъ на клювъ, съ костлявыми пальцами, походившими на когти; передъ нимъ на столѣ лежалъ засаленный бумажникъ и пачка кредитныхъ билетовъ. Онъ ѣлъ и пилъ, ѣлъ и пилъ какъ-то заразительно-апетитно, разговывая каждый кусокъ, смакуя каждый глотокъ пива. Было очевидно, что онъ обдѣлалъ хорошее „дѣльце“, и благодумствовалъ, сообразивъ исполнѣ всѣ свои барыши. Максимъ не выдержалъ: онъ быстро отворилъ дверь и вошелъ въ комнату. Услышавъ внезапный шумъ, гробовщикъ поднялся, быстро сунулъ въ карманъ бумажки и остановился, не выпуская изъ рукъ столоваго ножа. Увидавъ, что въ комнату вошелъ его жилецъ, онъ кивнулъ ему головой и шутливо промолвилъ:

— Обогрѣться, что-ль, желаешь? Милости просимъ.

Максимъ стоялъ въ дверяхъ въ нѣмомъ смущеніи. Онъ самъ не

зналъ, чего онъ хотѣлъ. Убить гробовщика? Отнять у него деньги? Но возможно-ли это? Передъ нимъ стоялъ во весь ростъ высокій человѣкъ, закаленный въ работѣ, съ ножомъ въ жилетной, большой рукѣ, привыкшей ворочать пуды, а онъ, Максимъ, былъ тощій, исхудалый мальчишка съ нѣжными и малоразвитыми барскими руками, неимѣвшими ни силы, ни ловкости. Онъ не годился ни въ воры, ни въ убійцы.

— Закусить не хочешь-ли? прервалъ молчаніе гробовщикъ, снова покойно усаживаясь на мѣсто и принимаясь за ѣду. — Мы съ нашимъ удовольствіемъ... Генерала на тотъ свѣтъ предоставили... И ужъ какъ, то-есть, все это приладили, даже генеральшу тронули: „я, говорить, третьяго мужа хорошею, а никогда не была такъ довольна...“ Мы, говорю, всегда готовы, просимъ и напредки быть знакомыми. Да ты сядь и поѣшь... Ишь ты какой тощій... Видно, родныхъ нѣтъ?

Максимъ колебался. Ему очень хотѣлось поѣсть, но онъ былъ слишкомъ смущенъ. Однако, голодъ осилилъ и онъ сѣлъ къ столу.

— Родныхъ-то, говорю, вѣрно, нѣтъ? еще разъ спросилъ гробовщикъ.

— Мать есть, тихо отвѣтилъ Максимъ, принимаясь за ѣду.

— Бѣдная?

— Богатая!

— Что-жь ты-то здѣсь голодаешь?

— Въ ссорѣ мы съ ней.

— Въ ссо-рѣ! протянулъ гробовщикъ. — Тэ-экъ-съ... Чего не бываетъ... Молоко на губахъ не обсохло, а въ ссо-рѣ!.. Ишь ты!..

Оба помолчали нѣсколько минутъ.

— Смерти ея, поди-ка, ждешь? вдругъ спросилъ гробовщикъ.

Максимъ хотѣлъ что-то отвѣтить, хотѣлъ солгать, что онъ не ждетъ смерти матери, и покраснѣлъ. Онъ былъ менѣе всего способенъ на ложь. Откровенность, нѣсколько неотесанная, грубая, вошла ему въ плоть и кровь. Въ эту минуту онъ, дѣйствительно, желалъ смерти матери, чтобы воспользоваться отцовскимъ наслѣдствомъ.

— Ничего съ собой не возьмешь, успокоительно промолвилъ гробовщикъ, не дожидаясь отвѣта. — Дождешься!..

Максимъ опустилъ голову и задумался.

Да, онъ желалъ смерти матери, онъ желалъ ея потому, что у него уже не было, какъ ему казалось, силы терпѣть и голодать.

— Къ работѣ-то вотъ только всѣ вы непривычны, замѣтилъ гробовщикъ, — а то ничего-бы, прожилъ-бы себѣ кое-какъ.

— Я отъ работы не бѣгаю, возразилъ Максимъ, — да изъ пальца ее не высосешь, какъ нѣтъ.

— Эва, работы нѣтъ! махнулъ гробовщикъ головою.

— Да, вотъ третью недѣлю безъ уроковъ и безъ переводовъ сижу, пояснилъ Максимъ.

— А нѣшто только эти самые уроки да переводы и есть работа? А ты за все берись, что подъ руку попадется... Пѣть умѣешь?

— Умѣю.

— Такъ чего въ пѣвчіе не идешь? Вотъ наши пѣвчіе сколько зашибаютъ. На свадьбахъ, на похоронахъ, въ церкви въ праздники поютъ. Купцы ихъ на домъ пѣть берутъ. Тоже по лѣтамъ въ саду при шумовскомъ трактирѣ поютъ... А нѣтъ, такъ еще лучше — читай по покойникамъ. Въ иномъ домѣ трешницу за сутки платятъ, а то и больше... Тоже вонъ у меня иногда дѣло на-вернется, какъ нынче; одинъ съ мальчишкой не могъ справиться съ генеральскимъ гробомъ, рубъ за день заплатилъ со стороны работнику... Вонъ тоже переплетчикъ у насъ въ домѣ подмастерьевъ не держитъ, а безпаспортныхъ на ночную работу беретъ, брошуровка у него да газету фальцуетъ... Ты всякую работу бери, тогда и проживешь... Ты знаешь, я вотъ на своемъ вѣку и въ казачкахъ состоялъ, и пирогами торговалъ, и при трактирѣ половымъ состоялъ прежде, чѣмъ это самое гробовое дѣло послѣ жены ко мнѣ перешло, а ничего — проволочилъ вѣкъ.

Максимъ задумался. До сихъ поръ ему казалось, что онъ дѣйствительно дѣлаетъ все, что возможно, для добыванія денегъ. Теперь онъ видѣлъ, что онъ въ сущности вертѣлся въ бѣличьемъ колесѣ, гдѣ плохіе уроки смѣнялись плохими переводами и плохіе переводы — плохими уроками. У него явилось теперь желаніе окунуться въ этотъ омутъ исканія какой-бы то ни было работы, выйти на этотъ путь борьбы съ нищетою — борьбы всѣми средствами, всѣми силами.

— У маменьки подъ юбкой ты выросъ, набалованъ, продол-

жалъ гробовщикъ, — вотъ почему тебѣ и тошно приходится. Ишь руки-то какія бѣлыя, даромъ-что нищій.

Гробовщикъ безцеремонно взялъ свою костлявою, желѣзною лапою руку Максима повыше кисти и потрясъ ее въ воздухѣ.

— Придави — хрустнетъ, усмѣхнулся онъ. — Нѣтъ, а ты ее вотъ такой сдѣлай.

Онъ сжалъ свой сильный кулакъ и поднесъ его къ лицу Максима, нахмуривъ брови. Максимъ невольно отшатнулся.

— Что испугался? засмѣялся подгулявшій гробовщикъ. — Ничего, шучу... А ты выпей пивка, а сегодня гуляю!

Максимъ выпилъ „пивка“.

— Растреклятая, братъ, наша жизнь, проговорилъ гробовщикъ, махнувъ рукою и дѣлаясь по-обыкновенію мрачнымъ. — Тебѣ што? Ты вонъ голоденъ потому, что головы согнуть передъ матерью не хочешь. Дури набрался. А я вонъ въ твои годы и кланяться, и у ногъ ползать радъ-бы былъ, да не у кого было. Самъ былъ голъ и семья была гола. Не я отъ нея ушелъ, а она меня вытолкала, потому лишній ротъ... Тебѣ што: ты вотъ теперь у меня Христа-ради червяка заморилъ сегодня, по моему благодушію, а завтра, можетъ, съ матерью помиришься, либо помретъ она — и въ каретахъ будешь ѣздить да мнѣ гроша не подашь, если у меня руки отнимутся. Такъ-то!.. Какъ ты тамъ Лазаря ни пой, а это еще не бѣда, когда по своей волѣ горе мыкаешь, а вотъ бѣда, когда и радъ-бы не мыкать горя, да судьба велить...

Максимъ хмуро молчалъ.

— На, выпей еще, проговорилъ гробовщикъ, ставя новую бутылку пива. — Чего задумался? Али думаешь, не воротиться-ли къ матери съ повинной? Что-жь, воротись! Что такъ-то биться? Можетъ, еще долго ея смерти придется ждать. Только по-пусту измашешься... Что ты теперь? Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Такъ, слововъ продаешь сдуру. Толкъ-то въ этомъ какой? Ни ты разбогатѣешь, ни ты науку какую-нибудь произойдешь. Право, вернись. Ну, мать поругаетъ, а потомъ и положить гнѣвъ на милость. Брань на вороту не виснетъ.

Максимъ долго не спалъ въ эту ночь. Слова гробовщика заставили его трезво взглянуть на самого себя. Дѣйствительно, къ чему онъ стремился? Къ самостоятельной жизни работника, къ независимости. Но развѣ онъ сдѣлалъ что-нибудь, чтобы завоевать проч-

ное положеніе работника? До сихъ поръ онъ только перебивался, кое-какъ зарабатывая на хлѣбъ, а, въ сущности, вся его надежда въ будущемъ основывалась на наслѣдствѣ. А если наслѣдство не получится долго, что тогда? Лучшіе годы пройдутъ и пройдетъ та пора, когда можно подготовить себя въ какому-нибудь роду занятій. Максимъ увидалъ, что онъ шель по ложной дорогѣ, что ему надо удвоить свои усилія и зарабатывать столько, чтобы получить возможность окончить свое образованіе. Онъ рѣшился не пренебрегать никакимъ родомъ труда, чтобы только пройти курсъ какого-нибудь высшаго учебнаго заведенія.

Съ этой поры, дѣйствительно, началась его трудовая жизнь: онъ жался въ углу у гробовщика, онъ ѣлъ на Сѣнной и въ сѣстныхъ лавкахъ, онъ одѣвался, какъ нищій, онъ и пѣлъ въ хорѣ пѣвчихъ, и читалъ по покойникамъ, и все остававшееся у него свободное время, всѣ оставшіяся у него деньги употреблялъ на ученье. Это была борьба на жизнь и смерть и единственнымъ утѣшеніемъ въ этой тяжелой борьбѣ было для него сознаніе, что онъ съ каждымъ днемъ все ближе и ближе подходитъ къ тому положенію, когда его не будетъ заботить вопросъ: скоро-ли умретъ его мать и оставить-ли она ему наслѣдство. Нужно было имѣть не малый запасъ настойчивости и силы, чтобы вести подобную борьбу съ судьбою. Но онъ велъ и велъ ее, какъ фанатикъ, какъ маниакъ. Въ это время ему пришлось еще ближе столкнуться съ низшими классами общества и онъ незамѣтно сроднился съ ними, съ ихъ интересами, съ ихъ нуждами и невзгодами. Какъ въ годы дѣтства ему были дороже разнообразные и живые толки людской, чѣмъ монотонныя и скучныя бесѣды въ гостинной матери, такъ теперь онъ могъ искренно сочувствовать горю какого-нибудь обчитаннаго мастерового, но не могъ вовсе понять смущенія гвардейца-брата при встрѣчѣ съ нимъ на Невскомъ. Это сближеніе отразилось на его внѣшности, на его манерахъ. Онъ пересталъ думать объ одеждѣ, онъ сталъ угловатѣе, грубѣе. Предшествующая жизнь не успѣла его закалить въ известной формѣ, не успѣла привить къ нему чего-нибудь прочнаго, и онъ поддался вліянію среды. Хорошо-ли, худо-ли было это вліяніе, — онъ не разсуждалъ объ этомъ, потому что самъ не замѣчалъ, какъ постепенно измѣнялся его характеръ. Въ эти-то годы, когда онъ уже приближался къ своей цѣли, онъ получилъ однажды извѣстіе о смерти матери. Извѣстіе было получено чисто-случай-

но, отъ бывшаго ихъ крѣпостнаго человѣка, занимавшагося въ Петербургѣ слесарнымъ мастерствомъ. Максимъ отправился въ родной городъ.

Теперь онъ былъ дома, теперь ему улыбалась судьба, общая въ будущемъ шесть-семь тысячъ рублей наслѣдства. Онъ вошелъ въ этотъ домъ въ смущеніи: онъ почему-то стыдился глядѣть на братьевъ, думая, что они прочтутъ въ его глазахъ алчное желаніе нищаго поживиться кускомъ чужого имѣнія. И что-же онъ услышалъ отъ Насти? Онъ услышалъ, что и они, эти братья, стояшіе на вѣрной дорогѣ, обеспеченные жалованьемъ, не только слѣтились съ алчною мыслью о дѣлежѣ, но и готовы идти на пожахъ другъ противъ друга изъ-за каждаго гроша. „Точно ризы Христовы дѣлать“, звучали въ его ухахъ слова Насти. „Ссорятся и вздорятъ, ровно враги“, говорила Настя. „Да развѣ они не враги? разсуждалъ онъ. — Развѣ между нами есть что-нибудь общее? Всѣ мы, въ сущности, бѣглецы изъ роднаго гнѣзда, только они постарались не обрывать внѣшнюю связь, а я ее оборвалъ. Вотъ вся разница между нами. Мы должны создать свои собственные гнѣзда! Но какъ? Гдѣ? Какими способами?“

И въ головѣ Максима промелькнуло опять все его прошлое, и оно казалось ему все отвратительнѣе и отвратительнѣе. Нравственный переломъ уже совершился въ немъ окончательно съ того памятнаго времени, когда онъ стоялъ на одинъ шагъ отъ примиренія съ матерью, отъ какого угодно униженія, отъ полнаго нравственнаго паденія. Казалось, вся его предыдущая жизнь была продолжительною болѣзью, закончившеюся страшнымъ кризисомъ: послѣ этого кризиса должно было начаться выздоровленіе или должна была наступить полная нравственная смерть.

IX.

Максимъ, продремавшій часа три, теперь уже снова не спалъ. Въ его головѣ возникали думы, одна мрачнѣе другой; въ его воображеніи вставали образы, одинъ печальнѣе другого. Онъ припоминалъ всѣ сцены, всѣ лица, прошедшія передъ нимъ въ былые дни, и чувствовалъ, что у него порвана всякая сердечная связь со всѣмъ этимъ прошлымъ, что все оно является передъ нимъ,

какъ тяжелый сонъ, отъ котораго мучительно хочется освободиться. Но чѣмъ безотраднѣе, чѣмъ мрачнѣе, чѣмъ ненавистнѣе казалось ему бывшее, тѣмъ привѣтнѣе глядѣлъ на него изъ этой тьмы одинъ образъ—образъ подавленной, загнанной, нелюбимой родными дѣвочки, его маленькой двоюродной сестры Дуни.

Почему была она дорога ему?

Потому-ли, что она такъ-же страдала въ семьѣ, какъ и онъ? Потому-ли, что она въ былые годы украдкой пожимала его руку, цѣловала его, когда его бранили? Потому-ли, что они, оставшись наединѣ, мечтали въ дѣтствѣ удалиться на необитаемый островъ и жить вдвоемъ? Потому-ли, наконецъ, что онъ всегда былъ готовъ подвергнуться за нее наказанію и нерѣдко принималъ на себя отвѣтственность за ея вину?

Онъ этого не могъ объяснить себѣ, но онъ сознавалъ, что только ея образъ являлся тѣмъ грѣющимъ лучемъ, ради котораго онъ не могъ сказать: „да будетъ проклято все, что было пережито мною въ этихъ мѣстахъ“. Да, ради нея онъ не могъ послать проклятія всему своему прошедшему, но ради нея-же, за нее онъ еще сильнѣе ненавидѣлъ это прошедшее.

Ему казалось теперь, что его со всѣхъ сторонъ охватываетъ непроглядная, безразсвѣтная тьма этого былого. Его тяжелымъ гнетомъ давили думы; въ немъ пробуждалось чувство, близкое къ ужасу; онъ желалъ, чтобы скорѣе наступилъ день, чтобы скорѣе настала возможность отдѣлаться отъ воспоминаній, какъ вдругъ его отвлекъ отъ этихъ тягостныхъ думъ дошедшій до его слуха смутный и глухой ударъ, похожій на далекій раскатъ грома. Максимъ притаилъ дыханіе и сталъ прислушиваться: глухой ударъ повторился снова, потомъ минуты черезъ двѣ онъ раздался опять, затѣмъ пронесся еще и еще, все такъ-же смутно, все такъ-же глухо, но торжественно, мѣрно и послѣдовательно. Казалось, по мановенію какого-то невѣдомаго дирижера, какой-то гигантскій оркестръ начиналъ мѣрными, торжественными звуками героическую симфонію.

Максимъ осмотрѣлся, всталъ, наскоро одѣлся, прошелъ въ другую комнату и отперъ двери балкона: въ комнату ворвался широкою струею свѣжій утренній воздухъ, пропитанный запахомъ дозрѣвающихъ яблочковъ, высушеннаго и сложеннаго на дворѣ сѣна и доцвѣтавшихъ въ саду розъ, петуній, лупинусовъ и душистаго

горошка,—и вмѣстѣ съ этимъ воздухомъ понесли звуки за звуками, все учащавшіяся, все болѣе и болѣе сложныя, походившія на усиленную перестрѣлку уже начавшейся битвы. Максимъ устремилъ взоры въ ту сторону, откуда неслись эти звуки, и замеръ отъ удивленія. Ему казалось, что онъ еще дремлетъ, что онъ видитъ странный сонъ. Передъ нимъ лежалъ давно знакомый ему ландшафтъ: ихъ дворъ съ боковыми пристройками, съ заборомъ на заднемъ планѣ; за заборомъ виднѣлось песчаное, кочковатое, мѣстами поросшее жидкой травой, мѣстами покрытое мелкимъ кустарникомъ пространство съ змѣившеюся лентою большой дороги. Максимъ когда-то зналъ каждый бугоръ, каждую тропинку на всемъ этомъ пространствѣ, перерѣзанномъ въ отдаленіи рѣкою и тянувшимся снова во всемъ убійственномъ однообразіи и на другомъ берегу. И вдругъ теперь среди этой заброшенной пустыни Максимъ увидалъ цѣлыя массы мелкихъ построекъ, кучи строительнаго матеріала, какіе-то фантастическіе узоры воздвигнутыхъ лѣсовъ, и среди всего этого суетившихся и сновавшихъ людей, подобно муравьямъ, создающимъ новый муравейникъ. Городъ спалъ тѣмъ-же мертвеннымъ сномъ, какъ и наканунѣ, когда Максимъ пробирался по безмолвнымъ улицамъ въ свое родное гнѣздо, а тамъ, близъ рѣки, кипѣла жизнь, мѣрно раздавались удары бабы о сваи, часто и торопливо гремѣли топоры, слышались тяжелые, похожіе на громъ, раскаты отъ падающихъ бревенъ и досокъ, раздавался глухой грохотъ подводъ, подвозившихъ строительный матеріалъ. Казалось, надъ городомъ прошла чума и его жители выселились на новыя мѣста и наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили свить себѣ новое гнѣздо. Въ молочно-опаловомъ воздухѣ ранняго утра, когда еще лучи солнца не успѣли разсѣять ночной туманъ, и эта картина, и эти звуки принимали какой-то фантастическій оттѣнокъ. Максимъ долго не могъ отвести глазъ отъ этой картины, наконецъ онъ словно что-то сообразилъ, быстро взялъ фуражку и вышелъ изъ дома.

Черезъ пять минутъ онъ былъ уже въ полѣ и быстро приближался къ возникающей станціи строящейся желѣзной дороги. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ ней, тѣмъ люднѣе становилась мѣстность: вотъ какія-то длинныя землянки, похожія на сплошныя могильныя насыпи,—это жилища желѣзнодорожныхъ рабочихъ; вотъ изба, наскоро сколоченная, наполненная образцами разныхъ строительныхъ

матеріаловъ, — это жилище прикащика; вотъ еще такая-же изба, заваленная бумагами, счетами, — это контора; вотъ какой-то не то сарайчикъ, не то балаганъ съ одной дверью и однимъ крошечнымъ окномъ, наполненный хлѣбомъ, махоркой, тесемками, дегтемъ, сотнями разныхъ мелочныхъ товаровъ, — это подвижная лавочка; вонъ просто двѣ скамьи, надъ которыми растянуты рогожи, — здѣсь стоять пузатый, обвернутый грязной холстиной чайникъ сбитеньщика; изъ-подъ рогожъ виднѣются связки баранокъ, на скамьѣ остались слѣды отъ коричневыхъ глиняныхъ кружекъ, сдвинутыхъ теперь въ сторону; вонъ новое, только-что строющееся большое зданіе съ готическими окнами, съ большой площадью передъ фасадомъ, — это станція; рядомъ съ нею строятся новые дома, — это дома для служащихъ при желѣзной дорогѣ. Подъ ногами Максима на каждомъ шагѣ была взрытая земля, наваленныя доски и бревна, камни и кирпичи, тамъ и тутъ лежали горами рельсы и шпалы, вездѣ почва была покрыта густымъ слоемъ щепокъ и стружекъ, запыленныхъ, забрызганныхъ грязью, издававшихъ тотъ особенный тяжелый запахъ, который издають гнѣющие остатки дерева. Нѣсколько толчковъ, полученныхъ отъ торопившихся пройти рабочихъ, нѣсколько криковъ въ родѣ „посторонись“, „куда на людей лѣзешь“, заставили Максима осторожно лавировать въ этомъ человѣческомъ ульѣ, гдѣ все работало, все суетилось, все жило, гдѣ и баба въ платкѣ, кое-какъ связанномъ длинными концами сзади, и исхудалый, изжелта-блѣдный мужикъ, одѣтый въ тулупъ, несмотря на теплое время, и какой-то всклокоченный черноволосый дѣтина съ загорѣлой, какъ бронза, кожей, съ мрачными глазами, съ косматой открытой грудью, похожий больше на итальянскаго бандита, чѣмъ на русскаго мужика, и какой-то мастеровой съ надѣтой на бекрень фуражкой съ расколотымъ козырькомъ, съ ухмыляющейся испитой и пошлой рожой городского гуляки изъ фабричныхъ пьяницъ, и солдатикъ въ заломленной на затылокъ фуражкѣ, въ розовой ситцевой рубахѣ, запущенной въ штаны, въ черномъ стеганомъ нагрудникѣ и низенькихъ сапогахъ съ рыжими голенищами, въ которыхъ спрятаны концы панталонъ, — всѣ сливались въ одну странную, пеструю группу, изъ которой неизвѣстно что должно было выработаться въ будущемъ. Теперь каждый изъ этихъ людей еще имѣлъ свой особенный характеръ и порою подтрунивалъ надъ своими собратьями.

„Дѣло“, № 11.

— Эй ты, гужеѣдъ, гужами подавился, что-ли? кричали въ одномъ мѣстѣ.

— Ну, да ты, гарнизонная крыса, молчала-бы, слышался отвѣтъ.

— Деревенщина, такъ деревенщина сиволапая и есть, иронически восклицали въ другомъ мѣстѣ.

— Ишь питерская мазура расходилась, ворчалъ про насмѣшника неуклюжій мужичонко въ лаптяхъ и сѣромъ рваномъ зипуншѣ.

Даже языкъ и способъ выраженія этихъ людей были далеко не однообразны. Здѣсь то слышался татарскій акцентъ, то раздавалось поканье, то звучала рѣчь, носившая слѣды малороссійскаго или польскаго вліянія.

Максимъ, вставъ недалеко отъ группы рабочихъ, державшихъ наготовѣ веревки, чтобы поднять бабу надъ вбиваемой сваей, думать, какой общій типъ выработается современемъ изъ этой разнохарактерной массы людей, сошедшихъ сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Максимъ въ своихъ порывавшихъ и полопавшихся, стоптанныхъ сапогахъ, въ порванныхъ и засунутыхъ въ голенища панталонахъ, въ ситцевой пестрой рубашкѣ, въ измятой, выцвѣтшей шапкѣ и въ такомъ-же пальто, накинутомъ на плечи, не обратилъ на себя ничего вниманія и сразу слился съ этою толпою, затерялся въ ней и свободно прошелъ до самаго берега рѣки, гдѣ устраивался спускъ и десятокъ рабочихъ занимался вбиваніемъ свай.

Едва онъ успѣлъ остановиться здѣсь, какъ надъ его ухомъ вдругъ дружно грянула „дубинушка“. Эта пѣсня звучно и стройно пронеслась въ воздухъ и закончилась мѣрными и мощными ударами бабы о сваю. Максимъ невольно заслушался и не могъ оторвать глазъ отъ дружной работы этихъ новыхъ пионеровъ русской промышленности. Наконецъ, раздалось:

— Стой!

Рабочіе опустили веревки и нѣкоторые воспользовались свободной минутой, чтобы оправиться или покурить. Одинъ изъ рабочихъ, парень въ ситцевой рубахѣ и въ сѣрой пуховой шляпѣ, очевидно носившейся лѣтъ десять тому назадъ какимъ нибудь городскимъ франтомъ, всталъ около Максима и, оторвавъ клочокъ хранившейся за сапогомъ грязной бумаги, началъ разминать между пальцами листь махорки и свертывать его въ папироску.

— Нѣтъ-ли, братъ, сѣренки? обратился онъ къ Максиму.

Максимъ досталъ спичку и зажегъ ее о панталоны.

— Ты это изъ какихъ будешь? спросилъ его работникъ, оглядывая его съ ногъ до головы.

— Изъ Липовки, отвѣтилъ Максимъ, назвавъ родовое имѣнье Баскаковыхъ.

— Землякъ нашему Пахому Семеновичу Гущину?

— Да... А ты его знаешь?

— Какъ-же не знать, когда онъ всѣмъ здѣсь орудуешь... Дорогу-то онъ строить.

— Вотъ какъ!.. Надо будетъ его повидать.

— А ты работы ищешь?

— Нѣтъ.

— Тэ-экъ! проговорилъ парень, затягиваясь самодѣльной папирской.

Оба помолчали. Максиму было интересно узнать кое-что о Гущинѣ, котораго онъ зналъ давно.

— А что, у Гущина хорошо вамъ здѣсь? полюбоществовалъ Максимъ.

— Корма плохи, опять-же и помѣщенья нѣтъ, а то ничего...

— Самъ-то онъ здѣсь часто бываетъ?

— Кажинный день. Вонъ, почитай, теперь скоро на своихъ бѣгунчикахъ прійдетъ. Ты съ нимъ знакомъ, что-ли?..

— Знавалъ прежде, уклончиво отвѣтилъ Максимъ.

— Теперь до него и рукой не достанешь... Выше себя сталъ!..

Въ эту минуту раздалось:

— Берись, ребята!

Парень въ сѣрой шляпѣ быстро затынулся въ послѣдній разъ, сплюнулъ и примкнулъ къ группѣ своихъ собратій.

Въ воздухѣ снова раздались звуки „дубинушки“, снова грянули удары бабы о сваю. Въ это время по дорогѣ, извивавшейся около дѣлаемой насыпи, взвилось облачко пыли и мало-по-малу можно было все яснѣе различить быстро катящіеся бѣгловые дрожки. На дрожкахъ сидѣлъ немолодой, плотный человѣкъ съ окладистой бородой съ просѣдью, въ длиннополомъ сюртукѣ, въ высокихъ сапогахъ, въ круглой шляпѣ, похожей не то на „цилиндръ“, не то на поповскую шляпу. Доѣхавъ до мѣста, гдѣ строилась станція, онъ сошелъ съ дрожекъ, бросилъ возжи первому попав-

шешуся рабочему, почтительно снявшему передъ нимъ шапку, и пошелъ на строеніе. Въ одну минуту его окружили десятники и прикащики и до слуха Максима долетѣли отрывистыя фразы:

— Чего смотрите?.. Около Зимовки дѣло стало: ни рабочихъ, ни матеріала!.. Вчерась говорилъ, послать нужно... И здѣсь закопались!..

Максимъ съ любопытствомъ слѣдилъ за этою подвижною, коренастою фигурою. Онъ знавалъ Пахома Семеновича Гущина, когда тотъ былъ еще крѣпостнымъ человѣкомъ Платона Николаевича Баскакова. Сначала Гущинъ былъ „мальчишкой“ въ кабацѣ, потомъ „цѣловальникомъ“, затѣмъ подрядчикомъ и, наконецъ, компаньономъ одного изъ крупныхъ откупщиковъ. Гущинъ часто хаживалъ къ отцу и матери Максима перехватить деньжонокъ или попросить ихъ заступничества передъ Платономъ Николаевичемъ, сильно притѣснявшимъ мужика и несоглашавшимся пустить его на выкупъ. Платонъ Николаевичъ гордился тѣми изъ своихъ мужиковъ, которые наживали большіе капиталы, и ни за что не отпускалъ ихъ на волю. Не отпускалъ онъ на волю и Гущина, хотя тотъ могъ предложить за свою свободу уже не одну тысячу. Теперь это былъ желѣзно-дорожный строитель, человѣкъ, обладавшій сотнями тысячъ, дѣлавшій крупныя обороты. Прошло болѣе получаса, когда Гущинъ снова вернулся къ своимъ бѣговымъ дрожкамъ. Максимъ поторопился подойти къ нему. Гущинъ, не обращая на него вниманія, отрывисто, на ходу, проговорилъ:

— Работы?.. Къ Матрію Николаевичу обратись...

Максимъ улыбнулся.

— Не узнали? спросилъ онъ старика.

Гущинъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ, сверкнувшимъ изъ-подъ густыхъ бровей.

— Ишь ты! разсѣялся онъ и радостно протянулъ Максиму руку. — Гдѣ тебя узнать! Чай, года четыре не видались... Братцевъ вотъ недавно видѣлъ, какъ мать хоронили, царство ей небесное!.. Ну, здравствуй, здравствуй! Ишь вытянулся-то какой, на лѣсъ глядя. Вонъ какимъ влопникомъ тебя видѣлъ.

Онъ показалъ рукою на аршинъ отъ земли и, по-русски, трижды поцѣловался съ Максимомъ. Въ этой встрѣчѣ было что-то родственное и сердечное. Гущинъ любилъ семью Максима за сдѣланныя ею „благодѣянія“ ему, — любилъ, конечно, по-своему, не брез-

гуя, гдѣ можно, надуть и ее. Онъ говорилъ Максиму „ты“, какъ говорилъ „ты“ всѣмъ собесѣдникамъ, начиная съ какого-нибудь важнаго генерала и кончая какимъ-нибудь послѣднимъ работникомъ.

— Служишь гдѣ-нибудь или все еще учишься? спросилъ онъ у молодого человѣка, зорко взглянувъ на его костюмъ.

— Нѣтъ, еще не служу, торопиться некуда, отвѣтилъ Максимъ. — Поучиться еще нужно.

— Что говорить: теперь съ учеьемъ-то можно копейку зашибить. Вонъ нашъ братъ, и тотъ разныхъ булгалтеровъ нанимаетъ. Вотъ поучись да и ступай ко мнѣ служить. Я больше дамъ, чѣмъ на коронной-то...

— Хорошо, такъ и буду знать, улыбнулся Максимъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... Я вѣдь буду радъ. Все равно, свой человѣкъ... И отца, и мать твоихъ зналъ да уважалъ... Ты это имѣй въ виду. Вѣдь денегъ-то у васъ тоже не густо осталось... Безъ расчета покойнички, не тѣмъ будь помянуты, жили... Что у васъ, чай, дѣлежь идетъ?

— Да, братья дѣлятся, отвѣтилъ Максимъ.

— Домъ-то продавать будете?

— Братья, кажется, намѣрены продать.

— Братья, братья! А ты-то самъ какъ думаешь?

Максимъ усмѣхнулся.

— Да я никакъ объ этомъ не думаю: продадутъ — хорошо, не продадутъ — тоже ладно. Я все равно жить въ этомъ домѣ не буду.

— Ну, а ты уговори ихъ продать, я куплю, промолвилъ Гущинъ, похлопавъ по плечу Максима. — Мнѣ онъ къ мѣсту, на краю города, къ работамъ близко...

Гущинъ могъ-бы прибавить и то, что ему лестно купить домъ двоюродной сестры его бывшего господина.

— Хорошо, я поговорю.

— А я заверну денька черезъ два, осмотрю, все равно мимо ѣзжу... А ужъ какъ меня твой дяденька Платонъ Николаевичъ обидѣлъ, такъ и словъ нѣтъ, махнулъ рукой старикъ.

— А что? спросилъ Максимъ.

— Увидимся, такъ расскажу... Ужъ, кажется, ничего-бы не пожалѣлъ, чтобы эту самую обиду выместить...

— У васъ вѣдь съ нимъ всегда были счеты.

— Прежде что! подневольный человекъ я былъ. А теперь...

Гущинъ махнулъ рукою и сталъ усаживаться на бѣговныя дрожки, еще разъ протянувъ руку Максиму.

— Ну, прощай! Заходи ко мнѣ! Потолкуемъ! Жѣну посмотришь. Баба вспоминала все, гдѣ ты пропалъ... Кажись, и въ поминанье ужъ записать велѣла... Надо сказать, чтобъ похерила, пошутить старикъ.

Онъ отдалъ еще нѣсколько распоряженій окружавшимъ его и покатылъ далѣе по линіи.

Максимъ постоялъ еще съ минуту, провожая глазами бѣговныя дрожки, и, вспомнивъ, что ему пора идти домой, направился къ городу, хотя ему и не хотѣлось уходить отсюда. Теперь онъ выглядѣлъ бодро и весело. Картина усиленной и оживленной работы среди грохота, говора, пѣсенъ и криковъ подѣйствовала на него освѣжающимъ образомъ. Глядя теперь на весело смотрящаго и бодро шагающаго Максима, трудно было узнать въ немъ того усталого и печальнаго путника, который наканунѣ нерѣшительно пробирался по городу къ родному старому гнѣзду. Не разъ оборачивался онъ теперь, чтобы взглянуть снова на картину этого громаднаго, оживленнаго людскаго муравейника, на картину этого возникающаго гнѣзда новой жизни.

Х.

— Гдѣ это тебя чортъ носилъ, оскребышь? дружески крикнулъ Данило Павловичъ, завидѣвъ Максима и хлопнувъ его по плечу широкою рукою. — Тутъ дѣлиться скорѣй надо, а ты пропадаешь.

Максимъ бросилъ на стулъ фуражку и весело отвѣтилъ:

— Гулялъ.

— Нашелъ время гулять, гусь лапчатый!

— Чай совсѣмъ перестоялся и остылъ, надо-бы заварить новый, небрежно замѣтилъ Петръ Павловичъ, потрогавъ оборотомъ руки чайникъ.

— Ничего, наливай, какъ есть, отвѣтилъ Максимъ. — Я не избалованъ.

Онъ сѣлъ къ столу и началъ съ аппетитомъ прихлебывать чай,

налитый Петромъ Павловичемъ. Аркадій Павловичъ молча ходилъ по комнатѣ и искоса поглядывалъ на сторбившуюся фигуру Максима.

— Ты компрометируешь насъ, произнесъ онъ, наконецъ, своимъ апатичнымъ, однозвучнымъ тономъ.

— Я? съ удивленіемъ спросилъ Максимъ, взглянувъ на брата.

— Да. Этотъ нищенскій костюмъ...

Максимъ улыбнулся.

— Могутъ не смотрѣть, кому не нравится, проворчалъ онъ.

— Ты выбери хоть изъ моего платья что надо, покуда не сошьешь болѣе приличной одежды, предложилъ Аркадій Павловичъ.

— Да мнѣ ничего не надо, замѣтилъ Максимъ. — Впрочемъ, у меня есть кое-какая болѣе благородная одежда, разсмѣялся онъ.

— Потому къ дядѣ Платону Николаевичу нельзя завтра ѣхать въ этомъ костюмѣ, продолжалъ Аркадій Павловичъ, не слушая замѣчаній брата. — Дядя велитъ вывести тебя, если ты явишься въ этомъ платьѣ.

Максимъ поднялъ голову и хотѣлъ отвѣтить, что онъ вовсе не намѣренъ ѣхать къ дядѣ, но въ его головѣ вдругъ промелькнула мысль о Дуни. Онъ могъ ее встрѣтить только въ домѣ дяди Платона Николаевича, а встрѣтиться съ нею было главнымъ его желаніемъ.

— А что Дуня? Здорова? обратился онъ къ брату Данилѣ.

— Ничего, процвѣтаетъ, отвѣтилъ тотъ.

— И все еще живетъ у Платона Николаевича? спросилъ Максимъ.

— У кого-же ей жить, какъ не у дяди Платона Николаевича? замѣтилъ Аркадій Павловичъ. — Не у любовницы-же своего безпутнаго батюшки, плодящаго незаконныхъ дѣтей съ своей бывшей ключницей... А что?

Максимъ ничего не отвѣтилъ; онъ видѣлъ теперь вполне ясно, что ему необходимо ѣхать къ дядѣ Платону Николаевичу, если онъ желаетъ повидаться съ двоюродной сестрой. Онъ задумался и медленно допивалъ чай. Для него было страшно тяжело свиданіе съ старымъ самодуромъ, бывшимъ пугаломъ для всей родни. Аркадій Павловичъ продолжалъ ходить по комнатѣ и искоса поглядывалъ на Максима своими свинцовыми, тупыми глазами.

— Или, можетъ быть, ты не поѣдешь къ дядѣ Платону Николаевичу? спросилъ онъ, изподлобья пытливо слѣдя за выраженіемъ лица Максима.— Ты вѣдь даже не удостоиваешь его названіемъ дяди.

— Нѣтъ, я поѣду, отвѣтилъ сухо Максимъ.

— Ради Дуни? снова спросилъ братъ Аркадій.

— Да, да, вѣдь ты въ нее былъ врѣзавшись мальчишкой, воскликнулъ Данило Павловичъ. — Только, братъ, шалишь, отваливай. Двумъ братьямъ нельзя жениться на двухъ сестрахъ, а я уже далъ себѣ слово оболваниться съ Аделькой.

Максимъ ничего не отвѣтилъ и всталъ.

— Ты больше не хочешь чаю? спросилъ Петръ Павловичъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Максимъ.

— Такъ, значить, можно приняться за дѣло, замѣтилъ Петръ Павловичъ.

— Да, да, пора! А то мы чортъ знаетъ какъ копаемся! воскликнулъ Данило Павловичъ.— Ключи отъ залы у тебя? обратился онъ къ брату Аркадію.— Пойдите!

Всѣ братья поднялись съ мѣстъ и направились въ залъ, гдѣ были сложены груды домашняго скарба. Максимъ тоже послѣдовалъ за братьями и остановился у окна въ залѣ. Его поразили видъ этихъ разнообразныхъ кучъ стараго холста, фамильнаго серебра, старинной одежды, посуды. Въ комнатѣ былъ тяжелый запахъ сырости, запахъ кладовыхъ и погребовъ. Старинная тяжелая мебель изъ потемнѣвшаго и тусклаго краснаго дерева съ мѣдными украшеніями выглядѣла мрачно и непривѣтливо. Всѣ эти неуклюжіе и неловкіе диваны и стулья точно вросли въ полъ и, казалось, не могли быть сдвинуты съ мѣста.

— Прежде всего серебро дѣлить, закричалъ Данило.— Разсортировать и по-ровну раздѣлить на всѣхъ.

— А самоваръ и чайникъ, вѣрно, разрѣзать, по-твоему, придется? спросилъ Аркадій Павловичъ. — Нужно все просто свѣсить.

— Ну, благодарю поворно: такъ одному достанутся старья ложки, а другому недержанное серебро, загорячился Данило Павловичъ.— Конечно, каждый себѣ лучшее выберетъ.

— Что-же, ты насъ за подлецовъ считаешь? спросилъ Аркадій Павловичъ.

— Подлецы не подлецы, а кто себѣ врагъ! настаивалъ Данило на своемъ мнѣніи.

— Полноте, господа, вы опять разругаетесь, виѣшался Петръ. — Ну, вотъ посмотрите, ложки можно отлично подѣлить по-ровну, по счету и по достоинству, а остальное...

Въ эту минуту въ дверяхъ залы показалась широкая фигура смуглолицаго господина съ черными волосами, съ черной бородой, съ нѣсколько помятой фізіономіей, носившей слѣды долгаго разврата и кутежей, и съ размашистыми манерами. Онъ былъ одѣтъ, какъ провинціальный франтъ старыхъ временъ, съ претензіями на щегольство, но въ то-же время пестро и безвкусно, со множествомъ дутыхъ колецъ на рукѣ и съ большой булавкой на цвѣтномъ галстухѣ. По походкѣ, по способу держать себя можно было заключить, что онъ когда-то былъ военнымъ.

— Не стая вороновъ слеталась на грудь тлѣющихъ костей, торжественно продекламировалъ онъ и захохоталъ громкимъ, заразительнымъ смѣхомъ, показавъ рядъ еще бѣлыхъ зубовъ. — Добычу дѣлите?

Аркадій Павловичъ едва замѣтно, съ неудовольствіемъ, пожалъ плечами, точно мысленно посылая гостя къ чорту, и въ ту-же минуту привѣтливо протянулъ руку новоприбывшему.

— А, это вы, дядя Александръ Николаевичъ! проговорилъ онъ. — Какими судьбами?

— Ъздилъ въ городъ по порученію брата Платона, кое-что купить нужно для завтрашняго дня, — знаешь, торжество изъ торжествъ будетъ! День рожденія *самого* Платона Николаевича!

Александръ Николаевичъ снова залился смѣхомъ. Всѣ братья стояли около него и только Максимъ не трогался съ мѣста и продолжалъ стоять у окна, пристально всматриваясь въ эту давно знакомую ему, широкую, нестарѣвшуюся фигуру вѣчно юнаго провинціального кутилы. Александръ Николаевичъ, въ свою очередь, обернулся въ его сторону и вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Это что за фізія? тихо, съ комичной гримасой, спросилъ онъ у Аркадія Павловича, кивнувъ головою въ сторону Максима.

— Максимъ, сухо отвѣтилъ Аркадій Павловичъ.

— Ба, ба, ба! воскликнулъ Александръ Николаевичъ и бросился къ Максиму съ распростертыми руками.

Максимъ предупредительно протянулъ свою руку и, пожавъ руку дяди, избѣжалъ его объятій.

— Вытянулся, возмужалъ, обросъ волосищами, совѣтъ разбойникомъ выглядишь! кричалъ со смѣхомъ Александръ Николаевичъ, поворачивая сильными руками во всѣ стороны племянника. — И славянофильствуешь, народникомъ сталъ. Знаю, знаю, въ наше время тоже это было въ модѣ, какже, какже! Бархатные шаровары, шелковая красная рубаха, поярковая шляпа, золотой поясъ... Ходили, ходили, братъ, и въ этой амуниціи! Да еще какъ! Въ цыганскомъ таборѣ съ Матрешкой по землѣ стлались, трепака отхватывая... А ргоров о цыганахъ! Вы вѣдь знаете, я одно время бросилъ все и странствовалъ съ цыганскимъ таборомъ... Алеко разыгрывалъ... На все мода, на все мода!

— Ну, я-то трепака не умѣю плясать и не ради моды ношу эту амуницію, какъ вы ее называете, улыбнулся Максимъ.

— Такъ почему-же? изумился Александръ Николаевичъ. — Вѣдь, въ сущности говоря, это неприличный парядъ: знаешь, при дамахъ тамъ какъ-нибудь неловко нагнешься...

Александръ Николаевичъ опять залился смѣхомъ и показалъ, какъ можно неловко нагнуться въ этомъ костюмѣ.

— Не было лучшей сдежды, сталъ ходить и въ этой, сухо отвѣтилъ Максимъ.

— Ба, ба, ба! И я хорошъ! воскликнулъ Александръ Николаевичъ, ударяя себя въ лобъ и дѣлая серьезное лицо. — Толкую человѣку о нашихъ славянофильскихъ и руссофильскихъ бездѣльничествахъ, когда ему приходилось думать о кускѣ хлѣба!.. Вѣдь ты блудный сынъ! *Enfant terrible* семьи... И какъ ты исчезъ ни отъ кого о тебѣ ни слуху, ни духу. Братъевъ спрашивалъ — не знаютъ; гдѣ находишься... А это, господа, съ вашей стороны было не хорошо, обратился онъ къ племянникамъ. — Ну, мы, старики, злопамятны, требуемъ покорности, мать могла на него сердиться, а вы... Нѣтъ, въ наше время братья не такъ относились другъ къ другу: вмѣстѣ дурили, вмѣстѣ и сухи изъ воды выходили... Молодость вѣдь всегда была молодостью и блудные сыновья были во всѣ времена...

Ареадій Павловичъ жѣрно ходилъ по комнатѣ и хмурилъ брови; Данило Павловичъ барабанилъ по столу, и только Петръ Павловичъ, съ свойственною ему вкрадчивою мягкостью, успѣвши оправдаться:

— Мы, дяди, потеряли изъ виду Максима и онъ самъ...

— Нѣ-ѣтъ, нѣтъ, виноваты, виноваты! перебилъ его Александръ Николаевичъ. — Нечего грѣха таять. Ну, теперь должны заглядить вину, лишнюю дюжину старыхъ тряпокъ на его долю накинуть! Ха, ха, ха!.. Что, много хлама осталось, а?

Александръ Николаевичъ съ громкимъ смѣхомъ подошелъ къ грудѣ стараго платья, поднялъ капоть изъ коричневаго грограна съ черными, порыжѣвшими бѣе изъ бархата, вырѣзанными съ одной стороны зубцами и обшитыми толстымъ атласнымъ кантомъ, и, приложивъ капоть къ себѣ спереди, обернулся къ зеркалу.

— Ну, такого фасона капоть, пожалуй, не подаришь невѣстѣ, захохоталъ онъ. — А у покойницы и не было платьевъ другого фасона. Старо, старо!..

Онъ поднесъ капоть къ носу и поморщился.

— И плесенью воняетъ! Понюхай! Что-то могильное, скеленное, обратился онъ къ Петру Павловичу, поднося капоть къ его носу. — Знаешь, я взялъ-бы все это и сдѣлалъ-бы *auto da fe*. Все равно, пойдетъ за безцѣнокъ! И кому достанется, можетъ быть, женщины изъ этихъ... — Онъ сдѣлалъ гримасу. — Все-же ваша мать носила!.. А впрочемъ, впрочемъ, это ваше дѣло. Мы, старые люди, со своими преданіями, со своими традиціями, дорожимъ подобно ветошью не за ея рыночную цѣну, а за связанные съ нею фамиліиныя воспоминанія. Это, знаете, съ молокомъ всосалось: одна и та-же родовая обстановка, одни и тѣ-же фамиліиныя портреты и воспоминанія, одна и та-же наслѣдственная прислуга, — все это сдѣлало насъ людьми... людьми... — Александръ Николаевичъ завертелъ въ воздухѣ рукою, не находя слова, — ну, да людьми традицій... *C'est le mot!* Вы росли не такъ, — въ корпусахъ, внѣ дома. Ваша семья обѣднѣла ранѣе, чѣмъ вы выросли.

— Да-съ, мы теперь и испытываемъ, что значить имѣть родными людей съ традиціями и безъ денегъ, жолчно замѣтилъ Аркадій Павловичъ. — Они берегли всякій хламъ до того, что онъ потерялъ всякую цѣну и вмѣсто денегъ наградили насъ имъ...

— Что дѣлать, что дѣлать! Таковы были нравы, вздохнулъ Александръ Николаевичъ. — Да, кстати, о сбереженныхъ вещахъ... я тамъ видѣлъ на столѣ шкатулку, указалъ онъ по направленію къ столовой, — кого это изъ васъ угораздило сломать ее?

— Это я сломалъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли тамъ денегъ, отвѣтилъ Аркадій Павловичъ.

— Ну, и что-же? спросилъ дядя.

— Ассигнаціи стараго образца нашель! сердито отвѣтилъ племянникъ.

— Ха, ха, ха! залился смѣхомъ дядя. — Вамъ положительно не везеть! Въмѣсто денегъ находите въ шкатулкѣ свидѣтельство о бесплодной гибели вашихъ капиталовъ и въ то-же время своею рукою истребляете то, что стоитъ денегъ.

— Я васъ не понимаю, хмуρο пробормоталъ Аркадій Павловичъ.

— Ахъ, шоп снэг, да вѣдь ломаю эту шкатулку, ты уничтожалъ тоже деньги, засмѣялся Александръ Николаевичъ. — Это Буль, настоящій Буль... Вашъ дѣдъ вывезъ эту вещь изъ Франціи... Впрочемъ, она даже и въ сломанномъ видѣ стоитъ дороже многихъ и многихъ драгоценностей вашего мишурнаго вѣва... Однако, я вамъ мѣшаю... Ну, дѣлитесь, дѣлитесь, но не деритесь!.. А! каково? почти каламбуръ!.. А съ тобой я еще поговорю, обратился Александръ Николаевичъ, повернувшись на каблучкахъ, къ Максиму. — Расскажешь, какъ жилось...

Максимъ усмѣхнулся.

— Немного услышите, замѣтилъ онъ. — Этими и прежде никто не интересовался, а теперь и подавно нечего интересоваться тѣмъ, что стараюсь забыть даже я.

— Упрекъ! воскликнулъ Александръ Николаевичъ; — заслуженный, заслуженный!.. Но, надѣюсь, мы будемъ друзьями, иначе это бы огорчило Дуню, если-бы она узнала, что ты не другъ съ ея безпутнымъ папкой.

Максимъ слегка покраснѣлъ. Ему хотѣлось спросить, помнить-ли его, вспоминаетъ-ли о немъ его двоюродная сестра, но онъ не хотѣлъ говорить о ней при братьяхъ и главнымъ образомъ при братѣ Аркадіѣ. Но Александръ Николаевичъ самъ выболталъ то, что хотѣлъ знать Максимъ.

— Она вѣдь о тебѣ часто говаривала со мною, затараторилъ онъ. — Упрекала, что я не справлюсь о тебѣ. Но вѣдь гдѣ-же мнѣ? Я самъ въ такомъ положеніи... Ah, снэг певец, это цѣлый романъ, эпопея!.. Я о своей жизни говорю... Когда-нибудь на досугъ поразскажу... Описать можно, право!.. Ты не пишешь?

— Нѣтъ, усмѣхнулся Максимъ.

— А я думалъ. Теперь вѣдь всѣ пишутъ, у кого нѣтъ денегъ и...

Онъ остановился.

— И способностей? спросилъ Максимъ.

— Ну да, ну да!.. Теперь я вижу, что ты дѣйствительно не пишешь, а то-бы не угадалъ моей мысли... Однако, я все болтаю и болтаю, а дѣла вотъ до сихъ поръ! онъ указалъ рукой на горло. — До свиданья!..

Александръ Николаевичъ поспѣшно пожалъ всѣмъ племянникамъ руки, повернулся на каблукахъ и быстро пошелъ къ дверямъ, но съ порога онъ снова обернулся и крикнулъ Максиму:

— А Дунѣ-то кланяться?

— Кланяйтесь, отвѣтилъ Максимъ.

— И поцѣловать? переспросилъ Александръ Николаевичъ.

— Пожалуй, неохотно отвѣтилъ Максимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не поцѣлую, успокойся! захохоталъ дядя. — Вижу, что не того желаешь: самъ хочешь расцѣловать ее. Испытали, все испытали это!.. Боже мой, Боже мой, какъ жили!..

И Александръ Николаевичъ, заливаясь смѣхомъ, исчезъ изъ комнаты, какъ вѣтеръ. Такъ онъ носился всю жизнь, съ той поры, какъ научился впервые твердо стоять на ногахъ.

— Шутъ гороховый, проворчалъ Данило Павловичъ.

Аркадій Павловичъ пожалъ насмѣшливо плечами и проговорилъ вскозь:

— Твоему будущему тестю будетъ пріятно узнать твое мнѣніе о немъ.

— Но вѣдь здѣсь-же все свои! загорячился Данило Павловичъ. — Или ты шпиономъ сдѣлаешься?

— Господа, опять вы ссоритесь, вмѣшался братъ Петръ. — Куда-же ты? обратился онъ къ Максиму.

— Къ себѣ навѣрхъ, отвѣтилъ Максимъ, направляясь къ дверямъ.

Дойдя до дверей, онъ обернулся съ порога, вспомнивъ что-то.

— Кстати, проговорилъ онъ, — вѣдь нашъ домъ придется продать?

— Не мы-же въ немъ будемъ жить, отвѣтилъ Аркадій Павловичъ.

— Гущинъ намѣренъ его сказалъ Максимъ. — Онъ, вѣ- купить, роятно, дастъ болѣе другихъ, такъ-какъ нашъ домъ удобенъ для него по своей близости къ станціи желѣзной дороги.

Аркадій Павловичъ бросилъ взглядъ на Максима и спросилъ:

— А ты откуда это знаешь?

— Гущинъ мнѣ самъ говорилъ это сегодня утромъ.

— Ужь ты не въ гости-ли къ нему ходилъ?

— Нѣтъ, случайно встрѣтилъ, а вотъ надняхъ такъ пойду уже прямо къ нему, усмѣхнулся Максимъ.

Ему, повидимому, было пріятно дразнить старшаго брата.

— Не хочешь-ли какого-нибудь мѣста у него просить, управляющимъ какимъ-нибудь у бывшаго дядинаго крѣпостного быть? насмѣшливо спросилъ Аркадій Павловичъ.

Максимъ усмѣхнулся.

— Гдѣ ужъ мнѣ управляющимъ быть, съ ироніей произнесъ онъ, — слава-богу, если и въ простые работники возьметъ.

— Что-же, теперь тебѣ остается только жениться на дочери Гущина, замѣтилъ, дѣлая гримасу, Аркадій Павловичъ, обращаясь къ брату Данилѣ.

— А ты думаешь, я и не женился-бы на ней, если-бы я уже не намѣтилъ Адельку? отвѣтилъ Данило. — Гущина — колода, да за то за этой колодой сотня тысячъ.

По губамъ Аркадія Павловича скользнула презрительная усмѣшка. Максимъ между тѣмъ взялся за ручку двери, но его остановилъ Петръ Павловичъ.

— Ты уходишь? А какъ-же дѣлиться? недоумѣвалъ Петръ Павловичъ.

— Дѣлитесь, какъ знаете; что придется мнѣ, то и возьму, отвѣтилъ Максимъ и пошелъ изъ комнаты.

По губамъ Аркадія Павловича снова скользнула усмѣшка.

— Ишь Кузьма безсребренникъ! проговорилъ Данило Павловичъ. — Штановъ нѣтъ, а плюетъ на наслѣдство. Каковъ былъ, такимъ и остался. Ей-богу, дуракъ онъ, а молодецъ!

— Можетъ быть, ему и въ самомъ дѣлѣ тяжело, какъ дядѣ Александру Николаевичу, смотрѣть на эти вещи, напоминающія о матери, замѣтилъ мягко Петръ Павловичъ. — Вѣдь онъ долженъ чувствовать...

По губамъ Аркадія Павловича опять пробѣжала та-же едва замѣтная гримаса и онъ неторопливо перебилъ брата Петра:

— Ну, онъ-то менѣе всѣхъ насъ человѣкъ традицій, какъ выражается дядя Александръ Николаевичъ.

Братья приступили къ дѣлежу.

ХІ.

Рано утромъ на слѣдующій день къ крыльцу муратовскаго дома подѣхала со двора коляска. Это былъ старомодный, предназначенный когда-то для большой семьи, широкій экипажъ, на высокихъ твердыхъ ресорахъ, съ порывѣвшей и потрескавшейся кожей, съ обивкой изъ загрязненнаго сѣраго съ синими полосами тика, съ жесткими, обсиженными подушками, походившими на сильно подержанные матрацы, съ разными жестяными набивками, сдѣланными домашними способами для поддержанія этой развалины. Ѣздить въ ней было небезопасно. Рыжебородый Вавила, по обыкновенію, всключенный и неуклюжій, сидѣлъ, сторбившись, на козлахъ и вовсе не имѣлъ осанки кучера, привышнаго возить господъ, а напоминалъ водовоза, дремотно пріютившагося около бочки. Двѣ престарѣлыя влячи разной масти и разнаго роста стояли понуро и отъ времени до времени трясли головами, видимо тяготясь непривычнымъ положеніемъ быть привязанными къ дышлу и словно разсуждая: „и скоро-ли этому конецъ будетъ, и зачѣмъ это все?“

— Только въ такомъ экипажѣ и ѣздить на торжественныя празднества, съ ироніей проговорилъ Аркадій Павловичъ, выходя на крыльцо и съ презрѣніемъ взглянувъ на коляску.

— Да, чортъ возьми, когда-то въ этотъ день дядюшка присылалъ за нами четверню вороныхъ, замѣтилъ Данило Павловичъ, усаживаясь въ коляску.

— Не за нами, а за нашею матерью, сколько проговорилъ Максимъ.

Братья усѣлись въ экипажъ и онъ съ жалобнымъ скрипомъ двинулся съ мѣста, задрезжавъ всѣми своими разшатавшимися гайками.

— Ты только не спи! грубо обратился Аркадій Павловичъ къ кучеру, — а то мы къ вечеру доѣдемъ.

— Чего мнѣ спать, выспался за ночь-то, проворчалъ Вавила и задергалъ возжами.

Причмокивая, передергивая возжи, подхлестывая лошадей и тыкая въ нихъ кнутовищемъ, Вавила дѣлалъ все зависѣвшее отъ него, чтобы ускорить бѣгъ лошадей. Онъ даже пускался отъ времени до времени въ поучительныя разсужденія съ своими заѣзженными клячами. Но онѣ, вслѣдствіе своихъ превлонныхъ лѣтъ, уже давно потеряли способность къ быстрой ѣздѣ и, не въ тактъ перебирая несгивавшимися и заплетавшимися ногами, тащили тяжелую коляску убійственно медленно и неровно, такъ-что сидящіе болѣзненно чувствовали каждую рытвину, каждый ухабъ. Всѣ братья были настроены не особенно хорошо и молчали. Только Максимъ, проѣзжая впервые послѣ долгихъ лѣтъ по дорогѣ въ имѣніе дяди, засматривался на виды и силился воскресить въ себѣ различныя воспоминанія. Онъ даже удивился, какъ быстро проѣхали они семь верстъ и какъ скоро показался около дороги небольшой лѣсъ, носившій названіе „ольховскаго парка“. При началѣ этого лѣса отъ большого тракта отдѣлялась дорога, проходившая мимо барскаго дома, миновавшая довольно богатую деревню и достигавшая двухъ сельскихъ церквей. Одна изъ этихъ церквей была каменная и въ ней служили зимою; другая, деревянная, предназначалась для лѣтнихъ богослуженій. Сюда свернули муратовскія влячи, и у Максима невольно сжалось сердце: его волновало предчувствіе близкихъ встрѣчъ съ Дуней и съ дядей Платономъ Николаевичемъ; онъ теперь ощущалъ почти тѣ-же чувства, которыя возникали въ немъ въ годы дѣтства при вѣздѣ въ имѣніе дяди; онъ былъ готовъ сказать кучеру: „стой, я ворочусь назадъ“. Ему было просто страшно встрѣтиться съ дядей, съ этою грозю ихъ семьи. Хватить-ли теперь у него, Максима, на-столько самообладанія, чтобы не разсориться съ этимъ самодуромъ, сердитымъ на свою старость, на погоду, на ревматизмъ?

— Помнишь, Кадя, какъ наша мама начинала волноваться, вѣзжая сюда? проговорилъ мягкимъ тономъ Петръ Павловичъ. — „Держите себя прилично!“ „Не огорчите дядю Платона Николаевича!“ „Не смотрите на него изподлобья!“ твердила она намъ, оправляя наши воротнички... А тетя Маша...

— Я думаю, эти тревоги были вполне естественны, перебилъ его строгимъ тономъ Аркадій Павловичъ. — Не могла-же не забо-

титься мать о нашемъ поведеніи въ такомъ домѣ, какъ домъ дяди Платона Николаевича.

— Ахъ, Кадя, развѣ я говорю, что это было естественно? Я просто вспомнилъ невольно о матери, началъ оправдываться Петръ Павловичъ.

— Да, но ты говоришь такимъ тономъ, наставительно продолжалъ Аркадій Павловичъ.—Наша мать заботилась о нашемъ же благѣ, когда она стремилась сдѣлать насъ приличными.

— Ха, ха, ха! захохоталъ внезапно громкимъ голосомъ Данило Павловичъ.

— Чему это ты? нахмурилъ брови Аркадій Павловичъ.

— А, чортъ возьми, вспомнилъ я, какъ я разъ удралъ въ дѣвичью и начудилъ тамъ такъ, что даже дядя Платонъ Николаевичъ ротъ разинулъ, заливался смѣхомъ Данило Павловичъ.— Тебя уже не было въ это время, обратился онъ къ Максиму.— Это была цѣлая исторія. Я, знаешь, пробрался сперва въ буфетъ, натрескался тамъ, а потомъ, набравшись храбрости, и пошелъ въ дѣвичью. Настыка...

— Пожалуйста, избавь отъ этихъ грязныхъ исторій; вспомни, куда мы ѣдемъ, оборвалъ его Аркадій Павловичъ.—Кстати, мы и пріѣхали.

Максимъ торопливо оглянулся и увидалъ, что экипажъ, дѣйствительно, остановился. Расходившіяся муратовскія клячи остановились не вдругъ, точно имъ было теперь уже все равно—тащить-ся-ли шажкомъ еще нѣсколько верстъ или стоять здѣсь на пескѣ подъ солнечнымъ припекомъ и отмахиваться облѣзлыми хвостами отъ стаи мухъ и оводовъ, кружившихся въ воздухѣ.

Братья вышли изъ экипажа и направились къ церкви, гдѣ уже шла обѣдня. Только Максимъ проскользнулъ въ сторону и свернулъ за церковь на кладбище. Вавила лѣниво слѣзъ съ козелъ, снялъ шапку и широко перекрестился, уставивъ оловянные глаза на церковь. Потомъ онъ снова вернулся къ экипажу и постучалъ кнутовищемъ по переднему колесу, смущавшему его втеченіи всей дороги своею дребезжавшей шиной. Кончивъ осмотръ колеса, онъ почесалъ въ затылкѣ, зѣвнулъ и сталъ осматриваться, желая найти тѣнистое мѣсто. Сильное ржанье лошадей заставило его оглянуться въ другую сторону, и онъ увидалъ, что въ сторонѣ, подъ тѣнью кладбищенскихъ деревьевъ, стоятъ еще двѣ коляски. Онъ взялъ подъ уздцы

одну изъ своихъ лошадей и направился туда, гдѣ отдыхали его собратья.

Максимъ между тѣмъ вошелъ въ ворота кладбища и тихо пошелъ извилистыми тропинками среди могилъ, множества деревянныхъ крестовъ, каменныхъ плитъ и чугунныхъ монументовъ. Снявъ фуражку и отирая платкомъ свой лобъ, онъ почти не обращалъ вниманія на окружающіе памятники и, повидимому, былъ на-столько знакомъ съ кладбищемъ, что могъ пройти по немъ до известнаго мѣста съ закрытыми глазами. Сдѣлавъ два или три поворота по тропинкамъ, онъ случайно взглянулъ на ослѣпительно-бѣлый крестъ, украшенный свѣжими цвѣтами, и въ его головѣ промелькнула мысль о томъ, что этого креста не было въ то время, когда онъ въ послѣдній разъ былъ на этомъ кладбищѣ. Онъ подошелъ къ кресту и прочелъ надпись. На крестѣ было написано:

„Незабвенному сыну скорбящіе родители“.

Максимъ обошелъ могилу и прочелъ на противоположной сторонѣ креста:

„Здѣсь покоится прахъ Александра Ивановича Зернина“.

Ниже были обозначены мѣсяцы и годы рожденія и смерти, а далѣе значилось:

„Житія его было 19 лѣтъ, 2 мѣсяца и 8 дней“.

Подъ этой надписью красовалась Адамова голова и сложенные на-крестъ кости. Внизу стояло:

„Господи, упокой душу его!“

— Умеръ! вздохнулъ Максимъ. — А, кажется, давно-ли мы играли здѣсь вмѣстѣ, давно-ли спасались сюда отъ семейныхъ дразгъ, отъ мертвящей скуки!..

По лицу Максима скользнула горькая усмѣшка. Ему было какъ-то тяжело и грустно вспомнить, что ему и этому Зернину приходилось спасаться отъ мертвящей скуки на кладбищѣ, среди этихъ могилъ, приходилось уходить отъ живыхъ людей въ эту обитель мертвыхъ.

„И сколько у него было надеждъ, сколько тревогъ и волненій!“ думалось Максиму, и передъ его глазами ярко воскресла картина того еще недавняго прошлаго, когда онъ и Саша, товарищъ его дѣтства, уходили на кладбище читать книги, которыя считались опальными въ ихъ семействахъ, когда они уходили сюда вести живые споры, которые дома прерывались рѣзкими замѣ-

чаніями старшихъ. Въ его ухахъ снова звучали слова: „Вы еще слишкомъ молоды, чтобы судить объ этихъ вещахъ“. „Вы сами не знаете, о чемъ спорите“. „Прошу не разсуждать о подобныхъ предметахъ“. „Молоко на губахъ еще не обсохло, а туда-же — вездѣ свой носъ суетъ“. „Я тебя выучу, если ты у меня не выкинешь изъ головы подобныхъ идей“. „Ахъ, Саша, Саша, какой ты безпокойный! Видишь, что отецъ сердится, а ты все свое, все свое. И что у тебя за мысли такія! Тебѣ-бы еще играть, прыгать, танцовать, а ты все изъ-за чего-то вѣднуешься, кипятишься. Съ такимъ безпокойнымъ характеромъ жить нельзя. Вотъ васъ пара съ Максимомъ, не сносить вамъ головъ“.

Максимъ не только вспомнилъ всѣ эти слова, но онъ видѣлъ передъ собой, какъ живую, и фигуру Александра Зернина съ поникшею головою и съ закушенною чуть не до крови нижнею губою, и мать Зернина въ большой „наколеѣ“ съ безчисленными бантами яркаго цвѣта, съ широкимъ и румянымъ лицомъ, съ разложенными на столѣ картами, которыя однѣ шелестятъ въ комнатахъ подъ руками лѣниво гадающей барыни.

И опять слышится лѣнивый и томный голосъ матери Зернина:

— И очень нужно было жѣшаться не въ свое дѣло... Ты не ребенокъ!

— Вы сами-же сейчасъ говорили, что я прыгать, играть долженъ въ качествѣ ребенка, глухо и насмѣшливо замѣчаетъ съвозъ зубы Саша Зернинъ.

— Ну, конечно, ты ребенокъ по лѣтамъ, но ты уже, ты можешь сообразить, что къ чему приведетъ, невозможно объясняетъ мать. — Ты знаешь характеръ отца.

— Да, да, къ несчастію, я все знаю, все знаю, нервно говорить Зернинъ и идетъ изъ комнаты, безнадежно махнувъ рукою.

— Пожалуйста, не ходи только къ Максиму. Ты знаешь, отецъ не долюбиваетъ его, а теперь къ тому-же онъ сердитъ. Признаюсь, и мнѣ непріятно, что ты все съ нимъ, все съ нимъ. Дрянной онъ мальчишка. Лучше пройди по саду и успокойся, да попроси потомъ прощенья.

Зернинъ молча выслушиваетъ все на порогѣ комнаты и, дослушавъ наставленіе, сухо спрашиваетъ:

— Я вамъ болѣе не нуженъ теперь?

— Что у тебя за тонъ! Что за тонъ! Ты просто неисправимъ.

Сынъ тихо уходитъ. Мать продолжаетъ гадать на короля трефъ. Зачѣмъ она, вѣрная супруга своего бѣлобрысаго мужа, гадаеть на короля трефъ — Богъ знаетъ. Но гаданье все продолжается и продолжается, поглощая все ея вниманіе, и только изрѣдка думается ей:

„Когда-же это уходится и успокоится Александръ? Онъ, дѣйствительно, нестерпимъ. И это все Максимъ его подзадориваетъ. Маленькій чертеночекъ! Зимой Саша, правда, угрюмъ, унылъ, но, по крайней мѣрѣ, молчитъ, покоряется хотя наружно, а лѣтомъ — лѣтомъ онъ просто становится неприличенъ. Покою отъ него нѣтъ, какой-то неутомонный. Хоть-бы ужъ уѣзжалъ этотъ Максимъ скорѣе, авось опять Саша успокоится“.

Максимъ помнитъ живо, какъ все это высказывалось матерью Зернина, какъ она вооружала всѣхъ противъ него, Максима, противъ этого сорванца, противъ этого неприличнаго мальчишки. Неприличный мальчишка! Да, это прозвище было дано Максиму Зерниной. И вспоминается ему, какъ волновался Александръ Зернинъ, услышавъ это прозвище своего друга.

— А гдѣ они набрались приличій? говорилъ онъ. — Берутъ взятки, ѣздятъ на поклонъ къ вліятельнымъ лицамъ, интригуютъ, сплетничаютъ, лгутъ,—это прилично!

Александръ волновался, дѣйствительно, до неприличія, и трудно было сказать, когда и на чемъ онъ успокоится. И вотъ онъ успокоился — успокоился въ могилѣ.

„Да отвѣтъ-ли это, полно? помелькнулъ въ головѣ Максима стихъ Гейне. — Да, это не отвѣтъ на проклятые вопросы, думалъ Максимъ, — но это отвѣтъ на вѣчныя желанія Зерниныхъ: ихъ сынъ успокоился — этого съ нихъ довольно. И для чего они написали это: „Упокой Господи душу его“? Ужь не боялись-ли они, что онъ придетъ съ того свѣта терзать ихъ своими проклятыми молодыми вопросами? Или думали, что онъ станетъ обличать ихъ и тамъ?“

Что-то горькое прошло по душѣ Максима: ему опять вспомналась и его собственная семья, вспомнились безрадостныя сцены изъ его семейной жизни, вспомнилось, что отъ этой жизни остались теперь однѣ могилы — могилы матери и отца, на которыя онъ шелъ взглянуть по этому кладбищу, шелъ не съ теплымъ чувствомъ грусти о нихъ, а съ тяжелымъ сознаніемъ, что они прожили слишкомъ долго для того, чтобы онъ могъ сохранить

горячую любовь къ нимъ. Теперь, остановившись и задумавшись надъ этой могилой друга, онъ чувствовалъ, что его менѣе влечетъ на родныя могилы, что къ небольшому остатку чувства сыновней любви примѣшивается еще болѣе горечи, еще больше упрековъ. Онъ провелъ рукою по лбу, какъ-бы отгоняя какія-то не-радостныя мысли, и пошелъ далѣе. Сдѣлавъ еще два-три поворота по тропинкамъ, онъ остановился надъ двумя могилами. Здѣсь лежала большая плита и на ней была высѣчена надпись:

„Здѣсь покоится прахъ рабовъ Божіихъ отставного поручика лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Павла Марковича Муратова и супруги его Ольги Матвѣевны Муратовой, урожденной Васкаковой“.

Какъ-то холодно лежала передъ Максимомъ эта плита. Онъ не припалъ къ ней головою, не опустился передъ нею на колѣни. Его вдругъ охватилъ какой-то холодъ равнодушія, какъ-будто эти могилы были ему совершенно чужды, какъ-будто люди, лежавшіе подъ этою плитою, не были соединены съ нимъ ни однимъ воспоминаніемъ. Онъ вдругъ почувствовалъ какую-то усталость, нравственную усталость, и присѣлъ на плиту, опустивъ лицо на ладони рукъ. Минуты проходили за минутами, а онъ не трогался съ мѣста.

— Максимъ! вдругъ раздался надъ нимъ полный ласки, молодой женскій голосъ.

Въ звукахъ этого вопроса послышались и радость, и боязнь. Максимъ быстро поднялъ голову, вскочилъ съ могиальной плиты и радостно протянулъ обѣ руки къ стоявшей передъ нимъ дѣвушкѣ. Онъ сжалъ ея руки, притянулъ ее къ себѣ и горячо поцѣловалъ въ губы.

— Дуня, милая, родная! прошепталъ онъ, заглядывая въ ея голубые глаза, всматриваясь въ ея разгорѣвшееся лицо.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ее крѣпкимъ поцѣлуемъ и она почувствовала, какъ на нее брызнула горячая слеза.

— Какъ ты выросла, какъ похорошѣла! проговорилъ онъ.

— И ты совѣтъ большой, тихо и застѣнчиво промолвила она и еще болѣе покраснѣла.

— Я не ожидалъ увидѣть тебя здѣсь. Я только-что пріѣхалъ съ братьями сюда... Прощель на могилу, говорилъ Максимъ, любясь ею.

— Знаю, знаю, перебила она его.— Я видѣла, какъ они вхо-

дили. Я догадалась... Ахъ, я вѣчно нагрѣшу!.. Тамъ служба идетъ, а я все стояла и думала о тебѣ... Пришли они, у меня лицо вспыхнуло, забилось сердце... Я вотъ всегда такая...

— Милая, ты все еще любишь по-прежнему своего братишку, проговорилъ задумавно Максимъ и снова обнялъ сестру.

Но она вспыхнула еще болѣе и слабо отстранилась. За минуту она еще въ порывѣ радостной встрѣчи горячо цѣловала Максима, теперь въ ней проснулся тотъ цѣломудренный дѣвическій стыдъ, который не допускаетъ даже чистыхъ братскихъ поцѣлуевъ. Молодые люди присѣли на могилу.

— Вѣдь если я здѣсь, то только ради тебя, говорилъ Максимъ.—И здѣсь, и въ Чистопольѣ всѣ мнѣ чужіе...

— Но вѣдь и твои братья... твои родные здѣсь, тихо прошептала она.

— Братья!.. Родные!.. Что мнѣ родные? Что я имъ?.. Развѣ ты не знаешь, что между всѣми нами нѣтъ ничего общаго? Насъ связываютъ не одни чувства, не однѣ идеи, не одни стремленія, — нѣтъ, насъ связываютъ приличія, дѣла, наслѣдство...

Максимъ махнулъ рукою.

— Ну, да что объ нихъ говорить! Поговоримъ о тебѣ... Какъ тебѣ живется? Какая ты хорошая стала, совсѣмъ большая. А я вѣдь узналъ-бы тебя среди тысячи дѣвушекъ... Твои глаза узналъ-бы, твои пышныя косы узналъ-бы, твои загорѣлыя, румяныя щеки узналъ-бы. Ну, вотъ, вотъ ты смѣешься... Я узналъ-бы тебя по одной твоей улыбкѣ...

Максимъ быстро поднесъ къ губамъ обѣ руки дѣвушки и горячо поцѣловалъ ихъ.

— Полно, тихо проговорила Дуня и хотѣла встать.

— Посиди, поговоримъ, притянулъ онъ ее опять на могильную плиту.—Что-же ты не щебечешь, ласточка, что-же ты не сообщашешь обычною скороговоркою свои маленькія печали своему братишкѣ, своему защитнику, рыцарю безъ страха и упрека? Или ты не помнишь, какъ меня дразнили этими именами, какъ насъ называли женихомъ и невѣстой?

— Ахъ, Максимъ, Максимъ, я ничего не забыла, я все помню, тихо отвѣтила дѣвушка.—Но я уже давно перестала быть прежней птичкой... Мнѣ не о чемъ щебетать... У меня нѣтъ болѣе моихъ маленькіхъ печалей...

Максимъ пристально и тепло заглянулъ въ лицо дѣвушки.

— Нѣтъ маленькихъ печалей, но, кажется, есть большія? спросилъ онъ ее задушевымъ голосомъ.

— Да, въ эти годы выросла я, выросли и печали...

— А радости?

— Ихъ нѣтъ, Максимъ, и не будетъ.

— Полно, полно, Дуна!

— Вотъ ты встрѣтилъ меня здѣсь, на кладбищѣ, на могилѣ. Это тоже все, что осталось мнѣ дорого въ свѣтѣ. Сюда я каждый разъ прихожу отдыхать; но развѣ это отдыхъ? Развѣ легко заглушать свою тоску, разгонять тяжелыя думы, искать поддѣрпленія на могилѣ, на этой нѣмой могилѣ, которая не даетъ отвѣта на вопросы, не указываетъ пути, не отзывается на слезы? И дома, и здѣсь, и вездѣ, вездѣ я чувствую, что я одна, одна и одна...

— Ну, а теперь развѣ ты одна, развѣ я не съ тобою, развѣ ты разлюбила и своего Максима, своего брата? тихо спросилъ Максимъ, и онъ былъ неузнаваемъ въ эту минуту: что-то женственно-мягкое было въ его манерахъ, въ его голосѣ; какъ все нервныя люди, подъ вліяніемъ событій онъ преобразался весь.

Дѣвушка задумчиво покачала головой.

— Не разлюбила, Максимъ, отвѣтила она.—Но развѣ ты можешь чѣмъ-нибудь помочь мнѣ? И чѣмъ мнѣ можетъ что-нибудь помочь?

Она замолкла на минуту и потомъ заговорила въ раздумьи:

— Знаешь-ли, Максимъ, иногда я начинаю мечтать о будущемъ, мечтать о томъ, что нужно, чтобы я была счастлива, и мнѣ становится страшно, какъ я вспомню, сколько нужно для моего счастья. Нужно все, все передѣлать и самой переродиться, нужно начать жить сначала, чтобы быть счастливой... Отецъ все по-прежнему кутить, по-прежнему лжетъ, по-прежнему служить шуткомъ, прихлебателемъ, козлищемъ очищенія въ домѣ Платона Николаевича.

— И по-прежнему припомаженъ, раздуженъ, весь въ бронзовыхъ цѣпочкахъ и поддѣльныхъ брилліантахъ, и по-прежнему при всякомъ разказѣ замѣчаетъ, что и съ нимъ было то-же?

Молодая дѣвушка только вздохнула.

— А ключница Матрена Кузьминишна все по-прежнему дер-

жить его подь башмакомъ? продолжалъ съ нервной горечью Максимъ.

— Ты знаешь, что перемѣнъ не могло произойти, крѣтко замѣтила молодая дѣвушка. — Платонъ Николаевичъ свысока покровительствуетъ отцу, называя его шутомъ гороховымъ, вралемъ... Онъ поддерживаетъ нашу семью и требуетъ себѣ поклоненія, косясь при каждомъ моемъ свободномъ шагѣ, при каждомъ моемъ свободномъ словѣ... Одѣта я плохо—онъ замѣчаетъ мнѣ, что я не горничная, что я позорю его, появляясь въ его гостинныхъ въ такомъ туалетѣ. Принаражусь я...

— Знаю, знаю я твой нарядъ, перебилъ ее Максимъ: — бѣлое кисейное платье, двѣ косы, заплетенныя какъ теперъ, свѣжіе васильки и колосья на груди.

— Да, а Платонъ Николаевичъ говоритъ: „теперь пора-бы перестать кокетничать и разыгрывать Маргариту. Не для кого да и не изъ чего! Лучше-бы дѣломъ занялись, работали-бы...“ А что-же я стану работать, что я стану дѣлать? Я ничего не знаю. Французскій языкъ, музыка, вышиванье—вотъ все, что я знаю, и то съ грѣхомъ пополамъ. Зачѣмъ-же они меня не учили? Зачѣмъ ни въ чему не подготовили? Пробовала я и дѣтей крестьянскихъ учить—Платонъ Николаевичъ говоритъ: „нечего играть роль благодѣтелей, когда сами чужой хлѣбъ ѣдимъ“. Ты знаешь его, у него все это выходитъ такъ грубо-язвительно, такъ колко... Онъ не бранится, не кричитъ; онъ просто безсердечно и холодно рѣжетъ по сердцу своими колкостями и язвительными насмѣшками, а отецъ сейчасъ начинаетъ поддакивать, ораторствовать въ его пользу.

— И послѣ цѣлуетъ твои руки, твои ноги, плачетъ, какъ ребенокъ, махнуль рукою Максимъ.

Они смолели.

— Какъ ты должна ихъ ненавидѣть! воскликнулъ Максимъ.

— Не сважу, чтобы я ихъ ненавидѣла, задумчиво произнесла молодая дѣвушка, покачавъ головой. — Мнѣ жаль отца, мнѣ больно за него. Онъ такой слабый, такой вѣтранный, такой безхарактерный. Иногда мнѣ кажется, что онъ безпомощнѣ меня... У него все порывами какъ-то выходитъ: и доброта, и злоба, и печаль, и веселье... Мнѣ все кажется, что онъ самъ сознаетъ, что онъ лишній человѣкъ, и рвется куда-то, хочетъ войти въ

какую-то колею, установить какую-то правильную жизнь, найти какое-то опредѣленное положеніе.

— Да, жолчно заговорилъ Максимъ,—но ради этихъ исканій онъ не удовлетворился жизнью съ доброю и кротою женою и бросилъ ее для провинціальной актрисы, для которой выстроилъ театръ, потомъ кинулся въ объятія провинціальной аристократки и, посадивъ на нее за границей тысячи, разочаровавшись въ пей, пришелъ подъ домашній кровъ отдыхать съ ключницей, которая начала вертѣть всею семьей; ради этихъ искапій онъ разорилъ въ конецъ свои родовыя имѣнія, довелъ до бѣдности свою семью; ради этихъ исканій онъ бросилъ своихъ дочерей почти безъ образованія и не далъ имъ никакихъ средствъ для борьбы съ бѣдностью... Нѣтъ, Дуня, такихъ людей я не умѣю любить, не умѣю жалѣть; я могу ихъ, пожалуй, презирать — и только.

Она тихо подняла на него свои кроткіе, большіе и глубокіе, почти синіе глаза, способные обезоружить самый сильный гнѣвъ.

— Ты все тотъ-же, Максимъ, все тотъ-же! тихо вздохнула она.—Ты не умѣешь прощать. Ты смотришь на людей, какъ судья. Ты разбираешь, что они сдѣлали, и не хочешь, не можешь понять, почему они это сдѣлали. Тебѣ не приходилось жить изо дня въ день съ одними и тѣми-же лицами, не приходилось изъ года въ годъ слѣдить за всѣми ихъ дѣйствіями, за всѣми ихъ радостями и печалами, надеждами и опасеніями, и потому ты видишь одни ихъ явные, бросающіеся въ глаза проступки, не зная тайныхъ побужденій, тайной борьбы, вызвавшей эти проступки.

— Что мнѣ доискиваться до этихъ побужденій, до этой борьбы? Я вижу страданіе и проклиная тѣхъ, кто вызвалъ это страданіе! горячо произнесъ Максимъ.

— А самъ ты сдѣлалъ что-нибудь, чтобы исправить однихъ и облегчить участь другихъ? спросила молодая дѣвушка, снова взглянувъ прямо въ лицо Максима своими добрыми глазами.

— Я только начинаю жить... началъ Максимъ.

— Ну, такъ и подожди того времени, когда ты будешь кончать жизнь, чтобы имѣть право проклипать, проговорила молодая дѣвушка.—Кто знаетъ, что выйдетъ изъ насъ самихъ? И что въ твоихъ проклятіяхъ? Отъ нихъ ни кому ни тепло, ни холодно, отъ нихъ только очерствѣетъ твое-же сердце!

Она говорила неторопливо, спойно, и Максиму почему-то показалось, что съ нимъ говорить не дѣвушка, полная надежда на жизнь, а строгая отшельница.

— Странная ты, Дуня! воскликнулъ онъ.— Да развѣ можно подавить въ себѣ ненависть, когда она духъ захватываетъ, развѣ можно безъ ненависти смотрѣть на своихъ палачей, когда они точутъ для тебя ножъ?

Молодая дѣвушка усмѣхнулась горькою улыбкою.

— Дитя, дитя! тихо проговорила она.— Изъ твоихъ словъ такъ и видно, что до сихъ ты еще не видалъ настоящаго палача, который точилъ-бы ножъ именно для тебя... Не ненависть въ палачу, а стремленіе избѣжать ножа захватываетъ въ такихъ случаяхъ духъ, наполняетъ душу, поглощаетъ всѣ помыслы. Въ такія минуты не до проклятій!.. И что мнѣ проклятія, что мнѣ ненависть, когда я стою на краю пропасти, когда у меня одна мысль—какъ спастись!

Она невольно вздрогнула и осмотрѣлась кругомъ.

— Обѣдня кончается, преговорила она, поднимаясь съ мѣста.— Мы засидѣлись. Пора идти!

— Ахъ, я и забылъ, что тамъ насъ ждутъ, проговорилъ Максимъ, тоже поднимаясь съ могилы.

Они тихо пошли по дорожкѣ.

— Милая, у тебя есть какое-то большое горе, промолвилъ Максимъ, обнимая одной рукой талью сестры и заглядывая ей, въ глаза.— У тебя есть какое-то новое горе...

Она тихо освободилась отъ его объятій и молчала.

— Неужели ты нынче не вѣришь даже въ своего брата и не хочешь подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ? продолжалъ онъ нѣжно.

— Что пользы, Максимъ, толковать о своихъ невзгодахъ? промолвила она.— Ты не можешь, не можешь помочь.

— Нѣтъ, ты просто не любишь меня.

— Не люблю? съ упрекомъ, почти со слезами воскликнула молодая дѣвушка.— Грѣшно тебѣ, Максимъ!

— Но, милая, милая, зачѣмъ-же ты срываешь отъ меня, что тебя беспокоитъ?

— Мало-ли что меня беспокоитъ и тяготитъ... Ну, вотъ... меня все хотятъ поскорѣй выдать замужъ! тихо прошептала она, отвернувшись въ сторону.

— Замужъ? почти крикнулъ онъ, отступивъ отъ нея. — Выдать замужъ противъ воли? И ты пойдешь, согласишься? Не можетъ быть, не можетъ быть!

Онъ вдругъ схватилъ обѣ ея руки, быстро прижалъ ихъ въ горячимъ губамъ и покрылъ ихъ поцѣлуями. Черезъ минуту онъ уже цѣловалъ ея губы и щеки.

— Милая, дорогая, развѣ ты не знаешь, что ты для меня все, все! шепталъ онъ страстнымъ, потрясеннымъ голосомъ. — Я не уступлю тебя никому, никому!

Молодая дѣвушка не смѣла теперь оттолкнуть его, не смѣла освободиться отъ его горячихъ объятій. Она отдавалась его ласкамъ, какъ взрослые отдаются внезапнымъ ласкамъ ребенка. Только въ ея глазахъ было какое-то мучительное выраженіе тоски, болѣзненной, невыносимой тоски.

— Полно, полно! шептала она. — Ничего этого не будетъ.

Максимъ немного успокоился.

— Ты любишь меня? спросилъ онъ уже тихимъ, нѣжнымъ голосомъ.

Она молча вѣрнѣе сжала его руку и беззвучно прижала свои губы къ его лбу.

— Идемъ... идемъ... Пора въ церковь... торопливо заговорила она и пошла быстрыми, невѣрными шагами впередъ.

Она теперь, казалось, хотѣла убѣжать, убѣжать скорѣе. Максимъ былъ смущенъ. Онъ не понималъ, что дѣлается съ его любимой сестрой.

XII.

Когда Максимъ подошелъ къ сельской церкви, на паперти уже тѣснился народъ. Обѣдня и молебенъ окончились. На верхней площадкѣ паперти стоялъ рослый и плотный мужчина, лѣтъ шестидесяти пяти, съ надменно поднятой, еще довольно красивой головой, и милостиво раскланивался и говорилъ съ окружающими. Это былъ Платонъ Николаевичъ Баскаковъ. Братъ Максима, дядя Александръ Николаевичъ, нѣсколько близкихъ родственниковъ и нѣсколько крестьянъ поздравляли Платона Николаевича съ днемъ его рожденія. Это была одна изъ сотни тѣхъ церемоній, которыя живо помнилъ Максимъ съ дней самаго ранняго своего дѣтства.

Обыкновенно въ годовщину своего рожденія Платонъ Николаевичъ пилъ утренній чай одинъ. Вѣроятно, ему было очень невесело пить чай одному, но онъ это дѣлалъ, такъ-какъ безъ этого не могла-бы осуществиться вполнѣ вся церемонія. Допивъ чай, онъ никуда не выходилъ изъ своей комнаты, гдѣ камердинеръ изъ крѣпостныхъ, обученный парикмахерскому искусству, надѣвалъ на него черный парикъ съ просѣдью и подвитыми висками, подерашивалъ ему остатки сѣдыхъ волосъ на затылкѣ и расчесывалъ его какъ для бала; потомъ камердинеръ одѣвалъ барина въ парадное платье; наконецъ, когда туалетъ оканчивался, Платонъ Николаевичъ, посмотрѣвшись въ зеркало, оставался съ своей комнатѣ ждать вѣстового-казачка, который былъ обязанъ возвѣстить, что обѣдня начинается и что гости съѣхались въ церковь. Тогда Платонъ Николаевичъ садился въ экипажъ, запряженный четвернею, съ фореитормомъ, и ѣхалъ въ церковь, находившуюся за версту отъ барскаго дома. По однажды введенному обычаю, въ комнатахъ въ это время не должно было появляться людей на встрѣчу барину. Онъ проходилъ по совершенно пустымъ комнатамъ до экипажа, около котораго стоялъ только его камердинеръ. Затѣмъ баринъ ѣхалъ въ церковь, гдѣ присутствующіе, слышавъ шумъ подъѣхавшаго экипажа, безмолвно разступались, очищая виновнику торжества путь къ клиросу. Платонъ Николаевичъ, съ набожнымъ видомъ, не глядя ни на кого, шель къ своему мѣсту, становился около приготовленныхъ для него стула и коврика, лицомъ къ алтарю и бокомъ къ народу, и начиналъ молиться, такъ-какъ именно въ минуту его прихода начиналась обѣдня. Послѣ усердной молитвы при окончаніи обѣдни къ Платону Николаевичу подходилъ священникъ съ просфорою на серебряной тарелкѣ и поздравлялъ его съ высочайшимъ днемъ его рожденія. Платонъ Николаевичъ бралъ просфору и отправлялся прикладываться къ образамъ. Казачевъ слѣдовалъ за нимъ съ коврикомъ, который разстилался передъ каждымъ образомъ, Затѣмъ онъ обращался къ выходу и появлялся на паперти: здѣсь уже тѣснились толпы его гостей и народа, приносящія ему поздравленія. Платонъ Николаевичъ въ это время стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, заложивъ лѣвую руку за бортъ застегнутаго на три пуговицы сюртука, то подавая всю правую руку гостямъ, то протягивая имъ два пальца, то треп-

ла по щегѣ какую-нибудь дѣвушку или похлопывая по плечу какого-нибудь стараго слугу или двороваго. Здѣсь слышались замѣчанія Платона Николаевича, показывавшія, какъ сильна его наблюдательность, которой не мѣшала даже усердная молитва.

— Что это ты, Парфень, свѣчѣ-то не даль догорѣть у образа Божьей Матери? строго обращался онъ къ церковному старостѣ.— Богомольцы не для вальшего кармана ставятъ свѣчи, а для того, чтобы онѣ горѣли передъ образами.

— А я ужь думалъ, что вы и совсѣмъ не изволите пожаловать, говорилъ онъ исправнику, протягивая ему два пальца.

Исправникъ, пріѣхавшій въ половинѣ обѣдни, пожималъ съ сожалѣніемъ плечами и бормоталъ:

— Все дѣла, дѣла...

— А вы, mon frèге, все носитесь, все носитесь, небрежно замѣчалъ онъ брату Александру Николаевичу.— Право, если-бы не знать васъ, то можно-бы подумать, что церковный полъ жжетъ васъ, какъ горячіе уголья... *Quel exemple pour ses gens!*

— Свѣчи, mon frèге, плохо ставятъ, чуть-чуть образъ не загорѣлся, какъ-то растерянно и съ улыбкой, разводя руками оправдывался Александръ Николаевичъ, неимѣвшій никогда настолько терпѣнія, чтобы простоять на одномъ мѣстѣ втеченіи всей обѣдни.

— Это, я думаю, дѣло церковнаго сторожа. Впрочемъ, переигравъ всѣ роли въ жизни, можно кончить и ролью церковнаго слуги...

Всѣ эти замѣчанія повторялись съ незначительными перемѣнами изъ года въ годъ и въ послѣднее время становились все болѣе и болѣе сложными и ѣдкими. Платонъ Николаевичъ сильно сердился на новые порядки.

Когда-то онъ игралъ важную роль въ столицѣ по своимъ родовымъ связямъ и по своему богатству. Потомъ, обойденный какою-то наградю, онъ выразилъ свой протестъ удаленіемъ отъ должности и, кажется, думалъ, что его будутъ упрашивать, какъ Бориса Годунова, не губить государство. Но его не попросили, и онъ еще ярче заявилъ свой протестъ, удалившись изъ столицы въ деревню. Дѣйствительно, въ столицѣ почувствовали его удаленіе, такъ-какъ для извѣстнаго круга убавилось въ годъ нѣсколько роскошныхъ обѣдовъ и блестящихъ баловъ. Но, тѣмъ не менѣе, къ Пла-

тону Николаевичу не послали курьера, какъ въ деревню къ Суворову, съ просьбою спасти столицу. Съ этой поры Платонъ Николаевичъ сталъ въ пассивную оппозицію ко всѣмъ новымъ мѣрамъ; онъ былъ недоволенъ всѣми министрами, всѣми приказами, всѣми движеніями впередъ или назадъ. Несмотря на это, его никто не считалъ опаснымъ человѣкомъ, уже просто потому, что онъ давалъ въ годъ пять баловъ и десять обѣдовъ чуть не на всю губернію. Въ благодарность за эти балы и обѣды признательное дворянство даже выбрало его своимъ предводителемъ, и въ этой должности онъ пробылъ вплоть до времени реформъ. Привыкнувъ порицать всѣ распоряженія, исходившія изъ Петербурга, онъ враждебно отнесся и къ эмансипаціи крестьянъ, хотя онъ былъ далеко не врагомъ народа. Но тутъ дѣла приняли совершенно неожиданный для него оборотъ. Большинство дворянъ, по крайней мѣрѣ, официально, оказалось не на его сторонѣ. Онъ озлобленно началъ бороться противъ этого большинства, и оно сдѣлало то, чего не нужно было дѣлать правительству: его принудили удалиться отъ должности. Съ этой минуты Платонъ Николаевичъ сдѣлался не просто брюзгливымъ барономъ старыхъ временъ, но озлобленнымъ противникомъ всего новаго. Это былъ консерваторъ-революціонеръ, если можно такъ выразиться. Его рѣчи стали уже слишкомъ жолчны и смѣлы, такъ что отъ него боязливо отстранились всѣ сосѣди, даже несмотря на его обѣды и балы. Онъ очутился почти одинъ и сталъ сильнѣе самодурствовать въ своей семьѣ, или, лучше сказать, въ семьѣ своего брата, такъ-какъ Платонъ Николаевичъ былъ вдовъ и бездѣтенъ. Эта семья сдѣлалась козлицемъ очищенія за тѣхъ, кому не могъ насолить раздраженный самодуръ. Сильнѣе всего разливалась его жолчь въ разные торжественные дни, когда онъ сильнѣе ощущалъ отчужденіе отъ него провинціального общества.

Это раздраженіе сказалось и въ тотъ день, когда Максиму суждено было встрѣтиться впервые съ дядей Платономъ Николаевичемъ послѣ долгой разлуки.

Максимъ уже издали замѣтилъ кислую, брюзгливую гримасу дяди и подходилъ къ паперти церкви, ожидая неурядной сцены.

— Ah! mon cher neveu, и вы здѣсь! протянулъ ему два

пальца Платонъ Николаевичъ.— Не считаете нужнымъ нынче посѣщать церковь?

— Я былъ на могилѣ матушки, отвѣтилъ Максимъ.

— Могила матушки не убѣжить, а двухъ обѣденъ въ одинъ день и для глухого не служить.

— За то у обѣдни можно каждый день молиться, а посѣтить могилу, лежащую за десятки и сотни верстъ, можно только изрѣдка, и то случайно, сухо отвѣтилъ Максимъ, и по его щекамъ разлился яркій румянецъ.

— Пріятно, какъ подумаешь, что люди доведутъ тебя до гроба, а послѣ смерти будутъ ходить навѣщать твою могилу, проговорилъ Платонъ Николаевичъ, и неожиданно закончилъ:— для того, чтобы убѣдиться, что ты не всталъ изъ нея.

Максимъ стиснулъ зубы и не отвѣтилъ на брошенный ему въ лицо упрекъ, обернулся къ стоявшей неподалеку высокой и стройной брюнеткѣ лѣтъ двадцати двухъ.

— Здравствуй, Адель, поздоровался онъ съ нею.

— Bonjour, cousin, кивнула она своей хорошенькой головкой и пожала руку Максима, сощуривъ свои большіе черные глаза. Они тихо заговорили.

— А вы, Eudoxie, тоже вѣрно на могилѣ были? обратился Платонъ Николаевичъ къ младшей племянницѣ.

Дуня покраснѣлась, но не опустила глазъ.

— Я пошла, чтобы увидать поскорѣе Максима, проговорила она, прямо смотря въ глаза дяди свѣтлымъ и открытымъ взглядомъ.

Платонъ Николаевичъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы-бы хоть у отца поучились лгать, тихо проговорилъ онъ ей.

— Зачѣмъ же мнѣ лгать? громко спросила она.

Платонъ Николаевичъ порывисто отвернулся отъ нея и про-
бормоталъ сквозь зубы:

— Дура!

— Махните, mon frère, коляскѣ, чтобы ѣхала за нами, обратился онъ къ брату.— Я пойду пѣшкомъ.

Александръ Николаевичъ замахалъ платкомъ.

Платонъ Николаевичъ, въ сопровожденіи гостей, двинулся къ дому. Родственники и гости шли за нимъ, и, кажется, отдыхали,

кончивъ перемонію. Позади всѣхъ остались Максимъ и Дуня. Максимъ уже хотѣлъ идти, но молодая дѣвушка остановилась на паперти и сказала ему:

— Подожди, сестра Соня еще не вышла изъ церкви.

Въ эту минуту въ церковныхъ дверяхъ показалась высокая, нѣсколько полная, но еще прекрасная женская фигура. Этой женщиной было около тридцати, тридцати двухъ лѣтъ. Ея темный, лежавшій крупными и мягкими складками нарядъ составлялъ яркій контрастъ съ ея бѣлымъ лицомъ, съ ея румяными щеками, съ ея выхоленными руками, на одной изъ которыхъ красиво были намотаны черные рѣзные четки. Ея черныя волосы были причесаны гладко; ея густыя черныя брови придавали ея лицу строгое выраженіе. Ея большіе, сѣрые глаза казались при первомъ взглядѣ на нихъ тоже черными; они зорко впивались въ человѣка, когда онъ не обращалъ на нихъ вниманія, и тотчасъ смиренно потуплялись, когда люди обращались къ этой женщинѣ. Она шла ровно, выпрямивъ свой станъ, въ сопровожденіи сѣденькаго и маленькаго священника съ облѣзлой бородой, съ пожелтѣвшими волосами усовъ, оставшимися только у угловъ рта, съ развѣвающимися въ стороны жидкими волосами, падавшими съ головы неровными прядями. При первомъ взглядѣ на его сморщенное лицо, на его мигающіе и слезящіеся глаза можно было подумать, что это старуха, а не мужчина. Священникъ остановился на паперти, обернулся лицомъ къ церкви и началъ креститься, потомъ онъ подошелъ къ нищимъ и началъ благословлять ихъ, говоря имъ что-то, почти шопотомъ. Его спутница между тѣмъ неторопливо спускалась съ лѣстницы паперти. Максимъ съ любопытствомъ всматривался въ нее. Онъ находилъ въ ней какія-то знакомыя черты.

— Здравствуй, сестра! проговорилъ онъ, когда она поравнялась съ нимъ.

Молодая женщина, уже зорко осмотрѣвшая его съ ногъ до головы, потупила глаза и молча поклонилась ему низкимъ поклономъ.

— Это Максимъ, какъ-то робко подсказала ей молодая дѣвушка.

— Знаю, спокойно отвѣтила сестра Софья, проходя мимо него.

— Развѣ вы, та *cousine*, не рады видѣть брата? тихо спросила Дуня.

— Всѣ мы дѣти единого Бога—братья и сестры, проговорила сестра Максима.

— Но вѣдь это родной... начала-было молодая дѣвушка.

Но Софья Павловна неторопливо перебила ее:

— Не плотское, а духовное родство веселить сердце мое.

Потомъ она нахмурила брови и спокойно, но строго замѣтила:

— А у тебя сегодня не нашлось мѣста въ сердцѣ и для молитвы?

— Я...

— Передо мной нечего оправдываться, сурово перебила ее Софья Павловна:—я не судья, а передъ Богомъ оправдываются только тѣ, которые не вѣрятъ въ Его всевѣденіе и думаютъ, что можно обмануть и Его.

Дуня поблѣднѣла и потупилась. Максимъ стоялъ, не двигаясь мѣста, и слѣдилъ за удалявшимися родственницами. Теперь онъ ясно видѣлъ въ своей сестрѣ сходство въ лицѣ и фигурѣ съ „тетушкой Нѣтъ“ и сходство въ манерѣ говорить со своею матерью. Только у матери тонъ былъ искреннѣе, фанатичнѣе, а у его сестры преобладала разсчитанность, обдуманность. Максима испугала мысль, что эта женщина имѣетъ вліяніе на его милую двоюродную сестру; ему даже показалось, что нѣкоторыя мысли, высказанныя ему Дуней, сложились прямо подъ вліяніемъ его сестры. Но что за личность была эта женщина — этого онъ не зналъ. Онъ очень смутно помнилъ свою сестру, но помнилъ еще въ то время, когда она не гостила безвыѣздно въ монастырѣ у своей старой двоюродной тетки, занимавшей мѣсто игуменьи.

— Не отъ міра сего, не отъ міра сего, вдругъ послышался надъ нимъ шамкающій голосъ.

Онъ обернулся и увидалъ маленькаго, сѣденькаго священника, моргавшаго около него своими слезящимися глазками.

— Отецъ Иванъ, если не ошибаюсь? спросилъ Максимъ.

— Все онъ-же, все онъ-же многогрѣшный, вздохнулъ священникъ и заморгалъ еще усиленнѣе глазами.

Они поздоровались.

— Вы это про кого говорили? про сестру Союю? спросилъ Максимъ.

— А-а! высокой жизни женщина, за ваши грѣхи молещница! многозначительно поднялъ указательный палецъ дряблой руки свя-

щенникъ.—Но я не про нее, а про нашу пичужечку, про нашу Авдотью Александровну. Голубь кротости, дитя невинности, мысли грѣшной отсутствіе, любви источникъ неизсякаемый!.. Ко мнѣ это придетъ. „Научите, говорить, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать?“ А что я могу? Слово этихъ душеспасительныхъ источниковъ изсякъ у меня на нивѣ мужицтва. Подыскать ихъ не могу. Здѣсь много, а здѣсь ничего нѣтъ, указалъ онъ сначала на сердце, а потомъ на языкъ. — И то сказать, сорокъ лѣтъ здѣсь живу. О чемъ говорю, кого вижу? Съ мужичками валагдаюсь. Ну, о навозѣ, о сохѣ, о дракѣ какой или членовредительствѣ говоришь, а высокихъ предметовъ и коснуться не съ кѣмъ, только въ умѣ философствуешь.

Отецъ Иванъ помолчалъ и потомъ началъ снова:

— Вотъ я тоже проповѣди говорю. Надняхъ о пьянствѣ зловредномъ говорилъ, призывалъ зарокъ дать не потреблять этой душегубительной влаги... Это я изъ газеты вычиталъ. У Александра Николаевича позаимствовалъ ее. Пишутъ тамъ газетчики, что теперь зарокѣ даютъ не пьянствовать мужики и духовенство должно поучать ихъ... Ну, вотъ я и говорилъ проповѣдь о питіи. Въ церкви о кабакѣ говорилъ!.. Ну, мужички и прочувствовали, бабы даже взвыли, потому онѣ ради этого самаго питія мужицкаго въ синякахъ ходятъ... А ей, Авдотѣ-то Александровнѣ, что я скажу?.. Куда ее направлю?.. Вижу я, что сердечко ея ровно птичка въ клеткѣ бьется, и радъ-бы ей помочь, много словесъ душецѣлительныхъ излить... Да гдѣ ихъ взять, когда слово у меня такихъ нѣтъ?..

Отецъ Иванъ помолчалъ.

— Да, вотъ о словахъ-то, вдругъ оживился онъ.—Вычиталъ я въ газетахъ, что у насъ, у русскихъ, нѣтъ способности къ этой... какъ, башь, ее?.. къ и-ни-ці-я-тивѣ... Это что-же означаетъ? Кажет ся, мы люди, какъ люди...

— Это значить, что у насъ нѣтъ способности къ почину, пояснилъ Максимъ.

— А-а! протянулъ отецъ Иванъ.—Вотъ что!.. Это, значить, слово-то новое?

— Да, его недавно стали употреблять у насъ...

— Такъ, такъ!.. Что-жъ, это ничего, слово хорошее, одобрилъ отецъ Иванъ.—И-ни-ці-я-ти-ва... хорошее слово!..

Отецъ Иванъ и Максимъ подходили къ барскому дому. Максимъ угрюмо молчалъ; болтовня попа Ивана открывала ему отчасти глаза на положеніе Дуни.

— Вотъ только и воскресаетъ она, какъ Софья Павловна наѣзжаетъ къ намъ, продолжалъ попъ.— Софья Павловна женщина умная, твердая... Взглядъ-то, взглядъ-то видѣли? Насквозь, то-есть въ самую душу смотритъ... И вѣдь говоритъ какъ, и отъ божественнаго писанія, и отъ наукъ, и отъ сердца... Ей-бы не женщиной быть, а правителемъ... Въ монастырѣ она гоститъ, а въ сущности незримо править; заглянули-бы, что дѣлается: игуменья стара и слѣпа, а она незримо руководствуетъ, порядки ввела, благолѣпіе при ней стало, новыя постройки дѣлаетъ, все одна, все своимъ умомъ доходить... Это свыше ее озаряетъ...

— И Дуня, кажется, ее сильно уважаетъ? спросилъ Максимъ.

— Софью-то Павловну? переспросилъ отецъ Иванъ, сдвигая пристально взглянуть на Максима своими моргающими глазками.— Да это-же ее не уважаетъ, если высокія лица ее одобряютъ и даже по газетамъ она извѣстна? У меня вотъ листокъ хранится, такъ тамъ печатно изображено, какъ она это все устраивала во время голода... Голодъ, знаете, у нихъ въ уѣздѣ былъ, такъ это она народъ спасала... Правителемъ-бы ей быть, истинно говорю — правителемъ...

Они дошли до господскаго дома со стороны, выходившей во дворъ. На широкомъ подъѣздѣ этого обширнаго дома, выстроеннаго въ видѣ широкой буквы п, коротенькіе концы которой соединялись чугуною рѣшеткою, стояло въ рядъ нѣсколько челоуѣкъ прислуги, отвѣщивавшей поклоны и бормотавшей поздравленія Платону Николаевичу. Двѣ-три женщины облобызали на ходу пальцы барской руки. Камердинеръ, также на ходу, принялъ изъ барскихъ рукъ палку и шляпу. Платонъ Николаевичъ и за нимъ всѣ гости прошли въ парадную столовую съ колоннами подъ ираморъ и съ фамильными портретами. Въ углахъ столовой стояли тропическія растенія, посрединѣ былъ накрытъ столъ для завтрака, роскошно сервированный и заставленный винами.

— Прощу, господа, безъ чиновъ и безъ церемоній, пригласилъ хозяинъ.— Хозяйки нѣтъ, угощать некому.

Всѣ начали размѣщаться за столомъ, шумя стульями, ножами и вилками. Хозяинъ первый налилъ себѣ стаканъ краснаго вина.

— А вѣдь я все не могу забыть, какъ это ты рассказывалъ послѣдній анекдотъ, усмѣхнулся онъ, обращаясь къ Аркадію Павловичу, помѣстившемуся возлѣ него, и наливая ему вина.— Ну, не выходитъ изъ ума во всю обѣдню. Какъ только увижу отца Ивана, тотчасъ и вспомню про твой рассказъ. Согрешилъ на старости лѣтъ.

Аркадій Павловичъ улыбнулся плотоядной улыбкой. Гости тоже улыбались, чувствуя, что хозяинъ приходитъ въ игривое настроеніе.

— Нѣтъ, вы, господа, его разспросите о объ этомъ—поучительная исторія, смѣялся Платонъ Николаевичъ.

— Ахъ! расскажите, расскажите! Я такъ люблю исторіи! воскликнула съ конца стола Зернина; теперь это была уже женщина лѣтъ сорока пяти, одѣвавшаяся по-прежнему очень пестро и имѣвшая невинную привычку говорить кстати и не кстати: „ужь гдѣ намъ, тридцатилѣтнимъ женщинамъ, гоняться за молодежью!“

— А-а, это не для дамъ, это не для дамъ! отвѣтилъ Платонъ Николаевичъ.

— Ахъ, мы, тридцатилѣтнія женщины, все можемъ слушать, что слушаютъ мужчины, отстаивала себя Зернина.

Услыхавъ толки объ эмансипація женщинъ, она тоже сдѣлалась въ послѣднее время эмансипированной барыней, то-есть начала курить папирсы и говорить о вещахъ, говорить о которыхъ прежде считалось неприличнымъ для „благовоспитанной дамы“.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, нельзя! отвѣтилъ Платонъ Николаевичъ и нагнулся къ одному изъ своихъ собесѣдниковъ.

— Пришелъ матрость, началъ онъ шопотомъ,—ну и...

Было невозможно разобрать, что говоритъ хозяинъ, но по лицу собесѣдника, которое все болѣе и болѣе ослаблялось, видно было, что анекдотъ очень занимателенъ. Наконецъ, собесѣдникъ не выдержалъ и прыснулъ со смѣху. Аркадій Павловичъ между тѣмъ наклонился къ дядѣ Александру и также шопотомъ рассказывалъ ему тотъ-же анекдотъ. Александръ Николаевичъ, по своему обыкновенію, ничему не удивлялся, какъ человѣкъ бывалый, и, дослушавъ рассказъ, шумно ударилъ себя по колѣннѣ.

— Вообрази, вотъ и со мной то-же было въ венгерскую кампанію! громко произнесъ онъ.

За столомъ раздался шумный смѣхъ мужчинъ.

— Ну, этого только не доставало! захохоталъ Платонъ Николаевичъ.— Вы, топ гѣге, хоть-бы не признавались!

— Да, то-есть, это не я, а у насъ, въ полку, поправился Александръ Николаевичъ.— Это всѣмъ было извѣстно. Да я вамъ, наконецъ, рассказывалъ, топ гѣге, объ этомъ. Да это еще что! Нѣтъ, ты вообрази, обратился онъ къ Аркадію Павловичу съ подернувшимися масломъ глазами и сальнымъ выраженіемъ лица.— У насъ...

Далѣе было невозможно слышать рѣчей Александра Николаевича. Можно было только догадаться, что исторія очень интересна, такъ-какъ Александръ Николаевичъ весь оживился и говорилъ, размахивая руками.

— Его, Аркадій, не переслушать, замѣтилъ Платонъ Николаевичъ.— Онъ тебѣ такихъ исторій наскажетъ, какихъ нехитрому уму и въ вѣкъ не выдумать.

— Жилъ много, топ гѣге, жилъ много! произнесъ со вздохомъ Александръ Николаевичъ.

— Много-ли вы жили, топ гѣге, этого я навѣрное не знаю, но что вы много прожили—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, со смѣхомъ замѣтилъ Платонъ Николаевичъ.

— Брюзга, брюзга! прошепталъ Александръ Николаевичъ.— А вѣдь добрый, очень добрый человѣкъ!

Среди этихъ разговоровъ безучастно сидѣли только Софья Павловна, Максимъ и Дуня. Максимъ съ любопытствомъ вглядывался въ знакомыя ему лица дядюшекъ, двоюродныхъ тетушекъ, двоюродныхъ сестеръ и родныхъ братьевъ. Всѣ эти люди засматривали въ глаза Платона Николаевича, смѣшили улыбаться, когда улыбался онъ, внимательно прислушивались, когда онъ начиналъ говорить. Все еще молодившаяся, провинціальная кокетка, Зернина, играя теперь роль эмансипированной барыни, иногда пересаливала и отвѣчала на улыбки Платона Николаевича не улыбками, а громкимъ, разбитнымъ смѣхомъ. Дядя Александръ Николаевичъ служилъ мишенью для шутокъ брата, но не терялъ присутствія духа и вралъ по обыкновенію, вѣря своему собственному вранью. Старшая дочь Александра Николаевича, Аделаида Александровна, сидѣла молча, съ какою-то напускною серьезностью и чинностью. Максима поразила ея неподвижная красота: глад-

кій большой лобъ, съ упавшимъ на него завиткомъ черныхъ волосъ, румянецъ на полненькихъ щекахъ, полуоткрытый, полный, но правильный ротъ, пышныя, замѣчательно красивыя шея и грудь, — все это было безукоризненно, все это говорило о здоровьи, о холѣ и безпечальной жизни, но во всемъ этомъ проглядывала какая-то восточная лѣнь и томность. Казалось, Аделаида Александровна только ждетъ той минуты, когда ей можно будетъ раскинуться на диванѣ и заснуть, пригрѣвшись подъ лучами лѣтняго солнца. Максиму удалось подмѣтить только два-три ласковыя замѣчанія Платона Николаевича, обращенныя въ старшей племянницѣ, и въ отвѣтъ на эти замѣчанія Аделаида Александровна только потупила или, вѣрнѣе сказать, прищурила на минуту свои черные бархатные глаза, какъ сытый котенокъ, которому почесали за ухомъ. Не ускользнуло отъ вниманія Максима и то, что братья Аркадій и Данило особенно предупредительно старались услужить этой деревенской красавицѣ, но Максимъ никакъ не могъ разобрать, кому отдавала предпочтеніе она сама. Она одинаково ласково и лѣниво улыбалась и Аркадію, и Данилѣ, и Максиму почему-то показалось, что Аделаида Александровна точно такъ-же улыбается, когда подъ утро во время сна по ея лицу скользнуть лучи горячаго солнца или когда ей приснится какой-нибудь сладкій сонъ: новый подарокъ отъ дяди, поцѣлуй какой-нибудь подруги, ласковыя рѣчи какого-нибудь кузена или, наконецъ, тарелка съ сочной малиной, облитой густыми, желтоватыми и холодными сливками. Живой контрастъ съ Аделаидой Александровной представляла Дуня. На нее никто не обращалъ вниманія, за ней не ухаживали, какъ за нелюбимой Платономъ Николаевичемъ племянницей, но она, повидному, чутко слѣдила за всѣми, какъ-будто каждое слово, сказанное за столомъ, касалось именно ея. Она вспыхивала отъ сальныхъ шутокъ гостей; она блѣднѣла, когда дядя являлъ ея отца; она, кажется, готова была заплакать, когда отецъ снова начиналъ врать, рассказывая одну изъ тысячи исторій, изъ тѣхъ исторій, въ которыхъ ложь и правда такъ переплелись и перепутались между собою, что трудно было разобрать, чему вѣрить и чему не вѣрить. Максимъ съ любопытствомъ слѣдилъ за живою игрой этой фізіономіи; онъ подмѣтилъ, какъ опустилась Дунею недонесенная до рта вилка съ кускомъ жаркого при одной

изъ колкостей дяди Платона; онъ видѣлъ, какъ дрогнула рука Дуни и какъ пролилась ею мимо стакана наливаемая изъ графина вода при началѣ разсказовъ дяди Александра. И чѣмъ дальше слѣдилъ Максимъ за Дуней, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе разгорались его щеки, тѣмъ ярче свѣтились его глаза. Онъ, повидимому, забылъ всѣхъ и все, даже свою сестру, молчаливо, но чутко прислушивавшуюся къ говору гостей. Онъ только всматривался въ каждую черту оживленнаго, чистаго лица Дуни, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражались всѣ тайныя ея ощущенія.

— Максимъ Павловичъ, вы или нездоровы, или влюблены? замѣтилъ Платонъ Николаевичъ, видя, что Максимъ почти не ѣсть и не пьетъ.

Платонъ Николаевичъ говорилъ всѣмъ родственникамъ вы, когда нужно было выразить свое недовольство ими.

— Благодарю васъ, отвѣтилъ Максимъ, совершенно не слыша вопроса и думая, что дядя подчуетъ его виною.

Въ столовой раздался смѣхъ.

— Влюбленъ, влюбленъ! оживился Александръ Николаевичъ, очень любившій вездѣ и всюду отыскивать влюбленныхъ и сочетать весь мiръ законными и незаконными браками. — Разсѣянность — спутница влюбленныхъ. Это несомнѣнный признакъ! Со мною былъ такой случай въ тридцатыхъ годахъ, въ польскую кампанію. Стояли мы въ домѣ одного поляка, дочь у него была красавица. Я врѣзался въ нее по-уши. Однажды пригласили меня къ хозяину на имянинный обѣдъ. Съѣлъ я противъ моей волшебницы и, конечно, забылъ все — и общество, и ѣду, и вина. Только при концѣ обѣда подають полоскательницы. Я, ничего не помня, беру стаканъ и залпомъ выпиваю за здоровье обворожительницы теплую воду!..

Гости захохотали.

— Завелась шарманка, произнесъ Платонъ Николаевичъ, наклоняясь къ Аркадію Павловичу.

Тотъ пожалъ плечами.

— Болѣнъ былъ послѣ, очень болѣнъ, такъ-какъ вода оказалась некипяченой, многозначительно объяснилъ Александръ Николаевичъ.

— Это, должно быть, правда, замѣтилъ тихо Платонъ Николаевичъ, — такъ-какъ это я слышу въ двадцатый разъ безъ

значительныхъ измѣненій... Ну, Максимъ Павловичъ, повѣдай-те-же намъ, въ кого это вы успѣли влюбиться? обратился онъ къ Максиму.—Опишите намъ даму своего сердца; скажите ея божественное имя...

— Къ сожалѣнію, ея имя совсѣмъ не божественное, а называть его и описывать ее я сталъ-бы только въ томъ случаѣ, если-бы любилъ ее такъ-же, какъ дядя Александръ Николаевичъ любилъ свою польку, серьезно проговорилъ Максимъ.

— О, значить, вы ее любите болѣе? съ ироніей замѣтилъ Платонъ Николаевичъ.—Дали клятву любить до гроба, любить одну и никого болѣе?

— Не знаю. Росписки не давалъ, да ее и не требовали; вѣдь росписки нужны только въ такомъ случаѣ, когда сомнѣваются въ отдачѣ долга. Чистыя и святые отношенія никогда не смущаютъ мысль о томъ, что будетъ послѣ.

— Да, да, чистыя и святые отношенія *теперь!* захотать Платонъ Николаевичъ.—А *послѣ*—положи зубы на полку и прислушивайся къ завываніямъ въ своемъ собственномъ пустомъ желудкѣ! Вѣдь дама вашего сердца, вѣроятно, тоже дочь благородныхъ, но бѣдныхъ родителей?

— Я еще ничего не говорилъ о дамѣ своего сердца, промолвилъ Максимъ.—Но кто-бы она ни была—ни ея, ни мое положеніе не станетъ хуже оттого, что мы полюбимъ другъ друга. Бѣдняки или богачи, мы останемся и послѣ нашей любви тѣми-же бѣдняками или тѣми-же богачами. Вопросъ о деньгахъ—совсѣмъ не вопросъ въ дѣлѣ любви.

— А не худо-бы подумать и о немъ: рай въ шалашѣ находится боже-о-боже съ адомъ.

— Для тѣхъ, кто прежде шалаша жилъ въ роскошныхъ хоромахъ.

— Ну, нѣтъ, онъ повеселъ и для тѣхъ, кто жилъ въ шалашѣ и прежде, да жилъ-то безъ ребятишекъ. Нѣтъ, вы попробуйте сойтись съ дочерью благородныхъ, но бѣдныхъ родителей, наживите дѣтей, да тогда и говорите — одинаково-ли жить въ шалашѣ до женитьбы и послѣ женитьбы.

— Вы забываете, что до женитьбы намъ, пожалуй, и легче будетъ удовлетворять свои нужды, за то послѣ женитьбы намъ легче будетъ работать. Басня-то о пучкѣ прутьевъ давно написана.

— Ха, ха, ха! Да развѣ прутья-то бываютъ беременны? захохоталъ Платонъ Николаевичъ. — Легче ему будетъ трудиться вдвоемъ съ беременной женой, съ женой, кормящей ребенка, съ женой, возящейся съ ребятишками!

— Ну, еще когда-то они будутъ, а до тѣхъ поръ, можетъ быть, и удастся кое-какъ устроиться, кое-что скопить на черный день. Впрочемъ, волка бояться—и въ лѣсъ не ходить.

— Трудиться! Копить! засмѣялся Платонъ Николаевичъ. — Да кто васъ училъ трудиться-то, копить-то! Не дядя-ли Александръ Николаевичъ, трудившійся надъ разореніемъ родового имѣнія и копившій деньги въ карманахъ разныхъ нѣмокъ, французенокъ, полекъ, актрисъ и провинціальныхъ барынь? Не мать-ли, трудившаяся надъ раздачею подъ простыня росписки скуднаго капиталца разнымъ разорившимся аферистамъ и копившая деньги въ рукахъ ходатаевъ по ея процесамъ съ несостоятельными должниками? Не отецъ-ли...

— Не поминайте мертвыхъ на праздничномъ пиру, сухо и рѣзко перебилъ его Максимъ. — Это не встаети, да и напрасно. Не эти люди учили насъ копить, не они учили насъ трудиться...

— А кто-же? уже совѣзмъ жолчно спросилъ Платонъ Николаевичъ, доведшій, по обыкновенію, шутку до ссоры. — Не сами-ли открыли Америку и изобрѣли порохъ?

— Гдѣ намъ! усмѣхнулся Максимъ. — Учитель въ этомъ случаѣ бываетъ одинъ у всѣхъ: однихъ училъ онъ холопствовать и лгать, другихъ грабить и убивать, третьихъ нищенствовать и собирать крохи у добрыхъ людей, четвертыхъ работать и копить. Голодъ училъ.

Платонъ Николаевичъ весь побагровѣлъ, услышавъ, что его родной племянникъ смѣетъ публично заявлять о томъ, что онъ голодалъ.

— Голодъ! Нашелъ чѣмъ хвалиться! Скажите пожалуйста!

— Я и не думалъ этимъ хвалиться, холодно перебилъ его Максимъ. — Вы спрашивали, кто училъ меня труду и бережливости, и я отвѣтилъ вамъ: голодъ.

Но Платонъ Николаевичъ уже не слушалъ его и горячился.

— Скажите пожалуйста: голодъ! почти кричалъ онъ, задыхаясь отъ злости. — Голодъ! Мальчишкой выскочилъ изъ корпуса

противъ желанія матери. Перешелъ въ гимназію, набунтовалъ и вылетѣлъ и оттуда. Годы Богъ знаетъ гдѣ билъ баклуши, будто-бы приготовляясь куда-то въ техническій, что-ли, пріютъ или какъ тамъ называются эти входящія въ моду заведенія, — и онъ-же еще жалуется на голодъ. Понятно, что мать не послала ни гроша, нужно было...

— Я и не просилъ, вскользь замѣтилъ Максимъ.

— Не просилъ, не просилъ! передразнилъ его Платонъ Николаевичъ, начиная уже въ запальчивости говорить племяннику: ты. — Да если-бы ты и просилъ, то тебѣ не дали-бы ничего. Ольга ничего не дѣлала безъ моего вѣдома. Ольга понимала, что слабые люди должны слѣдовать совѣтамъ болѣе опытныхъ и болѣе твердыхъ людей. Наше поколѣніе, батюшка, воспитывалось въ страхъ и послушаніи. Мы уважали старшихъ въ семьѣ, мы не плевали на стариковъ, мы не выходили изъ послушанія у отцовъ и матерей, мы не отравляли послѣднихъ дней ихъ жизни...

— Вы напрасно говорите все это, перебилъ его Максимъ: — старыя семейныя отношенія я и самъ хорошо знаю, по крайней мѣрѣ, изъ разсказовъ близкихъ мнѣ людей; мои-же отношенія къ матери касались только меня и ее. Хороши-ли, правильны-ли они были — не знаю, но теперь ихъ не поправить... И вообще, я думаю, что мы собрались сюда не для счетовъ прошлыхъ грѣховъ, хотя это для меня было-бы выгодно, такъ-какъ я здѣсь моложе многихъ и, вѣроятно, успѣлъ менѣе нагрѣшить, чѣмъ тѣ, которые вдвое старше меня...

XIII.

Но Платонъ Николаевичъ уже не слушалъ. Онъ возбудилъ себя и теперь могъ втеченіи цѣлаго дня кипятился, рвать и метать, изливая на всѣхъ свою жолчь. Гости находились въ крайне тягостномъ, натянутомъ положеніи, зная, что хозяинъ высказываетъ всѣ свои упреки такимъ тономъ, какъ-будто онъ лично распекаетъ каждого порознь и всѣхъ вмѣстѣ.

Къ счастью, завтракъ кончился и Платонъ Николаевичъ шумно отодвинулъ отъ стола свое тяжелое кресло. Всѣ поспѣшили разойтись по разнымъ угламъ. Дамы перешли клеветать и сплет-

ничать въ гостиную; мужчины засѣли въ залѣ съ Петромъ Павловичемъ поиграть въ картишки до обѣда; Аделаида Александровна прошла въ свою комнату, отворила окно и подъ теплыми солнечными лучами свернулась, какъ котенокъ, на кушеткѣ; отецъ Иванъ, пошатываясь, побрелъ домой; Данило Павловичъ остался въ столовой допивать захваченную имъ бутылку вина; Аркадій Павловичъ куда-то исчезъ почти въ одно время съ хозяиномъ дома. Максимъ вышелъ на терасу и, кажется, поджидалъ, когда къ нему присоединится Дуня; онъ даже видѣлъ, какъ направилась она въ его сторону, и вдругъ услыхалъ, что ее позвала къ себѣ Софья Павловна.

Максимъ взволновался, желая разгадать, что за идеи внушаетъ его сестра Дуня, но онъ, можетъ быть, взволновался-бы еще болѣе, если-бы слышалъ отъ слова до слова бесѣду этихъ двухъ женщинъ.

При первомъ взглядѣ на Софью Павловну можно было безошибочно сказать, что это сильная, энергичная натура. Высокій ростъ, плотная фигура, твердый голосъ, пронизательный взглядъ, часто сдвигавшіяся густыя брови, морщина между бровями, свидѣтельствовавшая, что онѣ часто хмурятся,—всѣ эти черты, напоминавшія отчасти черты фizioноміи „тетушки Нѣтъ“, ясно говорили о твердой волѣ, о физической и нравственной силѣ. Глядя на это румяное и полное лицо, неносившее на себѣ ни малѣйшаго слѣда дряблости и вялости, вы могли сказать, что эта женщина сумѣетъ достигнуть предполагаемой цѣли. Но вамъ было бы трудно опредѣлять эту цѣль. Сестра Максима была загадочнымъ существомъ. Воспитанная въ семьѣ, гдѣ требованія приличій ставились выше откровенности, гдѣ прежде всего смотрѣли на то, чѣмъ „кажется“ человекъ, а не на то, что онъ „есть“, попавшая рано въ закрытое заведеніе и семью важныхъ родственниковъ, гдѣ часто оскорбляли ея самолюбіе и не допускали ея протестовъ, гдѣ требовали веселаго вида въ самыя тяжелыя минуты душевныхъ печалей,—она привыкла скрывать свой внутренній міръ отъ постороннихъ глазъ и мучилась самолюбивыми стремленіями стать на ровную степенъ съ тѣми, которые оскорбляли ее своимъ невниманіемъ, холодностью или презрѣніемъ. Она когда-то „пала“; но это паденіе не было слѣдствіемъ молодого увлеченія; она просто попробовала поставить на карту свою честь, на-

дѣясь на громадный выигрышъ. Карта была побита. Ей приходилось или быть сказкой города, или сойти со сцены... Но сойти со сцены прямо, просто—это значило-бы, что она хочетъ скрыть свой стыдъ, свой позоръ. Она рѣшилась поселиться у одной изъ своихъ тетокъ въ монастырѣ и возбудить этимъ интересъ къ себѣ: одни видѣли въ ней обманутую жертву оболъщенія, поэтическую Маргариту, надломленную вѣроломствомъ Фауста, другіе видѣли въ ней новую Магдалину, рѣшившуюся подвижничествомъ всей жизни искупить минутный проступокъ. Всѣ ждали, что она пострижется въ монахини, но она все еще почему-то медлила сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ. Во всякомъ случаѣ, она стала возбуждать не презрѣніе, не насмѣшку, а живое участіе. На нее ходили смотрѣть, когда она проходила по монастырской церкви съ опущенными руками, съ потупленными рѣспицами, съ понижшею головой. И эти глаза, и эта голова, и эти руки поднимались только тогда, когда толпа оставалась сзади, и она стояла лицомъ къ лицу передъ святыми изображеніями распятаго Христа, рыдающей Богоматери, вдохновенныхъ пророковъ и апостоловъ, несущихъ міру слова прощенія и любви. Что-бы ни заставило Софью Павловну жить такъ, вѣрно было одно—что годы покаянія сносились ею легко и только укрѣпили ея организмъ. Монастырская жизнь была все-таки правильнѣе, здоровѣе свѣтской жизни и повліяла благотворно на организмъ молодой дѣвушки. Она цвѣла здоровьемъ. Повидимому, она не стремилась въ это время ни къ чему, кромѣ спасенія своей души, но обстоятельства слагались какъ-то такъ, что она выдвигалась впередъ.

Она была хорошо образована и среди по большей части невѣжественныхъ монахинь невольно должна была взяться за писаніе писемъ и дѣловыхъ бумагъ; она прекрасно пѣла и потому ей пришлось поневолѣ обучать хоръ и поражать богомольцевъ своими грудными альтовыми нотами; она знала въ столицѣ многихъ вліятельныхъ особъ и потому волей-неволей принуждена была давать монахинямъ рекомендательныя письма къ нимъ. Такъ мало-по-малу выдвинула ее впередъ судьба, и когда въ одинъ изъ пріѣздовъ въ монастырѣ мѣстнаго архіерея, она, скромно потупивъ глаза, высказала ему свои соображенія насчетъ необходимыхъ реформъ въ монастырѣ, онъ сказалъ:

— Вотъ камень, на которомъ могла-бы создаться благоденствіе сего вертограда!

Дѣйствительно, сдѣлавшись главной помощницей ослѣпнувшей игуменьи, сестра Максима энергично принялась за реформы въ монастырѣ и, несмотря на свои двадцать девять лѣтъ, несмотря на свой моложавый видъ, твердо взяла въ свои руки бразды правленія въ монастырѣ и стала пользоваться уваженіемъ въ обществѣ. Какъ всѣ слишкомъ сильныя и здоровыя личности, она плохо мирилась со старчествомъ: осторожная нерѣшительность, дряхлая неповоротливость, старческая немощность,—все это отталкивало ее, и можно было замѣтить, что подъ ея вліяніемъ монастырь сталъ обогащаться молодыми лицами, молодыми силами, и всѣ эти молодые сердца были преданы ей безгранично, страстно.

Чѣмъ сильнѣе и энергичнѣе натура, тѣмъ шире ея цѣли, тѣмъ грандіознѣе идеалы, тѣмъ чаще она впадаетъ въ крайности, иногда гибельныя для нея самой и ея дѣла. Департаментскій гемороидальный чиновникъ ставитъ своей цѣлью чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и отдыхъ съ тремя тысячами ежегоднаго дохода. Наполеоны I-не, завоеывая полміра, чувствуютъ себя неудовлетворенными и стремятся все далѣе и далѣе, побуда смерть или паденіе не положить имъ преграды. Эта-же сила энергіи и здоровья заставляла сестру Максиму, когда она заглядывала впередъ, не успокаиваться на мысли, что ее ждетъ въ будущемъ почетная одежда монахини, а потомъ, быть можетъ, мѣсто игуменьи. Въ ея головѣ роились тысячи плановъ и комбинацій; сфера монастырской дѣятельности казалась ей уже узка и душна, ее интересовали дѣла того грѣшнаго міра, изъ котораго она должна была такъ неожиданно выйти, и съ каждымъ годомъ она пріобрѣтала все болѣе и болѣе твердую почву въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ семьяхъ, оказывала все болѣе и болѣе вліянія на тѣ или другія отдѣльныя личности.

Однимъ изъ такихъ домовъ долженъ былъ естественнымъ образомъ сдѣлаться домъ Платона Николаевича, какъ близкаго ея родственника, какъ бездѣтнаго богача. Имѣла-ли Софья Павловна какіе-нибудь опредѣленные планы, завоевывая себѣ вліяніе въ этомъ домѣ,—это трудно было сказать навѣрное, но, во всякомъ случаѣ, она считала бесполезнымъ и лестнымъ для сво-

его самолюбія стоять высоко во мнѣніи стараго самодура, нещадившаго никого. Платонъ Николаевичъ, какъ баринъ старыхъ временъ, слывшій нѣкогда волтеріанцемъ, принадлежавшій когда-то къ кутившей и безбожной золотой молодежи столицы, смотрѣлъ вообще свысока на монаховъ, на духовенство, „на семинарское отродье“ и „праздношатающихся разночинцевъ“, какъ онъ называлъ духовныхъ лицъ, но къ племянницѣ готовящейся сдѣлаться монахиней, онъ относился если не съ уваженіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ терпимостью. Онъ видѣлъ въ ней много тѣхъ общихъ родовыхъ чертъ, которыя были и въ его характерѣ, онъ относился съ ненавистью ко многимъ личностямъ, которыя сдѣлали и ей когда-то зло, онъ сознавалъ, что эта женщина была единственною недужною личностью среди молодого поколѣнія ихъ рода.

Но если въ отношеніяхъ Платона Николаевича къ сестрѣ Максима была только терпимость, то въ отношеніи къ ней со стороны Дуни проглядывало совсѣмъ иное чувство—это было чувство обожанія, благоговѣнія, страха огорчить чѣмъ-нибудь двокродную сестру. Дуня родилась именно въ то время, когда ея отецъ окончательно разорился и временно находился въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Платону Николаевичу, уже воспитывавшему старшую дочь Александра Николаевича. На седьмомъ году жизни она лишилась матери и сперва очутилась на рукахъ молодой ключницы изъ крѣпостныхъ, очень близкой къ ея отцу, а потомъ въ домѣ дяди Платона Николаевича, смиловавшагося надъ обнищавшею семьей брата и презрительно допустившаго въ свои палаты племянницу, которую онъ еще не видалъ. Слабое и робкое дитя, слишкомъ внезапно перешедшее отъ нѣжныхъ ласкъ матери къ безсердечнымъ притѣсненіямъ, росло какъ-то странно: потребность любви, потребность ласкъ сказывалась во всѣхъ его поступкахъ. Если смолкалъ визжавшій на дворѣ щенокъ, то можно было навѣрное сказать, что его пригрѣла и успокоила на своей груди маленькая Дуня. Если цыплята и куры портили куртину подъ свномъ дѣтской, то безъ ошибки можно было утверждать, что они собирались сюда вслѣдствіе того, что Дуня не съѣдала ни одного куска хлѣба, не вспомнивъ о нихъ.

Видя, что въ домѣ Платона Николаевича притѣсняютъ маленькаго „волченка“ Максима, можно было впередъ сказать, что его утѣшительницей явится крошечная Дуня. Трудно было вообще

сыскать человѣка, который, приласкавъ Дуню, не нашель-бы у нея отвѣтныхъ ласкъ, — она радовалась каждой ласкѣ, какъ жители туманнаго сѣвера радуются каждому солнечному лучу. Но эта-же потребность отыскивать любовь и ласку, гдѣ только возможно, сдѣлала то, что Дуня выносила сравнительно легко и безмятежно всѣ мелкія притѣсненія, всѣ мелкія невзгоды, такъ-какъ самыя черствыя изъ окружавшихъ ее людей сочувственно относились къ ней, когда ее слишкомъ явно оскорбляли, когда на ея глазенки навертывались невольныя слезы. Такъ шли ея дѣтскіе годы, и Дуня пріобрѣтала различныя клички: „наша Сандрильона“, полупрезрительно говорили про нее дальнія родственницы, провинціальныя барыни въ родѣ Зерновой, и гувернантки; „наша добряшка“, называли ее съ любовью горничныя и слуги; „наша простушка“, снисходительно отзывалась о ней старшая сестра. Только Платонъ Николаевичъ никакъ не отзывался о своей младшей племянницѣ и старался на каждомъ шагѣ дѣлать ей замѣчанія и колкости. За что онъ ее не любилъ? Можетъ быть, за то, что она имѣла несчастіе родиться во время его ссоры съ ея отцомъ? Можетъ быть, за то, что она, слышавшись съ колыбели про грозныя поступки дяди и увидавъ впервые эти хмуро сдвинутыя брови, оробѣла и не рѣшилась броситься въ объятія сжалившагося надъ ея семьей дяди, а такъ-какъ онъ не разсвѣялъ ея страха, то она и осталась навсегда въ почтительномъ разстояніи отъ него, не смѣя приласкаться къ нему, какъ она ласкалась къ другимъ? Можетъ быть, за то, что она никогда явно не протестовала противъ его нападеній, что она молча и терпѣливо выслушивала его замѣчанія, что она глядѣла прямо въ его глаза своими ясными и глубокими глазами, что она не давала ему возможности „навинтиться“, „разсвирѣпѣть“, „расходиться“, а, напротивъ того, обезоруживала его своею кротостью, ясностью, непорочностью, если можно такъ выразиться? Трудно какъ-нибудь отвѣтить на эти вопросы; вѣрно только то, что Платонъ Николаевичъ не могъ равнодушно относиться къ своей младшей племянницѣ и постоянно начиналъ волноваться, сталкиваясь съ нею.

— Не дѣлайте, пожалуйста, изъ себя всегда угнетенной жертвы, кричалъ онъ ей, когда она молча, прямо смотря на него, дослушивала до конца его злыя и ѣдкія замѣчанія.

— Я, дядя, вовсе не считаю себя жертвой, спокойно отвѣчала она. — Я очень благодарна вамъ за ваши замѣчанія.

— Я вамъ повторяю еще разъ, не играйте роли ходячаго нѣмого упрека чужой совѣсти, кричалъ онъ.

— Развѣ я умѣю играть какую-нибудь роль? прямо и откровенно спрашивала она.

Платонъ Николаевичъ въ ярости поворачивался къ ней спиною и бормоталъ:

— Ступайте, я не желаю васъ видѣть!

Эти сцены повторялись часто и ихъ было довольно для того, чтобы молодая дѣвушка осталась одною среди всего народа, наполнявшаго домъ Платона Николаевича.

Правда, ее любила прислуга, но эта прислуга боялась выражать слишкомъ явно свою любовь къ ненавидимой „самимъ“ личности. Ее не могли ни въ чемъ обвинить прихлебатели и знакомые ее дяди, но они мало интересовались „Сандрильоной“, зная, что выгоднѣе для нихъ группироваться около ея старшей сестры, любимицы хозяина. Старшая сестра, этотъ „котенокъ“, „кошечка“, „виска“, какъ звали ее окружающіе, цѣловала и ласкала нерѣдко младшую сестру, но это были ласки котенка, который, ласкаясь, нерѣдко могъ и опарпать, который ласкался только къ тѣмъ, кто съ нимъ играетъ, кто его забавляетъ. Старшая сестра Дуни, дѣйствительно, походила на избалованнаго котенка; у нея была та-же страсть понѣжиться, свернуться клубочкомъ, та-же кокетливость, то-же стремленіе помурлыкать себѣ подъ носъ пѣсенку, пригрѣться на солнышкѣ. Когда она утромъ въ своей дѣвической спальнѣ потягивалась, ея стройное, бѣлое тѣло принимало всѣ оттѣнки кошачьей граціи. Когда она зимою, стоя на мягкомъ коврѣ, спускала передъ большимъ трюмо свои одежды, готовясь опуститься въ бѣлую мраморную ванну, она засматривалась на свои руки, на свою грудь, какъ засматривается котенокъ на свои лапки, вылизывая съ нихъ малѣйшія пятнушки. Но трудно было-бы найти въ характерѣ этой красавицы хотя одну черту, говорившую, что она любитъ кого-нибудь и что-нибудь, кромѣ себя. Она такъ привыкла, что всѣ окружающіе жили для нее и ею, что мысль о другихъ отношеніяхъ людей къ ней не могла придти ей въ голову. Вслѣдствіе этого она могла только позволить Дунѣ любить себя и не дѣлала ни шагу, что-

бы укрѣпить эту любовь. Но стоять въ такомъ одиночествѣ въ лучшіе годы жизни невыносимо: сначала у Дуни еще былъ одинъ человѣкъ, который для нея замѣнялъ всѣхъ,—это былъ Максимъ,—но настали годы, когда ей пришлось лишиться и его. Сначала она хотѣла переписываться съ нимъ, но первое-же его письмо къ ней по обыкновенію распечаталось Платономъ Николаевичемъ, считавшимъ неприличной безконтрольную переписку его племянницъ съ кѣмъ-бы то ни было, и вызвало цѣлую бурю. Переписка оборвалась въ самомъ началѣ, оборвалась такъ, что Дуня даже не прочла письма Максима, не узнала его адреса. Одиночество сдѣлалось полнымъ.

Среди этого одиночества явилась у молодой дѣвушки спасительницей отъ гнетущей тоски, отъ отчаянья, отъ озлобленія, одна ея старая подруга. Эта подруга была молитва.

Когда-то, въ годы ранняго дѣтства, мать научила ее лепетать эти слова смиренія, покорности, всепрощенія, надежды; когда-то, въ тѣ-же годы дѣтства, она видѣла, какъ рыдающая мать становилась на колѣни передъ образами, озаренными горящей лампадой, рыдала все тише и тише и, наконецъ, подымалась съ ясной улыбкой, съ блаженнымъ спокойствіемъ на лицѣ. Съ тѣхъ поръ молитва сдѣлалась для молодой дѣвушки тѣмъ-же, чѣмъ дѣлаются ученныя занятія въ тиши уединеннаго кабинета для ученаго, тѣмъ-же, чѣмъ дѣлается музыка для музыканта, живопись для живописца,—отдыхомъ отъ житейскихъ бурь и волненій, успокоеніемъ отъ сомнѣній и опасеній, освобожденіемъ отъ страха передъ будущимъ. Какъ гений, создавая великое произведеніе, забываетъ весь остальной міръ и видитъ, осязаетъ создаваемыхъ имъ людей, воспроизводимыя имъ сцены, такъ она, шепча слова молитвы, все дальше и дальше уносилась отъ окружающихъ ее лицъ и мало-по-малу начинала видѣть тотъ ясный міръ, гдѣ все было полно свѣта и блеска, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни вражды, гдѣ въ бѣлоснѣжной одеждѣ являлись предъ нею полныя красоты и любви лица. Она улыбалась въ эти минуты вдохновеннаго восторга, она плакала сладкими слезами, она ощущала что-то въ родѣ духовнаго сладострастія и была готова послать благословеніе всему міру, всему живому.

Отъ проникательныхъ глазъ Софьи Павловны не укрывалась ни одна мелочь въ жизни и характерѣ тѣхъ людей, съ которыми

она почему-нибудь считала нужнымъ сближаться. Какъ человекъ, больше слушавшій, чѣмъ говорившій, она могла и умѣла наблюдать. Не укрылись отъ нея и всѣ мелочи семейныхъ спенъ и характеристическихъ чертъ отдѣльныхъ личностей въ домѣ Платона Николаевича. Но наблюдая по обыкновенію равнодушно и спокойно за всѣми перипетіями этой домашней жизни, Софья Павловна, съ первыхъ-же посѣщеній этого дома, не могла равнодушно и спокойно отнестись къ Дунѣ. Ее поразила дѣвственно-чистая красота молодой дѣвушки.

„Какъ-бы ахнули они, если-бы она появилась на ихъ балахъ!“ думала Софья Павловна, вспоминая о брошенномъ ею „свѣтѣ“.

И она всматривалась, какъ художникъ, въ каждую черту, въ каждый поворотъ этой фигуры, граціозно склонившейся надъ пальцами. Молодая дѣвушка инстинктивно чувствовала на себѣ этотъ взглядъ и поднимала свои ясные, глубокіе, темно-голубые глаза. Софья Павловна привѣтливо улыбалась ей и, привлекая ее къ себѣ, прижимала губы къ ея лбу. Молодая дѣвушка вся краснѣла отъ неожиданной ласки.

„И выйдетъ замужъ, Богъ знаетъ за кого, опустится, погрязнетъ въ житейской тинѣ“, думала сестра Максима.

И снова ея глаза впивались въ это неотразимо влекущее къ себѣ, чистое лицо.

— Брось свою вышивку, прочти мнѣ что-нибудь, обращалась она къ молодой дѣвушкѣ. Та брала книгу и читала.

Звучный, грудной голосъ, отчетливый выговоръ, оживленіе фizioноміи при чтеніи, — все это опять обольщало Софью Павловну и она думала:

„Если-бы такъ читали въ церкви, при народѣ, всѣ замерли-бы, затаили-бы дыханіе“.

Въ первые пріѣзды къ дядѣ Софьѣ Павловнѣ пришлось ночевать въ одной комнатѣ съ Дуней. Софья Павловна легла ранѣе молодой дѣвушки и въ полумракѣ слѣдила за нею. Та погасила свѣчу и прошла въ уголъ, гдѣ ярко горѣла передъ образами лампада. Она стала на колѣни и начала молиться. Одѣтая въ бѣлое, съ падавшими по бѣлоснѣжнымъ плечамъ тяжелыми косами, склонившая колѣни, поднимая ясное лицо къ образамъ, устремившая на нихъ безгрѣшные взоры, эта дѣвушка, озаренная во мракѣ лампаднымъ свѣтомъ, казалась какимъ-то незем-

нымъ видѣніемъ. Софья Павловна не спускала съ нея глазъ и въ ея головѣ мелькала мысль:

„Она дожила до того возраста, когда страсть заставитъ ее броситься въ первыя раскрывшіяся передъ нею объятія. Да, она жаждетъ любви, и одной любви. Она только не сознаетъ причины этихъ восторженныхъ обращеній въ Богу. Какъ легко ее погубить первому встрѣчному негодяю!“

Въ воскресный день вся семья стояла въ церкви и Дуня молилась безъ того восторга, съ которымъ она совершала молитву въ своей комнатѣ, но за то теперь ея лицо дышало всею прелестью внутренняго безмятежнаго спокойствія.

„Одѣть-бы ее всю въ черное, поставить на клиросъ выше толпы, думала Софья Павловна, — сколько людей пришло-бы смотрѣть на нее и на ея безмолвную молитву! Вотъ заботишься объ украшеніи монастырскаго храма, а что значать всѣ серебряныя лампы, всѣ красивыя картины передъ этимъ живымъ образомъ непорочной вѣры? А что, если...“

Она сдвигала брови и задумывалась.

— Тебѣ-бы только въ монастырь поступить, замѣчала она дома, сидя вдвоемъ съ Дуней.

Дуня вздрогнула. Съ понятіемъ о монастырѣ въ ея умѣ связывалось представленіе о чемъ-то мрачномъ, объ отреченіи отъ міра, о погребеніи себя за-живо.

— Что съ тобой? спросила Софья Павловна.

— Нѣтъ, я никогда, кажется, не пошла-бы въ монастырь, проговорила молодая дѣвушка.

— Отчего? спросила Софья Павловна.

— Я слишкомъ привязана къ жизни, къ людямъ.

— Я тебя не понимаю, замѣтила Софья Павловна.—Ты любишь жизнь, ты любишь людей, но развѣ это мѣшаетъ быть монахиней?

— Да, но вступая въ монастырь, нужно дать обѣтъ отреченія отъ всего этого, проговорила Дуня.

— Ты ошибаешься, дитя! спокойно возразила сестра Максима.—Не отъ жизни, не отъ людей, не отъ міра нужно отречься, вступая въ монастырь, а отъ грѣховъ жизни отъ грѣховъ людей, отъ грѣховъ міра. Вступая въ монастырь, нужно смыть съ себя всѣ пятна, убить въ себѣ стараго человѣка и

воскреснуть новымъ человѣкомъ, который привязанъ всею душою не къ одному какому-нибудь близкому существу, а ко всѣмъ, потому что всѣ и каждый ему братья и сестры.

Софья Павловна положила свою мягкую, бѣлую руку на граціозную руку молодой дѣвушки и пристально взглянула на нее ласковымъ взглядомъ.

— Теперь ты въ сущности боишься, не смѣешь любить людей, заговорила она снова. — Ты просто по обязанности должна быть любезною съ равными тебѣ, и не смѣешь приголубить того, кто стоитъ гораздо ниже тебя. Ты почти не видишь равныхъ себѣ, которымъ ты могла-бы отдать свою любовь беззавѣтно, такъ-какъ около тебя находятся или высшіе, которые только иногда *позволяютъ любить себя*, или низшіе, которыхъ *любить тебѣ не позволяютъ*. Только въ монастырѣ, сбрасывая съ себя плотского человѣка, переставая быть мірскимъ человѣкомъ, ты сдѣлаешься равною со всѣми и можешь одинаково любить всѣхъ и каждого изъ алчущихъ и жаждущихъ любви.

Софья Павловна помолчала съ минуту и продолжала снова:

— Ты говоришь, что ты любишь людей, жизнь, міръ. Но любовь доказывается не словами, а дѣлами. Чѣмъ-же ты доказала эту любовь? Что ты сдѣлала для жизни, людей и міра? Что ты могла для нихъ сдѣлать? Ты подневольный человѣкъ, ты дѣлаешь то, что тебѣ велятъ. И въ будущемъ, останешься-ли ты здѣсь или выйдешь замужъ, ты будешь дѣлать только то, что заставятъ тебя дѣлать дядя, мужъ, условія семейной жизни. Женщина въ мірѣ — игрушка въ рукахъ мужчинъ, въ рукахъ сильныхъ; женщина въ монастырѣ — свободный человѣкъ. Въ мірѣ ты будешь работать, дѣйствовать только для себя; въ монастырѣ ты можешь трудиться на пользу людей. Когда ты говорила, что любишь міръ, жизнь и людей, ты говорила пустыя слова, глупыя фразы. *Покуда* ты просто любишь наслажденія жизнью и одну себя, вотъ почему тебя такъ испугалъ подвигъ служенія міру.

Молодая дѣвушка опустила голову, у нея на глазахъ блеснули слезы. Впервые она слышала, что она, готовая броситься на-встрѣчу каждому страждущему и угнетенному, не любить людей, любить только одну себя. Впервые ей прямо сказали, что она не принесла и не принесетъ никому никакой пользы. У нея защемило

сердце, ей хотѣлось плакать. Софья Павловна зорко слѣдила за нею и тихо проговорила:

— Бѣдное мое дитя!

Молодая дѣвушка подняла грустное лицо: на нее смотрѣли съ невыразимой лаской глаза сестры, передъ нею были открыты ласковыя объятія. Она бросилась къ сестрѣ на грудь и зарыдала. Софья Павловна покрывала подѣлуями ея лицо...

— Не вините меня... не упрекайте... я такая слабая... неумѣлая, шептала молодая дѣвушка.

Софья Павловна не могла оторвать глазъ отъ этого полного жизни, чуднаго и въ минуту горя лица. Она уже не впервые видѣла подобныя порывы молодого отчаянья за свою негодность, за свое неумѣнье приносить пользу человѣчеству, любить людей. Дуня была не первая, испытывшая вліяніе Софьи Павловны, вербовавшей новый составъ монахинь въ свой монастырь. Съ этого дня Софья Павловна не говорила болѣе Дуни о поступленіи въ монастырь. Она только сдѣлала ее повѣренною своихъ тайныхъ стремленій и цѣлей.

— Монастыри въ послѣдніе вѣка утратили свое первоначальное значеніе, говорила она молодой дѣвушкѣ. — Въ былые дни монастыри были хранителями знаній, расадникомъ просвѣщенія для невѣжественныхъ лицъ, прибѣжищемъ для стариковъ и сиротъ, для угнетенныхъ и страждущихъ. Тогда монашествующая братія спасала свою душу подвигами любви и служенія скорбящему міру. Тогда монахами дѣлались выдающіеся люди. Мало-помалу монастыри приняли простой характеръ отчужденныхъ отъ всего живого домовъ молитвы, забывъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Потерявъ свое истинное значеніе, они въ то-же время потеряли и лучшихъ своихъ слугъ... Теперь наступаетъ великое время реформы и для этой жизни. Благо тѣмъ, которые явятся первыми глашатаями новаго склада монастырской жизни. Эти люди будутъ апостолами нашего времени. Конечно, имъ будетъ трудно бороться, на подвигъ имъ нужно будетъ посвятить себя всецѣло, но у нихъ, и только у нихъ, будетъ вѣчно сознаніе въ душѣ, что они исполнили заповѣдь Бога: возлюби ближняго, какъ самаго себя...

Дуня задумывалась.

— Какъ посмотрю я на народъ, такъ сердце обливается

кровью, говорила въ другой разъ Софья Павловна. — Невѣжественъ онъ, нѣтъ у него учителей, а въ монастыряхъ живутъ сотни праздныхъ людей, которые могли-бы въ годъ обучить сотни тысячъ крестьянскихъ дѣтей. Нѣтъ у народа врачей и лекарьствъ, а между тѣмъ въ монастырѣ такъ легко обучиться началамъ медицины и завести домашнія аптеки, основать больницы и общины сестеръ милосердія. Все это можно-бы устроить и снять хотя часть бремени съ народныхъ плечъ, да гдѣ взять энергичныхъ людей? Каждый думаетъ только о своемъ благѣ, о своемъ спокойствіи.

Дуня краснѣла до ушей, сознавая въ душѣ, что и она думаетъ только о самой себѣ. А Софья Павловна пріѣзжала снова, пріѣзжала съ сіяющимъ лицомъ.

— Слава-богу, слава-богу, говорила она Дуни; — кое-что начинается обѣщать лучшее будущее, планы у меня разные созрѣваютъ въ головѣ. Авось не даромъ проживу на свѣтѣ. Теперь только людей честныхъ и любящихъ побольше подобрать, средства матеріальныя увеличить, а тамъ первый камень будетъ положенъ и зданіе выростетъ быстро... Да что это я, впрочемъ, надобѣдаю тебѣ своими надеждами! вдругъ обрывала она свою рѣчь. — Вѣдь это меня только такъ интересуешь и волнуешь, а у тебя другая жизнь, другіе интересы.

— О, зачѣмъ вы такъ дурно думаете обо мнѣ! восклицала Дуня, скрывая пылающее лицо на ея груди.

Софья Павловна нѣжно ласкала этого ребенка.

„Искры, одной искры недостаетъ, чтобы вспыхнулъ этотъ порохъ страсти, думала она, — и тогда уже не видать ее монастырскимъ стѣнамъ. О, если-бы я была женщиной, пошла-бы она за мною теперь, да не въ монастырь, а на край свѣта, въ Сибирь пошла-бы“.

А молодая дѣвушка терзалась и мучилась безысходными думами. Сперва она наслаждалась полнымъ душевнымъ миромъ, теперь ее терзали сомнѣнія: она находила въ себѣ тысячи недостатковъ, упрекала себя за эгоизмъ, за неспособность къ движу, за отсутствіе дѣятельной любви къ людямъ, за стремленіе къ покою, за праздность. Въ былые дни она со слезами становилась на молитву, послѣ вынесенныхъ обидъ, и мало-по-малу успокоивалась и доходила до того безмятежнаго восторга, кото-

рѣй охватывалъ все ея существо; теперь она начинала молиться, съ сухими глазами порывисто твердила: „научи меня, Господи! дай мнѣ силы на подвигъ! смягчи мое черствое сердце!“ — и, не находя отвѣта на свои мольбы, рыдала, истерически рыдала, нервно оборвавъ молитву на полусловѣ, бросалась на постель и скрывала плающее лицо въ подушкахъ.

Отъ Софьи Павловны не скрывалось ничего; она видѣла, какъ мучительно совершается переломъ въ этомъ молодомъ существѣ, и наканунѣ дня рожденія Платона Николаевича уже говорила мысленно:

„Побѣда близка!“

И вдругъ подъ вечеръ прїѣзжаетъ изъ Чистополя Александръ Николаевичъ и говорить:

— А знаешь, Eudoxie, кто у насъ завтра будетъ?

— Не знаю, отвѣчаетъ Дуня.

— Нѣтъ, ты угадай! Гость для тебя интересный, настаиваетъ отецъ.

— Право, не могу угадать, рара, отвѣчаетъ дочь.

— Максимъ Павловичъ Муратовъ, торжественно объявляетъ отецъ.

Дуня порывисто поднялась съ мѣста.

— Максимъ?.. Онъ живъ?.. Здѣсь?.. почти задыхаясь отъ волненія, проговорила она, и вся зарумянилась, смущенная своею собственною радостью.

Софья Павловна, сдвинувъ брови, слѣдила за ней.

XIV.

Въ день рожденія Платона Николаевича братья Муратовы прїѣхали въ ольховскую церковь, когда обѣдня уже началась. Дуня, каждый разъ оглядывавшаяся назадъ, когда отворялись входныя двери, была поражена отсутствіемъ Максима. Первымъ ея вопросомъ, тихо обращеннымъ къ одному изъ братьевъ, было:

— А Максимъ?

— Онъ прошелъ на могилу матери, послышалось ей въ отвѣтъ.

Она покраснѣла и въ ея головѣ промелькнула мысль:

„Какъ это хорошо. Мы встрѣтимся безъ свидѣтелей“.

Черезъ пять минутъ ея уже не было въ церкви.

Софья Павловна все это видѣла, все поняла. Изъ ея рукъ ускользала та, которую съ такимъ трудомъ она влекла на новый путь. Нужно было дѣйствовать быстро и энергично, въ противномъ случаѣ сегодня ускользнетъ у нея эта избранница, завтра другая. Для того, чтобы достигнуть той или другой цѣли, нужно идти на-проломъ, не дѣлая уступокъ, не пренебрегая мелочами. Но въ то-же время бываютъ минуты, когда самый смѣлый дѣятель долженъ дѣйствовать осторожно, осмотрительно. Теперь настаивала такая минута для Софьи Павловны: не должно показывать, что ее тревожитъ пріѣздъ Максима, не слѣдуетъ придавать значенія его пріѣзду въ глазахъ Дуни, нужно продолжать атаку въ прежнемъ тонѣ, но необходимо слѣдить за Дуней во время пребыванія здѣсь Максима и устроить свадьбу Адели съ которымъ-нибудь изъ братьевъ.

Но за котораго пойдетъ Адель? За Данилу? Онъ влюбленъ въ нее, или дѣлаетъ видъ, что влюбленъ? Но за него не отдастъ ее Платонъ Николаевичъ. За Петра? Но, кажется, Петръ не дѣлаетъ попытокъ посвататься за нее. За Аркадія? Онъ, кажется, понимаетъ выгодность этой женитьбы и за него отдастъ ее Платонъ Николаевичъ. Но какъ-же начать разговоръ съ нимъ о свадьбѣ, когда онъ еще никому не заявлялъ о своемъ намѣреніи жениться? Софья Павловна молчаливо соображала все это за завтракомъ, наблюдая за окружающими; наконецъ, завтракъ кончился; она встала и пошла въ свою комнату.

— Вотъ и женихъ Дуни пріѣхалъ, мелькомъ замѣтила она Аркадію Павловичу. — Хорошо, что никто изъ васъ не вздумалъ жениться на Адели, а то бѣдному Максиму пришлось-бы отказаться отъ своей старой любви или долго хлопотать о разрѣшеніи жениться...

Она прошла, не дожидаясь отвѣта, не взглянувъ на выраженіе лица Аркадія Павловича, и, обернувшись съ порога, позвала:

— Eudoxie, не считаешь-ли ты мнѣ Евангеліе?

Дуни послѣдовала за ней.

— Славнымъ малымъ кажется нашъ Максимъ, проговорила Софья Павловна, подходя къ раскрытому окну своей комнаты и опуская бѣлую стору, чтобы защититься отъ лучей солнца.

— Да, онъ такой бодрый, энергичный, съ оживленіемъ отвѣ-

тила Дуня. — А мнѣ показалось, что онъ вамъ не понравился. Вы такъ холодно встрѣтили его.

— Ты знаешь, что для меня не существуетъ теперь родства по плоти, отвѣтила Софья Павловна, — а къ постороннему человѣку не могу-же я броситься въ объятія при первой встрѣчѣ. Но теперь, приглядѣвшись къ нему, я готова для него сдѣлать все, что могло-бы принести ему пользу.

Она взяла Евангеліе и начала перелистывать страницы.

— Теперь нужны обществу такіе бодрые люди, задумчиво говорила она. — Жаль только, если его силы и энергія пропадутъ даромъ, растратятся на мелочи.

— О, я увѣрена, что онъ постарается сдѣлать что-нибудь полезное, хорошее, проговорила Дуня.

— Ну, дитя, этого нельзя сказать навѣрное. Увлечется, женится, тогда и погрязнетъ въ мелочныхъ интересахъ семьи.

Дуня покраснѣла.

— Развѣ женитба должна непременно погубить человѣка? тихо спросила она.

— Конечно. Свободный человѣкъ можетъ жить для общества, для людей; женатый живетъ для своей жены, для своихъ дѣтей. Женится онъ, тогда ему будетъ не до общественныхъ дѣлъ, а до устройства своего гнѣзда. Оно, конечно, правда, что отчего-же и не свивать своего гнѣзда, да время-то теперь не такое, чтобы тратить силы на витѣ своихъ гнѣздъ. Обществу теперь нужны силы, нужны граждане.

Дуня задумалась.

— Но отчего-же не предположить, что онъ выберетъ себѣ такую жену, которая явится не преградой, а помощницею ему въ общественной дѣятельности? проговорила она.

Софья Павловна усмѣхнулась.

— Ты совѣмъ еще дитя! ласково потрепала она ее по рукамъ. — Общественная дѣятельность — это борьба съ преградами, это подвигъ самоотреченія, это принесеніе въ жертву другимъ своихъ интересовъ. Все это очень трудно человѣку исполнить даже тогда, когда онъ ставитъ на карту одно свое благо, одну свою жизнь. Но это дѣлается почти невозможнымъ, когда человѣку приходится рисковать не только собою, а еще и другимъ, любимымъ имъ, существомъ. Онъ постоянно думаетъ: „какое право я

ниѣмъ губить счастье, ставить на карту интересы близкаго ниѣмъ человѣка?“ — и дѣлается трусливымъ, отстраняется отъ исполненія трудныхъ задачъ общественной дѣятельности.

— Да у него и не можетъ явиться этого вопроса, когда любимое ниѣмъ существо само подталкиваетъ его на опасный и трудный путь, живо возразила Дуня.

Софья Павловна вздохнула.

— Ты говоришь объ идеальной женѣ-подругѣ, замѣтила она. — Но ты забыла о дѣтяхъ. Ими, ихъ судьбой не имѣешь права играть честный человѣкъ, ради нихъ дѣлается трусихой самая смѣлая мать... Да, впрочемъ, что мы говоримъ о пустякахъ! Вѣдь сколько-бы мы ни толковали, а ни одна невѣста не откажется, если Максимъ предложитъ ей руку. Что ей будетъ за дѣло до того, что выйдетъ изъ него послѣ женитьбы? Вся ея цѣль будетъ заключаться только въ томъ, чтобы привязать неразрывными узами къ своей юбкѣ любимаго человѣка. Иначе у насъ люди не умѣютъ любить, иначе у насъ не понимаютъ любви...

Софья Павловна тихо махнула рукой.

Дуня опустила голову и сидѣла молча. Софья Павловна говорила еще что-то, но молодая дѣвушка не слыхала ни слова изъ ея рѣчей. Ее давили тяжелыя думы.

— А знаете-ли вы, вдругъ заговорила она, прямо взглянувъ въ лицо своей родственницы, — что я еще вчера вечеромъ, сегодня ночью вспоминала годы своего дѣтства, свои дѣтскія грезны, и мечтала...

Она остановилась, чтобы перевести духъ.

— О чемъ-же это ты мечтала, дитя? съ ласковой улыбкой спросила Софья Павловна, взявъ ея руку.

— Мечтала сдѣлаться женою Максима, проговорила упавшимъ голосомъ Дуня.

— Какъ это тебѣ пришло въ голову? удивилась Софья Павловна. — Ты вѣдь почти не знаешь его. Ты его увидѣла сегодня впервые послѣ долгой разлуки.

— Да, но я любила его всегда, отвѣтила Дуня. — Онъ послѣ моей матери былъ самымъ дорогимъ для меня существомъ въ годы дѣтства. Меня звали его невѣстою... Мы съ нимъ часто строили планы, какъ мы будемъ мужемъ и женою...

— Ребяческія мечты!

— Да, ребяческія мечты, отъ которыхъ я отказалась потомъ, думая, что онъ забылъ меня, что онъ даже умеръ... Но вчера, когда отецъ сказалъ о его прїѣздѣ, онъ снова воскресли во мнѣ... Сегодня, когда онъ такъ радостно бросился ко мнѣ, мнѣ показалося...

— Вотъ я никакъ не могла-бы подумать, что ты рѣшишьса нанести еще этотъ послѣдній ударъ своему несчастному отцу, задумчиво проговорила Софья Павловна.

Дуня широко открыла глаза.

— Послѣдній ударъ отцу? переспросила она съ недоумѣніемъ.— Но развѣ вы думаете, что отецъ не согласился-бы на мой бракъ?

— Дитя, дитя! Твой отецъ такъ добродушенъ, что согласится на все, чего пожелаешь ты, чего пожелаетъ твоя сестра.

— Такъ что-же?

— Но ты забыла, что отецъ твой нищій, что онъ живетъ, покуда кормитъ его дядя Платонъ. Дядя-же Платонъ не любитъ Максима и, кромѣ того, имѣетъ намѣреніе выдать Адель за одного изъ вашихъ кузеновъ, чтобы оставить свое имѣніе въ родныхъ рукахъ. Твой бракъ разрушилъ-бы эти планы и, конечно, дядя Платонъ лишилъ-бы за это твоего отца, а можетъ быть, и твою сестру, своего покровительства. Ты знаешь дядю Платона.

Дуня опустила голову.

— Конечно, твой отецъ старъ, ему недолго пришлось-бы терпѣть нужду; Адель, можетъ быть, пристроилась-бы какъ-нибудь... Но вѣдь у твоего отца есть еще побочная семья, которую онъ поддерживаетъ только подавнїями дяди Платона. Пришлось-бы отнять кусокъ хлѣба и у нея... Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь... Ты знаешь, что я боюсь быть непрошеною совѣтницею въ чужихъ дѣлахъ...

— Да развѣ вы можете быть непрошеною совѣтницею для меня! порывисто, съ страстнымъ укоромъ воскликнула Дуня.— Развѣ вы не видите, что я вамъ открываю всю свою душу, что вы можете читать въ ней, какъ въ открытой книгѣ!

Въ глазахъ Софьи Павловны блеснули, какъ молнія, какой-то огонекъ, потому что они приняли мягкое, ласкающее выраженіе. Она привлекла къ себѣ молодую дѣвушку, подняла ея голову, взгля-

нула ей прямо въ глаза, и, прильнувъ къ ея губамъ долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ, прошептала:

— Несравненная, дорогая моя!..

XV.

Максимъ-же все еще стоялъ на терасѣ, облокотившись на перила, и какъ-то безцѣльно смотрѣлъ на садъ, раскинувшійся передъ его глазами.

Онъ былъ взволнованъ, возмущенъ всѣми сценами, всѣми встрѣчами послѣднихъ двухъ дней, и хмурился теперь, смотря на эти знакомыя ему алей, клумбы и группы деревьевъ. Это были тѣ липы, березы и дубы, подъ которыми онъ проводилъ самые скорбные дни своего дѣтства, поминутно ожидая, что ему велятъ не шалить, прикажутъ поцѣловать руку у дяди Платона Николаевича. Ему вспомнилось, какъ онъ, еще ребенкомъ, давалъ горячіе обѣты никогда не заглядывать сюда, когда вырастетъ большимъ.

„Не сдержалъ обѣта, думалъ онъ,—и вотъ теперь придется пережить северный день, придется смотрѣть опять на эти ненавистныя лица, слушать обидныя и грубыя рѣчи. И что меня тянуло сюда? Чего я искалъ здѣсь? Встрѣчи-ли съ Дуней? Да, мнѣ хотѣлось видѣть ее. Для нея я готовъ на все, на все! А она?.. Достанетъ-ли у нея силъ выйти побѣдительницей изъ этой каторги?“

Онъ задумался и вздрогнулъ, почувствовавъ, что кто-то дружески обнялъ его за талю.

— Мечтаешь? слышался голосъ Александра Николаевича.— Влюбленный!.. Пройдемся по саду.

Александръ Николаевичъ взялъ подъ руку племянника и увлекъ его въ тѣнистыя алей сада.

— Молодець, молодець, Максимъ! Какъ ты отбрилъ его! шумно восхищался Александръ Николаевичъ.—Такъ и надо, и по-дѣломъ! Передъ старикомъ всѣ холопствуютъ, всѣ лгутъ, ну-жно-же когда-нибудь ему слышать и правду. Это необходимо... Вотъ и я тоже,—ты вѣдь знаешь, я не люблю потакать,—я тоже при каждомъ удобномъ случаѣ обрываю его. Да это и по-

ложительно необходимо, особенно въ моемъ положеніи... Ты знаешь, я теперь завишу отъ него, и стоитъ только начать ему спускать, чтобы онъ съѣлъ, такъ-сказать, на шею да и поѣхалъ.

— Да что вы его совсѣмъ не бросите? спросилъ Максимъ. — Вѣхали-бы въ Петербургъ, поступили-бы на службу. Взяли-бы Дуню...

— А! У меня, братецъ, уже есть на это планы! горячо заговорилъ Александръ Николаевичъ. — Вдругъ такъ съ бухты-барахты нельзя. Надо все обдумать, все подготовить... Я, знаешь-ли, началъ онъ тихо и таинственно, — хочу соорудить газету...

— Газету? изумился Максимъ.

— Да, газету, таинственно произнесъ Александръ Николаевичъ. — Да вѣдь какую газету-то! Форматъ равный „Times'у“, выходить будетъ ежедневно, не исключая никакихъ праздниковъ, во всѣхъ губернскихъ городахъ будутъ устроены отдѣленія для приѣма статей, для принятія „сообщеній“, для передачи телеграфическихъ депешъ. Ты только разсуди то: теперь у насъ въ ходу „Московскія Вѣдомости“, отчасти „Петербургскія“. Эти газеты далеко не исполняютъ своего назначенія и не удовлетворяютъ провинцію. Читая ихъ, ты сразу видишь, что эти газеты составляются кабинетными людьми, что онѣ дышатъ воздухомъ Москвы и Петербурга, смотрятъ на провинцію, какъ на нѣчто второстепенное, на нѣчто получающее и свою жизнь, и свой свѣтъ отъ Петербурга и Москвы. Это ошибка, это громадная ошибка! Этотъ взглядъ былъ совершенно естественнымъ, когда не было ни Маколеевъ, ни Боклей, ни Дарвиновъ, ни Фогтовъ, когда историки при давали значеніе не народной силѣ, а сраженіямъ, смѣнѣ королей, когда медики лечили мѣстныя болѣзни организма, не подозрѣвая великаго значенія общей гигиены, когда астрономы видѣли въ землѣ какой-то центръ міровой системы, для котораго и солнце создано, и звѣзды свѣтятъ!.. Теперь эти взгляды убиты окончательно. Теперь каждый гимназистъ знаетъ, что человѣкъ не міровой повелитель, а существо, на которое вліяетъ каждая инфузорія, каждый болотистый клочекъ земли; теперь ни для кого не тайна и то, что провинція можетъ существовать безъ столицы, но столица не можетъ существовать безъ провинціи. Вотъ въ этомъ-то духѣ намъ нужна теперь газета!.. Пожалуй, въ ней могутъ быть и свѣденія о петербургскихъ театрахъ, о литерату-

рѣ, о мелкихъ событіяхъ столичной жизни, но только въ той степени, въ какой эти явленія отзываются на провинціи, въ какой степени провинція платится за нихъ. Провинціи нѣтъ дѣла, какъ тамъ пѣла Бозіо или какъ осипъ Маріо,—ей нужно знать, что ей стѣять неизвѣстныя ей Бозіо и Маріо. Провинціи нѣтъ дѣла, что два какіе-то литератора ненавидятъ другъ друга и ругаются между собою въ журналѣ. Ей нужно только знать, приносятъ-ли какую-нибудь пользу эти два литератора Россіи помимо своихъ личныхъ перебранокъ... Вотъ программа газеты! Дворянское и народное самоуправленіе, Петербургъ и Москва, какъ первые слуги, первые исполнители воли провинціи,—это направленіе и сущность газеты. Конечно, для исполненія этой задачи нужно имѣть прямыя сношенія съ провинціальными центрами, нужно, чтобы въ провинціальныя бюро принимались не только статьи, описывающія провинціальную жизнь, но и были-бы люди, которые могли-бы записывать кратко, но полно, приносимыя имъ изустныя сообщенія. Теперь въ газетахъ поднимается шумъ, когда какой-нибудь случайный корреспондентъ описываетъ положеніе народа на той или другой фабрикѣ, на томъ или другомъ двадцатипятиверстномъ участкѣ желѣзной дороги. Прислушиваясь къ этому шуму, читатель думаетъ, что этотъ случай есть нѣчто выходящее изъ ряду вонъ. Но развѣ это такъ? При моей системѣ веденія газеты будетъ ясно не положеніе какихъ-нибудь десяти Ивановъ и Андреевъ, но всей массы нашего населенія. При этой системѣ ты будешь слѣдить изо дня въ день за жизнью всей Россіи, а не за жизнью только того уголка, куда случайно попалъ какой-нибудь газетный корреспондентъ. У меня будутъ говорить не отдѣльныя лица, не отдѣльные писатели, а сама Россія, видящая въ газетѣ не какого-нибудь вѣстника новостей, а открытую записную книгу, куда каждый будетъ заносить свои жалобы, свои надежды, свои требованія.

Александръ Николаевичъ крѣпко схватилъ Максима за руку.

— Ты понимаешь, у меня духъ захватываетъ, когда я думаю о всемъ величіи этой задачи! Конечно, ты знаешь, что я могу ее исполнить только потому, что у меня вѣдь вездѣ связи, знакомства. Трудно сыскать такой уголокъ, гдѣ-бы я не побывалъ, гдѣ-бы не оставилъ памяти. Вѣдь я смѣло могу сказать, что я знаю Россію и Россія меня знаетъ. Въ севастополь-

скую войну, когда я вступилъ въ ополченіе, меня вездѣ принимали, какъ стараго знакомаго. Бывало, только и слышишь: „а, это нашъ милѣйшій Александръ Николаевичъ Баскаковъ!“

Максимъ незамѣтно усмѣхнулся.

— Но этотъ планъ газеты будущаго... началъ онъ.

— Oui, c'est le mot! пришелъ въ восторгъ Александръ Николаевичъ.—Это именно газета будущаго, газета Россіи, дѣлающейя второю Америкою...

— Дядя, серьезно прервалъ его Максимъ,—вы не дали мнѣ кончить. Я хотѣлъ сказать, что планъ вашей газеты будущаго очень широкъ и что, вѣроятно, онъ осуществится тогда, когда Россія сдѣлается второю Америкою; я даже полагаю, что этотъ планъ можетъ осуществиться при второмъ пришествіи.

— Но ты понимаешь...

— Позвольте, дядя, договорить, снова перебилъ его Максимъ:—повуда-же можно сказать только одно то, что у. васъ нѣтъ денегъ на подобное изданіе и что этихъ денегъ вамъ никто не дастъ...

— Ну да, теперъ всѣ прижались, всѣ еще не сознають важности переживаемой эпохи, всѣ...

— Я дядя, знаю все, что можно сказать о нашемъ времени, но дѣло ее въ томъ. Очевидно одно то, что газета будущаго будетъ создана въ далекомъ будущемъ, а вамъ не худо-бы подумать о завтрашнемъ днѣ.

— О завтрашнемъ днѣ? изумился Александръ Николаевичъ, точно онъ не могъ себѣ и представить, что кто-нибудь можетъ думать о завтрашнемъ днѣ.—Что-же будетъ завтра?

— Я не такъ выразился: завтра, можетъ быть, ничего не будетъ, но послѣ завтра, черезъ мѣсяць можетъ многое измѣниться, сказалъ Максимъ.—Неужели вы не замѣчаете, что вамъ надо вырвать изъ этого дома если не Адель, то Дуню?

Александръ Николаевичъ вытаращилъ на племянника изумленные глаза.

— Дуню? да что такое съ Дуней можетъ здѣсь сдѣлаться? спросилъ онъ, недоумѣвая.

— Я не знаю, что съ ней можетъ сдѣлаться, но хорошаго ничего не жду. Ей прочать жениховъ...

— А, да! Сватался какой-то старикашва-сосѣдъ, нѣчто въ

родѣ Плюшкина, весь засаленный, руки вѣчно въ табакѣ, скоро-ниль двухъ женъ, прибравъ къ рукамъ ихъ капиталы, и помышляетъ о третьей выгодной сдѣлкѣ... Потомъ являлся какой-то долговязый чиновникъ по особымъ приключеніямъ съ длинной шеей, бакенбарды котлетками мочального цвѣта, говорить въ носъ и въ одномъ глазу носить стеклышко, точно въ форточку смотреть... Дрянцо какое-то новаго пошибу, знаешь, изъ тѣхъ, которые отъ трехъ рюмокъ осовѣтъ могутъ, отъ промоченія ногъ насморкъ на недѣлю получаютъ и даже при самой страстной любви болѣе всего заботятся объ умѣренности и акуратности, чтобы не повредить окончательно своему здоровью... нѣтъ, не здоровью, а нездоровью, такъ-какъ здоровья у нихъ не было ни разу въ жизни...

— И вы хладнокровно смотрите на подобныя сватовства? спросилъ Максимъ.

— Да что-же тутъ такого? Мало-ли кто сватается за двѣушекъ. Знаешь, я видалъ одного скопца, кото...

— Но вѣдь женихи не только сватаются, а, кажется, Дуно вообще хотятъ отдать замужъ.

— Ну, мало-ли чего хотятъ! Не захочетъ идти Дуня, насильно не отдадутъ.

— Не захочетъ! Да развѣ ей легко бороться!

Александръ Николаевичъ потеръ рукою лобъ.

— Н-да, н-да, конечно, не легко, но что-же дѣлать, что дѣлать! вздохнулъ онъ. — Впрочемъ, ты слишкомъ серьезно смотришь на это дѣло. Никто не хочетъ выдавать ее ни за этого Плюшкина, ни за эту медовую сосульку, а просто такъ поговорили...

— Потомъ, какъ вы смотрите на вліяніе сестры Софьи? спросилъ Максимъ.

— Ахъ, умная, умная женщина! воскликнулъ Александръ Николаевичъ.

— То-есть хитрая, поправилъ его Максимъ.

— Ну да, умный человѣкъ долженъ быть хитрымъ, а она умна, очень умна. Помнишь, нашъ великій поэтъ сказалъ, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ?.. Положеніе себѣ составила и кто-бы могъ думать!—вѣдь ты, вѣроятно, мелькомъ слышалъ: она тотчасъ-же по выходѣ изъ института имѣла романъ, захотѣлъ Александръ Николаевичъ.—Герой романа былъ...

Александръ Николаевичъ оглянулся и наклонился къ уху Максима.

— Ну, ты можешь представить, какая исторія поднялась, когда узнали, продолжалъ Александръ Николаевичъ вслухъ.— Хотѣли ее пристроить, замужъ выдать, а она вдругъ—бацъ!— ушла жить въ монастырь. Всѣ говорили „дурочка“, „идеалистка“, „наивная“! Но поговорили, поговорили и забыли о ней, а она мало-по-малу и начала о себѣ заявлять. Сначала явилась интересной жертвой и кающейся Магдалиной, потомъ заботливымъ членомъ пріютившаго ее монастыря, наконецъ благодѣтельницей бѣдныхъ и страждущихъ. Она теперь въ модѣ, въ славѣ... въ своемъ муравейникѣ.

Александръ Николаевичъ говорилъ съ неподражаемою интонаціею, отгвняя каждую фразу.

— Да, но какое вліяніе она производитъ на Дуню? перебилъ его Максимъ.

— Что-жь, учить любить ближнихъ, даетъ добрые совѣты...

— Добрые-ли, дядя?

— А! какое-же можетъ быть въ этомъ сомнѣніе! воскликнулъ Александръ Николаевичъ.—Ты не знаешь своей сестры. Ты думаешь насчетъ ея романа... Но онъ давно искупился ею ея примѣрною жизнью.

— Да я не насчетъ того говорю, что она развратитъ Дуню. Дуня для этого слишкомъ чистое существо. Но можно привить къ ней ложныя идеи...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты ошибаешься...

— Да вы, дядя, спрашивали, что говорить Дунѣ моя сестра?

— Я, мой другъ, держусь того прѣнсіпа, что дѣти должны быть вполне свободны, и не контролирую каждого ихъ шага. Да позволь тебя спросить, что тебя такъ беспокоитъ Дуня?.. А, вижу, вижу, все еще влюбленъ въ нее...

— Не влюбленъ, но люблю ее искренно...

— Ну да, ну да! Что-жь? веселымъ пиркомъ да и за свадьбу...

— У васъ все скоро и просто выходитъ!

— Что-же думать? По-военному, ха, ха, ха! залился смѣхомъ Александръ Николаевичъ.

— Тссъ! остановилъ его Максимъ и сталъ прислушиваться.

Они проходили мимо одного изъ открытыхъ оконъ дома и оттуда достигъ до нихъ ясно голосъ. „Но что такое это личное счастье? говорилъ этотъ ровный, спокойный голосъ.— Ты подумай, какъ оно призрачно, какъ недолговѣчно“. Максимъ узналъ въ этомъ голосѣ голосъ своей сестры.

— Что ты? спросилъ Александръ Николаевичъ.

— Тамъ сестра говоритъ съ Дуней, тихо прошепталъ Максимъ, сдерживая дыханіе и все еще не выпуская руки Александра Николаевича.

— Ну, такъ что-жь? громко спросилъ тотъ.

— Интересно услышать одну изъ ея бесѣдъ... Молчите! отвѣтилъ Максимъ.

— Fi! покачалъ головой Александръ Николаевичъ. — Баскаковы никогда не подслушивали, никогда не подсматривали, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда можно было подсмотреть, какъ раздѣвается хорошенькая дѣвушка передъ купаньемъ! уже со смѣхомъ закончилъ онъ.— Пойдемъ, пойдемъ!

Онъ потащилъ за собою Максима, у котораго выступила на лицо яркая краска, но это была не краска стыда за свое стремленіе подслушать, а горячій румянецъ, вызванный пробудившимся любопытствомъ и надеждой найти ключъ къ разгадкѣ интересовавшихъ его вопросовъ. Максимъ неохотно послѣдовалъ за дядей и уже не слушалъ его болтовню. Ему опять казался если не ненавистенъ, то жалокъ и гадокъ этотъ человѣкъ, толковавшій о широкихъ планахъ и неумѣвшій исполнить самой микроскопической работы для поддержанія себя и своей семьи, проповѣдывавшій принципъ свободы своихъ дѣтей и бросившій этихъ дѣтей въ качествѣ прихлебателей въ рабство невыносимому самодур-деспоту брату.

„Какъ-бы узнать, какъ-бы узнать, что за вліяніе оказываетъ Софья Павловна на Дуню, что она внушаетъ ей?“ мысленно разсуждалъ Максимъ, присѣвъ съ Александромъ Николаевичемъ въ саду и разсѣянно оцѣпывая оторванную вѣтвь отцвѣтавшей липы.

Въ эту минуту на боковой алеѣ послышались тихіе шаги, и Максимъ могъ ясно разслышать разговоръ.

— Такъ вы позволяете мнѣ считать это дѣло рѣшеннымъ? говорилъ одинъ глухой голосъ.

— Я два раза не даю одного и того-же честнаго слова. Это

должно сдѣлаться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣтилъ другой, твердый и раздражительный голосъ.

Черезъ нѣсколько секундъ Максимъ увидѣлъ, какъ за деревьями медленно прошли двѣ фигуры,—это были знакомыя ему фигуры брата его Аркадія Павловича и дяди Платона Николаевича.

— Еще какіе новые ковны придумываютъ? проговорилъ онъ громко, забывъ, что около него сидятъ Александръ Николаевичъ.

— Какіе ковны? изумился Александръ Николаевичъ.

— Не спрашивайте меня, у меня сегодня голова идетъ кругомъ, произнесъ Максимъ и махнулъ рукою.

Онъ раздражительно поднялся съ мѣста и пошелъ.

— Куда это ты? спросилъ его Александръ Николаевичъ.

— А и самъ не знаю... Не сидятъ на мѣстѣ...

XVI.

Только не задолго передъ обѣдомъ Максиму удалось встрѣтить Дуню. Онъ обрадовался встрѣчѣ, но его поразила происшедшая въ молодой дѣвушкѣ перемѣна. Дуня была блѣдна; вѣки ея были красны, очевидно, отъ слезъ; въ глазахъ замѣчалось утомленіе. Максимъ подошелъ къ ней и пригласилъ ее пройти по саду.

— Скоро подадутъ обѣдъ, отвѣтила она.

— Все-же успѣемъ поговорить, замѣтилъ онъ.—Мы съ тобой сегодня и часу не провели вдвоемъ.

— Сегодня такой день... гости... оправдывалась она.

— Что намъ-то до нихъ? проговорилъ Максимъ.—Да ты, кажется, и не съ гостями провела все это время, а съ Софьей Павловной.

Дуня нѣсколько смутилась. Она чутко угадала, что Максимъ все это время былъ занятъ только мыслию о ней, что во всей массѣ окружающихъ ихъ людей для него существуетъ только одна она.

— Скажи, пожалуйста, что за особа моя сестра? спросилъ Максимъ. — Я ея вовсе не знаю, почти ничего не слыхалъ о ней. Она мнѣ напомнила отчасти свою воспитательницу, „тетушку Нѣтъ“, отчасти ханжу изъ круга знакомыхъ покойной матери.

— Она очень дѣятельная личность, живущая всѣми интересами общества, проговорила Дуня.

— Ты хочешь сказать: интересами монастыря?

— Нѣтъ, она не монахиня да у нея притомъ свои особые взгляды на обязанности монахини... она...

— Ну, да Богъ съ ней и съ ея взглядами, перебилъ Максимъ, махнувъ рукою. — Поговоримъ лучше о тебѣ. Какъ ты жила?

— Мнѣ нечего говорить о себѣ: ты знаешь, какъ шла здѣсь жизнь прежде, — она такъ-же идетъ и теперь... Но ты не рассказай мнѣ еще, что дѣлалъ ты.

— Я? Бѣдствовалъ — вотъ и все.

— Но все-же, наконецъ, принялся за какое-нибудь дѣло?

— Нѣтъ, Дуня, ни за какое дѣло не принимался.

Дуня вопросительно посмотрѣла на него.

— Я только подготовлялся къ дѣлу.

— Къ какому?

— И того не могу сказать, потому что еще ничего не рѣшилъ, не испыталъ ни на чемъ всѣхъ своихъ силъ. Всѣ прожитые мною въ послѣднее время годы были годами искуса, отрывавшими мнѣ глаза на мои недостатки, на то, что мнѣ нужно было передѣлать въ себѣ все. Когда я выскочилъ самовольно изъ корпуса и гимназіи, мнѣ казалось, что я совершаю доблестные подвиги; потомъ я убѣдился, что я лишилъ этими подвигами себя возможности приобрести хотя тѣ немногія знанія, которыя даются въ этихъ заведеніяхъ, и, во всякомъ случаѣ, лишилъ себя возможности привыкнуть къ правильному, усидчивому труду... Когда я рѣшился зарабатывать своимъ трудомъ хлѣбъ, я думалъ, что я поступаю удивительно честно, но когда я принялся за этотъ трудъ ради хлѣба, то я увидалъ, что я, въ сущности, не подготовленъ ни къ чему, что я только порчу каждую работу, что я, въ дѣйствительности, краду деньги, если не у всего общества, то, по крайней мѣрѣ, у тѣхъ настоящихъ работниковъ, у которыхъ я отбиваю работу. Въ концѣ-концовъ я увидалъ, что я увлекаюсь громкими словами: самостоятельность, независимость, трудъ, а на самомъ дѣлѣ являюсь нищимъ, зависящимъ отъ каждаго давальца работы, и негодаю, портаю все, за что онъ возьмется... Увидалъ я, что и мои физическія силы мало развиты, что и не

приученъ я сносить стойко лишенія, что, наконецъ, если дѣла не улучшатся, то я приду съ повинною въ тотъ домъ, откуда я такъ необдуманно бѣжалъ... Въ этихъ убѣжденіяхъ было все, что я приобрѣлъ въ эти тяжелые годы.

— Ну, и что-же? спросила Дуня, видя, что Максимъ смолеть.

— Что?.. Ну, сталъ настойчиво стремиться къ самообразованію, къ саморазвитію, сталъ готовить себя къ будущей дѣятельности.

— Но ты-же говоришь, что ты еще не избралъ рода дѣятельности? спросила Дуня.

— Да. Я просто готовилъ изъ себя терпѣливаго и выносливаго работника: я въ послѣднее время занимался умственной и механическою работою. Теперь я дошелъ до того, что могу сказать, не краснѣя, что я знаю не болѣе того, что учать въ гимназіи, но за то я знаю это основательно. Чему научусь далѣе — это еще вопросъ.

— Да, твоя жизнь впереди, вздохнула Дуня.

— Да у кого-же она не впереди на двадцать второмъ году? воскликнулъ Максимъ. — Только въ эти года и мечтать о будущемъ. Знаешь-ли, когда я иногда заглядываю въ это будущее, когда я соображаю, на какомъ пути нужнѣе руки, гдѣ шире можетъ развернуться и примѣниться сила, — у меня въ глазахъ мутится, голова идетъ кругомъ. Мы живемъ въ чудную, великую эпоху, когда, кажется, каждая ничтожная силенка можетъ пригодиться къ дѣлу, нужна обществу. Возьми любую газету, любой журналъ — и ты увидишь, что вездѣ и всюду чувствуется недостатокъ въ рукахъ, недостатокъ въ людяхъ, а не въ поприщѣ для дѣятельности, не въ работѣ. Вчера я былъ на строящейся станціи желѣзной дороги. Какое тамъ оживленіе, какая суетливая дѣятельность! Эта суета, этотъ шумъ, эти раскаты ударовъ топорами, молотами и бабами просто ошеломили, опьянили меня и разомъ разогнали всю хандру, навѣянную нашимъ старымъ гнѣздомъ. Но вѣдь картина этой строящейся станціи ничто въ сравненіи съ картиною всей пересоздающей Россіи. Какая-же энергія должна проснуться въ томъ, кого судьба призоветъ принять участіе въ этомъ пересозданіи?

Максимъ оживился, его глаза сверкали, онъ невольно сжалъ руку Дуни.

— Вы, живущіе здѣсь, въ старомъ гнѣздѣ, въ глуши, вдали отъ дѣятельности, еще не вполне можете понять, какъ забушевало это море общественной жизни, горячо говорилъ онъ, — отъ васъ ускользаютъ все значеніе переживаемой нами эпохи. Только тамъ, въ столицѣ, перечитывая газеты, сталкиваясь съ сотнями людей съ разныхъ концовъ государства, слыша толки о тѣхъ или другихъ нуждахъ, видя зародыши тѣхъ или другихъ реформъ, понимаешь вполне, что теперь нужны работники, руки, силы, чтобы удержать, утвердить то, что создается теперь.

„И я, слабая, неопытная дѣвочка, хотѣла стать поперекъ его дороги!“ скорбно промелькнуло въ головѣ Дуни.

— Я до такой степени живу будущимъ, надеждами на это будущее, что все прошлое умерло для меня, продолжалъ Максимъ. — Пришелъ я домой, увидалъ нашъ домъ, нашъ садъ, братьевъ, старыя тряпки, носившіяся отцомъ и матерью, припомнилъ все — и мое сердце не забилося тоскою о томъ, что все бывшее не повторится. Да, я чуждъ бывшей жизни, я оторванъ отъ нея... Знаешь-ли, дорогая, если-бы не ты, я не заглянулъ-бы и сюда...

Дуни вздохнула.

— Будемъ думать о будущемъ... Намъ надо выяснитъ прежде всего наши отношенія. Ты знаешь, какъ я люблю тебя...

Онъ опять сжалъ ея руку. Она вздрогнула и вдругъ обернулась, торопливо проговоривъ:

— Кажется, сейчасъ позовутъ къ обѣду.

— О, матеріялистка! засмѣялся Максимъ. — Въ минуту страстнаго признанія въ любви она думаетъ объ обѣдѣ!

Дуни поблѣднѣла, какъ полотно.

— Максимъ! какимъ-то надорваннымъ, молящимъ тономъ прошептала она, едва удерживаясь отъ желанія припасть къ его груди и выплакать, высказать все, все, что ее мучило и волновало.

— Что съ тобой, голубка? заботливо спросилъ Максимъ, заглядывая ей въ лицо. — Ты больна?

— Нѣтъ... да... проговорила она, и, почти плача, прошептала: — Оставь меня... сегодня... Послѣ... въ другой разъ...

Онъ изумился и не выпускалъ ея руки.

— Въ другой разъ? Когда-же? ласково спрашивалъ онъ.

— Когда-нибудь... заѣдешь сюда... поговоримъ, шептала она.

— Не хотѣлось-бы мнѣ бывать здѣсь, нахмурился Максимъ. —

Но вотъ что: выйди завтра вечеромъ, часовъ въ семь, къ пруду... Помнишь, какъ я тамъ плелъ вѣнки для тебя и украшалъ ими твою головку, называя тебя своею невѣстою?

Дуня молчала.

— Ты молчишь?.. Или ты, точно, разлюбила меня?.. Я начинаю...

— О, Максимъ! почти простонала она и попыталась уйти, но онъ держалъ ея руку.

— Такъ ты придешь? спросилъ онъ, опять заглядывая ей въ глаза.

— Да, слышался глухой отвѣтъ.

— Въ семь часовъ... Помни-же!..

Онъ поднесъ къ губамъ ея руку и выпустилъ ее. Дуня пошла по алѣѣ къ дому. Она пла, ничего не видя, ничего не понимая. Когда она всходила на терасу, на нее были обращены два зоркіе, сверкавшіе изподлобья глаза. Это были глаза Софьи Павловны, сидѣвшей въ креслѣ съ открытымъ на коленяхъ Евангеліемъ и, повидимому, набожно углубившейся въ чтеніе. Софья Павловна поняла, гдѣ была Дуня, и ее мучила мысль о томъ, что говорила Дуня съ нимъ.

XVII.

Уже Платонъ Николаевичъ успѣлъ десять разъ „вскипятиться“ и сдѣлать сотню колкостей каждому изъ присутствующихъ, уже всѣ присутствующіе мечтали о той возжелѣнной минутѣ, когда будетъ не неприлично уѣхать домой или удалиться на покой въ отведенныя для нихъ комнаты,—когда Данило Павловичъ, пребывавшій по большей части въ буфетной, „зарядился“, наконецъ, по его собственному выраженію, на-столько, что могъ совершенно смѣло идти на какую угодно атаку. Атака-же, на которую онъ собирался идти въ этотъ день, была однимъ изъ самыхъ страшныхъ для него подвиговъ.

Данило Павловичъ лихо сражался на билиардѣ; онъ безтрепетно „сворачивалъ скулы“ всѣмъ, кто имѣлъ несчастье подвертываться ему подъ пьяную руку въ недобрый часъ; онъ уничтожалъ, не моргнувъ глазомъ, десятики бутылокъ пива и вливалъ въ себя безъ всякаго малодушнаго страха водку послѣ шампанскаго, а послѣ водки портеръ; предводительствуя толпою своихъ собратьевъ по

гульбѣ, онъ бралъ въ плѣнъ самыхъ отчаянныхъ „дѣвицъ легкаго поведенія“ и „разносилъ“ ихъ пристанища; но онъ во всю свою жизнь не могъ рѣшиться на объясненіе съ какой-бы то ни было „приличной дѣвицей“, какъ онъ называлъ всѣхъ дѣвушекъ, непринадлежавшихъ къ числу любезныхъ его сердцу „дѣвицъ легкаго поведенія“.

— Чортъ ее знаетъ, говаривалъ онъ обыкновенно про каждую „приличную дѣвицу“, — захочешь ей объяснить въ любви, да и ляпнешь какое-нибудь нецензурное слово, ну и пойдетъ исторія. То-ли дѣло наши феи...

Теперь-же ему и предстояло именно такое объясненіе въ любви съ приличной дѣвицей; онъ рѣшился, наконецъ, не откладывать въ дальній ящикъ своего намѣренія „оболваниться съ Аделькой“, боясь, что его можетъ перебить „подлецъ Кадьва“. Вслѣдствіе этого онъ усердно „заряжался“ „для храбрости“ втеченіи всего дня, и только къ вечеру сталъ на-столько увѣренъ въ дѣйствительности своего „заряжанія“ и своей отваги, что подошелъ къ Адели и предложилъ ей свернутую калачикомъ руку, проговоривъ:

— Пройдемся по саду. Вечеръ просто разлюли-малина!

Адель размѣялась при этомъ „разлюли-малина“, взяла Данилу подъ-руку и пошла съ нимъ въ садъ. Она очень любила посмѣяться, слушая армейскія остроты и каламбуры кузена. Но они прошли уже двѣ ален, а кузень еще не сказалъ ни одной остроты, ни одного каламбура, а только отъ времени до времени покрякивалъ и откашливался, слегка отплевываясь въ сторону. Адель начала не безъ боязни замѣчать, что кузень нѣсколько не въ своемъ видѣ.

— Адель, мнѣ надо съ тобой поговорить, наконецъ съ трудомъ произнесъ онъ, точно у него что-нибудь засѣло въ горлѣ.

— Я давно жду, что ты скажешь что-нибудь, отвѣтила Адель, — а то такъ ходитъ скучно.

— Видишь-ли, продолжалъ онъ, запинаясь. — Можетъ быть, этотъ подлецъ уже говорилъ тебѣ про меня что-нибудь пох...

Данило Павловичъ сильно закашлялся и пробормоталъ:

— Ишь ты, чортъ побери, такъ и подвертывается на языкъ!

— Ты про кого это говоришь? спросила немного покраснѣвшая Адель.

— Да все про него-же, про Кадью, пояснилъ Данило Павловичъ.—Вѣдь это такой, я тебѣ скажу, подлець, такой подлець! Если-бы, знаешь, онъ мнѣ теперь попался, такъ я-бы ему!

Данило Павловичъ до того увлекся негодованіемъ, что сжалъ кулаки и потрясъ ими въ воздухѣ, забывъ, что Адель шла съ нимъ подъ-рубу. Молодая дѣвушка нѣсколько отстранилась, пользуясь случаемъ избавиться отъ его слишкомъ близкаго сосѣдства. Отъ него пахло всеми запахами виннаго погреба.

— Да ты что-же хотѣлъ мнѣ сказать? Или лучше послѣ, перебила его Адель, начиная уже сильно бояться, что онъ слишкомъ подгулялъ.

— Ты что? боишься, что-ли, что я зарядился? А? спросилъ Данило Павловичъ, силясь взглянуть ей въ лицо.—Нѣтъ, это я, Адель, для храбрости: первый разъ крѣпость хочу взять... А! Каково?..

Данило Павловичъ захохоталъ. Адель подумала, что она поступила крайне опрометчиво, отпавившись съ нимъ въ садъ.

— Я, чортъ возьми, ты знаешь, что я такое! продолжалъ Данило Павловичъ, стараясь быть храбрымъ.—Я кутила, жуиръ, трактиры люблю, люблю дѣ...

Онъ опять закашлялся и вдругъ отрывисто произнесъ:

— Я тряпка, изъ которой умная женщина можетъ веревки вить,—вотъ что я!

Адель была слишкомъ шаловливымъ существомъ, чтобы не засмѣяться при этомъ неожиданномъ признаніи.

— Но я не понимаю, зачѣмъ ты это говоришь? произнесла она, стараясь удержаться отъ смѣха.

— Затѣмъ, что я хочу тебя... Ну, да однимъ словомъ, выходи за меня замужъ!

Данило Павловичъ остановился и развелъ руками, точно хотѣлъ сказать: „каковъ-же я храбрецъ!“

— Вотъ и кончилъ! проговорилъ онъ, переводя духъ.

Его фигура, въ сдвинутой на затылокъ фуражкѣ, съ нѣсколько взъерошенными волосами, съ раскраснѣвшимся лицомъ, была крайне комична. Адель могла ясно разглядѣть его при лунномъ свѣтѣ и громко захохотала.

— Ну, я такъ и зналъ, чортъ побери, пробормоталъ онъ.— У васъ все такъ! Вамъ объясняешься, а у васъ смѣхъ. Ну что-же,

я смѣшонъ, я дуракъ, а ты-бы подумала вотъ, что я цѣлый день заряжался, чтобы... Вотъ подлець Кадька, тотъ умѣеть, тотъ десять разъ на дню объяснится, а я въ первый разъ въ жизни. Что я? Гдѣ я бывалъ? У какихъ-нибудь... А да что тутъ говорить!.. Какъ ты тамъ ни смѣйся, а я все-таки люблю...

Онъ сдѣлалъ шагъ къ Адели и немного пошатнулся.

— Ты еще не знаешь, какъ я могу любить, пробормоталъ онъ и неожиданно обнялъ ее, крѣпко стиснувъ ее въ своихъ объятияхъ.

— Пусти! Пусти! Ты съ ума сошелъ! Какое ты имѣешь право? въ испугѣ крикнула Аделъ.

— А на что тутъ право? Люблю, ну, и по-военному! бормоталъ онъ, не выпуская ее изъ рукъ.—Такъ и сомну...

Она съ испугомъ рванулась прочь и побѣжала къ дому. Съ Даниила Павловича при этомъ движеніи молодой дѣвушки свалилась фуражка и онъ, едва не упавъ на песокъ, схватился за первое подвернувшееся подъ руку дерево. Аделъ и смѣялась, и волновалась отъ испуга, быстро вбѣгая на терасу.

— Что съ тобой? спросилъ ее попавшійся ей на встрѣчу Александръ Николаевичъ.

— Ничего, проговорила она уже совсѣмъ весело, но едва переводя духъ.—Данило... Данило... ахъ, какой онъ уморительный!.. Онъ мнѣ объяснился въ любви.

— Вотъ тебѣ и разъ! Не ожидалъ! проговорилъ Александръ Николаевичъ, разводя руками.—А ты что?

— Ничего!.. Вы пойдите къ нему. Онъ, можетъ быть, уже спитъ тамъ... Онъ пьянъ! хохотала Аделъ.

— Ну выбралъ время для объясненія въ любви! залился смѣхомъ Александръ Николаевичъ.—Надо его отыскать, братья собираются ѣхать... Нѣтъ, хорошъ гусь: напился до положенія ризъ и лѣзетъ объясняться въ любви!.. Я воображаю эту картину!..

Черезъ полчаса братья Муратовы уже сидѣли въ своей развѣнчивавшейся коляскѣ и дряхлыя влячи тащили ихъ обратно въ городъ. Вавила, наугощавшійся въ барской людской, сдѣлался болѣе обыкновеннаго угрюмымъ и склоннымъ къ нравственнымъ сентенціямъ, которыя обращались, за неизмѣнимъ другихъ слушателей, къ лошадямъ. Усовѣщевая ихъ вести себя хорошо и напоминая имъ, что ѣхать недалеко, что онѣ не впервые ѣдутъ домой отъ

барина Платона Николаевича изъ Ольховатаго и что онѣ везуть молодыхъ господъ, а не кого-нибудь другого, онѣ клевадь носомъ и изрѣдка икаль, пробуждаясь во время иванья отъ одолѣвавшей его дремоты и бесплодно стараясь плюнуть дальше своей бороды.

Братья ѣхали молча. Имъ было не о чемъ говорить. Только одинъ сильно охмѣлѣвшій Данило Павловичъ поминутно ерзалъ на своемъ мѣстѣ, сидя спиною къ вучеру и тыкаясь носомъ въ коляску при каждомъ толчкѣ. Онъ былъ видимо въ отличномъ настроеніи духа и даже попробоваль запѣть:

Вотъ мчитса тройка удалая.

Но пѣсня оборвалася при первомъ-же толчкѣ. Потомъ онъ вдругъ воскликнулъ:

— Эхъ, пыганокъ нѣтъ... закатился-бы... Теперь мнѣ подавай кого хочешь...

Всѣ молчали. Онъ опять что-то запѣль, но запѣль совсѣмъ не своимъ голосомъ, снова оборвался и, наконецъ, захохоталь жидкимъ, пьянымъ смѣхомъ:

— А славно я ей изъяснилъ!.. Смѣтется!.. А сама рада... Тоже хочется замужъ...

Братья не отвѣчали.

— Вы слышали?.. Я Адельѣтъ признаніе сдѣлалъ, обратился онъ къ братьямъ, сисясь посмотрѣть на нихъ.—Вспотѣль даже.

— Напрасно трудился, сухо отвѣтилъ Аркадій:—дядя Платонъ Николаевичъ отдалъ мнѣ ея руку.

— Что-о?! крикнулъ Данило Павловичъ и даже нѣсколько выпрямился.

— Я женюсь на ней, объяснилъ Аркадій Павловичъ.

— Да какъ ты смѣешь?.. Подлецъ, подлецъ!.. Я тебя... я тебя изъ своихъ рубъ задушю! хрипло крикнулъ Данило Павловичъ и рванулся на старшаго брата.

Тотъ съ силой оттолкнулъ его, такъ что Данило Павловичъ чуть не вылетѣль изъ коляски. Максимъ крѣпко схватилъ его за рукавъ.

— Полно, Данило, проговорилъ онъ. — Объяснитесь послѣ. Успокойся.

— Да ты пойми, Максима... вѣдь онъ подлецъ... подлецъ, почти плача, забормоталъ Данило Павловичъ и притѣнулся головой къ плечу Максима.

— Хорошо, хорошо, только успокойся! произнесъ Максимъ и придержалъ за талью Данилу Павловича.

— Свинья! проворчалъ Аркадій Павловичъ, глядя на Данилу.

Максима тоже поразила новость, услышанная имъ отъ старшаго брата. Онъ никакъ не думалъ, что дѣло зашло такъ далеко. Теперь ему нужно было во что-бы то ни стало скорѣе вырвать отвѣтъ у Дуни, чтобы предупредить женитьбою брата, или, наконецъ, отказаться отъ нея... Впрочемъ, нѣтъ! Развѣ онъ могъ отказаться отъ нея?

XVIII.

Несмотря на безпокойство, несмотря на думы о завтрашнемъ вечерѣ, Максимъ, утомленный всѣми сценами прошедшаго дня, заснулъ богатырскимъ сномъ. Онъ проснулся довольно поздно и, отерывъ глаза, съ удивленіемъ увидѣлъ въ своей комнатѣ расхаживавшаго изъ угла въ уголъ съ засунутыми въ карманы панталонъ руками, взерошеннаго болѣе чѣмъ обыкновенно брата Данилу.

— Что ты? спросилъ Максимъ, садясь на диванъ, гдѣ онъ спалъ.

— Посовѣтоваться надо, мрачно произнесъ Данило. — Ты знаешь, я не хитеръ умомъ... Петька держитъ сторону этого подлеца... У насъ ужъ такая баталія сегодня была...

— Да въ чемъ дѣло-то? спросилъ Максимъ, ничего не понимая спросонья.

— Адельку у меня этотъ подлецъ отбиваетъ.

— То-есть отбилъ уже, улыбнулся Максимъ, вспомнивъ вчерашнюю сцену. — Ну, слышалъ. А дальше-то что?

— Какъ что? изумился Данило и, широко раздвинувъ ноги, остановился передъ Максимомъ. — Мало этого, что-ли?

— Мало или много — не знаю, а поправить дѣла нельзя, — это вѣрно.

— Какъ нельзя? закричалъ Данило, топнувъ ногой и сжимая кулаки. — Да я его искалѣчу или, какъ пса, пристрѣлю! Вѣдь ты пойми, я ее выходилъ, я все время за ней таскался... Это мнѣ развѣ легко!..

Максимъ едва удерживался отъ молодого смѣха.

— Полно, братъ, ужь что съ воза упало, то пиши пропало! замѣтилъ онъ.

— Ну, нѣтъ, это шалишь!.. Это ему даромъ съ рукъ не сой-детъ!

— Сойдетъ! отвѣтилъ Максимъ. — Убить ты его не убьешь, да въ этомъ и толку мало, а Адель все-таки выйдетъ замужъ за него, а не за тебя... Ужь ты лучше-бы какъ-нибудь иначе отомстилъ ему, да кстати и Платону Николаевичу.

Максимъ быстро началъ одѣваться, Данило зашагалъ по ком-натѣ.

— Вотъ ты говорилъ, что ты-бы на Гушиной женился, ну и женись, смѣясь замѣтилъ Максимъ. — Кстати-же старикъ сегодня заѣдетъ къ намъ дожь торговать.

— Чортъ ее возьми! мрачно проговорилъ Данило.

— А вѣдь это произвело-бы отличный эффектъ, продолжалъ шутливо Максимъ, начиная умываться. — Племянникъ Платона Николаевича Баскакова женится на дочери его бывшего крѣпостно-го! Бывшій соперникъ Аркадія Павловича подцѣпляетъ невѣсту съ сотнею тысячъ приданого! Было-бы съ чего допнуть отъ за-висти!

Данило остановился передъ Максимомъ и съ грознымъ видомъ уперъ руки въ бока.

— Да ты что-же, издѣваешься надо мной, что-ли? пробормо-таль онъ, сдвинувъ брови.

Максимъ поднялъ отъ умывальника мокрое лицо, откинулъ на-задъ свалившіеся внизъ волосы и взглянулъ на брата. Данило Павловичъ, несмотря на свой мрачный и грозный видъ, выглядѣлъ очень комично и въ то-же время жалко.

— Нѣтъ, я не шучу, отвѣтилъ Максимъ. — Вѣдь тебѣ все равно, на комъ жениться?

— Все не все равно! хмуро отвѣтилъ Данило, опять заша-гавъ по комнатѣ. — Миѣ скоро жрать будетъ нечего.

— Ну, положишь, что это неправда: ты получишь наслѣдство.

— Пять-шесть тысячъ! А у меня до трехъ тысячъ долгу.

— До трехъ тысячъ! съ удивленіемъ воскликнулъ Максимъ.

— Ну да! угрюмо и отрывисто подтвердилъ Данило. — Ну, отдашь долги, проживу остальные гроши, а дальше что? Продол-жать военную службу? Изъ какихъ средствъ? Жалованья мало, надо

или жить впроголодь, или лѣзть въ долги, а я голодать да гроши разсчитывать не умѣю.

— Поучись!

— Хорошо тебѣ говорить: поучись! А ты побыль-бы въ моей шкурѣ!.. Занесеть тебя въ какое-нибудь чортово болото, гдѣ жидъ жида погоняетъ да не одного порядочнаго дома нѣтъ, тогда и узнаешь, какво жить... Языкъ проглотишь, потому поговорить не съ кѣмъ... Скукища одолѣваетъ, ну и пьянствуешь съ феями или направо, налѣво перекидываешь, а это все денегъ стоятъ, денегъ... А гдѣ ихъ взять?..

— Такъ перемѣни службу, займись чѣмъ-нибудь другимъ, по-совѣтоваль Максимъ.

— Чѣмъ это? Землю пахать, что-ли? И того не умѣю.

Данило еще шумнѣе заходилъ по комнатѣ.

— Ничему не учили, ни къ чему не подготовили, сердито ворчалъ онъ.—Ты посчитай, что получаетъ лакей у богатаго барина, такъ и увидишь, что онъ больше меня имѣетъ. Ты вотъ говоришь: перемѣни службу. А что я умѣю дѣлать? Ничего. Писаремъ не могу быть. Вонъ тамъ ѣ, говорятъ, надо ставить. А гдѣ ее, чортову перечницу, писать—почему я знаю? Да и почеркъ-то у меня, какъ у лавочника.

— Учился ты, братъ, плохо, вздохнулъ Максимъ.

— Врешь! перебилъ его Данило.—Не учился плохо, а учили плохо! Теперь вонъ реформы пошли, а прежде кто о насъ думалъ?

Данило замолчалъ.

— Надзирателемъ-бы мнѣ какииъ-нибудь быть. Скулы умѣю сворачивать, проворчалъ онъ черезъ минуту.

Онъ шумно сѣлъ къ окну и началъ барабанить пальцами по стеклу.

— Да, дѣйствительно, тебѣ только и остается, что женитьба на какой-нибудь Гущиной, проговорилъ Максимъ,—чтобы не поколѣтъ съ голода.

— На Гущиной, на Гущиной! сердито повторилъ Данило.—Такъ и отдадутъ ее за меня.

— А, такъ вотъ вопросъ-то въ чемъ! воскликнулъ Максимъ.

Въ эту минуту къ дому подбѣгали дрожки.

— Вонъ, легокъ на поминѣ, проговорилъ Данило.

— Кто это? спросилъ Максимъ.

— Все онъ-же, Гущинъ.

— А!.. Братья внизу?

— Нѣтъ, уѣхали туда...

— Куда „туда“?

— Да все туда-же, къ Платону Николаевичу.

— Надо, значить, намъ принять старика, рѣшилъ Максимъ и, взявъ подъ руку Данилу, шутливо добавилъ:—Пойдемъ представляться будущему родственнику.

Молодые люди встрѣтили Гущина уже на лѣстницѣ, услыхавъ его голосъ.

— Ишь ты какую старую крысою стала, говорилъ старикъ Настасьѣ. — Господа-то дома?

— Дома, дома, отозвался съ верху лѣстницы Максимъ.

— А, это ты, Максимъ Павловичъ, узналъ его Гущинъ по голосу и сталъ подниматься наверхъ. — Ну, вотъ и заѣхалъ посмотрѣть ваши палаты.

— Не заплутайтесь въ нихъ, велики! засмѣялся Максимъ и пригласилъ посѣтителя въ столовую. — Прежде всего не хотите-ли чаю,—я еще и самъ не пилъ.

— Что-же, пожалуй, согласился старикъ и, пройдя въ уголокъ своею грузною, твердою поступью, бережно положилъ на стулъ шляпу и поставилъ около него палку. — У меня одинъ зарокъ, что не ѣмъ живыхъ сорѣкъ, а отъ чаю и подавно не откажусь.

Всѣ трое усѣлись около стола, на которомъ уже шумѣлъ самоваръ и былъ заваренъ въ чайникѣ чай.

— А ты, Данило Павловичъ, все по военной еще идешь? спросилъ старикъ, наливая на блюдечко чай.

— Да, по военной, отвѣтилъ Данило.

— Вотъ хочеть къ вамъ въ надзиратели какіе-нибудь проситься, засмѣялся Максимъ. — Горло, видите, у него широко и кулаки здоровы.

— Что-же, мы съ нашимъ удовольствіемъ, намъ такихъ требуется, тихо засмѣялся старикъ и тотчасъ-же принялъ серьезный тонъ. — А вѣдь и точно, это ты правду сказалъ, что надзиратели намъ нужны съ широкой глоткой да здоровыми кулаками, а то съ народомъ справы нѣтъ. Вѣдь намъ народу-то много нужно по теперешнему времени, а гдѣ ты его возьмешь? Ну, и берешь кого попало, кого съ борка, а кого и съ сосенки. Идетъ это къ намъ

или проходимецъ безпардонный, или голь пережатая, лыкомъ подпоясанная. И возишься, возишься ты съ ней, такъ что голова кругомъ пойдетъ. Недавно вотъ у меня бунтъ затѣяли.

Собесѣдники помолчали.

— А ужъ я было и не хотѣлъ заѣзжать къ вамъ, вдругъ заговорилъ старикъ, ставя на столъ пустое блюдечко.

— А что? спросилъ Максимъ.

— Да сердиться-бы мнѣ на всѣхъ васъ надо.

— Что такъ?

— Говорилъ я тебѣ, что обидѣлъ меня дядя-то вашъ, Платонъ Николаевичъ, и ужъ какъ обидѣлъ, такъ это я и описать не могу.

Старикъ вынулъ пестрый платокъ и отеръ имъ нѣсколько вспотѣвшее лицо.

— Лѣсъ я у него хотѣлъ купить, продолжалъ онъ, аккуратно свертывая платокъ въ клубокъ и обращаясь къ Данилѣ Павловичу.— Знаешь „Вавиловскую рощу“? Вотъ ее-то самую я и хотѣлъ приторговать. Она мнѣ и сподручна, и нужна. То-есть вотъ какъ нужна! проговорилъ онъ, проводя рукой по горлу.— Ну, поѣхалъ я къ нему, думаю, поладимъ, потому она все равно у него втунѣ стоитъ и въ вавиловское имѣнiе онъ никогда и не заглядываетъ, хотъ и подъ бокомъ оно у него. Да и мужики лѣсъ-то зря разоряютъ. Ни за грошъ, ни за денежку изведутъ. Приѣхалъ, говорю лакею: доложи, по дѣлу, молю. Раздѣваюсь это въ передней, чтобы въ залъ пройти, вдругъ выходитъ Дормидонтъ, дядюшки-то вашего Платона Николаевича камердинеръ, и говоритъ: „приказали здѣсь подождать“,—это въ передней-то!

Старикъ перевелъ духъ.

— А вѣдь я въ медаляхъ приѣхалъ, постучалъ онъ кулакомъ по столу,—вѣдь это мнѣ царь жаловалъ! И въ передней! Да я съ губернаторами за однимъ столомъ обѣдывалъ; у меня въ залѣ генералы меня ждать стануть, если имъ нужно да когда я дѣломъ занятъ. А онъ—въ передней! Все нутро у меня повернулось, потому что не мало я обиды и прежде отъ него вынесъ, да забылъ только это время-то. И не будь мнѣ нужна эта „Вавиловская роща“, такъ я-бы, кажется, наплевалъ-бы у него въ этой самой передней и не заглянулъ-бы болѣе въ нее.

Максимъ улынулся.

— А ужь, видно, „Вавилонская-то роща“ очень приглянулась? шутиливо замѣтилъ онъ.

— Такъ вѣдь ты пойми, что за „Вавилонскую-то рощу“ я даль-бы ему много-много двадцать тысячъ, а при моихъ дѣлахъ она мнѣ сто тысячъ сберегла-бы, горячо пояснилъ старикъ.—Ну, нечего дѣлать: жду. Жду четверть часа, жду полчаса, наконецъ-то, слава тебѣ Господи, вышелъ онъ. „Какое, говорить, у тебя до меня дѣло?“ Такъ, и такъ, говорю, „Вавилонскую рощу“ не продадите-ли? „Это тебѣ-то, говорить, продать лѣсъ? Да ты, вѣрно, на старости лѣтъ рехнулся!“ Да какъ пошелъ, какъ пошелъ чесать, такъ и удержу ему нѣтъ. Чего-чего не наговорилъ...

Старикъ снова вытащилъ платокъ и усиленно сталъ отирать лицо.

— Посчитались, односложно проговорилъ онъ, переводя духъ.

— Въ долгу тоже не остались? засмѣялся Максимъ.

— Ничего. Господь Богъ еще милуетъ, языка не отнимаетъ, усмѣхнулся старикъ.—Да, а ужь и сердить я теперь на него. Да я, кажется, лишникъ десяти тысячъ не пожалѣлъ-бы тому дать, кто мнѣ обдѣлалъ-бы это дѣло,—вотъ какъ!

— Вотъ, Данило, возьмись за это дѣло, деньги будутъ, засмѣялся Максимъ, обращаясь къ брату.

— Ну да, такъ онъ и послушаетъ меня! хмуро отвѣтилъ Данило.

— Однако, я заболтался, домъ-то осмотрѣть-бы надо, проговорилъ старикъ, смотря на свои большіе и тяжеловѣсные золотые часы.

— Что-жь, пойдете, согласился Максимъ.

Всѣ трое встали и пошли осматривать домъ.

— Ничего, чистенько, замѣтилъ Гуцинъ, проходя по комнатамъ.

— Мать только-что передъ смертью отдѣлала его за-ново, пояснилъ Данило.

— Чудачка была покойница, не тѣмъ будь помянута, произнесъ Гуцинъ, усмѣхаясь.—Въ такія времена и отдѣлывать дома въ такой глуши—деньги только на вѣтеръ бросать.

— Около трехъ тысячъ поправки стоили, пояснилъ Данило.

— Ишь ты, какъ-разъ то, что я дамъ за него, съ ироніей замѣтилъ старикъ.

— Уж не много-ли даете? засмѣялся Максимъ. — Можетъ быть, въ убытокъ будетъ?

— А то сколько-же? Мы, пожалуй, и сбавимъ, пошутить Гуцинь. — Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, сколько за домъ хотите?

— Мы, право, не знаемъ безъ старшаго брата, отвѣтилъ Максимъ.

— Четыре тысячки я дамъ, а больше—ни-ни, промолвилъ Гуцинь.

— Ну, за эти деньги братъ едва-ли отдастъ домъ, сказалъ Максимъ. — Онъ далеко дороже стоитъ.

— Что говорить, что говорить! возразилъ со вздохомъ старикъ. — Маменька ваша, поди, не одинъ десятокъ тысячъ денегъ убила на этотъ домъ да вонъ на эти пристрочки, балкончики, вуртинки, — доходы-то вѣдь изъ года въ годъ изъ деревни получались. Ну, а теперъ никто и двухъ тысячъ за него не дастъ.

— А вы четыре по добротѣ сердечной даете? шутливо спросилъ Максимъ.

— Не по добротѣ, а пригоденъ онъ мнѣ по мѣсту, ну и дамъ четыре, спокойно отвѣтилъ Гуцинь. — А кому-же другому нуженъ домъ на краю города? Ни трактира въ немъ, ни торговли не заведешь.

— Для житья кто-нибудь купить, замѣтилъ Максимъ.

— Да съ чего-же это кто-нибудь будетъ въ эту труппу забираться? И въ городѣ есть довольно домовъ. Нѣтъ, я дамъ самую подходящую цѣну, другіе и того не дадутъ. Вы поговорите съ братомъ. А мнѣ пора!

Гуцинь сталъ спускаться съ лѣстницы.

— Развѣ ужъ если брата на службу примете, такъ похлопочемъ, шутливо замѣтилъ Максимъ.

— Хорошо, хорошо! въ томъ-же тонѣ отвѣтилъ Гуцинь.

— А я, не шутя, возьмъ-бы у васъ мѣсто, если-бы нашлось, проговорилъ Данило.

— Ну что-жъ, ты не шутя, я не шутя, вотъ оно и пойдетъ въ сурьезъ. Ты заходи ко мнѣ: поговоримъ. Въ передней не заставляю ждать, какъ дядюшка твой, Платонъ Николаевичъ.

Старикъ произнесъ послѣднюю фразу не безъ ехидства. Видно

было, что Платонъ Николаевичъ задѣлъ его за живое. Онъ пожалъ руки молодымъ людямъ и сѣлъ на свои дрожки. Кровный рысакъ быстро понесъ его по пыльной дорогѣ. :

— Шкуру овечью носить, проговорилъ Данило,—а продувная бестія.

— Да, а все-таки вѣдь и у этой бестіи хорошо-бы заполучить теплое мѣстечко? улыбнулся Максимъ.

— Времена, братъ, такія, что и кошке въ поклонишься въ ножки.

А. Михайловъ.

(Окончаніе будетъ.)

КРИТЯНИНЪ.

(Ново-греческая поэма.)

1.

Горѣлъ на скалахъ лучъ прощальный
И гасла алая заря...
Призывно колоколъ печальный
Гудѣлъ въ стѣнахъ монастыря...
На небосклонѣ исчезая,
„Архадіонъ“ едва дымилъ;
Его молитвой провожая,
Народъ колѣни преклонилъ.
Направо шла въ село дорога,
Нагѣво—въ горы. Но изъ насъ
Домой вернулося немного...
И горекъ былъ прощанья часъ!

2.

И тамъ, гдѣ тихо дремлютъ тучи,
Гдѣ скалы тонуть въ морѣ мглы,
Гдѣ бездны черны, страшны кручи,
Гдѣ только водятся орлы,
Въ пещерѣ мрачнаго гранита
Мы дружной ратью собрались,
И цѣпи рабства, дѣти Крита,
Разбить на вѣки поклялись!..

3.

Смутился врагъ... И были битвы!
И шла съ долины за ратью рать,
Подъ звуки пламенной молитвы,
На полѣ битвы умирать.
И выросли великаны

На голосъ родины святой...
 И наши горные туманы
 Звучали пѣсней боевой...
 Такъ на безоблачной лазури
 Сберутся тучи въ лѣтній день—
 И разомъ бѣшенныя бури
 Гремятъ надъ миромъ деревень!..

4.

Я помню вечеръ... Мы собирались
 На дикомъ выступѣ скалы...
 Внизу о камни разбивались
 Залива синіе валы;
 Надѣво тихіе сіяли
 Родного моря берега...
 Мы павшихъ братій поминали,
 И гной недавнихъ ранъ смывали
 И ждали злобнаго врага.
 За нами онъ, какъ звѣрь, гонялся
 По этимъ дикимъ высотамъ...
 Никто изъ нашихъ не сдавался
 И каждый пасть скорѣе влялся,
 Чѣмъ измѣнить своимъ друзьямъ!

5.

И вотъ далеко подъ скалою
 Блеснули ружья... И на бой
 Мы внизъ пошли рука съ рукою...
 За залпомъ залпъ звучалъ порой!..
 Краса долины благовонной,
 Межъ нами дѣвушка была,
 Какъ мужъ, въ страданьяхъ закаленный,
 Она на смерть съ улыбкой шла.
 И я видалъ, какъ ятагана
 Надъ ней сверкнуло лѣзвее...
 Какъ широко чернѣла рана
 На бѣлыхъ персяхъ у нее...
 Она легла, скрестивши руки,
 Закрывъ глаза, смеживъ уста,—
 И умерла, безъ стона муки,
 Ясна и дѣвственно чиста!..

6.

Зловѣщъ былъ этотъ день печальный...
 Насъ много пало... Я одинъ

Былъ позабытъ въ пещерѣ дальней,
 Среди родныхъ своихъ вершинъ,
 Гдѣ бродятъ серны на просторѣ,
 Гдѣ слышенъ хриплый крикъ орла,
 Гдѣ подъ зарею, словно море,
 Лежитъ таинственная мгла...

7.

И съ той поры, не зная страха,
 За братьевъ я сторицей мстилъ.
 Подъ черной рясою монаха
 Въ долины часто я сходилъ...
 Тамъ села мирныя пылали,
 И, отъ убійства опьянѣвъ,
 Враги дѣтей въ огонь кидали
 И слабыхъ женщинъ убивали
 И увозили нашихъ дѣвъ.
 И въ петляхъ висѣлицъ позорныхъ
 Душили старцевъ дикари
 За то, что мы въ скалахъ нагорныхъ
 Сложили волѣ алтари!

8.

Прошли года... Въ борьбѣ кровавой,
 Въ дыму пожарищъ роковыхъ
 Оплакалъ Критъ нашъ величавый
 И схоронилъ бойцовъ своихъ.
 Когда взойдутъ иныя силы
 И бой побѣдный загремитъ,
 И наши горныя могилы
 Свободный Критъ благословитъ,
 На нихъ укажетъ вную безпечный
 И дѣти дѣтямъ повторять:
 — „Тамъ колыбель свободы вѣчной
 Туманы горныя хранить!..“

И.-Д.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Ж.-Ж. РУССО.

(СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.)

VII.

Вслѣдъ за разсужденіемъ о неравенствѣ, зимою 1755 г., вышелъ пятый томъ энциклопедіи съ статьею Руссо о политической экономіи. Въ то время во всей Европѣ господствовалъ патріархальный взглядъ на народное богатство и государственное хозяйство считалось частнымъ хозяйствомъ, страна — частнымъ имѣніемъ государя, казначейство — его частной шкатулкой. Такое смѣшеніе понятій шло въ разрѣзъ со всѣми убѣжденіями Руссо, и онъ, совершенно логически съ своей точки зрѣнія, доказывалъ, что власти отеческая и королевская существенно отличаются одна отъ другой по самому своему происхожденію: первая вытекаетъ изъ естественнаго источника, вторая основывается на договорномъ происхожденіи государства. Идеальное государство Руссо основано не на семействѣ, а на самостоятельной личности, оно состоитъ не изъ безсловесныхъ домочадцевъ, а изъ самостоятельныхъ, полноправныхъ гражданъ, управляемыхъ своимъ законнымъ, народнымъ правительствомъ, цѣль котораго — народное благо. Правительство строго соблюдаетъ законы само, заставляетъ другихъ уважать и любить ихъ и воспитываетъ въ гражданахъ чувство патріотизма. Руссо мало придаетъ значенія той „универсальной гуманности, которая принимаетъ участіе во всемъ, въ сущности — же не интересуется серьезно ничѣмъ“; за

то онъ придаетъ высокое значеніе любви „къ своимъ согражданамъ, къ обществу, въ которомъ живетъ, къ землѣ, которая носитъ и питаетъ тебя“; эта любовь „творитъ чудеса“. „Отечество должно быть общею матерью, которая съ одинаковою любовью и заботою обнимаетъ всѣхъ своихъ дѣтей, обязывая ихъ одинаковымъ покровительствомъ и вниманіемъ; оно не должно никого ни отвергать, ни предпочитать; каждый имѣетъ одни и тѣ-же права, одно и то-же значеніе. Нѣтъ ничего фальшивѣе и бессмысленнѣе того правила, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ личность можетъ быть принесена въ жертву общему. Напротивъ, всѣ должны жертвовать и кровью, и имуществомъ для защиты послѣдняго изъ нихъ. Того требуетъ основной законъ государственнаго единенія, заключеннаго единственно въ интересахъ и для блага соучастниковъ“. „Нѣтъ свободы безъ добродѣтели, нѣтъ добродѣтели безъ гражданъ“. Гражданъ создаетъ воспитаніе; Руссо убѣжденъ, что „только всеобщее, общественное образованіе по плану, составленному правительствомъ, и подъ руководствомъ чиновниковъ, назначаемыхъ верховною властью, можетъ достигъ цѣли... Но недостаточно еще имѣть гражданъ и защищать ихъ,—необходимо заботиться и объ ихъ матеріальномъ существованіи“. Нужды государства удовлетворяются изъ доходовъ съ государственныхъ имуществъ или изъ налоговъ, которыми облагаютъ себя граждане соразмѣрно съ степенью зажиточности каждаго. Защищая прогрессивный налогъ, Руссо въ то-же время заботился объ облегченіи участи крестьянства, находившагося въ ужасномъ положеніи. Онъ доказывалъ, что тогдашніе поземельные налоги разоряли и обезлюдивали села; что „земли воздѣлываются лучше всего тамъ, гдѣ крестьянинъ платитъ весьма мало, какъ въ Англіи или Голандіи, и тамъ, гдѣ онъ почти ничего не платитъ, какъ въ Китаѣ“. Заботясь прежде всего о поднятіи благосостоянія земледѣльческихъ классовъ, Руссо переноситъ съ нихъ тяжесть налоговъ на предметы роскоши, на индустрію и торговлю, развращающіе, по его мнѣнію, людей и физически, и нравственно.

Современный читатель не найдетъ ничего новаго для себя въ статьѣ Руссо о политической экономіи: главныя идеи ея давно уже сдѣлались азбучными истинами, вошли во всеобщее сознаніе, а ошибочность нѣкоторыхъ мнѣній автора очевидна для каждаго. Но для XVIII в. монографія Руссо имѣла большое значеніе.

Идеи автора, изложенныя съ увлеченіемъ и въ блестящей формѣ, находили множество послѣдователей во всѣхъ классахъ общества, такъ нуждавшася въ коренномъ обновленіи. Но въ этой диссертациі Руссо еще не развилъ вполне своихъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній и плановъ; въ это время, среди шумнаго водоворота парижской жизни, онъ еще не отдавался всецѣло и исключительно социальнымъ вопросамъ, и одновременно съ упомянутыми разсужденіями писалъ и такія вещи, какъ повѣсть „Фантастическая королева“. Парижская жизнь была въ высшей степени неблагопріятна для дальнѣйшаго развитія его таланта. Свободное время, остававшееся у него отъ переписки бумагъ, отнималось посѣтителеми, желавшими видѣть знаменитаго писателя; самъ онъ былъ вынужденъ нерѣдко бывать у своихъ друзей и знакомыхъ, а тутъ еще сильныя припадки болѣзни мѣшали работѣ. Руссо рѣшился оставить Парижъ и переселиться въ Женеву, но въ это время въ окрестностяхъ Женевы поселился его соперникъ Вольтеръ, сдѣлавшійся уже „идоломъ женщинъ и молодыхъ людей“, и Руссо, ради своего душевнаго спокойствія, отказался отъ переезда на родину. Пріятельница его, мадамъ д'Эпинне, предложила ему переѣхать въ ея имѣніе Шевретъ, въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ онъ могъ занять прекрасное и совершенно удобное помѣщеніе. Руссо, рѣшившійся не жить болѣе на чужой счетъ и не принимать никакихъ благодѣяній, колебался принять предложеніе, но, наконецъ, его уговорили, и весною 1756 г. онъ поселился въ прекрасномъ шевретскомъ паркѣ. Великолѣпная природа, тихая уединенная жизнь, дружба съ мадамъ д'Эпинне, — все возбуждало его фантазію и чувство, все увлекало его въ тотъ идеальный міръ, который онъ „населялъ существами по своей душѣ и создавалъ изъ нихъ очаровательное общество, котораго онъ былъ не недостоинъ“. Онъ жилъ въ мірѣ идеальныхъ призраковъ, онъ влюблялся въ своихъ идеальныхъ женщинъ, и эти увлеченія были такъ сильны, что, по отношенію къ его Терезѣ, ихъ можно назвать духовнымъ предубодѣяніемъ. Удалившись отъ городской жизни въ тишину сельскаго парка, Руссо отрѣшался отъ своего семейства, отъ своей Терезы, существовавшей для него ради одной фізіологической потребности, отъ своей тещи, вводившей его въ долги и даже просившей на бѣдность отъ имени зятя, отъ родственниковъ Терезы, грязныхъ

бродягъ, даже отъ своихъ друзей. Онъ очень любилъ Дидро, но этотъ ученый, игравшій относительно Руссо роль ментора и руководителя, задѣвалъ его самолюбіе, и Руссо постепенно охладѣвалъ къ нему. Дружба съ мадамъ д'Элине была тоже непрочна: ея любовникъ, баронъ Гриммъ, заправлявшій всѣмъ въ домѣ, ненавидѣлъ Руссо, и послѣдній сталъ все рѣже и рѣже бывать у своей пріятельницы. Въ то-же время его отношенія къ первому свѣтилу тогдашней литературы, къ Вольтеру, принимали все болѣе и болѣе характеръ враждебнаго соперничества. Когда, по поводу землетрасенія, разрушившаго въ 1755 году Лиссабонъ, Вольтеръ написалъ свое извѣстное стихотвореніе, Руссо не устоялъ противъ искушенія выступить противъ знаменитѣйшаго человѣка своего времени, какъ равный противъ равнаго. Онъ вооружился противъ пессимизма Вольтера, представлявшаго человѣка игрушкой случая и враждебныхъ силъ природы, онъ возмутился при видѣ того, какъ человѣкъ, „почти изнемогшій подъ бременемъ счастья и славы, силится довести подобныхъ себѣ людей до отчаянія посредствомъ утрированнаго изображенія всевозможныхъ страданій, отъ которыхъ онъ самъ свободенъ“. Вольтеръ подрывалъ вѣрованія и надежды на лучшее будущее, Руссо-же проповѣдывалъ, что несчастія людей создаются ими самими, что они устранимы и т. д. Полемика съ Вольтеромъ, впрочемъ, на этотъ разъ кончилась довольно мирно, но за то когда Дидро въ предисловіи къ своей драмѣ „Побочный сынъ“ мимоходомъ замѣтилъ, что „только злой человѣкъ живетъ одиноко“, Руссо принялъ это на свой счетъ и между ними началась ожесточенная ссора, которую друзьямъ ихъ едва удалось окончить перемиремъ. Спокойствіе на-время снова водворилось въ сердцѣ Руссо и онъ могъ кончить давно уже начатый имъ романъ — „Новую Элоизу“.

Первая часть „Новой Элоизы“ — это страстный дифирамбъ любви. Исторія развитія страсти, ея радости и печали, прелестныя картины природы, сладострастные эпизоды, трогательныя положенія — все это приводило въ восторгъ современниковъ, особенно женщинъ. Вторая часть романа имѣетъ дидактическій характеръ. Разлученная съ своимъ любовникомъ, Юлія выходитъ за Вольмара и дѣлается примѣрною женою и матерью, хотя и продолжаетъ въ своей душѣ любить перваго избранника своего

сердца. Рожденіе ребенка стояло ей жизни; но, принеши свою жизнь въ жертву долгу, она своею смертію убѣдила въ будущей жизни своего невѣрующаго мужа. Эта мораль, конечно, странна, когда ее читаетъ такой проповѣдникъ, какъ Руссо; но дѣло въ томъ, что, раздѣляя пороки и недостатки современнаго ему общества, Руссо чувствовалъ къ нимъ отвращеніе и стремился къ лучшему. Въ лицѣ его старое европейское общество начало сознавать свое безобразіе и стремиться къ новой жизни. Онъ былъ первыиъ проповѣдникомъ возрожденія, но этотъ проповѣдникъ родился и выросъ въ той-же средѣ, которую онъ хотѣлъ реформировать, и поэтому недалеко ушелъ отъ нея въ нравственномъ отношеніи. Если-бы Руссо жилъ въ древности, то легенда сдѣлала-бы изъ личности его образецъ добродѣтели, какъ это случилось, напр., съ Буддой, учителемъ воздержанія, который умеръ, объѣвшись жирной свинины... Мораль „Новой Элоизы“ не имѣла почти никакого вліянія на общество, между тѣмъ какъ исторія любви ея, заключающаяся въ первой части, увлекала читающую публику всей Европы. Картины швейцарскихъ Альпъ и другія изображенія природы имѣли также чрезвычайно важное значеніе въ литературѣ, развивая любовь къ природѣ, къ естественности, и оттѣсняя на задній планъ негѣпше вкусы рококо и т. д. Успѣхъ былъ чрезвычайный. Книжные магазины осаждались публикой, изданія расхватывались, и считали себя счастливыми даже тѣ, кому удавалось достать романъ только для прочтенія, съ платою по 12 су за часъ и томъ.

Въ то время, какъ поклонники Руссо читали его проповѣдь о супружеской вѣрности, анахоретъ-проповѣдникъ подвергся новому искушенію со стороны женскаго пола. Его посетила сестра его хозяйки, графиня д'Удто (d'Houdetot), и съдобородный пустынный страстно влюбился въ нее. Хотя графиня любила Сень-Ламберта и оставалась вѣрна ему, но, тронутая привязанностью знаменитаго человѣка, подружилась съ нимъ и не отвергала его платоническихъ ухаживаній. „Оба мы, говоритъ Руссо, — были охвачены любовью, — она къ своему возлюбленному, а къ ней; наши вздохи, наши слезы постоянно переѣшивались между собой... Она не позволяла мнѣ ничего, что могло-бы нарушить ея вѣрность, и не отказывала мнѣ ни въ чемъ, что только дозволяетъ самая нѣжная дружба“. Нѣсколько мѣсяцевъ напряженнаго со-

стоянія и неудовлетворенной страсти измучили Руссо, и дѣло кончилось-бы для него плохо, если-бы не помогли вѣншія обстоятельства. Слухи о любви Руссо скоро долетѣли до Парижа и возбудили здѣсь злорадство во всѣхъ друзьяхъ и ненавистникахъ строгаго моралиста, суроваго анахорета, превратившагося въ сибѣннаго волокиту. Сенъ-Ламбертъ тоже встревожился, и графиня уѣхала къ нему; она успокоила своего возлюбленнаго, объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, но сплетни не унимались и вмѣстѣ съ печалью разлуки доводили Руссо до отчаянія, тѣмъ болѣе, что въ этихъ сплетняхъ принимала дѣятельное участіе и мадамъ д'Эпинне, которая, по наущенію Гримма и съ помощью Терезы, пыталась даже овладѣть перепискою графини съ Руссо. Руссо вышелъ изъ себя, но скоро кончилась трогательнымъ примиреніемъ, и Руссо устремилъ всѣ свои силы, чтобы возобновить свои дружественныя отношенія къ графинѣ. Для этого онъ рѣшился сблизиться съ ея любовникомъ, С.-Ламбертомъ, который, какъ великосвѣтскій щеголь и отъявленный атеистъ, не могъ имѣть съ Руссо ничего общаго. Руссо умолялъ графиню и С.-Ламберта принять его третьимъ въ ихъ союзъ, въ качествѣ друга и повѣреннаго обоимъ. Ламбертъ съ большимъ тактомъ успокоилъ Руссо и незамѣтно помѣшалъ образованію страннаго тройственнаго союза. Между тѣмъ Гриммъ болѣе и болѣе вооружалъ противъ Руссо мадамъ д'Эпинне и оскорблялъ его своею надменностью, относясь къ нему „какъ римскій императоръ“. Когда Руссо отказался отъ предложенія мадамъ д'Эпинне сопровождать ее въ Женеву, всѣ друзья его, начиная съ Дидро, возмущались такой „черной неблагодарностью“ и начали увѣщевать Руссо покориться желанію его благодѣтельницы. Возникла интересная письменная полемика, въ которой передовые люди вѣка нападали на своего гениальнаго собрата за то, что онъ не выдерживаетъ роли благодарнаго паразита, а Руссо доказывалъ, что онъ вполне уважаетъ свою благодѣтельницу, и въ то-же время высказалъ все, что накипѣло у него на душѣ противъ этой благодѣтельницы и ея любовника, Гримма. Дѣло кончилось тѣмъ, что Руссо окончательно поссорился съ Дидро, съ графиней д'Удто, неподдавшейся на его платоническія ухаживанья и отказавшейся принять его у себя, и съ мадамъ д'Эпинне, выгнавшей его изъ своего помѣстья. Это было зимою 1757 г. Руссо очутился безъ квартиры, безъ друзей,

безъ денегъ, и его выручилъ изъ бѣды только управляющій принца Конде, Мата, давшій ему убѣжище у себя, около Монтморанси.

Волненія, причиненныя Руссо упомянутыми передрагами, снова разстроили его здоровье и онъ снова началъ готовиться къ переходу въ другую, лучшую жизнь, въ существованіи которой онъ болѣе и болѣе убѣждался. Но смерть пощадила его и на этотъ разъ. Разрывъ съ друзьями и горькое чувство одиночества убивали его, и онъ, подобно лисицѣ, размышляющей о незрѣломъ виноградѣ, старался утѣшить себя, что дружба даже вредитъ истинному призванію человѣка. „Не есть-ли исключительная любовь къ друзьямъ; воровство которое мы дѣлаемъ у родины, у челоуѣчества? Всѣ люди — наши братья, всѣ они должны быть нашими друзьями повтому, мы справедливо порицаемъ нашу исключительную привязанность, которая дѣлаетъ насъ слѣпными и несправедливыми и ограничиваетъ міръ нѣсколькими любимыми личностями“. Но всѣ подобныя размышленія были не въ состояніи исцѣлить Руссо отъ горькой тоски одиночества; къ его счастью, одинъ случай заставилъ его взяться за перо и съ обычнымъ его увлеченіемъ заняться работой. Даламберъ въ своей статьѣ Genève, помѣщенной въ „Энциклопедіи“, задѣлъ женеуское духовенство и посовѣтовалъ женеуцамъ завести у себя театр. Большой Руссо взялся за перо, чтобы отвѣчать знаменитому академику, и въ продолженіи трехъ недѣль, среди зимы, работалъ по нѣсколькимъ часамъ ежедневно въ открытомъ дѣтнѣмъ павильонѣ, безъ всякой защиты отъ снѣга и вѣтра „и безъ другого огня, кромѣ того, который согрѣвалъ его сердце“. Въ этомъ „Посланіи къ Даламберу о театрѣ“ Руссо разбираетъ вопросъ о нравственномъ значеніи сцены. Театръ служитъ развлеченію, онъ доставляетъ удовольствіе. Только тѣ удовольствія хороши и полезны людямъ, которыя необходимы. „Каждая бесполезная или излишняя трата времени есть зло для существа, жизнь котораго такъ коротка и время котораго такъ дорого“. Истинныя радости и наслажденія челоуѣка находятся не на сценѣ, а вытекаютъ изъ его трудовъ, его потребностей, его отношеній къ природѣ и къ другимъ людямъ. Родителя, дѣти, друзья, граждане имѣютъ столько пріятныхъ обязанностей, что у нихъ нѣтъ лишняго времени, имъ некогда оучать и не зачѣмъ искать развлеченій, подобныхъ теа-

тру, въ который люди ходятъ вслѣдствіе недовольства собой, скучной праздности и извращенныхъ естественныхъ наклонностей. вмѣстѣ того, чтобы принимать дѣятельное участіе въ своихъ ближнихъ, друзьяхъ, согражданахъ, посѣтители театровъ ограничиваются тѣмъ, что дарятъ этимъ участіемъ сценическихъ героевъ, и, удаленные отъ нихъ пространствомъ и временемъ, оплакиваютъ мертвыхъ, забывая страданія живыхъ, или потѣшаются надъ тѣмъ, что достойно только сожалѣнія. Руссо совершенно отвергаетъ мысль, что театръ исправляетъ нравы. „Неустрашимый, храбрый, жестокій народъ требуетъ кровавыхъ и опасныхъ празднествъ, на которыхъ можно блистать смѣлостью и хладнокровіемъ. Изнѣженный народъ хочетъ музыки и танцевъ; любезная нація требуетъ любви и изящныхъ формъ, а если она отличается еще веселымъ характеромъ, то жаждетъ шутокъ и матеріала для смѣха“. Если, такимъ образомъ, театръ зависитъ отъ образа мыслей и жизни народа и времени, то онъ можетъ имѣть значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ соотвѣтствуетъ и льститъ господствующимъ интересамъ и наклонностямъ. Сцена не можетъ измѣнять мнѣній и нравовъ, она только копируетъ ихъ, рѣзко отпечатлѣваетъ національный характеръ и поддерживаетъ бродячія въ народѣ страсти. Даже добрыя чувства, возбуждаемыя театромъ, не только бесполезны, но и вредны. Они обращаются къ выдуманному существованію, и потому остаются бесплодными. Они не требуютъ никакого самопожертвованія, никакого труда и только удовлетворяютъ тщеславію зрителя, которому пріятно чувствовать себя другомъ людей, не трогая и пальцемъ въ ихъ пользу. Человѣкъ, проливающий въ театрѣ слезы умиленія и состраданія, можетъ совершенно равнодушно относиться къ дѣйствительному страданію человѣка. Нападая на фальшивую ходульность тогдашней трагедіи, Руссо замѣчалъ и то развращающее вліяніе, какое имѣло обычное торжество добродѣтели и наказаніе порока. Еще сильнѣе онъ нападаетъ на комедію. Смѣхъ и потѣха надъ порокомъ казались ему отвратительными, безнравственными, а культъ любви, водворившійся въ комедіи, — опаснымъ для общественныхъ добродѣтелей. Частое посѣщеніе театра требуетъ большихъ расходовъ, ведетъ къ блеску, къ роскоши, поощряетъ праздность, а содержаніе театра ложится лишнимъ бременемъ на общество и создаетъ лишніе налоги. Впрочемъ, Руссо признаетъ

театръ до извѣстной степени полезнымъ въ большихъ городахъ, въ которыхъ правительство должно заботиться о развитіи дозволенныхъ увеселеній ради множества людей праздныхъ и развращенныхъ, которыхъ театръ будетъ отвлекать отъ другихъ, худшихъ удовольствій. Но въ мѣстностяхъ малолюдныхъ и населенныхъ трудолюбивыми обывателями, какъ въ Женевѣ, существованіе постоянного театра положительно вредно какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, и Руссо энергически предостерегаетъ своихъ соотечественниковъ отъ совѣтовъ Даламбера, напоминая имъ, что общественная свобода можетъ сохраняться только при добрыхъ нравахъ.

Это посланіе Руссо вызвало противъ него цѣлую бурю отвѣтовъ и возраженій,—бурю, сила которой объясняется тѣмъ, что театръ—главное удовольствіе и гордость француза. Отвѣты на письма и возраженія потребовали гораздо больше времени, чѣмъ сочиненіе самаго посланія, но эта работа не изнуряла Руссо, она оживляла и развлекала его. Разставшись съ старыми друзьями, онъ завелъ нѣсколько новыхъ знакомствъ съ горожанами, нерѣдко посѣщалъ простолюдиновъ, помогалъ имъ словомъ и дѣломъ въ ихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Вообще онъ не чуждался людей, но избѣгалъ всякихъ лишнихъ знакомствъ и посѣщеній, отклонялся отъ всего, что могло поставить его въ роль основателя секты. Когда, напр., одинъ молодой парижскій чиновникъ просилъ у него дозволенія поселиться около него, чтобы воспользоваться знакомствомъ съ нимъ для своего умственного и нравственного развитія, Руссо отвѣчалъ, что не слѣдуетъ ему такъ далеко искать правилъ нравственности, которыя можно узнать изъ собственной совѣсти. Руссо также не прочь былъ и отъ покровительства большихъ господъ, которое уже причинило ему столько страданій, и когда богатый маршалъ Люксембургъ предложилъ ему квартиру и свою протекцію, онъ охотно принималъ ихъ, хотя нужно замѣтить, что маршалъ и жена его относились къ Руссо съ большимъ тактомъ и чрезвычайнымъ уваженіемъ, предоставляя ему полную свободу жить, какъ ему угодно. Здѣсь-то на покой, въ прекрасномъ помѣщеніи, Руссо приготовилъ къ печати свои лучшія произведенія—„Эмиля“ и „Общественный договоръ“. Благодаря случайности и своимъ проискамъ, іезуиты еще до напечатанія „Эмиля“ познакомились

съ его содержаніемъ и забили тревогу, тѣмъ болѣе опасную, что еще не улеглась буря, поднятая „безнравственностью“ „Новой Элоизы“, которая была даже запрещена въ Женевѣ. Иезуиты возбудили сильное подозрѣніе противъ „Эмиля“ и „Общественнаго договора“, и покровитель Руссо, маршалъ, уже нѣсколько разъ предостерегалъ его объ опасности, но Руссо не вѣрилъ. Наконецъ, однажды ночью Руссо будятъ и зовутъ къ женѣ маршала, которая сообщаетъ ему, что его арестуютъ завтра утромъ. Собравшись на скорую руку, Руссо бѣжитъ и черезъ пять дней переходитъ границу Швейцаріи. „Когда я вступилъ на бернскую почву, рассказываетъ онъ,—то велѣлъ остановиться, выскочилъ изъ экипажа, бросился на землю, обнималъ ее, цѣловалъ и восторженно кричалъ: „благодарю тебя, праведное небо, защитникъ добродѣтели, за то, что я на землѣ свободы“. Изумленный почтальонъ считъ меня за сумасшедшаго, но я снова сѣлъ въ экипажъ, и черезъ нѣсколько часовъ меня уже обнимали руки моего стараго, достопочтеннаго друга Рогена“.

VIII.

Переходныя времена ни въ чемъ такъ не нуждаются, какъ въ новыхъ принципахъ воспитанія, которые-бы могли создать новую породу людей. Естественно, что Руссо, столь безпощадно отрицавшій строй стараго режима, поставилъ себѣ задачей основать новую систему воспитанія. Много лѣтъ работалъ онъ надъ этой темой и, наконецъ, развилъ ее въ своемъ дидактическомъ романѣ „Эмиль“.

„Изъ рукъ виновника вещей, говоритъ онъ,—все выходитъ хорошимъ и все портится въ рукахъ человѣка. Онъ заставляетъ землю произращать продукты чуждаго климата, онъ принуждаетъ одно дерево приносить плоды другого. Онъ переищиваетъ климаты, стихіи, времена года; онъ уродуетъ своихъ лошадей, своихъ собакъ, своихъ рабовъ. Человѣкъ тоже не можетъ оставаться тѣмъ, чѣмъ и какъ создала его природа; его дрессируютъ, какъ скаковую лошадь, подрѣзываютъ, какъ садовое дерево. Растенія измѣняютъ культурой, людей—воспитаніемъ“. Какъ ни плоха эта дрессировка, но она необходима въ социальной жизни,

и было-бы еще хуже, если-бы эта жизнь, отучающая человѣка отъ природы, ничѣмъ не замѣняла послѣднюю. Воспитаніе совершается подѣ вліаніемъ трехъ факторовъ — природы, соціальныхъ условій и людей. Внутреннее развитіе нашихъ способностей и органовъ, совершенно независящее отъ человѣка, есть природное воспитаніе. Содержаніе нашего собственнаго опыта, получаемое отъ воздѣйствія на наши чувства внѣшнихъ предметовъ и до извѣстной степени зависящее отъ человѣка, есть воспитаніе подѣ вліаніемъ соціальныхъ условій. Наконецъ, то употребленіе, какое учатъ насъ дѣлать изъ нашихъ способностей, есть воспитаніе людми, находящееся вполнѣ въ нашей власти. „Такъ-какъ совокупное дѣйствіе этого троякаго воспитанія необходимо для достиженія его цѣли, то воспитаніе, которое рѣшительно не зависитъ отъ насъ, должно служить мѣрой и руководствомъ для двухъ остальныхъ“. Слѣдовательно, воспитаніе во всѣхъ отношеніяхъ должно сообразоваться съ природою человѣка. „Рождаясь съ способностью чувствовать, мы съ самаго режденія воспринимаемъ самыя разнообразныя впечатлѣнія отъ окружающихъ насъ предметовъ. Вмѣстѣ съ сознаніемъ этихъ впечатлѣній растетъ извѣстная наклонность искать или избѣгать тѣхъ вещей, которыя производятъ ихъ. Направленіе этой наклонности зависитъ сначала отъ того, пріятны или непріятны намъ эти впечатлѣнія“; потомъ въ дѣло вступаетъ разсудокъ. Возникшія такимъ образомъ симпатіи и антипатіи, которыя крѣпнуть и развиваются по мѣрѣ того, какъ мы становимся болѣе воспріимчивыми и понимающими, составляютъ въ своей совокупности природу человѣка. Но общественная жизнь ихъ уродуетъ и отклоняетъ отъ ихъ цѣли. Естественный человѣкъ живетъ только въ себѣ и для себя, общество-же требуетъ, чтобы изъ него развивался не человѣкъ, но членъ соціального союза; естественное воспитаніе поэтому совершенно противоположно естественному, они исключаютъ другъ друга. Существующая-же воспитательная система преслѣдуетъ двѣ противоположныхъ цѣли и поэтому не достигаетъ ни одной. „Она можетъ образовывать только двоедушныхъ людей, которые, повидимому, во всемъ зависятъ отъ другихъ, въ сущности-же думаютъ только о самихъ себѣ... Если кто, живя въ обществѣ, захочетъ отдавать предпочтеніе своимъ естественнымъ чувствамъ, тотъ не будетъ знать, чего онъ хочетъ. Постоянно противорѣча самому себѣ, постоянно

колеблясь между своими наклонностями и своими обязанностями, онъ не будетъ ни челоѣкомъ, ни гражданиномъ, не принесетъ пользы ни себѣ, ни другимъ. Онъ можетъ быть только однимъ изъ современныхъ людей, французомъ, англичаниномъ, буржуа, т.-е. въ сущности ничѣмъ“. Въ обществѣ, гдѣ каждому точно назначено его мѣсто, всякій воспитывается для своего положенія, и воспитаніе дѣлается совершенно бесполезнымъ, какъ скоро приходится челоѣку покинуть или переимѣнить свое мѣсто. Въ естественномъ-же состояніи всѣ люди имѣютъ одинаковое челоѣческое призваніе, и кто хорошо воспитанъ для него, тотъ будетъ годенъ для всякаго мѣста, какое-бы ни выпало на его долю. „Будучи прежде всего челоѣкомъ, онъ будетъ всѣмъ, чѣмъ долженъ быть челоѣкъ. И если судьба заставила-бы его постоянно мѣнять свое положеніе, онъ будетъ вездѣ на своемъ мѣствѣ“. Образование челоѣка, а не члена какого-нибудь званія или профессіи, есть цѣль естественнаго воспитанія, а общая участь челоѣчества—сфера, для которой долженъ быть приготовленъ воспитанникъ. „Наилучшимъ образомъ воспитанъ тотъ, кто умѣетъ наилучшимъ образомъ переносить радости и страданія жизни“. Жизнь—великое искусство, которому долженъ учиться челоѣкъ. „Жить—значитъ не дышать, а дѣйствовать, дѣлать употребленіе изъ нашихъ органовъ, чувствъ, способностей, изъ всѣхъ частей нашего существа, дающихъ намъ ощущеніе бытія“. Истинное воспитаніе состоитъ поэтому не столько въ ученіи, сколько въ упражненіи, и начинается одновременно съ жизнью. Воспитаніе требуетъ не только большого ума, но и той беззавѣтной преданности ребенку, какой можно ожидать только отъ родителей. „Мать—естественная кормилица, а отецъ—естественный воспитатель“; никто не въ правѣ дѣлаться отцомъ, если онъ не въ состояніи исполнять его обязанностей. Впрочемъ, Руссо не твердо держится этого правила и поручаетъ своего Эмиля воспитателю.

Главная забота воспитателя должна состоять въ томъ, чтобы въ ребенкѣ могла совершенно безпрепятственно развиваться своя дѣятельность истинная образовательница людей—природа. „Ребенокъ съ самаго начала питомецъ природы, и воспитатель долженъ только слѣдовать указаніямъ этой первой учительницы“. Для успѣшнаго воспитанія необходимо, чтобы ребенокъ былъ здоровъ; что-же касается умственныхъ способностей, то Руссо не при-

даетъ имъ большого значенія и довольствуется, если воспитанникъ одаренъ ими въ посредственной степени. Желательно также, чтобы ребенокъ принадлежалъ къ высшему сословію, родился въ умѣренномъ климатѣ и имѣлъ достаточное матеріальное обезпеченіе,—для дѣтей, необладающихъ этими условіями, естественное воспитаніе, по мнѣнію Руссо, невозможно, и его система, такимъ образомъ, составлена только для избранныхъ, которые могутъ имѣть образцовыхъ воспитателей, расти въ достаткѣ, въ сельскомъ уединеніи и т. д. Несмотря на такой барскій характеръ, основные принципы этой системы совершенно чужды аристократизма и, будучи очищены отъ противорѣчій, въ которыхъ такъ часто путался Руссо, пригодны и желательны для всѣхъ.

Ребенокъ нуждается прежде всего въ нормальномъ питаніи, и Руссо энергически настаиваетъ, чтобы матери выполняли свою священнѣйшую обязанность и сами кормили своихъ дѣтей грудью. Далѣе онъ нападаетъ на существующіе способы ухода за дѣтьми, основанные на систематическомъ стѣсненіи, „которое сопровождается челоуѣка отъ колыбели до могилы“. Едва ребенокъ появляется на свѣтъ, какъ его уже скручиваютъ свивальникомъ, препятствующимъ свободному движенію членовъ и кровообращенію, мѣшающимъ росту и, можетъ быть, имѣющимъ вредное вліяніе даже на темпераментъ и характеръ. Боязнь, что безпрепятственное движеніе членовъ можетъ повредить ребенку, не имѣетъ никакого основанія; причиняемыя же имъ незначительныя ушибы и неудобства даже очень полезны, такъ-какъ они по-возможности рано знакомятъ челоуѣка съ неизбежною школою страданій. Начиная съ ранняго дѣтства, необходимо укрѣплять тѣло, дѣлая его по-возможности менѣе чувствительнымъ къ внѣшнимъ вліяніямъ, напр., къ переиѣнамъ температуры, даже къ недостатку пищи и сна.

Духовная жизнь ребенка начинается тотчасъ послѣ рожденія, и регулируя ее, воспитатель долженъ заботиться прежде всего, чтобы частое вліяніе однихъ и тѣхъ-же впечатлѣній не подчинило ребенка власти привычки. Правильное удовлетвореніе его естественныхъ потребностей легко приводитъ къ тому, что ребенокъ привыкаетъ удовлетворять ихъ даже въ томъ случаѣ, когда нѣтъ въ томъ никакой необходимости. Руссо настоятельно рекомендуетъ прибѣгать въ уходѣ за ребенкомъ къ извѣстнымъ ис-

ключеніямъ и уклоненіямъ и тѣмъ предупреждать образованіе привычекъ, не только прибавляющихъ къ естественнымъ потребностямъ искусственныя, но и стѣсняющихъ болѣе или менѣе свободную самоопредѣляемость человѣка. Ребенокъ интересуется каждымъ новымъ предметомъ, но чувствуетъ себя до того слабымъ, что боится всего, чего онъ не знаетъ и не понимаетъ, и его, начиная съ ранняго дѣтства, необходимо приучать въ виду самыхъ разнообразныхъ вещей, даже возбуждающихъ въ немъ отвращеніе и страхъ, чтобы предупредить развитіе безтолковыхъ антипатій, неосновательной боязни и т. д. Ребенокъ можетъ понимать только матеріальные предметы и отношенія; съ ними-то исключительно и должно знакомить его, не навязывая никакихъ моральныхъ понятій, недоступныхъ еще дѣтскому уму. Нужно только упражнять нравственныя силы ребенка, приучая его постепенно довѣряться самому себѣ и обходиться безъ чужой помощи; особенно когда онъ получаетъ даръ слова, когда у него появляются зубы и онъ начинаетъ ходить. „Когда дитя начинаетъ говорить, то необходимо, чтобы оно слышало только такія слова, которыя оно понимаетъ и можетъ ясно выговаривать“. Въ противномъ случаѣ оно привыкаетъ употреблять слова безъ яснаго пониманія и довольствоваться неопредѣленными представленіями и неясными понятіями, какъ большинство людей.

Когда дитя начинаетъ ходить, говорить и ѣсть собственными зубами, оно начинаетъ чувствовать свою индивидуальность и дѣлается способнымъ испытывать счастье и несчастье. Считаая задачей воспитанія, чтобы человѣкъ въ каждое мгновеніе своей жизни, начиная съ ранняго дѣтства, чувствовалъ себя по-возможности счастливымъ, Руссо нападаетъ на тѣ системы воспитанія, которыя, имѣя въ виду не настоящее, а будущее, приносятъ дѣтей въ жертву послѣднему, „подвергаютъ ихъ невыносимому игу и осуждаютъ ихъ, какъ галерныхъ рабовъ, на постоянныя работы. Возрастъ веселья нерѣдко проходитъ среди слезъ, угрозъ и наказаній. Несчастливыхъ мучаютъ для ихъ собственной пользы и не видятъ смерти, которую готовятъ имъ“. Дѣтство должно пользоваться свободой, играми, весельемъ. Свобода и независимость служатъ необходимыми условіями счастья, которое возможно только въ томъ случаѣ, если мы можемъ

удовлетворять своимъ потребностямъ своими собственными силами. Поэтому и ребенку слѣдуетъ предоставлять свободу, если его потребности ограничены и онъ можетъ исполнять свои желанія безъ чужой помощи, но въ то-же время устранять отъ него возможность увлеченій и излишествъ, даже приучать его къ самоограниченію, такъ-какъ человѣкъ не бываетъ абсолютно свободнымъ ни въ какую эпоху своей жизни. При этомъ нужно стараться, чтобы ребенокъ чувствовалъ себя зависимымъ не отъ людей, а отъ вещей и отношеній. „Зависимость отъ вещей лежитъ внѣ нравственной сферы, не вредитъ свободѣ и не порождаетъ никакихъ нравственныхъ пороковъ; зависимость-же отъ людей, противорѣча нравственному порядку, вызываетъ всевозможные пороки и приводитъ къ тому, что господинъ и рабъ развращаютъ другъ друга“. Руссо требуетъ, чтобы совѣты и указанія, даваемые ребенку, казались не желаніями другого лица, а необходимыми слѣдствіями данныхъ отношеній, „чтобы онъ чувствовалъ тяжкое иго необходимости, налагаемое на человѣка природою“. Ему слѣдуетъ не запрещать, но мѣшать дѣлать зло, и удовлетворять его желаніямъ не потому, что онъ хочетъ, а потому, что они необходимы. Въ системѣ Руссо нѣтъ ни приказаній, ни запрещеній, ни долга, ни послушанія, а одинъ только законъ возможнаго и невозможнаго, разъясняемый воспитателемъ. „Пусть только ребенокъ дѣлаетъ все не потому, что онъ видѣлъ или слышалъ, не изъ-за похвалъ или порицаній, но потому, что этого требуетъ отъ него природа, и можно быть увѣреннымъ, что онъ не сдѣлаетъ никакого зла“. Лучшимъ нравственнымъ наставленіемъ для него служить примѣръ окружающихъ.

Руссо рѣшительно не совѣтуетъ обременять память ребенка изученіемъ языковъ, исторіи, географіи, математики. Ребенокъ понимаетъ только тѣ предметы, которые подлежатъ его непосредственному чувственному воспріятію и возбуждаютъ въ немъ прямой личный интересъ. Для него годится только одна книга жизни. Прежде всего онъ долженъ упражнять свои мускулы и чувства, развивать въ себѣ энергію и неустрашимость и, такимъ образомъ, укрѣплять и физическія, и душевныя силы. При такихъ условіяхъ къ концу перваго періода дѣтства (10—12 л.) онъ будетъ сильнымъ, здоровымъ, разсудительнымъ мальчикомъ, безъ дурныхъ привычекъ, съ немногочисленными, но ясными понятіями-

ми, съ самостоятельнымъ характеромъ, съ сильными естественными чувствами, вполне гармонирующими съ его поступками.

Настаетъ время учиться, трудиться. Руссо устраняетъ въ этомъ возрастѣ всякую систему, всякія абстракціи, и рекомендуетъ только знакомство съ видимымъ міромъ. „При первыхъ дѣйствіяхъ ума руководителями его должны быть чувства. Поэтому не нужно никакой другой книги, кромѣ книги міра, никакого другого ученія, кромѣ ученія посредствомъ фактовъ“. Изъ книгъ онъ допускаетъ для этого возраста только одну — „Робинзона Крузо“. Главнымъ предметомъ обученія должны быть ремесла. „Практическое упражненіе въ искусствахъ, для которыхъ достаточны силы одного человѣка, ведетъ къ знакомству съ тѣми промышленными искусствами, которыя требуютъ содѣйствія многихъ рукъ и поэтому могутъ развиваться только въ общественномъ союзѣ“. Такимъ образомъ, воспитанника можно познакомить съ этой стороной социальныхъ отношеній и съ значеніемъ различныхъ ремеселъ. „Желѣзо и стекло должны имѣть въ его глазахъ большую цѣну, чѣмъ золото и алмазъ; онъ уважаетъ сапожника или каменьщика больше, чѣмъ всѣхъ ювелировъ міра... Чѣмъ менѣе извѣстное ремесло или промыселъ нуждается въ содѣйствіи другихъ, чѣмъ оно свободнѣе и независимѣе, тѣмъ почтеннѣе. Поэтому, первое мѣсто между ними принадлежитъ землѣдѣлію, второе — кузнечному мастерству, третье — плотничному и т. д.“. Воспитанникъ, кромѣ того, долженъ изучить какое-нибудь ремесло для собственной пользы, чтобы быть въ состояніи жить трудами рукъ своихъ.

Ребенку, правильно воспитанному, „люди не внушаютъ никакого истиннаго участія, онъ интересуется только вещами, насколько онѣ ему полезны или вредны“. Но вотъ начинается и жизнь сердца, въ юности пробуждается потребность любви. Руссо убѣжденъ, что всѣ склонности человѣка, при надлежащемъ ихъ направленіи, приводятъ къ добру, нужно только по-возможности замедлять ихъ развитіе. „Уроки и указанія природы слѣдуютъ поздно и медленно, а людскіе — почти всегда преждевременно“. Люди возбуждаютъ страсти и склонности даже въ томъ случаѣ, когда хотятъ помѣшать имъ, и ничто такъ не содѣйствуетъ потерѣ ребенкомъ невинности, какъ обычныя заботы объ ея охраненіи. „Искусственный, утонченный языкъ,

къ которому приучаютъ его, постоянныя напоминанія о стыдѣ, правила приличія, которыми онъ долженъ слѣдовать,—все направляетъ его любопытство именно на тѣ предметы, отъ которыхъ хотятъ отвлечь его. Дѣти обладаютъ необыкновенною способностью замѣчать все дурное, закрываемое отъ нихъ покровомъ нравственности“, и, такимъ образомъ, прежде, чѣмъ пробудятся въ нихъ извѣстныя пожеланія, они уже узнаютъ предметъ и цѣль ихъ. Разумное воспитаніе должно дать надлежащую пищу пробуждающемуся чувству и посвятить въ немъ сѣмена гуманности. „Если молодой человѣкъ выросъ въ счастливой простотѣ, то первыя возбужденія природы внушаютъ ему нѣжныя и любвеобильныя чувства. Его чувствительное сердце трогается при видѣ чужихъ страданій; онъ трепещетъ отъ радости, встрѣчая товарища своего дѣтства... Юность—это возрастъ не ненависти и мести, а состраданія, вротости и великодушія. Кто, не будучи развращенъ, сохраняетъ свою невинность до двадцати лѣтъ, тотъ въ этомъ возрастѣ является лучшимъ, достойнѣйшимъ изъ людей“. Задерживая развитіе чувства въ половомъ направленіи, воспитатель долженъ направлять его на состраданіе и любовь къ людямъ, знакомить питомца съ людскими несчастіями, напоминать ему, что и онъ рискуетъ ежеминутно подвергнуться тѣмъ же бѣдствіямъ, приучать его относиться съ любовью и уваженіемъ къ народу. „Въ сущности, родъ человѣческій состоитъ только изъ народа; все, что не принадлежитъ къ нему, имѣетъ такъ мало значенія, что почти не стоитъ вниманія. И народъ вовсе не такъ глупъ, какъ угодно думать презирающимъ его. Познакомьтесь только съ простолюдинами, и вы найдете, что ихъ столько-же ума и болѣе здраваго смысла, чѣмъ у васъ“ Руссо въ особенности настаиваетъ на томъ, что народъ болѣе, чѣмъ всякое другое сословіе, достоинъ сочувствія и состраданія, которыя, впрочемъ, должны простираться на всѣхъ людей... „Дѣло не въ томъ, чтобы сдѣлать изъ воспитанника сидѣлку или сестру милосердія или водить его изъ одного мѣста страданій въ другое, изъ тюрьмы на площадь казни“, но чтобы тронуть его видомъ человѣческихъ страданій и познакомить съ участью людей. Онъ долженъ знать отношенія общественной жизни не такими, какими они кажутся, а какъ они существуютъ въ дѣйствительности, во всей своей ужасающей наготѣ... Хорошимъ

средствомъ для изученія людей служить исторія и особенно біографія. Не мало грустныхъ впечатлѣній доставятъ онѣ юношѣ. За изумленіемъ, слѣдующимъ при первомъ взглядѣ на сцену всемірной исторіи, онъ почувствуетъ стыдъ, презрѣніе, отвращеніе при видѣ того, до какой глупости унижаются люди, какъ они терзаютъ другъ друга, и „не довольствуясь быть людьми, превращаются въ дикихъ звѣрей“. Слѣдя за игрою страстей и разсматривая тѣ призраки, которыми онѣ увлекаютъ человѣка, юноша узнаетъ, какъ онѣ могутъ увлечь и его самого, и что нужно дѣлать, чтобы предотвратить эти увлеченія. Изученіе исторіи будетъ для него „курсомъ практической моральной философіи, который гораздо лучше и цѣлесообразнѣе тѣхъ отвлеченныхъ наставленій, которыми въ школахъ сбиваютъ юношество съ толку“. При этомъ необходимо заботиться, чтобы воспитанникъ не дошелъ до презрѣнія къ людямъ, которое ведетъ къ преувеличенному мнѣнію о себѣ и тщеславію. Необходимо дать ему почувствовать, что въ сущности онъ такой-же человѣкъ, какъ и другіе. Его нужно приучать постепенно къ самостоятельной дѣятельности, и Руссо совѣтуетъ упражнять его въ благотворительности.

При наступленіи періода половой зрѣлости, Руссо совѣтуетъ немедленно женить юношу. Если же это невозможно, то воспитатель долженъ выяснитъ ему критичность его положенія, указать на опасности, его ожидающія, занимать его соответственными возрасту развлеченіями, напр., охотой, развить въ немъ желаніе сохранить себя для брака и поселить въ его сердцѣ идеалъ любимой женщины, который предохранитъ его отъ порока и заставитъ искать достойную подругу своей жизни. Воспитавъ своего героя, Руссо вводитъ его въ большой свѣтъ, излагаетъ правила, какъ онъ долженъ здѣсь вести себя, учиться хорошему тону, искусству нравиться и т. п. Въ біографіи Эмиля, такимъ образомъ, Руссо поступилъ такъ-же неслѣдовательно, какъ и въ своей собственной жизни. Къ чему были всѣ эти хлопоты о воспитаніи, согласномъ съ природою, всѣ эти великіе замыслы о созданіи новой породы людей, когда эти люди воспитываются для того, чтобы фигурировать въ обществѣ феодальныхъ маркизовъ, сахарныхъ аббатиковъ и великосвѣтскихъ развратницъ!.. Но Руссо былъ, такъ-сказать, приемышемъ этого общества и, видя его недостатки, его смертные недуги, все-таки считалъ его спо-

собныи въ возрожденію... Знакомая съ свѣтомъ, съ искусствами, съ литературой, молодой человекъ долженъ, наконецъ, пополнить пробѣлъ, остающійся въ его знаніяхъ о людяхъ. „Узнавъ физическія отношенія, связывающія его съ прочими существами, и нравственныя отношенія, соединяющія его съ другими людьми, онъ долженъ изучить и политическія отношенія государства, въ которомъ онъ живетъ, съ своими согражданами“. Но этого недостаточно: для надлежащаго пониманія своей родины необходимо знать другіе народы, а лучшее средство для этого — путешествія.

Вводя своего Эмиля въ свѣтъ, Руссо сталъ въ противорѣчіе съ своими основными принципами, и это противорѣчіе продолжается во всей послѣдующей жизни Эмиля. Какъ истый бюргеръ, Руссо заставляетъ воспитателя искать невѣсту Эмилю и *женить* его. Онъ требуетъ для женщины совершенно другого воспитанія, чѣмъ для мужчины; она создана, чтобы нравиться мужчинамъ и быть матерью, и воспитаніе должно подготовить ее къ этой роли, предназначенной ей самой природой.

„Эмиль“ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на общество, въ которомъ до него почти не заботились о рациональномъ воспитаніи дѣтей. „Эту книгу, говоритъ одинъ противникъ Руссо, — всѣ читаютъ съ величайшею ревностью, хотя она и исполнена смертоноснаго яда, — ночью, днемъ, во время прогулокъ, въ кабинетѣ, въ городѣ и деревнѣ; никакую школу не любятъ такъ сильно, какъ школу женеваго философа, и считаютъ даже позоромъ не быть ученикомъ его“. Конечно, видную роль играло тутъ модное увлеченіе, въ силу котораго великосвѣтскія дамы начали устраивать парадное кормленіе грудью своихъ дѣтей, а великосвѣтскіе львы отнимали нѣсколько времени у своего празднаго шалопаиства на упражненія въ ремеслахъ; тѣмъ не менѣе книга имѣла огромное вліяніе. Благодаря ей всѣ заговорили о воспитаніи, Руссо „возвратилъ дѣтямъ ихъ матерей“ и чрезвычайно много содѣйствовалъ облегченію участи дѣтей. „Если, говоритъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ его противниковъ, — дѣти пользуются въ настоящее время той кроткой свободой, какая имъ представлена, если они не угнетены болѣе всевозможными стѣсненіями и оковами, то этииъ они обязаны автору „Эмиля“. „Поставивъ на очередь вопросъ о воспитаніи, Руссо указалъ и ту единственную почву, на которой было возможно его дальнѣйшее раз-

витіе. Не говоря уже о множествѣ ясныхъ и рациональныхъ частныхъ мнѣній его, онъ оказалъ педагогикѣ особенную услугу тѣмъ своимъ основнымъ положеніемъ, что воспитаніе должно развивать всѣ естественныя силы и способности человѣка. Руссо не создалъ новой породы людей, но его „евангеліе природы“, какъ Гёте называетъ „Эмиля“, сильно содѣйствовало развитію въ молодыхъ поколѣніяхъ здоровой естественности, внутренней свободы и самостоятельности и вызвало къ жизни такія отрадные явленія, какъ школа Песталоцци. Но при всемъ томъ Эмиль создалъ автору его множество враговъ.

IX.

Религіозныя воззрѣнія, изложенныя въ „Эмиль“, вскорѣ были подробно развиты Руссо въ „Вѣроисповѣданіи савойскаго викарія“ и затронули католиковъ и протестантовъ съ одной стороны, а матеріалистовъ—съ другой. Викарій рассказываетъ тотъ путь, который довелъ его до религіозно-философскихъ воззрѣній; это декартовскій путь сомнѣнія. Усомнившись во всемъ, онъ разбираетъ одну за другой религіозныя гипотезы и, принимая наиболѣе вѣроятныя изъ нихъ, составляетъ свою деистическую систему. Но эта исповѣдь довела до величайшей напряженности ненависть его личныхъ и общественныхъ враговъ, тѣмъ болѣе, что одновременно съ нею былъ изданъ „Общественный Договоръ“.

Руссо доказываетъ, что государство создано не природой, а взаимнымъ соглашеніемъ людей, рѣшившихся отказаться отъ своей безусловной естественной свободы и подвергнуться ограниченіямъ, на которыхъ основанъ государственный союзъ. Какъ совершился этотъ переходъ къ общественной жизни—неизвѣстно, но государство—фактъ, фактъ естественный и необходимый, и посягать на основы его можетъ только безумецъ, стремящійся замѣнить благоустроенный социальный порядокъ хаосомъ анархіи. Воля человѣческая безусловно свободна, по мнѣнію Руссо, но человѣкъ самъ можетъ ограничивать себя, если найдетъ это необходимымъ для своихъ собственныхъ интересовъ или захочетъ сдѣлать это въ пользу другихъ. Онъ можетъ приводить свою волю въ согласіе съ волею другихъ и считать для себя обязательною нор-

мою эту всеобщую волю, которая въ то-же время есть и его собственная воля. Такимъ образомъ, если онъ вступаетъ съ подобными себѣ въ такой союзъ, каждый членъ котораго имѣетъ въ общей волѣ всѣхъ свою собственную волю, то этотъ союзъ, нисколько ненарушающій права свободнаго самоопредѣленія, вполне разуменъ и законенъ. Руссо не сомнѣвается, что въ основѣ каждаго государства, каковы-бы ни были его формы, лежитъ подобное соглашеніе, и опровергаетъ тѣхъ, которые утверждали, что государство основано силою: сила не можетъ создать права, а государство основано на правѣ; сила создаетъ только такіа незаконныя институціи, какъ, напр., невольничество; сила можетъ только внѣшнимъ образомъ связывать между собою людей, а государство — органическое цѣлое, всѣ члены котораго соединены общимъ соглашеніемъ, одинаковостью обязанностей и правъ, единствомъ интересовъ. „Эта общественная личность, состоящая изъ соединенія всѣхъ личностей“, называется обществомъ, политическимъ тѣломъ, *государствомъ* въ пассивномъ состояніи, и *верховною властью* — въ активномъ. Члены этой корпораціи называются въ массѣ *народомъ*, отдѣльно — *гражданами*, на-сколько они участвуютъ во власти, а относительно своей подчиненности государственнымъ законамъ — *подданными*.

Членъ государства, такимъ образомъ, имѣетъ и активное, и пассивное значеніе, и съ каждымъ изъ этихъ отношеній соединяются опредѣленныя права и обязанности. Какъ отдѣльный гражданинъ, онъ обязанъ безусловнымъ повиновеніемъ верховной власти. Государь или верховная власть не имѣетъ ни высшей власти надъ собой, ни равной рядомъ съ собой, даже собственныя ея рѣшенія нисколько необязательны для нея и могутъ быть отмѣнены ею во всякое время. Но ея права вполне совпадаютъ съ коренными условіями государственнаго союза, неприкосновенность котораго она охраняетъ. Равнымъ образомъ она не можетъ отказывать въ защитѣ и покровительствѣ отдѣльному гражданину, права котораго нарушены. Каждое покушеніе противъ цѣлаго союза касается всѣхъ въ отдѣльности, и каждая несправедливость, причиненная одному, касается цѣлаго союза. Каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго. Уже изъ самаго понятія верховной власти очевидно, что ея желанія и интересы совпадаютъ съ желаніями и интересами отдѣльныхъ гражданъ. Напротивъ, отдѣльныя лица,

какъ люди, могутъ имѣть волю, уклоняющуюся отъ всеобщей воли, третирующей ихъ, *какъ гражданъ*. Въ этомъ случаѣ верховная власть имѣетъ право и обязанность возстановить нарушенное единство.

Одно изъ первыхъ преимуществъ государственнаго союза заключается въ охранѣ гражданской свободы. Свобода получаетъ свое нравственное значеніе только въ общественномъ союзѣ; пока человѣкъ живетъ изолированно, его поступки безразличны въ нравственномъ отношеніи, но вступая въ общественную жизнь, онъ находитъ случаи и побужденія прилагать къ дѣлу покоившіяся до тѣхъ поръ въ немъ нравственныя силы. Умъ его развивается и онъ выходитъ изъ естественнаго состоянія ограниченности, онъ принимаетъ на себя обязанности и получаетъ права; онъ уже не можетъ имѣть притязаній на все, но за то получаетъ право собственности, гарантируемое ему государствомъ.

Какъ скоро съ основаніемъ государства прежняя противоположность отдѣльныхъ интересовъ замѣнилась единствомъ общаго интереса, то цѣлью его сдѣлалось общее благо гражданъ. Общая воля и верховная власть неотчуждаемы, нераздѣлемы, ненарушимы. Образованію строго замкнутыхъ въ себѣ партій, стѣсняющихъ волю своихъ членовъ, необходимо препятствовать. Чѣмъ меньше онѣ числомъ и чѣмъ больше у нихъ послѣдователей, тѣмъ большею опасностью угрожаютъ онѣ государству, которое онѣ могутъ эксплуатировать для своихъ отдѣльныхъ интересовъ. Для государства въ высшей степени опасно, если власть дѣлается игрушкой партій или отождествляется съ ними. Она должна стоять выше всѣхъ отдѣльныхъ стремленій и сдерживать ихъ въ границахъ основнаго закона. Она имѣетъ абсолютное право распоряжаться своими подданными и пользоваться ими для своихъ цѣлей, какъ *гражданами*. Но они имѣютъ еще права, какъ люди, напр., жизнь, свободу и т. д., которыхъ они не лишаются, вступивъ въ государственный союзъ, и которыя принадлежать имъ абсолютно. Упомянутыя права власти основаны на томъ, что она существуетъ и дѣйствуетъ для общаго блага. Лицо, служащее государству, служить въ то-же время и самому себѣ, такъ-какъ общій интересъ всѣхъ есть и его интересъ. Государство имѣетъ даже надъ своими гражданами право жизни и смерти, оно можетъ требовать, чтобы гражданинъ рисковалъ своею жизнью для его защиты, оно-же можетъ и казнить его, если онъ опасенъ

для его безопасности или существованія. „Преступникъ — врагъ государства и долженъ быть преслѣдуемъ на-смерть“; казнить, однакожь, слѣдуетъ только тѣхъ, оставлять которыхъ жизнь было-бы опасно. Съ правомъ наказанія соединяется право помилованія, но пользоваться имъ нужно умѣренно, чтобы не подорвать уваженія къ законамъ.

Важнѣйшее право верховной власти — законодательное. Законы — необходимое дополненіе общественнаго договора, основы государственной жизни и развитія. „Только тамъ, гдѣ законы пользуются всеобщимъ признаніемъ и безусловнымъ господствомъ, существуетъ государство въ настоящемъ значеніи слова, будетъ ли то монархія или республика. Для составленія законовъ необходимъ особый законодатель“. „Народъ желаетъ, конечно, добра себѣ, но онъ не знаетъ его“; законодательная власть не отчуждается, но поручаетъ кому-нибудь составленіе законовъ и потомъ утверждаетъ ихъ. Руссо даже желаетъ, чтобы ихъ освящала религія своимъ авторитетомъ, и въ этомъ случаѣ онъ руководствовался, конечно, примѣромъ древнихъ республикъ и своей родины, въ которой церковь и государство находились въ такой тѣсной связи. Понятіе его о законодателѣ тоже составилось на основаніи примѣровъ Солона, Ликурга и т. д. Законодателемъ назначается выдающаяся изъ ряда личность, отличающаяся не только богатствомъ знаній и обширностью ума, но и благородствомъ души. Законодатель — это олицетворенный разумъ народа, ясно сознающій неопредѣленныя стремленія общей воли. Подобныя личности появляются лишь изрѣдка, и поэтому народы рѣдко имѣютъ хорошіе законы, что, впрочемъ, зависитъ и отъ другихъ условій. Не всякій народъ производитъ хорошіе законы и не во всякое время. Большею частью они являются въ періодъ юности народа, но иногда и въ позднѣйшія эпохи, послѣ серьезныхъ кризисовъ, потрясающихъ государство. Достоинство законодательства зависитъ также отъ пространства территоріи, для которой оно предназначено. Законодательство не можетъ быть хорошимъ, если территорія превосходитъ извѣстную мѣру или не достигаетъ ея. И снова, на основаніи примѣровъ древнихъ республикъ и кантоновъ Швейцаріи, Руссо утверждаетъ, что только на ограниченномъ пространствѣ возникаетъ то живое, взаимодѣйствіе между народомъ и его руководителями, которое вполне ручается за

процвѣтаніе общества. Территорія государства должна быть достаточна для прокормленія живущихъ на ней и должна имѣть жителей не болѣе того, сколько она можетъ прокормить. Слишкомъ малочисленное населеніе подвергается опасностямъ отъ сосѣдей; слишкомъ густое само будетъ стремиться къ расширенію своихъ границъ; въ томъ и другомъ случаѣ это будетъ воинственное населеніе, военныя-же государства такъ-же слабы и зависимы, какъ и тѣ, существованіе которыхъ основано на торговлѣ и индустріи. Воинственный народъ почти никогда не находится въ томъ мирномъ настроеніи, какое необходимо для законодательства, которое можетъ имѣть успѣхъ только при полномъ внутреннемъ спокойствіи и внѣшней безопасности. Цѣль закона — „основаніе возможно большаго благосостоянія всѣхъ“. Но этотъ основной принципъ долженъ быть осуществляемъ на практикѣ въ разныхъ формахъ. Каждый народъ нуждается въ особенной политической системѣ, сообразной съ природою страны, съ характеромъ жителей и т. д., и государство тѣмъ прочѣе, чѣмъ болѣе его законы подходятъ къ естественнымъ отношеніямъ.

Правительство, по мнѣнію Руссо, есть посредникъ между верховною властью и подданными, который поддерживаетъ взаимныя отношенія этихъ двухъ факторовъ государственной жизни, исполняетъ законы и охраняетъ гражданскую свободу. Что-же касается формъ правленія, то Руссо думаетъ, что ни одну изъ нихъ нельзя считать абсолютно лучшею; для каждаго государства существуетъ своя лучшая форма, зависящая главнымъ образомъ отъ пространства территоріи и численности ея обитателей. Обыкновенно считаютъ три основныхъ формы правленія: демократическую, аристократическую и монархическую, но онѣ почти никогда не встрѣчаются въ чистомъ видѣ, а имѣютъ болѣе или менѣе смѣшанный характеръ. Изъ нихъ монархія свойственна большимъ государствамъ, аристократія — среднимъ, демократія — малымъ, такъ-какъ сила правительства должна увеличиваться сообразно съ пространствомъ и народонаселеніемъ страны. Самъ Руссо чистѣйшій демократъ, но онъ не увлекается безусловно своимъ идеаломъ.

Но какую-бы форму ни имѣло правленіе, государство, подобно отдѣльному организму, должно старѣться и, наконецъ, умереть; вѣчно существовать оно не можетъ, но можно найти сред-

ства продолжить его жизнь до известной степени, нужно только узнать источникъ этой жизни и поддерживать его, какъ слѣдуетъ. Источникъ этотъ не въ исполнительной, но въ законодательной верховной власти. Существованіе государства не зависитъ ни отъ правительства, ни отъ сохраненія дѣйствующихъ законовъ. Если только законодательная власть не тронута, то она во всякое время можетъ создать новые законы, безъ всякой опасности для государства. Руссо, впрочемъ, замѣчаетъ, что къ подобнымъ преобразованіямъ нужно прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ. Какъ всякая другая сила, такъ и сила, дающая жизнь государству, поддерживается постоянной дѣятельностью.

Мы не будемъ касаться частныхъ трактата Руссо, подробно разсуждающаго о выборѣ чиновниковъ, о трибунахъ, ценсурѣ общественныхъ правовъ и т. д. Все это очень скучно, очень устарѣло, какъ устарѣлъ и весь вообще „Общественный договоръ“, давно уже сданный въ архивъ исторіи. При своемъ появленіи эта книга не возбудила такого восторга, какъ „Эмиль“, но тѣмъ не менѣе она имѣла такое-же мощное вліяніе на политику, какое имѣлъ „Эмиль“ на воспитаніе. На ней развились цѣлыя поколѣвія политическихъ дѣятелей, а ея идеи о законѣ, общемъ благѣ, свободѣ, о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ, о томъ, что каждый существуетъ для всѣхъ и всѣ для каждого и т. д.,—сдѣлались общимъ достояніемъ.

Х.

Пріѣхавъ въ Швейцарію, Руссо былъ чрезвычайно радъ, что достигъ „страны свободы и справедливости“, и рѣшился никогда не покидать ее. Старый другъ его, Рогень, и его семейство очень любили и ласкали Руссо, которому было такъ хорошо, „какъ-будто онъ никогда не былъ несчастнымъ“. Но это блаженное спокойствіе продолжалось недолго: нужно было хлопотать объ основаніи своего гнѣзда, предстояли расходы, надо было подумать и о Терезѣ, оставшейся во Франціи. Руссо не прочь былъ-бы отдѣлаться отъ нея, тѣмъ болѣе, что связь съ нею могла не понравиться его благочестивымъ землякамъ; но онъ все-таки

привыкъ къ ней, онъ нуждался въ ея уходѣ за собой, особенно во время болѣзни, и отступилъ отъ своего первоначальнаго на-мѣренія разойтись съ своей старой подругой, которую онъ рѣшился выдавать за обыкновенную экономку. Онъ хотѣлъ поселиться въ Женевѣ и только выжидалъ, какое впечатлѣніе произведутъ тамъ его сочиненія. Онъ былъ убѣжденъ, что женеvцы будутъ за него и обратятся къ нему съ просьбою сдѣлать честь его родному городу, избравъ его мѣстомъ своего жительства. Вышло не такъ.

11 іюня 1762 г. „Эмилъ“ былъ сожженъ въ Парижѣ, по распоряженію парламента, и объ этомъ было немедленно сообщено женевскому правительству, члены котораго хотя не были еще знакомы съ послѣдними произведеніями Руссо, но уже были сильно предубѣждены противъ нихъ и противъ ихъ автора. Имѣя противъ себя партію недовольныхъ демократовъ, эти олигархи боялись, что Руссо, живя въ Швейцаріи, можетъ стать во главѣ оппозиціи и даже совершить переворотъ, хотя Руссо не только не былъ способенъ къ революціоннымъ проискамъ, но и безусловно отрицалъ ихъ. Вольтеръ и друзья его тоже опасались сосѣдства сильнаго соперника и старались вредить ему всевозможными средствами. Наконецъ, французское правительство настаивало на осужденіи Руссо, и женевскій совѣтъ рѣшилъ сочиненія „Эмилъ“ и „Общественный договоръ“ „сжечь публично рукою палача, а автора ихъ, если онъ появится въ предѣлахъ республики, арестовать и представить синдикѣ“. Это постановленіе возбудило сильное неудовольствіе въ публикѣ, которое увеличилось еще болѣе, когда въ Швейцаріи появились, наконецъ, экземпляры осужденныхъ сочиненій и читатели убѣдились сами въ ихъ невинности. Арестовать Руссо не рѣшились, но предписали ему выѣхать изъ Швейцаріи въ продолженіи двухъ недѣль. Изгнанникъ рѣшился искать убѣжища во владѣніяхъ либеральнаго короля Пруссіи. Правда, онъ когда-то написалъ къ портрету Фридриха II не совсѣмъ лестные для него стихки, но надѣясь, что онъ выше мелкой мести, Руссо отправился въ Нефшатель и обратился къ прусскому губернатору, милорду Кейту, съ слѣдующимъ письмомъ: „Бѣдный писатель, изгнанный изъ Франціи, изъ родного города, изъ кантона Верна, за то, что высказывалъ, что онъ считаетъ справедливымъ и полезнымъ, ищетъ убѣжища

во владѣніяхъ короля. Милордъ, прошу васъ не давать его мнѣ, если я виновенъ, такъ-какъ я не прошу милости и думаю, что въ ней не нуждаюсь. Если-же я только гонимъ, то достойно васъ и его величества не отказать мнѣ въ огнѣ и водѣ, которыхъ всюду лишаютъ меня. Распоряжайтесь моею судьбой, я подчиняюсь вашимъ приказаніямъ. Если-же-бы и вы велѣли мнѣ, въ моемъ теперешнемъ положеніи, уѣзжать, то я былъ-бы не въ состояніи повиноваться вамъ: я не зналъ-бы, куда, наконецъ, бѣжать“. Кейтъ сошелся съ Руссо, и послѣдній написалъ еще самому Фридриху: „Я много говорилъ дурного о вашемъ величествѣ и, можетъ быть, буду говорить еще болѣе, и все-таки, изгнанный изъ Франціи, Женевы и Берна, ищу убѣжища въ вашихъ государствахъ“. Фридрихъ отвѣчалъ: „пожалуйте, мой любезный Руссо; предлагаю вамъ домъ, пенсію и свободу“. Въ то-же время король велѣлъ Кейту взять съ Руссо обязательство ничего не писать, чтобы не взволновать тамошнихъ фанатиковъ. Руссо отказался дать формальное обязательство, но объявилъ, что онъ самъ рѣшилъ не братья болѣе за перо. Отъ всѣхъ вспомоствованій, предложенныхъ Фридрихомъ, онъ рѣшительно отказался и остался жить у своего знакомаго въ Мотье. Нефшательскіе магистратъ, консисторія и государственный совѣтъ тоже хотѣли-было изгнать Руссо, но лордъ Кейтъ защитилъ его.

Мирная, спокойная жизнь въ Мотье, въ кругу добрыхъ знакомыхъ и поклонниковъ, подѣйствовала на Руссо очень успокоительно. Онъ сошелся даже съ мѣстнымъ пасторомъ, Монтмолленемъ, и, желая снять съ себя пятно отщепенца, задумалъ вторично воссоединиться съ протестантскою церковью. Онъ написалъ объ этомъ Монтмолленю письмо, исповѣдуя свои протестантскія мнѣнія, и просилъ допустить его къ причастію. Пасторы и всѣ вѣрные возликовали, и Руссо былъ воспринятъ. Слухъ объ „интересномъ казусѣ“ быстро распространился всюду; философы, съ Вольтеромъ во главѣ, яростно набросились на „измѣнника“, женеvскіе друзья радовались; фанатики вооружились противъ Монтмоллена, дерзнувшаго причастить автора „Вѣроисповѣданія савойскаго виварія“, — словомъ, шумъ вышелъ страшный, но скоро все утихло и жизнь Руссо потекла мирно. Болѣзнь, впрочемъ, часто тревожила его; нерѣдко онъ принужденъ былъ вводить

звондъ и по цѣлымъ днямъ оставаться въ своей квартирѣ. Находя обыкновенное платье неудобнымъ для здоровья, онъ придумалъ себѣ особый костюмъ, на восточный манеръ, и не стѣснялся щеголять имъ. Онъ наслаждался „сладостнымъ ничегонедѣланьемъ“, и только нужда въ деньгахъ заставила его приняться за окончаніе своего „Музыкальнаго словаря“. Но какъ ни спокойна была жизнь Руссо, совершившіяся неприятели не забывались имъ. Онъ признавался, что несчастья подавили его, лишили силъ, превратили въ ходячую машину. „Я нахожу, что глупость публики простирается гораздо дальше, чѣмъ я полагалъ. Что можетъ быть смѣшнѣе того, что святоши дѣлаются драбантами Вольтера и католической секты, а протестантскіе пасторы, преслѣдуя меня, держатся за капюшоны католическихъ поповъ? Злоба не удивляетъ меня, но такая ограниченность приводитъ въ изумленіе“. Руссо не хотѣлъ защищаться и выжидалъ, когда настроеніе общественнаго мнѣнія переизмѣнится. Но когда сдѣлалось извѣстнымъ пастырское посланіе парижскаго архіепископа, въ которомъ онъ очернилъ „Эмиля“ и его автора, Руссо не выдержалъ и отвѣчалъ прелату горячимъ посланіемъ.

Указывая на то, что онъ пользовался славой и уваженіемъ, пока писалъ, и подвергся гоненію въ то самое время, какъ онъ рѣшился оставить литературную карьеру, Руссо доказываетъ, что это гоненіе несправедливо и жестоко. Его преслѣдуютъ, какъ дикаго звѣря, и если-бы онъ попалъ въ руки своихъ гонителей, то, конечно, сгнилъ-бы въ оковахъ. Добродѣтельный мужъ, душа котораго такъ-же благородна, какъ и его происхожденіе, пресвященный архіепископъ, поощряетъ ихъ. Онъ обязанъ жалѣть несчастныхъ, но онъ не стыдится поражать несчастнаго, подвергнутаго жесточайшему гоненію; онъ распространяетъ пастырское посланіе противъ протестантскаго писателя; онъ садится на свое судейское кресло и начинаетъ разбирать частную жизнь еретика, и хотя онъ осуждаетъ безъ различія всѣхъ, непринадлежащихъ къ его церкви, онъ, не предоставляя обвиняемаго его собственнымъ заблужденіямъ, еще предписываетъ ему дорогу, по которой тотъ долженъ отправляться въ адъ. И вотъ весь его клиръ, въ принадлежнѣ неистовой ярости, набрасывается на врага, чтобы уничтожить его. Большіе, малыя, всѣ переизмѣняются между собой

и даже послѣдній пономарь пытается чѣмъ-нибудь напакостить тому, противъ кого вооружились епископъ и верховный совѣтъ“. Смѣшно подумать о томъ, что встревожило властителей, взбудоражило парламентъ и „соединило государства Европы противъ сына часовщика“. Руссо блистательно разбиваетъ всѣ нападки архіепископа на „Эмиля“; показываетъ лживость его мнѣній, обличаетъ всѣхъ его единомышленниковъ въ фанатизмъ, насилие, іезуитствѣ, и кончаетъ слѣдующей тирадой: „Я разобралъ все, что вы говорили противъ моего сочиненія; я не оставилъ безъ оцѣнки ни одной вашей фразы. Я доказалъ, что вы несправедливы во всемъ, и я не боюсь слабости своихъ аргументовъ,— они неопровержимы тамъ, гдѣ господствуетъ здравый человѣческій разумъ. Да если-бы я и ошибался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, если-бы даже я былъ неправъ во всемъ, — и въ такомъ случаѣ, какого-бы вниманія заслуживала книга, въ которой, даже въ ошибкахъ ея, если онѣ есть, чувствуется искренняя любовь къ добру и ревность къ истинѣ; книга, въ которой авторъ такъ осмотрителенъ въ своихъ мнѣніяхъ, такъ часто убѣждаетъ читателей не довѣрять его идеямъ и тщательно взвѣшивать его доказательства; книга, внушающая только миръ, кротость, терпѣніе, любовь къ порядку, повиновеніе законамъ во всемъ, даже въ религіозныхъ вопросахъ; книга, наконецъ, которая такъ хорошо защищаетъ Божество, такъ сильно доказываетъ пользу религіи, отнимаетъ у порока орудіе смѣха, изображаетъ зло безмысліемъ, а добродѣтель столь привлекательною! Если-бы даже въ ней не было ни одного слова правды, то все-таки слѣдуетъ любить и уважать эти бредни, какъ золотыя химеры, химеры, которыя радуютъ и возвышаютъ сердце честнаго человѣка. Да, я не побоясь сказать, что если-бы было въ Европѣ какое-нибудь дѣйствительно просвѣщенное правительство, то оно воздало-бы автору „Эмиля“ публичныя почести, оно воздвигло-бы ему статуи!“

Посланіе къ епископу произвело на публику сильное впечатлѣніе, но не возстановило репутаціи Руссо, и женеvскій совѣтъ не думалъ раскаиваться въ своихъ заблужденіяхъ относительно его. Руссо рѣшился торжественно сложить съ себя званіе женеvскаго гражданина и просилъ письмомъ перваго синдика

доложить объ этомъ высокоуважаемому совѣту. „Я, по мѣрѣ силъ моихъ, исполнялъ обязанности, соединенныя съ этимъ правомъ, не пользуясь никакими, вытекающими изъ него выгодами, и думаю, что я ничего не долженъ государству, которое оставляю. Я старался сдѣлать честь имени женева, я искренно любилъ своихъ земляковъ; я дѣлалъ все, чтобы заслужить любовь и съ ихъ стороны. Теперь мнѣ остается только пожертвовать именемъ, которое было мнѣ такъ дорого. Но если мое отечество будетъ мнѣ чужбиной, я все-таки не сдѣлаюсь равнодушнымъ къ нему. Я останусь соединеннымъ съ нимъ въ миломъ воспоминаніи, я забуду только объ его обидахъ. Да процвѣтаетъ оно больше и больше, да видитъ оно умноженіе своей славы. Да будетъ у него всегда множество гражданъ, болѣе хорошихъ и, главное, болѣе счастливыхъ, чѣмъ я!“ Руссо оправдывалъ свое отреченіе единственно своими убѣжденіями и основывалъ его на идеѣ общественнаго договора, но враги его были совершенно правы, утверждая, что въ этомъ случаѣ главную роль играло его самолюбіе. Посланіе къ синдикату произвело шумъ во всей Европѣ и сильное броженіе въ Женевѣ. Многіе женевацы были крайне опечалены и недовольны отреченіемъ Руссо; одни укоряли его, другіе уличали въ эгоизмъ, третьи умоляли снова принять званіе ихъ согражданина и т. д. Вотъ что, напр., писалъ ему одинъ рабочій: „Я пишу вамъ, великій, достойный удивленія Руссо, съ сердцемъ, исполненнымъ глубочайшей печали. Вы отказались отъ отечества и сдѣлали это въ то самое время, когда мы льстили себя надеждою видѣть васъ, и многіе ожидали, когда они могутъ обнять васъ. Что касается меня лично, то я слишкомъ мало значу между своими согражданами, чтобы могъ считатьъ на такую честь. Но я, по крайней мѣрѣ, имѣлъ-бы радость видѣть васъ по временамъ на нашихъ улицахъ и говорить себѣ: вотъ тотъ великій, добрый гражданинъ, истинный другъ своихъ земляковъ, который такъ ревностно заботился о нашей счастіи“. На подобныя теплыя, сердечныя рѣчи Руссо отвѣчалъ сухо и раздражительно, что онъ долженъ былъ такъ поступить, что государство само нарушило относительно его основныя условія общественнаго договора и т. д. Между тѣмъ женевскіе поклонники Руссо обратились къ совѣту съ просьбой объ

отвѣтъ его постановленія о Руссо; совѣтъ отвѣчалъ отказомъ, даже ничѣмъ не мотивировавъ его. Просители потребовали, чтобы дѣло было передано на разсмотрѣніе большого совѣта, т. е. собранія всѣхъ гражданъ, но совѣтъ отказалъ и въ этомъ. Городъ распался на двѣ враждебныхъ партіи, раздоръ которыхъ, однакъ, вскорѣ былъ прекращенъ блестящимъ памфлетомъ Троншена („Lettres de la Campagne“), выяснившимъ съ очевидною осязательностью, что совѣтъ юридически былъ правъ.

Между тѣмъ Руссо снова заболѣлъ, и страданія его были такъ сильны, что онъ подумывалъ прекратить ихъ самоубійствомъ. Но болѣзнь понемногу утихла, и Руссо успокоился. Въ это время въ Мотье пріѣхалъ молодой венгерецъ, баронъ Саутернъ, чтобы познакомиться съ Руссо и „усовершенствоваться въ добродѣтели“. Руссо очень полюбилъ его, вполне довѣрился ему и былъ съ нимъ почти неразлученъ. Вдругъ онъ получаетъ одно за другимъ извѣстія, что это агентъ французскаго правительства, которому поручено наблюдать за Руссо и, заманивъ его на французскую территорію, арестовать. Руссо встревожился и немедленно написалъ маршалу Люксембургу: „Дѣйствительно-ли существуютъ относительно меня подобныя планы? Если да, то ихъ нетрудно привести въ исполненіе. Я готовъ добровольно явиться туда, куда желаютъ завлечь меня, ибо въ тысячу разъ лучше провести въ оковахъ остатокъ дней своихъ, чѣмъ жить въ такой постоянной тревогѣ, въ такомъ постоянномъ недовѣрїи къ окружающимъ“. Маршалъ успокоилъ Руссо, и послѣдній, поѣхавъ съ Саутерномъ на французскую границу, показалъ ему тамъ письма, предостерегавшія отъ него, и обнялъ его, говоря: „Саутернъ не нуждается въ доказательствѣ моего довѣрїя, но я долженъ показать всѣмъ, какъ я умѣю оказывать его“. Послѣ этого ихъ дружба стала еще интимнѣе. Саутернъ оказался вовсе не барономъ, а развратнымъ авантюристомъ, но это ничтожество успѣло такъ понравиться Руссо, что онъ считалъ его „лучшимъ изъ людей“ и доходилъ до отчаянія, когда Саутернъ вскорѣ умеръ. Другой другъ его, американецъ Дюпейру, былъ вполне достоинъ уваженія и умѣлъ такъ ловко приноравливаться къ привычкамъ и причудамъ философа, что Руссо тоже страстно полюбилъ его. Впрочемъ, въ друзьяхъ и поклонникахъ недо-

статья не было. Въ Руссо отовсюду стекались всевозможныхъ сортовъ посѣтители, желавшіе взглянуть на великаго человѣка. „Когда я получилъ письмо, пишетъ онъ своей пріятельницѣ,— у меня былъ одинъ женевецъ. Черезъ два дня пріѣхали одинъ генуезецъ и одинъ вестфальскій дворянинъ; потомъ явился другой женевецъ, выздоравливающій, который у меня снова заболѣлъ и только-что недавно уѣхалъ. При моихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ я охотно отказался-бы отъ чести, которую столь многіе оказываютъ мнѣ, останавливаясь у меня на квартирѣ; но не всегда удобно запереть двери передъ тѣми, которые пріѣхали за 50, 60 и даже за 100 миль“. Хуже всего было то, что большинство посѣтителей пріѣзжало изъ одного празднаго любопытства и Руссо не находилъ даже предмета для бесѣды съ ними. Онъ выходилъ изъ себя, когда подобныя туристы разглашали печатно о томъ, что они видѣли и слышали отъ него; онъ подозрѣвалъ въ нихъ нерѣдко шпионовъ, подсланныхъ врагами и раскидывающихъ ему сѣти; но при всемъ томъ, такая толпа поклонниковъ щекотала его самолюбіе и онъ не имѣлъ силъ отдѣлаться отъ нихъ. Кромѣ посѣтителей множество времени отнимали у него письма, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ и на которыя онъ обыкновенно отвѣчалъ. Женщины просили у него совѣтовъ, какъ воспитывать дѣтей, которыя иногда еще не родились; корсижанцы предлагали ему быть ихъ законодателемъ и составить для нихъ конституцію; книгопродавецъ совѣтовалъ ему сочинять дѣтскія книжки; одни просили у него портретъ, другіе помощи или протекціи, третьи разрѣшенія религіозныхъ или философскихъ сомнѣній. То обращается къ нему дама, спрашивая, какъ ей удовлетворить безпредметное стремленіе сердца, то аббатъ, желающій сложить съ себя санъ, то мужъ, незнающій, какъ внушить любовь своей супругѣ, то мать, нуждающаяся въ утѣшеніи по поводу смерти сына. И Руссо отвѣчалъ. Письма и посѣтители мучили его, за то какъ онъ радовался, когда уходилъ въ лѣсъ, одинъ или съ друзьями. Въ это время онъ пристрастился къ ботаникѣ и проводилъ всѣ свободное время въ ботаническихъ экскурсіяхъ. „Ботаника, говорилъ онъ,—весьма пригодна ходячей машинѣ, которой запрещено думать. Она отличное развлеченіе для пустынножита, который ходитъ

гулять и не можетъ утруждать своего мозга. Такъ-какъ я не въ состоянїи оставлять своей головы совершенно пустою, то и набиваю ее травой. Мнѣ не приходитъ ни одной хорошей или полезной мысли безъ того, чтобы не показались подлѣ эшафотъ или висѣлица; съ Линнеемъ-же въ карманѣ и съ травой въ головѣ я могу надѣяться, что меня не повѣсятъ“. Поэтическое чувство Руссо находило полное удовлетвореніе въ созерцанїи и изученїи растительнаго міра и въ кочеванїи по лѣсамъ, въ обществѣ своихъ друзей.

С. Старицкѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОХОРОНЫ НА МОРЬ.

Съ молитвою тихой его хоронили
Въ холодныхъ и мутныхъ волнахъ;
Съ чугуннымъ, тяжелымъ ядромъ опустили
Его остывающій прахъ.

И спить онъ, ласкаемъ морскою волною,
Вдали отъ родимой земли;
Надъ нимъ, направляясь обычной тропою,
Плывутъ и бѣгутъ корабли.

Изъ раковинъ чудныхъ и травъ шелковистыхъ
Постель гробовая подъ нимъ;—
И полонъ видѣній волшебныхъ и чистыхъ.
Онъ дремлетъ, волною хранимъ...

Отъ сѣвера бури ему напѣваютъ
О милыхъ родной стороны:
Трепещетъ тогда онъ,—и вновь засыпаетъ
Подъ звонкія пѣсни волны.

Ив. Якушинъ.

КРАСАВЕЦЪ.

РОМАНЪ

ЖЮЛЯ КЛАРЕТИ.

XVII.

НОВЫЙ ДРУГЪ МАРКИЗА НОВАЛЯ.

Агостино Чіампи не покидалъ своего намѣренія женитьбой на графинѣ Луизѣ Фаржъ поправить свое состояніе. Хотя почти невозможно было разсчитывать на успѣхъ, но Агостино не унывалъ и надѣялся на свою ловкость.

Прежде всего онъ навелъ справки въ домѣ графини Фаржъ о домашней жизни его обитателей: самой Луизы и стараго маркиза. Понимая, что нѣжное сочувствіе, выражаемое графиней больному Солиньяку, могло превратиться въ любовь, онъ нашелъ не тактичнымъ сдѣлать предложеніе самой графинѣ. Послѣшность въ этомъ отношеніи могла кончиться только полнымъ пораженіемъ.

— Гораздо лучше обойти позицію, сказалъ себѣ Чіампи.

Подъ обходомъ позиціи онъ разумѣлъ добиться руки Луизы, дѣйствуя на стараго маркиза Новаля. Онъ старательно раз- узналъ всѣ привычки и образъ мыслей семидесятилѣтняго старика, въ напудренной головѣ котораго упорно сохранялись безусловная любовь къ прошлому и глубокая преданность, хотя нѣсколько платоническая, къ древней династіи.

— Потакая слабостямъ людей, можно забрать ихъ въ руки,

сказалъ себѣ Чіампи и составилъ планъ дѣйствій для обхода старика. Болѣзнь Солиньяка и сближеніе красавца полковника съ Луизой, по винѣ самого Агостино, прекращая ему на-время доступъ въ домъ графини Фаржъ, закрытый теперь для всѣхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ему возможность подводить мины. Маркизъ Филиппъ-Гекторъ де-Новаль каждый день дѣлалъ большія прогулки въ сопровожденіи Ланжале, а со времени появленія въ домѣ Солиньяка эти прогулки стали продолжительнѣе. Часто онъ ѣздилъ черезъ Булонскій лѣсъ, даже въ Пасси, гдѣ, по его словамъ, онъ видывалъ нѣкогда г-жу де-Романъ, всю въ кружевахъ, публично кормившую грудью сына, рожденного ею отъ Людовика XV.

— Вотъ было прелестное зрѣлище! повторялъ онъ постоянно Ланжале;—тогда стоило жить. Эта Романъ была высокая, точеная брюнетка. Да, точеная; я какъ-бы вижу ее теперь передъ собою. Я былъ молодъ и съ удовольствіемъ приволокнулся-бы за нею, но король имѣетъ право охотиться на вашей землѣ, а вы не смѣете и глазъ поднять на его дичь. Ахъ, пріятно имѣть такого государя, какъ Людовикъ XV!

Любовь стараго маркиза къ законной династіи доходила почти до фетишизма, что не помѣшало ему, однакожь, изъ любви къ Франціи и Парижу нѣсколько лѣтъ тому назадъ прибѣгнуть ко всевозможнымъ средствамъ, чтобъ вычеркнуть свое имя изъ списка эмигрантовъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые доходятъ въ своей преданности до упрямства, но не до мученичества. Этой чертой его характера и задумалъ воспользоваться въ своихъ видахъ Чіампи.

Маркизу Олона было нетрудно представиться маркизу Новаля. Онъ принадлежалъ къ старинной аристократіи, а версальскій дворъ, по словамъ Новаля, всегда считалъ неаполитанскій себѣ родственнимъ. Поэтому старикъ принялъ Агостино очень радушно, и хитрый итальянецъ старался каждый день встрѣчать маркиза во время его прогулокъ и ловко вкрадывался въ его довѣріе.

Ланжале, по приказанію Новаля, навелъ справку въ своемъ геральдическомъ архивѣ и убѣдился, что въ неаполитанской исторіи Олоны играли видную роль во главѣ аристократіи.

— Я этому нисколько не удивляюсь, сказалъ маркизь: — стоитъ только посмотрѣть на молодого человѣка, чтобы понять, какая кровь течетъ въ его жилахъ. Сравнивая нашихъ съ солдатами Бонапарта, этой пушечной аристократіей, которая исчезнетъ, какъ явилась, въ пороховомъ дыму, съ гордостью сознаешь, что мы слѣплены изъ другого тѣста, чѣмъ эти выскочки.

Поэтому старикъ Новаль съ удивленіемъ и неудовольствіемъ узналъ, что маркизь Олона служить въ императорской арміи. Самъ Чіампи сказалъ ему объ этомъ. Подобная откровенность входила въ его планъ военныхъ дѣйствій, и этимъ именно смѣлымъ шагомъ онъ начиналъ натискъ.

— Увѣряю васъ, маркизь, вы меня совершенно поражаете, сказалъ Новаль:—я васъ считалъ преданнымъ вѣрнопопдааннымъ ея величества Маріи-Каролины, а вы просто бонапартовскій солдатъ въ родѣ того, котораго я противъ своей воли пріютилъ въ нашемъ домѣ.

Въ это время Агостино и старый маркизь гуляли подъ тѣнистыми деревьями Пасси.

— Вы сдержите слово, маркизь, что не передадите никому тайну, которую я вамъ открою? сказалъ Агостино, принимая на себя серьезный видъ.

— Тайну?

— Да, тайну, объясняющую мою политическую роль во Франціи и мое присутствіе въ арміи.

— Вотъ какъ! тутъ есть тайна?

— И очень важная, маркизь.

Новаль взглянулъ вокругъ себя: аллея была пустынна и Ланжале слѣдовалъ за ними на далекомъ разстояніи.

— Я былъ-бы очень радъ, маркизь, сказалъ онъ, —удостовериться, что вы служите узурпатору не по убѣжденію.

— Я это дѣлаю изъ преданности къ законной династіи.

— Къ законной династіи? промолвилъ старикъ, съ изумленіемъ смотря на Агостино.

— Хотя я неаполитанецъ, продолжалъ Чіампи, —но люблю Францію и желаю ее видѣть славной, счастливой. Къ тому-же неаполитанская королева, австрійская эрцгерцогиня, —сестра вашей несчастной государыни. Изъ преданности къ вашей закон-

ной династїи и по разрѣшенію его величества Людовика XVIII я надѣлъ мундиръ императорскихъ гвардейцевъ.

— Мундиръ, напоминающій ливрею своими буквами N, замѣтилъ Новаль, не вполне сознавая, что говорилъ: — такъ сильно было его волненіе.

— Узнаете вы эту подпись? спросилъ Чіампи, вынимая изъ бумажника письмо маленькаго формата, на какомъ обыкновенно пишутъ влюбленные и изгнанники.

— Чортъ возьми! воскликнулъ старикъ, поблѣднѣвъ какъ полотно. — Если-бъ я не сохранилъ юношескаго зрѣнія, то потребовалъ-бы очки! На яву-ли это? Да, тутъ написано: Людовикъ! Это подпись его величества... И письмо къ вамъ?

— Ко мнѣ.

— Нечего сказать, маркизъ, вы человекъ счастливый, произнесъ старикъ, смотря съ уваженіемъ на Агостино и жадно перечитывая письмо, въ которомъ король, благодаря маркиза Олона за его преданность, просилъ продолжать его благое дѣло.

— Его высочество графъ Артуа оказываетъ мнѣ большія милости, отвѣчалъ Чіампи, — и тайпственно вынулъ изъ кармана цѣлую кипу писемъ.

Новаль не могъ придти въ себя отъ изумленія.

— Но если-бъ узнали, сказалъ онъ, — что у васъ находятся такія письма, то вѣдь...

— Меня предали-бы военному суду, подхватилъ Агостино; — поэтому я тщательно храню эти документы и сегодня взялъ ихъ только, чтобъ доказать вамъ, кому именно вы оказываете такое лестное расположеніе.

— Значить, вы поступили въ армію Буонапарта...

— Лишь для того, чтобъ служить законному государю, котораго я жажду возвратить Франціи. Я служу узурпатору для лучшаго достиженія моей цѣли.

— Такъ вы заговорщикъ?

— Конечно.

— Я предпочелъ-бы открытую борьбу тайному заговору, но что-же дѣлать, всѣ средства хороши, чтобъ свергнуть якобинскаго людоеда. Жоржъ Кадудаль также былъ заговорщикъ. Но, чортъ возьми, я боюсь, чтобъ вы не кончили, какъ онъ, маркизъ.

— Не безпокойтесь.

— Вотъ счастливый день! воскликнулъ старикъ, сверкая глазами.—Вида полчища наемниковъ, я постоянно спрашивалъ себя, неужели ихъ царство никогда не кончится? Я ждалъ, и, какъ сестра Анна въ сказкѣ „Синяя Ворода“, ничего не видѣлъ на горизонтѣ. Но теперь, слава-богу, является надежда.

— Не надѣйтесь, а будьте увѣрены, что корсиканецъ не возвратится во Францію.

— Вашу руку, сказалъ старый маркизъ, — и да услышитъ Господь ваши слова.

Хитрость Чіампи вполне удалась и Новаль ему до того слѣпо повѣрилъ, что немедленно объявилъ Ланжале о скоромъ возвращеніи въ Парижъ его величества короля. А въ сущности представленныя ему письма графа Прованскаго и графа Артуа были искусно списаны съ подлинныхъ автографовъ, полученныхъ отцомъ Агостино. Къ тому-же фальшивая подпись въ этомъ случаѣ не могла грозить ему такой опасностью, какъ въ поддѣлкѣ векселей, а послѣдствія ея должны были привести къ самому блестящему результату.

Дѣйствительно, съ этого времени старый маркизъ сталъ питать нѣжную привязанность къ политическому агенту Людовика XVIII и будущему освободителю Франціи отъ императорскаго ига. Агостино очень ловко велъ дѣло и долго не упоминалъ даже имени графини Фаржъ, а когда, по выздоровленіи Солиньяка, настала минута дѣйствія, онъ такъ искусно наводилъ разговоръ на прелестную вдову, такъ горячо и поэтично давалъ чувствовать свою любовь, не выказывая ее открыто, что Новаль, какъ-бы самъ возниѣлъ первый мысль о бракѣ маркиза Олона съ графиней Луизой.

Старый маркизъ былъ очень недоволенъ, что его внучка оставалась вдовой, и уже давно посовѣтовалъ-бы ей избрать новаго мужа, если-бъ всѣ окружавшіе ее молодые люди не принадлежали ко двору цезаря. Теперь-же представлялся подходящій мужъ— маркизъ Олона, другъ его величества, рыцарскій поборникъ святого дѣла. Поэтому онъ прямо высказалъ, что съ большимъ удовольствіемъ породнился-бы съ такимъ преданнымъ слугою законнаго государя. Агостино не могъ не поздравить себя съ подобнымъ

успѣхомъ своей макіавелевской политики, но успѣшилъ замѣтить, что расположеніе маркиза было недостаточно, такъ-какъ все зависѣло отъ воли графини.

— Какъ-бы не такъ! воскликнулъ старикъ; — я не изучалъ законовъ, — это дѣло прокурорское, — но знаю, что отецъ семейства, какъ это говоритъ Ланжале: *pater-familias* имѣетъ полную власть надъ своими дѣтьми. Послѣ смерти моего сына и гибели графа Фаржа, я безусловный распорядитель судьбою моей внучки. Все, что я прикажу, клянусь Богомъ, она исполнитъ!

Агостино не вѣрилъ, подобно маркизу, въ слѣпое послушаніе Луизы, но онъ рассчитывалъ на свое искусство, чтобъ преодолѣть ея сопротивленіе. Онъ самъ не зналъ еще, къ какимъ средствамъ прибѣгнетъ, но далъ себѣ слово не останавливаться ни передъ чѣмъ для достиженія заманчивой цѣли, которая казалась все болѣе и болѣе возможной теперь, когда онъ имѣлъ столь сильнаго союзника, какъ маркизъ.

А Тереза? Странно сказать, онъ ее не забылъ и любилъ по-прежнему. Вспоминая объ ея большихъ бархатныхъ глазахъ, скульптурныхъ формахъ, нѣжно-матовомъ цвѣтѣ лица и пурпурныхъ губахъ, онъ страстно жаждалъ ее увидать и ему стоило большихъ усилій, чтобъ побороть свои сладострастные влеченія. Но теперь было не до Терезы. Когда Луиза Фаржъ сдѣлается маркизой Олона и онъ займетъ достойное мѣсто въ свѣтѣ, благодаря ея состоянію, онъ успѣетъ отыскать Терезу и окончить романъ съ нею, какъ онъ кончалъ всѣ подобные романы — побѣдителемъ, пресыщеннымъ побѣдою.

Графиня Фаржъ была чрезвычайно удивлена, когда однажды утромъ Катерина Маньякъ доложила, что на ея половину пришелъ маркизъ Новаль, который обыкновенно требовалъ ее къ себѣ. Графиня еще причисывалась, но все-же немедленно приняла старика.

— Милое дитя мое, сказалъ онъ, — простите, что я васъ безпокою, но мнѣ надо поговорить съ вами объ очень важномъ предметѣ.

— О важномъ предметѣ? повторила графиня съ веселымъ смѣхомъ. — Я дрожу отъ страха, тѣмъ болѣе, что отгадываю, въ чемъ дѣло. Вы мнѣ нашли мужа.

— Да. Какая вы умная женщина! Почему вы отгадали?

— Мы, женщины, предчувствуемъ, когда намъ грозитъ опасность, отвѣчала Луиза, продолжая смѣяться.

— На этотъ разъ предчувствіе васъ не обмануло. Я дѣйствительно нашелъ вамъ мужа.

— Позвольте, маркизъ, остановить васъ на первомъ словѣ. Несмотря на все мое уваженіе къ вамъ и довѣріе къ вашему выбору, будь вашъ protégé фениксъ изъ мужей, я ему откажу наотрѣвъ.

— Отчего?

— Я не хочу выходить замужъ.

— Конечно, второй бракъ—смѣлое дѣло. Жениться разъ—глупость, а два—безуміе. Все это я знаю, но послушайте, дитя мое: вы очень молоды, а я очень старъ; хотя я и крѣпкаго сложенія, но могу исчезнуть сегодня или завтра, а, признаюсь, мнѣ не хотѣлось-бы оставить внучку среди теперешняго чертовски смѣшаннаго общества одну, безъ всякой поддержки.

— Помилуйте, недостатка въ защитникахъ никогда не будетъ.

— Вотъ противъ этихъ-то защитниковъ я и желалъ-бы вамъ дать достойнаго мужа.

— Мужа! то-есть, скажите прямо—тирана, произнесла графиня все еще съ улыбкой, но въ ея черныхъ глазахъ ясно виднѣлось, что она думала о комъ-то.

— Такъ вы хотите остаться неутѣшной вдовой, почти старой дѣвой?

— Да. Впрочемъ, время еще терпитъ.

— Женщина, неимѣющая дѣтей,—лишнее, ненужное созданіе, сказалъ маркизъ;—неужели вы ненавидите дѣтей?

— Я ихъ обожаю! воскликнула Луиза, слегка покраснѣвъ.

— Полноте, продолжалъ маркизъ;—вамъ грѣшно погубить даромъ свою красоту и дожить до морщинъ безъ пользы для себя и другихъ. Я вамъ нашелъ мужа, я вамъ его представляю и, конечно, вы ему позволите ухаживать за собою.

— Никогда.

— Позвольте-же мнѣ, по крайней мѣрѣ, назвать его.

— Будь онъ самъ Амадисъ, я не желаю его видѣть.

- Онъ аристократъ...
- Тѣмъ лучше для него.
- Молодъ, храбръ, хорошъ собою.
- Съ чѣмъ его и поздравляю.
- Маркизь...
- Я вовсе не желаю раздѣлять съ нимъ этого титула.
- Онъ другъ и преданный слуга его величества Людовика XVIII.

- Такъ онъ, должно быть, плохого мнѣнія обо мнѣ.
- Онъ васъ любитъ, вотъ и все.
- Любитъ? Такъ я его знаю?
- Онъ вамъ былъ представленъ.
- Такъ скажите его имя, чтобъ я знала, кому отказываю.

— Это маркизь Агостино Олона.

При этомъ имени Луиза поблѣднѣла. Она вспомнила объ Андриенѣ и съ минутою не могла произнести ни слова, но потомъ сказала твердымъ голосомъ:

- Ему я откажу скорѣе, чѣмъ всякому другому.
- Почему?
- Такъ.

— Позвольте, графиня, сказалъ старикъ повелительнымъ тономъ:—я имѣю право требовать объясненія вашихъ словъ. Маркизь Олона мой пріятель и...

— Такъ спросите его, что дѣлаетъ въ Парижѣ его сестра.

— Понимаю, отвѣчалъ Новаль, качая головою;—но вы касаетесь предмета еще важнѣе вашего замужества. Маркиза Олона дѣлаетъ въ Парижѣ то-же, что ея братъ. Они готовятъ возвращеніе... нѣтъ, я это вамъ скажу когда-нибудь послѣ. Теперь вамъ достаточно знать, что этотъ бракъ мнѣ нравится, что онъ разуменъ и приличенъ. Не забывайте, что вашъ отецъ, умирая, взялъ съ васъ клятву во всемъ повиноваться мнѣ, вашему дѣду.

— Я это помню, отвѣчала Луиза серьезно;—но мой отецъ не могъ вамъ дать права жизни и смерти надо мною.

— Я вовсе не распоряжаюсь вашей жизнью, а только совѣтую вамъ придать своему существованію какую-нибудь цѣль.

Впрочемъ, довольно. Я вамъ высказалъ свою надежду и увѣренъ, дитя мое, что вы не огорчите меня отказомъ. Если дѣйствительно это случится, то помните, графиня, что моя твердая воля заставитьъ васъ повиноваться — не мнѣ, а вашему отцу. Я понялъ-бы вашъ отказъ, прибавилъ онъ послѣ минутнаго размышленія, — только въ томъ случаѣ, если вы любите другого. Вы никого не любите?

— Я?

— Извините за этотъ нескромный вопросъ, но дѣдь...

— Я никого не люблю, отвѣчала Луиза тихо, но ея грустный тонъ опровергалъ ея слова, хотя старшій маркизъ этого не замѣтилъ.

— Такъ все благополучно, отвѣчалъ онъ; — я высказалъ свое желаніе, а вы подумайте на досугѣ. Прощайте, дитя мое.

Этотъ неожиданный разговоръ привелъ въ большое смущеніе Луизу. Она, конечно, не предвидѣла никакой дѣйствительной опасности и приписывала сочувствіе, выраженное маркизомъ къ брату Андреины, только минутному капризу; но въ то-же время она не могла не сознавать, что если старикъ будетъ упорствовать, то ей будетъ тяжело бороться съ его непреодолимымъ упрямствомъ. Къ тому-же ее мучило воспоминаніе о роковой ночи, когда ея отецъ на одрѣ смерти взялъ съ нея клятву, что она всегда будетъ повиноваться дѣду, какъ ему самому. Наконецъ, самая фамилія итальянца, брата Андреины, возбуждала въ ней смѣшанное чувство гнѣва и какого-то непонятнаго страха. Вообще разговоръ съ старымъ маркизомъ произвелъ на нее непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что она невольно сказала неправду, отвѣчая на его вопросъ: любить-ли она кого-нибудь? Ей слѣдовало отвѣчать — я не знаю. Она это теперь вполне сознавала. Дѣйствительно, она не могла положительно сказать, любила-ли или нѣтъ Солиньяка. Одно было достовѣрно, что она питала къ нему теплое сочувствіе, съ нѣжнымъ состраданіемъ ухаживала за нимъ, искренно страдала во время его болѣзни и постоянно думала о немъ съ той самой минуты, какъ егò окровавленнаго принесли въ ея домъ. Но была-ли это любовь? Она даже удерживала себя отъ истиннаго къ нему влеченія, боясь горькаго разочарованія. Она была убѣждена, что Солиньякъ еще любилъ Андреину. А если это была правда, то къ чему думать о немъ?

Погруженная въ эти тревожныя мысли, послѣ ухода маркиза Новала Луиза позвонила Катерину Маньякъ и приказала никого не принимать.

— Я увѣрена, что вы примете гостя, ожидающагося въ передней, сказала Катерина, сіяя радостью.

— Кто это?

— Нашъ раненный. Полковникъ пріѣхалъ съ Кастаре. Его первый визитъ—къ вамъ.

— Солиньякъ! воскликнула Луиза;—конечно, просить.

При видѣ Солиньяка она смутилась и на глазахъ ея едва не выступили слезы. Пока онъ лежалъ въ ея домѣ безпомощный, полумертвый, она думала только объ его спасеніи, но теперь, видя его передъ собою прекраснаго, улыбающагося, какъ прежде, хотя еще блѣднаго и слабаго, она почувствовала какое-то странное смѣшеніе гордой радости, что она спасла такого человѣка, и сожалѣнія, что не можеть по-прежнему ухаживать за нимъ. Женское сердце увлекается самыми разнородными качествами. Андреину привлекло къ Солиньяку сознаніе его силы, а Луизу—его слабость и страданія.

— Какъ я рада васъ видѣть совершенно здоровымъ! воскликнула она.

— Не будемъ преувеличивать, отвѣчалъ Солиньякъ;— я живъ благодаря чуду, и вы знаете это лучше всѣхъ, потому что чудо совершили вы. Но смерть неумолима и держитъ меня въ своихъ когтяхъ, какъ ростовщикъ своего должника. Всѣ мы въ такомъ положеніи, но мой вексель уже протестованъ.

Солиньякъ нарочно говорилъ въ этомъ молушутливомъ тонѣ, боясь выдать тайну своего сердца. Онъ съ какимъ-то сладострастіемъ скрывалъ свою любовь. Въ этомъ онъ походилъ на поэта или живописца, который, окончивъ свое любимое, образцовое произведеніе, боится представить его на судъ публики изъ опасенія услышать: ты ошибся, несчастный! Солиньякъ часто любилъ, но теперь ясно сознавалъ, что впервые ощущалъ истинную любовь, и храбрый, мужественный, смѣлый красавецъ боялся задать себѣ вопросъ: отвѣчаютъ-ли любовью на его любовь?

„Неужели я тотъ-же человѣкъ, какъ прежде? думалъ онъ;— неужели я, Солиньякъ, дрожу передъ женщиною?“

— Я живу, сказалъ онъ вслухъ, — для счастья, для радостія, графиня, а прежде я жилъ только по привычкѣ.

Однако, несмотря на всё его усилія сдержать пламя страсти, онъ одушевлялся по мѣрѣ того, какъ говорилъ, и Луиза чувствовала по его тону, что онъ жаждаль придать разговору болѣе вѣжннй характеръ. Но въ эту минуту Катерина Маньякъ, войдя въ комнату, доложила о новомъ гостѣ.

— Кто тамъ?

— Вѣроятно, пріятель маркиза, потому что онъ пришелъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Я увѣрена, что это маркизь Олона! воскликнула Луиза, вскакивая со стула.

Въ голубыхъ глазахъ Солиньяка блеснула молнія и Луиза вздрогнула, полагая, что одна фамилія Андрейны приводила въ волненіе красавца полковника.

— Скажите, что я не могу никого принять, сказала она, обращаясь къ горничной, которая безмолвнымъ наклоненіемъ головы подтвердила предположеніе графини о новомъ гостѣ. — Прощайте, полковникъ.

— Графиня! воскликнулъ Солиньякъ дрожащимъ голосомъ и, останавливая Луизу, которая направилась къ своей комнатѣ; — одно слово, только одно слово. Отчего вы вздрогнули при имени маркиза Олона? Умоляю васъ, скажите мнѣ, грозитъ-ли вамъ опасность отъ этого человѣка? Врагъ-ли онъ вамъ?

— Онъ? произнесла Луиза съ презрительной ироніей; — знаете, зачѣмъ онъ пришелъ сюда?

— Конечно, не съ доброй цѣлью.

— Онъ пришелъ просить моей руки, сказала Луиза, снова приближаясь къ двери.

Солиньякъ поблѣднѣлъ какъ полотно и едва не упалъ.

— Господи! что съ вами? воскликнула Луиза и, поспѣшно возвратившись къ нему, схватила его за руку.

— И вы его прогнали? промолвилъ онъ въ сильномъ волненіи.

— Я его ненавижу! произнесла Луиза, не взвѣсивая своихъ словъ.

— Такъ вы его знаете?

— Нѣтъ, но...

Она хотѣла сказать: „я знаю, чью фамилію онъ носить“, но удержалась во-время и, поклонившись, прибавила:

— Я сказала: прощайте; нѣтъ, до свиданія.

И она исчезла за тяжелой портьерой.

Солиньякъ хотѣлъ бѣжать за нею, признаться ей въ любви, но какое имѣлъ онъ на это право? Онъ послѣшно вышелъ изъ будуара въ садъ, гдѣ его ждалъ Кастаре.

— Посмотрите, промолвилъ вполголоса гусаръ, указывая рукою на сосѣднюю алею, въ которой Агостино прощался съ маркизомъ Новалемъ.

Старикъ, судя по его жестамъ, говорилъ Чіампи: „потерпите, все устроится; я здѣсь хозяинъ, надѣйтесь на меня“. Замѣтивъ Солиньяка, онъ бросилъ на него злобный взглядъ и разстался съ Агостино, который послѣ минутнаго колебанія пошелъ прямо на красавца полковника, гордо закинувъ голову.

— Взгляните на меня, сказалъ холодно Солиньякъ, когда итальянецъ поравнялся съ нимъ, — и знайте, что васъ убьетъ тотъ, кого вы не сдумѣли убить.

Агостино ничего не отвѣчалъ и шелъ не останавливаясь.

— Хочешь, я его задую своими руками? произнесъ Кастаре на ухо Солиньяку, удерживая его отъ нападенія на Чіампи.

— Я тебѣ запрещаю являться сюда, подлый убійца! продолжалъ Солиньякъ, едва сдерживая свой гнѣвъ.

Агостино молча прошелъ мимо и только достигнувъ калитки, обернулся и громко, дерзко произнесъ:

— Вы, молодцы, не знаете девиза маркизовъ Олона: „Кто мнѣ служилъ помѣхой, того я уничтожаю“.

Онъ гордо поклонился и вышелъ на улицу.

— Клянусь небомъ, я его пришибу! сказалъ Марціаль.

— Нѣтъ, возразилъ Солиньякъ, — я исполню свое обѣщаніе. Я одинъ отомщу ему за все!

XVIII.

О П Е Р А .

Забывая даже покушеніе на убійство, Солиньякъ имѣлъ поводъ отомстить маркизу Олона. Итальянецъ нанесъ Ривьеру ударъ еще болѣе жестокой, чѣмъ Солиньяку.

— Отъ пули можно оправиться, говорилъ самъ себѣ красавецъ полковникъ, — но вѣроломство, подобно медленной отравѣ, причиняетъ мучительныя страданія, кончающіяся все-таки смертью.

Желаніе подвергнуть вопли заслуженной карѣ Агостино за позоръ, навлеченный на имя его друга, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивалось въ виду инстинктивнаго сочувствія Солиньяка къ Терезѣ, которую онъ постоянно видѣлъ въ домѣ маркизы Ригоди. Что-то влекло его къ этой безмолвной, мрачной, убитой горемъ женщинѣ, и онъ чувствовалъ сердечную потребность утѣшить ее хотя-бы слабой надеждой. Но Тереза его избѣгала, не потому, чтобъ она его боялась или чтобы онъ ей не нравился, а изъ жажды одиночества. Красавецъ полковникъ невольно привлекалъ ее къ себѣ и внушалъ полное довѣріе, но она теперь находила горькое удовольствіе въ уединенныхъ думкахъ объ пережитыхъ ею грезахъ, желаніяхъ и стремленіяхъ. Передъ ея глазами проходило все прошлое: преждевременное чтеніе всевозможныхъ книгъ въ юности, неопредѣленные, лихорадочныя желанія, смутныя призраки, вызываемыя ея разстроеннымъ воображеніемъ, появленіе Ривьера въ старомъ домѣ улицы Почтъ, ихъ свадьба, долгіе, скучные дни въ улицѣ Сен-Мартра, побѣдоносная улыбка Агостино. Она переживала вторично свою жизнь, и теперь то, что ей казалось нѣкогда каторгой, получало характеръ долга, а то, что она принимала за счастье, теперь внушало ей одно отвращеніе. Всего-же болѣе любовь казалась ей пустыней, жестокимъ издѣвательствомъ. Она нѣкогда жаждала жить любовью, а теперь, быть можетъ, ей суждено было умереть отъ любви.

Дѣйствительно, съ каждымъ днемъ она становилась мрачнѣе и задумчивѣе. Солиньякъ старался ободрить бѣдную женщину, но напрасно; онъ успѣвалъ только по временамъ вызывать грустную улыбку на ея блѣдномъ лицѣ—милолетный проблескъ свѣта въ мрачной ночи, застилавшей ее своимъ чернымъ покровомъ.

— Неужели вы не желаете ничего болѣе въ жизни? спросилъ ее Солиньякъ съ нѣжнымъ сочувствіемъ.

— Да, отвѣчала она, дико сверкая своими черными глазами, — я пламенно желала-бы смѣть хотя-бы кровью свою вину. Я не могу никому принести пользы на этомъ свѣтѣ и боюсь,

что мнѣ грозитъ еще большее несчастіе. Я недостаточно наказана и надъ моей головой носится что-то роковое...

— Какое несчастіе можетъ еще васъ ожидать?

— Не успокаивайте меня! Я чувствую, что несчастіе близко, и я его вполне заслужила. Скорѣе-бы только грянулъ этотъ ударъ; я устала страдать.

Въ этихъ словахъ, произнесенныхъ съ пламеннымъ отчаяніемъ, Солиньякъ видѣлъ не только укоръ совѣсти за измѣну, но и горькое сожалѣніе о потерянной любви, не Агостино, конечно, а Ривьера. Женскому сердцу свойственны самыя странныя противорѣчія; неужели она теперь любила того человѣка, преданную привязанность котораго она отвергла съ презрѣніемъ?

„Нѣтъ, думалъ Солиньякъ, — она его не любитъ, но восторженно уважаетъ, а это значить много“.

И онъ не терялъ надежды на примиреніе между мужемъ и женою. Ему казалось, что любовь Ривьера могла побудить его забыть нанесенное ему женою оскорбленіе.

„Страсть къ этой женщинѣ, думалъ онъ, — наполняетъ сердце Клода, а такіе люди, какъ онъ, любятъ только разъ въ жизни. Впрочемъ, любить настоящей любовью можно только одинъ разъ въ жизни; этой любви человѣкъ отдается весь, душой и тѣломъ“.

Солиньякъ могъ разсуждать такимъ образомъ. Онъ самъ чувствовалъ впервые, что дѣйствительно любить, и имъ овладѣла серьезная задумчивость глубокой страсти. Въ немъ произошла разительная перемѣна: чего не могли сдѣлать тысячи опасностей на полѣ битвы, то сдѣлала любовь: красавецъ полковникъ сталъ задумчивъ, серьезенъ, сосредоточенъ. Посѣщая Клода Ривьера въ потайномъ убѣжищѣ, онъ удивлялъ его глубоко-прочувствованнымъ, меланхоличнымъ тономъ своей рѣчи.

— Знаете, говорилъ не разъ Ривьеръ, — этотъ задумчивый тонъ къ вамъ идетъ не менѣе улыбки.

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ Солиньякъ; — я только знаю, что, благодаря моей ранѣ, я узналъ самого себя.

— Развѣ вы и прежде не были преданнѣйшимъ изъ друзей, храбрѣйшимъ изъ воиновъ, благороднѣйшимъ изъ людей?

— Я былъ просто безумцемъ, влюбленнымъ въ свое безуміе! Я думалъ, что тайна счастья заключается въ томъ, чтобы рисковать жизнью въ опасныхъ, увлекательныхъ приключеніяхъ.

А теперь я понялъ, что во сто кратъ лучше сохранить жизнь для тѣхъ, кого любишь, или пожертвовать ею для одной идеи, для одной любви!

— Итакъ, идя съ двухъ противоположныхъ точекъ, мы съ вами сошлись. Вы говорите теперь то, что я говорилъ, вступая на жизненное поприще. Ну, милый, храбрый Ганри, дорогой мой братъ по оружію, не правда-ли, нѣтъ на свѣтѣ болѣе сладостнаго чувства, какъ жертвовать собою для великой идеи, для идеала? И если въ концѣ-концовъ васъ ожидаетъ горькое разочарованіе, то и тогда самопожертвованіе не пропало даромъ, доставивъ вамъ минуты истиннаго счастья.

— Странно, отвѣчалъ Солиньякъ,—въ прежнее время я васъ считалъ крайнимъ стоикомъ, а теперь я нахожу, что вы только человѣчны.

— Вы постарѣли. Въ наше время старѣютъ скоро.

— Нѣтъ, я теперь способенъ оцѣнить вашу нравственную высоту. Я васъ понимаю, потому что люблю такъ, какъ вы любили—всею душой, на всю жизнь.

— Дай Богъ, чтобъ она была достойна васъ, Солиньякъ. Но если-бъ даже этого не случилось, я все-же скажу вамъ: отдайтесь всецѣло вашей илюзіи. Человѣкъ, хотя-бы на минуту вѣрившій въ великую или счастливую мечту, можетъ сказать, по крайней мѣрѣ, что онъ жилъ.

— Такъ вы не страдаете? Прошедшее...

— Прошедшее! Я ему обязанъ величайшимъ счастьемъ въ моей жизни! Развѣ я могу жаловаться на то, что счастье было скоротечно?

— О, Маркъ Аврелій! Маркъ Аврелій! воскликнуть Солиньякъ со смѣхомъ. — По какому странному случаю вы выбрали своимъ другомъ такого Донъ-Кихота, какъ я?

— Любезный Ганри, отвѣчалъ Клодъ съ искренней рѣшимостью,—я такъ спокоенъ душою, что умру завтра по милости свободы, и со счастьемъ, съ гордостью буду сознавать, что служилъ ей.—Люди могутъ поддаваться заблужденіямъ и низкимъ страстямъ; они могутъ обманывать и казнить, но идеи не приводятъ къ разочарованію. Если отъ свободы мы перейдемъ къ любви, о которой вы только-что говорили, Солиньякъ, то какъ-

бы женщина, внушившая ее, ни была преступна, самая любовь вѣчна.

— Вѣчна?

— Да, на-сколько можетъ быть вѣчно что-нибудь въ жизни.

— Вы любите ее, вы все еще ее любите! воскликнулъ Солиньякъ.

Ривьеръ поблѣднѣлъ.

— Терезу? произнесъ онъ тихо, нѣжнымъ, грустнымъ голосомъ.

— Да, вы любите Терезу, — Терезу, которая раскаивается, плачетъ и любить васъ.

Ривьеръ посмотрѣлъ на Солиньяка съ невыразимымъ чувствомъ горя и сомнѣнiя.

— Да, она васъ любитъ, продолжалъ Солиньякъ, — я въ этомъ убѣжденъ.

— Такъ ей нужно было уничтожить мое сердце, чтобъ понять, сколько въ немъ было любви и преданности? произнесъ Ривьеръ, грустно качая головою; — нѣтъ, она меня не любитъ, но она теперь понимаетъ, что я выстрадалъ по ея милости, и мои страданiя откликнулись въ ней. Тереза! Тереза! Я тебя простилъ и не требовалъ твоего раскаянiя.

— Такъ протяните ей руку и она искупитъ минуту заблужденiя цѣлой жизнью. Забудьте!

— Моя жизнь не принадлежитъ ни мнѣ, ни Терезѣ, а святому дѣлу. Если я буду убитъ, то скажите Терезѣ, что она можетъ безбоязненно преклонить колѣна предъ моимъ трупомъ: въ сердцѣ моемъ нѣтъ ни гнѣва, ни ненависти къ ней. Если я останусь въ живыхъ, то пусть она ко мнѣ придетъ. Быть можетъ, я тогда все забуду. Но теперь мнѣ предстоитъ послѣдняя, рѣшительная, роковая попытка, и, только окончивъ свое дѣло, я буду въ состоянiи подумать о своихъ страданiяхъ.

— Такъ я могу сказать ей, чтобъ она надѣялась?

— Да, отвѣчалъ Ривьеръ; — человѣческое горе безпредѣльно, отчего-же не быть безпредѣльнымъ и милосердiю?

Солиньякъ былъ доволенъ и этимъ результатомъ своей попытки примиренiя, хотя онъ надѣялся на большее. Подобное утѣшенiе должно было привязать Терезу къ жизни, и потому онъ очень удивился, видя, что его слова не уменьшили ея мрачнаго отчая-

нiя. Она во всемъ этомъ понимала только, что Ривьеръ, выйдя изъ одной опасности, подвергалъ себя другой. Солиньякъ не могъ ее успокоить, такъ-какъ рѣшимость Клода пугала его самого.

„Что я сдѣлаю, думалъ онъ, — если долгъ, дисциплина обяжутъ меня встрѣтиться грудь съ грудью съ бунтовщикомъ Ривьеромъ?“

Въ виду подобнаго рокового столкновения, Солиньякъ радовался, что рана не позволяла ему возвратиться въ полкъ и тѣмъ уничтожалась, по крайней мѣрѣ, на-время, возможность такой братоубійственной борьбы.

Однако, Солиньяку не было времени предаваться этимъ мрачнымъ мыслямъ; онъ сдѣлался постояннымъ, ежедневнымъ посѣтителемъ дома графини Фаржъ. Нерасположенiе къ нему маркиза Новаля не мѣшало Луизѣ принимать красавца - полковника самымъ радушнымъ образомъ. За то упрямый старикъ на зло внучкѣ все болѣе и болѣе сближался съ Агостино, не отчаяваясь въ концѣ-концовъ уговорить ее на бракъ съ *другомъ короля*. Эти дружескiя отношенiя маркиза съ Чампи, который безпрестанно появлялся въ ея домѣ, терзали графиню, тѣмъ болѣе, что она ни за что на свѣтѣ не хотѣла выразить, особенно передъ Солиньякомъ, свое неудовольствiе. Въ глубинѣ сердца она просто его ревновала къ итальянкѣ, и извѣстiе, переданное ей Катериной Маньякъ о посѣщенiи Солиньяка Андреевой, только увеличивало ея подозрѣнiе, что счастливая соперница все еще царилъ въ сердцѣ красавца. Всякiй разъ, какъ она чувствовала къ нему неотразимое влеченiе, гордость ее останавливала и боязнь встрѣтиться, а, быть можетъ, пасть въ борьбѣ съ соперницей какъ-бы мѣшала развитiю ея любви. Но, несмотря на всѣ ея усилiя поборотъ пробудившуюся въ ней страсть, Солиньякъ становился ей съ каждымъ днемъ все дороже и дороже, хотя она не давала себѣ въ этомъ яснаго отчета. Серьезный, меланхолическiй видъ красавца, замѣнившiй его рыцарское легкомыслiе, возвышалъ его еще болѣе въ ея глазахъ и она ощущала какое-то дѣтское нетерпѣнiе, когда Солиньякъ долго не являлся въ роскошный домъ улицы Мон-Блана.

Агостино ясно видѣлъ, что Луиза любила Солиньяка, и былъ вѣнъ себя отъ ярости. Онъ твердо надѣялся, что маркизъ Новаля заставитъ внучку выйти за него замужъ, несмотря на все

ея сопротивленіе. Неужели его планы на блестящую будущность уничтожатся, и кѣмъ-же? Солиньякомъ! Его новая хитрость обращалась противъ него, также какъ его прежнее преступленіе. Не успѣлъ Солиньякъ оправиться отъ нанесеннаго ему удара и онъ уже является гораздо болѣе опаснымъ соперникомъ. А кто далъ предлогъ и возможность графинѣ влюбиться въ Солиньяка? Онъ, Агостино.

„Чортъ возьми! говорилъ самъ себѣ Чіампи;—я просто дуракъ!“

Однако, онъ не признавалъ себя побѣжденнымъ и игру проигранной. Если-бы Андреина захотѣла, то она могла-бы доставить счастье брату и отомстить невѣрному любовнику.

— Если-бы ты не была безумной „innamorata“, говорилъ онъ сестрѣ съ злобной улыбкой,—то я знаю, что посовѣтовалъ-бы тебѣ.

— Конечно, какую-нибудь подлость.

— А честные люди развѣ останавливаются передъ подлостью? Развѣ не подло поступилъ тотъ, кто измѣнилъ тебѣ ради другой?

— А! ты все думаешь о Солиньякѣ.

— Конечно, я достаточно его ненавижу, чтобы мысль о немъ не покидала меня ни на минуту.

— Ну, какъ называется подлость, которую ты мнѣ предлагаешь?

— Другіе назовутъ ее преступленіемъ, а я считаю на войнѣ все дозволеннымъ.

— Къ какому-же оружію ты хочешь прибѣгнуть на этотъ разъ? спросила Андреина, отгадывая намѣреніе брата.

— Зачѣмъ и для кого ты выпросила у меня ядъ? спросилъ Чіампи, указывая на кольцо, блестящее на лѣвой рукѣ Андреины.

Она быстро, инстинктивно, прикрыла правой рукой это кольцо, боясь, чтобы Агостино не отнял его.

— Ты имѣешь къ нему доступъ, ты можешь ему отомстить, произнесъ онъ почти шопотомъ на ухо Андреины.

— Я вижу! воскликнула она, дрожа всѣмъ тѣломъ, — что Солиньяку грозятъ новыя опасности.

— Пока живъ одинъ изъ насъ, смерть ожидаетъ другого на каждомъ шагу, отвѣчалъ Чіампи; — утолить ненависть можетъ только кровь.

Андреина не сказала болѣе ни слова, но въ глубинѣ сердца покліялась вездѣ слѣдовать за Агостино, обнаруживать всѣ его планы и отводить отъ Солиньяка направленные на него удары.

Что-же касается Чіампи, то онъ терпѣливо ждалъ, убѣжденный, что въ этомъ смертельномъ поединкѣ, наконецъ, судьба ему улыбнется и онъ найдетъ удобный случай отомстить своему врагу. Этотъ случай, дѣйствительно, не заставилъ себя долго ждать.

Однажды Луиза Фаржъ пригласила Солиньяка къ себѣ въ ложу, въ оперу. При ихъ появленіи въ театрѣ всѣ бинокли направились на красавца полковника и на „маленькую графиню“, въ присутствіи которой императоръ никогда не хмурился и не насупливалъ бровей. Солиньяку было какъ-то неловко подъ этимъ огнемъ биноклей, и г-жа Берюи, жена храбраго генерала, сопровождавшая Луизу, замѣтила съ улыбкой:

— Кажется, полковникъ, вамъ не такъ страшенъ огонь артилеріи?

Въ сущности, Солиньяка не такъ беспокоило сосредоточенное на немъ общее вниманіе, какъ его сердили тысячи взглядовъ, дерзко анализирувавшихъ красоту Луизы. Дѣйствительно, она никогда не была такъ прелестна и ей нечего было бояться самой строгой критики; ея золотистые волосы ниспадали на роскошныя, обнаженныя плечи, а дѣтская улыбка придавала ея чернымъ глазамъ и прелестному лицу выраженіе невыразимаго счастья.

Сидя рядомъ съ нею, Солиньякъ предавался опяняющему сладострастному чувству. Онъ снова находился въ соблазнительной атмосферѣ прелестныхъ женщинъ, нѣжнаго благоуханія и вдохновенной мелодіи. Теперь онъ понималъ вполне, какъ дорога была ему жизнь, и съ упоеніемъ смотрѣлъ на любимую женщину, слушалъ пламенную музыку, передававшую какъ нельзя вѣрнѣе его чувства, его мечты, его любовь.

Давали „Весталку“ Спонтини, пользовавшуюся въ то время громаднымъ успѣхомъ, и пока г-жа Берюи наслаждалась красотами ея любимой музыки, Солиньякъ ощущалъ въ своемъ сердцѣ то, что герой и героиня выражали вдохновенно на сценѣ. Онъ жаждалъ дать почувствовать графинѣ, что слова пламенной любви, громко высказываемыя пѣвцомъ, онъ мысленно повторялъ и

съ невыразимымъ счастьемъ произнесъ-бы ихъ открыто обожаемой женщиной. Музыка служить прекраснымъ, нисколько не компрометирующимъ орудіемъ передачи тѣхъ мыслей, которыхъ нельзя высказать громко. Луиза во время знаменитаго дуэта между Лициніемъ и Юліей не могла скрыть своего волненія; она не смѣла взглянуть на Солиньяка, но его пристальные взгляды какъ-бы жгли ея щеку. Когда весталка нѣжно лепетала: „я боюсь лишь за тебя“, она инстинктивно взглянула на человѣка, только-что освободившагося отъ роковой опасности и которому смерть грозила каждую минуту. Она хотѣла этимъ взглядомъ сказать только: „будьте впередъ осторожнѣе“; но Солиньякъ прочелъ въ немъ гораздо болѣе. Ему казалось, что Спонтини такъ-же вѣрно выражалъ мысли Луизы, какъ и его пламенные мечты.

„Для тебя одной я хочу жить!
Для тебя одного я хочу жить!“

пѣли влюбленные на сценѣ, и ихъ сладострастный шопотъ, ихъ восторженный пылъ и пламенные поцѣлуи заставляли невольно вздрагивать Луизу, а въ жилахъ Солиньяка пробѣгалъ огонь. Великолѣпный-же, страшный финалъ довелъ красавца полковника почти до обморока. Онъ чувствовалъ, что никогда не жилъ такой жгучей, бѣшепой жизнью, и въ то-же время ему казалось, что онъ умиралъ. Но все-же, блѣдный, едва переводя дыханіе, онъ жадно смотрѣлъ на Луизу, которая судорожно обмахивалась вѣеромъ.

— Какъ прекрасно! воскликнулъ онъ въ ту минуту, когда занавѣсъ падалъ при громкихъ рукоплесканіяхъ публики.

Луиза ничего не отвѣчала; дыханіе ея захватывало и слезы выступали на глазахъ. Солиньякъ, нагнувшись надъ ея роскошными, бѣлоснѣжными плечами, сладострастно упивался молчаніемъ Луизы, похожимъ на чудный сонъ. Вдругъ онъ замѣтилъ крупную, брилліантовую слезу, катившуюся по ея блѣдной щекѣ, словно капля росы по лепестку цвѣтка.

— Вы плачете! воскликнулъ онъ.

Она старалась улыбнуться.

— Я обожаю музыку, но, признаюсь, никогда не дохожу до слезъ, замѣтила г-жа Берри.

— Этотъ страшный финалъ, произнесла, наконецъ, Луиза, — грозныя проклятія фанатичныхъ жрецовъ и гнѣвные крики на-

рода напомнили мнѣ о всѣхъ опасностяхъ, которыя на каждомъ шагу могутъ разразиться надъ нашими головами. Мнѣ становится страшно, точно какое-то несчастье недалеко.

— Какое несчастье? спросилъ Солиньякъ.

— Не знаю, отвѣчала Луиза.

Но въ ушахъ Солиньяка все еще раздавались вдохновенныя слова: „Я боюсь только за тебя“.

Онъ хотѣлъ улыбнуться, но, несмотря на всю свою храбрость, невольно вздрогнулъ, увидавъ въ эту самую минуту въ противоположной, пустой ложѣ Агостино Чіампи. Солиньякъ спросилъ у г-жи Берюи бинокль и съ искусственнымъ хладнокровіемъ направилъ его на блѣдное отъ злобы лицо маркиза, который отвѣчалъ дерзкимъ взглядомъ и черезъ минуту исчезъ. Солиньякъ его болѣе не видалъ, а Луиза вовсе не замѣтила.

Провожая графиню до экипажа, Солиньякъ съ отчаяніемъ думалъ, что такъ скоро прошли блаженныя минуты, проведенныя подлѣ нея, и, конечно, готовъ былъ разцѣловать Флориваля Сен-Клера за предложеніе отправиться всему обществу въ кофейную Фраскати, гдѣ послѣ оперы собирались великосвѣтскіе франты и даже аристократическія красавицы. Графиня и г-жа Берюи согласились и мужчины сѣли въ ихъ карету.

Солиньякъ чувствовалъ на своихъ колѣняхъ платье Луизы и видѣлъ въ темнотѣ блескъ ея глазъ; онъ молчалъ, но былъ невыразимо счастливъ. По временамъ ему даже казалось, что „маленькая графиня“ прижималась къ нему и онъ какъ-бы ощущалъ дрожь, пробѣгавшую по ея тѣлу.

Выходя изъ экипажа у модной кофейной, Луиза нѣжно оперлась на руку Солиньяка, но на лицѣ его вдругъ выразилось глубокое страданіе.

— Что съ вами? спросила она.

— Ничего, отвѣчалъ Солиньякъ, хотя за секунду передъ тѣмъ онъ почувствовалъ въ сердцѣ какъ-бы ударъ кинжала.

— Не лучше-ли намъ отправиться домой? замѣтила Луиза.

— Вы хотите, произнесъ Солиньякъ, съ жаромъ, — чтобы я отказался отъ того, чего многіе не испытываютъ во всю жизнь — отъ минуты счастья?

XXI.

„БАВАРКА“.

Кофейная Фраскати, на углу улицы Ришелье и Монмартрскаго бульвара, была открыта итальянцемъ Гарчи въ концѣ прошлаго столѣтія и въ ней *мюскадены* собирались ѣсть мороженое и бранить республику. Тогда публичныя сады были въ большой модѣ и ихъ посѣщали не только мужчины и уличныя красавицы, но и аристократки временъ консульства и имперіи. Вдоль сада были устроены лари съ различными товарами, что придавало этому увеселительному учрежденію характеръ ярмарки. Самая-же кофейная состояла изъ трехъ изящныхъ залъ съ золочеными зеркалами и громадной, установленной цвѣтами, терасы, выходившей на бульваръ.

— Какъ здѣсь мило, сказала графиня Фаржъ, всходя по большой, великолѣпной лѣстницѣ;—я никогда еще не была здѣсь.

Они прошли черезъ первую залу, блестяще освѣщенную хрустальными люстрами; Солиньякъ смотрѣлъ во всѣ стороны, отыскивая свободный столикъ. Вдругъ графиня почувствовала, что рука его, на которую она опиралась, слегка задрожала.

— Что съ вами? снова спросила она.

— Ничего, отвѣчалъ по-прежнему Солиньякъ.

Но въ сущности онъ увидалъ въ дверяхъ второй залы Агостино Чіампи, котораго графиня не могла замѣтить, отдавая поклонъ знакомымъ направо и налево.

„Онъ за нами слѣдитъ, это очевидно, подумалъ Солиньякъ;—но теперь я его не боюсь, оружіе при мнѣ“.

Въ послѣднее время Солиньякъ постоянно носилъ при себѣ два пистолета на случай неожиданной опасности. Вторая зала была почти пустая и все общество помѣстилось за столикомъ краснаго дерева. Флориваль Сен-Клеръ потребовалъ миндальныхъ бисквитовъ, г-жа Берюи молочный пуншъ, а графиня Фаржъ долго не рѣшалась, какое выбрать ей мороженое.

— Можетъ быть, вы не желаете мороженаго? сказалъ, наконецъ, слуга съ итальянскимъ акцентомъ;—такъ не угодно-ли вамъ *баварку*?

— А, да, отвѣчала графиня, — это лучше. При выходѣ изъ театра меня немного продуло.

— Съ шеколадомъ?

— Нѣтъ, съ молокомъ.

— А вамъ? спросилъ слуга у Солиньяка.

— Съ шеколадомъ, отвѣчалъ тотъ машинально.

„Баварка“ была въ то время моднымъ напиткомъ, введеннымъ въ Парижъ баварскими принцами, которые однажды въ кофейной Проконъ потребовали чаю не въ фарфоровыхъ чашкахъ, а въ хрустальныхъ ставанахъ, и вмѣсто сахара кофейный сиропъ. Эта смѣсь показала сначала парижанамъ очень странной, а потомъ вошла въ моду подъ названіемъ *баварки*, и вмѣсто сиропа стали подливать къ чаю кофе и шеколадъ. По случаю свадьбы принца Евгенія Богарне какой-то острякъ сказалъ; что принцъ, отличавшійся дурными зубами, потому именно и женился, что *баварку* можно проглотить не жевавши.

Получивъ приказанія, слуга быстро удалился изъ залы, но не успѣлъ онъ войти въ длинный коридоръ, который велъ въ кухни заведенія, какъ его остановилъ человекъ высокаго роста, съ широкой, могучей грудью, и, схвативъ за руку, назвалъ по имени:

— Саверио!

Слуга вздрогнулъ.

— Вы меня знаете? промолвилъ онъ.

— Ты Луиджи Саверио; ты былъ сержантомъ въ 14 линейномъ полку и дезертировалъ, обворовавъ своихъ товарищей; ты сдѣлалъ это изъ любви къ Аделинѣ Готье, умершей...

— Это былъ мой злой геній, промолвилъ Саверио.

— Злой или добрый—это все равно, но дѣло въ томъ, что я нахожу тебя въ Парижѣ, когда полагалъ, что ты вернулся на свою родину Чіари. Неужели ты не боишься, что какой-нибудь старшій товарищъ тебя узнаетъ и выдастъ?

— Солдаты рѣдко сюда заходятъ, произнесъ Саверио, пораженный словами незнакомца.

— Солдаты—да, но офицеры? Ну, посмотри на меня, и постарайся, въ свою очередь, узнать, кто я.

— Нечего стараться, вы капитанъ Чіампи, отвѣчалъ Саверио, опуская голову.

— Ну, продолжалъ Чіампи, — выбирай одно изъ двухъ... Какъ теперь тебя зовутъ?

— Виторіо Маріани.

— Такъ выбирай, ложный Маріани, одно изъ двухъ: смертную казнь или сто наполеондоровъ.

— Сто наполеондоровъ! двѣ тысячи франковъ, промолвилъ слуга, смотря съ жадностью на два свертка съ золотыми, которые Агостино вынулъ изъ кармана.

— Ну, рѣшайся скорѣе, произнесъ Чіампи; — насъ могутъ здѣсь подслушать, а *они* тебя ждутъ.

По тону Агостино Саверіо догадался, что дѣло шло о гостяхъ, которые заказали *баварку*.

— Что-же вы потребуете за эти деньги? спросилъ слуга, не спуская глазъ съ Чіампи.

— Очень немногаго: позволь мнѣ только налить въ одинъ изъ графиновъ съ *баваркой* нѣсколько капель изъ этого флакона.

Съ этими словами Чіампи вынулъ изъ другого кармана маленькую хрустальную стьянку съ безцвѣтной, повидимому, невинной жидкостью.

— Чортъ возьми! промолвилъ слуга, блѣднѣя.

— Развѣ выборъ такъ труденъ? продолжалъ Чіампи иронически; — съ одной стороны двѣ тысячи франковъ и честная, независимая жизнь въ Чіари, съ другой — военный судъ и разстрѣляніе. Что-же ты предпочитаешь?

— Но вѣдь въ этой стьянкѣ... ядъ?

— А тебѣ какое дѣло? Я налью двѣ капли въ графинъ, а ты получишь два свертка золота. Ну, Луиджи Саверіо, рѣшайся.

— О, не называйте меня этимъ именемъ!

— Правда, это имя дезертира... Такъ что-жь, ты хочешь, чтобъ я тебя выдалъ?

— А если я скажу, что вы меня подкупали на преступленіе?

— Кто тебѣ повѣритъ? произнесъ Агостино, пожимая плечами; — судьбы не задумаются, кому отдать предпочтеніе: дезертиру-солдату или его офицеру. И почему ты знаешь, дуракъ, что это ядъ? Какое тебѣ дѣло до меня, возьми свои деньги и не безпокойся ни о чемъ.

— Боже мой! воскликнулъ Саверіо; — я считалъ Аделину Готье моимъ злымъ гениемъ, но теперь я вижу...

— Теперь ты видишь, перебилъ его Агостино иронически, — что твой злой геній—я. Но скажи, дуракъ, гдѣ-бы ты напелъ злого генія, который принесъ-бы тебѣ денегъ?

Саверио еще разъ бросилъ жадный взглядъ на золото и твердымъ тономъ челоуѣка, рѣшившагося на все, рѣзко сказалъ:

— Дайте.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся къ Агостино съ двумя маленькими графинами, въ которыхъ дымился горячій напитокъ. Чіампи всунулъ ему въ руку свертокъ золота и поспѣшно налилъ нѣсколько капель изъ своего флакона въ графинъ съ шоколадной *баваркой*.

— Это-ли именно спросилъ господинъ? произнесъ Чіампи.

Саверио не могъ произнести ни слова, а только утвердительно кивнулъ головой.

— Смотри, не ошибись, продолжалъ Агостино и прибавилъ про себя, смотря вслѣдъ удаляющемуся слугѣ:—На этотъ разъ красавецъ Солиньякъ не вылезется.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ, что чья-то рука опустилась на его плечо.

— Я видѣла все! Я слѣдила за тобою, сказала Андреина, пристально смотря на него.

— Это ты? воскликнулъ Чіампи, отскакивая отъ нея съ ужасомъ.

— Ты забылъ, что Солиньяка охраняетъ Андреина, произнесла она саркастически и бросилась за Саверио.

Что она хотѣла сдѣлать? Конечно, помѣшать Солиньяку выпить ядъ. Красавецъ полковникъ былъ снова спасенъ.

— Безумная носится съ своею любовью! произнесъ Агостино, топя ногами съ безпомощной злобой.

Сначала онъ хотѣлъ удержать ее силой, но это обратило-бы на нихъ общее вниманіе и, при возбужденномъ состояніи Андреины, могло-бы его погубить. Потому, надѣясь на случай, благодаря которому она могла опоздать, Чіампи проводилъ ее издали до залы, въ которой сидѣлъ Солиньякъ, и, повернувъ у самой двери, скрылся въ садъ.

Между тѣмъ Солиньякъ сидѣлъ задумчиво, и пока Флориваль велъ обычный свѣтскій разговоръ съ графиней и г-жей Берюи, онъ обдумывалъ планъ защиты, такъ-какъ вполне былъ увѣренъ,

что Агостино явился вслѣдъ за ними въ кофейную Фраскати съ какой-нибудь злой цѣлью. Поэтому онъ поимѣтился спиной къ стѣнѣ, такъ-что ему была видна вся зала и сосѣднія комнаты, а графиня и г-жа Берии, сидя напротивъ него, рѣшительно ничего не видѣли, что происходило за ними. Вскорѣ его подозрѣнія вполне подтвердились появленіемъ въ дверяхъ Анреины, которая, бросивъ на него странный, дикій взглядъ, быстро удалилась.

„Ну, теперь и братъ, и сестра!“ подумалъ Солиньякъ и сталъ лихорадочно ждать, чтобъ грозившая ему опасность приняла опредѣленную форму.

Черезъ нѣсколько минутъ слуга, чрезвычайно блѣдный, принесъ *баварку*, и Солиньякъ замѣтилъ, что руки итальянца дрожали. Онъ пристально на него посмотрѣлъ, но Саверио опустил глаза и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Солиньякъ налилъ въ стаканы *баварку* и подаль одинъ изъ нихъ съ бѣловатой, молочной жидкостью графинѣ.

— Слишкомъ горяча, сказала она, мѣшая въ стаканѣ ложкой.

Въ это мгновеніе Солиньякъ опять вздрогнулъ. Анреина, нѣкимъ незамѣченная, кромѣ него, вошла въ залу и машинально направилась къ столу, за которымъ онъ сидѣлъ. Въ дверяхъ-же снова появился Агостино, блѣдный, взволнованный, и исчезъ, какъ призракъ.

„Здѣсь происходитъ какая-то страшная драма“, подумалъ Солиньякъ.

Глаза Анреины были устремлены не на него, а на стаканъ, стоявшій передъ нимъ; когда-же онъ протянулъ къ нему руку, то она вдругъ остановилась среди залы и бросила на Солиньяка взглядъ, полный отчаянной мольбы.

„Что это значитъ?“ спросилъ онъ себя.

Онъ смутно понималъ, что она о чемъ-то тревожно просила, и ясно увидалъ въ глазахъ ея дикую радость, когда онъ оттолкнулъ отъ себя стаканъ.

„Неужели опасность тутъ?“ подумалъ онъ.

Между тѣмъ Луиза, неподозрѣвавшая трагической сцены, разыгрывавшейся рядомъ съ нею, неожиданно протянула руку къ стакану Солиньяка.

— Я ошиблась, сказала она съ улыбкой:—мнѣ хочется *баварки* съ шеколадомъ. Позвольте мнѣ съ вами поимѣняться.

Солиньякъ не спускалъ глазъ съ Андренины. Ея лицо снова намѣнилось и приняло какое-то страшное, дикое выраженіе; не на этотъ разъ, вмѣсто страха, въ глазахъ ея сверкали злобѣющая радость, удовлетворенная ненависть. При видѣ яда въ рукахъ своей счастливой соперницы она не могла скрыть радости, что, спасая любимаго человѣка, она вмѣстѣ съ тѣмъ губила женщину, послѣ смерти которой онъ на-вѣки, конечно, возвратился-бы къ ней.

Все это такъ ясно выражалось въ обезображенныхъ страстью чертахъ ея лица, что Солиньякъ быстро вскочилъ, бросилъ на Андренину убійственный взглядъ и выхватилъ изъ рукъ графини стаканъ, который она уже подносила къ губамъ.

— Не пейте, тутъ ядъ! воскликнулъ онъ и бросилъ стаканъ на полъ.

— Ядъ? произнесъ Сен-Клеръ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Ядъ? проговорила г-жа Верюи съ испугомъ.

Луиза молча смотрѣла на Солиньяка, скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ ужасомъ. Но черезъ мгновеніе она инстинктивно обернулась и, увидавъ Андренину, стоявшую неподвижно, какъ статуя, промолвила:

— Эта женщина!

Солиньякъ жестомъ приказалъ Андренинѣ удалиться. Она бросила на него гордый, вызывающій взглядъ, но чрезъ мгновеніе исчезла, едва скрывая сдерживаемыя рыданія букетомъ розъ, который былъ у нея въ рукахъ.

— Что это значитъ, полковникъ? спросилъ Флориваль, опасаясь, чтобъ съѣденный имъ бисквитъ также не былъ отравленъ.

— Это значитъ, что у меня есть враги и *баварка* съ шоколадомъ предназначалась имъ.

— Такъ не меня хотѣли отравить? спросила Луиза.

— Нѣтъ, не васъ, а меня. Пойдите отсюда, я завтра узнаю всю правду.

— Отчего-же не сегодня? сказала г-жа Верюи, которую очень удивляло, что Солиньякъ не звалъ никого на помощь и не объявлялъ о случившемся.

— Потому что я знаю виновныхъ и всегда успѣю ихъ покарать.

— Но, по крайней мѣрѣ, прикажите арестовать слугу.

— Если онъ и виноватъ, то лишь какъ слѣпое орудіе. Не онъ отравитель.

— А маркиза Олона? попомомъ произнесла Луиза.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Солиньякъ, и, бросивъ на столъ золотой, онъ поспѣшно повелъ графиню къ экипажу, стоявшему у террасы.

— Скажите мнѣ правду, спросила Луиза по дорогѣ, — кого изъ насъ хотѣли отравить, васъ или меня?

— Я уже сказалъ, что меня одного.

— Такъ я едва не отдала своей жизни за васъ? сказала она дрожащимъ голосомъ.

Онъ нагнулся къ ней и отвѣчалъ безмолвнымъ пожатіемъ руки и нѣжнымъ взглядомъ. Въ ея словахъ ясно звучало признаніе въ любви, и въ прежнее время Солиньякъ, не задумываясь, сказалъ-бы: „она меня любитъ“, но теперь искренность его собственной любви дѣлала его скромнымъ, недовѣрчивымъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ чувствовалъ, что эта новая опасность еще болѣе сблизила его съ Луизой, и этого было довольно, чтобъ онъ счелъ ее за счастье.

— Берегите себя, полковникъ, какъ вы берегли меня, крикнула ему на прощанье графиня, высовываясь изъ окна экипажа и махая ему рукой.

Возвратясь въ кофейную, Солиньякъ надѣялся найти Агостино, но итальянецъ исчезъ. Тогда онъ спросилъ слугу, подававшего *баварку*, но и его нигдѣ не могли отыскать, такъ-что Солиньякъ вполнѣ убѣдился, что онъ былъ соучастникомъ преступленія. Но онъ нисколько не заботился о поимкѣ этого мелкаго злодѣя. Онъ жаждалъ разсчитаться за все только съ Агостино.

По дорогѣ домой онъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдовала какаютто карета, и ему казалось, что на лакеѣ была ливрея маркизы Олона. Поэтому, избѣгая всякой встрѣчи съ нею, онъ, поравнявшись съ домою маркизы Ригоди, быстро выскочилъ изъ фіаэра; но Андреина его предупредила и остановила передъ самой дверью.

— Одно слово, сказала она тономъ отчаянной мольбы: — ты долженъ меня простить!

— Васъ простить? отвѣчалъ Солиньякъ съ убійственной про-
нѣй;—я знаю теперь, что вы подразумѣвали, говоря, что трупъ
Отавіо требуетъ другого трупа. Вы жаждете смерти бѣдной жен-
щины, единственное преступленіе которой заключается въ томъ,
что она спасла мнѣ жизнь.

— Да! воскликнула Андреина, —я за это ее ненавижу всей ду-
шой, но, видитъ Богъ, я вошла въ залу не съ преступной цѣлью.
Клянусь, Ганри, что я хотѣла только предупредить тебя не ва-
саться губами рокового напитка.

— А когда графиня взяла стаканъ, предназначенный мнѣ...

— Тогда, я сознаюсь, въ головѣ моей блеснула страшная
мысль. Мнѣ казалось, что судьба хотѣла смерти этой женщины.
Я пришла, чтобъ тебя спасти, а она сама себя губила. Я не-
достаточно христіанка, чтобъ помѣшать судьбѣ поразить мою со-
перницу, когда не я поднимала на нее руку.

— Не ты? Твой радостный взглядъ, несчастная, открылъ мнѣ
всю тайну.

— А если-бы я и совершила это преступленіе, воскликнула
итальянка, гордо закинувъ голову;—если-бъ я и сама положила
ядъ, такъ что-же? Я тебя люблю и ненавижу ту, которую ты
любишь. Если-бы для ея смерти было достаточно мнѣ поднять
руку, то, Dio santo, ея давно не было-бы на свѣтѣ!

— Ты вполне достойна своего брата, сказалъ презрительно
Солиньякъ, и прибавилъ, схвативъ ее за руки:—Онъ хотѣлъ меня
зарѣзать, а ты хотѣла ее отравить. Я васъ обоихъ одинаково
презираю. Отравительница Андреина стоитъ убійцы Агостино.
Ступай, убирайся!

И онъ грубо оттолкнулъ ее отъ себя.

— Господи! Господи! воскликнула Андреина; — убей меня,
Ганри; если ты меня ненавидишь, для меня все кончено!

— Я тебя ненавижу! Убирайся!

— Берегись! воскликнула она съ дикимъ воплемъ;—берегись,
каждое твое слово стоитъ удара кинжала.

— Если въ твоей каретѣ спрятанъ убійца, то пусть его вы-
ходитъ, сказалъ Солиньякъ, ощупывая пистолеты въ карманѣ.

— Ты меня не понимаешь, отвѣчала итальянка.—я говорила,
что смерть Отавіо вызываетъ другую смерть. Если ты не хо-

чешь, чтобъ мой призракъ преслѣдовалъ тебя, какъ его призракъ не дастъ мнѣ покоя, то не говори, что ты меня ненавидишь.

— Ты наложишь на себя руку?

— Я умру, проклиная или обожая тебя!

Въ этихъ словахъ звучало столько искренняго, женскаго чувства, столько невыразимаго горя, что Солиныкъ взглянулъ на Андреину и спросилъ себя: не сказать-ли ей: „Ступай съ миромъ, я тебя прощаю“? Но въ этой умоляющей, согбенной отчаяніемъ Андреинѣ онъ не могъ не видѣть другой, жестокой, страшной женщины, готовой броситься на свою жертву.

— Убирайся! И если у тебя хватитъ храбрости подвергнуть себя заслуженной карѣ, то проси помилованія у Бога.

Между тѣмъ онъ позвонилъ и, произнеся послѣднія слова, неожиданно исчезъ за тяжелой дверью дома маркизы Ригоди. Ужасный, отчаянный вопль Андреины поразилъ его въ самое сердце. Онъ вздрогнулъ и спросилъ себя: не слѣдуетъ-ли оказать помощь несчастной, вѣроятно, лежавшей безъ чувствъ на улицѣ? Вѣдь эту женщину онъ когда-то любилъ! Какой страшный контрастъ былъ между этой роковой минутой и тѣмъ веселымъ, солнечнымъ днемъ, когда онъ впервые увидалъ ее на Карусельной площади! Неужели такъ должна была окончиться ихъ любовь?

Однако, черезъ нѣсколько минутъ онъ успокоился, услыхавъ шумъ удалявшейся кареты маркизы Олона.

(Окончаніе будетъ.)

МОЛИТВА СЛАВЯНИНА.

(Съ сербскаго.)

Только лишь сумракомъ ночи повѣтъ
Въ этихъ печальныхъ и душныхъ стѣнахъ,
Сердце сжимается болью и зрѣтъ
Горькая дума о павшихъ бойцахъ.
Ярко встаютъ безобразною сказкой—
Гнетъ непосильный и трудъ роковой,
Жизнь, позабытая свѣтомъ и лаской,
Скорбная доля съ неволей-нуждой...

Слышатся стоны и чудятся муки...
Видятся въ царствѣ турецкихъ бичей
Кровью облитыя спины и руки,
Сжатая ржавымъ желѣзомъ цѣпей...
Боже мой! Мирныя села пылаютъ,
Бороны трутъ земледѣльца клюютъ...
Братья въ зловонной тюрьмѣ умираютъ,
Сестры въ турецкомъ гаремѣ гниютъ!..

Только надъ этой пустыней нѣмою,
Страждущимъ миръ указуя иной,
Свѣтитса крестъ путеводной звѣздой,
Знаменьемъ вѣры и муки святой...
Крестъ тотъ—надежда. Ему всѣ молитвы...
Нашъ Искупитель на немъ умиралъ...
Царь Константинъ въ непосильныя битвы
Рати невѣрныя имъ поборалъ!

Кто у насъ смертнаго вопля не слышалъ?
Братій не видѣлъ въ крови и слезахъ?
Нѣтъ у насъ колоса, чтобы онъ вышелъ
Не на удобренныхъ кровью поляхъ!

Турокъ ребенка убить не боится,
Рѣжетъ онъ мать на глазахъ у дѣтей...
Въ храмы трусливо идемъ мы молиться,
Знаемъ—враги сторожатъ у дверей!..

Боже великій, отъ вѣка до вѣка
Крестъ Твой незыблемъ и вѣра крѣпка,
Что-же доселѣ гнететъ человѣка,
Злая зачѣмъ его давить рука?
Господомъ правды и Господомъ силы
Въ сердцѣ людскомъ нарицаешься Ты...
Такъ воскреси-же родныя могилы
И благовѣстника шли съ высоты!

Намъ, какъ евреямъ, спасителемъ буди!
Насъ изъ египетской тьмы изведи—
Образъ Твой носить вѣдь павшіе люди,
Крестъ Твой сіяетъ у насъ на груди.
Дай намъ, о, Боже, вождя славянина,
Въ вѣтрѣ и бурѣ гради передъ нимъ,
Рати слабѣйшей дай крестъ Константина,
Чтобъ побѣждали мы словомъ Твоимъ!

В. И. Славянскій.

НА ПУТИ ВЪ ПЕРСІЮ.

III.

ПРИБАСПІЙСКІЕ ПОРТЫ.

Сегодня, 12 іюня, прелестное утро: солнце, тишь и легкая свѣжесть воды! Ф. зашелъ проститься со мной и вручилъ мнѣ письма на островъ Ашуръ-аде, къ мѣстному самому значительному торговцу, армянину Назаръ-Бекову, и переводчику при начальствѣ астрабадской станціи, Рафаилу Никитичу Ежаеву — „чорту“, какъ говорятъ о немъ съ гордостью астраханскіе армяне, замѣчательной личности, имѣющей громадное вліяніе на сосѣднихъ тюремень и заправляющей внѣшними дѣлами острова; но вѣроломный персъ Хаджи-ага еще не показывается съ письмами, а баржа черезъ часъ должна отойти.

А вотъ и онъ бѣлѣется въ щегольскомъ сардарѣ, съ своею неизмѣнною улыбкою, и въ высокой шапкѣ. „Моя была больна“, извинялся онъ, вручая мнѣ четыре письма, изъ которыхъ два адресованы на персидскій берегъ Гязъ его родственнику, имѣвшему дѣла съ погибшимъ закаспійскимъ обществомъ, Аджи-Асанъ-аджи-Аліеву (последнее названіе означаетъ, что онъ посѣтилъ могилу Али), а прочія письма къ богатому купцу въ Шахрудъ, тоже обогатившемуся на счетъ закаспійскаго товарищества, и въ Мешедъ испанскому купцу Аджи-абуть-Касыму, вліятельному и имѣющему торговныя сношенія съ Афганистаномъ, что для меня не маловажно: по словамъ Хаджи-аги, зтотъ Касымъ снабдитъ меня рекомендательными письмами въ Гератъ и дальше, что облегчитъ мое путешествіе.

Пришелъ и Шафъевъ. Кромѣ насъ на рубкѣ никого. Хаджи-ага молча пьетъ чай, Шафъевъ курить, Ф. убѣждаетъ меня отнюдь не путешествовать по Азіи въ туземныхъ костюмахъ, но непременно въ своемъ, а я люблю живописными видами многоводныхъ окрестностей Астрахани съ разбросанными по берегамъ Волги аулами (погайскими деревушками), надъ которыми висятъ шпицы минаретовъ, увѣнчанные рогомъ луны.

Но пристань мало оживлена: на сценѣ ея снуютъ бакинскіе персы и нѣсколько горцевъ, прикаспійскіе армяне и группа русскихъ женщинъ, провожающихъ очень красивую, видную дѣвушку съ толстымъ слоемъ румянъ и бѣлилъ, таможенный толстякъ съ краснымъ лицомъ, въ бѣломъ кителѣ и короткихъ панталонахъ, два три полицейскихъ, нѣсколько служащихъ и управляющій пароходствомъ по Каспійскому морю общества „Кавказъ и Меркурій“. Между ними юлятъ погайцы-носильщики съ громадными тюками на спинахъ, и поодаль всѣхъ стоитъ смуглый, сухощавый мулла въ черной чалмѣ, а изъ-подъ плаща, напоминающаго нашу альмавиву, безъ рукавовъ и капюшона, виднѣтся его зеленый поясъ—вышній признакъ потомковъ пророка и имамовъ. Несмѣло и съ легкой ироніей поглядывая на христіанъ, онъ сѣлъ на корточки и съ опущенными глазами принялся перебирать четки, бормоча молитву о благополучномъ путешествіи правовѣрныхъ, за что получить отъ нихъ милостыню...

Но вотъ третій звонокъ—и въ 9 часовъ буюсирный пароходъ потянулъ нашу маленькую баржу. Отсюда до Петровска 222 мили или 42 часа ходу.

Волжскій берегъ, лежавшій передъ нами, то покрытъ вспаханными буграми, то представляетъ низину съ тростникомъ и кустами, изрѣдка перемежанными съ деревьями; кое-гдѣ виднѣются татарскія постройки съ сараями, залитыми водою.

Легко скользятъ по теченью рыбацкіе лодки и суда, а противъ него тяжело тянутся они на бичевахъ бурлаками, идущими по колѣно въ водѣ.

Часто попадаются лодки съ одиными только загорѣлыми женщинами, одѣтыми въ бѣлыя кофточки и панталоны мужского покроя; это рыбацкіе и работницы съ рыбныхъ промысловъ.

Въ 12 часовъ мы вѣхали въ одинъ изъ многихъ извилистыхъ рукавовъ Волги, сплошь усѣянныхъ островками, то песчаныхъ,

то въ густой зелени кустовъ и камыша, откуда несется весенній пискъ, крикъ и гамъ пернатыхъ обитателей болотъ.

Картинно и тепло! Точно передъ вами скользятъ живая панорама: видъ за видомъ! Острова смѣняются купами затопленныхъ деревьевъ; тамъ выглядываютъ изъ воды дома, здѣсь высматриваютъ изъ осоки и камыша кустарники, а дальше, на высокомъ, песчаномъ островкѣ, раскинулось село съ возвышающимся надъ нимъ зеленымъ куполомъ церкви.

Роскошь, раздолье! Ну, какъ не разгуляться на такомъ привольѣ широкой натурѣ!

На рубкѣ, кромѣ меня и лоснящагося, какъ тюлень, рыбопромышленника съ массивною золотою цѣпью и въ изумрудныхъ кольцахъ, никого еще нѣтъ, а маленькая палуба завалена преимущественно восточнымъ народомъ.

— Чье это жильё? обратился я къ рыбопромышленнику, указывая на красивое каменное зданіе въ восточномъ вкусѣ, возвышающееся надъ ветхими сараями на берегу, гдѣ валялись два барказа и виднѣлась группа какихъ-то странныхъ фигуръ въ мужскомъ костюмѣ, въ передникахъ, съ окутанными лицами, съ едва замѣтными щелями для глазъ и носа.

— Это одинъ изъ самыхъ богатыхъ рыбныхъ промысловъ — Саножникова.

— А эти фигуры?

— Бабе-работницы, бѣдовый народъ: бранятся хуже рыбаковъ...

По разсказу рыбопромышленника, женщины овладѣли работами на этихъ рыбныхъ промыслахъ сто лѣтъ тому назадъ и крѣпко держатся за это, укоренившееся временемъ, право. Рыбачки пластуютъ рыбу и, отдѣливъ икру отъ кишечъ, изъ которыхъ выталивается жиръ, сортируютъ ее, получая за 1,000 штукъ 60 коп.; рѣдка изъ нихъ справляется болѣе, чѣмъ съ 1,200 штукаами въ день. Прочія работы лежатъ на мужчинахъ.

По словамъ рыбопромышленника, теперь ловъ на морѣ свободенъ.

— Заплати, говоритъ онъ, — за промысловый билетъ 25 руб.

и бери себѣ участокъ, а на участкѣ разбито все море, — вотъ и дѣлу конецъ! А рыбы всякой здѣсь много: и *красной*: осетръ, бѣлуга, севрюга, стерлядь, сомъ. Сомя жирныя! Морды отрубаетъ ихъ, бросаетъ, а прочее — солимъ и отправляемъ въ Балугу, Рязань, въ подмосковные города: тамъ его любятъ. *Чистяковой* рыбы, т. е. мелкой, тоже вдоволь: сазанъ, судакъ, лещь, тарань, вобла, жерихъ, бершъ, который солится и сушится, много астраханской сельди, называемой бѣшенкою; изъ нея вытапливаемъ жиръ и тоже солимъ. Цѣны на рыбу въ Астрахани теперь хорошо стоятъ. Пудъ свѣжей бѣлуги стоитъ 3 руб., а въ балыкѣ 8 руб.; паюсная икра 32 р., зернистая 28 р., клей 150 р., вязига 35 р., пудъ свѣжей осетрины и севрюги стоитъ 3 р. 25 к., въ балыкѣ 12 р.; паюсная икра 28 р., зернистая 24 р., клей 170 р. Пудъ свѣжаго сома 1 р., соленого — 1 р. 50 к.; судачья икра 3 р., сушеный судакъ 1 р. 80 к. — 2 р. 40 к.; сушеный лещь 2 р. 50 к.; икра изъ него 50 к.; вобла и вообще мелкая рыба — 40 к.; внутренній рыбій жиръ, добываемый изъ кишекъ, 2 р.; жиръ изъ бѣшенки по 1 р. 70 к. за пудъ. Тюлени на Каспійскомъ морѣ съ году на годъ уменьшаются, такъ-что жиру съ нихъ теперь вытапливается въ Астрахани не болѣе 100 тыс. пудовъ, цѣны на который зависятъ отъ лова; за пудъ 1—3 руб. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Каспійскаго моря попадаетъ диковинка — кораллы.

Я усомнился въ послѣднемъ, но рыбопромышленникъ увѣряетъ меня, что онъ самъ видѣлъ ихъ у нѣкоторыхъ рыбаковъ.

— Волга тоже, продолжалъ словоохотливый астраханецъ, — разбита на участки, но они тамъ арендуются, смотря по плану, отъ 300 р. и до 25 т. р. въ годъ.

Изъ его длинныхъ разсказовъ о рыбопромышленности передамъ здѣсь, какъ въ приволжскихъ станицахъ вытапливается жиръ изъ каспійской или астраханской сельди, называемой мѣстными жителями бѣшенкою.

Раннею весною, когда эта многоплодная рыба идетъ сплошными массами изъ моря вверхъ по Волгѣ, станичники устраиваютъ въ мѣстахъ улова въ землѣ печи для нагрѣванія воды въ врытыхъ надъ ними желѣзныхъ котлахъ, емкостью отъ 100 до 200 ведеръ. Тутъ-же вблизи ставятся до 20 и больше деревянныхъ чановъ, до половины наполняемыхъ пойманною неводами и волокушами рыбою, которая обдается горячею водою изъ котловъ и

перемѣшивается деревянными шестами. Жиръ, отдаваемый рыбою, снимается ковшами и сливается въ бочки. Въ этомъ и состоитъ весь процессъ жиrotопленія, а такое заведеніе обходится въ 200—300 р.

Баржа пошла тише, потому что вѣтеръ подулъ съ моря, или, какъ здѣсь говорятъ, началась моряна, въ противоположность *верховью*, когда вѣтеръ дуетъ со стороны Волги.

Рыболовные ватаги раскинуты вездѣ, а на болѣе возвышенныхъ береговыхъ мѣстахъ изрѣдка попадаются калмыцкія кибитки.

Какъ стрѣла летитъ рыбацкая лодка, а въ ней беззаботно сидятъ: одинъ калмыкъ совершенно голый, другой въ одной только русской рубахѣ, а у руля—стоитъ татаринъ.

— Вотъ золотой народецъ для нашего брата! говоритъ рыбопромышленникъ, указывая на калмыковъ;—наши русскіе не годятся: дороги и лѣнивы.

Проѣхавъ главный рукавъ Волги, мы вошли на такъ-называемую розсыпь или старое русло Волги; берега скрываются изъ виду; открылся просторъ Каспійскаго моря, которое по своему счастливому географическому положенію представляетъ свѣтлое будущее въ экономическомъ отношеніи; голова его—Астрахань, богатая рыбою и солью, соприкасается Волгою съ нивами черноземной полосы Россіи, съ ея фабриками и заводами; южная его часть покоится на рисовыхъ поляхъ и плантаціяхъ хлопка, тутъ (шелковичнаго дерева), оливы, табаку, сахарнаго тростника и кунджута (растительное масло) и покрывается рощами разнообразнѣйшихъ фруктовъ и лѣсами могучей растительности сѣверной, почти тропической Персіи; правая-же его рука—Баку, неисчерпаемый источникъ нефти, соединяетъ кавказскія богатства съ центральною Азією, ожидающею отъ насъ желѣзнаго пути на Красноводскъ и воднаго, когда Аральское море опять соединится съ Каспійскимъ.

Роль послѣдняго уже выясняется теперь: оно сольетъ матеріальные и нравственные интересы сѣвера и запада съ югомъ и востокомъ; факторами въ этой общечеловѣческой задачѣ будутъ служить города Астрахань, Баку, Гязь и Красноводскъ... Но это вопросъ будущаго, близкаго или далекаго, смотря по тому, будутъ ли или не будутъ благоприятны условія для свободнаго развитія

всѣхъ силъ и способностей русскаго народа. А теперь будетъ продолжать нашъ разговоръ.

Въ 4 часа пополудни мы остановились у баржи, что сиротинкою выглядываетъ на морѣ, вдали отъ острова „Вирючья коса“, отстоящаго отъ Астрахани на 44 мили. Этотъ островокъ служитъ въ настоящее время пристанью для пароходовъ общества „Кавказъ и Меркурій“, идущихъ на серебряковскую пристань, и тутъ-же стоитъ брандвахта.

Запасшись углемъ, мы двинулись дальше. Направо тянется полоска острововъ, а на одномъ изъ нихъ виднѣется вдали селеніе и церковь.

Вода здѣсь сильно мутится волжскимъ иломъ и даже у Чистой балки, находящейся, кажется, въ 80 миляхъ отъ Астрахани и въ 25 отъ устья Волги, морская вода сильно смѣшана съ рѣчною; отъ направленія вѣтра зависитъ степень солоноватости или прѣсности ея, т. е. годности къ употребленію. Прѣсной воды чувствуется въ морѣ на 40 миль отъ устья Волги, потому что здѣсь все еще мелко.

Я спустился въ каюту; здѣсь цѣлая компанія съ двумя нарядными барынями, говорящими даже о свѣчахъ и осетринѣ не иначе, какъ по-французски, съ астраханскимъ акцентомъ; а вотъ и папаша съ комерчески бѣгающими глазами и отвислыми щеками на обрюзгломъ лицѣ, но въ модномъ костюмѣ; онъ везетъ своихъ дѣтокъ, по совѣту доктора, на *прогулку* до 9-ти-футовой глубины, т. е. до мѣста пересадки пассажировъ на пароходъ.

Комерческій человѣкъ оказался комисіонеромъ по свѣчамъ Крестовникова и дербентской марены; отлично зарабатываетъ и еще роскошнѣе живетъ.

Противъ дамъ стоялъ въ интересной позѣ скудовалосый шведъ-морякъ съ выраженіемъ на лицѣ, какъ-бы говорящимъ: „Вы что? А у меня и мукомольная мельница есть, и управляющій-то мнѣ другъ-землякъ, ну и въ головѣ найдется немножко“... И онъ на вопросы собесѣдниковъ глубокомысленно морщилъ лобъ и, вытянувъ впередъ губы, снисходительно кивалъ головою. На диванѣ, въ сторонкѣ, сидѣлъ знакомый уже намъ рыбопромышленникъ съ изумру-

домъ и дѣвственно-опущенными глазами, противъ котораго помѣщался какой-то офицеръ и представитель общества „Дружина“.

Началась качка, дѣйствующая сильнѣе на дамъ, чѣмъ на мужчинъ; обыкновенныя послѣдствія ея — блѣдность и тошнота, а также обыкновенное лекарство — лимоны... Мало-по-малу всѣ оставили палубу, но къ обѣду явились. Обѣдъ здѣсь обязательнъ: ѣшь не ѣшь, а плати рубль. Дамы прилично молчали, едва дотрогиваясь до цыплятъ не первой свѣжести; прочіе пассажиры тоже съ какою-то натяжкою, какъ-то боязливо ѣли, сердито поглядывая одинъ на другого, но вино развязало языки.

— Вы въ Персію ѣдете? спросилъ меня скудоловый шведъ.

— Да.

— Гмъ, да! Въ Персію выньте нагайку и катайте направо и налево — уважать и бояться васъ будутъ! Своего костюма не снимайте: русскихъ и вообще европейцевъ тамъ сильно трусятъ, въ особенности послѣ того, какъ въ шестидесятыхъ годахъ сарбазы (солдаты), возвращавшіеся съ похода на тюркменъ въ Шахрудъ, убили англійскаго купца Лонгфильда; повитались и жители, и сарбазы за то головами и карманами. Да-а-съ! Путешествуйте такъ, какъ англичане и французы, а если вы нарядитесь въ туземный костюмъ, всякій оборвышъ-сарбазъ, которому не понравится вы, отдуетъ васъ! Бороды не сбивайте, потому что для мусульманъ она — святыня; безъ бороды человекъ не уважается. Въ опасныхъ мѣстахъ отъ нападеній тюркменъ вы пойдете съ персидскимъ конвоемъ, но не считывайте на него: онъ первый дастъ тягу, а въ его зарядныхъ ящикахъ нерѣдко вмѣсто снарядовъ лежитъ чурекъ; ружья ихъ, кремневыя или фитильныя, тоже ничего не стоятъ.

Вышли на рубку. Часто попадаются на-встрѣчу персидскія бакинскія шкуны, такой-же конструкціи, какъ и наша; онѣ перевозятъ въ Персію, а оттуда къ намъ преимущественно рыбу.

Представитель общества „Дружина“ заговорилъ о необходимости развитія на Каспійскомъ морѣ паруснаго коммерческаго флота, увеличившагося съ 1868 года вдвое и составляющаго въ настоящее время слишкомъ 600 судовъ, принадлежащихъ разнымъ компаніямъ и частнымъ лицамъ. Комисіонеръ оппонировалъ ему, доказывая настоящую потребность въ конкуренціи обществу „Кавказъ и Меркурій“, владѣющему коммерческимъ паровымъ флотомъ на этомъ морѣ.

— Конкуренція въ убытокъ себѣ невозможна! горячился пред-

ставитель общества „Дружина“;—взгляните на годичный отчетъ общества „Кавказъ и Меркурій“ за 1872 годъ: оно получаетъ отъ правительства помилую плату 363,840 руб., а чистый доходъ его составлялъ 256,194 р., т.-е. безъ этой субсидіи получился-бы дефицитъ въ 107,646 руб.

Пока длится споръ, скажу нѣсколько словъ о нашемъ торговомъ паровомъ флотѣ на Каспійскомъ морѣ, въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ обществу „Кавказъ и Меркурій“, владѣющему 13-ю пароходами, перевозящими пассажировъ по всѣмъ портамъ Каспійскаго моря безъ конкуренціи и товары съ ничтожною конкуренціею общества „Лебедь“, владѣющаго, кажется, всего тремя паровыми шеунами.

Пассажирскіе пароходы общества „Кавказъ и Меркурій“, изъ которыхъ два почтовыхъ—„Константинъ“ и „Барятинскій“, совершаютъ срочное движеніе изъ Астрахани до персидскаго берега „Гязъ“, или, какъ въ росписаніи значится, до Астрабада и обратно, каждую недѣлю одинъ разъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ зимнихъ мѣсяцевъ). Этотъ путь, въ 918 миль, проходитса, съ остановками въ промежуточныхъ портахъ, въ 7 дней и 10 час. и стоитъ: 1-й классъ 42 руб., 2-й кл. 32 руб., 3-й кл. 18 р., а за багажъ платится по 1 р. 50 к. съ пуда. Изъ Астрахани-же 3 дня и 21 часъ ѣзды въ Баку и обратно; рейсы совершаются два раза въ недѣлю; а изъ Баку 1 день и 5 час. ѣзды въ Красноводскъ—разъ въ двѣ недѣли, точно также, какъ и изъ Астрахани 2 дня и 3 часа ходу въ фортъ Александровскъ.

Нѣкоторые пароходы отапливаются паромъ, черезъ проведенныя по каютамъ трубы, и во всѣмъ безъ исключенія примѣнены нефтяные остатки, какъ топливо, которымъ нагрѣваются паровые котлы, пульверизуемые вдуваніемъ водяного пара. Это нововведеніе приноситъ много выгодъ; напр., на пароходѣ „Константинъ“, который сжигаетъ въ годъ, кажется, 500 тысячъ пудовъ нефтяныхъ остатковъ, обходящихся по $5\frac{1}{2}$ к. за пудъ, каждый рейсъ изъ Астрахани въ Астрабадъ и обратно приноситъ три тысячи руб. экономіи сравнительно съ антрацитомъ, стоющимъ здѣсь по 28 к. за пудъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ уменьшился трудъ машиниста и кочегаровъ, а чистоты больше: золы нѣтъ, дыму и искръ очень мало.

Кромѣ коммерческаго флота, на Каспійскомъ морѣ мы имѣемъ военную флотилію, состоящую изъ 4 пароходовъ, 3 паровыхъ

шкунъ, 4 паровыхъ барказовъ (англійской и шведской работы), канонирскихъ лодокъ и нѣсколькихъ парусныхъ судовъ. Здѣсь то же мало-по-малу нефтяные остатки вытѣсняють каменный уголь.

Въ половинѣ девятого часа вечера мы достигли девяти-футовой глубины, гдѣ одиноко въ водномъ пространствѣ стоитъ таможня и пристань общества „Кавказъ и Меркурій“ на судахъ. Здѣсь мы пересѣли съ мелко сидящей баржи на поджидавшую насъ паровую шкуну „Армянинъ“; перегрузка товаровъ длилась очень долго, потому что здѣсь не существуетъ никакихъ механическихъ приспособленій, сокращающихъ и облегчающихъ ее.

Перегрузка эта, сопряженная съ потерю времени и порчею товаровъ, въ особенности чувствительна для товаротправителей, и они горько жалуются на медленное и неудачное примѣненіе техническихъ требованій къ углубленію русла Волги, которая, дѣлаясь въ своемъ устьѣ на множество рукавовъ, обмелѣвающихъ мѣстомъ до трехъ футовъ, прерываетъ прямое водное сообщеніе Астрахани съ Каспійскимъ моремъ.

— Это дѣло морскихъ инженеровъ, гидротехниковъ, а не путейцевъ, очень мало смыслящихъ въ этомъ дѣлѣ, слышатся протесты и забавные анекдоты о послѣднихъ.

До сихъ поръ затрачено около двухъ миліоновъ руб. на загражденіе нѣкоторыхъ рукавовъ Волги для устройства фарватера въ рукавѣ Камызакѣ; въ одномъ мѣстѣ закроютъ, а неподатливая Волга пробьетъ себѣ новый путь по песчано-илистой почвѣ или углубленное мѣсто занесется иломъ и пескомъ; а отъ дамбы, проведенной на 5 верстѣ въ море отъ Шараповой косы, не осталось и слѣдовъ...

Устройство обходнаго канала изъ Астрахани къ серебряновской пристани не выдерживаетъ критики, а работы по углубленію русла Волги землечерпательными машинами, которыя производятся теперь въ видѣ опыта, врядъ-ли приведутъ къ благоприятнымъ результатамъ, ибо наносы мало-по-малу уничтожатъ асигнованныя на это дѣло 200 тысячъ рублей. Теперь носятъ здѣсь слухи, что въ скоромъ времени важный недостатокъ Волги будетъ радикально устраненъ новыми затратами миліоновъ по проекту г. Тизенгаузе-

на, по которому отъ Камызака устроить сплошныя плотины со шлюзами, предохраняющими отъ наносовъ, и съ тою-же цѣлью калмыцкіе рукава закроются, а изъ Камызака проведется отводный каналъ. Всѣ ждутъ этого времени, и, вѣроятно, чего-нибудь да дождутся!

Я уже говорилъ, что „Армянинъ“ — грузовой пароходъ, а потому каютнаго помѣщенія для пассажировъ на немъ не имѣется, но меня помѣстили въ капитанскую или общеслужащую каютъ-компанію.

Въ 12 ч. ночи мы двинулись по легкой зыби моря дальше, а на другой день проснулись съ сильною качкой.

На палубѣ отъ сырости скользило; одинъ изъ пассажировъ, поскользнувшись, упалъ на стеклянный колпакъ, прикрывающій отдушины въ каютъ-компаніи, и разбилъ стекло.

— Что стоитъ? обратился онъ къ служащему.

— Ничего; компанія богата...

Палуба пестритъ пассажирами и матросами восточнаго типа, въ разнообразныхъ головныхъ уборахъ и костюмахъ; тряпье, мѣшки, ковры и одѣяла яркихъ цвѣтовъ, на которыхъ они сидятъ или лежатъ, изрѣдка перекидываясь тихимъ, вялымъ словомъ, сплошь устилаютъ ее, а у кормы стоятъ двѣ русскія бабы, солдатскія жены. Вообще на Каспійскомъ морѣ между пассажирами мало встрѣчается русскихъ, и если и есть, то служащіе.

Я всматриваюсь въ грубыя лица матросовъ изъ бакинскихъ персовъ, изъ которыхъ преимущественно состоятъ экипажи въ здѣшнемъ паровомъ и парусномъ коммерческомъ флотѣ. У нихъ бороды сбриты, щетинистые усы окрашены въ черный или рыжій цвѣтъ, а ладони рукъ, пятки ногъ и ногти — въ оранжевый; на головахъ или пропотѣвшая тюбетейка, или мохнатая шапка; кто въ короткой, по поясъ, рубахѣ, а кто въ рваной, заплатанной курткѣ, потомъ шаровары, подпоясанные кушакомъ, и башмаки съ загибающимися сверху острыми носками, оканчивающимися ремешкомъ.

На „Армянинѣ“ 12 матросовъ; капитанъ не нахвалится ими.

— Аккуратны, ловки, работаютъ хорошо и безъ *праздниковъ*, развѣ только крошъ рамазана, говоритъ онъ, — но главное — не пьютъ;

въ этомъ ихъ важное преимущество передъ русскими матросами, съ которыми много хлопотъ: придешь, напр., въ Баку: нужно ѣхать дальше, а они закутили; разыскавай ихъ по кабакамъ, а если не найдешь тамъ, такъ значить ищи въ полиціи. Много, много возни съ ними!

Впрочемъ, и съ персами не мало хлопотъ: рѣдкій изъ нихъ прослужить всю навигацію,—проработаетъ мѣсяць, другой, и уходитъ домой или на другое судно; къ тому-же всѣ они безъ исключенія теряются, трусятъ во время опасности.

Простые матросы получаютъ въ мѣсяць 12—14 руб., рулевой—16—18 р., а боцманъ—20—25 р.

Шкипера тоже преимущественно изъ персовъ, и хотя, по послѣднему трактату съ Персією, суда подъ персидскимъ флагомъ не имѣютъ права плавать по Каспійскому морю, но фактически весь нашъ комерческій флотъ находится въ ихъ рукахъ.

Когда я размышлялъ объ этомъ фактѣ, мнѣ вспомнился рассказъ астраханскаго губернатора въ послѣднее мое свиданіе съ нимъ; указывая на карту, онъ говорилъ: „Многія изъ цвѣтущихъ селъ на прибрежныхъ островахъ, напр., на Вахрамѣевѣ: Разбугорье, Гришкино, Тишковка и др., не признавали до сихъ поръ никакой власти и слышать не хотѣли ни о государственной, ни о земской повинностяхъ. „Мы вольные“, говорили они. Пріѣзжаю я къ нимъ, приняли хорошо; я пообѣщаль имъ исходатайствовать передъ правительствомъ утвержденіе за ними ихъ земли, и теперь они встрѣчаютъ меня восторженно: украшаютъ дома флагами, разстилаютъ ковры, паруса. Всѣ жители этихъ деревень—рыбаки и отважные моряки; изъ нихъ выйдутъ отличные шкипера для нашего комерческаго флота, который, чувствуя насущную потребность въ томъ, принужденъ довольствоваться теперь персами сомнительнаго достоинства... Я получилъ разрѣшеніе устроить здѣсь четыре мореходныхъ училища, гдѣ будутъ обучаться преимущественно наши островитяне-рыбаки; окончившіе курсъ въ этихъ училищахъ имѣютъ право на полученіе диплома для поступленія въ шкипера.

Впрочемъ, между шкиперами не мало нѣмцевъ, славящихся своею акуратностью; между машинистами и капитанами много шведовъ, а помощникъ нашего капитана, маленькій, несладный итальянецъ, служившій матросомъ на заграничныхъ судахъ, все чего-то

ищетъ вдали моря, съ биноклемъ въ рукахъ. Капитанъ говоритъ, что онъ его „взялъ съ улицы“, за то этотъ добродушный итальянецъ не сходитъ съ палубы, между тѣмъ какъ лоснящійся толстячокъ...

Качка усиливается. Я раздѣлся и прилежъ на животъ въ каютѣ, что ублаживаетъ и нѣсколько предохраняетъ отъ морской болѣзни.

Въ 10 часовъ вечера показались рѣдкіе огоньки Петровска. Очень темно и бурливо; опасаясь мелей при входѣ въ моль, пароходъ остановился вдали отъ него и только съ разсвѣтомъ подошелъ поближе къ нему и бросилъ якорь въ 300 саженьяхъ отъ берега. Доставка пассажировъ на берегъ производится на лодкахъ, управляемыхъ большею частью персами; къ самому-же молу, защищенному съ ZO, O и NO, по причинѣ обмеленія порта пристать нельзя; онъ будетъ продолженъ и углубленъ.

Прямо передъ нами скучно выглядываютъ артилерійскія казармы и военные госпитали, у подножія которыхъ, по легкому скату берега, стелется маленький, бѣленькій городокъ съ однообразными постройками; правѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, стоятъ мрачное укрѣпленіе, а въ сторонѣ, какъ-будто сторожъ его на часахъ, одинокая башенка, а тамъ, на заднемъ планѣ, особнякомъ высится маякъ; эта картина обрамляется слѣва вздымающимися горами, по ребрамъ которыхъ, обнаженныхъ мѣстами, стелются тѣни то яркой, то темной зелени кустовъ и лѣсовъ. Солдаты удятъ рыбу, сидя на громадныхъ камняхъ, обкружающихъ моль и обезсиливающихъ удары волнъ; вдали моря бѣлѣются паруса трехъ шкунъ; у берега ихъ тоже не болѣе да маленький грузовой пароходъ „Лебедь“.

Петровскъ представлялъ прежде важное значеніе по снабженію кавказской арміи провіантомъ съ Волги и еще недавно имѣлъ военные госпитали на 600 человекъ, сокращенные теперь на 150 человекъ и служащіе преимущественно для войскъ, отправляемыхъ изъ Россіи черезъ него въ Туркестанъ; торговля-же операціи его ограничиваются въ настоящее время отправкою въ Астрахань кожъ и топленого сала, но если онъ соединится вѣтвью съ ростово-владикавказскою желѣзною дорогою, то, безъ сомнѣнія, его торговое значеніе увеличится, ибо товароотправители изъ Персіи и Закавказья въ Россію предпочтутъ эту дорогу и далѣе черезъ Ро-

стовъ на Дону затруднительному пути по желководному устью Волги, съ его разорительными пересадками.

Въ Петровскѣ къ намъ присоединились двѣ пассажирки, родныя сестры, ѣдущія изъ Петербурга къ папашѣ въ Баку; одна изъ нихъ, съ легкомысленными наклонностями и изсѣра-зеленоватымъ лицомъ, только-что окончила патриотическій институтъ, другая — слушательница акушерскихъ курсовъ, въ матросской лабирированной шляпкѣ, дѣвушка довольно серьезная.

Пароходъ двинулся далѣе къ гор. Дербенту, отстоящему отъ Петровска на 71 милю или на 10 часовъ хода.

Видъ чрезвычайно живописный!.. Ауль Тарки, съ замкомъ или дворцомъ шамхала тарковского, гнѣздится въ высочомъ ущельѣ обнаженныхъ горъ, надъ которыми парятъ нѣсколько бѣлохвостыхъ орловъ. Эти горы составляютъ сѣверный склонъ кавказскаго хребта и Тарки замѣчательнѣе тѣмъ, что онѣ составляютъ крайній предѣлъ распространенія гвоздеобразныхъ писмевъ на сѣверъ. Сен-Мартенъ полагаетъ, а Бюрнуфъ подтвердилъ, что гвоздеобразная надпись изсѣчена здѣсь въ скалѣ, по распоряженію армянскаго царя изъ поколѣнія Арзакидовъ, для увѣковѣченія его побѣды надъ хазарами, разгромленными имъ въ ихъ собственной землѣ.

Смотря на эти высочія горы, я вспомнилъ съ мельчайшими подробностями мою недавнюю экскурсію черезъ нихъ въ ближайшую нефтяную долину. Помню, какъ подъѣзжая къ Петровску на легкой тройкѣ словоохотливаго Ивана, мѣстнаго старожила изъ молканъ, я все еще находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ путешествія по Кавказу, этому картинно-роскошному уголку Россіи, который то ласкаетъ взоръ и нѣжитъ чувства туриста, то возбуждаетъ въ немъ жолчь, наводитъ на грустную мысль: сѣдой Кавказъ все еще выглядываетъ младенцемъ, непонимающимъ, какъ справиться съ богатствами края.

— Иванъ, обращаюсь я къ ямщику, — нѣтъ-ли въ окрестностяхъ Петровска нефти?

— Подъ Петровскимъ, судырь, въ горахъ живетъ татарскій князь, большой пріятель Петру Васильевичу, капитану; въ гости-ницу къ нему я завезу васъ, а тамъ что день бываетъ князь; нефти у него страсть какъ много!

На другой-же день я уже пріятельски бесѣдовалъ за бильярдною игрою съ мясистымъ княземъ, обладающимъ окладистою бородою и низкимъ лбомъ, бычачьими глазами подъ нависшими бровями и орлинымъ клювомъ, многими регаліями на мощной груди и нѣсколькими тысячами десятинъ земли.

— Спадеть жара, говорилъ онъ мнѣ, прицѣливаясь кіемъ, — конвой осѣдлаетъ коней, поѣдемъ ко мнѣ въ аулъ, покажу нефть, хорошая нефть; строй фабрику.

— Поѣзжайте, поѣзжайте къ нему, старый пріятель! Вотъ только этого тамъ не увидишь, нашептывалъ мнѣ содержатель гостинницы, отставной капитанъ, щелкнувъ себя по воротнику и прикусивъ кончикъ языка; — здѣсь выпить со мною — молодецъ! А тамъ — ни-ни-ни... Правовѣрный! Опаска беретъ и примѣръ ну-женъ — непремѣнно примѣръ!

Капитанъ вперилъ въ меня долгій, пронизывающій и даже нѣсколько смутившій меня взглядъ, точно говорилъ: „Понялъ ты эту штуку мудреную?.. Гдѣ тебѣ!“

Влизятся сумерки; мы съ княземъ, въ сопровожденіи трехъ черномазыхъ и сухопарыхъ конвойныхъ, направились мелкою рысью къ горамъ. Кругомъ тишь, изрѣдка нарушаемая отрывистымъ говоромъ татаръ, а легкіе порывы вѣтерка освѣжаютъ насъ.

Въѣзжаемъ въ горы.

Узенькая, усѣянная осколками тропинка змѣйкою вьется по крутому, обрывистому ребру ихъ, но кони чутки: привычно ступаютъ они по ней, слегка вздрагивая, когда камень сорвется изъ-подъ копытъ у нихъ или глыба, гдѣ-то вблизи, съ грохотомъ спускается въ пропасть. Князь впереди, конвойные сзади меня озабоченно слѣдятъ за мною. Теперь не до поэзии: думаешь, какъ-бы цѣлымъ вскарабкаться на вершину, а она, слившись съ облаками, кажется недосягаемою...

Но вотъ кони слегка заржали и вынесли насъ на широкое плато, гдѣ вдали едва виднѣются безобразныя развалины бастіона.

Князь торопится; мы пустили коней вскачь, а темъ еще быстрѣе летитъ на встрѣчу намъ, что затрудняетъ спускъ съ горы, сплошь покрытый камнемъ и кустами. Наконецъ показались въ темнотѣ рѣдкіе огоньки аула. Залаяли псы, послышался тихій окликъ; князь отвѣтилъ, и кони, фыркая, стали передъ черною, неопредѣленною массою... Мы вошли подъ открытый навѣсъ

сабли и я, избитый утомительною ѣздой, бросился на широкую скамью и крѣпко уснулъ. Къ ужину меня разбудили. Сонный слуга оставилъ вмѣстительный столъ пучками лука, укропа, салата, сухимъ чурекомъ и подалъ ребро жирной баранины съ душикомъ; хозяинъ разрѣзалъ ее охотничьимъ ножомъ на куски, а пальцы замѣняли намъ вилки.

Вошелъ младшій братъ князя и, не смѣя сѣсть въ его присутствіи, ужиналъ стоя, нерѣдко перекидываясь съ нимъ вялымъ словомъ. Вскорѣ вбѣжалъ запачканный сынокъ князя; поцѣловавшись съ отцомъ, онъ намѣревался уже влѣзть на столъ, но моя цѣпочка привлекла его вниманіе; онъ бойко подошелъ ко мнѣ и, довѣрчиво опершись о мое колѣно, сталъ играть съ нею и... тутъ-же крѣпко всхрапнулъ. Его убрали; да и мы разошлись на покой, предварительно условившись раннимъ утромъ отправиться къ нефтянымъ источникамъ, расположеннымъ въ 15-ти верстахъ отъ аула.

Отведенная мнѣ низкая, сплошь обитая и устланная персидскими коврами комната, съ развѣшаннымъ по стѣнамъ оружіемъ, оправленнымъ въ золото, серебро и драгоценные камни, своею пріятною прохладой манила къ нѣгѣ, но физическая усталость взяла верхъ: съ мыслью о томъ, что этотъ пріютъ восточной лѣни, съ массивными свертками дорогихъ матерій и тюками ковровъ, болѣе походилъ на складочное мѣсто легко приобрѣтенныхъ богатствъ князя, чѣмъ на спальню, я уснулъ.

Въ пять часовъ утра, освѣжившись ключевою водою, я уже былъ на ногахъ. Князь ожидалъ меня подъ навѣсомъ, куда подали отвратительный кирпичный чай и такого-же достоинства баранину, но за то какъ сказочно-хороша красавица княжна, пугово-любопытный взглядъ которой случайно поймалъ я въ окнѣ... на одно только мгновенье!.. Она скрылась, а кони нетерпѣливо ржутъ...

Въ сопровожденіи нувера, мы лавировали между беспорядочно-раскинутыми саблями аула; подо мною былъ великолѣпный конь бѣлой масти; князь — на арабскомъ скакунѣ: онъ былъ любитель и знатокъ лошадей.

Перепрыгнувъ горный ручеекъ, мы переѣхали по каменистому дну мелководной рѣчки и, свернувъ вправо, спустились въ долину, а поднявшись въ горы, въѣхали въ пересѣченную долину

съ запахомъ нефти, — тема, удобная для разговора даже съ сосредоточеннымъ кплеземъ: барышъ — это чувствительная струнка, развѣзывающая языкъ у людей его масти, а онъ принимаетъ меня, благодаря пылкой фантазіи капитала, не за туриста, а за агента столичнаго капиталиста, выбирающаго удобное мѣсто для постройки нефтянаго завода.

— Строй фабрику: деньги твои, нефть моя, барышъ пополамъ; коня подарю, обращается ко мнѣ князь.

Несмотря на девятый часъ утра, зной чувствителенъ, а атмосфера, отъ испареній пропитанной нефтью долины, тяжела; гдѣ-же источникъ, питающій ея воздухъ и почву? Князь не вѣдаетъ, а немного знаній — и богатства хлынуть изъ нѣдръ земли широкимъ потокомъ! Но у князя есть баранина, регалии, лукъ, и ему больше ничего не нужно.

— Князь, пить хочу.

— Тамъ... указалъ онъ мнѣ вдаль, на широко-разбрѣдшееся стадо овецъ.

Подъѣхавъ туда рысью, повелитель — богъ-вѣсть за что — на привѣтствіе пастуховъ разразился громомъ и молніей; глаза его налились кровью, показалась пѣна у рта. Младшій изъ пастуховъ держалъ въ рукахъ недоѣденный пучекъ луку, но у обоихъ подъ нависшими бровями глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ, отражающимъ то мрачную ненависть, то покорность раба и апатію правовѣрнаго; ихъ черствыя, истощенныя лица съ непомѣрно-горбатыми носами, тонкими губами и рѣдкими волосками вмѣсто усовъ и бороды, ихъ дырavyя рубахи до пятокъ да рваные шаровары, обнажавшіе кости да кожу, ихъ грязныя трапицы, прикрывающія черепа отъ палящихъ лучей солнца, — вотъ въ какомъ видѣ предстояли эти несчастные предъ своимъ повелителемъ, надѣлявшимъ ихъ ни за что, ни про что ударами нагайки.

Между тѣмъ я спрыгнулъ съ коня и освѣжился ключевой водой.

Успокоившись, повелитель шурился вдаль, а рабы съ любопытствомъ озирали меня.

— Это что? обратился ко мнѣ старшій изъ нихъ, вынувъ изъ кармана шароваръ два осколка блестящихъ металовъ: чистой мѣди, и мнѣ, какъ не специалисту, трудно было рѣшить вопросъ о другомъ кускѣ: серебро-ли это было, отливавшее свинцовымъ блес-

комъ, или-же кусокъ этотъ принадлежалъ къ такъ-называемой „благородной свинцовой формации“, т. е. къ той комбинаціи, при которой вещества, составляющія жилу, лежатъ всегда въ видѣ отдѣльностей.

Не желая питать подозрительность дикарей, я сдерживалъ понятное любопытство и ощущение при мысли, что я нахожусь, можетъ быть, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ богатѣйшихъ рудниковъ драгоценныхъ металловъ, доступныхъ пока только пастухамъ и ихъ повелителю, — небрежно отвѣтилъ:

— Это мѣдь, а вотъ это — блескъ свинца.

— Серебро! ткнулъ пальцемъ старикъ въ осколокъ бѣлаго металла.

— Гдѣ досталъ?

— Въ горахъ много...

Въ этотъ моментъ князь быстро обернулся къ намъ и, сурово взглянувъ на пастуха, приврикнувъ на него по-татарски, тотъ отошелъ въ сторону.

— Возьми деньги за руду! сказалъ я ему вслѣдъ; онъ отрицательно качнулъ головою.

— Такъ подари мнѣ.

— Возьми.

— Ёдемъ скорѣй, большая жара будетъ! торопилъ меня князь.

Чась спустя мы прибыли къ нефтянымъ ключамъ, младенчески эксплуатируемымъ армяниномъ, который за ничтожную плату арендуетъ ихъ у князя.

Отдохнувъ на разостланномъ коврѣ подъ открытымъ небомъ и запивъ теплою водою изъ тыквы знакомую намъ баранину съ душикомъ, мы крупною рысью возвращались домой — я съ проклятіями на испытываемый мною адъ, а князь былъ полонъ надеждъ.

— Строй фабрику; земля моя, деньги твои; двухъ коней подарю, облитый потомъ, съ одышкою убѣждалъ онъ меня.

— Нефть — дѣло хорошее, но свинецъ, мѣдь, серебро — лучше.

— Строй фабрику... покажу тебѣ мѣдь, свинецъ... этихъ коней подарю...

Онъ указалъ глазами на своего свакуна и славную лошадь подомной.

Выводить его изъ заблужденія на мой счетъ въ томъ, что я

туристъ, а не агентъ, теперь было-бы неудобно, ибо, въ противномъ случаѣ, не пришлось-ли-бы мнѣ одиноко возвращаться въ Петровскъ на своей собственной парѣ, а не на скакунѣ? Вотъ почему, отмалчиваясь насчетъ фабрики, я напиралъ на эксплуатацію рудниковъ, безъ сомнѣннй, ему не безызвѣстныхъ. Но онъ твердилъ свое:

— Строй фабрику... коня подарю.а

Подъѣзжая къ аулу, я вспомнилъ, что завтра раннимъ утромъ мнѣ предстоитъ дальнѣйшая поѣздка въ глубь Дагестана, и, протившись съ княземъ, поскакалъ въ Петровскъ морскимъ берегомъ, надъ которымъ громоздились скалы съ ауломъ Тарки.

Къ вечеру слѣдующаго дня я уже былъ въ Темиръ-ханъ-Шурѣ, этомъ гнѣздѣ лихорадокъ и административномъ центрѣ Дагестанской области.

Расположенный въ знойно-влажной котловинѣ, онъ своими невзрачными домишками съ наглухо-закрытыми ставнями, выжженными пустырями, томящею тишью пыльныхъ улицъ, представляетъ пустынный видъ. Кое-гдѣ покажутся два-три солдата въ сорочкахъ, протащится баба съ лукошкомъ да арба проскрипитъ, — еще тоскливѣе заносетъ въ груди; хочется бѣжать куда-то въ манящую даль!..

Вошелъ въ гостиницу — душно и здѣсь: мухи, комары, запахъ клоповъ да неотвязный хозяинъ въ комисариатскомъ сюртукѣ, съ воспаленными глазами, подвязанной щекою и облупленнымъ кончикомъ носа, — невыносимо!

Усталъ страшная, а спать нѣтъ мочи: потъ льется градомъ, ну точно въ паровой банѣ! У меня разболѣлась голова и я вышелъ въ садикъ при домѣ; тамъ прогуливался въ наглухо-застегнутомъ сюртукѣ горный инженеръ съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и нѣкоторымъ доскомъ въ манерахъ.

Въ дорогѣ знакомишься быстро; оказывается, что мой товарищъ по страданіямъ, князь М., командированный изъ Тифлиса для изслѣдованія какихъ-то рудниковъ, схватилъ здѣсь лихорадку и застрѣлъ; кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ жертва безсилія научныхъ приемовъ по части открытій рудныхъ мѣсторожденій.

— Рыщемъ, рыщемъ по горахъ, тратимъ время и деньги, а въ концѣ-концовъ оказывается, что овчинка не стоитъ выдѣлки, плакался онъ мнѣ.

— Чѣмъ-же вы руководствуетесь въ вашихъ поискахъ? спросилъ я его.

— Безъ сомнѣнія, геологіею, горнымъ искусствомъ и практическими правилами, почерпнутыми изъ опыта. Напримѣръ, послѣдній указываетъ намъ на большую вѣроятность найти рудныя мѣсторожденія въ гористыхъ странахъ, чѣмъ въ ровныхъ, скорѣе въ первобытныхъ горныхъ породахъ и древнихъ осадочныхъ, нежели въ пластахъ новѣйшаго образованія. Наконецъ, источники, содержащіе металлы, также извѣстныя растенія.

Я возразилъ ему, что всѣ эти указанія опыта доставляютъ только вѣроятіе къ открытію рудниковъ, но въ дѣйствительности они рѣдко служили путемъ къ нимъ. Исторія говоритъ намъ, что открытіе большей части мѣсторожденій произведено не научнымъ путемъ, а совершенно случайно; такъ, напр., на калифорнскія сокровища наткнулся утахскій мормонъ, а богатые серебряные рудники Колорадо и Аризона сдѣлались извѣстны благодаря путешественникамъ, фермерамъ, охотникамъ, безъ всякаго содѣйствія науки.

— Не дожидаться-ли и намъ подобныхъ случайностей? спросилъ онъ.

— Не дожидаться, а искать ихъ.

— Но какимъ образомъ?

— Во время вашихъ экспедицій сближайтесь съ горами, заставьте полюбить себя; они отвѣтятъ вамъ довѣріемъ, но предварительно снимите военный костюмъ и облекитесь въ скромный, болѣе соответствующій вашей профессіи. Пастухъ, вѣчно бродящій подъ открытымъ небомъ, знакомъ съ оврагомъ и лощиной, знаетъ каждый камень и скалу родного мѣста; онъ вамъ укажетъ путь къ желанной цѣли.

Не упоминая М—ву о мѣстѣ встрѣчи съ пастухами, я сообщилъ ему о ихъ драгоценной находкѣ.

— Изъ этого-то факта и вытекаетъ вашъ совѣтъ?

— Изъ него и другихъ.

— Но это удивительный случай! Горцы такъ недовѣрчивы, они смотрятъ враждебно на насъ и...

— Не знаю, что руководило ими на этотъ разъ: любопытство, расчетъ или простодушіе, но увѣренъ, что эти дѣти горъ знаютъ мѣста сокровищъ, и если скрываютъ ихъ, то или изъ невѣжества, — тогда они ваши, — или-же изъ ненависти къ намъ, пришедшмъ

людямъ, — тогда они останутся тайной для васъ. Вспомните характеристическій разсказъ одбого путешественника по центральной Америкѣ, какъ какой-то мисіонеръ іезуитъ, пораженный изобиліемъ золотыхъ украшеній индѣйцевъ, выманилъ у нихъ согласіе показать ему источникъ сокровищъ. Въ условленный день онъ, съ завязанными глазами, ѣдетъ съ ними и, подъ шумокъ бесѣды о суетѣ суетъ міра сего, возится съ четками, но вотъ остановились, сняли съ него платокъ и... онъ увидѣлъ передъ собою драгоценный рудникъ... Въ сладострастномъ упоеніи вшивался глазами въ него смранный патеръ, но безсердечные дикари, снова накинувъ ему на глаза платокъ, тѣмъ-же путемъ доставили его обратно домой. причеиъ поднесли ему пригоршню... зеренъ отъ четокъ, съ словами: „святой отецъ растерялъ ихъ дорогою, мы подобрали и возвращаемъ ему“. Индѣецъ перехитрилъ іезуита.

— Разсказъ похожъ на анекдотъ.

— А анекдотъ черпаетъ содержаніе изъ факта.

— Во всякомъ случаѣ, обобщивъ нашу бесѣду, безспорно придемъ къ заключенію, что если геологія и горное искусство соединяются, чтобы самымъ совершеннымъ и цѣлесообразнымъ способомъ извлечь изъ земли ея сокровища, то горное дѣло, въ свою очередь, не должно пренебрегать людьми, близко стоящими къ природѣ и основательно знакомыми съ мѣстностью, гдѣ предполагается производить изысканія рудныхъ мѣсторожденій.

— Совершенно вѣрно, и вамъ остается только подѣлиться этимъ выводомъ съ вашими товарищами по профессіи.

— А до тѣхъ поръ у меня одна забота, одно желаніе, — избавиться отъ невыносимо-мучительной лихорадки, приближеніе пароксизма которой я чувствую. Къ хинѣ я уже попривыкъ, она больше не дѣйствуетъ.

Послѣднія слова князь произнесъ съ лихорадочною дрожью въ голосѣ. и простился со мною. Больше я его не видалъ.

Спустя дня два жизни въ этой мертвящей трущобѣ, я поѣхалъ дальше. Города, національности, впечатлѣнія быстро смѣнялись и совершенно ступсевали фактъ моей встрѣчи съ пастухами, а теперь онъ кстати всплываетъ на свѣтъ божій. Но оставимъ воспоминанія и полюбуемся видами гористыхъ береговъ, въ виду которыхъ

мы ѣдемъ по темно-зеленымъ водамъ теперь успокоившагося Каспія, дѣлая 8 узловъ или 14 верстъ въ часъ. Здѣсь тянется цѣпь Табассаранскихъ горъ, по ребрамъ которыхъ мѣстами ползутъ влочки облаковъ, а тамъ дальше, охвативъ вершину разнотѣвной горы, они то дымятся, то, разорвавшись, висятъ хлопьями. Внизу тянется узкою полоскою низменный песчаный берегъ, по которому проектирована петровско-бабинская желѣзная дорога.

Бѣлѣется маякъ горъ. Дербента, который темною полоскою ползетъ въ гору съ зеленѣющею вершиной, кое-гдѣ облѣпленною облаками, а тамъ дальше видѣется снѣжная вершина Шахъ-дага (царской горы), высотой въ 18 тысячъ футовъ.

Въ 6 часовъ вечера пароходъ остановился въ 100 саженьяхъ отъ берега; направо крутой его скатъ испещренъ полосами марены, пшеницы и виноградниковъ, гранями которыхъ служатъ темные обрывы—дожа весеннихъ горныхъ водъ; прямо передъ нами наверху темпѣютъ стѣны обширной цитадели съ бѣлыми зданіями въ ней, а далѣе терасой стелется маленькій городъ съ зелеными куполами церквей и мечетей и рѣдкими садами и переходить на песчаную гладь низменнаго берега, сливающагося съ моремъ.

Здѣсь порта нѣтъ; суда стоятъ на открытомъ рейдѣ и во время свѣжаго вѣтра или буруна сообщеніе съ берегомъ невозможно. а поэтому пассажиры и грузъ, назначенные сюда, идутъ дальше въ Баку, гдѣ передаются на пароходъ, поддерживающій сообщеніе съ Дербентомъ. Сегодня глубокія воды у берега спокойны и еъ намъ подѣхаль на маленькой лодочкѣ матросъ, русскій, съ судна, стоящаго здѣсь на якорѣ. Я нанялъ его лодку и мы скоро пристали къ ветхимъ подмосткамъ, служащимъ яко-бы пристанью; пришлось вскарабкаться на нихъ съ помощью плечъ лодочника и сильныхъ рувъ армянина, бесѣдовавшаго здѣсь съ двумя лезгинами и горнымъ евреемъ, одѣтымъ въ мѣстный костюмъ; поодаль отъ нихъ, на берегу, расхаживаль таможенный въ бѣломъ кителѣ и полицейскій, а подальше двѣ дамы съ военнымъ докторомъ, кажется, бросились-бы въ море отъ томящей ихъ скуки, да два извозничьихъ фазтона ждали пассажировъ.

- Вы останетесь въ городѣ? спросилъ меня полицейскій.
- Нѣтъ, а что?
- Пашпортъ-бы...

За 60 копеекъ въ часъ извощикъ-легионъ общалъ объѣхать со мною весь городъ, окаймленный съ двухъ длинныхъ сторонъ остатками древнихъ стѣнъ, направленіе коихъ до сихъ поръ еще не изслѣдовано, но здѣсь они слывятся подъ именемъ „Искандеровыхъ“; на одной изъ нихъ открыта Бартоломеемъ сассанидская надпись.

Въ низменной части города беспорядочно раскинуты невзрачныя домики изъ мѣстнаго желто-сѣраго известняка-ракушника, съ плоскими крышами, а нѣкоторые и съ навѣсами, подъ которыми, на голой землѣ или на коврахъ, сидятъ правовѣрные съ типичными лицами; у иныхъ во рту дымятся тонкіе чубуки; тутъ-же, подъ легкимъ шатромъ изъ древесныхъ вѣтвей, нѣсколько человѣкъ справляютъ обычный свой кейфъ. Далѣе, кверху, рядкомъ потянулись низенькія мазанки съ плоскими крышами, это казармы; на гимнастической площадкѣ солдаты прыгаютъ на козла; нѣсколько татарченковъ глазѣютъ на нихъ. Вотъ надпись на казармѣ „швола“, а за нею — акуратныя домики изъ мѣстнаго известняка съ маленькимъ садикомъ; здѣсь помѣщается госпиталь; рядомъ съ нимъ большою городской садъ съ широко разросшимися акаціями, примыкающими также къ древней стѣнѣ, надъ которою возвышается маякъ.

Я прошелся по этой стѣнѣ, имѣющей въ ширину около 1¹/₂ сажени и въ высоту болѣе двухъ сажень, съ полукруглыми выступами, гдѣ видны хорошо сохранившіяся надписи. Она тянется съ берега по крутизнѣ къ цитадели, но, какъ говорятъ, лѣтъ тридцать тому назадъ она вдавалась еще на 100 сажень въ море, гдѣ и теперь замѣтны остатки морскихъ сооружений. Жителямъ дозволяется разбирать эти стѣны на постройки, но цементъ, связывающій ихъ камни, до того проченъ, что жители нерѣдко предпочитаютъ ломать новый камень въ горахъ, расположенныхъ въ двухъ верстахъ отъ города. Проѣхавъ городской садъ съ клубомъ, почту и площадку съ церковью, мы свернули въ *Большую улицу*, унылаго вида, отъ которой влѣво шла другая улица, съ базаромъ подъ навѣсомъ и лавчонками съ разною мелочью: желѣзнымъ ломомъ, веревками, съ сухими и свѣжими фруктами: вишня, черешня по 3 копейки за фунтъ, сочная алуца, въ родѣ кисловатой сливы зеленовато-желтаго цвѣта, которую ѣдятъ неспѣлою, что, какъ говорятъ, не вредитъ, если только ѣсть ее не натошакъ.

Отсюда извощикъ направился въ узенькую улицу, въ которой сакли тѣсно жались одна къ другой; я пожелалъ осмотрѣть вну-

тренность одной изъ нихъ; переговоривъ съ встрѣчнымъ лезгиномъ, извощикъ подвезъ меня къ невзрачной саклѣ, примыкающей къ другой древней стѣнѣ, отверстіе въ которой служило входною дверью туда; узенькая лѣстница вела на крышу сарая, смазанную отвердѣвшимъ чернымъ *киромъ*, т. е. растопленною массою земли, пропитавшеюся нефтью. Здѣсь мы обождали, пока хозяинъ, ушедшій предупредить женщинъ, не вернулся и повелъ насъ другою лѣсенкою во внутренній дворикъ, гдѣ бросилась на меня оцетившаяся собака; придавивъ ее ногою, хозяинъ пропустилъ насъ во внутренность жилья, въ двѣ маленькія, низенькія комнаты съ поломъ, устланнымъ дырчатыми коврами, и съ единственною старушонкою, которой лѣта дозволяли быть въ присутствіи христіанина съ открытымъ лицомъ, прочія-же женщины скрылись. Въ одной комнатѣ, кромѣ поставца съ посудой у стѣны, ничего не было; другая служила спальней и кладовою, гдѣ виднѣлись припасы и свертки постелей. Отблагодаривъ хозяина тридцатью копейками, мы пошли къ экипажу, вблизи котораго собралась кучка зѣвакъ.

— Тамаша (осматриваль), говорилъ онъ имъ, указывая на меня пальцами.

Ѣдемъ обратно. Вдали, по кособогу, виднѣется участокъ земли, покрытый кривыми кольями, стволами и обрубками дерева, — это мусульманское кладбище.

Вонъ стоитъ группа лезгинокъ въ длинныхъ чадрахъ, кто въ бѣлой кисейной, а кто въ бумажной, краснаго цвѣта или клѣтками; онѣ съ лукавымъ любопытствомъ поглядываютъ изъ щелей ихъ. На встрѣчу намъ идетъ нѣсколько мальчишекъ; одинъ злобно глядитъ на меня и, блѣднѣя, бросаетъ камень въ экипажъ. Проѣзжаемъ мимо старыхъ казармъ съ бойницами, заложенными теперь тряпьемъ и разною дрянью.

Въ раскрытыя окна маленькихъ сакель съ сквозными проходами виднѣется нищенская утварь. Кругомъ общее невѣжество, апатія и бѣдность-нищета.

Еще недавно Дербентъ производилъ ежегодно на миліонъ марены, изъ которой добывается красная краска до двѣнадцати отѣнковъ, самымъ несложнымъ способомъ: толченый корень кипятится въ водѣ, вотъ и все. До 40,000 дагестанцевъ работали на дербентскихъ плантаціяхъ марены, приносящей доходъ только спустя 8 лѣтъ послѣ посѣва, слѣдовательно, требовавшей боль-

шихъ затратъ, но хорошія цѣны на нее до сихъ поръ, колеблющіяся между 11 — 12 рублями за пудъ, щедро вознаграждали производителей; теперь-же, когда *гарансиновыя* краски изъ марены вытѣсняются недавно изобрѣтеннымъ *ализариномъ*, искусственнымъ крапомъ, приготовляемымъ изъ антрацена, получаемого изъ каменноугольнаго дегтя, этотъ главный продуктъ дербентской торговли упалъ до 3 рублей и жители переживаютъ теперь опасный кризисъ!

Кромѣ лезгинъ, коренного населенія города, армяне также занимались мареною, скупая участки земли по 18 — 20 руб. за десятину, но теперь они преимущественно разводятъ виноградники, изъ которыхъ готовится довольно изрядное вино, въ особенности красное, стоящее здѣсь 4—5 руб. за ведро. Пальма первенства въ мѣстныхъ винахъ принадлежитъ г. Кочергину, какъ слышно, здѣшнему агенту общества „Кавказъ и Меркурій“.

Кромѣ того жители занимаются въ незначительныхъ размѣрахъ торговлею „наплывомъ“, идущимъ въ столярномъ дѣлѣ на фаниръ. Этотъ довольно цѣнный наростъ на стволахъ грецкого орѣха собирается въ окрестныхъ лѣсахъ, состоящихъ большею частью изъ мелкаго дубняка, негоднаго для бондарнаго дѣла, въ которомъ такъ сильно нуждается наше нефтяное производство.

— А мы уже хотѣли послать разыскивать васъ, добродушно улыбался мнѣ толстякъ-капитанъ, когда я вернулся на пароходъ, немедленно двинувшійся дальше— въ Баку, до котораго отсюда 176 миль или 21 часъ ходу.

Мое мѣсто въ каютъ-компаніи было занято новою пассажиркою, съ нѣмецкимъ типомъ лица и съ ворохомъ тряпья; пришлось перебраться въ душную каюту, шириною въ два шага, на верхней койкѣ которой лежалъ тоже новый пассажиръ — эlegantный армянинъ изъ Тифлиса, съ толстою цѣпью и въ перчаткахъ. Онъ поставляетъ провіантъ красноводскому отряду и былъ подрядчикомъ во время подвиговъ его родственника, замѣчательнаго въ исторіи „цивилизациі тюркменъ“ полководца *Козовъ-Мора* или, какъ его здѣсь называютъ, *Козомора*, хотя онъ совсѣмъ не козъ морилъ, а нашихъ-же солдатъ и сосѣднихъ тюркменъ, но я возвращусь къ нѣмкѣ изъ орловской губерніи, ѣдущей въ Баку къ родной сестрѣ на поиски жениха, котораго

она непремѣнно найдетъ, ибо, во-первыхъ, въ писаніи сказано: ищите и обрящете, а во-вторыхъ, на Кавказѣ въ женщинахъ такой-же недостатокъ, какъ, положимъ, въ Петербургѣ—въ неблагонамѣренныхъ чиновникахъ. Капитанъ говоритъ, что здѣсь нерѣдко отважныя служанки женятъ на себѣ даже офицеровъ кавказской арміи, а уродливая сестра моей новой знакомки-нѣмки сразу пронзила мягкое сердце кривого химика на заводѣ одного туза; мало того, она выписала другую свою сестру и тоже выдала замужъ; теперь очередь третьей.

— Жениховъ въ Дербентѣ не меньше, чѣмъ въ Баку, оправдывается она,—и я бѣгу туда отъ дербентской скуки, а совѣмъ не съ цѣлью устроить карьеру.

— Вы-бы въ Астару, тамъ навѣрняка, ибо свирѣпствуетъ голодъ, а климатъ—предрасполагающій къ брачнымъ узамъ, совѣтуетъ ей одинъ пассажиръ.

Я поспѣшилъ съ ней познакомиться, потому что сестра ея живетъ на нефтяномъ заводѣ Сураханъ, который я намѣренъ осмотрѣть; знакомство съ мѣстной жительницей облегчитъ мнѣ доступъ на заводъ; мы условились, что если за нѣмкой не будетъ присланъ экипажъ въ Баку, я ее доведу къ сестрѣ, а она, въ свою очередь, поможетъ мнѣ достигнуть цѣли моей экскурсіи безотлагательно.

Гористые берега, въ виду которыхъ мы ѣдемъ, смѣнились пустынной гладью, покрытою песками и голымъ известнякомъ, по которой мѣстами разбросаны сторожевыя башенки, уже отслужившія службу.

Проѣхавъ апшеронскій маякъ, устроенный послѣ того, какъ пароходъ „Куба“, долго занимавшійся изслѣдованіями Каспійскаго моря, погибъ у близъ лежащихъ въ морѣ скаль, а вмѣстѣ съ нимъ погибли и многолѣтніе труды экспедиціи покойнаго Ивашинова,—мы вошли въ проливъ между Апшеронскимъ мысомъ и островомъ Святымъ, гдѣ находится отличная якорная стоянка, служащая спасеніемъ для судовъ, проходящихъ вблизи его во время сильныхъ штормовъ. Вотъ показались высунувшіяся изъ воды скалы, — это *Лебяжьи* острова, мѣстами сплошь покрытые почтенными бѣлыми бабами и бакланами, но между ними ни одного лебедя.

II. Огородниковъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

П Р И В О Л Ъ Е.

(КАРТИНЫ ЛЬВУНЬИГО ПРОМЫСЛА.)

Л Ы Т О В Ъ С Т А Н О В И Ц Ъ .

(Окончаніе.)

XI.

НОРВЕЖЦЫ НАЧИНАЮТЪ СВОЙ ПРОМЫСЛЪ.

Норвежцамъ отвели землю въ Урѣ-губѣ, близъ становища Еретивовъ.

Косились на нихъ промышленники, косились и колонисты-финны. Да дѣлать нечего — начальство водворило, съ земли не сгонишь.

Смирно сначала зажили переселенцы. Осматривались пока, даже и на промыслы не ѣздили. Ставили пока землянку. Пріѣхала къ нимъ изъ Тромзо жена говедсмана, толстая, неуклюжая, коротконогая, съ четырехугольнымъ лицомъ, на которомъ какъ-то особенно тускло смотрѣли безцвѣтные глаза. Рыжеватые, жидкіе волосы заплетались въ какой-то крѣпій хвостъ вмѣсто косы.

— Что ужъ и за кикимору Богъ послалъ!.. разсуждали промышленники.

— Видаль я норвежскихъ бабъ, красивыя! А эта въ чорта уродилась. Наши лопки куда лучше.

Сначала всѣ норвежцы жили въ одной землянкѣ, потомъ поставили другую рядомъ. Стали къ нимъ изъ Вадзо елы прибывать. Наконецъ, разъ цѣлая партія норвежцевъ явилась. Сказываютъ, черезъ Корабельную бухту приплыли.

- Откуда ихъ привалило?
- Ишь ты, сила... Несосвѣтимо!
- Артелью держутся!..

Пробовали съ ними заговаривать наши промышленники—ни слова въ отвѣтъ. Не то что дичатся, а просто, видать, знаться не хотять съ нашими. Сожмутъ презрительно губы и отойдутъ. Навезли они снастей разныхъ, товару всякаго... Снаряжаются куда-то скопомъ, всѣ вмѣстѣ...

Подъ вечеръ, только-что шляки съ промысла вернулись въ становище, норвежцы и оказали себя.

- Что-й-то, братцы... какой духъ-отъ хорошій по-вѣтру.
- Скусной.
- Ишь ты, благовитый духъ какой...

Пошли промышленники противъ вѣтра, прямо на запахъ этотъ. Смотрять—стоитъ толпа у землянки норвежской.

И эти пристали, рты разинули... Слюньки текутъ только.

А и дѣло-то самое простое: норвежанка ромъ разливала изъ анкерковъ въ бутылки... А анкерковъ еще пропасть было.

Стоять наши, смотреть. Сосеть за сердце. Наконецъ, не выдержали.

- Ты это, мать, что?..

Качаетъ головой, видно не понимаетъ.

Какъ-будто нечаянно вышелъ норвежець, говорившій по-русски, и сталъ помогать. То отхлебнетъ и языкомъ причмокнетъ, то на свѣтъ ромъ разсматриваетъ.

— Эй, ты, какъ тебя, божьяго человѣка, звать? Неужли для себя весь ромъ-отъ заготовленъ? Сами слопаете его, что-ли?

— Зачѣмъ сами! бурчить тотъ про себя.

— Для кого-жо?

— Становище ваше большое... народу много.

— Ай да молодець! Ты это, значить, на продажу ладишь? Всему православному христіанству?

— Продавать будемъ.

Въ толпѣ послышался тихій вздохъ и старикъ-финнъ отошелъ къ себѣ.

— Запирай лавку! обратился онъ къ женѣ.

— А что?

— Вишь рому навезли норвежане. Только и было намъ счастья. Съ ними не совладаешь, потому они опять всёхъ тамъ.

Оба пригорюнились.

— Трудились сколько, сколько хлопотъ было! Пришелъ злой человѣкъ...

— Да, можетъ, у нихъ покупать не будутъ. Вѣдь промышленники сказывали, что у нихъ брать не стануть, а у насъ.

— А ты погляди...

Какой-то ловець скоропалительно слеталъ въ свой станъ, вытасилъ оттуда бахилы и поволокъ ихъ въ толпу.

— Видала? Посмотри-ко еще.

Другой стремился туда-же съ новымъ кафтаномъ.

— А вы какъ, на деньги продавать станете? продолжались въ толпѣ переговоры.

— На деньги.

— Ну, такъ и торговли у васъ не будетъ никакой.

— Хорошему человѣку и въ долгъ повѣримъ, какъ приглядимся.

— А вы вотъ что, выдвинулся изъ толпы воявый промышленникъ, — первое дѣло — не форсите, потому за свой форсъ денегъ вамъ не добыть. Гордость оставь. Все, что тебѣ приволокеть ловець, бери и кланяйся. Примѣрно, далъ я тебѣ снасть — снасть бери, рухлядь какую — и за ту спасибо. Потомъ сами-же мы выкупать станемъ.

— Что-жь, мы и вещи возьмемъ. Торговать надо какъ-нибудь.

— Бери, бери. Опять-же и тебѣ свой антиресъ соблюсти надо... А только тоже гляди въ оба... Мы, ежели въ случаѣ притѣсненія какого, и тебя, и жилие твое снесемъ въ губу.

— Не снесете.

— Бывалое дѣло!

— Насъ много.

— Ваши-то уйдуть — съ нами останетесь. Колонистовъ-то четверо вѣдь.

— А тѣ при насъ жить стануть.

— А ежели начальство награнеть?

— Они замѣсто работниковъ.

— Ловко! Теперь, значить, вы насъ здорово окружите. И по

начальству чисто, и на насъ грабежомъ пойдете артелью... Это вы хорошо придумали! сообразили, наконецъ, промышленники.

— Теперь, поди, лучшія промысловыя мѣста заберете?

— Намъ дурныя невыгодны. Не затѣмъ сюда было и идти... Дурныхъ мѣстъ и у насъ много.

— Значить, еще у насъ будутъ дѣла. Мы тоже своего не уступимъ.

А тутъ ужъ начали набѣгать и наиболѣе нетерпѣливые промышленники, прослышавшіе про свѣжій ромъ въ становищѣ.

— Вотъ, братъ, бахили тебѣ, первый сортъ.

— Получай кафтанъ. Отвести душу, братцы, надо-бы.

— Эхъ, дать нечего. Хозяйскую снасть, что-ли, пустить?

— А коршикъ?

— У насъ Радивону Силычу только поднеси, а тамъ у него душа распалится—онъ и отца родного заложитъ.

— Мужикъ добрый... не привередничаетъ.

— Потому у насъ запасная снасть есть. Приѣдетъ хозяинъ—выкупить.

— Поругаетъ.

— Ну, безъ ругани, все едино, не обойтись... И то неладно, и другое нехорошо. У него на все одна пѣсня.

И пошли закладывать хозяйскую снасть, свою рухлядь, безъ чего обойтись можно. Норвежцы смотрѣли на это, какъ на нѣчто привычное, обыденное. Каждую вещь они и на свѣтъ глядѣли, и щупали, и чуть не языкомъ пробовали. На первый-же день пяти анкерковъ не стало.

— Эко прорвы, ругался промышленникъ, которому нечего было заложить.—Эко чортовы утробы! И какъ пьютъ-то...

Перепилося, дѣйствительно, все становище, сплошь перепилося. Старосты, кормишки—все это было распяннымъ-пьяно. Даже зуйки, и тѣ на четверенькахъ ползали. Бабы еще держались до вечера, а тамъ, какъ пошло вездѣ пьяное веселье да пѣсни,—не выстояли.

— Ужли-жь мы не люди!

— Ужли-жь у насъ, не какъ у прочихъ!

— Анютка, иль намъ нечего норвежанину снести?

— Слава те Господи, барахла сколько хошь.

— Онъ вотъ добрый, сказываетъ—тушь принеси, и подь него дасть...

Смотришь, и женщины готовы...

Сидят колонистъ-финны у своей избы, пригорюнились... Приѣхали сыновья съ промысла, видятъ—неладное дѣло. Подошли къ норвежцамъ, постояли, посмотрѣли, какъ тѣ дѣло орудуютъ.

— Ну, что? спрашиваетъ отецъ.

— Намъ такъ не сдѣлать. Грабежъ чистый... И свое, и чужое берутъ. Съ ними не сладить. Я русскихъ знаю, норвежане все становище заберутъ въ свои руки. Съ ними трудна борьба...

— Вотъ что я надумалъ.—И старикъ всталъ. Встали и дѣти.

— По душѣ намъ пришлось это мѣсто. Тихо, хорошо все. Промыселъ обилевъ, люди добры... Чего желать больше несчастному переселенцу? Обстроились мы, хозяйство на ноги поставили... И деньги уже завелись у насъ, и все это по завѣту отцовъ нашихъ, честнымъ путемъ добыто. А теперь пришли сюда хищные волки—и скоро все кругомъ пустыней станеть. Нѣтъ у меня силы смотрѣть на это, а помочь я не могу. Ловы наши отойдутъ къ нимъ, къ воронью этому. Торговля какая была—тоже въ ихъ рукахъ будетъ... Цѣлый день я думалъ, что мнѣ дѣлать, а къ вечеру Богъ просвѣтилъ мой разумъ... Силы у васъ, у молодыхъ, много; у меня съ женой терпѣнья тоже хватитъ. Побѣдствуемъ еще, но за то удалимся отъ зла и сотворимъ благо. Верстъ за десять отсюда губа есть одна, давно я ее высмотрѣлъ. Никого тамъ... Даже русь туда промыслять не ходитъ. Поставимъ избу и поселимся въ этомъ затишѣ. Норвежець туда не придетъ. Сюда мы пришли—ничего у насъ не было, а туда мы плывемъ—и снасти у насъ, и елы, и деньги... Итакъ, дѣти, буди благословенно имя Господне отнынѣ и во вѣки!..

Молчаливо разошлись финны, а утромъ, чуть свѣтъ, пошли къ норвежцамъ и продали свою лавку, съ землянкой и баракомъ.

Тѣ не скупились, знали, что конкуренція уходитъ. Для большаго простора покупали.

Все становище сбѣжалось, какъ услышали люди, что финны уходятъ.

— Братцы, куда-же вы? Отецъ, зачѣмъ уходишь? Нѣшто тебѣ у насъ дурно было? Или тебя обидѣлъ кто?

— Спасибо вамъ. Русскіе не обижаютъ. Намъ хорошо было... Вы насъ приняли добромъ, и не забудемъ мы этого никогда. Вы народъ добрый, вѣкъ-бы съ вами изжилъ.

— Ну, такъ куда-жь ты собрался? Живи, Господь съ тобой.

— А потому и уходимъ. что теперь по становищу другіе порядки пойдутъ.

— Какіе-такіе порядки?

— Волки пришли, а вы вѣдь овцы. Васъ обидѣтъ легко... По-волчьи и вы жить станете теперь... Вчера пропились, а сегодня и все остальное пропѣете; завтра въ долгъ станете пьянствовать. А тамъ воровство пойдетъ, промысловую добычу имъ отдавать будете... Нѣтъ нашихъ силъ видѣть все это... оттого и уходимъ отъ васъ...

Лодку оттолкнули отъ берега. Весла ударили въ воду...

— Прощай, добрый человѣкъ!..

-- Даль-бы я вамъ совѣтъ, чтобы не пить... Да знаю, что вамъ не удержать себя!.. крикнулъ финнъ. уже отчаливъ отъ берега.—Мы въ губѣ Кильбухѣ будемъ жить. Коли мимо плыть будете, такъ заглянете къ намъ, какъ дорогихъ гостей приемъ.

И скоро лодки финновъ исчезли въ щели, соединявшей губу съ океаномъ.

Тоска взяла промышленниковъ. Знали они сами, что теперь подлинное разореніе пойдетъ, что не станеть у нихъ ни кола, ни двора, что норвежцы ихъ, какъ пауки мухъ, обсосутъ... Стали по становищу слоняться, многіе и на работу не поѣхали...

— Жалко ихъ, разсуждали они о финнахъ. — Добрые люди были. Всякую помощь оказывали. Бывало, только попросишь—всего дадутъ да еще наставятъ.

А тамъ, смотрятъ, норвежане ужъ въ домикъ купленный перебираются. Лавку отперли, рому туда наставили...

Стоить въ дверяхъ норвежець. трубочку покуриваетъ... Идетъ промышленникъ мимо.

— Что - жь, ты послѣ вчерашняго развѣ пить не хочешь?

— Злодѣи вы наши! ругается промышленникъ, а ноги прямо въ кабакъ заворачиваютъ.

— Погубители, дьяволы! -- а рука за бутылкой тянется.

— Мы не неволимъ, смѣется норвежець.

— Знаете, что мы съ своимъ сердцемъ совладать не можемъ.

А спустя нѣсколько минутъ у кабака толпа цѣлая.

— И пить—умереть, и не пить—умереть! философствуетъ какая-то удалая голова.—Чего-жь тутъ, братцы!

А норвежцы и въ долгъ ужь отпускать стали.

— Федосѣичъ, а Федосѣичъ!.. сладко выпѣвалъ пьяненькій промышленникъ пьяному-же корщику.— Что, ежели ми, Богъ съ тобой, да хозяйскую снасть... на-время къ норвежанину этому?.. Знаю я самъ, что не порядокъ это... а по человѣчеству, Федосѣичъ, по человѣчеству требуется. Потому палить...

— Не порядокъ.

— Палить, голубчикъ... Ты по душѣ восчувствуй это... Рветъ въ нутрѣ-то, а ежели, ты говоришь, не порядокъ... Поди и у тебя, Федосѣичъ, неладно... Умный ты мужикъ, а хуже понойской бабы разсуждаешь. Ты пойми—палить...

— Не порядокъ! уже слабѣе протестуетъ корщикъ.

— Да отецъ, ужли-жь я этого не чувствую, что не порядокъ, ужли-жь не знаю? И какой еще не порядокъ. Въ острогъ за это мало, потому хозяйскую вещь и въ пропитіе теперь... Такъ что-жь, Федосѣичъ, тащить, что-ли?

— Волоки!—И корщикъ отчаянно машетъ рукой.

— Ну, вотъ, теперь питва настоящая пойдетъ... теперь мы пить будемъ!..

И опять до вечера пьянство соборне.

Только три артели стойкихъ людей на промыселъ ушли. Остальные всѣ въ становищѣ остались.

— Мы добрые! убѣждалъ норвежець. — Мы и рыбу отъ васъ брать будемъ, и муку возьмемъ...

— Вы добрые! коснѣющимъ языкомъ соглашались пьяные...

— Все возьмемъ... Нельзя-же намъ въ убытокъ.

— Зачѣмъ въ убытокъ!.. Ну, а за душу сколько вы положите?.. Сколько за душу, черти? Въ какой цѣнѣ у васъ нонѣ душа будетъ, дьяволы?..

Норвежець только за двери ушелъ...

— Вы добрые!.. Точно мы лопь несмысленная, точно мы ничего не понимаемъ. Добрые! А душа почему, кажи свою цѣну. Какое твое рѣшеніе будетъ, сколько бутылокъ за душу?.. Добрые!..

— Теперь они насъ окрутятъ...

— Окрутятъ!.. Теперь хоть сто поповъ сгони сюда, норвежане намъ покажутъ... Милый! — И пьяный опять заговорилъ умоленнымъ тономъ.— Дава-кось еще бутылочку... Ну, голубчикъ, отлей-ко. Дай-ко намъ питву эту...

И опять пошло пьянство да опохмѣленье, одно за другимъ. Пьютъ день, пьютъ ночь.

А норвежцы уже и за новой партіей рому послали въ Корабельную бухту—старая вся вышла.

ХІІ.

К о ж а.

Прошелъ слухъ по Урѣ-губѣ, что въ Лицу видимо-невидимо песчанки привалило.

Та-же вѣсть облетѣла всѣ окрестныя становища. Отовсюду потянулись туда артели промышленниковъ ловить наживку.

Песчанка для Мурмана—дорогая рыба. На треску лучшей наживки не надо. Правда, ловятъ ее и на сельдь, и на свинцовые обломки, только на песчанку треска охотнѣе идетъ. Случалось, вымечутъ два яруса. Одинъ наживленъ песчанкой, другой—кусками сайды. На первый налѣзетъ рыбы столько, что на одной шнякѣ, пожалуй, и не увезти ее, а на второмъ черезъ три оростяги на четвертой рыба болтается, да и та мелкая... Ловятъ песчанку неводами тамъ, гдѣ берегъ отмелый, чистый, песчаный... За одинъ разъ, случается, полный неводъ вытащутъ, за то бываетъ, что вмѣсто песчанки одна губка попадетъ или морская щука неводъ прорветъ. Всего вѣдь натерпишься на промыслѣ!..

Потянулись и изъ становища „Еретики“ шняки съ промышленниками. Изъ каждаго четырехъ артелей одна поплыла за песчанкой, остальные въ становищѣ остались рыбу ловить за общій коштъ. Привезенная наживка дѣлится поровну между всѣми промышленниками, за то и оставшіеся поврученники подѣляются выловленной рыбой съ отправившимися артелями... Такъ искони велось на Мурманѣ, добрымъ артельнымъ порядкомъ, чтобы никому не было обидно. Такъ еще и долго будетъ вестись! Случаются, разумѣется, и драки. Бываетъ, что за песчанкой наѣдутъ изъ разныхъ становищъ разные артели. Каждой хочется покончить скорѣй да вернуться домой, на промыселъ. Ну, тутъ дѣло свалкой рѣшается. У кого силы больше, тотъ первый и уѣдетъ. Пока однѣ артели ловятъ наживку, другія, которыхъ иногда скопляется до ста, лежатъ на берегу, выжидая своей очереди.

Берегъ весь почернѣетъ подъ ними. Издали кажется, что это не люди, а послѣ тюленьяго боя шкуры тюленей сушатся на солнцѣ, что на Мурманѣ зовется „кожа обсыхаетъ“. Оттого и принято называть ожидающихъ промышленниковъ „божей“.

Горбина сѣраго берега на востокѣ вся такъ и вырѣзалась на аломъ фонѣ полярной зари. Каждый камушекъ по контурамъ этой горбины весь такъ и виднѣется на свѣту. Крестъ у самой вершины выдался рѣзко и опредѣленно, точно онъ чернью намѣченъ на розовой эмали... Вѣтеръ оттуда, гонитъ волны по океану; зыбь и въ Урѣ-губѣ поднялась беспокойная, колышетъ шняки да слегка шевелитъ застоявшіяся на якоряхъ шкуны. Буруны стали слышнѣе. Пѣна бѣлой каймой легла у подножя оглоданныхъ водою утесовъ...

— Ну, братаны, обмякли, что-ли! Ишь погодка какая.

— Погодка словно на заказъ, лучше не надо, Карпычъ.

— Стало, пора въ путь. Нашей артели за наживкой очередь. Сряжай шняку да и въ путь.

— Поди, день простоишь?

— Коли въ ночь вѣтеръ способный будетъ, вернемся. А то и заночуемъ.

— Промысель все едино не упустимъ...

— Андрюшко, вставай! Ишь ты, берлога окаянная! Спать вѣдь, чортъ.

— Андрюшко у насъ спать здоровъ.

Стали расталкивать сумрачнаго и неуклюжаго промышленника.

— Чего вамъ?..

— За наживкой въ Лицу-губу.

— Ну, надумались... Ишь по небу обложникъ какой.

— Ты гдѣ это обложникъ почувялъ?.. Въ избѣ-то?.. засмѣялись промышленники.—Малой тучки нѣтъ. Чисто! Вѣтеръ попутничекъ, спаси его Господи!

Срядилась артель, хлѣба взяли съ собой, трески прихватили на выть. Вышли—глядь, и изъ другихъ становъ валяютъ артели къ шнякамъ.

— Ну, и расчудесное дѣло это. Въ компанствѣ поплывемъ. Все веселѣй.

— Какъ лопари райдой по голомяни направимъ.

— Вотъ, братцы, еще: какъ въ Лицу прїедемъ, проклажать-

ся намъ не зачѣмъ и сейчасъ это за промыселъ. Ежели другія артели есть—ихъ прочь, ототремъ. Ишь насъ сила какая! Разомъ-то, поди, и не совладають. Мигомъ невода закинемъ — и домой.

— Поди, туда и изъ другихъ становищъ привалать.

— Ладно. Нашихъ десять артелей. Сорокъ человѣкъ. А ихъ-то и всѣхъ, поди, не будетъ столько.

— Какъ знать! Коли изъ Эйны да изъ Рыбачьихъ губъ понайдутъ, такъ поневолѣ хвостъ-то зажмешь.

— Зачѣмъ зажимать! Ты держи его веселѣй, трубой хвостъ-отъ распусти. Больше тебѣ почтенія будетъ.

— Обмякнешь! И силу точно мжа возьметъ.

Не успѣли наши промышленники въ шняки сѣсть, еще ни одна и не отчаливала, анъ глядѣ—и норвежцы-колонисты выползли.

— Вы куда?

— Тоже... песчанку брать.

— Ишь, дьяволы, провѣдали... Теперь, пожалуй, съ нами пойдутъ.

— Одни-то дороги не знаютъ, кабацкое сѣмя.

Норвежцы три елы срядили и отвалили отъ берега одновременно съ русскими.

По губѣ кучей плыли, а какъ въ океанъ выплыли, норвежцы взяли стороной и поплыли по тому-же направленію, но отдѣльно. На задирающія шутки русскихъ они не отвѣчали. Замѣтно было, что имъ хотѣлось вездѣ и во всемъ особнякомъ держаться.

Русскіе плыли шумно. Сначала, пока не затомились, гонку на шнякахъ повели. Кто скорѣй да дальше впередъ уйдетъ. Къ сожалѣнію, не удалось это. Ринулись разомъ нѣсколько лодокъ, перебивая путь одна у другой и мѣшая выдѣлиться кому-нибудь одному.

Суматохой воспользовались бабы и за версту впередъ уплыли на своихъ шнякахъ.

— Братцы, ну и сраму-же мы взяли! Бабъ-то впередъ пустили. Ишь онѣ, длиннохвостыя вороны, куда ушли!

— Дѣло неладное. Такъ нельзя...

— Перешерстимъ ихъ. Чтобы не обидно было.

— Идетъ.

И разомъ всё навалились на весла. Шняки словно кинулись впередъ, перегоняя самый взводень. Шумъ еще болѣе усилился. Промышленники орали, какъ оглашенные, въ воздухѣ стояли брызги, море кругомъ пѣнилось и широкая, сплошная полоса бѣлой пѣны далеко тянулась за беспорядочно сновавшими по безбрежному простору лодками.

— Что вы, черти! заорали-было бабы, да разомъ и осѣлись.

— Вы куда это? Насъ опережать! Вотъ мы васъ сократимъ. Хвосты-то пообомнемъ.

— Вы сначала полоните, а потомъ хвалитесь...

— Держись, дѣвки!

Тутъ ужъ пошло что-то невообразимое. Покрученники полѣзли въ шняки къ бабамъ. Тѣ отбивались веслами. Кутерьма и свалка была такая, что норвежцы только руками разводили, глядя на это.

Наконецъ бабъ, дѣйствительно, „переперстали“.

Промышленники разсажали ихъ по своимъ шнякамъ, оставивъ по одной на каждую лодку. Колянки хохотали, щипали парней, но тѣ уже сидѣли смирно, довольные только-что одержанной побѣдой, и уже не обращали вниманія на толчки побѣжденных амазонокъ.

Точно шкваль налетѣлъ и ушелъ, оставивъ по себѣ легкую зыбь,—такъ все стало разомъ тихо послѣ недавней свалки. Только тѣ, кому кувырнуться въ воду пришлось, долго бранились, да и то сквозь смѣхъ.

— Чего ты, тетка, лаешься? Не растаяла въ водѣ.

— Ты-бы еще утопилъ.

— Тебя не утопишь. Вода не возьметъ. Назадъ выкинетъ... Ей рябня не надобны.

Берега становились сумрачнѣе, когда къ нимъ подплыли артели. Темныя ущелья ложились отсюда въ глубь Лапландіи. Часто по нимъ струились порожистыя рѣки и въ этихъ мѣстахъ отбивало шняки отъ берега. До восьми большихъ губъ мелькнуло мимо: одиѣ широкія,—тамъ взводень ходитъ, какъ и по океану, крупными и крутыми волнами; другія соединялись узкими щелями съ моремъ и были скорѣе похожи на внутреннія озера,—тамъ вода стояла какъ въ чашкѣ. Покончивъ съ гонкой и одержавъ

побѣду надъ бабами, промышленники поставили паруса, и лодки еще ходче пошли впередъ. У кого парусовъ не было, тѣ прицѣпились къ паруснымъ шнякамъ и не отставали отъ артели. Безъ парусовъ были кольскіе уженьщики; имъ хозяева на время самостоятельнаго лова давали только лодки да рыболовныя снасти...

Порою навстрѣчу попадались шкуны. Онѣ ползли изъ разныхъ губъ Мотовскаго залива къ Архангельску. Шкуны и суда изъ Норвегіи шли инымъ путемъ. Отъ Вайдо-губы, крайняго сѣвернаго пункта Рыбачьяго полуострова, они брали прямо на перерѣзъ къ Кильдину, оставляя въ сторонѣ губу Титову, Ейну, Лицу большую и Лицу малую, Уру и Кольскую, и многими другими, затаившимися въ развѣтвленіяхъ Мурманскаго берега. Экипажъ шнякъ обыкновенно завязывалъ перебранку съ людьми на шкунахъ. Тѣ и другіе расходились подъ общій сѣвѣхъ и шутки.

— Эй ты, нерпа шаршавая! привѣтствовалъ молодой парень хозяина, тупо поглядывавшаго съ палубы на встрѣчную флотилію лодокъ.

— Не видалъ-ли нашего искариота? Такой-же, какъ ты, несурзанный. Запропалъ въ Норвегѣ. Пооди, изъ него тамъ сало топять конѣ!..

— Письмо къ вамъ послалъ со мною. — И хозяинъ старался половчѣе чѣмъ ни попало запустить въ шутника.

— На такія письма вы только и грамотны, видно!..

Были и другія сцены, оживлявшія плаваніе. То шняка съ сонными людьми нечаянно наталкивалась на другую; со дна ихъ вскакивали покрученники и, не сообразивъ, въ чемъ дѣло, начинали прежде всего ругаться. То промышленники обливали другъ друга водою, то травили отъ скуки норвежцовъ. Обружать они ихъ со всѣхъ сторонъ; тѣ выбьются, чтобы опять стороною плыть, ихъ вновь окружать...

— Брось ихъ! Бозлы изъ стада вонѣ!..

Наконецъ, къ полудню въ сѣровой дымѣ дали показались горы, окаймлявшія входъ въ губу Лицу. Отсюда ихъ контуры сливались и самаго входа въ губу не было видно вовсе... За то уже можно было предвидѣть, что въ Лицѣ скопилось не мало народу. Вдали по океану чертили въ разныхъ направленіяхъ бѣлыя точки, словно чайки полоскались тамъ. Это мель-

кали шляки съ такими-же промышленниками, входившія и выходившія изъ губы.

— Опоздали мы, братцы! Съ ночи-бы нужно плыть-то.

— Дождемся очереди.

— Тутъ и силой ничего не подѣлаешь; ишь сколько ихъ: десятками! Должно быть, и съ мотовскихъ становищъ навалило народу.

— Наживка всякому нужна.

Чѣмъ дальше, тѣмъ росли все выше и выше береговья горы. Темносиними тѣнями легли на нихъ впадины и тѣни отъ болѣе крупныхъ выступовъ и горбинъ. Фиолетовыми массами казались группы скалъ. Сѣрыми пятнами ложились пятна гуано, выстилающаго откосы этого пустыннаго хребта. По мѣрѣ того, какъ контуры опредѣлялись, какъ изъ смутнаго марева выступали причудливыя очертанія второстепенныхъ вершинъ, издали сливавшихся съ главными, по мѣрѣ того, какъ темносинія тѣни обращались въ ясно различимыя ущелья, — и бѣлыя точки выросли сначала въ едва замѣтныя, словно плещущія крылья, а потомъ и въ парусныя шляки.

Вотъ одна, должно быть, нагрузилась уже, плыветъ на-встрѣчу. Артели навалились на носовыя части шлякъ отъ нетерпѣнія скорѣе услышать вѣсти о песчангѣ.

— Много народу въ Лицѣ? еще издали спрашивали они у встрѣчныхъ.

— До страсти.

— А наживки?

— Хватить... А только ждать придется долго.

— Ладно. И подождемъ. Чего тутъ, нужно было ночью плыть, не ждать утра. Драва была?

— Изъ Титовой губы съ столбухинскими промышленники маленько покрамсались... Ну, да морозовскія артели тоже не выдержали—за столбухинскихъ стали, а за титовскихъ — червяные пошли. Всѣ передрались шибко... Скука!

— Извѣстно!.. Какъ дрались: для прилику только или въ сурьезъ?

— Нѣтъ. Больше бахвальство было...

— Старыхъ боевъ нѣтъ нынче, вывелись. А то, бывало, пустятся—только держись. Третъ замертво останется.

— Народъ нонѣ слабкій сталь.

— Что говорить! Мокрый народъ,—размякъ! Однѣ бабы еще за себя постоятъ.

Скоро встрѣчныя шняки стали попадаться чаще. Входя въ губу уже намѣтился. Онъ загибался между двумя горами; одна, вся на свѣту, уже была видна сплошь. Даже острая, словно колокольня готическаго собора, скала у ея подножія выдѣлялась рѣзко на сѣромъ фонѣ крутого откоса. Другая гора еще оставалась въ тѣни. Ея детали еще не обрисовывались чертами и контурами, а ложились расплывающимися мелкими тонами. Устье губы лежало между двумя этими вараками. Налѣво мельнуло небольшое становище. Нѣсколько избенокъ спустились къ самому морю и разбросались такъ по скалистому побережью, словно ихъ выбросило сюда волнами океана. Шумъ буруновъ сталь доноситься съ берега.

Норвежцы уже не нуждались въ указаніи пути—быстро переняли русскихъ. Тутъ сказалось превосходство норвежской елы надъ нашею шнякою. Русскіе еще и до входа въ губу не доплыли, а елы были уже посерединѣ бухты... Когда покрученники, обогнувъ береговую щель, вошли въ Липу, навстрѣчу имъ издали донесся говоръ и шумъ.

— Ну, и народу!

— Народу, что каша!

— Наждешься тутъ.

— Веселѣй на міру-го.

-- На міру ладно.

Странное рѣлище представляла губа Лица. Вдали, по щелямъ и трещинамъ берега, прятались промысловые станы. Какіе-то жалкіе срубы примостились къ самой окраинѣ моря. Нѣсколько шнякъ колыхались тамъ у берега. Ближе къ выходу изъ бухты раскидывалась песчаная понизь, которая теперь вся чернѣла подъ сплошной массой со всѣхъ сторонъ навалившаго народа. Большая часть промышленниковъ въ ожиданіи промысла лежали на животахъ, приподнявъ голову на локти. Сравненіе съ „кожей“ было, дѣйствительно, вѣрно. Такимъ образомъ люди вылеживали по нѣсколько часовъ. Ужь больно скучно станеть—драку заведуть, а то стануть перекидываться шутками... Надъ толпой стоялъ неумолкаемый гулъ. Нѣсколько артелей, помѣстив-

пились вдоль берега, ловили песчанку, поминутно выметывая и вытягивая сѣти.

— Богъ улову пошли! привѣтствовали ихъ вновь прибывшіе промышленники.

— Уловъ ничего—народишку только много. Помѣха!

— Гдѣ тѣсяче, тамъ теплѣе!

Покрученники съ мелкоячейнымъ неводомъ въ рукахъ входили далеко въ воду, другіе-же вливали туда на небольшихъ челночкахъ. Описавъ по водѣ кругъ, они опять возвращались назадъ. Остававшіеся на берегу подхватывали конецъ невода и вытягивали его на сушу. Сначала ничего не было видно, только разбѣгалась зыбь по водѣ да отъ движущихся по поверхности влаги поплавокъ радіусами ложились бѣлыя струйки пѣны... Потомъ вода начинала какъ-будто вскипать, булькала; въ горбинкахъ вскипавшей воды мелькало что-то едва уловимое, словно ихъ пронизывали серебряныя иглы. Еще немного—и на поверхность выскакивали десятки тонкихъ, небольшихъ рыбокъ серебристо-снѣгата цвѣта, извивавшихся всѣмъ своимъ тѣльцемъ, какъ змѣйки. Оня, подпрыгивая, перебрасывались надъ водою. Масса ихъ все сгущалась и сгущалась, и когда неводъ описывалъ уже небольшой кругъ, поверхность его была почти сплошь покрыта песчанками. Нѣсколько рыбокъ перекинулись за неводъ и уплыли въ море...

— Въ путь-дорогу!

— Зовите остальныхъ сестричекъ въ гости къ промышленникамъ... У насъ весело!

У самой отмели берега песчанки частію зарывались острымъ рыльцемъ въ песокъ и только яркіе хвосты колебались въ водѣ. Наконецъ неводъ вытянули. Песчанокъ сгрузили въ сельдянки, куда было слегка налито воды. Такой ловъ производился по всей длинѣ песчаного побережья. Однимъ артелямъ, какъ, напримеръ, этой, везло. Другія почти ни съ чѣмъ ворочались.

— Эко горе, экое море нонѣ неласковое! похлопывалъ себя ладонями по бедрамъ крупный сивобородный промышленникъ, артель котораго и сельдянки не набрала.

— Кому горе, кому радость!

— Экая втора, братцы мои...

— А ты стань въ конецъ да жди очереди, можетъ во второй-то разъ Богъ удачу пошлетъ.

— И то дѣло!.. Такъ и надѣть.

И артель дѣйствительно отошла въ сторону выжидать опять своей очереди. Случалось такимъ образомъ по три, по четыре раза выметывать сѣти и все-таки возвращаться ни съ чѣмъ, тогда какъ другіе сразу вытягивали полныя сельдянки наживки...

Много еще артелей оставалось до нашихъ промышленниковъ. Приваливъ шняку къ сторонѣ и закрѣпивъ ее у берега, они сошли и такъ-же оригинально разлеглись на песокъ. Остальные только посмотрѣли на нихъ и замерли опять. Ни любопытства, ни распросовъ. За то норвежцы и на этотъ разъ оказались сообразительны. Они заняли мѣсто съ вновь прибывшей артелью, хотя во время пути и шли отъ нея отдѣльно.

— Вы куда?

— Къ вамъ... Изъ одного становища вѣдь...

— То-то изъ одного...

Закурили трубки и молча стали глядѣть на голубую ширь моря, по которой словно пыль бѣжала, расходилась подъ вѣтромъ мелкая рябь.

Прошло еще нѣсколько часовъ; розовые тоны легли на лазурь неба и на синеву моря... Края одинокой, застоявшейся въ вышинѣ тучки словно затеплились подъ огнемъ заката; скоро тучка точно запылала вся, отразившись расплавленнымъ золотомъ въ покойныхъ водахъ бухты.

Промышленники, наконецъ, стали просыпаться. Видно надоѣло лежать на брюхѣ.

— Эй вы, еретики, что словно пареные невода тащите... Дубинами васъ, что-ли?

— Спорѣе, братцы, спорѣе.

— Эта Микиткина артель словно бабы разхлабанныя: за десять артелей время займетъ, да за пол-артели сдѣласть.

— Чего тутъ, самая подлая на Мурманѣ.

— Ишь титовскіе тянутъ-то!

Работавшіе у берега покрученники огрызались, да ничего не могли сдѣлать съ оравшими на нихъ рабочими. Стали кое-какъ забрасывать невода, чтобы только отдѣлаться скорѣе.

— Глянь: новые ползутъ; ишь ихъ, чертей, валить!

— Да это норвежане съ Зайцевыхъ!

— Они и есть.

— Глядь, ребята, не пушай впередъ. Пусть очередь знаютъ.

Весь въ розовомъ блескѣ заката подвигался къ берегу граціозный листерботъ норвежскихъ переселенцевъ съ другой части Мурмана. Парусъ его подъ лучами низко уже опустившагося солнца сіялъ алымъ блескомъ... Вода у береговъ, закрывавшихъ входъ въ бухту, уже потемнѣла. Горы позади еще отражали всѣ краски заката, впереди онѣ сливались въ однѣ туманныя, неопредѣленныя массы... Тѣнь оттуда ползла все дальше и дальше..

Листерботъ подвигался быстро. Видно было, что на ходу онъ оставить позади и русскія раньшины, и шкуны небольшихъ размѣровъ. Онъ вышелъ изъ мастерскихъ города Тромзое и русскіе промышленники только ахали да дивились, разсматривая это красивое и удобное для сѣверныхъ морей судно. Несмотря на то, что листерботы уже нѣсколько лѣтъ ходятъ по мурманскимъ водамъ, кольскіе и поморскіе строители не спустили на воду ни одного такого своей работы.

Отсюда можно было замѣтить, что на листерботѣ собралась сильная артель колонистовъ. Норвежцы, пріѣхавшіе раньше и применившіе-было къ артели изъ Уры-губы, теперь отдѣлились и, выйдя на берегъ, стали ждать своихъ.

— Ишь, подлне, силу свою почувствовали!.. сообразили промышленники.

Листерботъ остановился. Къ берегу за мелководьемъ ему подойти нельзя было. Человѣкъ двадцать экипажа перебрались въ лодкѣ, и не успѣли еще оглянуться промышленники, какъ колонисты были уже на берегу. Они не обращали ни на кого вниманія. Съ лодогъ выгрузили снасти и, выждавъ, когда ловившая песчанку артель, ближайшая къ нимъ, кончила свое дѣло, норвежцы нахально заняли ея мѣсто.

— Эй вы, крутолобые черти, заорали очередные, — ступай прочь! Становись въ конецъ, жди своей очереди.

Норвежцы изъ Уры-губы применили къ своимъ и стали стѣснять другую артель. Просто молча, не обращая вниманія на русскихъ, отодвинули ихъ съ мѣста и сами заняли берегъ.

— Ишь, нѣмными прикидываются... Сказываютъ, уходи съ берега!

Тѣ ни слова. Стали выметывать снасть.

— Братцы, обижаютъ!

Вся губа словно ожила.

— Ступай вонъ, говорятъ, бродяги норвежскіе.

Снасть выматывалась все больше и больше.

— Ну, молодцы, теперь не выдавай, наша сила. Поучимъ ихъ маленько. Пушай впередъ берегутся, коли нашего промысловаго справедливаго обычая сполнять не хотятъ. Случались такія дѣла и прежде, да тогда ино дѣло было. Нашихъ мало, ихъ много. А теперь, слава Господу Богу—одолѣемъ. Ихъ вонъ всего тридцать шесть человѣкъ, а нашихъ ста два будетъ. Коли стануть препятствовать, бей ихъ, чертей, да и въ воду! ораль приземистый и широкоплечій промышленникъ.

— Что они, въ самомъ дѣлѣ, начальство намъ? На нашу землю пришли да у насъ - же кусокъ изо рта выхватываютъ. Иль мы потерпимъ еще?

— Вали, братцы!

Норвежцы почували, что дѣло плохо, и сбились въ плотную толпу. Заболтали между собою, кое-кто и ножъ вытащилъ.

— Эй вы, дьяволы, прочь ножи! Ежели еще у кого увидимъ, всѣхъ въ морѣ потопимъ. Находи тамъ виновныхъ!

Колонисты поняли опасность. Ножи были спрятаны. Но лица приняли упорное, зловѣщее выраженіе. Видно было, что добровольно ихъ не согнать отсюда.

Русскіе обступили ихъ со всѣхъ сторонъ. Какого-то колониста толкнули, тотъ ударилъ ближайшаго покрученника—и завязалась свалка. Слышенъ былъ какой-то ревъ, точно море зашумѣло въ скалахъ. Норвежцы стояли плотно. Но вотъ на нихъ навалилась новая толпа—не выдержали, шатнулись... Передніе поневолѣ сошли въ море... На нѣкоторыхъ лицахъ показалась кровь.

— Загоняй ихъ въ море, братцы, пускай чтуть нашъ исконный поморскій обычай. Пусть въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходять.

Предложеніе понравилось.

— Загоняй, загоняй.

Не прошло и минуты, какъ сбитые съ ногъ колонисты барахтались въ мелководьи. Пробовали - было они кинутся вправо— моментально тамъ собиралась толпа и не пускала ихъ. Налѣво— то-же самое.

— Мы жаловаться станемъ! грозили колонисты.

— Ишь ловкіе! На свой грабежъ да и жаловаться! Посмотрю я на васъ, какъ вы будете по начальству суда искать. На кого? Знаете вы насъ, изъ какихъ мы становищъ, кто такіе?..

— Сѣти отдайте.

Промышленники захватили неводы норвежцевъ.

— Что, братцы, отдать невода-то?

— Не... Наказать нужно, чтобъ чувствовали. Они у себя любятъ законъ наблюдать. Давай-же и мы ихъ поучимъ.

— Пропьемъ, братцы. Все за три снасти анкеромъ рому дадутъ.

— Не... мы по чести, зачѣмъ пропивать! Пропивать не надо... Рви ихъ, братцы, въ куски. Рви, пусть нашу правду вѣдаютъ да впередъ своихъ правиловъ въ наше дѣло не вводятъ.

Толпа словно закипѣла. Каждому хотѣлось приложить свою руку къ этому общему дѣлу. Скоро отъ снастей остались только клочки, да и тѣ полетѣли въ норвежцевъ.

— Ловите снасти. На-те вамъ...

Колонисты дрожали отъ бѣшенства и злобы. Но съ такою массою народа ничего не подѣлаешь. До сихъ поръ норвежцы нападали сами десять на одного. Тогда имъ, разумѣется, удавалось отбивать слабыя русскія артели и захватывать промыселъ. Но тутъ русскіе оказались сильнѣе, и колонисты, торжествовавшіе до сихъ поръ, должны были оставаться безмолвными свидѣтелями и жертвами выдуманнаго поморами наказанія. Попробовали-было они къ лодкамъ пробраться, но промышленники и лодки на берегъ вытащили. Теперь норвежцамъ пришлось опасаться, чтобы поморамъ не пришло въ голову переломать лодки. А русскимъ понравилась забава.

— Пуцай они въ водѣ-то обмокнуть. Пойдите, голубчики, понятайте-ка, каково горько намъ отъ васъ бывало...

— Ишь они, словно имянинники стоятъ.

Положеніе норвежцевъ было, дѣйствительно, комично. Листерботъ далеко—къ нему не доберешься, а лодки у берега въ рукахъ промышленниковъ. Пробовали ругаться—еще хуже. Съ берега только смѣются на ихъ бессильную брань.

— А вы прощенья просите, лучше будетъ.

На верхушках волнъ показались уже бѣлыя гребешки. Вѣтеръ срываетъ ихъ пѣну и несетъ прямо въ лицо гребца.

Сильнѣе закачало шняки. Подбрасывать стало на-славу.

Ишь какъ скрипитъ киль. Словно надсѣдается шняка и стонетъ.

— Ну, съ Богомъ, ребятунки, навались, по-нашему, по поморской чести, братцы!.. подбодряетъ кормщикъ усталыхъ покрученниковъ.

— Не избудешь работунки, чего тутъ! Сами знаемъ.

И еще тяжелѣе дышутъ утомленныя груди, и еще ниже опускаются и отчаянно закидываются назадъ потныя головы весельщиковъ, съ прилипшими ко лбу волосами и судорожно сжатыми челюстями. На посинѣвшихъ лицахъ только жилы напрягаются и пухнуть, точно онѣ лопнуть хотятъ подъ этой обвѣянной морскимъ вѣтромъ кожей.

А волны все грознѣй и грознѣй ударяютъ съ разбѣгу въ эту шняву. Еще злобнѣе разсыпаются онѣ въ дребезги подъ ея килемъ и еще отчаяннѣй взлетаетъ на высоту ихъ одинокая лодка, еще порывистѣе скользитъ внизъ, въ образующіяся между грядями бездны. И скрипитъ и стонетъ она, и смолкаютъ эти звуки посреди глухо-ревущей пустыни полярнаго моря!..

XIII.

ПАХНЕТЪ ОСЕНЬЮ.

Ночи стали темнѣть.

Уже не бѣлыя сумерки окутывали дали. Сгущался мракъ въ глубокихъ логахъ, тьма заволакивала понизи. Бѣлесоватое лѣтнее небо уже подергивалось лазоревымъ сумракомъ, робко мигали осеннія звѣзды и яркій мѣсяцъ багровымъ заревомъ окаймлялъ вершины горъ и золотыми бликами ложился на тихое полярное море. Надъ становищемъ, въ необъятной высотѣ, потянулись стаи гагаръ, тупиковъ и другой сѣверной птицы. Часто и по ночамъ раздавалось надъ тихимъ Мурманомъ ихъ пронзительное рыданіе.

— Почуяли осень!

— Съ Груманта, поди, тянутся. Всѣ-то логи и понизи помертвѣютъ теперь...

— Скоро и намъ за ними приведется по домамъ разойтись.

Въ ущельяхъ между горами трава стала блекнуть и мочалиться. На склонахъ, обращенныхъ къ сѣверу, немногія зеленія лужайки пожелтѣли. Каменоломка давно стоитъ захирѣлая, осыпались золотые лютики, и только бѣлыя да красныя пятна мху все еще стоятъ неизмѣнныя, на зло осенней непогодѣ и холодамъ.

Да и холода замѣтнѣе.

Разъ ночью потянуло сиверкомъ—въ избахъ промышленниковъ продрогли какъ зимою. Въ другой разъ сѣверный вѣтеръ засталъ на промыслѣ. Синіе вернулись покрученники и прямо къ печамъ—отогрѣваться. Внутри Лапландіи, за этими высокими горами, еще теплынь благодатная, въ глубинѣ губъ—ни вѣтра, ни холода, а кто у самаго моря, у открытаго берега—тому скверно. Конецъ лѣтнему приволью.

Семга по рѣкамъ назадъ пошла въ море, и лѣнливо-же ее ловятъ! Лохъ-семга. Вялая, сухая, волокнистая. Икру выметала—измучилась вся, что въ ней добра! Кое-какія рѣчонки вздулись, распухли въ порогахъ и массаи влубятъ по теченію бѣлую пѣну. Гремучѣ стали водопады, отъ дождей, видно, осеннихъ. Должно быть, тамъ, за горами, шибко льютъ они. Плесы даже изъ береговъ расползлись, въ горныя ущелья змѣями влились мятельныя воды и глухо падаютъ въ нихъ подмытыя ели, и съ грузнымъ плюханьемъ шлепаются въ воду громадные обломки первозданныхъ горныхъ породъ. Запоздавшихъ лопарей осень застала на вершинахъ. Отсиживаются тамъ, когда спадутъ воды. А не ждутся—обезвѣтвать ель да и спасаются на ней до слѣдующей вараки, и такъ до самаго погоста. Что оленей загнано теперь на верхушки, что волчьихъ стай перегибло во вспученныхъ и бѣшенныхъ водахъ! Тулома подъ Колой разлилась—что твоя губа морская! Кола-рѣка камни завалившіе ее покрыла и бурлитъ надъ ними, и кипитъ, и мечется, словно своротитъ хочеть эти колосальные пороги. Гдѣ тихія заводья были, гдѣ кривцы водились цѣлыми стаями, гдѣ порхалицы съ утра затягивали свой назойливый стрекотъ, тамъ только волны перекатываются да нарастаютъ воды, захватывая утесъ за утесомъ, понизъ за понизью... Гагары еще сидятъ въ своихъ свѣжихъ водяныхъ пустыняхъ.

Выводки только оперились и учатся плавать на плесахъ. Издали посмотрѣшь на покойное зеркало плеса—словно всего его подернуло черными черточками. Вглядѣшься, и окажется, что гагары плаваютъ. Впереди мать, птенцы за нею. А по ночамъ! „Рыболовни“ лопари еще сидятъ въ своихъ вѣжахъ надъ рѣками. Еще по утрамъ забрасываютъ сѣти и массажи попадаютъ въ нихъ толстыя щуки и ожирѣвшіе за лѣто сига. Но только сумерки, уже лазоревые, таинственные сумерки охватятъ горы и озера и синяя тьма сползетъ въ ущелья, въ центрѣ этихъ пустынь ярко пылаютъ костры, разбрасывая свѣтъ то на гремучую, всгнѣнную гриву мощнаго порога, то на вершину голой ягелевой варакы, то на скаты лѣсистыхъ горъ, то на сѣрья, тучами нагромоздившіяся, скалы. Плынешь по рѣкамъ—ночь и тьма, суровое молчаніе безлюдья. Мертвый покой пустыни, и вдругъ далеко-далеко, гдѣ-нибудь на одинокой варакѣ, словно звѣзда блеснула. Мелькнетъ и снова пропадетъ. То ярко вырѣжется изъ мрака, когда излучина рѣки ведетъ прямо къ ней, то заслоняется силуэтомъ какой-то неопредѣленной каменной громады, когда челнокъ по изгибамъ потока возьметъ въ сторону. Звѣзда растетъ и близится. Вотъ уже на темномъ фонѣ полярнаго неба вырѣзывается одинъ, другой, третій языки пламени. И скоро весь костеръ передъ вами. Вы видите, какъ сыплются изъ него снопы искръ, вы различаете на огнистомъ заревѣ силуэты людей. Челнокъ вступаетъ въ яркую полосу свѣта—и спустя мгновенье опять ночь кругомъ, а черезъ нѣсколько минутъ и костеръ уже блекнетъ, и только робкая звѣздочка мигаетъ позади на его мѣстѣ... Да, конецъ лѣтнему приволью!

Осенній промыселъ тяжелѣе. Тутъ скоро потянутся изъ Норвегіи судохозяева, закипитъ по становищамъ страдная работа. Нужно не только промыслить рыбу въ морѣ,—нѣтъ, сгружай еще всю посоленную за лѣто треску въ трюмы судовъ, да скорѣе, потому что маргаритинская ярмарка въ Архангельскѣ не ждетъ. Сентябрь уже хмурится. Попастъ туда надо загодя, до бурь, до бѣломорскихъ тумановъ. Запоздаешь, такъ, пожалуй, и рыбу не продашь, а то продешевѣшь ее, да и на возвратномъ пути никакіе маяки во мглѣ кромѣшной не спасутъ. Бури не помилуютъ.

А по селамъ-то поморскимъ какая суета теперь идетъ! Бабы,

что оставались однѣ за все лѣто, теперь снуютъ изъ угла въ уголъ, тараторять, мужей да жениховъ встрѣчать готовятся. Цѣловальники, зелье кабацкое, тоже ожили. То-то пята теперь пойдеть! Какъ вернутся мурманщики, все, что отъ хозяйскихъ лапъ осталось, что бабы прибрать не успѣютъ—все въ кабакахъ сложутъ! Да и въ кандалавскихъ селахъ возня. Лиходѣи-мироѣды водку готовятъ высылать на станціи внутрь Лапландіи, по которымъ промышленники назадъ пойдутъ. Лопари тройники (родъ шняки) готовятъ, челны конопатятъ да вицеи борта обшивають. Всѣмъ вѣдь отъ Мурмана пожива. Зимой отъ Роснаволока до становищъ промышленниковъ на оленяхъ везли, а теперь, осенью, назадъ до Роснаволока ихъ въ лодкахъ доставятъ, гдѣ рѣки есть да озера. Въ Роснаволокѣ что твоя ярмарка готовится—всего понавезено.

Споро работаютъ теперь поврученники. Кормщики уже и не понуждаютъ лѣнливыхъ. Сами вѣдаютъ тѣ. Промедлишь, такъ, пожалуй, на свою долю, кромѣ долга на слѣдующее лѣто, ничего не выручишь, да и семья голодная останется.

По утрамъ встають рано, ложатся поздно. По двѣ, по четыре воды на морѣ выжидаютъ.

Круто-ли волны ходять. вѣтеръ-ли по океану разгуливаетъ—дѣлать нечего. Куда дѣнешься? Лодку стоймя ставить. Цѣпляются промышленники за нее, за борта держутся, а яруса изъ рукъ не выпускають, наживляють оростати, рыбу снимають съ врючьевъ—не поѣдутъ домой до конца работы, какъ лѣтомъ.

— Конецъ нашему приволью. Опять страдная пора пришла.

— Что-жь, Божьи работнички, на свои семьи потружатъся надо... Дѣтей голодными не оставишь...

Да и домой уже тянеть ихъ. Часто рисуется въ глазахъ одинокое поморское село, затерявшееся среди чудскаго чернолѣся. А тамъ жена, дѣти...

И ждетъ не дождется поврученникъ, когда пріѣдетъ хозяинъ, оберетъ всю рыбу и уйдетъ въ Архангельскъ на ярмарку, а имъ можно будетъ и по домамъ уйти.

Первыя осеннія бури!..

Слухи яловѣщіе пошли: тамъ шняку разбило, тамъ шкуна погибла, тѣ не вернулись назадъ. Бѣда!.. Только-бы теперь Богъ сохранилъ. Самая опасная пора пришла!.. Никуда не уйти отъ

нея. Одну артель по морю недѣлю носило, а черезъ недѣлю привило въ чужое становище. Благо рыба сырая была съ собой да воды запасено, а то-бы всё тутъ остались.

А тутъ разъ и ночь выдалась.

Морозомъ ударило; утромъ поднялись—инеемъ все подернуло. Блеклая трава въ ущельяхъ вся въ серебрѣ матовомъ стоитъ. Мохъ точно деревянный сталъ и снѣжной пылью весь подернулся. Гдѣ въ понизьяхъ лужи стояли—застыли или пленкой оледенѣвшей покрылись. Тресковыя внутренности по берегу закаменѣли. Правда, къ полудню все опять отошло—и иней сбѣжалъ, и лужи разошлись, и отъ тресковыхъ потроховъ прежній смрадъ пошелъ; да все-же первый морозъ показалъ себя, и еще шибче пошла работа, и еще безотходнѣе, неустаннѣе.

Собаки, что прежде на камняхъ спали, въ избы просытаются на ночь, воютъ...

Лопари съ береговъ уходятъ внутрь страны, семужьи заколы бросаютъ. Норвежская шупера отъ колонистовъ до слѣдующаго лѣта домой отплыла.

Конецъ лѣтнему приволью!

XIV.

МЕРТВАЯ БУХТА.

Береговая отмель вся засыпана мелкими камешками. Отъ самой лиловой варакы, что мерещится тамъ на краю, до сняго моря тянется эта разсыпчатая масса, заливаемая волнами во время прилива и быстро обсыхающая на солнцѣ въ отливъ. Вся вода просочится между камешкомъ внизъ, вся уйдетъ безъ остатка. Даже въ сѣрыхъ впадинахъ не останется влаги... И станутъ опять сверкать на солнцѣ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ эти камешки. Изрѣдка на это отмелое понизье выкинетъ море длинную змѣю перевившейся водоросли, мертвую рыбину или швырнетъ взводень цѣлую взмонну бѣлой пѣны, и долго серебрится она и пузырится на обсохшемъ каменьѣ. Долго гниетъ на немъ треска, пока не вздумается заглянуть сюда прозорливой чайкѣ. А гряда водорослей цѣлныя недѣли будетъ тутъ мочалиться да разсыпаться, пока новая буря не подберетъ ее отсюда крутымъ

взводимъ и не унесетъ далеко-далеко въ волнуемое ею лоно безпредѣльнаго океана.

И тишина-же тутъ!

Только и слышишь, какъ море шевелить сыпучую массу камешковъ у самой окраины. Да и то сонно, лѣнливо шевелить, словно убаюкивая кого-то.

На сыпучемъ берегу ни стана не поставитъ, ни печи вывести. Пробовали промышленники, да вѣтромъ все сносило съ этого движущагося, непрочнаго основанія. Такъ и бросили! И стала эта губа мертвой да безлюдной. Нѣтъ здѣсь промысловъ—нѣтъ и птицы морской, что за ловцами словно собака бѣгаетъ, добычи ждать... Словно могила тихая! Только дальнія, обступившія вараки отливаютъ подъ солнцемъ огнистыми бликами да лиловѣютъ въ вечернихъ сумеркахъ.

Пристала сюда лодка... Прямо въ мягкій берегъ врѣзалась и точно застряла въ немъ. Ни впередъ, ни назадъ. Только справа и слѣва въ бока ея поплескиваютъ да полизываютъ ихъ не волны, а скорѣе отраженіе, слабое отраженіе тѣхъ волнъ, что круто горбятся тамъ, на безграничномъ просторѣ океана, разбрасывая по вѣтру свои бѣлыя гривы... Носъ лодки разорвалъ бѣлую, густую, словно свалывшуюся массу прибрежной пѣны, что извивается направо и налево по всей привольно раскинувшейся дугѣ молчаливаго залива.

Суровыя, мрачныя лица... Какія-то сѣрыя, сумрачныя... Чуть приподнялись они со дна лодки. Тускло поглядѣли на свѣтъ Божій и, не сказавъ ни слова, опять упали внизъ, на дно ея... Съ рѣзкимъ крикомъ вьется надъ ними юркая чайка—вотъ взмыла у самой лодки, вотъ словно нырнула туда, и опять рѣветъ въ недосыгаемой вышинѣ голубого неба.

Молчаливый день прошелъ надъ этою молчаливою губою... Словно въ багровомъ заревѣ легла на западъ окраина алаго моря. Сторожевыми огнями засверкали вершины горъ, отражая на своихъ утесахъ прощальный блескъ заходившаго солнца. Румянымъ отсвѣтомъ подернулись мелкіе камни отмелаго побережья. Радужнымъ блескомъ загорѣлась кайма взмыленной пѣны, словно финифтью обложило кругомъ этотъ берегъ. И по голубому небу разсыпались круглыя тучки, разбросались куда ни попало, хоть и вѣтра еще слышно не было. И каждая горитъ и блещетъ, и

каждая словно глѣдетъ по краямъ огнистою битью... Поморники взвились туда шумною стаею: взглянешь—и кажется, что раскидался по небу цѣлый снопъ золотистыхъ искорокъ. Только застоявшійся въ глубинѣ неба орель-рыболовъ остается той-же черною тѣнью надъ отливающею багрянцемъ и золотомъ безпредѣльностію полярнаго океана.

И люди зашевелились въ лодкѣ... На свѣтъ Божій выползати стали. Только не надолго. Выйдутъ, кое-какъ перевалятся за бортъ и тутъ-же словно замрутъ у лодки... Мертвая усталъ видна въ каждомъ движеніи.

Шестеро ихъ. Вышли, а въ лодкѣ ничего и не осталось. Коли бы снасть была, ну, значить, съ промысла, а то ни снасти, ни весель. А на лица взгляни—само скажется, что завела ихъ сюда бѣда да нужда лютая. Не избыть ее! Разбило, должно быть, корабль гдѣ-нибудь, о голый камень какой разбило. На лодкѣ спаслись шестеро и, поди, нѣсколько дней таскало ихъ по морю. Весла изъ рукъ вышибло, да и выкинуло, наконецъ, сюда, на эту отмель, по волнамъ. На лицахъ синіе подтеки, черные круги вокругъ глазъ легли. И глаза-то тусклые. Волосы войлокомъ сваялись на головѣ. Носы заострились, заострились и скулы, безкровныя губы чуть шевелятся. Видно, у нихъ и въ памяти помутилось все. Лежатъ молчаливо. Кто весь скорчился да свернулся, кто, словно трупъ, лежитъ на спинѣ, выпрямился и руки раскинулъ. Кто ничкомъ распластался... Прислушаешься и слышишь, какъ груди хрипятъ отъ дыханія, словно съ болью достается имъ каждый вздохъ, словно съ натугою, съ болью вбираетъ и выдавливаетъ воздухъ каждый изъ нихъ... И ни слова!

Что и говорить-то?.. Не первый разъ по морю ходять. Знаютъ эту мертвую бухту. Знаютъ, что здѣсь ничего не найдешь. Съ голоду умереть можно... Если-бы силы были—перевалить удалось-бы черезъ тѣ вараки, а тамъ зелень пойдетъ, лѣса... Звѣрья по нимъ хоронится не мало... А въ тихихъ дебряхъ мотовскіе лопари погостами стали—приняли-бы. Да ноги-то не движутся, точно висятъ. Руки словно плети.

Помирать—одно осталось.

Хорошо тѣмъ, что на кораблѣ разбитомъ остались. Въ море ушли, только и муки было, что часъ. А тутъ-то! Тутъ даже отъ прилива не уйдешь, коли огъ поднимется. Развѣ въ лодку опять

перевалишься. И тускло смотреть прямо въ небо ихъ открытыя очи. И золотить закатъ эти сѣрыя лица, владеть румяные блики на эти посинѣвшія, впалыя щеки, и еще глубже и черпѣе кажутся вѣки вокругъ глазъ.

— Господи... слышится гдѣ-то. — Смерти-бы!..

Остальные и не шелохнулись, и взглядомъ не повели туда, гдѣ стонъ этотъ раздался.

Солнце сѣло. Погасли радужные тоны. Синіе сумерки ползли съ востока, окутывая окрестности. Вдали клубилась сѣрая мгла.

Кое-гдѣ на взморьѣ уже засвѣтилось фосфорическое пламя. Яркими лунками и кольцами легло оно вокругъ коргъ и подводныхъ камней, о которые разбивались волны. Иногда свѣтлое пятно подплывало къ самому берегу, это сіяла красота сѣверныхъ морей — громадная акалефа. У лодки тоже образовался яркій кругъ, свѣтившійся голубоватымъ мерцаемъ. Свѣтились гребни волнъ вдалькѣ, свѣтились всплески отъ сталкивавшихся и разсѣпавшихся въ дождевую пыль валовъ. Свѣтился прибой у берега. И по всему Мурману теперь такъ. Змѣистыми битями бѣгутъ слѣды за шкунами, широкою каймою ложится сіяніе вокругъ утесовъ, гдѣ грохочутъ буруны. Ярко свѣтятся корги и иногда вся громадная полоса, съ версту въ длину и сажень сто въ ширину, таинственно мерцаетъ кольцами ярко-лазуреваго свѣта отъ цѣлаго стада акалефъ, плывущихъ противъ теченія.

Какъ холодкомъ потянуло!.. Невольно съежились всѣ, на кого пахнуло этою стужей. И откуда она?..

Вотъ еще и еще.

Съ сѣверо-востока поднимается вѣтеръ. Полюсомъ дышетъ онъ на тихіе каменные берега. Его еще здѣсь и не слышно, а ужъ взводень кручей горбится по морю, причудливѣе и выше обрывы глухо пѣнящихся волнъ, гремучѣе буруны у берега. Даже въ тихихъ бухтахъ шелестятъ волны и съ тихимъ шумомъ разбиваются о берега. Еще не слышно вѣтра, а уже шибко качаетъ суда на морѣ, и спѣшатъ опытные корабельщики или заплести въ недоступныя бурѣ салмы, или уйти въ открытое море, подальше отъ громадныхъ утесовъ, словно подводныя челюсти усѣявшихъ передовыя твердыни Мурмана. Еще вѣтеръ и не шумитъ, а ужъ надрываютъ шубы матросы, подальше забирается въ олени мѣха ло-

парь и собаки у приморскихъ вѣжъ съ робкииъ, просящими повизгиваніемъ царапаются въ ихъ двери.

Гдѣ-то слышался точно стонъ. Точно море или береговая варака вздохнула. Это первый налетъ вѣтра ударилъ въ узкое ущелье—и пошелъ онъ свистать и грохотать по всѣмъ его изломамъ и извилинамъ. Ударить въ одинъ выступъ, кинется къ другому, ворвется въ узкую щель и глухо забушуетъ внутри громадной береговой пещеры, куда ведетъ она. Шибко пролетаетъ по открытому пространству сливающихся съ моремъ отмелей, сорветъ нѣсколько палтуховъ съ каменныхъ холмовъ становища, застучитъ въ двери и окна убогихъ становъ и снова врывается въ горы и бессильно рыдаетъ у ихъ подножій.

Но такъ-же скоро, какъ налетѣлъ, такъ-же скоро и потухъ, улегся этотъ авангардъ полярной бури. И снова тихо, только гремятъ буруны да на открытомъ морѣ гнѣвно грохочетъ волненіе, разведенное бурей.

Обманчивая тишина! Суда ложатся въ дрейфъ. Кто еще не успѣлъ, спѣшить заполнить въ береговую щель, причесая, какъ тараканъ, отъ близкой грозы.

Промышленники на вершинахъ скалъ скорѣе развели костры. Авось увидать тѣ, что еще не вернулись съ промысла. И, дѣйствительно, лодка за лодкой поспѣшно прибываютъ съ моря, лодка за лодкой высаживаютъ на берегъ уже потрепанныхъ первымъ налетомъ бури ловцовъ. Шкуны, успѣвшія попасть въ бухты, инны уже съ поврежденными бушпритомъ и галькономъ бросаютъ якоря.

Точно неисчислимое воинство идетъ съ сѣверо-востока. Даже притихли буруны, не стало слышно взводня.

Стихійный гулъ кольцомъ охватываетъ это полярное море. Ближе и ближе онъ. Всѣ звуки тонуть въ его величавомъ ревѣ. Уже ничего не слышно, кромѣ этого грознаго голоса бури, кромѣ этихъ трубъ архангеловъ, прорицающихъ гибель всему живому. А тутъ, у берега, все еще тихо. Даже бывшее до этого волненіе замерло.

Первая волна раскатилась и ударила въ берегъ. За ней другая, третья — и миліоны пушечныхъ выстрѣловъ слились въ одинъ грохотъ. Налетѣлъ послѣдній великанъ и сталъ онъ громить громадныя твердыни Мурмана. Теперь уже все ки-

пить подъ его могучими ногами. Съ неба срываетъ онъ тучи и бросаетъ ихъ о землю, выхватываетъ глубоко засѣвшіе въ землю утесы, въ слѣпой злобѣ ломаетъ кресты на вершинахъ, варакъ, посылаетъ свои звѣринныя рати въ ущелья и, переваливъ за каменные оплоты Лапландіи, бушуетъ внутри ея, на громадныхъ озерахъ, словно со дна мѣшая Имандру, Нуотъ-озеро, Ковдо и Эйкаре.

Но не съ одними великанами воюетъ полярный исполинъ. Во всякую щель лѣзутъ его гремучія рати. Въ носовыхъ частяхъ кораблей, подъ баргоутомъ выбиваетъ конопать, выживааетъ пеньку въ шпунтахъ у форштевня. Точно незримый врагъ, течь тихо заползаетъ въ корабли сквозь эти свѣжія раны. Кое-гдѣ со шкунъ отодрало концы обшивныхъ досокъ. Помпы отказываются дѣйствовать. И тихо стонутъ суда, какъ живныя.

Тучи уже не ползли по небу, а стремглавъ летѣли, оставляя по вѣтру свои влочки и обрывки. Скоро нельзя было уже разсмотрѣть отдѣльныхъ тучекъ. Все небо заволокло одно черное облако. Уже не молніи бороздятъ его, а порою зіяютъ на немъ красныя пятна, свергающія въ центрахъ своимъ блескомъ раскаленного угля!.. Иногда багровымъ заревомъ выдѣлится на этомъ черномъ облакѣ змѣистая кайма и цѣлымъ снопомъ молній ударить въ вздымающееся къ небесамъ море, пробуравливая въ немъ бездонную воронку.

И до описанной нами бухты дорвалась полярная буря.

Вихрь цѣлыми грядями катитъ мелкое каменье, изъ котораго состоитъ ея побережье. Онъ свертываетъ ихъ въ складки и повсюду слышится отъ нихъ гремучій, разсыпчатый трескъ и заполняющее всѣ остальные звуки шуршанье.

Всю ночь длится штормъ. Порою небо разверзается, словно чьи-то исполинскіе вѣжды, и сквозь нихъ смотреть на землю что кровавое око. И снова закрывается оно, и море еще неистовѣе взрывается вверхъ, еще неудержимѣе раскрываетъ бездонныя бездны.

Вотъ оно хватило о берегъ громадное чудовище полярныхъ водъ—кита, и расплющило его о каменную твердыню. И бьютъ волны у отвѣснаго берега безжизненное громадное тѣло.

На корабляхъ, застигнутыхъ бурей, рубятъ мачты. Лучше от-

даться вѣтру и волнамъ, чѣмъ неизбежно гибнуть въ неравномъ спорѣ.

Но море безпощадно. Десятками бросаетъ оно эти утлыя щепки о скалы. Десятками хоронитъ ихъ въ на минуту разверзающихся могилахъ и съ бѣшеннымъ хохотомъ сравниваетъ надъ ними свою всепѣнную поверхность.

А буря еще неистовѣе, какъ стаи остервенѣлыхъ тигровъ, мечется взадъ и впередъ, направо и налѣво, отыскивая себѣ новыхъ жертвъ.

Съ трескомъ разрываются огненные метеоры, словно чьи-то колесницы, грохоча въ воздухѣ, низвергаются сверху внизъ и, падая въ море, разомъ освѣщаютъ его на громадныя разстоянія.

И дальше и дальше ширится буря. Обогнула она Нордкапъ къ западу и кинулась къ Лофоденамъ и въ норвежскіе фьорды.

Точно бѣшенный звѣрь ворвалась въ бѣломорское гирло и загремѣла на Бѣломъ морѣ. Отраженіе ея ломаетъ суда въ архангельской пристани. Оно-же ужъ подняло крутые взводни въ Нѣмецкомъ морѣ.

Вонъ на горизонтѣ показались оторванныя отъ полюса ледныя громады.

Взрывая море, стремительно несутся онѣ впередъ, чтобы разбиться о каменный оплотъ берега, — разбиться, уничтожиться. Но за ними еще другія громады, больше и величавѣе!.. Суетятся на нихъ потревоженные бѣлые медвѣди. И ревъ ихъ безсѣдно пропъ даетъ въ грохотъ бури. Вся земля кажется застигнутымъ штормомъ кораблемъ. Буря ломаетъ ее и треплетъ.

А провозвѣщающія смерть трубы архангеловъ все громче и громче.

Чаще и чаще поднимаются небесныя вѣжды, грознѣе и пристальнѣе смотритъ оттуда кровавое око.

Утромъ буря еще гремѣла по океану, выкидывая на берега обломки судовъ.

А весь Мурманъ ужъ бѣлѣлъ подъ снѣгомъ. Не успѣвалъ стоять первый снѣгъ, какъ стремились цѣлыя тучи новаго.

Только вершины скалъ черными зубцами выдѣлялись изъ этой бѣлой массы.

Станы, палтухи, часовни—все словно схоронилось подъ снѣгъ, все ушло подъ сугробы.

Въ безлюдной, мертвой долинь, у глухо-шумящаго моря, снѣгъ покрываетъ шесть скорченныхъ труповъ. Только лица нѣкоторыхъ смотрять изъ-подъ него. И страшны кажутся эти тускляя, мертвыя очи, глядящія изъ-подъ снѣга прямо въ сѣрое, низко-нависшее небо. Тѣлъ ихъ не видно. Снѣгъ и недвижныя глаза да черныя космы волосъ!..

Не надолго: новая масса снѣга—и ничего ужъ не видно подъ дѣвственно-бѣлымъ покровомъ.

В. Немировичъ-Данченко.

САМОУБИЙЦА.

(Памяти А. С. Маркова.)

Съ прострѣленнымъ вискомъ въ часовнѣ онъ лежалъ;
Надъ нимъ съ тоской склонилась мать, рыдая...
И странный взоръ ея безуміе являлъ
И ласку нѣжную: казалось, страдая,
Она его еще надѣялась спасти...
Онъ въ жизни для нея былъ *все*: всѣ упованья
И гордость вся ея, и всѣ ея страданья—
Все это было въ немъ. Последнее „прости“
Сказалъ онъ ей вчера... о, Боже! какъ давно!..
Задумчивъ эти дни онъ былъ и молчаливымъ,
Какъ и теперь, когда на этомъ трупѣ миломъ
Чернѣетъ на вискѣ проклятое пятно!..
Унесъ съ собой онъ тайну роковую
Последнихъ думъ своихъ, последнихъ дней...
И что сгубило жизнь его младую—
Осталось загадкой для людей.

Ив. Якушкинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НЕ ПОДОЖДАТЬ-ЛИ ОТНИМАТЬ?

(По поводу предположеній о преобразованіи волостныхъ судовъ.)

I.

„Царю государю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи, бьетъ челомъ и являетъ сирота твой государевъ, шуянинъ посадцкой человекъ Микифорко Парфеніевъ сынъ Скорнякъ, на шуянина на Тихопа Дмитріева сына Иконника. Въ нынѣшнемъ, государь, во 143 (1635) году, маія въ 17 день, напився онъ, Тихонъ, пьянъ, учалъ меня сироту твоего и женишку мою бранить всякою неподобною бранью; да онъ, Тихонъ, учалъ похвалятися: прежде-де сего сынъ мой у жены твоей глазъ выкололъ, и ты-де намъ не что доспѣлъ. А нынѣ, государь, похвалялся онъ, Тихонъ, выколоть у женишки моей и другой глазъ. Да онъ-же, Тихонъ, и жена его и дѣти бросаютъ съ своего двора на мое дворішко полѣніемъ и каменіемъ; а либо, государь, у меня, сироты твоего, онъ, Тихонъ, или жена его или дѣти, бросаючи отъ себя, кого ушибутъ, и мнѣ-бы, государь, сиротѣ твоему, и женишкѣ моей и дѣтишкамъ отъ его Тихонова налоги не погибнуть напрасно. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, мое челобитье и явку записать. Царь государь, смилуйся“ (Русская историческая бібліотека, изд. археографич. комисією. Т. II. Сиб. 1875, стр. 710—711).

Или: отбираются по суду показанія у властей посада Шуи; власти говорятъ такія „обысканыя рѣчи“ подъ крестнымъ цѣло-

ваньемъ: „въ прошломъ во 143 (1635) году, передъ Семеновымъ днемъ, Шуи посаду борисоглѣбской дьяконъ Онтипа монастырьскую жонку Оксютку Севастьянову дочь билъ-ли и ногами топталъ-ли, и послѣ того отъ его-ль дьяконовыхъ побой двѣ недѣли спустя та жонка ребенка выкинула или нѣтъ—того мы ничего не вѣдаемъ; а въ нынѣшнемъ во 144 году, іюля въ 9 день, тотъ борисоглѣбской дьяконъ Онтипа, вышедчи въ рядъ, говорилъ: извѣщаль-де на меня попъ Олексѣй, что-де будто я билъ жонку Оксютку и выбилъ будто ребенка, и въ томъ-де воля святительская: не запрусь-де я передъ святителемъ и самъ; та-де жонка бранила меня и дьяконицу, и я-де тое жонку за невѣжество зашибъ по щекѣ дважды, а ребенка-де я не выбивалъ. Тѣ мы рѣчи у него, дьякона, слышали, а сами мы ничего не видали, какъ онъ тое жонку билъ. То наши и рѣчи. А рѣчи писалъ Левка Плесяниновъ“. (Тамъ-же, стр. 717—718).

Таковъ былъ русскій человѣкъ *два съ половиною вѣка назадъ*. Таковы были его нравы; таковъ былъ у него судъ. Такова была его рѣчь — младенчески наивная, въ каждой фразѣ которой сквозила и примитивная простота его, и грубость нравовъ при какой-то почти дѣтской прямотѣ. Такимъ остался русскій человѣкъ и теперь, во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка, по крайней мѣрѣ, та многомиліонная часть русскаго народа, надъ которою два съ половиною вѣка прошли такъ, какъ проходятъ они надъ океаномъ, надъ гранитною скалою, не задѣвъ ихъ своимъ всеизмѣняющимъ крыломъ. Тотъ-же Тихонъ Иконникъ, напився пьянъ, выкалываетъ глазъ у женишки Микифорки Скорняка и бросаетъ на его дворышко „полвѣнемъ и каменіемъ“. Тотъ-же дьяконъ Онтипа зашибаетъ жонку Оксютку за невѣжество по щекѣ дважды. И судятся они *по-своему*, у *своихъ* судей, которые одни и могутъ ихъ вполне понять, какъ судился когда-то и Онтипа-дьяконъ у своихъ судей, и судьи понимали его, потому что сами стояли на одномъ съ нимъ уровнѣ развитія. Что-же было-бы, если-бы у жителей Шуи семнадцатаго вѣка отнять ихъ судъ и ихъ судей и дать имъ нашъ окружной судъ и судебную палату со всѣмъ ихъ декорумомъ и юридическими формальностями, сроками, проволочками, штрафами, вердиктами, голодной и хищной стаей адвокатовъ и т. д., и т. д.? Шуяне сем-

надцатаго вѣка не пошли-бы въ этотъ блестящій судъ девятнадцатаго вѣка; они остались-бы совсѣмъ безъ суда и продолжали-бы выкалывать другъ другу глаза. Можно-ли-бы было сунуться не только въ такой блестящій судъ, но даже просто къ мировому судѣ, верстъ за 20—30 и болѣе, съ жалобою на то, что сосѣдская свинья забралась на огородъ Мивифорки Скорняка и поѣла у него весь картофель и всю капусту? А для Мивифорки это вопросъ сытости и голода, вопросъ всего хозяйскаго бюджета.

Такія соображенія, невольно возникающія въ виду настоящаго нравственнаго, умственнаго и экономическаго уровня русскаго народа, становятся, такъ-сказать, на дорогѣ, когда въ современной печати и въ общественномъ мнѣннн привлекается къ рѣшенію одинъ изъ коренныхъ вопросовъ русской жизни, вопросъ очередной,—это вопросъ объ уничтоженіи или преобразованнн народнаго самосуда, драгоценннѣйшаго права, дарованнаго крестьянамъ великимъ законодательнымъ актомъ 19 февраля вѣстѣ съ освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости,—и, надо сознаться, рѣшается не съ тою осторожностью, не съ тою глубокою осмотрительностью, которая необходимо требуется сложностью этого вопроса и его безспорною историческою важностью.

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, не былъ обойденъ нашею литературой. Печать большихъ журналовъ, газетная пресса и даже такъ-называемая малая печать успѣшили подать свой голосъ въ пользу того или другого рѣшенія этого вопроса, когда были опубликованы богатые данныя о крестьянскомъ самосудѣ, собранныя находящеюся подъ предсѣдательствомъ сенатора Любоцинскаго комисіею по преобразованію волостныхъ судовъ. Мы также высказали свое мнѣннн о предметѣ, которымъ занята была общественная мысль втеченіи послѣднихъ лѣтъ *). И все-таки послѣдняго слова о данномъ предметѣ не было сказано. Впрочемъ, и на основаннн того, что уже сказано, положительно можно утверждать, что большинство общественнаго мнѣннн, т. е. та часть русской интеллигенціи, которая въ состояннн имѣтъ объ этомъ предметѣ *свое* мнѣннн, мнѣннн не по наслышкѣ, не съ чужого голоса, не рыночное, такъ-сказать, мнѣннн, а основанное на лич-

*) Какъ народъ самъ себя судить? („Дѣло“ 1875 г., кн. I).

номъ опытѣ, на мѣрѣ и вѣсѣ, на осязаніи самаго факта, — такое большинство высказалось, и притомъ очень энергически, за сохраненіе въ полной неприкосновенности волостного крестьянскаго суда. Не менѣе, если не болѣе энергически высказались въ пользу *того-же* и сами крестьяне, конечно, лучшіе оцѣнщики того, что для нихъ пригодно и что непригодно, хотя-бы имъ и предлагали что-либо лучшее, чѣмъ то, что они сами считаютъ пригоднымъ для себя: какъ ни сознаетъ крестьянинъ всѣ преимущества сапога передъ лаптемъ, но все-таки считаетъ лапотъ пригоднымъ для себя по доступности, а сапогъ непригоднымъ — по его дороговизнѣ; серебряной ложкой онъ положительно не умѣетъ ѣсть, потому что по непривычкѣ обжигается.

Но обратимся къ фактамъ. — Сенаторомъ Любошинскимъ и сотрудниками его по волостной комисіи, между прочимъ, затребованы были отзывы отъ лицъ, болѣе или менѣе близко стоящихъ къ крестьянскому суду, о степени необходимости, значеніи и положеніи волостного суда. Лица эти были: губернаторы, предводители дворянства, предсѣдатели земскихъ управъ, съѣзды мировыхъ посредниковъ и самые мировые посредники, мировые судьи, собственно предсѣдатели ихъ съѣздовъ, прокуроры окружныхъ судовъ и судебные слѣдователи. Всѣ они приглашались письменно отвѣтить на слѣдующіе вопросы: удовлетворяетъ-ли волостной судъ своему назначенію? на-сколько онъ самостоятеленъ, т. е. не находится-ли въ зависимости отъ волостного схода или отъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія? принимаетъ-ли участіе или имѣетъ-ли вліяніе на рѣшеніе дѣлъ волостной старшина? каково вліяніе на судъ, каково значеніе и какова нравственная личность волостныхъ писарей? не встрѣчается-ли какихъ-либо недостатковъ въ существующей нынѣ организаціи волостного суда, и если недостатки есть, но какіе именно и чѣмъ они объясняются: порядкомъ-ли избранія судей, или порядкомъ отправления ими своей должности, или-же неудовлетворительностію личнаго ихъ состава? нѣтъ-ли жалобъ и нареканій на пристрастность волостныхъ судовъ и на-сколько такіа жалобы основательны? не выходятъ-ли волостные судьи за предѣлы предоставленной имъ власти и въ какихъ преимущественно дѣлахъ замѣчаются превышеніе ими власти? охотно-ли обращаются къ воло-

стному суду крестьяне или-же они уклоняются от него? часто ли обращаются крестьяне къ суду мирскихъ сходовъ, стариковъ? знаютъ-ли волостные судьи народныя обычаи и дѣйствительно-ли рѣшенія волостныхъ судовъ суть въ большинствѣ случаевъ рѣшенія на основаніи обычнаго права? Тутъ-же ставился и роковой вопросъ—вопросъ Гамлета для русскаго мужичка: *to be or not to be? Предстоитъ-ли настоящая необходимость въ уничтоженіи волостныхъ судовъ и чѣмъ таковыя могли-бы быть замѣнены?*

Отвѣты на эти вопросы затребованы были изъ семнадцати губерній, и постепенно получались изъ двухсотъ - пятидесяти - пяти уѣздовъ. Отвѣчать приглашались и отвѣтили больше пятисотъ лицъ—это почти всеобщее голосованіе вопроса, всеобщее въ смыслѣ нравственнаго ценза, ценза компетентности, личнаго опыта, а не ценза по-наслышкѣ. Въ этомъ всеобщемъ голосованіи 375 голосовъ энергически, сознательно и доказательно высказались: „быть волостнымъ крестьянскимъ“; 104 голоса такъ-же энергически, такъ-же сознательно, но менѣе доказательно отвѣтили: „не быть“; остальные 40 голосовъ отвѣчали такъ, какъ отвѣчалъ Осрикъ Гамлету: облако похоже было и на „кита“, и на „козла“, и на осла, и на самого Осрика.

Противники волостного суда, требовавшіе его немедленной смерти, имѣли твердую юридическую почву подъ ногами, когда выносили свой жестокой обвинительный вердиктъ. Они знали „вину“ за обвиняемымъ. Это не то, что тѣ жалкіе евреи, которые, 1,842 года назадъ, безумно кричали на невиннаго: „распни! распни его!“ Вотъ что говорить одинъ изъ обвинителей крестьянскаго суда: судъ этотъ „назначенію суда не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворять“ (говоритъ предсѣдатель елатомскаго съѣзда мировыхъ судей); „самостоятельности волостной судъ не имѣть да и не можетъ имѣть“; волостные судьи, „люди неграмотные“, будучи поставлены въ необходимость руководствоваться закономъ и не зная ни одной іоты въ немъ, за каждымъ рѣшеніемъ должны, какъ нищій подъ окномъ, выжидать, когда волостной писарь подастъ имъ изъ милости кусочекъ... *статейки* закона; а у этихъ подателей кусковъ закона „въ большинствѣ случаевъ нравственность далеко не безукоризненна“. А если „само-

стоятельность суда колеблется“ какъ трость, шатаемая вѣтромъ; если судъ идетъ на помочахъ и эти помочи въ рукахъ у „личностей не совсѣмъ достойныхъ“; если судьи слышатъ о законѣ отъ этихъ не всегда достойныхъ личностей и, конечно, не всегда слышатъ то, что въ законѣ написано, а подчасъ и то, что при-сочинить писарь, — „то нѣтъ вѣры въ безпристрастіе этого суда, нѣтъ и силы въ его судебныхъ приговорахъ“. Это — ящикъ Пандоры: „отсюда, говоритъ неумолимый судья елатоонецъ, — отсюда является обычай *опиванія вина* съ каждаго (?), совершившаго преступленіе, и отсюда-же вытекаютъ тѣлесныя наказанія, переходящія въ истязаніе“. Будто *отсюда* вытекаютъ тѣлесныя наказанія? Нѣтъ, почтенный елатомскій судья, надо забирать поглубже: источникъ тѣлеснаго наказанія не въ рюмкѣ водки, не на днѣ штофа, а на днѣ очень глубокаго историческаго колодца, куда мы васъ на этотъ разъ не заставимъ погрузиться. Но въ этомъ колодцѣ вы нашли-бы и дальнѣйшія объясненія того, за что вы такъ немилосердно казните волостныхъ судей; вы не сказали-бы такъ самоувѣренно ни такой фразы, какъ эта: „да, наконецъ, крестьяне сами сознаютъ несостоятельность своихъ судовъ“; ни такой, что будто-бы „рѣшеній по *обычному праву* въ волостныхъ судахъ не существуетъ, такъ-какъ не существуетъ самаго этого права...“ Да ужъ, полно, существуютъ-ли у крестьянъ даже какіе-нибудь „обычай“ — развѣ обычай могутъ быть у мужиковъ? „Обычное право, по остроумному толкованію почтеннаго елатомскаго судьи, развивается исторической гражданской жизнью, а русскій крестьянинъ получилъ гражданственность лишь съ положеніемъ 19 февраля 1861 года, и въ такой короткій промежутокъ времени не успѣлъ еще сдѣлаться гражданиномъ, не успѣлъ освоиться съ своимъ новымъ положеніемъ, а слѣдовательно и выработать путемъ гражданской жизни какихъ-либо правовыхъ отношеній...“ Все это очень остроумно, но мы сомнѣваемся, чтобы наука признала эту *новую теорію* „обычнаго права“, открытую почтеннымъ елатомскимъ судьей; но за то увѣрены, что всѣ наши историки — просто историки и историки права — не безъ удивленія и не безъ стыда узнаютъ, что они до сихъ поръ не знали, *когда* покончило свое существованіе русское обычное право. А вотъ когда оно покончило: „въ древней Руси (*слушайте, господа исто-*

рики!) существовало обычное право—отношенія князя къ дружинѣ въ удѣльный періодъ русской исторіи, новгородское вѣчевое устройство и т. п.; но оно окончило свое существованіе съ прикрѣпленіемъ народа къ землѣ, съ юрьевымъ днемъ...“ Такимъ образомъ мы узнаемъ, что у русскаго народа давно нѣтъ ни своего обычнаго права, ни даже своихъ народныхъ обычаевъ; что всѣ эти обычаи пропали съ юрьевымъ днемъ. А между тѣмъ въ той-же объемистой книгѣ, въ которой приведенъ такой рѣшительный приговоръ елатомскаго судьи надъ крестьянскимъ судомъ и надъ обычнымъ правомъ,—въ этой самой книгѣ сотни разъ повторяются фразы изъ отзывовъ другихъ спрошенныхъ лицъ, что волостные судьи очень хорошо знаютъ свои народные обычаи и большею частью рѣшаютъ дѣла на основаніи обычнаго права“ (да вѣдь его давно нѣтъ!), что „волостные судьи, какъ мѣстные жители, безъ сомнѣнія, знаютъ свои народные обычаи и, не понимая закона, рѣшаютъ дѣла по совѣсти и обычаю“ (да вѣдь у нихъ нѣтъ обычаевъ, да, полно, есть-ли и совѣсть?), и т. д., и т. д.

Но гдѣ правъ елатомскій судья, такъ это въ энергическомъ заключеніи своего строгаго приговора надъ крестьянскимъ судомъ. „Такимъ образомъ, говоритъ онъ, — изъ всего вышеизложеннаго (изъ чего-же это? изъ того, что у мужиковъ нѣтъ никакихъ обычаевъ?)—изъ всего вышеизложеннаго выясняется полнѣйшая необходимость въ совершенномъ уничтоженіи волостныхъ судовъ“. Волостные суды, продолжаетъ строгій, но безпристрастный елатомскій судья,—имѣли значеніе при старомъ судопроизводствѣ, чтобы не обременять прежнихъ судебныхъ мѣстъ мелочными исками и маловажными уголовными проступками; съ изданіемъ-же судебныхъ уставовъ 1864 года и съ учрежденіемъ судебного мирового института, которому въ общемъ порядкѣ подсудности подвѣдомы самые малоцѣнные иски и самые незначительные проступки, — „волостные суды являются совершеннѣйшимъ анахронизмомъ“. Помимо неудовлетворительности своего личнаго состава, помимо безграмотности судей, помимо ехидности волостныхъ писарей, — волостные суды въ самомъ основаніи своемъ будто-бы противорѣчатъ „великому принципу, что судъ долженъ быть равнымъ для всѣхъ“. Но гдѣ въ самомъ дѣлѣ трудно сбить съ позиціи елатомскаго судью, такъ это въ заключительныхъ словахъ его от-

знава. „Въ самоѣ дѣлѣ, говорить онъ,—крестьянинъ, укравшій на 30 р. у крестьянина-же и подвергающійся за это тахішимъ 30 ударамъ розогъ (по розгѣ за цѣлковнй—ст. 435, 486 и 553 т. XII, ч. 2, уст. сел. суд.), чѣмъ *лучше* мѣщанина, укравшаго у того-же крестьянина и на такую-же сумму, но должествующаго просидѣть за это отъ 3 до 6 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ (ст. 169 уст. о нак., вал. нир. суд.)? Чѣмъ *счастливѣе*, напр., крестьянинъ, нанесшій крестьянину же вредъ скоромъ ѣздомъ въ многолюдномъ мѣстѣ и подвергающійся за это штрафу отъ 25 до 50 коп. (ст. 512 уст. сел. суд.),—чѣмъ онъ счастливѣе мѣщанина, нанесшаго такой-же вредъ тому-же крестьянину и подвергающагося за это штрафу до 25 руб. (ст. 123 уст. о нак.), и, наоборотъ, развѣ это справедливо?“ Странная елатомская логика! По этой логикѣ выходитъ, что если одного за воровство сѣкутъ, а другого только сажаютъ въ острогъ, то это означаетъ будто-бы, что перваго считаютъ *лучшимъ* послѣдняго. Мы полагаемъ, однако, что если-бъ любому елатомскому философу пришлось выбирать—отъ чего Боже сохрани всѣхъ елатомскихъ философовъ—между *лучшимъ* и *худшимъ*, то, безъ сомнѣнія, всякій философъ избралъ-бы худшее. А почему крестьянинъ будто-бы *счастливѣе* мѣщанина, платя за быструю, неосторожную ѣзду четвертакъ, тогда-какъ мѣщанинъ долженъ платить за вредъ, нанесенный неосторожною ѣздой, 25 руб.,—такъ это потому, что для мужика четвертакъ дороже, чѣмъ для богатаго мѣщанина 25 руб., и ужь, конечно, онъ отъ этого не *счастливѣе* мѣщанина, какъ не счастливѣе какого-нибудь гвардейца или купеческаго сына, которыя ничего не значило - бы платить сотни четвертаковъ, если-бъ только имъ позволено было сломя голову скакать по городу и сбивать людей на землю.

Какъ-бы то ни было, но послѣ всего сказаннаго елатомскій судья задаетъ самъ себѣ такіе вопросы: „Неужели крестьяне, составляя 22-миліонное населеніе, получившіе гражданственность, равную съ прочими сословіями, призваные въ земскіе дѣятели и сдѣлавшіеся, на-ряду съ прочими, представителями общественной совѣсти, какъ присяжные засѣдатели,—лишены будутъ суда общаго съ прочими сословіями, суда равнаго для всѣхъ? Развѣ они подданные иного государства?—А если такъ, то вопросъ рѣ-

шенъ“ (Труды комисіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Отзвы различныхъ мѣстъ и лицъ. Спб., 1873, стр. 25).

Да, вопросъ рѣшенъ, но только пока для Елатмы.

II.

Не такъ рѣшаютъ этотъ вопросъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Изъ 375 голосовъ, раздавшихся въ пользу сохраненія за народомъ его собственнаго суда, едва-ли не самымъ глубокимъ убѣжденіемъ и симпатичностью звучать голоса, выходящіе изъ Украйны. Да оно и должно-бы быть такъ. Историческое прошлое Малороссіи отличается отъ историческаго прошлаго Великой Россіи главнымъ образомъ тѣмъ, что въ Малороссіи не было такого рѣзкаго разграниченія между „козакомъ“ и не казаконъ, какое существовало въ старой московской Руси между бояриномъ, дворяниномъ и „холопомъ“, между благородными и „подлыми людьми“, какъ офиціально называлось вѣкогда все непривилегированное, вся масса русскаго населенія. Простой запорожскій „козакъ“, вышедшій изъ „гречкосіевъ“, изъ семьи „плугатирей“, могъ быть за свои доблести избранъ въ „батьки-атаманъ“, а потомъ стать и „батькомъ гетьманомъ“, какииъ сталъ „батько Хмельницкій“. Вотъ почему „козакъ“, превратившійся въ „пана“, могъ гораздо больше понимать „гречкосію“, чѣмъ бояринъ, никогда небывшій „смердомъ“ и ни во что другое, кромѣ „боярскаго сына“ и дворянина, непревращавшійся.

Вотъ почему, можетъ быть, такую глубокою симпатією къ „гречкосію“ звучитъ голосъ, раздавшійся въ пользу крестьянскаго суда хотя-бы изъ радомысльскаго уѣзда кievской губерніи. „Относится къ волостнымъ судамъ съ безпощадной критикой (говоритъ этотъ голосъ), обзывать публично народный судъ *пьянымъ судомъ*, какъ это дѣлалось иногда въ печати, будетъ, по меньшей мѣрѣ, несправедливо. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, что дали мы русскому простолыдину въ придачу къ праву его само-суда. Вотъ мы видимъ и слышимъ, какъ изъ столицы идутъ приказы объ образованіи губернскаихъ и уѣздныхъ комитетовъ для составленія списковъ мировыхъ судей. Здѣсь все дружно соединяется для охраны интересовъ того общества, изъ среды котораго

появляются представители его совѣсти и права,—интуитивный цензъ, образованіе, юридическая опытность, социальное положеніе, симпатіи и мнѣніе общества. Затѣмъ судья, вмѣстѣ съ чиновникомъ и мундиромъ V класса, выходитъ вдругъ изъ общаго уровня и тѣвнится на значительно высокій государственный и общественный постъ. Его личность, право и власть священны какъ въ непосредственномъ понятіи массы, такъ и въ гарантіяхъ закона. Единственный камень преткновенія, который можетъ на первыхъ порахъ встрѣтить судью,—это его неопытность, новизна положенія и новость самаго дѣла; но ему тутъ-же на-выручку являются его товарищи по сѣзду съ прокурорскимъ надзоромъ, рѣшенія касационныхъ департаментовъ, журнальная пресса съ стенографическими отчетами, наконецъ, живой голосъ публики,—словомъ, все, для чего нужна одна лишь добросовѣстно-любопытательная грамотность и отсутствіе крайней степени близорукости“.

Вотъ что мы слышимъ въ голосѣ, выходящемъ изъ Малороссіи, изъ-за Дѣбира. Голосъ этотъ принадлежитъ мировому посреднику 3-го участка радомысльскаго уѣзда.

„Не такова доля народныхъ судей (продолжаетъ этотъ голосъ). Назадъ тому десять слишкомъ лѣтъ полуграмотный писарь сказалъ впервые народу, что у него есть свой волостной судъ и расправа. По инструкціи того же писаря крестьяне собирали сходку для выбора представителей своей совѣсти и права. О чемъ могъ думать и чѣмъ могъ руководиться вчерашній крѣпостной, выбирая сегодня для не вполне вѣдомыхъ ему цѣлей судью-собрата? О чемъ, въ свою очередь, думалъ этотъ самый избранникъ, земно кланяясь громадѣ и со слезами прося пощадить его отъ нежданной напасти? Но дѣло сдѣлано; пущенная въ ходъ волостнымъ писаремъ машина завертѣлась и вертится десятокъ лѣтъ, въ продолженіи которыхъ ни правительству, ни обществу не было до нея никакого дѣла. Дѣятельность правительства поглощена была другими, болѣе крупными реформами; общество-же если и продолжало по временамъ вспоминать въ застольныхъ бесѣдахъ о существованіи народнаго суда, то весь интересъ этихъ бесѣдъ вращался на двухъ-трехъ плоскихъ острогахъ да на избитомъ до пошлости анекдотѣ о томъ, какъ, за болѣзнію подсудимаго Трифона, волостной судъ приговорилъ къ розгамъ жену его Авдотью... И

вертится по-прежнему бѣдная машина. Каждый розмахъ писарского пера даетъ ей движеніе и повороты. Нерѣдко уже и ночь настанетъ, подсудимые терпѣливо ждутъ на крыльцѣ своей участи, а судьи съ трубками въ зубахъ въ закоптѣлой отъ дыма комнатѣ вопросительно поглядываютъ на писаря, который, съ перомъ въ одной рукѣ и стаканомъ сивухи въ другой, соображаетъ, какъ-бы Власа не обидѣть, да такъ, чтобъ и Сидоръ не упрекнулъ его потомъ въ неблагодарности...

Такова картина народнаго суда, нарисованная мастерскою кистью художника-украинца. Картина и ея жизненная правда берутъ за сердце; но это не потому, чтобы или идея суда была дурна, или народъ былъ дурень. Еще менѣе дурень законъ о волостныхъ судахъ, которому такъ достается отъ елатомскаго философа за то только, что философу кажется болѣе счастливымъ тотъ, котораго съкутъ, чѣмъ тотъ, котораго не съкутъ. Нарисовавъ картину суда, художникъ-украинецъ спрашиваетъ: „при чемъ-же тутъ, спрашивается, законъ о волостныхъ судахъ и гдѣ мотивы его несостоятельности? Я положительно утверждаю, что законоположенія, опредѣляющія подсудность, порядокъ производства и рѣшенія дѣлъ волостными судами, не оставляютъ желать ничего лучшаго, какъ и все Положеніе 19 февраля. Статья этого Положенія о волостныхъ судахъ построены прежде всего на строгомъ принципѣ свободы совѣсти судей и весьма удачно приурочены къ духу правды народной. Миѣ кажется, что въ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ народъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ менѣе дежорализованъ крѣпостнымъ состояніемъ, законъ о волостныхъ судахъ болѣе оказался цѣлесообразнымъ, скорѣе вошелъ въ жизнь народа и легче могъ создать судей, какъ представителей совѣсти народнои (нѣтъ, елатомскій судья не то говоритъ). Въ нашемъ-же краѣ, да, если хотите, и вообще, требуется не перемѣна въ безукоризненной редакціи закона о волостныхъ судахъ, а терпѣливое ожиданіе поднятія нравственнаго уровня народа до возможности того самосуда, который затребованъ этимъ закономъ. Но если мы сами не придемъ на помощь народу въ этомъ важномъ дѣлѣ, и именно теперь, когда онъ болѣе всего нуждается въ этой помощи, то ожиданіями нашими будетъ обмануто не одно еще поколѣніе...“ (тамъ-же, стр. 426—427).

Ясно, что тут кроется какое-нибудь недоразумѣніе: если на четыреста почти голосовъ, доказывающихъ строго-логически и юридически необходимость существованія волостныхъ судовъ, приводящихъ непобѣдимые аргументы полезности народнаго самосуда, — если на эту массу голосовъ съ другой стороны раздается бездоказательный крикъ, а иногда и робкое шипѣнье противниковъ закона о волостныхъ судахъ и всего законоположенія 19 февраля, то тут кроется что-нибудь большее, чѣмъ недоразумѣніе: тутъ, безъ сомнѣнія, преслѣдуются какія-нибудь свои цѣли, и, вѣроятно, такого сорта, что имъ, цѣлямъ этимъ, не ловко появляться на свѣтъ божій, какъ совѣ неудобно при солнечномъ свѣтѣ ловить куръ. А въ противномъ случаѣ нечего было-бы прятаться за фразы, какъ сова прячется за старне пни срубленныхъ деревьевъ. Въ сторонникахъ волостнаго суда нѣтъ этой игры въ темненькую. Мировой посредникъ 2-го участка покровскаго уѣзда, владимірской губерніи, такъ этотъ съ умиленной наивностью восклицаетъ: „*Боже насъ сохрани и помилуй отъ мысли объ уничтоженіи волостныхъ судовъ!*“ (тамъ-же, стр. 87). А мировой посредникъ 1-го участка ксбелякскаго уѣзда, полтавской губерніи, вѣроятно, украинецъ, съ такою-же искренностью говоритъ: „народъ привыкъ къ своему суду, и уничтоженіе собственнаго его суда, близкаго къ его понятію, составленнаго изъ людей его сословія, существующаго подъ разными наименованіями съ столь давняго времени, было-бы оскорбленіемъ нравственной стороны народнаго чувства“ (тамъ-же, стр. 363).

III.

Вслушаемъ, однако, по-возможности, обѣ стороны — и обвиняющую крестьянскій судъ, и защищающую его. Въ словарь обвинителей цѣлая масса словъ, подчасъ очень жесткихъ, часто справедливыхъ, но едва-ли искреннихъ. Въ памяти обвинителей также нѣлая масса фактовъ, которые при извѣстной окраскѣ представляютъ картину очень глубокаго нравственнаго паденія нашего бѣднаго народа. Но это — только кажущееся паденіе, потому что мы всегда можемъ казаться нравственнѣе народа, глядя на него свысока: ребенокъ всегда ниже ростомъ взрослому.

„Волостные суды не удовлетворяют своему назначенію“ — вотъ главный мотивъ обвинителей, который уписаномъ проходить чрезъ всѣ *сто четыре* обвиненія. Волостные суды безграмотны—другой мотивъ. Волостные старшины слишкомъ крѣпко и самовластно держатъ бразды правленія, особенно-же тамъ, гдѣ они *умнѣ* и развитіе волостныхъ писарей. Писаря — народъ сомнительной нравственности. Судѣйское и писарское пьянство — почти повальное. „Часто судъ ѣдетъ творить расправу въ селеніи и сопровождаетъ эти поѣздки попойкою очень предосудительною“. На сходахъ — „руготня, а часто даже и драка...“ „Сходы эти дошли (?) до безобразія, говоритъ одинъ обвинитель;—я знаю одинъ примѣръ, что крестьяне, имѣя въ надѣлѣ своемъ (выкупленномъ) мховыя болота, сдѣлали приговоръ, чтобы пользоваться мхомъ всему обществу, съ разрѣшенія самого общества, т. е. всѣмъ тѣмъ крестьянамъ, которые будутъ имѣть нужду во мхѣ во время перестроекъ. Смиѣтливые крестьяне, не довольствуясь этимъ, начали собирать мохъ безъ всякаго разрѣшенія для продажи; общество это узнало, поймало ихъ и, найдя притомъ на возахъ три воза мху, доставило мохъ, виѣствъ съ виновными, въ волостное правленіе; затѣмъ сельскій сходъ присудилъ виновныхъ къ 30 р. штрафу, а потомъ переѣвилъ свое рѣшеніе: мохъ отдали виновникамъ, и два дня все общество, съ судьями и прочими членами, принадлежащими сельскому ареопагу, пило въ кабакѣ на счетъ виновныхъ, пока всѣ насытились до безобразія и лежали въ повалку“ (тамъ-же, стр. 2—3). Крестьяне „не дошли еще до того, чтобы имъ пользоваться самосудомъ“; они „требуютъ бдительнаго надзора за собою и наставленія“. Крестьянинъ „жизнью не приученъ къ закону, живетъ и судится по обычаю, а гдѣ и проявляется законъ, такъ неприученный къ нему крестьянинъ его ужасается, съ нимъ не соглашается“. Волостной судъ „есть учрежденіе положительно вредное“. Рѣшенія его — часто „безобразныя, исполнѣ несправедливыя, недобросовѣстныя“; а черезъ нѣсколько строкъ прибавляется: „въ крестьянскомъ быту есть много дѣлъ, которыя рѣшаются исключительно по укоренившимся обычаямъ, поэтому необходимо, чтобы крестьянскій судъ существовалъ“ (тамъ-же, стр. 3 — 4). Правды въ волостномъ судѣ нѣтъ — „правда остается въ рукахъ

писаря“. Все зло крестьянскаго суда — „недостатокъ нравственнаго чувства въ крестьянахъ“. Подобныхъ афоризмовъ не обещься, особенно въ словарѣ обвинителей играютъ роль слова: „вино“, „водка“, „опиванье“, „могарычъ“: „главный двигатель на судѣ — водка“; крестьянскій судъ — „пьяный судъ“. Предсѣдатель старорусской уѣздой земской управы въ своемъ официальномъ отзывѣ сенатору Любощинскому приводитъ даже quasi-народную пѣсню, гдѣ позорится крестьянскій судъ:

Старшина судить за деньги,

Писарь пишетъ за вино (тамъ-же, стр. 259).

„Темное вліяніе“ на волостной судъ старшины и писаря и такое-же „темное вліяніе“ на ихъ выборъ со стороны „мироѣдовъ“ — и продуктъ этой темноты — судьи, „люди неспособные, бѣдные, безответные“. Но вотъ попадаютъ въ судьи люди другого закала — не безответные. Результаты будто-бы выходятъ еще горше: „если въ судьи съумѣетъ попасть кто либо изъ опытныхъ мироѣдовъ, съ испорченною нравственностью, то тогда при разборѣ дѣлъ, съ увеличеніемъ попойки, допускается и самоуправство, теряется благопристойность и приличіе, разборъ дѣлъ производится шумно, а иногда доходитъ и до мордобитія...“ (это официальный языкъ, приѣмлемый къ крестьянскому суду. Тамъ-же, стр. 19). Еще афоризмы: крестьянскій судъ „естъ не судъ, а народное бѣдствіе“. Онъ не судъ потому, что и судомъ, и судьями, и сходками, и выборами заправляютъ „горлопаны“, которыхъ даже писаря боятся. Волостной судъ — „виновый судъ“. Онъ „не только бесполезенъ, но даже вреденъ для народа“. Въ крестьянскомъ судѣ „водка — единственный адвокат“. Безсудность породила въ народѣ „открытыя насилія“. Многіе изъ обвинителей волостнаго суда проговариваются, чего они хотятъ, жестоко нападая на крестьянскій судъ. Такъ, напр., судебный слѣдователь константиноградскаго уѣзда говоритъ: въ судьи „большою частью избираются старики — или выжившіе изъ ума, или пьяницы, вообще крикуны въ громадѣ, преимущественно такого сорта люди, кои, не будучи въ силахъ по старости дѣтъ, а иногда просто не желая по лѣности нести обыденныя крестьянскія занятія, ищутъ случаевъ развлеченія и попойки на чужой счетъ“. Отъ этого правосудіе отправляется самымъ ужаснымъ

образомъ. „Мнѣ кажется, продолжаетъ строгій судебный слѣдователь, — что волостной судъ *изъ однихъ крестьянъ*, тупѣ всѣхъ движущихся впередъ на пути прогресса, никоимъ образомъ не даетъ людямъ правдивой расправы“.

Особенную безпощадность къ крестьянскому суду показываетъ предсѣдатель старорусской земской управы, тотъ самый, который въ своемъ отзывѣ сенатору Любоцинскому помѣстилъ пѣсню, невошедшую, кажется, ни въ сборникъ Рыбникова, ни въ сборникъ Шейна, ни даже въ изданіе „каскадныхъ“ пѣсенокъ. Обвинитель этотъ для окончательнаго пораженія крестьянскаго суда употребляетъ не только пѣсни, но и пословицы, невошедшія въ собраніе пословицъ Даля. По его словамъ, относительно пьянства крестьянскихъ судей въ народѣ сложилась пословица: „хоть худой чинишко, да пьешь винишко“. Но всего болѣе достается отъ него волостнымъ писарямъ, этимъ Меттернихамъ крестьянскаго царства. „Это дѣти бывшихъ писарей, которые съ молокомъ матери всосали подлость, гадость, мошенничество, — однимъ словомъ, всѣ художества, пріобрѣтенныя ихъ отцами многолѣтнею, порочною и въ высшей степени вредною службой, — вотъ характеристика писаря. Отзывы ближайшаго начальства о волостныхъ писаряхъ таковы: „мазурикъ—ну, да всякое дѣло обдѣляетъ такъ, что комаръ носу не подточить; съ нимъ жить хорошо“; или: „подлецъ, да дѣло знаетъ—не подведетъ“. И вотъ начальство (злополучные мировые посредники), „которое, по словамъ обвинителя, и само не только непрочъ поживиться, но даже еще и учить писаря, какъ обдѣлывать дѣлишки, держится за этакаго писаря обѣими руками и никакія силы небесныя не въ состояніи разрубить этого гордіева узла“. Сколько извѣстно всѣмъ, этотъ узелъ уже разрубленъ. Но этого мало. Жестокіи обвинителю хочется *всѣхъ* волостныхъ писарей въ Сибирь сослать. „Всѣ волостные писаря, говоритъ онъ, — въ отношеніи врючкотворства люди умные въ высшей степени, но и въ такой-же степени негодяи, такъ что положительно можно сказать, что, отправивъ лютого писаря безъ суда и слѣдствія въ Сибирь, можно быть спокойнымъ, что сдѣлалъ доброе и справедливое дѣло, ибо за каждымъ изъ нихъ есть по нѣскольку преступленій“ (тамъ-же, 458—459).

Дальше этого огульного обвиненія идти нельзя. Да мы и не послѣдуемъ дальше за обвинителями, потому что это значило-бы повторять одно и то-же, дѣлая только различныя перемѣщенія и сочетанія словъ и не представляя ни одного вѣскаго, ни фактическаго, ни юридическаго аргумента въ необходимости уничтоженія волостныхъ судовъ. Подобно римскому Катону, каждодневно повторявшему въ римскомъ сенатѣ — *Carthaginem delendam esse!* эту ужасную фразу, получившую столь громкую историческую извѣстность, всѣ обвинители крестьянскаго суда являются такими-же Катонами, которые на сотни ладовъ, хотя одинаково бездоказательно, повторяютъ: „уничтожить! уничтожить! уничтожить!“

Болѣе любопытныя данныя представляютъ отзывы тѣхъ лицъ, которые защищаютъ волостные суды и доказываютъ необходимость ихъ существованія. Въ этихъ отзывахъ есть драгоценныя указанія на бытовныя стороны суда и на внутреннюю жизнь волости, этой *ячейки государства*, организмъ котораго можетъ быть только тогда здоровъ и силенъ, когда *ячейка* здорова.

Правда, защитники крестьянскаго суда также указываютъ на его недостатки; но источникъ этихъ недостатковъ не въ самомъ учрежденіи, а въ обстановкѣ, въ неудачномъ подборѣ факторовъ самаго дѣла и въ той исторической пыли, которая еще толстымъ слоемъ лежитъ на многихъ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ и которую мало-по-малу время сметаетъ своимъ могучимъ крыломъ. „Чтобы представить себѣ вѣрный очеркъ народной жизни или хоть одну сторону оной въ данный моментъ (говорить, напр., одинъ изъ мировыхъ посредниковъ владимірской губерніи въ своемъ отзывѣ сенатору Любошинскому), надо помнить и уяснить себѣ исторію его въ прошломъ, степень развитія его въ настоящемъ, состояніе церкви, школы, политическій и экономическій строй общества, наконецъ, условія народнаго воспитанія, какиимъ подвергалось это общество влияніямъ, степень его воспримчивости“. Только послѣ этого, говоритъ онъ, — будетъ понятно, почему волостные суды, „на первыхъ порахъ по уничтоженіи крѣпостнаго права, не могутъ обладать самостоятельностью“. Вотъ гдѣ та историческая пыль, которую даже могучее крыло времени не въ состояніи смахнуть съ русской жизни втеченіи почти пятнадцати лѣтъ. При всемъ томъ, изъ 14 волостей, под-

вѣдомственныхъ посреднику, отзывъ котораго мы приводимъ, въ двухъ волостяхъ „принципъ крестьянскаго самоуправленія сохранился въ совершенной чистотѣ и неуклонно идетъ въ этомъ направленіи“. Причины этого — „удачный выборъ старшинъ и писарей, доброе вліяніе которыхъ простирается на всю волость; плодами этой случайности является безнедомочный взносъ платежей, въ судахъ преобладаетъ правда, большая часть дѣлъ оканчивается примиреніемъ, въ крестьянахъ — бодрость духа, а потому и крѣпость тѣла; даже такой бичъ, какъ эпидемическая холера, обходитъ такіа волости; семейные раздѣлы не часты; даже семейная жизнь поддерживается въ возможной чистотѣ, что во владимірской губерніи рѣдкость, вслѣдствіе укоренившихся отхожихъ промысловъ, т.-е. отсутствія мужей“. Указаніе на то, что даже холера обходитъ такіа волости, въ которыхъ не нарушается гармонія жизни, едва-ли можно считать плодомъ воображенія: ясно, что тутъ рѣчь идетъ о здоровыхъ ячейкахъ государства, а ихъ, дѣйствительно, и холера не трогаетъ, какъ не заглядываетъ она въ чистоплотную Голандію, а въ Турціи цѣлыя селенія опустошаетъ чуть не поголовно. — Въ другихъ волостяхъ дѣло идетъ не такъ удачно. „Повидимому, говорятъ авторъ этого отзыва, — положеніе ихъ безвыходно, *но только повидимому*. Крестьянинъ, привыкши къ помочамъ, ходитъ еще не прямо, съ трудомъ и несвязно выражаетъ свои мысли, по-преимуществу, какъ дитя природы, чувствуетъ и цѣнитъ заботу о немъ. Вотъ почему волостные суды ни въ какомъ случаѣ не должны быть покинуты, хотя въ большинствѣ случаевъ они неудовлетворительны“. Примѣръ двухъ волостей „служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что и въ другихъ можетъ быть то-же, стоитъ только взять эти волости въ образецъ и другія обставить такъ-же: это дѣло времени, труда“ — и, прибавимъ мы, поднятія нравственнаго и экономическаго уровня той сѣрой массы, которая представляетъ мускулъ государства, его кости, его жилы, его кожу и источникъ его питанія (тамъ-же, стр. 86—87).

Еще рельефнѣе рисуются и хорошія, и дурныя стороны крестьянскаго суда въ отзывѣ предсѣдателя сѣзда мировыхъ судей мологскаго уѣзда. Онъ тоже говоритъ о невыгодномъ историческомъ вліяніи на развитіе народнаго суда. „Идеи справед-

*ливости не были сильны въ народъ. Дарованіе гражданскихъ правъ не могло сдѣлать крестьянъ гражданами; они не могли забыть гнетъ крѣпостного права, и такъ-какъ свѣжъ еще былъ примѣръ самоуправнаго обращенія съ ними сильныхъ, т.-е. ихъ помѣщиковъ, то они свободу смятали съ своеволіемъ и думали, что настала пора ихъ безконтрольной власти“. Тутъ-же и неудачный подборъ факторовъ суда, неудачный вслѣдствіе той-же исторической необходимости, противъ которой самое время бессильно. Волостные судьи, говорится въ отзывѣ, —верѣде избираются крестьянами по слѣдующимъ соображеніямъ: „что, братцы! Иванъ податей и оброку не платитъ, за него съ насъ взискиваютъ по круговой порукѣ, совсѣмъ промотался, такъ таковскій — пускай по воскресеньямъ таскается въ волость“... И вотъ Иванъ — судья. А коли не выберутъ Ивана, то выберутъ кулака, которому должна вся волость, — и онъ ее жметъ, выжимая мірское масло для себя. Отсюда и произволь въ рѣшеніяхъ. Государство не допускаетъ разводовъ, а государственная ячейка допускаетъ. Мологскій судья рассказываетъ такой случай изъ своей судейской практики. Является къ нему мужъ съ жалобой на жену, говоритъ, что она не живетъ съ нимъ, а шатается по разнымъ мѣстамъ; когда-же приходитъ въ домъ недѣли на двѣ, то обрядываетъ мужа и снова отправляется путешествовать. Судья назначаетъ разбирательство. На вопросъ — почему баба не живетъ съ мужемъ? баба отвѣчаетъ: „я съ нимъ въ разводѣ“. Въ доказательство развода показываетъ засвидѣтельствованную копію съ рѣшенія волостного суда, въ которой значится, что такой-то волостной судъ *слушавъ* просьбу такой-то на своего мужа о жестокомъ съ нею обращеніи, недостаточномъ пропитаніи, неадачѣ одежды и отягощеніи непосильными работами, и *постановили*: „крестьянѣ N жить съ мужемъ врозь“. Баба носитъ этотъ приговоръ на шеѣ въ ладонѣхъ и убѣждена, что она разведена и свободна какъ птица. „Но, замѣчаетъ при этомъ судья, — не найдя сказать ничего хорошаго о волостныхъ судахъ, я *рѣши-тельно противъ ихъ уничтоженія*, потому что не только общія судебныя мѣста, но даже и мировые судьи недоступны крестьянамъ по дороговизнѣ производства“. Онъ исчисляетъ, чего будетъ стоить мужику, напр., полученіе по наслѣдству недвижи-*

мой собственности примѣрно въ 260 р. Вотъ судебныя издержки: вызовъ наслѣдниковъ, кредиторовъ и должниковъ—3 р.; подача прошенія въ окружной судъ, собраніе необходимыхъ документовъ, актовъ и пр.; поѣздка верстъ за сто въ судъ, пріисканіе адвоката за сходную цѣну, слѣдовательно такого, который ничего не знаетъ или всѣхъ незнающихъ обманываетъ; плата этому Цицерону и угошеніе, ибо Цицеронъ имѣетъ свою контору непременно въ трактирѣ или кабацѣ; все это возьметъ у мужика 25 р.; послѣ утвержденія въ правахъ—хлопоты о вводѣ во владѣніе, новые расходы, новая поѣздка въ судъ и проч.—10 р.; прогоны судебному приставу—6 р.; публикація о вводѣ—3 р.; бумаги на копии и пр.—3 р. И выходитъ 50 рублей, т.-е. 25% всего имѣнія. „Но вѣдь расходы и на полученіе собственности въ 50 р.—тѣ-же (поясняетъ судья): *значитъ, неволя заставитъ отказаться отъ наслѣдства*“. Или другой случай: приходитъ мужикъ и проситъ утвердить его въ правахъ наслѣдства на 10 р., оставшихся въ казначействѣ послѣ брата-солдата. Мужикъ объявляютъ, что нужно сдѣлать вызовъ наслѣдниковъ и кредиторовъ и заплатить за публикаціи 3 р., а потомъ представить разныя свидѣтельства, что все займетъ съ полгода времени. Выслушавъ это, мужичекъ, махнувъ рукою: „пропадай лучше мое добро!“ сважетъ съ горя и уйдетъ. А взыскація по простымъ роспискамъ рублевныхъ долговъ, требующія гербовыхъ пошлинъ,—вѣдь вся жизнь мужика построена на рубляхъ и копейкахъ, а не на тысячахъ: понятно, что отнять у мужика *его* судъ, это значить отнять у него все (тамъ-же, 203—205).

IV.

Коллективныя и единичныя попытки рѣшенія вопроса о крестьянскомъ судѣ представляютъ еще одну особенность, весьма любопытную и обнаруживающую до нѣкоторой степени характеръ нашего историческаго воспитанія. Какъ порицатели этого суда, такъ и его защитники невольно проговариваются, подобно школьникамъ, у которыхъ въ сочиненіи, писанномъ на заданную тему, помимо ихъ желанія проскальзываютъ обличительныя фразы, мысли и синтаксическіе обороты, показывающіе, что всѣ

школьники тайкомъ заглядывали въ какую-то книжку, когда писали на заданную тему. Книжка эта—*Россия до 19 февраля*. Каждый изъ насъ, родившійся не позже сороковыхъ и даже пятидесятыхъ годовъ, читалъ эту любопытную книжку, хотя она никѣмъ не была написана и не была нигдѣ напечатана. На этой книжкѣ воспиталось все русское общество болѣе, чѣмъ оно нынче воспитывается на „Родномъ Словѣ“ Ушинскаго, такъ что, въ сущности, книжка должна-бы носить двойное заглавіе: *Россия до 19 февраля* или *Материнское молоко*. Подъ неотразимымъ вліяніемъ этой книжки, и упразднители крестьянскаго суда, и его защитники въ большинствѣ случаевъ высказываютъ такое убѣжденіе, что если народный судъ страдаетъ недостатками, то недостатки эти происходятъ оттого, что у народа нѣтъ руководителей и наставниковъ, въ роли которыхъ каждый изъ насъ готовъ явиться безъ всякаго со стороны его приглашенія... Дѣйствительно, народъ играетъ тутъ роль той молоденькой, неопытной, нуждающейся, но, на несчастіе, хорошенькой дѣвушки, которую всякому желательно опекать и развивать, тогда какъ она хочетъ ѣсть и учиться. Надо народу помочь перестать быть бѣднымъ, чтобы онъ пересталъ быть глупымъ, и перестать быть глупымъ, чтобы не быть бѣднымъ, а ему навязываютъ опеку и грешное развитіе.

Все это повторяется и въ процессѣ рѣшенія вопроса о крестьянскомъ судѣ. „Нашему обширному отечеству (говорить одинъ изъ защитниковъ крестьянскаго суда) далеко еще до того, чтобы всякій судъ состоялъ изъ юристовъ, ученыхъ; естественно надо стремиться къ развитію въ самомъ народѣ и въ личномъ составѣ низшаго суда по-возможности правильныхъ взглядовъ судейской мудрости и достоинства другими, практическими путями. Люди, знакомые съ ходомъ дѣлъ въ волостныхъ (гминныхъ) судахъ Царства польскаго, знаютъ, какъ было тамъ благотворно вліяніе мировыхъ посредниковъ (комисаровъ). Сравненіе положенія волостного суда тамъ и здѣсь (въ Россіи, собственно въ полтавской губерніи) приводитъ къ печальному выводу: одиннадцать лѣтъ новой жизни крестьянъ и огромныя затраты на крестьянскія учрежденія прошли безслѣдно для волостного суда, тогда какъ въ Царствѣ польскомъ дѣятельность крестьянскихъ учреждений при-

несла несомнѣнную и великую пользу“. Причины этого защитникъ видѣть въ коронныхъ комисарахъ, въ этихъ развивателяхъ, которые „не избѣгли своего *вліянія* на судъ“, а, напротивъ, смотрѣли на него „какъ на свое дѣтище, воспитывали его постоянными нравственными *вліяніемъ*“. Комисары, какъ образованные люди, преданные своему дѣлу, заслужили полное довѣріе народа, постоянно посѣщали гминныя управленія, прочитывали приговоры гминнаго суда, толковали съ судьями „какъ старшіе товарищи“, и вообще стремились „просвѣтить судей“. Все это, положимъ, прекрасно; но въ этомъ не все, что нужно народу. Можно вѣрить даже и тому, что, благодаря *вліянію* комисаровъ, гминный судъ, „хотя гораздо моложе нашего волостного“, однако несравненно выше его во всѣхъ отношеніяхъ, несмотря даже на то, что привислянскій крестьянинъ несравненно „менѣ развитъ“, чѣмъ русскій мужикъ. Далѣе защитникъ „вліянія“ на крестьянъ самъ побиваетъ свою теорію „вліянія“, когда сводитъ свою теорію съ практикой, съ жизнью. „У насъ, говоритъ онъ, — выборные мировые посредники заслужили себѣ общую извѣстность своимъ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ дѣлу и интеллектуальною бѣдностью. Исключенія рѣдки — про нихъ кричать... Всѣ же остальные оказались безграмотными, апатичными, бездѣтельными. Волостной судъ остается безъ поддержки и получить ее не откуда. Въ этой безпомощности и въ собственномъ безсиліи я вижу причины плачевнаго состоянія волостного суда: онъ не возбуждиль въ себѣ уваженія въ крестьянской средѣ, въ выборѣ перядочныхъ судей никто не увидѣлъ своего блага; судъ подчинялся всякому ничтожному вліянію, дошелъ до такого паденія, что нерѣдки слухи о рѣшеніи дѣлъ за водку, о приговорахъ, присуждающихъ, въ видѣ штрафа, поставить извѣстное количество водки, и о прочихъ безобразіяхъ. При такой обстановкѣ невозможна та независимость, которую мировые посредники такъ заботливо охраняютъ своимъ бездѣйствіемъ. Волостнымъ судомъ играетъ судьба. Гдѣ волостной старшина — креатура посредника, онъ бойкій, изворотливый и жестокій человѣкъ, часто изъ волостныхъ писарей, собственно для этой цѣли сдѣланныхся домохозяевами, — тамъ успешно взскиваются недонки, старшина давить ими все общество, приобрѣтаетъ без-

контрольность дѣйствій себѣ и награды посреднику; тамъ волостной судъ не существуетъ, все рѣшаетъ старшина съ писаремъ, а если выберется случайный приговоръ, несогласный съ видами старшины, онъ не приведетъ его въ исполненіе. На все это некому взглянуть: мировой посредникъ въ упоеніи отъ исправной волости. Мнѣ приходилось слышать отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, что бывають случаи, что недовольныя судомъ стороны безнаказанно разгоняли судей изъ засѣданія... Въ другихъ волостяхъ, гдѣ нѣтъ *вліянія* посредника, гдѣ въ старшины попадаетъ простой мужикъ, гдѣ и писарь попроче, тамъ судъ самостоятеленъ, судить по собственному разуму и сердцу, по установленнымъ обычаямъ мѣстности. Здѣсь единственное горе — неопытность и невѣжественность "... (Тамъ-же, 371—372.)

Итакъ, вотъ къ чему приводитъ излишняя „опека“ надъ народомъ. Поставьте вмѣсто мировыхъ посредниковъ другихъ опекуновъ — то же выйдетъ. А гдѣ нѣтъ этой опеки, тамъ — сами защитники „опеки“ сознаются — все идетъ по народному разуму и отъ народнаго сердца и обычая; одна бѣда — невѣжественность; другая бѣда — скажемъ мы — бѣдность. И выходитъ опять-таки, что оттого мы бѣдны, что глупы, и оттого глупы, что бѣдны.

Бѣдность и вытекающая изъ нея неразвитость народа, неразвитость народа и вытекающая изъ нея бѣдность — вотъ тѣ двѣ неизбежныя крайности, между которыми, какъ въ заколдованномъ кругу, вертятся всѣ функціи отправленія народной жизни, какъ-бы оправдывая известную загадку:

Меня рождаетъ мать моя,
Которую рождаю я.

Въ этомъ заколдованномъ кругу вертятся и крестьянскій судъ.

V.

Посмотримъ, однако, въ самомъ-ли дѣлѣ такъ дуронъ крестьянскій судъ, какъ его рисуютъ его противники. Взглянемъ на этотъ судъ въ самые щекотливые моменты отправленія имъ народнаго правосудія.

Всѣ величайшія историческія эпохи, переживаемыя народами и государствами, всегда вызвали и вызываютъ къ себѣ двойственное отношеніе и современниковъ, и потомства: съ одной стороны—отношеніе сочувственное, съ другой—отношеніе вполне несочувственное, даже враждебное,—отношеніе, въ первомъ случаѣ вытекающее изъ глубокаго пониманія совершившагося великаго переворота, или же, напротивъ, въ послѣднемъ случаѣ—отношеніе, прямо порождаемое глубокимъ непониманіемъ того, къ чему несочувственно или неодобрительно относятся непонимающіе. Чѣмъ крупнѣе и богаче послѣдствіями историческій фактъ, тѣмъ крупнѣе и глубже западаетъ въ умы современниковъ и потомства, не только ближайшаго, но и отдаленнѣйшаго, разнь отношенія къ данному событію и разнь его оцѣнки.

Къ наиболѣе крупнымъ эпохамъ, пережитымъ русскою землею и вызвавшимъ глубокую разнь пониманія ихъ современниками и потомствомъ, относятся: первая—проявленіе силы государственнаго, такъ-сказать, творчества русскаго народа въ 1612 г., когда русскій народъ дѣйствительно создалъ государство изъ какого-то хаоса; вторая — проявленіе силы обновимости этого творческаго народнаго духа съ введеніемъ Россіи въ систему европейскихъ государствъ около 1712 года; третья эпоха — проявленіе силы государственной сплотимости русскаго народа въ минуту общей для него опасности извнѣ (въ 1812 году, и четвертая эпоха—проявленіе силы гражданственности и государственнаго такта въ моментъ величайшаго счастья, какой долженъ былъ пережить русскій народъ, когда ему въ церквяхъ и на площадяхъ читали высочайшій манифестъ 19 февраля 1861 года.

Эти-то важнѣйшія эпохи въ исторической жизни русскаго народа и вызвали и донинѣ вызываютъ глубокую разнь въ отношеніяхъ къ нимъ: потомства—къ первымъ тремъ и современниковъ—къ четвертому и послѣднему. Были и есть люди, которые не признавали и не признаютъ силы государственнаго творчества 1612 года, которые отрицали силу обновимости въ 1712 году, не понимали силы сплотимости 1812 года. Есть также люди, которые въ глубокомъ непониманіи неизмѣримости той бездны, изъ которой извлекъ ихъ великій актъ освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землею, оглядываясь назадъ, по примѣру жены Лота,

хотѣли-бы, повидимому, возвратиться въ свои нѣсколько запустѣлыя усадьбы и въ настоящемъ ходѣ дѣлъ хотѣли-бы найти подтвержденіе своимъ неправымъ отношеніямъ къ великому событію, стыдяся прямо сказать, что они просто желали-бы возвращенія рабства, чего исторія никогда не повторяетъ.

Къ числу косвенныхъ попытокъ такого возвращенія „на перешагъ“, какъ выражаются дѣтописцы, принадлежитъ проектированіе „всесословной волости“ съ „всесословнымъ судомъ“ первой инстанціи, и какъ доказательство настоятельной необходимости такой спасительной всесословной государственной ячейки, указаніе на помѣщичій „абсентеизмъ“, въ которомъ будто-бы помѣщики ищутъ спасенія отъ деспотизма крестьянской волости, на упадокъ будто-бы послѣ крестьянской реформы, вслѣдствіе этого именно „абсентеизма“, нашей земледѣльской производительности, которая будто-бы возможна была-бы только тогда, когда землевладѣльцамъ выгодно было-бы самимъ завѣдывать своими имѣніями и, посредствомъ нравственнаго вліянія на неразвитую массу въ всесословной ячейкѣ, поднимать и земледѣльческой, и нравственный уровень этой массы. Къ этому присовокупляютъ и прямое завѣреніе, будто-бы землевладѣльцамъ невозможно оставаться въ своихъ имѣніяхъ и потому еще, что крестьяне, послѣ ихъ освобожденія, ужасно распущены, что надъ ними нѣтъ ни суда, ни расправы.

Такъ, когда высочайше учрежденною комисією для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи собираемы были по этому предмету изъ всестороннихъ источниковъ свѣденія и комисія обращалась къ разнымъ лицамъ, прося ихъ ближайшихъ указаній для разрѣшенія столь важнаго вопроса, какъ упадокъ производительности государства,—нѣкоторыми изъ этихъ лицъ высказано было, между прочимъ, мнѣніе, что „абсентеизмъ“ нашихъ землевладѣльцевъ и, вслѣдствіе того, упадокъ земледѣльской производительности происходятъ главнымъ образомъ отъ „отсутствія достаточной охраны населенія со стороны закона“, что волостные суды не годятся для этого, а администрація до нѣкоторой степени сама безсильна создать эту охрану. „Мы проникнуты убѣжденіемъ (говорилъ одинъ изъ вызванныхъ въ комисію землевладѣльцевъ, мнѣніе ко-

того стенографически записано было и напечатано въ VI-мъ приложеніи къ докладу комисіи, I, стр. 92), что собственность наша оберегается только усиленными средствами самозащиты; тамъ, гдѣ средствъ этихъ недостаетъ, законъ нисколько насъ не обезпечиваетъ. Такъ, въ бугульминскомъ уѣздѣ я многократно терпѣлъ значительные убытки отъ поджоговъ хозяйственныхъ строеній, отъ громадныхъ порубокъ лѣса и другихъ видовъ воровства, и никогда, ни по одному изъ заведенныхъ по этимъ случаямъ дѣлъ, я не получалъ удовлетворенія. Въ пензенской губерніи, въ прошломъ году, домъ отца моего, во время отсутствія его, былъ ограбленъ и сожженъ; убытку понесено на 300,000 рублей,—и по сіе время ничего не раскрыто, и нѣтъ никакого основанія надѣяться, чтобы преступленіе это было раскрыто когда-нибудь“. Другіе землевладѣльцы указывали на такую-же безнаказанность воровъ и грабителей въ другихъ мѣстностяхъ.

Изучая нынѣ крестьянскій судъ по тѣмъ богатымъ матеріаламъ, которые собраны и напечатаны комисією по образованію волостныхъ судовъ, мы съ особеннымъ вниманіемъ и крайней осмотрительностью останавливались на рѣшеніяхъ крестьянскаго суда, спеціально касающихся взаимныхъ отношеній крестьянъ къ бывшимъ своимъ помѣщикамъ, къ экономамъ, къ управляющимъ и ко всему, что носитъ признаки привилегированности или стоитъ внѣ сферы исключительно крестьянской. Мы потому особенно отнесли къ этому предмету съ рѣшительнымъ намѣреніемъ уяснить его съ возможной обстоятельностью, что не могли не слышать косвенныхъ и прямыхъ отзывовъ о томъ, будто крестьяне послѣ своего освобожденія такъ рѣзко измѣнили свои отношенія къ бывшимъ помѣщикамъ и ихъ интересамъ, что отношенія эти для послѣднихъ становятся тягостными и нѣсколько обидными. Иные говорятъ, что мужикъ сталъ грубъ съ баринномъ, непочтителенъ; что къ интересамъ его относится враждебно, какъ это и заявляло вышеупомянутое нами лицо въ комисіи о сельско-хозяйственной производительности, что крестьяне воруютъ господское добро, постоянно производятъ, и притомъ безнаказанно, погравы помѣщичьихъ хлѣбовъ, порубки барскихъ лѣсовъ, наконецъ даже поджоги помѣщичьихъ усадебъ и хозяйственныхъ заведеній, и что будто-бы крестьянскій или волостной судъ ихъ совершенно за это

не преслѣдуетъ, какъ-бы стакнувшись съ крестьянами на общемъ отсутствіи симпатіи къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ.

Обвиненіе это, по малой мѣрѣ, бездоказательно: оно есть плодъ чистаго воображенія. Къ чести русскаго народа слѣдуетъ замѣтить, что именно на этомъ скользкомъ пути нашъ крестьянинъ умѣлъ удержаться, не поскользнувшись, и доказать свой гражданскій тактъ по отношенію къ бывшимъ господамъ, такъ что помянутое обвиненіе становится до нѣкоторой степени неблагоприятнымъ: положительно можно сказать, что крестьяне ничѣмъ не заявили не только своей злопамятности, но даже и не деликатности къ своимъ бывшимъ помѣщикамъ. Съ своей стороны, крестьянскій судъ строго преслѣдуетъ всякое нарушеніе крестьянами не только интересовъ землевладѣльцевъ, въ чемъ-бы это нарушеніе ни проявлялось, но и приличія взаимныхъ отношеній.

Возьмемъ для примѣра нѣсколько рѣшеній крестьянскаго суда, подтверждающихъ это положеніе.

Помѣщикъ елатомскаго уѣзда, г. Дьяковъ, заявилъ мѣстному волостному суду, что 15 октября 1871 г., въ 4 часа утра, крестьяниномъ Лакашевымъ, вмѣстѣ съ крестьянами Костиковымъ и Леонтьевымъ съ сыномъ Лариономъ, произведена кража сѣна изъ стоговъ г. Дьякова и что виновные захвачены полевымъ Удачевымъ при самыхъ стогахъ „покладывающими въ свои телѣжки“. Судъ немедленно призвалъ виновныхъ къ отвѣту и постановилъ: взыскать съ каждаго по 3 руб. въ пользу помѣщика, а Костикова и Леонтьева съ сыномъ, кромѣ того, подвергнуть рублевому штрафу въ пользу волостной суммы; Лакашева же, какъ зачинщика кражи, наказать 20-тью ударами розогъ (Труды комисіи, I, стр. 140). Гдѣ-же тутъ послабленіе со стороны суда? Тутъ и современный денежный штрафъ, и старыя историческія розги — все примѣнено къ дѣлу.

Далѣе, порубки помѣщичьихъ лѣсовъ крестьянами, — порубки, о которыхъ такъ много кричатъ и которыя дѣйствительно вызываются иногда тѣмъ, что, по неполученію крестьянами въ числѣ полевого надѣла ни прута лѣсу на душу, они нуждаются даже въ лучинѣ и въ лыкѣ для лаптей, — также жестоко преслѣдуются крестьянскимъ судомъ. Лѣсныя порубки — это историческая, національная, можно сказать, черта русскаго народа, кото-

рнѣй, родившись дреговичемъ въ дремучихъ лѣсахъ и очутившись безъ топлива, естественно смотреть на лѣсъ какъ на божье достояніе, какъ на воду, которая создана для утоленія жажды всѣхъ людей, какъ на солнышко, которое всѣхъ согрѣваетъ. Оттого онъ по нуждѣ производитъ порубки и въ казенныхъ лѣсахъ и даже въ заповѣдныхъ лѣсахъ дереть лыко на лапти. Но крестьянскій судъ все-таки наказываетъ этихъ, воспитанныхъ исторіею и нуждою, хищниковъ...

Бурмистръ помѣщика Чубарова, елатомскаго-же уѣзда, заявилъ мокринскому волостному суду, что ночью съ 12 на 13 ноября того-же года, въ лѣсной дачѣ г. Чубарова срублено три березовыхъ дерева, толщиною отъ 3 до 3¹/₂ вершковъ; что при обыскѣ въ дворахъ крестьянъ деревни Чубаровъ-Ункоръ найдено— у крестьянина Мусатова 35 полѣнъ лучины и 30 лутожекъ и у Хатюнина 10 полѣнъ лучины и 20 лутожекъ. Судъ и за лучину не пощадилъ крестьянъ: за три дерева съ Мусатова и Хатюнина онъ взяскаль въ пользу г. Чубарова 3 р. 15 к., а за 50 лутожекъ—1 р. 50 к., и сверхъ того наказалъ порубщиковъ рублевыми штрафомъ, оставивъ ихъ и безъ лучины въ долги зимнія ночи, и безъ денегъ.

Потравы помѣщичьихъ и своихъ собственныхъ полей— это опять-таки страшный бичъ для самихъ крестьянъ, у которыхъ зачастую недостаетъ ни рабочихъ рукъ, ни лишнихъ глазъ, чтобы услѣдить за своими лошадьми, свиньями, телятами и овцами, блуждающими нерѣдко безъ призора, потому что въ рабочую пору, особенно въ „страду“, когда ребяташки или работаютъ въ полѣ, или смотрять за дѣтьми, чтобы ихъ свиньи не поѣли,—за скотиной рѣшительно присматривать некому. Овцы и свиньи, по своему неразумію, забродятъ и на крестьянскія озими, и на помѣщичьи, въ барскіе огороды и въ свои собственныя—и вотъ новое горе крестьянамъ: судъ не щадитъ потравщиковъ.

Тотъ-же бурмистръ г. Чубарова, какъ видно человекъ очень зоркій и преданный барину, сторожъ съ „недремапнымъ окомъ“, увѣдомляетъ мокринскій волостной судъ, что прикащикъ ивановской экономіи Антоновъ и староста церлевской экономіи Абрамовъ, въ проѣздъ по полямъ г. Чубарова, нашли: 9 лошадей, 9 свиней и 4 телки, принадлежавшихъ крестьянамъ. Когда они на-

чали загонять этотъ скоть, то крестьянинъ Барановъ, „увидавши ихъ, началъ самовольно производить съ ними буйство, отбивши свой скоть изъ рукъ Антонова и Абрамова и угнавши отъ нихъ въ свой домъ“. Судъ не спустилъ грубияну и озорнику, постановивъ: „за маловажный (sic!) проступокъ и отнятіе самовольно своего скота отъ загонявшихъ приващиковъ Антонова и Абрамова черезъ его поле, и произносивши имъ непріятныя слова, взыскать съ Баранова 3 руб. и уплатить въ пользу конторы г. Чубарова“.—Въ конторѣ г. Чубарова приращеніе—лишнихъ 3 руб. въ кассѣ, а въ карманѣ озорника Баранова—дефицитъ на цѣлыхъ три рубля за то только, что его 3 лошади и 4 телеги, 15 октября, т. е. глубокой осенью, гуляли по полямъ помѣщика, конечно, не имѣя возможности произвести какую-либо поправу, потому что въ поляхъ хлѣба въ это время уже не было, а снѣгъ могъ уже быть.

Или, наконецъ, такое обстоятельство: управляющій того-же помѣщика Дьякова, о которомъ мы уже упоминали выше, Агуличевъ, усердный блюститель интересовъ своего довѣрителя, уведомляетъ мокринское волостное правленіе особымъ отношеніемъ, что съ птичьего двора, находящагося при усадьбѣ села Мокраго, 17 декабря пропала гусыня, и „по розыску каковой въ селѣ Мокромъ не оказалось, а по дѣлу оказалось, что гусыню эту 18 числа утромъ продала крестьянка Гребенчикова за 60 коп. садовнику“, къ несчастію, служащему у того-же г. Дьякова. Начался судъ. Гребенчикову взяли къ спросу. Вышло слѣдующее: „волостной судъ, разбирая это дѣло, оказался правильнымъ, что дѣйствительно крестьянка Гребенчикова при допросѣ ее объяснила судьямъ, что она поймала гусыню въ полѣ и продала служащему у г. Дьякова садовнику за 60 коп., за каковой обманъ и необъявленіе ея, Гребенчиковою, сельскому своему старостѣ объ этомъ, положилъ: взыскать съ нея, Гребенчиковой, 2 рубля и уплатить въ контору г. Дьякова“. Опять прибыль конторѣ г. Дьякова и убытокъ крестьянкѣ Гребенчиковой, которая ужь, конечно, не украла злополучную гусыню на птичьемъ дворѣ г. Дьякова, а нашла гдѣ-нибудь въ полѣ, потому что въ такомъ случаѣ она не понесла-бы ее продавать къ садовнику самого-же г. Дьякова.

Гдѣ-же потачка крестьянамъ со стороны суда? Потачки этой

мы не видимъ; напротивъ, видимъ даже слишкомъ большое усердіе судей—не прогнѣвать чѣмъ-нибудь жалобщиковъ.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ.

Управляющій имѣніемъ г-жъ Ланскихъ, шатскаго уѣзда, при отношеніи отъ 15 декабря представилъ въ тарадѣвское волостное правленіе „крестьянина Макаркина съ мѣшкомъ невѣяной ржи, который, съ 14 на 15 декабря, забрался тихонько въ господскій свѣтлый такъ-называемый овинъ, гдѣ насыпалъ мѣшокъ невѣяной ржи, съ которой рожью Макаркинъ пойманъ экономическимъ старостою Соломинимъ, и по поимкѣ Макаркинъ признался, что онъ это дѣлалъ и прежде нѣсколько разъ“. Неумысленные судьи не смутились бѣдностью Макаркина, которому вѣсть было нечего, а зима была холодная, до весны и до новаго хлѣба оставалось болѣе полугода—хоть ложись да умирай. „Мы, волостные судьи, говорятъ эти тарадѣвскіе Цицероны, поймавшіе тарадѣвскаго Верреса на воровствѣ не сициліанской пшеницы, а невѣяной ржи,—допросивъ мы крестьянина Макаркина, который лично признался, что онъ это сдѣлалъ уже въ третій разъ, и въ три раза, какъ видно, будетъ вѣрно чистой ржи шесть мѣръ, а потому мы единогласно приговорили взыскать съ Макаркина въ пользу тарадѣвской экономіи г-жъ Ланскихъ за каждую украденную мѣру втрое, по 1 р. 50 к., а всего за шесть мѣръ 9 р. и за поступокъ Макаркина, въ примѣръ прочимъ, опредѣлили наказать розгами 20 ударами“ (тамъ-же, 171.)

Въ виду взятыхъ здѣсь на выдержку примѣровъ, которыхъ мы могли-бы привести множество, позволяемъ себѣ сомнѣваться въ искренности тѣхъ отзывовъ, по которымъ оказывается, что землевладѣльцамъ будто-бы невозможно и небезопасно жить въ своихъ экономіяхъ, что крестьяне ихъ не почитаютъ, добро ихъ расхищаютъ и даже жгутъ, и что поэтому землевладѣльцы въ абсентеизмъ находятъ единственный выходъ изъ этого неловкаго положенія; полагаемъ, что подобные отзывы, по меньшей мѣрѣ, преувеличены. Притомъ-же развѣ богатые помѣщики и прежде, до 19 февраля, не страдали болѣзнью абсентеизма, благо было на что лечить эту болѣзнь въ Баденъ-Баденѣ, Киссингенѣ, Парижѣ, Ниццѣ и въ разныхъ игорныхъ домахъ? А вѣдь тогда не было крестьянскаго суда.

Мы, на основаніи солидной массы подтверждающихъ данныхъ, можемъ положительно завѣрить, что крестьянскій судъ зорко слѣдитъ за отношеніями крестьянъ не только къ бывшимъ своимъ владѣльцамъ, но даже ко всему, что носитъ на себѣ печать какой-бы то ни было привилегированности.

Подтверженія этому мы находимъ въ тѣхъ-же постановленіяхъ волостныхъ судовъ, извлеченныхъ изъ волостныхъ журналовъ комисією сенатора Любощинскаго.

Тотъ-же г. Дьяковъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, прислалъ 8 января 1870 г. въ мокринское волостное правленіе „отношеніе за личное его оскорбленіе словами и обруганіемъ разными неблагопристойными словами при проѣздѣ его по с. Мокрому“. Не медля ни минуты, судъ отыскалъ оскорбителей и привелъ къ допросу. Виновными оказались крестьяне Ковальковъ и Давыдовъ и крестьянскій мальчишъ Панинъ. „Судъ, принявъ въ соображеніе свое *поступокъ* крестьянъ Ковалькова, Давыдова и Панина *противъ благороднаго лица*, находить, что обстоятельство дѣла этого подлежитъ къ обсужденію мировыхъ судей, а такъ-какъ самъ г. Дьяковъ согласился окончить это дѣло волостнымъ судомъ, который постановилъ свое рѣшеніе: подвергнуть крестьянъ Ковалькова и Давыдова тѣлесному наказанію по 20 ударовъ розогъ, а Панина по малолѣтству трехдневному аресту при волостномъ правленіи и внушить имъ на будущее время *оказывать уважительность и уваженіе къ благороднымъ лицамъ*“. Тотчасъ-же послѣдовало и наказаніе (тамъ-же, стр. 138.)

Мало того, крестьянскій судъ рыцарски вступается за честь благородной женщины. Кому неизвѣстно, какія безчинства позволяетъ себѣ иногда наша золотая молодежь, а нерѣдко и почтенная старость въ купальняхъ по отношенію къ купающимся женщинамъ: шутникамъ ничего не стоитъ поднырнуть подъ перегородку, отдѣляющую мужскія ванны отъ женскихъ, и въ видѣ Ганимеда явиться неожиданно среди купающихся женщинъ. Почтенные старички также въ этомъ случаѣ часто повторяютъ на дѣлѣ исторію о библейской красавицѣ Сусаннѣ. И все это сходитъ имъ благополучно съ рукъ. Не спускаетъ лишь озорникамъ крестьянскій судъ, хотя у мужиковъ не считается за стыдъ, когда парни купаются вмѣстѣ съ дѣвками. Вотъ при-

шѣръ наказанія Ганимедовъ: „судьи жидиловской волости въ день засѣданія своего по жалобѣ козловскаго лѣсничаго барона Дельвиго, разсматривали дѣло объ оскорбленіи его жены и дочери и безчинствахъ, неприличныхъ чести женщинъ, при купальнѣ, устроенной имъ при собственномъ прудѣ. По разсмотрѣніи дѣла сего заключили: такъ-какъ изъ дѣла видно, что прудъ устроенъ собственно для лѣсничаго, но отвѣтчики крестьяне А., В. и Г. для купанія пришли самовольно, и притомъ нанесли оскорбленіе и дѣлали безчинства, неприличные чести женщины, что хотя посторонними свидѣтельскими показаніями и не подтверждается, но имѣя въ виду и принимая во вниманіе свидѣтельскія показанія (каковъ дипломатическій языкъ!): 1) отвѣтчики крестьяне для купанія пришли въ прудъ г. лѣсничаго самовольно, но, увидѣвъ женщинъ, отъ пруда не удалились, слѣдовательно тѣмъ доказывается, что намѣреніе ихъ было къ оскорбленію, безчинству и другимъ вреднымъ поступкамъ, вообще относящимся безстыдности совѣсти, чести женщинъ (каково краснорѣчіе!); 2) явное сопротивленіе противъ посланнаго отъ г. лѣсничаго кр. А. В., а потому, смотря по обстоятельствамъ дѣла сего и судя по справедливости, опредѣлили: отвѣтчиковъ крестьянъ А. З. и В., въ примѣръ прочимъ, наказать розгами—первыхъ двухъ по пяти ударовъ, а послѣдняго В. — десятью ударами; почему и дѣло это считать оконченнымъ“ (стр. 321—322).

Тотъ-же самый тактъ крестьянскаго суда, замѣченный нами и въ юго-западной полосѣ Россіи, достаточно защищаетъ, намъ кажется, этотъ народный институтъ отъ всякихъ нареканій, исходящихъ изъ тенденціи его противниковъ.

Крестьянинъ мѣстечка Козина, дубенскаго уѣзда, волынской губерніи, у котораго молоденькая жена ушла къ дворянину Митрошевскому и безъ воли мужа жила у него въ услуженіи, въ порывѣ ревности ударилъ Митрошевскаго по плечу. Молодца за это немедленно высѣли, и все-таки жену возвратили къ нему. (Труды этногр.-статист. экспедиціи г. Чубинскаго, т. VI, стр. 175).

Дворянка кобринскаго уѣзда, гродненской губерніи, Семицкая, убѣждая своего сосѣда, крестьянина-собственника Струца, и мать его Татьяну, чтобъ они не пускали въ ея огородъ домашнихъ животныхъ, получила отъ нихъ „самыя скверныя ру-

зательства, несоответствующія ея званію“, и пожаловалась суду. Судъ тотчасъ-же далъ 15 ударовъ розгами Струцю, а мать его посадилъ подъ арестъ (тамъ-же, стр. 176.)

Что часто нарушаетъ добрыя отношенія между крестьянами и ихъ господами и вредитъ всего болѣе самимъ крестьянамъ—это догнывающій остатокъ прошлаго—бывшіе помѣщичьи дворовые, оставшіеся безъ земли, ни къ чему неприученные и до мозга костей деморализованные прежнимъ безправіемъ. Такіе дворовые—дѣйствительно язва между крестьянами.

Нестеровскій волостной судомъ такъ характеризуется одинъ изъ такихъ обломковъ крѣпостного цикла — Цыганковъ: „Цыганковъ, говоритъ волостной судъ,—бывшій дворовый человекъ, весьма склоненъ къ пьянству, характера буйнаго, *никакого ремесла не знаетъ*, и гдѣ-бы ни панимался на мѣстахъ, былъ сгоняемъ за пьянство, *способный лишь быть псаремъ*, въ которую должность только и панимается“. Но времена псовыхъ охотъ въ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній отошли: псарни держать невыгодно, собаки и псаря требуютъ расходовъ — и вотъ псарь Цыганковъ занимается сбытомъ фальшивой монеты, шатается съ мѣста на мѣсто, вездѣ его гонятъ, какъ буйнаго и ни на что неспособнаго пьяницу, и онъ связывается съ такими только личностями, какъ Ольга Стехинова, женщина „поведенія весьма шаткаго“, попадаетъ съ фальшивыми кредитными билетами и т. д. (стр. 126).

Съ такими личностями крестьянскому суду не легко справиться. Вообще это люди пропащіе; но въ созданіи ихъ ни крестьянскій судъ, ни крестьянская реформа, конечно, не виноваты, и если кто наноситъ вредъ не только интересамъ бывшихъ помѣщиковъ, но и интересамъ крестьянъ, всему государству, если кто способенъ поджечь господскую усадьбу, ригу и даже все село, то ужъ, конечно, этотъ бродячій и безпріютный людъ; а не осѣдлый мужичокъ, у котораго и своя земля, и своя усадьба, и кое-какая своя скотинишка, и хотя бѣдненькое и пустое, но свое собственное гумишко, которое онъ самъ бережетъ и отъ огня, и отъ потопа.

VI.

Въ массѣ мотивовъ, приводимыхъ въ подтвержденіе *оредности* существованія крестьянскаго суда, какъ самостоятельнаго учрежденія, слышатся иногда такія серьезныя обвиненія, которыя не должны быть пройдены молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что обвиненія эти маскируютъ свои цѣли и прикрываютъ крестьянскимъ судомъ то, что обвѣрнуть было-бы не совсѣмъ удобно.

Констатируя нѣкоторые единичные факты, люди эти указываютъ на то, что крестьяне, нанимаемые для разныхъ работъ, постоянно нарушаютъ заключаемыя съ землевладѣльцами условія найма, и особенно когда настаетъ рабочее время, взявъ впередъ задатки, самовольно уходятъ съ полей, бросаютъ панимателей на произволъ судьбы и нанимаются къ тѣмъ, которые сплавиваютъ ихъ большою платою или хорошею пищею. Какъ на потворство этому злу, указываютъ на слабость и даже потачку, оказываемыя крестьянамъ-рабочимъ волостными судами, которые, по увѣренію этихъ недовольныхъ крестьянскою реформою лицъ, никогда не наказываютъ крестьянъ за нарушеніе условій съ землевладѣльцами. Такое мнѣніе громко заявлено было г. Бланкомъ, и заявлено было притомъ съ особенно-тенденціозною торжественностью; такія-же мнѣнія заявлены были и нѣкоторыми землевладѣльцами предъ лицомъ комисіи для изслѣдованія сельской производительности, хотя, съ другой стороны, въ той-же комисіи слышались заявленія, что наемные рабочіе никогда не уходятъ отъ того землевладѣльца или иного нанимателя, который хорошо съ ними расплачивается и хорошо ихъ кормитъ.

Какъ-бы то ни было, но и въ этомъ случаѣ обвиненіе волостныхъ судовъ въ потворствѣ крестьянамъ можетъ быть названо преувеличеннымъ, а иногда оно играетъ роль неблаговидной испиуаціи. Въ подтвержденіе этого мы опять-таки можемъ выставить очень солидную массу рѣшеній волостныхъ судовъ, доказывающихъ уваженіе крестьянскаго суда къ святости договора вообще и къ рабочимъ договорамъ въ особенности, и не находимъ ни одного постановленія этого суда, которое-бы изобличало слабость, а еще болѣе пристрастность или потачку въ этомъ отношеніи крестьянамъ.

Въ уваровской волости, борисоглебскаго уѣзда, молодые крестьянскіе парни, забравъ у нанимателя впередъ за свои работы деньги, ушли отъ него въ самое горячее, страдное время. Судъ, узнавъ объ этомъ, немедленно призвалъ виновныхъ къ отвѣту, и, осуждая ихъ, такъ разумно мотивировалъ строгость этого осужденія: „судъ находитъ ничто иное, какъ отвѣтчики, сдѣлавъ одно мошенничество, когда было дешевое время, то они жили, а когда стало дорогое время, т. е. пахота, нужная для всякаго крестьянина, тѣмъ болѣе, что на наемъ другихъ истецъ пріискать не можетъ“, они ушли, — а потому призналъ обманщиковъ достойными тѣлеснаго наказанія, съ обязательствомъ вновь работать у истца; но какъ истецъ, уже не надѣясь на добросовѣстность ихъ работы, нанялъ другихъ, то судъ и приговорилъ обманщиковъ къ возврату всѣхъ незажитыхъ по условію денегъ. — Пострадали, слѣдовательно, крестьянскія спины.

Точно также судъ называетъ „обманомъ и мошенничествомъ“ уходъ рабочихъ отъ другихъ землевладѣльцевъ, и не только съчетъ нарушителей договоровъ публично розгами, но и заставляетъ вознаграждать землевладѣльцевъ за всѣ понесенные ими убытки (тамъ-же, 469—470), чего мы не находимъ даже въ благоустроенныхъ гражданскихъ группахъ, гдѣ суды не чета крестьянскимъ — въ городахъ, домовладѣльцы которыхъ постоянно платятся то на ремесленные управы, безсильныя заставить своихъ ремесленниковъ соблюдать заключаемыя ими съ домовладѣльцами условія относительно разныхъ заказовъ и подѣлокъ, то на мировыхъ судей и ихъ сѣзды, въ которыхъ дѣла тянутся по цѣлымъ сезонамъ, а иногда и годамъ, то на окружные суды и палаты, инстиція которыхъ очень накладиста и не для всякаго доступна.

Но если что-либо особенно рельефно начинаетъ выступать въ экономической жизни крестьянъ послѣ положенія 19 февраля, такъ это начало образованія крупныхъ собственниковъ изъ крестьянъ, противъ которыхъ и крестьянскій судъ, и крестьянское общество какъ-бы инстинктивно противопоставляютъ свои мелкія, слабыя силы, хотя въ то-же время не могутъ не чувствовать, что эти мелкія силы начинаютъ болѣе и болѣе поглощаться крупными экономическими единицами, непосредственно выходящими изъ крестьянъ-же.

Явленіе это, только-что начинающееся и едва замѣтное, имѣ-

еть свое будущее, и едва-ли картина этого будущего можетъ быть изображена красками, которыя-бы не рѣзали глазъ рядовому крестьянину, въ большинствѣ случаевъ изображающему изъ себя Антона Горемыку.

Дѣло въ томъ, что въ крестьянскомъ сословіи дѣйствительно зарождаются свои Миресы и Стракоши: имѣя хорошій экономическій нюхъ, эти деревенскіе Миресы и Стракоши, пользуясь временными денежными невзгодами крестьянъ, забираютъ ихъ въ свой кулакъ и подъ свою опеку. У какого-нибудь отъясовскаго Миреса или Стракоша, въ моршанскомъ уѣздѣ, крестьянская изба уже не изба, хоромы не хоромы, палаты не палаты; а сосѣдь его, Антонъ Горемыка, какой-нибудь злополучный Брысаковъ или Климачовъ, все болѣе и болѣе вытягивается въ нитку, и уже попадаетъ въ „попыхачи“ къ отъясовскому Миресу, который и казнить его, и милуетъ.

Крестьянскій судъ видитъ это, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ начинаетъ уже войну противъ отъясовскихъ Миресовъ и Стракошей, которые иногда знать не хотятъ суда лапотниковъ, хотя сами еще не привыкли ходить въ сапогахъ, а лычки и оборки отъ лаптей, которые они сами носили, еще не успѣли сгнить въ навозѣ на ихъ невыметенномъ до-чиста обширномъ дворѣ, захватившемъ и усадебное мѣсто Антона Горемыки и отдающему запахами дегтя, прѣлой онучи и перекислый овчины.

Такую войну, напр., отъясовскій волостной судъ, моршанскаго уѣзда, ведетъ съ пережѣннымъ счастьемъ противъ богатой крестьянской семьи Молчановыхъ. Нужно, напр., взыскать съ Молчановыхъ страховня преміи. За этимъ дѣломъ является къ нимъ сельскій староста, требуетъ означенныхъ Молчановыхъ въ волостное правленіе,—и вотъ одинъ изъ Молчановыхъ не только не слушаетъ начальства, „но, желая придратъся къ нему, занеръ ворота и началъ шумѣть „караулъ“, будто бьетъ его староста“. Но судъ таки вызываетъ непокорнаго, и тотъ, смиряясь передъ деревенскимъ ареопагомъ, отзывается, что „воротъ не запиралъ и „караулъ“ не шумѣлъ, а только отпрашивался у старосты запереть у риги ворота, а послѣ скотину убралъ и не пошелъ въ волостное правленіе потому, что было уже поздно“. Судъ не хочетъ дать спуску своей деревенской аристократіи и, обви-

ня Молчанова въ упорствѣ, въ томъ, что оскорбилъ власть и солгалъ, „оты́квиваясь, будто поздно“ идти въ правленіе, и оказывая „явное ослушаніе противъ власти“, — тутъ-же съѣчетъ своего Стракоша десятью ударами розогъ (стр. 83). Въ другой разъ тѣ-же Молчановы вызываются въ судъ по жалобѣ крестьянки Лобовой, у брата которой, отданнаго въ рекруты, они купили за 100 р. дожь и не ушачивали за это денегъ; Лобова говорить на судъ, что этимъ деньгамъ она падѣется быть наслѣдницей, „когда о смерти ея брата, можетъ быть уже умершаго, предписано будетъ отъ военнаго начальства“. Молчановы не являются въ судъ; посылается къ нимъ десятскій — они говорятъ, что не пойдутъ; посылается къ нимъ самъ староста съ десятскимъ — и вновь они не повинуются: „съ ругательствомъ отказались, а Титъ (одинъ изъ Молчановыхъ) взмахнулся на старосту, держащагося (sic!) въ это время лопатю, сказалъ, что отойди — такъ голову и снесу, и заперъ ворота“. Судъ взсыиваетъ за это съ буяновъ деньги и обоихъ ихъ, и Тита-воителя съ лопатой, и Наума, съѣчетъ розгами въ присутствіи судей (стр. 78.) Эти-же Молчановы, разживался все болѣе и болѣе, начинаютъ притѣснять крестьянъ, свсихъ односельцевъ. Строятъ Молчановы себѣ дожь; подряжаютъ рабочихъ дѣлать окна, двери, печи, возить изъ Моршанска лѣсу — и не платятъ ничего мужикамъ. Тѣ гурьбой идутъ въ судъ. Судъ находитъ, что Молчановы не въправѣ обижать рабочихъ, а что они обижаютъ — это ясно: одинъ мужикъ обвиняетъ ихъ въ неотдачѣ денегъ за привозъ изъ Моршанска лѣсу на постройку флигеля, другой — въ незаконномъ расчеѣ за покрышку камышемъ флигеля, третій — „въ мучительномъ поступкѣ при кладкѣ печи: ты кладешь, а онъ ломаетъ и мучаетъ“ и т. д.; тутъ-же одного изъ Молчановыхъ обвиняетъ родная ихъ мать „въ отбитіи у нея куска казинеѣ для платья, въ непочтеніи и неповиновеніи матери и самовольномъ срываніи у нея съ шеи денегъ 100 р., въ держаніи при этомъ ея за руки“, и т. д. И вотъ судъ вновь постановляетъ свое грозное рѣшеніе: Молчанова, какъ уличеннаго въ неповиновеніи матери, отбитіи у нея денегъ и въ неотдачѣ рабочимъ людямъ заработанныхъ денегъ и въ мучительномъ поступкѣ надъ рабочими людьми — наказать розгами дачею девяти ударовъ. Но Молчановъ и

туть не повинется. Въ книгѣ волостного суда онъ своею рукою пишетъ (грамотный, значить): „рѣшеніе это мнѣ объявлено и копию съ него я получилъ, но рѣшеніе это написано не то, что было говорено судомъ во время разбора дѣла. Молчановъ“ (стр. 79—80.)

Такимъ образомъ, судъ, составленный изъ однихъ крестьянъ, несомнѣнно доказываетъ свою компетентность въ той сферѣ, которая ему подсудна: онъ очень хорошо знаетъ цѣну крестьянскому труду и заработку, и вотъ почему онъ такъ упорно воюетъ за право и самостоятельность этого труда.

Совершенно иначе относится крестьянскій судъ къ своимъ бѣднякамъ или лицамъ, несущимъ какую-либо общественную тяготу за все село: такъ онъ падитъ молодыхъ парней, которыхъ миръ сдаетъ въ рекруты, какъ печальниковъ за все село — пусть до молодые люди въ послѣдній разъ погуляютъ, а коли придется — и побуянятъ. И дѣйствительно, снаряжается партія рекрутъ въ тарадѣвской волости, за куликовское общество; въ послѣдній разъ молодежь гуляетъ на селѣ, прощается съ родными мѣстами; ходя и ѣздя по улицамъ, пьяные отъ вина и горя, пьяные отъ молодечества, они никому не даютъ прохода, словно пьяный Алкивиадъ передъ походомъ въ Сиракузы; съ однимъ они цѣлуются, прощаются; недруговъ осмѣиваютъ и бьютъ; цѣлуютъ дѣвокъ, бабъ, ребятишекъ, а мужиковъ, за которыхъ идутъ въ военную службу, иногда и колотятъ. Такъ они, гуляя по селу Куликамъ, натываются на крестьянина Терехина, останавливаютъ его, заводятъ съ нимъ „разговоръ“, а „разговоръ“ у мужиковъ переводится словомъ „драка“ („у насъ былъ разговоръ“ — значить: „мы подрались“; „завели разговоръ“ — „завели драку“.) И вотъ молодые парни „разговариваютъ“ съ Терехинымъ — бьютъ его, нарываютъ у него „съ головы торсть волосъ“, снимаютъ съ него тулупъ и шапку, за то, конечно, что скупой Терехинъ не хочетъ ихъ, героевъ дня, угостить водкою и т. д. Судъ призываетъ буяновъ, приказываетъ заплатить Терехину за побои и счесть ихъ. „Слѣдовало-бы, прибавляетъ судъ, — взыскать съ нихъ и болѣе, но принимая въ уваженіе, что люди эти назначены обществомъ въ нынѣшнемъ году къ отправленію рекрутской повинности“, судъ смягчаетъ свое наказаніе, какъ и афинскій народъ

нѣсколько смягчилъ наказаніе своему буяну Алкивиаду, который, отправляясь въ сицилійскій походъ воевать за афинское общество, гулялъ ночью съ молодыми афинскими парнями по улицамъ аттическихъ Куликовъ, и хотя не билъ крестьянина Терехина, но за то перебилъ и попрокидывалъ стоявшія по улицамъ статуи боговъ Гермесовъ (стр. 164.)

Въ такой-же мѣрѣ крестьянскій судъ оказываетъ снисхожденіе и бѣднымъ людямъ, подвергая ихъ наказаніямъ, смотря по состоянію каждаго.

Солдатская жена Соколова обижаетъ солдатскую женку Соломину дѣйствіемъ — „треплетъ за груди при свидѣтелѣ“. И вотъ волостной судъ призываетъ нищую буянку Соколову, и, несмотря на то, что отвѣтчица „дозволяетъ себѣ кричать“ въ присутствіи и даже уходитъ изъ суда, судъ штрафуетъ ее, по бѣдности, только однимъ рублемъ: полтинникомъ въ пользу обиженной и полтинникомъ въ пользу мірской суммы (стр. 166), подобно тому, какъ римскій сенатъ, жестоко наказывая Силлу, Маріа или Верреса, щадитъ проступки жены простого всадника. Такимъ Верресомъ является крестьянинъ Ахремкинъ, котораго, за то, что онъ обидѣлъ безсрочно-отпускного унтеръ-офицера Ильичева „негодными словами“ — „назвалъ многоженнымъ“, судъ штрафуетъ тремя рублями вмѣсто полтинника (стр. 166—167). Мы много могли-бы представить самыхъ наглядныхъ доказательствъ изъ лѣтописи народнаго самосуда, доказательствъ того совѣстливаго и подчасъ не только мѣткаго, но и глубокаго соображенія, которымъ руководствуется этотъ простой и дѣйствительно скорый судъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Онъ обращаетъ вниманіе на такіа обстоятельства, которыя неуловимы для судьи, принадлежащему къ крестьянской средѣ. Поэтому, при всѣхъ его недостаткахъ, онъ имѣетъ одно неотъемлемое достоинство — бытовую почву и тотъ историческій опытъ, которымъ такъ часто и такъ не кстати пренебрегаютъ юридическія теоріи. Это судъ не мертвой буквы закона, а самой жизни, постоянно видоизмѣняющейся и, слѣдовательно, неподдающейся рутиннымъ юридическимъ формамъ. Незнаніе тутъ съ избыткомъ вознаграждается опытомъ и совѣстью судьи.

Д. Мордовцевъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Culturgeschichte in ihrer natürllicher Entwicklung bis zur Gegenwart, von Fr. von Hellwald, 1875.—M-r Spenser on Social Evolution, by prof. Cairnes, „Forth nightly Review“, 1875, № 1—2.)

Было время, когда россияне довольствовались такими историческими произведениями, какъ книга Волчкова: „*Шляхетныхъ дѣтей исторіи да отчасти генеалогіи научающій Гофмейстеръ, сиречь дядька*“. Затѣмъ пошли историка въ родѣ Кайданова или Ертова, который писалъ европейскую исторію исключительно по русскимъ источникамъ и „съ русской точки зрѣнія“. Теперь времена измѣнились, и у насъ есть даже историка - философы, въ родѣ гг. Данилевскаго, Стронина и т. д. У насъ нѣтъ переводовъ многихъ первостепенныхъ историковъ, ни Кондорсе, ни Гиббона, ни Нибура, ни Макса Дункера, но за то дѣятельно распространяются и приходятся вполне во дворугѣ историческія теоріи и сочиненія, въ которыхъ законы, открываемые естествознаніемъ, вполне примѣняются къ явленіямъ общественной жизни. Произведенія Спенсера, Бэдждота и др. настроили умы такъ, что ихъ теоріи обращаются у насъ, какъ вполне научныя, положительныя истины. Мы относимся къ нимъ или вполне сочувственно, или-же съ какою-то тупою пассивностью,— съ тою пассивностью, какою воспитываютъ въ людяхъ эти теоріи. Мы не знаемъ ни одной книги, ни одной журнальной статьи, которая пытались-бы противопоставить имъ какія-нибудь серьезныя возраженія, отнестись критически къ ихъ основамъ. Эти теоріи имѣютъ большую популярность и въ Европѣ. Конечно, значительную долю этой популярности онѣ обязаны такимъ та-

„Дѣло“, № 11.

лантамъ, какъ Бокль и Спенсеръ, но ихъ сила заключается главнымъ образомъ въ ихъ общественномъ значеніи. Всѣ эти историки и философы считаютъ себя совершенно безпристрастными, совершенно объективными мыслителями. Вотъ что, напр., говоритъ Гельвальдъ: „Въ противоположность большей части сочиненій, написанныхъ съ предвзятой точки партіи, старающихся искать въ исторіи культуры подтвержденія своихъ доктринъ и съ этой цѣлью окрашивающихъ явленія народной жизни въ любезный имъ цвѣтъ партіи, моя книга старается изображать культурно-историческія явленія, не обращая вниманія ни на какую партію прошедшаго или будущаго, и сводитъ ихъ къ простымъ законамъ. Спокойствія, необходимаго для этого, авторъ достигаетъ тѣмъ, что прінялъ въ свои руководители законы *естествознанія* и разсматриваетъ всю исторію культуры *въ ея естественномъ развитіи*, указывая на ея полное согласіе съ дарвиновскою теоріей происхожденія“. Но на подобныя заявленія нельзя полагаться даже въ томъ случаѣ, когда они вполне искренни и когда провозглашающіе ихъ писатели относятся къ предмету совершенно безпристрастно, объективно, нисколько не увлекаясь духомъ партіи или своими общественными симпатіями и антипатіями. Гегелю и Шеллингу могло дѣйствительно казаться, что ихъ мысль дѣйствуетъ внѣ всякихъ вліяній окружающей ихъ общественной жизни, но ихъ философія все-таки была проникнута духомъ застоя и служила дѣлу извѣстной партіи. Противникъ Дарвина, знаменитый американскій професоръ Агассицъ, тоже могъ строить свои теоріи объективно, но эти теоріи все-таки служили опорой притязаній американскихъ рабовладѣльцевъ. Спенсеръ, Бэджотъ и подобные имъ мыслители имѣютъ такое-же значеніе: это научные представители либеральнаго застоя. Они оказали великую услугу умственному развитію человечества своими попытками поставить исторію на почву положительнаго знанія, они превосходно рѣшаютъ нѣкоторые частные вопросы социологіи, но, взятая въ цѣломъ, ихъ теорія слишкомъ самонадѣянны и будутъ имѣть, конечно, лишь временное значеніе, какъ первые научные опыты великаго социальнаго міросозерцанія.

Самый неудачный, самый самонадѣянный изъ этихъ опытовъ — новая книга Гельвальда: „Исторія культуры въ ея естественномъ развитіи до настоящаго времени“. Мы останавливаемся на

этой книгѣ потому главнымъ образомъ, что нѣкоторые русскіе журналы расхвалили ее, а нѣкіе ученые мужи объявляли, что они переводятъ ее на русскій языкъ. Впрочемъ, мы ничего не имѣемъ противъ перевода; перевести ее стоитъ, такъ-какъ большая половина ея написана очень живо, рассказъ интересенъ, картины цивилизаціи въ разные эпохи большею частью удачны. Начитанность Гельвальда довольно обширна, но онъ пишетъ большею частью по второстепеннымъ источникамъ, по статьямъ газеты „Ausland“, по „Culturgeschichte“ Кольба, котораго онъ, впрочемъ, ругаетъ чуть не на каждой страницѣ. Изслѣдованіе Тейлора о первобытной культурѣ ему неизвѣстно; Спенсера онъ, какъ видно, не читалъ; главными-же авторитетами его служатъ Баджготъ и Р. Л., „превосходная книга“ котораго „Gedanken über Socialwissenschaft der Zukunft“ вышла въ Митавѣ въ 1873 г. Одновременно съ нѣмецкимъ изданіемъ это твореніе вышло и на русскомъ, въ Петербургѣ, подъ названіемъ „Мысли о социальной наукѣ будущаго, соч. П. Л.“ Подъ этими литерами, по свидѣтельству Гельвальда, пишетъ нѣкій г. Павелъ Диліенталь. Гельвальдъ восхищается Россіей, онъ въ восторгѣ отъ нашего величія, прогреса, нашихъ ученыхъ и писателей (стр. 743). Въ подтвержденіе своей теоріи онъ цитируетъ даже Гоголя и Алексѣя Феофилактовича Писемскаго; многое, очень многое онъ заимствовалъ отъ г. Диліентала, т. е. тоже отъ нашихъ величій, хотя и изъ Митавы. Его социальная теорія, интересная сама по себѣ, какъ признакъ времени, получаетъ для насъ еще большій интересъ вслѣдствіе этихъ заимствованій. Мы постараемся изложить ее по-возможности сжато и ясно.

Гельвальдъ самый фанатическій дарвинистъ, но онъ или не совсѣмъ понимаетъ, или, подъ вліяніемъ увлеченія своей идеей, искажаетъ Дарвина. По Дарвину, напр., извѣстный родъ или видъ животныхъ, а слѣдовательно и извѣстная раса людей, измѣняются подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій. У Гельвальда-же, сколько-бы времени ни развивалась извѣстная раса, какимъ-бы сильнымъ и разнообразнымъ вліяніемъ ни подвергалась она,—она вѣчно остается одной и той-же, вѣчно сохраняетъ всѣ свои характерныя особенности. „Способности расы, ея прирожденные предрасположенія опредѣляютъ характеръ внѣшнихъ вліяній на развитіе народа. Раса создаетъ физическій и

психическій характеръ народа“ (стр. 55). Однѣ расы выше, другія ниже, и послѣднія самой природой предназначены къ рабству или къ уничтоженію. „При одинаково благоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ отношеніяхъ, высшая раса всегда вытѣсняетъ низшую, т. е. соприкосновеніе съ культурою высшей расы составляетъ смертельный ядъ для низшей расы и губитъ ее. Всѣ попытки дать этимъ расамъ выгоды высшаго развитія ведутъ только къ вѣрному уничтоженію ихъ, и лицемѣрная псевдофилантропія, уравнивающая подчиненныя расы съ высшими, приходила всюду къ самымъ печальнымъ результатамъ и къ вѣковымъ кровопролитнымъ войнамъ“ (стр. 747). Рабство, поэтому, учрежденіе не только экономически необходимое въ извѣстныхъ эпохи развитія, оно не только неизбѣжно и вѣчно въ извѣстныхъ мѣстностяхъ земли (стр. 263), оно даже благодѣтельно для извѣстныхъ расъ, предназначенныхъ къ нему самой природой, природными расовыми особенностями. Освобожденіе англійскихъ и американскихъ негровъ, по словамъ Гельвальда, „одна изъ величайшихъ національно-экономическихъ *глупостей*, какія только извѣстны въ исторіи“, такъ-какъ „въ рабствѣ черный размножается, а на свободѣ вымираетъ“; по увѣренію Гельвальда, „со времени эмансипаціи погибла уже почти половина негровъ, — 1½ миліона изъ 4“, въ подтвержденіе чего онъ ссылается на газету „Ausland“ (стр. 754—756)!.. Жаль, что Гельвальдъ, тщательно изучившій твореніе нашего соотечественника г. Павла Лиліенфельда (который, кажется, сродни добролюбовскому Конраду Лиліеншвагеру), не знакомъ съ изслѣдованіями другихъ нашихъ знаменитыхъ социальныхъ философовъ, въ родѣ гг. Петра Бланка и Ростислава Фадѣева. Они тоже доказываютъ, что послѣ освобожденія крестьянъ у насъ все пошло прахомъ, подобно тому, какъ, по мнѣнію Гельвальда, Соединенные Штаты послѣ эмансипаціи рабовъ дошли до отчаянно-дурного положенія. Впрочемъ, Гельвальдъ и безъ того не далекъ отъ взглядовъ фадѣевско-бланковской школы, и, перечисляя успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время Россіей на пути прогресса, онъ вовсе не упоминаетъ объ освобожденіи крестьянъ (стр. 742—744). Къ тому-же онъ не признаетъ никакихъ „освобожденій“, онъ постоянно твердитъ, что бѣдность и всевозможные социальные недуги вѣчны, неизбѣжны, что „рабство никогда не исчезнетъ съ лица земли“, что мнѣются однѣ фор-

ны, сущность-же всегда остается неизмѣнною (с. 786 и др.). Съ этими взглядами, конечно, согласны и наши доморощенные социальныя философы, съ которыми вообще Гельвальдъ сходится какъ нельзя ближе. Ему неизвѣстны ни грандіозные проекты г. Я. Данилевскаго, ни „Діагностика и прогностика Россіи“ г. Стронина, а между тѣмъ онъ рисуеъ намъ наше будущее такимъ величавымъ, что имъ должны остаться довольны самыя смѣлыя изъ нашихъ патриотовъ. Гельвальдъ о Германіи говоритъ мало; что-же касается Франціи, Испаніи, Соединенныхъ Штатовъ, то они находятся наканунѣ смерти, а будущее принадлежитъ намъ, русскимъ. Почему-же? Да раса ужъ такая способная!.. Вообще, на расѣ Гельвальдъ выѣзжаетъ почти всякій разъ, какъ только паткнется на одинъ изъ тѣхъ трудныхъ вопросовъ, которыхъ такъ много въ исторіи. Вотъ, напр., Китай. Особенности его исторіи и культуры не могутъ быть объяснены тѣми историческими законами, какіе установлены Боклемъ; вслѣдствіе этого Бокль и обошелъ Китай молчаніемъ. Гельвальдъ-же смѣлѣе, и особенности китайской культуры, не стѣсняясь, объясняетъ расовыми особенностями, не разсуждая о томъ, что, по теоріи Дарвина, послѣднія тоже должны были развиться подъ вліяніемъ какихъ-нибудь причинъ (с. 91).

Вообще Гельвальдъ плохо понимаетъ Дарвина. Послѣдній въ своей книгѣ о человѣкѣ старался доказать, что кромѣ чисто-эгоистическихъ, личныхъ стремленій, у человѣка есть общественныя, болѣе или менѣе безкорыстныя стремленія, что въ человѣчествѣ постепенно развиваются нравственныя чувства, играющія важную роль въ его жизни. Но фанатическому дарвинисту Гельвальду ни до чего этого дѣла пѣтъ; онъ знаетъ только одинъ законъ историческаго развитія—*борьбу за существованіе*. Онъ вполне основательно доказываетъ, что въ дикой, первобытной жизни закопъ этотъ заправляетъ всѣми социальными явленіями (с. 12 и др.). Нельзя не согласиться съ нимъ, что и въ исторіи цивилизаціи борьба за существованіе играетъ весьма значительную роль, но рядомъ съ нею дѣйствуютъ и ей противодействуютъ мотивы другого нравственнаго порядка, которые Гельвальдъ считаетъ *мупостями* и не придаетъ имъ никакого значенія. „Развитіе и личности, и общественныхъ группъ, и всего человѣчества зависятъ отъ успѣховъ этой борьбы за существованіе, въ которой

побѣждаютъ только *сильнѣйшіе*, дѣйствуетъ и будетъ дѣйствовать всегда одно *право силы*“ (с. 58, 734 и др.). „Отсюда слѣдуетъ, что высшая цѣль и отдѣльнаго лица, и рода заключается въ самосохраненіи, а чтобы достигъ послѣдняго, должно не поддаваться окружающему внѣшнему міру, не чувствовать себя за-одно съ нимъ, но бороться съ нимъ повсюду, гдѣ только онъ противодѣйствуетъ развитію личности или рода. Существованіе я, будетъ-ли то индивидъ или община индивидовъ, и не только его существованіе, но и продолженіе существованія его особенныхъ свойствъ, зависятъ отъ прагматической противоположности этого я и внѣшняго міра. Поэтому, каждое я имѣетъ непремѣнную обязанность *взять высшею руководительницею своихъ дѣйствій свою субъективную потребность*“, т. е. свой эгоистическій расчетъ (с. 569). „Борьба за существованіе есть естественное состояніе человѣчества; она—двигатель развитія; безъ нея все останавливается и умираетъ; она возбуждаетъ, животворитъ, производитъ, движетъ, и поэтому она—наша задача, можно сказать—наша религія. Все борется,—и вопросъ только въ томъ, *кто побѣдитъ*. Но кто-бы ни былъ побѣдителемъ, онъ все-таки долженъ пройти по трунамъ побѣжденныхъ,—таковъ законъ природы... При этомъ основномъ законѣ примиреніе невозможно. *Борьба безконечна*“ (с. 798). Гельвальдъ доводитъ эту идею до рѣшительнаго абсурда, утверждая, напр., что для развитія народовъ война благопріятнѣе мира, что гдѣ только драка, кровь, опустошеніе, тамъ и прогрессъ, что невозможно не согласиться съ мнѣніемъ г. Павла Лялиенфельда, будто-бы нѣтъ завоеваній, которыя-бы не приносили пользы культурѣ, „и завоеватели—хотятъ они того или нѣтъ—неизбѣжно служатъ развитію культуры“ (с. 290).

Чтобы развитъ и доказать подобную идею, неизбѣжно отвергнуть или примирить съ нею общественное значеніе нравственнаго чувства, идеаловъ, вѣрованій, религіи въ обширномъ смыслѣ этого слова. Надъ рѣшеніемъ этой задачи Гельвальдъ совершенно сбивается съ толку. Онъ признаетъ, что идеалы имѣютъ великое значеніе въ развитіи человѣчества, какъ, напр., это доказывается исторіей христіанства, и т. д. (с. 31, 403, 720). Все это еще понятно, но дальше слѣдуютъ такія противорѣчія, которыя могутъ уложиться вмѣстѣ не во всякой головѣ. „Наука должна

разрушить все идеалы, показать, что они обманъ, что нравственность, равенство, любовь, свобода, человѣческія права — ложь, и въ то-же время она должна доказать необходимость идеаловъ, вѣры, религіи, нравственности, любви, свободы, — словомъ, всѣхъ этихъ заблужденій, для культурнаго развитія. Наука съ такой-же силой доказываетъ необходимость всѣхъ тѣхъ явленій, которыя обыкновенно считаются помѣхами для развитія культуры, напр., рабства, тираниі, порабощенія ума и т. д., ибо они — *изобрѣтены человекомъ съ цѣлью самосохраненія* и служатъ орудіями въ борьбѣ за существованіе. Только при совершенномъ непониманіи законовъ развитія можно утверждать, что безъ этихъ препятствій развитіе человѣчества пошло-бы успѣшнѣе, чѣмъ при нихъ. Совершенно напротивъ: безъ этихъ препятствій въ умственной сферѣ никогда не вспыхнуло-бы борьбы за существованіе, которая по-необходимости есть борьба за власть, за преобладаніе. На нихъ острился умъ, приобрѣталъ новое оружіе, безъ нихъ мы никогда не поднялись-бы до теперешней культурной высоты, а оставались-бы, можетъ быть, на ступени развитія тѣхъ южныхъ островитянъ, райское положеніе которыхъ открывшіе ихъ путешественники изображали въ такихъ заманчивыхъ краскахъ“ (с. 570). При этомъ „способность идеализации, этотъ даръ природы, никогда не можетъ прекратить своей дѣятельности, и идеалы, т. е. необходимыя заблужденія, будутъ существовать, пока существуютъ на землѣ люди“ (с. 799). Какъ примирить съ этимъ то, что „наука должна разрушить все идеалы“, для чего разрушать ихъ, если они необходимы и полезны, и возможно-ли разрушить ихъ, если они будутъ существовать всегда, — размышлять надъ этими вопросами предоставляемъ самому читателю.

Общественные организмы, по Гельвальду, такъ-же рождаются, растутъ, старѣютъ и умираютъ, какъ и физическіе организмы. Смерть каждаго изъ нихъ неизбѣжна, и идея возрожденія — чепуха. „Никакая система не можетъ произвести этого возрожденія; все, что можетъ сдѣлать извѣстная система, ограничивается *поддержаніемъ* втеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Такъ извѣстныя предупредительныя средства могутъ продлить жизнь старика, но въ концѣ-концовъ тѣло все-таки подчиняется неумолимому закону природы“ (с. 356). Противъ этой

теоріи можно выставить, напр., современное возрожденіе Японіи, но Гельвальдъ обходитъ его съ такимъ-же благоразуміемъ, съ какимъ Бокль обошелъ исторію Китая,—онъ ни слова не говоритъ о немъ. За то онъ подробно трактуетъ объ эпохахъ упадка и старается всѣми силами доказать процессъ умирающаго народовъ и государствъ. У него даже выходитъ, что исторія культуры есть исторія порчи и вырожденія людей. „Развращенность (die Corruption) есть социальное явленіе, всегда сопровождающее культуру на высокихъ ступеняхъ ея развитія. Такъ было въ древнемъ Римѣ, такъ было въ Элладѣ, такъ, наконецъ, во многихъ культурныхъ государствахъ нашего времени... Внимательное изслѣдованіе исторіи культуры показываетъ, что развращенность существуетъ вездѣ, гдѣ есть люди, но въ особенности тамъ, гдѣ человеческимъ страстямъ предоставляется наиболѣе широкое поле, именно—въ демократическихъ республикахъ. Почти вездѣ мы видимъ демократію въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ развращенностью ¹⁾“ (с. 287). Мало этого, каждая демократическая нація рано или поздно кончается междуусобной войной (с. 347), и общество стремится къ своей собственной гибели, какъ это показываютъ, напр., Соединенные Штаты. Гельвальдъ рисуетъ такую картину Сѣверо-американскаго Союза, которая была-бы истиннѣ ужасна, если-бы была вѣрна дѣйствительности. Во время войны „прекраснѣйшая половина страны подверглась вандальскому опустошенію. Государственный долгъ увеличился до колоссальныхъ размѣровъ и съ тѣхъ поръ только немного уменьшился. Афера преобладаетъ надъ солиднымъ трудомъ, развращенность не имѣетъ границъ и изъ низшихъ классовъ поднимается даже въ высшія правительственныя сферы; нравственность стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ, плодоизгнаніе, не стѣняясь, совершается публично, торговля стѣснена нелѣпнымъ тарифомъ, судоходство погибаетъ, всѣ отрасли промышленности падаютъ, невежество дѣлаетъ быстрые успѣхи, число безграмотныхъ за два поколѣнія увеличилось втрое, науки и искусства почти вовсе нѣтъ, выдающіяся научныя изслѣдованія принадлежатъ къ рѣдкимъ

¹⁾ „Охотно указываемъ на извѣстное исключеніе—Швейцарію. Развращенность свѣршпствуетъ также въ монархіяхъ, и она не порождается республикой, но коощряется ею“. *Примпч. Гельвальда.*

исключеніямъ. Народное имущество расхищается, государственныя дѣла находятся въ неопытныхъ рукахъ, должности раздаются не по достоинствамъ, а по произволу или за взятки. Бѣдный, неимущій стонетъ подъ игомъ не дворянства, котораго нѣтъ, но золотого мѣшка. Бѣдность низшихъ классовъ возмутительна“ (с. 759). Словомъ, Соединенные Штаты погибають, какъ погибли Греція, Римъ, Франція. Въ такихъ случаяхъ истинными „спасителями общества“, возстановителями порядка, „являются Цезари, Наполеоны, Серрано, Макъ-Магоны“. Производимые ими государственные перевороты Гельвальдъ считаетъ „величайшими благодѣянiями для культуры и справедливымъ наказанiемъ за всѣ политическія преступленiя народа“ (с. 345, 349, 356). Даже вторую имперiю онъ считаетъ благодѣянiемъ для Франціи (с. 736). Соединенные Штаты тоже нуждаются въ такомъ „благодѣянiи“ и дѣла въ нихъ видимо идутъ къ скорому появленiю „спасителей общества“ (с. 752). Вообще, цивилизованные народы приближаются къ старости, да и все человѣчество идетъ къ вымиранiю. „Наука разрываетъ завѣсу будущаго и видитъ конецъ человѣчества. Подобно вымершимъ животнымъ видамъ прошедшихъ періодовъ земли, и человѣкъ есть только временный феноменъ на землѣ. Хотя-бы и въ безконечно отдаленномъ будущемъ, но несомнѣнно—такъ говоритъ наука—съ потребленiемъ угольной кислоты и воды будутъ исчезать вмѣстѣ съ ними организмы и люди; борьба силъ и элементовъ природы, борьба за существованiе, наконецъ, кончится. Тогда водворится на землѣ вѣчный покой смерти и равенства“ (с. 800). котораго собственно и желаетъ историкъ, Императорской Германiи, Гельвальдъ.

Философія Гельвальда и подобныхъ ему дарвинистовъ хотя и говоритъ о борьбѣ и жизни, но въ сущности приходитъ къ такимъ-же мрачнымъ выводамъ, къ такимъ-же мертвеннымъ заключенiямъ, какъ и философія какихъ-нибудь Шопенгауера или Гартмана. Соціальная философія Спенсера, изложенная главнымъ образомъ въ его *Study of Sociology*, 3 edition, 1874, тоже не очень утѣшительна и страдаетъ тѣми-же научными недостатками, какъ и теорiя Гельвальда. Доктрина „соціальной эволюціи“ состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что каждая ступень человѣче-

скаго прогреса есть продолженіе и результатъ ступени, непосредственно предшествовавшей ей, и вся серія этихъ ступеней, начиная съ дикой жизни и кончая самыми развитыми цивилизаціями, составляетъ одну цѣпь, всѣ звенья которой связаны между собой точно тѣмъ-же порядкомъ, какъ и въ развитіи другихъ отдѣловъ природы. Противъ этихъ положеній никто, конечно, спорить не будетъ. Но Спенсеръ совершенно отождествляетъ эволюцію въ жизни отдѣльнаго животнаго съ эволюціей рода и „соціального организма“, т. е. организованной общественной жизни; законы біологіи онъ переноситъ въ соціологію. Наблюдая законъ, управляющій развитіемъ роста отдѣльнаго организма съ дѣтства до зрѣлости, онъ видитъ точно тотъ-же законъ въ ростѣ рода, общественнаго организма, въ развитіи аморфичнаго сѣмени до высшихъ и сложныхъ формъ жизни. Развитіе отдѣльнаго организма и животныхъ видовъ, подъ вліяніемъ закона „борьбы за существованіе“ и „переживанія сильнѣйшихъ“, идетъ само-собою (spontaneously), т. е. служитъ результатомъ дѣйствій, предпринимаемыхъ безъ сознанія той цѣли, какая достигается. Это, конечно, вѣрно, когда дѣло идетъ о развитіи отдѣльнаго животнаго, даже о развитіи родовъ животныхъ. Но, по теоріи Спенсера, точно такъ-же развивается и человѣческое общество; его ростъ и прогрессъ будто-бы служатъ не результатами усилій, входящихъ въ составъ его членовъ улучшить свое общественное положеніе, но являются, главнымъ образомъ, если не исключительно, результатами дѣйствій, предпринимаемыхъ съ совершенно другими цѣлями. Процессъ этотъ идетъ самъ собою, и, слѣдовательно, всѣ усилія отдѣльныхъ лицъ двинуть впередъ общее дѣло, всѣ ихъ прогрессивныя планы — излишни и совершенно безплодны; они „могутъ даже замедлить процессъ, произвести въ немъ безпорядокъ. Аналогія индивидуальнаго развитія оказываетъ здѣсь намъ новую услугу. Развитіе отдѣльнаго организма, по его спеціальному типу, имѣетъ приблизительно однообразный ходъ, требуетъ опредѣленнаго количества времени, и никакое воспитаніе не можетъ ни радикально измѣнить его, ни значительно ускорить; самое большее, что можно сдѣлать, это поддерживать необходимыя благопріятныя условія развитія. Но очень легко принять такую систему воспитанія, которая можетъ превратить воспитываемое существо въ карлика или урода или причинить другой

вредъ; процессъ роста и развитія можетъ быть замедляемъ и извращаемъ, что и случается очень часто; но онъ не можетъ быть искусственно улучшаемъ. То-же самое слѣдуетъ сказать и о социальномъ организмѣ“. Эта доктрина приводитъ къ совершенной пассивности личности, къ фатализму. Если развитіе идетъ само собой, если частныя усилія могутъ только испортить его, но отнюдь не ускорить, то остается сѣсть, сложивъ руки, и покориться непреложному ходу социальной эволюціи. Отвѣчая на это возраженіе, Спенсеръ только совѣтуетъ „признать истину“.

Но эта „истина“ вовсе не доказана; она основана на простой аналогіи, на подчиненіи общественнаго процесса законамъ зоологіи и фізіологіи. Полной аналогіи тутъ быть не можетъ. Дѣло въ томъ, что условія, благопріятныя для развитія отдѣльнаго организма, находятся *вне* его; условія-же социального развитія, о которыхъ идетъ вопросъ, состоятъ въ стремленіяхъ къ общественному развитію единицъ, находящихся *внутри* социального организма, составляющихъ его. Кромя того, Спенсеръ не подкрѣпляетъ своей теоріи историческими фактами, которые, во многихъ отношеніяхъ, говорятъ противъ нея. Такъ, напр., извѣстныя націи втеченіи нѣсколькихъ столѣтій дѣлали быстрые успѣхи въ цивилизаціи, затѣмъ прогрессъ ихъ останавливался и въ нѣкоторыхъ случаяхъ наступали даже эпохи понятнаго движенія. Есть и другія націи, и ихъ гораздо больше, чѣмъ первыхъ, которыя въ продолженіи тысячелѣтій прозябаютъ въ состояніи почти полнаго застоя. Даже Европа регресировала нѣсколько вѣковъ, съ эпохи Антониновъ до XII столѣтія. Все это говоритъ противъ теоріи Спенсера, основанной на одной аналогіи, неполноту которой признаетъ даже онъ самъ. „Въ индивидуальномъ тѣлѣ, говоритъ онъ,—благосостояніе всѣхъ частей прямо подчинено нервной системѣ, нормальная или болѣзненная дѣятельность которой отражается на жизни. Но къ тѣламъ политическимъ это не относится или относится только въ весьма малой степени. Жизни всѣхъ частей животнаго погружаются въ жизнь цѣлаго, потому что цѣлое обладаетъ корпоративнымъ сознаниемъ счастья или страданія. Не то мы видимъ въ обществѣ, живныя единицы котораго не теряютъ и не могутъ терять своего индивидуальнаго сознанія и которое, какъ цѣлое, не имѣетъ корпоративнаго сознанія. Вотъ почему благосостояніе гражданъ не можетъ быть приносимо въ

жертву какому-то воображаемому благосостоянію государства, а государство должно существовать только для блага гражданъ. Корпоративная жизнь должна служить жизнью частей, а не жизни частей корпоративной жизни“. Это такое существенное различіе, которое роняетъ всю аналогію, и Гёксли совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что „верховная власть тѣла думаетъ за физиологическій организмъ, дѣйствуетъ за него и править его составными частями жезломъ желѣзнымъ. Сопротивленіе ей ведетъ за собой смерть или ту частную смерть, которая называется параличемъ. Слѣдовательно, если аналогія политическаго тѣла съ физиологическимъ тѣломъ сколько-нибудь состоятельна, то она должна благопріятствовать гораздо большей степени правительственнаго вмѣшательства, чѣмъ какую мы видимъ теперь“. Аналогія эта до нѣкоторой степени справедлива въ первобытной жизни. „Въ первобытной жизни, говоритъ Кэрнсъ, — въ то время, какъ человѣкъ остается еще дикимъ, и, можетъ быть, на нѣкоторое время послѣ того, какъ онъ уже вышелъ изъ дикаго состоянія, вліянія, опредѣляющія его общественное развитіе, въ сущности тѣ-же самыя, которыя опредѣляютъ и развитіе какого-нибудь вида. Поэтому, нѣтъ ничего страннаго, что въ этотъ періодъ и въ животномъ, и въ человѣческомъ обществѣ эволюція идетъ одинаково. Но наступаетъ такое время въ прогресѣ человѣческаго развитія, когда людскія общества приобретаютъ сознание своего корпоративнаго существованія и когда улучшение условій этого существованія дѣлается предметомъ сознательныхъ и обдуманыхъ усилій... Это новая социальная сила, совершенно отличная по своему характеру отъ всѣхъ другихъ, вліявшихъ до тѣхъ поръ на человѣческую судьбу, совершенно отличная также отъ вліяній, опредѣляющихъ развитіе отдѣльнаго животнаго или вида. Мы не можемъ прибавить ни одного вершка къ нашему росту. Подвергаясь процессу развитія, животное насколько не сознаетъ вліяній, опредѣляющихъ судьбу его. Но не то въ человѣческой эволюціи. Цивилизованные люди знаютъ о переменныхъ, совершающихся въ ихъ социальномъ положеніи, они сознательно и обдуманно принимаютъ мѣры къ его улучшенію, и главный вопросъ состоитъ въ томъ, на-сколько такія мѣры, сознательно и обдуманно предпринимаемыя людьми для социальнаго усовершенствованія, могутъ вліять на ходъ социальной эволюціи?“

Мѣры эти истекають, во-первыхъ, отъ правительства, во-вторыхъ — отъ частныхъ лицъ. „Законы, говоритъ Спенсеръ, — *вырастаютъ* изъ народнаго характера... Общественныя реформы — части общаго процесса развитія“; то-есть они „вырастаютъ“ и развиваются по общему закону эволюціи, „сами собой“, — *spontaneously!*.. Но, говоритъ Миль, „политическія учрежденія созданы людьми. Люди не нашли ихъ вдругъ выросшими, пробудившись въ одно прекрасное утро. Они не походятъ и на деревья, которыя растутъ, когда люди спятъ“. Что-же касается вліянія этихъ учрежденій на народное развитіе, то превосходный примѣръ его указываетъ Мэпъ. Древніе кодексы, говоритъ онъ, имѣли вліяніе на всю будущность народовъ, которая зависѣла отъ того, „въ какой періодъ, на какой ступени ихъ соціальнаго прогресса законы ихъ могли быть переданы письменно. На Западѣ плебейскій или народный элементъ въ каждомъ государствѣ постепенно стѣснялъ олигархическую монополію, и кодексъ почти повсюду являлся *рано* въ исторіи общества. Но на Востокѣ правящія аристократіи стремились сдѣлаться скорѣе религіозными, чѣмъ военными или политическими, и вслѣдствіе этого скорѣе усилили, чѣмъ потеряли свою власть, и въ то-же время физическая формація азіатскихъ странъ содѣйствовала возникновенію государствъ болѣе обширныхъ и многочисленныхъ, чѣмъ на Западѣ; а извѣстенъ соціальный законъ, что чѣмъ обширнѣе пространство, на которомъ дѣйствуютъ извѣстныя институціи, тѣмъ сильнѣе ихъ прочность и жизненность. Кодексы были получены восточными обществами гораздо позже, чѣмъ западными, и имѣли весьма различный характеръ. Судьбой индусскаго права можно измѣрять значеніе римскаго кодекса. Этнологія показываетъ намъ, что римляне и индусы происходили отъ одного общаго корня и ихъ первоначальныя обычаи поразительно сходны между собой. Даже теперь индусская юриспруденція имѣетъ духъ предусмотрительности и здраваго сужденія, но неразумная подражательность обременила ее множествомъ жестокихъ нецѣлостей. Отъ этихъ поврежденных римляне были избавлены кодексомъ. Онъ былъ составленъ въ то время, когда обычаи не были еще измѣнены, а черезъ какія-нибудь сто лѣтъ было-бы, можетъ быть, уже слишкомъ поздно... Мы не хотимъ этимъ сказать, что если-бы не было 12 таблицъ, то римляне были-бы осуждены на цивилизацію столь-же слабую и не-

совершенную, какъ индусы, но, имѣя кодексъ, они были избавлены отъ многихъ шансовъ подвергнуться столь плачевной судьбѣ“. Миль, посвятившій этому вопросу нѣсколько блестящихъ страницъ, говоритъ, что учрежденія, благопріятствующія прогрессу въ извѣстную эпоху развитія, могутъ быть гибельными для него въ другую эпоху. „Египетская іерархія, отеческій деспотизмъ Китая были отличными орудіями для поднятія этихъ народовъ до той высоты цивилизаціи, какой они достигли. Но, достигнувъ этой точки, они остановились на ней, вслѣдствіе недостатка умственной свободы и индивидуальности; эти учрежденія совершенно лишили ихъ стремленій къ развитію, и такъ-какъ учрежденія не были замѣнены другими, то и самое развитіе прекратилось“. Въ Палестинѣ были подобныя-же учрежденія; но здѣсь дѣйствовалъ голосъ пророковъ, составлявшихъ своего рода священную институцію, и благодаря этому, здѣсь не было такого застоя, какъ въ Египтѣ или Китаѣ. Римъ эпохи паденія и современная Франція могутъ служить также поразительными примѣрами вліянія политическихъ учреждений на характеръ и судьбу народа. Наполеоновская имперія, основанная насиліемъ и поддерживаемая интригою, извратила и понятія, и нравственныя чувства массы. Татарское владѣтельство въ Россіи оставило также самыя гибельныя и глубокіе слѣды. Но ни наполеоновскій переворотъ, ни татарское иго не могутъ быть подведены подъ категорію соціальной эволюціи въ смыслѣ Спенсера. Невозможно также цѣликомъ переносить въ исторію дарвиновскій законъ борьбы за существованіе, какъ это дѣлаютъ Гельвальдъ, Спенсеръ и др. Прогрессъ цивилизаціи измѣняетъ эту борьбу въ двухъ существенныхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, развивая чувства, противодѣйствующія суровости естественнаго закона, во-вторыхъ, замѣняя чисто-физическую силу, которая въ естественномъ состояніи рѣшаетъ дѣло, извѣстными нравственными силами въ формѣ закона и общественнаго мнѣнія. Физически слабые возбуждаютъ сочувствіе согражданъ и получаютъ помощь, чего вовсе нѣтъ въ естественной жизни. Все это значительно измѣняетъ характеръ борьбы и ея результаты, и хотя она еще продолжается, но въ человѣчествѣ постепенно воспитываются другіе принципы и чувства.

Спенсеръ отрицаетъ значеніе политическихъ учреждений, реформъ, законовъ и т. д. „Научное изученіе соціологіи, говоритъ

онъ,—разбиваетъ ходячую иллюзію, что социальныя недуги можно радикально излечивать. Можно измѣнить форму ихъ результатовъ, можно переимѣнить мѣста, на которыхъ они обнаруживаются, но отдѣлаться отъ нихъ невозможно“. Спенсеръ доказываетъ, что если подавлять извѣстное зло законодательствомъ, то для этого нужно создать новый административный аппаратъ, на содержаніе котораго потребуется новый налогъ, а налогъ этотъ, павшій на крестьянъ и ремесленниковъ, потребуетъ отъ нихъ новаго труда, и такимъ образомъ явится новое зло, „равное“ злу, которое взялся искоренить законъ. Кэрнсъ совершенно разбиваетъ всѣ эти выводы примѣрами. Онъ указываетъ, между прочимъ, на ирландскій Tithе Commutation Act, по которому церковная десятина, взимаемая съ ирландскихъ арендаторовъ, была превращена въ налогъ, уплачиваемый землевладѣльцами. До этой реформы для взиманія налога существовала многочисленная и дорогая администрація, реформа-же до крайности удешевила взиманіе,—слѣдовательно, дѣйствовала совершенно противъ теоріи Спенсера. Сборъ налога съ арендаторовъ поддерживалъ въ Ирландіи почти хроническую гражданскую войну, съ реформой-же мятежи и аграрныя преступленія, на-сколько они зависѣли отъ формы налога, совершенно прекратились. Вообще Спенсеръ смотритъ на факты исторіи и дѣйствительной жизни сквозь очки своихъ аналогій и строитъ свои теоріи часто на однихъ только сравненіяхъ. „Изъ кирпичей хорошо обожженныхъ, прочныхъ, правильной формы, каменьщикъ даже безъ цемента можетъ вывести довольно высокую и значительно прочную стѣну. Изъ кирпичей-же, сдѣланныхъ изъ дурнаго матеріала, плохо обожженныхъ, неправильныхъ, треснувшихъ онъ не можетъ построить стѣны той-же высоты и прочности. Работникъ въ адмиралтействѣ, складывающій пушечныя ядра, рѣшительно не можетъ заставить эти сферическія массы лежать такъ, какъ лежатъ кирпичи. Они могутъ быть сложены только въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ формахъ, напр., въ формѣ пирамиды. Въ каждой изъ этихъ формъ они будутъ лежать симметрически и прочно, но не въ другихъ формахъ... Обобщая всѣ подобныя факты, мы получаемъ выводъ, что характеръ агрегата опредѣляется характеромъ единицъ“. Подтверждая этотъ выводъ данными химіи, физики и естественной исторіи, Спенсеръ перено-

сить его и на общественную жизнь. Но эта его аналогія, подобно многимъ другимъ, не полна и поэтому приводитъ къ ложнымъ результатамъ. Во всѣхъ приведенныхъ имъ примѣрахъ единицы, составляющія агрегатъ, однородны или почти однородны. Кирпичи, напр., всѣ одинаковой формы, плотности, даже цвѣта; ядра всѣ сферическія, тяжелыя, плотныя и т. д. Но не то мы видимъ въ человѣческомъ обществѣ, единицы котораго крайне разнообразны, и тѣмъ разнообразнѣе, чѣмъ сложнѣе и выше человѣческая организація. Во многихъ случаяхъ, народъ, составляющій общество, происходитъ отъ различныхъ племенъ, имѣвшихъ разную судьбу и передавшихъ потомству свои особенности. Даже въ одномъ племени, въ одномъ классѣ, въ одномъ семействѣ существуютъ самыя существенныя физическія, умственные, нравственные различія, и на возможности этого разнообразія единицъ основана возможность разнообразія характера агрегата, которой не было-бы, если-бы единицы были однородны, какъ въ примѣрахъ Спенсера. Данное число людей можетъ быть расположено и организовано для общественныхъ цѣлей разнообразными способами; можетъ быть и такъ, что управленіе будетъ находиться въ рукахъ способнѣйшихъ, можетъ быть и такъ, что во главѣ общества будутъ стоять худшіе люди, какъ, напр., въ городскомъ управленіи Нью-Йорка, муниципалитетъ котораго занимается грабежами казны. Разнообразіе единицъ допускаетъ возможность варьировать общественныя комбинаціи къ большему благу и къ несчастію людей. Независимо отъ этого, Спенсеръ упускаетъ изъ виду, что въ общественной жизни, промѣ механическихъ и физиологическихъ, дѣйствуютъ еще и другія силы. „Подъ вліяніемъ общаго возбужденія, говоритъ Кэрнсъ,—когда люди увлекаются заразительными симпатіями, они становятся способны говорить и дѣлать такія вещи, которымъ-бы они сами изумились въ болѣе спокойныя минуты и которыхъ не ожидали отъ нихъ никто изъ тѣхъ, которые судили объ ихъ характерахъ по тому, какъ они проявлялись въ состояніи изолированности отъ другихъ людей. Соціальныя силы, развиваемыя такимъ образомъ обществомъ и симпатіей, имѣютъ важное значеніе и подрываютъ окончательно состоятельность аналогіи Спенсера. Но мало того, что объ доктрины Спенсера, динамическая и статическая, отвергаютъ значеніе этихъ силъ, онѣ стремятся пода-

вить самныя эти силы, воспитывая въ людяхъ мнѣніе, что всѣ усилія лица или общества не могутъ измѣнить даннаго положенія вещей. По свидѣтельству Кэрнса, это ученіе Спенсера болѣе и болѣе распространяется въ Англіи, порождая апатію и невѣріе въ общественный прогрессъ. Но если уже все предопредѣлено природою, то къ чему-же изученіе социологіи? Къ чему пропаганда этихъ идей? Согласится-ли самъ Спенсеръ, по своей теоріи, признать себя только „сознательнымъ автоматомъ“?

Разборъ профессора Кэрнса вызвалъ отвѣтъ Спенсера, если только можно назвать отвѣтомъ замѣтку, занимающую всего одну страницу. Всѣ возраженія, выставленныя Кэрнсомъ, Спенсеръ обѣщается опровергнуть въ своихъ „Началахъ социологіи“. Далѣе онъ отрекается отъ идеи пассивности, которую приписываетъ ему Кэрнсъ, и, выписавъ изъ своихъ сочиненій небольшую тираду, гласящую, что каждый долженъ исповѣдывать свои убѣжденія и дѣйствовать по нимъ, „соединяя филантропическую энергію съ философскимъ спокойствіемъ“, философъ заключаетъ такъ: „Здѣсь я хотѣлъ только объяснить, что тѣ выводы, какіе дѣлаетъ профессоръ Кэрнсъ изъ моихъ положеній, сильно отличаются отъ выводовъ, какіе дѣлаю изъ нихъ я“. Можетъ быть, в дѣйствительности выводы Кэрнса нѣсколько противорѣчатъ симпатіямъ и мнѣніямъ Спенсера, но дѣло въ томъ, что выводы эти логичны и къ нимъ приходитъ большинство почитателей Спенсера и подобныхъ ему мыслителей. Кэрнсъ утверждаетъ даже, что теперешняя консервативная реакція въ Англіи порождена въ известной степени философіей Спенсера. Какъ-бы то ни было, но вліяніе этой философіи ясно, а шаткіе пункты ея очевидны.

С. Старицкѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Россія и Англія въ средней Азіи. М. А. Терентьева. Спб.
1875 г.

Вопросъ о средней Азіи породилъ за границей, особенно въ Англіи, цѣлую литературу; все, что относится къ этому краю, возбуждаетъ тамъ живѣйшій интересъ, начиная съ походовъ Кауфмана и кончая мнѣніями «Голоса», поставляемыми въ эту газету либеральными господами-ташкентцами. У насъ не то. Наше общество еще мало интересуется средней Азіей и большинство не только не понимаетъ, зачѣмъ мы идемъ туда, но даже не задаетъ себѣ этого вопроса. Для уясненія дѣла книга г. Терентьева, при всѣхъ ея недостаткахъ, будетъ очень полезна. Авторъ располагалъ множествомъ матеріаловъ; онъ самъ служилъ въ Ташкентѣ, знакомъ даже съ туземнымъ языкомъ, онъ изучилъ заграничную литературу о странѣ и пользовался малодоступными дипломатическими документами.

Г. Терентьевъ совершенно справедливо говоритъ, что наше движеніе въ среднюю Азію вызвано необходимостью обезпеченія нашихъ границъ отъ набѣговъ среднеазиатскихъ варваровъ. Занявъ восточную Россію и Сибирь, русскіе вошли въ постоянныя столкновенія съ ними. «Вскорѣ по завоеваніи Казани, башкиры, или бесерги, бывшіе до того ея данниками, приняли подданство Россіи, но ничуть не стѣснялись дѣлать на нее набѣги. Русскіе вынуждены были, наконецъ, возводить укрѣпленія вокругъ пограничныхъ селъ и даже *непрерывные валы* отъ села къ селу. Такимъ образомъ, одолѣвъ одного врага, Россія тотчасъ-же должна была справляться съ другимъ: за Золотой Ордой—съ Казанью, за Казанью—съ башкирами и т. д. Въ этомъ какъ-будто и состоитъ ея дальнѣйшее призваніе: орда за ордою

являются къ ей предѣламъ, стучатся, такъ-сказать, въ дверь Европы, но суровый стражъ безцеремонно выпроваживаетъ непрошеннаго гостя...

«Исторія дальнѣйшаго движенія нашего на востокъ характеризуется въ общихъ чертахъ такимъ образомъ: сосѣдство съ дикими, непризнающими ни международныхъ и *никакихъ* правъ, кромѣ права силы, вынуждало насъ укрѣплять границу линією крѣпостей; подъ защиту этихъ крѣпостей являлись по временамъ, съ просьбою о правахъ гражданства, то-есть о *защитѣ*, дикія племена, тѣснимыя болѣе сильными; эти новые подданные чрезъ нѣсколько времени оказывались хуже враговъ; намъ приходилось или задавить ихъ окончательно, или прогнать, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимо было оцѣнить занятую ими территорію рядомъ новыхъ укрѣпленій—являлась, значитъ, новая линія.

«Такъ *перекатными* линіями и подвигается Русь на востокъ, въ тщетной погонѣ за спокойствіемъ. И не найдетъ она этого спокойствія, пока не дойдетъ до народа, уважающаго договоры, народа на-столько цивилизованнаго, чтобы не жить грабежемъ и разбоемъ, и на-столько сильнаго, чтобы не допускать нарушенія нашихъ границъ разбойничьими набѣгами своихъ шаекъ.

«Такая програма, созданная степями и дикими ордами, т. е. географическими и историческими условіями, была принята нами путемъ роковой необходимости и принята впервые къ башкирамъ: когда ни укрѣпленія селъ нашихъ, ни даже непрерывные вазы не въ состояніи были удержать ихъ отъ набѣговъ и разбоевъ, рѣшено было оцѣпить ихъ укрѣпленіями. При Аннѣ Ивановнѣ возникла на р. Яикѣ и ея притокахъ оренбургская линія. Башкиры были отрѣзаны отъ степей и замкнуты въ *настоящее* подданство» (стр. 8—11).

«Затѣмъ, для защиты отъ киргизовъ возникла *сибирская линія* укрѣпленій, но соединить ее съ оренбургскою по географическимъ условіямъ было невозможно. Кромѣ этого большого промежутка между обѣими линіями, въ каждой изъ нихъ были меньшіе промежутки, и въ эти-то ворота по-прежнему вторгались киргизы. Ограды, ежегодно высылавшіяся въ степь, не помогали, и въ 1836 году Перовскій началъ строить непрерывный земляной вазъ, на манеръ пресловутой великой стѣны, защищающей Китай съ сѣвера!.. Постройка вазы скорѣе-же была брошена, и оренбургское начальство возвратилось къ прежней системѣ отношеній къ киргизамъ.

«За малыми исключеніями, почти всѣ губернаторы держались того

нѣвнѣ, что съ ордынцами можно справиться ихъ-же способомъ: набѣгами. Представимъ себѣ такую картину: чумекеевцы расчленили нашихъ башкиръ и потянулись съ барантой во-своихъ, но мы вступаемся и высылаемъ въ степь отрядъ... Обыкновенно въ такихъ случаяхъ виноватые успѣютъ откочевать подальше, въ предѣлы Хивы или Бухары, а *подъ руку* попадаютъ только невинные, какіе-нибудь чеклинцы, которые считаютъ себя неподлежащими возмездію и потому остаются на своихъ мѣстахъ. Но такъ-какъ рѣшить вопросъ: виноваты они или нѣтъ?—предоставлено начальнику отряда, какому-нибудь казачьему офицеру, то отрядъ почти всегда возвращается съ барантой и съ *отличіемъ*, т. е. со славою. Расчленинные чеклинцы являются на линію мстять, въ погоню за ними посылаются другой отрядъ, который настигаетъ, положимъ, бейбулатовцевъ и громитъ ихъ... Счеты запутываются.

«Ни одна изъ потерпѣвшихъ сторонъ въ долгу не остается, но возмещаетъ свои убытки на первомъ попавшемся. Спасаясь затѣмъ отъ преслѣдованія, партія, конечно, спѣшитъ, захваченныя стада изнуряются и скотъ начинаетъ падать.

«Въ концѣ концовъ—всѣ остаются въ убыткѣ.

«Если дѣло не ограничивается барантой, а развертывается въ открытое возстаніе, то наши летучіе отряды лишаются и такихъ громкихъ лавровъ, каковы побѣды надъ мирными аулами; тогда ужъ *мирныхъ* нѣтъ—всѣ на-сторожѣ, всѣ ждуть, и то нападаютъ врасплохъ, то улепетываютъ въ безпредѣльныя степи.

«Образцомъ такого образа дѣйствій служитъ возстаніе Кенисары Касимова, въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Отрядъ за отрядомъ высылались въ степь со стороны Оренбурга и Сибири, а Кенисара вертѣлся и юлилъ въ виду этихъ отрядовъ, ускользая отъ преслѣдованія. Зимняя экспедиція Перовскаго противъ Хивы въ 1839 г. доказала какъ нельзя лучше, что, безъ надежныхъ укрѣпленій, длинныхъ походовъ предпринимать нельзя. Опытъ прежняго времени и неудачи настоящаго убѣдили, наконецъ, Обручева, что ни султаны-правители, ни летучіе отряды, ни кротость, ни жестокость, ни дипломатія, ни сила,—ничто не въ состояніи подчинить намъ киргизовъ, пока ихъ лѣтовки и зимовки не будутъ въ нашихъ рукахъ. Другими словами: Обручевъ додумался до стараго способа, испытаннаго уже надъ башкирами,—одѣлать киргизовъ укрѣпленіями» (стр. 13).

Киргизы были одѣлены; но русскіе очутились точно въ такихъ-

же отношеніяхъ къ коканцамъ, бухарцамъ, хивинцамъ, тюркменамъ и т. д. Вслѣдствіе этого русскіе заняли Кульджу, Ташкентъ, встрясли Бухару и Хиву. При этомъ, по заключенію г. Терентьева, играли нѣкоторую роль и чисто-личные мотивы. Въ Петербургѣ не хотѣли большыхъ присоединеній.

«Но въ войскахъ нашихъ свирѣпствовала лихорадка завоеваній; болѣзнь эта не уступала леченію, такъ-какъ въ перемежку съ лекарствами давались весьма сносныя крѣпительныя: чины и ордена.

«Не только генералы, но и простые поручики бредили завоеваніями. Капитаны-же, которымъ вѣрялась какая-нибудь команда, тотчасъ осуществляли свои мечты: такъ былъ взятъ, напримѣръ, Абрамовымъ Яны-Курганъ, соблазвившій своею близостью къ лагерю подъ Джизакомъ, гдѣ за старшаго оставался Абрамовъ.

«Это обстоятельство, какъ видно, хорошо было извѣстно англичанамъ: такъ въ одномъ офиціалномъ документѣ прямо заявлялось, что англійскій кабинетъ совершенно увѣренъ въ искренности русскаго правительства, нежелающаго никакихъ пріобрѣтеній въ средней Азіи, но что онъ боится предприимчивости второстепенныхъ начальниковъ, которые, въ погонѣ за славой и наградами, легко увлекаются за предѣлы, указываемые свѣше» (стр. 227).

Все это совершенно справедливо, но тѣ мотивы нашего движенія въ глубь средней Азіи, на которые указываетъ г. Терентьевъ, имѣютъ лишь второстепенное значеніе. И безъ необходимости ограждать границы отъ набѣговъ кочевниковъ, и безъ честолюбивой предприимчивости второстепенныхъ начальниковъ, русскіе все-таки шли-бы въ среднюю Азію. Говоря объ укрѣпленныхъ линіяхъ, г. Терентьевъ упускаетъ изъ вида тотъ фактъ, что укрѣпленныя линіи, постепенно подвигаясь на востокъ и югъ, слѣдовали только по пути, проложенному уже мирными колонистами. Лишившись своихъ земель на югѣ, древняя Русь была приперта къ холодному сѣверу; но лишь только собралась она съ силами, какъ съ неизмѣнною энергіей начала подвигаться снова къ теплому югу, достигла Чернаго моря, овладѣла Кавказомъ, окружила Каспій. Въ Сибири русская жизнь сосредоточивалась сначала на сѣверѣ; но сѣверъ тоже постепенно пустѣлъ и граница все болѣе и болѣе отодвигалась къ югу. Въ этомъ отношеніи государственная политика и народное стремленіе шли по одному направленію, и будущее предсказать нетрудно: бесплодный сѣверъ Россіи не имѣетъ будущности, онъ никогда не достигнетъ блестящаго развитія, а сѣверъ Сибири превратится въ такую-же зѣбролов-

ную пустыню, какою представляются въ Америкѣ земли гудсонбайской компаніи; двѣтушіе-же центры русской жизни разовьются на Черномъ морѣ, за Кавказомъ, въ средней Азіи, въ южной Сибири, на берегахъ Тихаго океана. Это отлично понимаютъ и заграницей. «Что было-бы съ Россіей, мерзнущей между двумя морями, гавани которыхъ закрыты болѣе шести мѣсяцевъ въ году, говоритъ Алькокъ, — если-бы она не послушалась непогрѣшимаго инстинкта и не стремилась къ открытымъ водамъ и теплomu климату? Мы много слышимъ о стремленіи Россіи къ югу, на Босфоръ, и къ юго-востоку до той-же паралели, въ богатая долины средней и южной Азіи; но дѣлать это ее заставляетъ гораздо болѣе географическая необходимость, чѣмъ политическое честолюбіе. Какимъ образомъ ея народонаселеніе можетъ сдѣлать значительный успѣхъ и развить ея производительныя силы, пока не достигнетъ незамерзающихъ рѣкъ и гаваней? Это стремленіе не только естественное — столь-же естественное, какъ движеніе въ долины ледниковъ, — но и неизбежное. Обстоятельства могутъ замедлить, но не остановить его» *). Но это естественное, обусловленное географіей и исторіей Россіи движеніе съ сѣвера на югъ значительно осложняется политикой, безъ вліянія которой оно совершалось-бы, конечно, иначе. Окруживъ Каспій, играя важную роль въ Персіи, подступивъ къ Турціи съ востока, Россія придвинулась къ границамъ Остъ-Индіи, и въ случаѣ европейской войны изъ-за восточнаго вопроса, можетъ воспользоваться своимъ среднеазіатскимъ положеніемъ чрезвычайно выгодно. Восточный вопросъ будетъ рѣшаться столько-же на Дунаѣ и Черномъ морѣ, сколько и въ средней Азіи. «Это ясно сознается не только англичанами, но и всѣми политиками, сколько-нибудь знакомыми съ географическими, этнографическими и политическими условіями нашей арены дѣйствій. Ген.-адъютантъ Игнатьевъ, нашъ чрезвычайный посолъ при отоманской Портѣ, выразился по этому вопросу слѣдующимъ образомъ (депеша отъ 28 іюня 1868 г.): «Дружба Америки и выгодное положеніе, завоеванное нами въ средней Азіи, необходимо повліяють на рѣшеніе Англій въ случаѣ европейскаго кризиса, который можетъ быть вызванъ Франціей. Если только мы не будемъ прямо угрожать интересамъ Англій, то теперь она прежде два раза подумаетъ, чѣмъ бросится въ войну съ нами» (стр. 233).

*) Fortnightly Review, August, 1875.

«Русская попытка въ 1853 — 5 г. на Константинополь; говорить ость-индскій корреспондентъ газеты «Times»,—не удалась только потому, что они не оперировали противъ Англіи въ средней Азіи. Теперь они поправляютъ эту ошибку: пароходы ихъ ходятъ по Яксарту и Оксу (Сыръ и Амуръ-Даръ), передовые посты ихъ стоятъ въ 300 миляхъ отъ нашей границы, они находятся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Персіей и пользуются неограниченною популярностью среди жителей средней Азіи». Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Азіи, Раулинсонъ, въ своей только-что вышедшей книгѣ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ смыслъ нашего движенія въ Азіи:

«Мы не имѣемъ намѣренія сомнѣваться въ правдивости русскаго правительства относительно его недавнихъ походовъ... но опытъ доказалъ, что можно было ясно предвидѣть, что Россія не въ силахъ остановиться на полпути къ избранной цѣли... Коканъ самъ по себѣ стоитъ, какъ угроза Ташкенту, положительно также, какъ Ташкентъ былъ для Чимкента, и еще раньше Чимкентъ для Туркестана. Дѣйствительно, чѣмъ дальше она идетъ, тѣмъ больше ей необходимости завладѣть вполнѣ странюю»... Считаю, однакожь, Коканъ опаснымъ врагомъ для Россіи, Раулинсонъ высказываетъ мнѣніе, что русскіе долго еще просидятъ на мѣстѣ. «Слѣдовательно, продолжаетъ онъ,—Англіи нечего бояться въ настоящемъ или даже въ ближайшемъ будущемъ нападенія на индійскую имперію, хотя это мнѣніе, присущее нѣкоторымъ трусливымъ обитателямъ Лондона и Калькутты, высказано было въ прекрасномъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, годовомъ докладѣ сэра Родерика Мурчинсона, на последнемъ митингѣ королевскаго географическаго общества въ Лондонѣ... Чего мы дѣйствительно должны бояться, такъ это того, что азіятская Россія вырастетъ къ сѣверу отъ Гинду-ку, укоренится, благодаря своему жизненному началу, и со временемъ сдѣлается опасною соперницей нашей индійской имперіи. Чего мы не безъ основанія можемъ ожидать, такъ это того, что при условіи русской колонизаціи развитіе страны будетъ обезпечено, какъ въ счастливые дни Туркестана, при Чингисханѣ и Тимурѣ, дѣлѣвшихъ свое новорожденное счастье въ долинѣ Яксарта прежде, чѣмъ они рѣшились выступить на завоеванія чужихъ странъ.

«Но разростаніе такой сатрапіи, которая-бы могла пріобрѣсти силу и единство имперіи, будетъ дѣломъ времени,—дѣломъ, можетъ быть, вѣковъ; и воля судьбы можетъ каждую минуту освободить насъ отъ страшнаго кошмара.

«Судя по тону индійской печати, скоро наступитъ, несмотря на отдаленность Россіи, то безпокойное настроеніе умовъ, которое замѣчено было во время первой персидской осады Герата и такъ прекрасно описано Каемъ въ его исторіи авганской войны. Мы не имѣемъ желанія обсуждать опасность, которая, можетъ быть, и не осуществится, но ясно, что чѣмъ ближе русскіе къ Индіи, тѣмъ сильнѣе броженіе умовъ и тѣмъ труднѣе будетъ поддержать порядокъ въ пограничныхъ провинціяхъ. Если при теперешнихъ обстоятельствахъ для индійскаго гарнизона необходима армія въ 70,000 европейцевъ, то когда Россія будетъ стоять лицомъ къ лицу съ Англіей на Индусъ, то ничего нѣтъ невѣроятнаго, если понадобится добавочная армія въ 50,000, а зная наши средства, откуда, позвольте спросить, явится къ намъ эта добавочная сила?»

«Каждый, кто слѣдитъ за движеніемъ русскихъ къ Индіи по картѣ Азіи, не можетъ не быть пораженъ тѣмъ сходствомъ, которое имѣютъ ихъ движенія съ операціями арміи, открывающей параллели противъ осаждаемой крѣпости. Такимъ образомъ, первою параллелью будетъ русская граница, начерченная двадцать лѣтъ назадъ и идущая отъ Каспійскаго моря черезъ Оренбургъ и сибирскую линію къ сѣверу отъ степи до Иртыша. Съ стратегической точки зрѣнія эта параллель можетъ быть разсматриваема какъ обсерваціонная линія. Вторая параллель, которая будетъ составлять ея демонстраціонную линію, есть граница, готовящаяся въ настоящее время и которая, сообразно съ планомъ генерала Романовскаго, будетъ идти отъ Красноводскаго залива, въ серединѣ Каспійскаго моря, къ югу отъ Хивы до Оксуса, и по теченію до Памира, включая, такимъ образомъ, всю узбекскую территорію и ставя въ ея зависимость все воды Оксуса и Яксарта.

«Эта параллель на 1,000 миль ближе, но она не угрожаетъ прямо Индіи, тѣмъ болѣе, что авганскія горы составляютъ сильное военное укрѣпленіе. Третья параллель, которая будетъ естественнымъ результатомъ предварительныхъ операцій и на которую Россія когда-нибудь рѣшится, будетъ идти отъ Астрабада къ юго-восточной части Каспійскаго моря, затѣмъ по персидской границѣ до Герата, отъ него черезъ хазарейскія возвышенности къ Оксусу, или, можетъ быть, черезъ Кадагаръ къ Кабулу. Когда она утвердится такимъ образомъ, то положеніе ея будетъ внушать опасность. Войска, провинціи, оружіе могутъ быть ссередоточены въ Астрабадѣ. Страна между этимъ портомъ и Гератомъ открыта и въ нее легко можетъ достав-

ляться все необходимое. Линія военныхъ постовъ соединить объ позиціи, будетъ держать въ страхѣ тюркменовъ,—сѣдовательно, будетъ выгодна для Персіи и доставитъ Россіи ея содѣйствіе. Гератъ часто называли «ключомъ Индіи» и онъ вполне заслужилъ эту репутацію, какъ самая важная военная позиція. Окружающія городъ земляныя укрѣпленія — колоссальныхъ размѣровъ и могутъ быть безгранично усилены. Воды много, дороги изъ всѣхъ большихъ городовъ, изъ которыхъ только можетъ доставляться русскимъ подкрѣпленіе, встрѣчаются на этомъ счастливомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, можно сказать безъ преувѣчленія, что если Россія станетъ твердою ногою въ Гератѣ и ея сообщенія будутъ обезпечены, во-первыхъ, съ Астрабадомъ черезъ Мешедъ, во-вторыхъ, съ Хивою черезъ Мервъ, въ-третьихъ, съ Ташкентомъ и Бухарою черезъ Мейменъ и Оксусъ,—то всѣ туземныя силы Азіи не въ состояніи будутъ сбить ее съ позиціи. Предположимъ, что она займетъ эту угрожающую позицію только ради своихъ враждебныхъ отношеній къ Англіи,—она будетъ имѣть средства нанести намъ серьезный вредъ, такъ-какъ, кромѣ ея собственныхъ войскъ, занятіе Герата отдастъ всѣ военныя силы Персіи и Авганистана въ ея распоряженіе. Россіи стоитъ только указать на Индію, какъ на добычу, которая всегда служила наградою побѣдоноснымъ войскамъ, спуставшимся съ сѣверныхъ горъ, и она можетъ быть увѣрена въ ихъ сочувствіи...» Перехода къ мѣрамъ противодѣйствія Россіи, авторъ спрашиваетъ: «Можемъ-ли мы оправдаться тѣмъ, что не обращаемъ вниманія на эту опасность, потому что она еще далеко отъ насъ? Не должны-ли мы заранѣе позаботиться, чтобы насъ не захватили врасплохъ? Россія никогда не въ состояніи будетъ утвердиться въ Гератѣ и поддерживать сношенія съ Астрабадомъ безъ содѣйствія Персіи,—и вотъ наши усилія должны стремиться къ тому, чтобы предотвратить это содѣйствіе.

«Преобладающее мнѣніе въ нашей восточной политикѣ есть то, что Персія слишкомъ слаба и ненадежна, чтобы мы рѣшались на черезчуръ большіе расходы для поддержанія дружественныхъ отношеній съ шахомъ. Въ Тегеранѣ мы довольствуемся теперь второстепеннымъ положеніемъ относительно Россіи, надѣясь, что когда настанетъ время дѣйствовать, то мы усиленною энергіей вознаградимъ потерянное; но это, правду сказать, очень близорукая политика. Доброе расположеніе націй, которымъ мы пользовались нѣкогда въ Персіи, а теперь потеряли, нельзя купить въ одинъ день. Это дѣло времени и постояннаго неослабнаго вниманія. Если мы хотимъ остановить дви-

женіе Россіи къ Индіи, если мы желаемъ, главнымъ образомъ, сдѣлать невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, удалить на неопредѣленное время занятіе Герата, то намъ необходимо зашевелиться, наконецъ, въ Персіи» (стр. 280—283).

Англичане боятся не столько русскихъ, которыхъ рѣшительно невозможно покорить отдаленную Индію собственными силами, сколько индусовъ и авганцевъ, готовыхъ пристать къ каждому сильному врагу Англіи. «Не только вожди и князья, говоритъ Вамбери,—но каждый авганскій пастухъ, каждый пастухъ на Гильментѣ освоился съ мыслью о сношеніяхъ съ русскими, в я нѣтъ множество случаевъ убѣдиться, какъ охотно вступили-бы эти люди въ союзъ съ Россіей противъ англичанъ». А между тѣмъ англичане рассчитываютъ болѣе всего на авганцевъ!.. Индія имѣетъ болѣе 11,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ и можетъ выставить 190,000 солдатъ, въ томъ числѣ 60,000 англичанъ, между тѣмъ какъ русскихъ войскъ въ Туркестанѣ всего 33,000, край отдѣленъ отъ Россіи страшными пустынями, а отъ Индіи—величайшими въ мѣрѣ хребтами горъ,—и, несмотря на все это, за Индію боится. Впрочемъ, въ послѣднее время англичане примирились съ фактомъ русскаго владычества въ средней Азійи и опасаются только за отдаленное будущее. «Страна и населеніе, говоритъ «Times»,—только выиграютъ отъ замѣны теперешняго безправія русскимъ духомъ порядка, какъ онъ ни механиченъ, какъ ни рутиненъ. А что проиграетъ отъ этого Англія? Въ далекомъ будущемъ ей грозятъ возможностью нажить себѣ соперника за владычество въ Остѣ-Индіи. Но прежде, чѣмъ борьба за Остѣ-Индію сдѣлается возможною, Россія должна будетъ покорить себѣ не только Хиву и Бухару, но и Авганистанъ, а этого въ одинъ день не сдѣлаешь. Пока-же завоеванія Россіи выгодны для торговыхъ интересовъ Англіи. Зависть русскихъ фабрикантовъ не можетъ наложить такого гнета на русскую торговлю, какъ анархія или грабежи азійскихъ деспотовъ». И англичане ограничиваются пока тѣмъ, что устраниваются въ Кашгарѣ, загрызаютъ съ авганцами, усиливаются играть вліятельную роль въ Персіи и т. д. Г.-же Терентьевъ не находитъ словъ для порицанія «коварной политики» Англіи. По его мнѣнію, «нѣтъ сомнѣнія, что всѣ возгласы англичанъ о нашихъ замыслахъ, объ опасности, какой подвергается Остѣ-Индіа отъ соседства съ нами, вся эта тревога есть только уловка съ цѣлью возбудить общественное мнѣніе и задержать наше движеніе въ Азійи. Англичане не боятся насъ и давно на все готовы (стр. 145,

252). Въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, онъ говоритъ, что англичане дѣйствительно боятся насъ, и боятся основательно, такъ-какъ мы легко можемъ натворить имъ всякихъ бѣдъ въ Индіи. «Персія наша естественная союзница» (стр. 206), англичанъ въ Азіи ненавидятъ (стр. 218), авганцы мечтаютъ о союзѣ съ Россіей (стр. 255), Индія не можетъ рассчитывать ни на минуту спокойствія и всегда готова къ бунту (стр. 259), индусы ждутъ русскихъ, «торопятъ ихъ своими просьбами, проповѣдуютъ о нихъ въ своихъ храмахъ» (стр. 274). Но коварные англичане увѣряютъ, что русскимъ очень трудно добраться до Индіи. Нисколько не трудно, по словамъ г. Терентьева, — черезъ Персію и Герать даже очень удобно (стр. 235); черезъ каракорумскіе перевалы, непроходимость которыхъ есть коварная выдумка англичанъ, тоже нетрудно; но даже если эти «горы дѣйствительно представляютъ родъ Монблановъ, — что-жь изъ этого? Русскимъ это не въ диковину!» (стр. 248). «Природа открыла намъ широкія ворота въ Индію. Вотъ куда должны стремиться наши изслѣдователи, куда должно быть направлено вниманіе нашего правительства. На изслѣдованіе пути въ Индію не слѣдуетъ жалѣть ни труда, ни денегъ, въ виду неисчислимыхъ послѣдствій открытія, въ виду тѣхъ громадныхъ сбереженій, какія доставитъ намъ знаніе, какъ добраться до ахилесовой пяты Англій» (стр. 251). Вообще, г. Терентьевъ горитъ самымъ пламеннымъ желаніемъ какъ можно скорѣе насолить Англій, но его выходки противъ англичанъ ничто въ сравненіи съ его бранью, какою онъ осыпаетъ Вамбери. По словамъ г. Терентьева, «Вамбери прежде всего шарлатанъ», торгующій собой «ради куска хлѣба» (стр. 293), «двухличный и вѣроломный гунякъ, готовый продать и свой голосъ, и всего себя тому, кто больше дастъ» (стр. 298). Благодаря нѣкоторымъ ошибкамъ Вамбери, заграницей въ послѣднее время пущено было въ ходъ мнѣніе, что онъ вовсе не былъ въ средней Азіи и *сочинилъ* свое путешествіе въ кабинетъ; Вамбери уже опровергъ эту клевету, но г. Терентьевъ все-таки продолжаетъ вѣрить ей.

«Мы-бы, говоритъ г. Терентьевъ, — должны были торопиться и не тратить времени на безплодную игру въ дипломатію съ тупоголовыми ханами. Въ дѣйствительности-же наше движеніе впередъ находится въ зависимости именно отъ этихъ хановъ: сглушить тотъ или другой изъ нихъ — мы и подвинулись на шагъ» (стр. 275). Дѣйствительно, дипломатическія отношенія къ этимъ дикимъ «высокостепенствамъ» въ высшей степени несостоятельны. Всѣ эти

«высокостепенства» до сихъ поръ еще не привыкли считать себя нулями, до сихъ поръ еще они гордятся своею силою, и бухарскій министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ-же экономъ и ключникъ, выколачивая въ кладовой халаты эмира, самодовольно поглядываетъ на кучи этого добра и восклицаетъ: «наше государство тоже не маленькое!» (с. 45). Деликатности и вѣжливости побѣдителя эти господа не понимаютъ; на нихъ дѣйствуетъ только страхъ и при дипломатическихъ переговорахъ они уступаютъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ менте перемянутся съ ними. Въ 1841 г., напр., послѣ неудачнаго похода Перовскаго, въ Хиву былъ посланъ для переговоровъ капитанъ Никифоровъ. «Не говоря уже о томъ, что Никифоровъ съ перваго-же шага пошелъ въ разрѣзъ съ общепринятыми въ Азіи обычаями въ отношеніяхъ пословъ съ ханскими министрами, онъ, сверхъ того, крайне грубо обращался съ этими сановниками и съ приближенными хана, когда тѣ не во-время являлись къ нему съ своими любезностями. Подъ вліаніемъ особыхъ обстоятельствъ (*spiritus vini*), Никифоровъ дѣлался обыкновенно раздражительнымъ и тогда, безъ всякихъ церемоній, приказывалъ казакамъ выпроваживать гостей въ шею. Министровъ это озадачивало и наводило на нихъ уныніе, простой-же народъ громко высказывалъ свое удивленіе и почтительно сторонился передъ задорнымъ посломъ. Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что при Никифоровѣ было только 12 казаковъ, помощи ему ждать было не откуда. Никифоровъ не давалъ потачки и самому хану, спорилъ съ нимъ рѣзко и грозилъ разными бѣдами, когда-же увидѣлъ, что переговоры затягиваются и ни къ чему не ведутъ, онъ прервалъ ихъ деклараціей, въ которой опредѣлилъ новую границу нашу и грозилъ смертною казнью всякому хивинцу, схваченному за эту чертой» (с. 336). Какъ оригинальны эти суженія, показываетъ и другой случай. Когда въ 1870 г. въ Бухару прибыло наше посольство, то министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ ему: «пусть ваши люди зря не выезжаютъ, — вы гости, и мы заботимся, чтобы не вышло какого-нибудь неудовольствія... Между нашими много необузданныхъ развратниковъ, которыми нельзя управлять безъ палки, тюрьмы и палача». Договоры заключаются ханами лишь для того, чтобы при первомъ-же удобномъ случаѣ нарушить ихъ; этому не мѣшаетъ даже вассальная зависимость отъ Россіи, въ какой находятся бывшій «свѣтъ вселенной», а нынѣ «его высокостепенство» эмиръ Бухары и «его высокостепенство» ханъ Хивы. Мы уничтожили рабство, но оно не существуетъ только въ нашихъ непосредственныхъ

владѣніяхъ. Недавно былъ въ Бухарѣ французъ Лежанъ. «Въ Бухарѣ, говоритъ онъ,—находящійся въ вассальной зависимости, но сохраняющей свою автономію, контрабандная торговля рабами будетъ производиться въ такихъ-же обширныхъ размѣрахъ, какъ производится она близехонько отъ насъ, въ кварталахъ Константинополя; всѣ трактаты будутъ нарушаться такъ-же безцеремонно, какъ это дѣлается на берегахъ Босфора. Работорговля въ Бухарѣ въ послѣднее время даже усилилась. «Я, говоритъ секретарь американскаго посольства въ Петербургѣ, г. Скайлеръ. — я самъ, бывши въ Бухарѣ въ августѣ мѣсяцѣ, видѣлъ открытый торгъ персіянами на базарѣ и купилъ одного изъ нихъ; но власти испугались, догадавшись, что я могу этимъ доказать ихъ предательство относительно русскихъ, и отобрали у меня невольника, Я тогда купилъ другого черезъ посредство своего слуги и привезъ сначала въ Ташкентъ, а затѣмъ въ Петербургъ. Это произвело переполохъ въ Самаркандѣ и Ташкентѣ, такъ-какъ случилось именно въ то время, когда пришло извѣстіе, что генералъ Кауфманъ настоялъ на освобожденіи всѣхъ невольниковъ-персіанъ въ Хивѣ. Но фактъ покупки мною невольника на базарѣ понравился многимъ, какъ officialнымъ, такъ и другимъ лицамъ, потому что я тѣмъ самымъ доставилъ правительству осязательное доказательство существованія запрещеннаго торга» (с. 63). И независимо отъ нарушенія договоровъ, миръ съ ханствами непроченъ. Недавно, напр., коканцы, прогнавъ своего хана, вторглись въ наши предѣлы, и когда пишутся эти строки, Кауфманъ уже совершилъ свой походъ на Коканъ. Подобныя столкновенія будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока русскія границы не сойдутся съ границами мирныхъ областей Китая и Ост-Индіи. Зашедши въ Туркестанъ, мы должны или идти впередъ до упомянутыхъ границъ, или отступить на прежнія линіи. Само собою понятво, что отступленія не будетъ.

О политическомъ значеніи средней Азіи мы уже говорили; остается сказать объ ея экономическомъ значеніи для Россіи. Г. Терентьевъ утверждаетъ, что она приноситъ государству доходъ. Двѣ области, сырь-дарьинская и семирѣченская, давали:

Въ 1868 г.	1,204,906 р.
» 1869 »	2,356,241 »
» 1870 »	2,915,983 »
» 1871 »	2,102,955 »
» 1872 »	1,008,374 »
	<hr/>
	10,588,459 р.

Да заравшанскій округъ далъ за это время около 3,000,000 р., да аму-дарьинскій кое-что, всего-же около 14,000,000 р. Управление-же краешъ стояло:

Въ 1868 г.	620,750 р. 46 к.
» 1869 »	1,229,063 » 52 »
» 1870 »	1,177,124 » 97 »
» 1871 »	1,378,767 » 76 »
» 1872 »	1,695,731 » 86 »
	<hr/>
	6,101,430 р. 59 к.

Значить за пять лѣтъ около 8,000,000 р. выгоды Россіи. Но въ эти таблицы не внесены военные расходы:

За 1868 г.	4,392,940 р.
» 1869 »	4,592,460 »
» 1870 »	6,114,883 »
» 1871 »	6,820,945 »
» 1872 »	7,576,186 »
	<hr/>
	29,497,114 р.

Слѣдовательно, въ пять лѣтъ составилъ дефицитъ болѣе чѣмъ въ 15,000,000 р. сер. Г. Терентьевъ утверждаетъ, что этотъ дефицитъ—не дефицитъ, что военныхъ расходовъ считать не слѣдуетъ, такъ-какъ и безъ средней Азіи занимающія ее войска все равно существовали-бы, только содержаніе ихъ стоило-бы дороже (с. 322). Зачѣмъ-же было-бы содержать этихъ солдатъ? Оренбургскій и западносибирскій военные округа продолжаютъ существовать и послѣ учрежденія туркестанскаго, съ открытіемъ котораго общая численность войскъ должна была увеличиться и будетъ увеличиваться по мѣрѣ увеличенія нашихъ владѣній. Это очевидно, но г. Терентьеву не хочется признать дефицита, и онъ вычеркиваетъ изъ бюджета всѣ военные расходы!.. Можно-бы еще утѣшаться, если-бы дефицитъ государственный покрывался хорошими доходами, извлекаемыми народомъ изъ торговли и промышленности. Но тутъ-то и вся трудность среднеазиатскаго вопроса. Для развитія торговли и промышленности необходимо развитіе канализаціи и путей сообщенія. О желѣзной дорогѣ до Индіи пока нечего и думать; остается пароходство. Но мы уже говорили однажды въ „Дѣлѣ“, что развитіе вмѣстѣ и земледѣлія, и судоходства положительно невозможно,—развивая одно, необходимо будетъ погубить другое. Хива, Бухара, Заравшанскій округъ потому только и имѣютъ сады и пашни, что орошаются

искусственными каналами, проведенными изъ Аму. Эти каналы отнимают у рѣки множество воды, такъ что и теперь по ней пароходы плаваютъ съ трудомъ. Съ развитіемъ колонизаціи, съ расширеніемъ земледѣльческаго района, число этихъ оросительныхъ каналовъ будетъ увеличиваться, а рѣка будетъ болѣе и болѣе мѣлеть. Для развитія же торговли, для соединенія средней Азіи водными путями съ Россіей необходимо обратить Аму по ея старому руслу въ Каспійское море. Но для того, чтобы она дотекла до Каспія, необходимо закрыть упомянутые оросительные каналы, вслѣдствіе чего всѣ питаемые ими плодородные оазисы обратятся въ пустыню... Такимъ образомъ и выходитъ, что „носъ вытащишь—хвостъ увязнетъ, хвостъ вытащишь—носъ увязнетъ!..“

Природа. Популярный естественно-историческій сборникъ. Годъ третій. Книга III. Москва, 1875.

Среди литературной безцвѣтности появленіе такой книги, какъ «Природа», составляетъ явленіе очень отрадное. Содержаніе лежащей передъ нами 3-й книги «Природы» превосходитъ во многихъ отношеніяхъ прежніе выпуски. Эта книга составлена разнообразіе, съ меньшимъ пристрастіемъ къ мертвой буквѣ науки и потому интереснѣе. Если вы принадлежите къ почитателямъ астрономіи, вы не безъ пользы прочтете нѣсколько многословную, но вообще дѣльную статью г. А. Крылова «Геологія неба», знакомящую, по новѣйшимъ даннымъ науки, съ происхожденіемъ метеоритовъ. Если васъ интересуютъ геологическіе вопросы и вообще будущія судьбы нашей планеты, то вамъ окажется не малую услугу та-же статья г. Крылова и статья д-ра Шмика «Перемѣщеніе морей и ледяныя эпохи обонхъ полушарій земли». Если вы недовольны состояніемъ своей кухни и, подобно Брилья-Саварену, желали-бы видѣть на мѣстѣ поваровъ членовъ академіи, то обратитесь къ изслѣдованію проф. Зальковского: «О мясѣ, какъ питательномъ средствѣ». Быгь можетъ, васъ посѣщала когда-нибудь грѣховная жажда быстраго обогащенія, въ такомъ случаѣ изъ статьи г. Зо—тницкаго: «Вопросъ объ искусственномъ алмазѣ», вы придете къ неприятому, а можетъ быть, и успокоительному заключенію, что на этомъ поприщѣ вамъ незачѣмъ трудиться и что однимъ средствомъ для удовлетворенія вашей жажды стало меньше, такъ-какъ

секреть искусственнаго алмаза исторгнуть изъ вѣрныхъ устъ природы энергическимъ французскимъ химикомъ Дебре. По части зоологій читатель найдетъ чрезвычайно замѣчательную статью гениальнаго англійскаго натуралиста Валласа «Миметизмъ и другія покровительствующія особенности у животныхъ». О статьѣ Тиндаля, относящейся къ области философіи естествознанія и трактующей о сущности научнаго метода, мы можемъ только сказать, что мы ожидали больше, чѣмъ нашли. Любители охоты прочтутъ, вѣроятно, не безъ удовольствія обстоятельную монографію г. Сабанѣва «Глухой тетеревъ», къ которой приложены очень хорошіе рисунки. Два оригинальныхъ этюда гг. Холодовскаго и Анучина посвящены: первый описанію жилища бобровъ въ минской губерніи, а второй изслѣдованію о сайгѣ—животномъ, которое отчасти напоминаетъ антилопу, но по большинству своихъ признаковъ занимаетъ совершенно изолированное мѣсто въ зоологической системѣ и теперь водится почти исключительно въ предѣлахъ Россіи. Все это богатое содержаніе заключается пространнимъ отдѣломъ смѣси, куда вошли мелкія замѣтки по вѣсѣмъ отраслямъ естествознанія.

Статья Тиндаля особенно заинтересовала насъ широтой и оригинальностью своей задачи. Философы-натуралисты, какъ, напр., Вирховъ, Клодъ-Бернаръ, Дюбуа-Реймонъ и Гексли, уже пробовали свои силы въ той сферѣ соображеній, куда устремляется теперь и Тиндаль. Всѣ эти мыслители задаются цѣлью отыскать границы нашихъ знаній, иначе говоря, стараются расчислить на болѣе или менѣе далекое разстояніе путь для будущаго прогресса науки, которую они доводятъ до извѣстной точки, смутно мерцающей въ темной дали грядущаго, но затѣмъ внезапно останавливаютъ свою мысль и съ непонятной энергіей воздвигаютъ шлагбаумы, копаютъ рвы и возводятъ китайскія стѣны, долженствующія остановить всякое дальнѣйшее движеніе впередъ. По нашему мнѣнію, наиболѣе неудачны въ этомъ отношеніи попытки Дюбуа-Реймона („Die Gränzen des Naturer-Kennens“) и Тиндаля. Дюбуа-Реймонъ, между прочимъ, предсказывалъ, что наукѣ никогда не удастся механически объяснить высшія проявленія животной жизни, но едва прошло 7 недѣль послѣ этого предсказанія, какъ является сочиненіе до сихъ поръ неразъясненнаго, но возбуждавшаго всеобщіе толки въ образованномъ мірѣ, вѣмецкаго анонима, гдѣ эта проблема разрѣшена съ необыкновенной ясностью и совершенно удовлетворительно. Странно, что послѣ этого сочиненія (*Das Unbewusste vom Standpunkt der Physiologie*) Тиндаль рѣшается

на съѣздѣ британской асоціаціи наукъ держать рѣчь на ту-же злополучную тему. Конечно, рѣчь Тиндала безконечно выше разсужденія Дюбуа-Реймона. Рѣзкая постановка вопроса и порой блестящій анализъ обрисовываютъ предъ вами могучій и увлекательный, даже въ своемъ заблужденіи, умъ знаменитаго физика, и остается только удивляться, что этотъ умъ съ непреклонной вѣрой въ свою правоту мирится съ странными предразсудками прошлаго времени. Начало этой статьи таково, что сначала вамъ и въ голову не придетъ, къ чему клонится рѣчь автора. Американскій моралистъ, Эмерсонъ, замѣтилъ, что невозможно высказать рѣшительно ни одной истины, чтобы она не казалась нарушеніемъ какой-либо другой истины. Конечно, уста моралистовъ изрекали и не такіе диковинные принципы, но удивительно, что то-же изрѣченіе примѣняетъ Тиндаль къ одной изъ точнѣйшихъ областей знанія—къ естественнымъ наукамъ. Начало статьи Тиндала превосходно. Онъ объясняетъ остроумными аналогіями дѣйствіе молекулярныхъ силъ въ неорганическихъ тѣлахъ, способныхъ принимать кристаллическую форму. Эти молекулярныя силы представляютъ, такъ-сказать, жизненный нервъ минеральнаго царства. Первоначальныя частицы матеріи, молекулы, какъ ихъ называютъ, имѣютъ свойство притягиваться и отталкиваться своими различными точками или полюсами по разнымъ направленіямъ, и результатомъ этой игры притяженія и отталкиванія является все разнообразіе формъ въ кристаллахъ и минералахъ. Таково научное представленіе, являющееся въ головѣ ученаго всякій разъ, когда онъ наблюдаетъ, напр., кристаллизацію соли; но въ головѣ простаго смертнаго при этомъ наблюденіи или ничего яснаго не сформируется, или, пожалуй, возникаетъ ни на чемъ неоснованная догадка, къ которой обыкновенно прибѣгаетъ суевѣрное невѣжество, что маленькія кристаллическія пирамиды соли отлагаются одна на другую какой-то искусной, но невидимой рукой закулиснаго строителя. Но такъ-какъ всякія руки хотя-бы и самыя искусныя, бываютъ видимы то эта суевѣрная догадка, очевидно, должна уступить мѣсте научному представленію о дѣйствіи молекулярныхъ силъ. Одно изъ замѣчательныхъ средствъ объективно убѣдиться въ дѣйствіи молекулярныхъ силъ въ кристаллахъ состоитъ въ томъ, что на кристалъ направляютъ лучъ свѣта (такъ - называемаго поляризованнаго), который вслѣдствіе этого оизмѣняется различнымъ образомъ, принимая ту или другую окраску, сообразно расположенію молекулъ въ кристаллѣ. Отъ неодушевленнаго минерала Тиндаль смѣло и неожиданно переходить въ пшеничному зерну. Под-

вергнемъ зерно дѣйствию поляризованнаго луча свѣта и мы замѣтимъ тутъ тѣ-же явленія цвѣтовъ, какъ и въ кристалахъ. Отчего это? Оттого, что архитектура зерна и архитектура кристала сходны между собою. Въ зернѣ молекулы расположены въ извѣстномъ порядкѣ и соотвѣтственно своему расположенію онѣ вліяютъ на свѣтъ. Но что сплотило молекулы зерна въ опредѣленную форму? Когда мы рассматривали кристалъ, мы, не задумываясь, отвергли невидимую руку чудеснаго строителя, и простая послѣдовательность побуждаетъ насъ поступить такъ-же и по отношенію къ пшеничному зерну.

Дальнѣйшій ростъ или собственно проростаніе зерна сводится Тиндалемъ также къ дѣйствию молекулярныхъ силъ. Мы кладемъ зерно въ землю и предоставляемъ его вліянію теплоты; это значить, что молекулы зерна и частицы земли будутъ находиться въ томъ состояніи внутренняго движенія, которое и называется теплою. Зерно и окружающія частицы вліяютъ другъ на друга и послѣдствіемъ этого является новая молекулярная постройка—почка. «Эта почка, говоритъ Тиндаль,—пробивается на поверхность и здѣсь подвергается вліянію солнечныхъ лучей, которые, въ свою очередь, также могутъ быть рассматриваемы какъ родъ колебательнаго движенія. И, подобно тому, какъ движеніе обыкновенной теплоты, которою были первоначально снабжены зерно и окружающія его вещества, сдѣлало ихъ способными производить свои притяженія и отталкиванія и, такимъ образомъ, слататься въ опредѣленныя формы, — такъ точно и зеленая почка, благодаря особенному колебанію солнечныхъ лучей, становится теперь способной принимать въ себя углекислоту и водяные пары воздуха. Почка удоболяетъ себѣ тѣ составныя части этихъ двухъ веществъ, съ которыми она имѣетъ средство, и выдѣляетъ прочіе элементы. Такимъ образомъ подвигается постройка. Силы дѣятельны какъ въ корнѣ, такъ и въ стеблѣ; корень и стебель притягиваютъ къ себѣ вещества изъ земли и воздуха, и растеніе увеличивается въ размѣрахъ. Мы получаемъ послѣдовательно почку, стебель, колосъ и въ колосѣ—налитое зерно. Круговоротъ молекулярнаго дѣствія заканчивается тѣмъ, что производятся подобныя-же зерна, какъ и то, съ котораго начался процессъ» (стр. 70). Мы приводимъ эти слова, какъ замѣчательный образчикъ прямой и послѣдовательной аргументаціи. Тиндаль идетъ еще далѣе, онъ восходитъ къ высшимъ проявленіямъ животной жизни, но, сдѣлавъ полшага, онъ останавливается, какъ вкопанный, и занавѣсъ опускается. Кромѣ вздоховъ и элегическихъ причитаній вы уже ничего не слышите. Тиндаль хочетъ, повиди-

тому, сказать, что обладаніе истиной длится лишь короткій мигъ, послѣ котораго она превращается въ ничто. Но мы думаемъ, что онъ не имѣлъ ровно никакихъ основаній впадать въ отчаяніе. Онъ говоритъ, что тотъ строго-научный методъ изслѣдованія, который такъ долго велъ науку по свѣтлому пути побѣдъ, приводитъ, наконецъ, къ густой лѣсной чащѣ, сквозь которую нѣтъ человѣческихъ силъ пробиться. Это совершенно справедливо. Справедливо, что послѣ сведенія большинства явленій живой природы къ принципу молекулярнаго движенія, мы, встрѣчаясь съ явленіями животной жизни, принуждены остановиться предъ ними въ глубокомъ раздумьи прежде, чѣмъ примѣнить къ нимъ тотъ-же методъ и тотъ-же принципъ. Съ перваго взгляда кажется, что примѣненіе молекулярной теоріи къ явленіямъ высшаго порядка совершенно бесполезно, какъ была-бы бесполезна попытка исчерпать, наприим., океанъ чайной чашкой. Но здѣсь дѣло не въ орудіи, которое мы примѣняемъ къ открытію извѣстнаго закона, а въ логической необходимости мысли, которая не должна останавливаться на подорогѣ. Теорія происхожденія видовъ, созданная Дарвиномъ, тоже встрѣчаетъ множество затрудненій въ своемъ универсальномъ примѣненіи, но это нисколько не подрываетъ ея сущности и значенія. Мы думаемъ, что сущность и молекулярной теоріи окажется дѣйствительной въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и въ примѣненіи къ явленіямъ высшей органической жизни. Такое заключеніе, во всякомъ случаѣ, больше имѣетъ правъ на своей сторонѣ, чѣмъ безотрадный выводъ, къ которому приходитъ Тиндаль въ своей рѣчи.

Обратимся къ статьѣ Валласа. Мы полагаемъ, что немногіе читатели понимаютъ ея заглавіе. Миметизмъ есть передѣлка англійскаго слова *imitate*, которое нельзя перевести иначе, какъ *подражаніе*, а между тѣмъ такой переводъ далеко не точно выразилъ-бы понятіе, для котораго существуетъ это слово. Дѣло въ томъ, что въ природѣ замѣчается поразительная гармонія между многими животными и окружающей ихъ природой, равно какъ и между животными двухъ различныхъ видовъ. Есть животныя, которыя окрашены точно такъ-же, какъ и почва, на которой они живутъ. Въ этомъ случаѣ можетъ явиться предположеніе, что эти животныя подражаютъ почвѣ и стараются для своихъ цѣлей принять ея окраску; точно также, когда животное одного вида, хилое и слабое, принимаетъ наружныя формы сильнѣйшаго животнаго другого вида, можно было-бы сказать, что первое подражаетъ второму. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ новѣйшая наука не признаетъ подражанія, потому что она не допуска-

еть здѣсь ни малѣйшей тѣни сознательности и памѣренія. Статья Валласа и написана для объясненія этого явленія виѣ сознательности со стороны животныхъ, но, конечно, и виѣ слѣпой случайности.

Не трудно констатировать миметизмъ, какъ фактъ. Всѣ животныя, живущія въ пустынѣ, имѣютъ песочный цвѣтъ. Примѣромъ могутъ служить антилопа, верблюдъ, кенгуру, египетскія козки, левъ. Съ перваго взгляда казалось-бы, что такое совпаденіе въ окраскѣ на столько мелочно, что ему нельзя придавать серьезнаго значенія, и, быть можетъ даже, оно составляетъ простую игру случайности. Однако, съ тѣхъ поръ, какъ современная зоологія въ лицѣ величайшаго своего представителя открыла такъ-называемый принципъ полезности, такой взглядъ совершенно ошибоченъ. Въ слѣду этого принципа всѣ видовызмѣненія формы, окраска, привычки и инстинкты могутъ существовать только въ такомъ случаѣ, если они приносятъ или приносили когда-нибудь пользу животнымъ. Но, спрашивается, какую пользу можетъ приносить животнымъ окраска? Пользу громадную.

Такъ львы, несмотря на свою богатырскую силу, быстро исчезли-бы съ лица земли, если-бы они не были окрашены въ песочный цвѣтъ. Они должны имѣть такой видъ, чтобы присутствіе или приближеніе ихъ не бросалось-бы въ глаза, иначе отъ нихъ постоянно ускользала-бы добыча и имъ скоро пришлось-бы умереть съ голода. Они должны быть почти незамѣтны, когда они лежатъ на пескѣ или между скалами и камнями пустыни. Съ другой стороны, животныя, живущія въ полярныхъ странахъ, окрашены, какъ извѣстно, въ бѣлый цвѣтъ, примѣромъ чего можетъ служить сѣверный медвѣдь. Есть животныя, какъ, напр., песецъ, горностаи, европейскій заяцъ, которыя бываютъ бѣлы только зимой, но американскій полярный заяцъ, обитающій въ странѣ вѣчныхъ снѣговъ, остается бѣлымъ круглый годъ. Куропатка зимой принимаетъ также бѣлую окраску, а лѣтомъ цвѣтъ ея перьевъ совершенно гармонируетъ съ цвѣтомъ камней, между которыми она обыкновенно сидитъ, такъ-что легко можно пройти мимо цѣлой стаи этихъ птицъ и не замѣтить ихъ. Особенно рѣзки примѣры симпатической окраски между пресмыкающимися и насѣкомыми, и въ этой области Валласъ просто неистощимъ.

Въ строгомъ смыслѣ, подъ именемъ миметизма разумѣется нѣсколько иная категорія явленій, чѣмъ только-что описанныя нами явленія; хотя они давно уже замѣчены натуралистами, но ихъ научная оцѣнка принадлежитъ нашему времени. Нередко приходилось наблюдать, что существуютъ насѣкомыя, которыя очень похожи другъ на

друга, хотя они принадлежатъ къ различнымъ родамъ, семействамъ и даже отрядамъ и вообще состоятъ между собою въ весьма отдаленномъ зоологическомъ родствѣ. Такія сходства приводила въ недоумѣніе прежнихъ натуралистовъ, видѣвшихъ въ нихъ «непостижимыя аналогіи», которымъ надо удивляться, но которыхъ объяснить нельзя. Энтомологъ Бэтсъ первый объяснилъ такія сходства подражаніемъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что какой-нибудь слабый и малочисленный видъ подражаетъ виду многочисленному и хорошо защищенному отъ преслѣдованій враговъ. Въ южной Америкѣ существуетъ большое семейство бабочекъ (*Heliconidae*), которыя летаютъ весьма медленно, имѣютъ большія крылья и усики и окрашены въ яркіе цвѣта. Паружный видъ ихъ сразу бросается въ глаза, и насѣкомоядныя птицы безъ труда могли-бы ловить этихъ насѣкомыхъ. Однако, широкое распространеніе ихъ въ лѣсахъ южной Америки ясно указываетъ на то, что эти бабочки не подвергаются преслѣдованіямъ, а это объясняется сильнымъ аптечнымъ запахомъ, которымъ пропитано все тѣло этихъ насѣкомыхъ. Эта маловажная особенность объясняетъ намъ всю исторію жизни бабочекъ изъ семейства *Heliconidae*. Птицы, поймавъ этихъ бабочекъ, летающихъ медленно и замѣтныхъ издали, убѣждаются въ ихъ отвратительномъ вкусѣ, и послѣ нѣсколькихъ опытовъ перестаютъ охотиться за ними и научаются распознавать ихъ издали, чтобы не терять времени на бесполезное преслѣдованіе. Отсюда понятно, почему эти бабочки имѣютъ яркую окраску, большія крылья и выдающіяся наружныя формы. Всѣ эти качества содѣйствуютъ ихъ размноженію, между тѣмъ какъ всякая другая разновидность этихъ бабочекъ, лишенная рѣзкой характеристики, имѣла-бы больше шансовъ побывать въ клювѣ насѣкомоядныхъ птицъ. Конечно, сильный запахъ спасалъ-бы этихъ бабочекъ отъ сѣденія, но имъ наносились-бы серьезныя поврежденія, послѣ которыхъ онѣ неизбежно погибали-бы. Понятно также, почему какой-либо другой видъ бабочекъ, неимѣющій отвратительнаго запаха, но усвоившій лишь наружную форму и окраску бабочекъ *Heliconidae*, былъ-бы такъ-же хорошо защищенъ отъ нападеній птицъ, какъ и бабочки изъ семейства *Heliconidae*. Мы и замѣчаемъ это на самомъ дѣлѣ въ южной Америкѣ, гдѣ рядомъ съ этимъ послѣднимъ семействомъ живетъ небольшой родъ бабочекъ (*Leptalis*), глубоко отличающійся отъ перваго по внутреннему устройству органовъ, но до того сходный съ нимъ по окраскѣ, длинѣ крыльевъ и усиковъ, что онъ часто смѣшивается съ нимъ опытными энтомологами. Этотъ небольшой родъ бабочекъ усвоилъ себѣ медлен-

ный полетъ Heliconidae и даже ихъ привычки. Примѣры такого совершеннаго миметизма весьма обыкновенны во всемъ животномъ царствѣ, но, повидимому, они тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ ниже стоятъ животныя на ступеняхъ зоологической лѣстницы. У птицъ миметизмъ замѣчается рѣже, чѣмъ у насекомыхъ и змѣй. Примѣромъ птичьяго миметизма можетъ служить сходство слабой, беззащитной кукушки съ соколомъ и курвыми птицами. Въ Австраліи и на Молукскихъ островахъ встрѣчается одинъ родъ (*Tropidorthynchus*) птицъ значительной величины съ крѣпкими когтями и острымъ клювомъ, вообще сильныхъ, дѣятельныхъ и воинственныхъ. Но въ той-же мѣстности живетъ нѣсколько видовъ изъ рода *Mimeta*, птицъ совершенно безсильныхъ, но усвоившихъ въ совершенствѣ опереніе и формы перваго рода птицъ. У млекопитающихъ извѣстны также примѣры миметизма. Въ малайскихъ странахъ живутъ насекомоядныя животныя изъ рода *Cladobates*, которыя въ высшей степени сходны съ бѣлками. Они такъ-же держатъ свой пушистый хвостъ и окрашены въ такой-же точно цвѣтъ. Подражаніе имѣетъ здѣсь тотъ смыслъ, что оно даетъ возможность *Cladobates* приближаться къ насекомымъ или мелкимъ птичкамъ, которыми онъ питается, такъ-какъ они принимаютъ его за безвредную бѣлку, питающуюся плодами.

Какая-же идея вытекаетъ изъ фактовъ миметизма? Ученые держались на этотъ счетъ различныхъ мнѣній, разборомъ которыхъ мы не можемъ заниматься здѣсь. Валласъ въ своей статьѣ разбираетъ всѣ эти мнѣнія нѣсколькими мѣткими замѣчаніями, а самъ становится на сторону теоріи Бэтса, согласующейся съ новѣйшимъ биологическимъ синтезомъ знаменитаго англійскаго зоолога. Однако, нужно замѣтить, что остроумію Валласа не вполне удалось разсѣять темныя пункты въ явленіи миметизма. Читатель согласится съ Валласомъ, что во всѣхъ вышеприведенныхъ фактахъ не было мѣста сознанію или намеренности со стороны животныхъ. Это слѣдуетъ уже изъ того, что миметизмъ чаще встрѣчается у низшихъ, чѣмъ у высшихъ животныхъ. Но если это такъ, то въ такомъ случаѣ какъ объяснить, что животныя, подражая безсознательно, всегда достигаютъ полезныхъ результатовъ, что они спасаются этимъ отъ преслѣдованій и обезпечиваютъ существованіе своего рода? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ разгадку миметизма. Валласъ объясняется по этому поводу съ читателемъ такимъ образомъ. Предположимъ, что существуетъ какой-либо счастливо-организованный видъ, употребляющій хорошо впадать и защищаться; въ такомъ случаѣ благосостояніе это-

го вида прежде всего выразится въ многочисленности его особей. Но въ той-же мѣстности и при тѣхъ-же климатическихъ условіяхъ живетъ другой видъ животныхъ слабосильныхъ, лишенныхъ духа предпринчивости и обреченныхъ на жертву врагамъ. Такія животныя начинаютъ быстро вымирать и уменьшаться въ количествѣ, но между ними найдутся и такія, которыя, благодаря какимъ-либо счастливымъ особенностямъ, окажутся способными влечить дальнѣйшее существованіе. Какія это счастливыя особенности? А это и есть *случайное* совпаденіе наружныхъ признаковъ у этихъ слабосильныхъ животныхъ съ признаками другого, хорошо организованнаго вида. Эти немногіе счастливыя переживаютъ своихъ товарищей, размножаются и, въ силу наследственности, производятъ себѣ подобныхъ, у которыхъ случайныя особенности родителей принимаютъ устойчивость. Такимъ образомъ, миметизмъ объясняется случайностью и естественнымъ подборомъ. Это объясненіе согласуется, повидимому, съ тѣмъ фактомъ, что видъ подражающій всегда бываетъ слабѣе и малочисленнѣе, чѣмъ видъ, который служитъ образцомъ подражанія. Но хотя теорія Валласа основана на принципѣ, которому мы вполне сочувствуемъ, тѣмъ не менѣе намъ кажется, что она несправедлива. Валласъ не объяснилъ намъ, почему во всемъ этомъ процесѣ необходимо подражаніе. Очень можетъ быть, что въ этомъ процесѣ играетъ главную роль не подражаніе, а, наоборотъ, взаимное отдаленіе животныхъ одного вида отъ другого. Ничѣмъ нельзя опровергнуть съ точки зрѣнія новѣйшей зоологической теоріи того предположенія, что въ известной группѣ животныхъ, окрашенныхъ, положимъ, въ желтый цвѣтъ, явились *случайно* такія особи, у которыхъ оказались, при томъ-же желтомъ цвѣтѣ, крѣпкія мышцы, давашія имъ перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе. Эти особи съ крѣпкими мышцами быстро стали размножаться, увеличивались въ числѣ и продолжали приспособляться все совершеннѣе и совершеннѣе къ окружающей средѣ, а послѣдствіемъ этого было то, что они образовали новый многочисленный и сильный видъ, похожій на своихъ старыхъ товарищей только окраской и нѣкоторыми наружными чертами. Читатель спроситъ, почему же эти старые товарищи не вымерли? Потому, отвѣчаемъ мы, что ихъ родственникамъ повезло, а они походятъ на нихъ наружнымъ видомъ. Конечно, сначала они должны были сильно вымирать и потому-то они малочисленнѣе, но по мѣрѣ того, какъ родственники ихъ приобретали успѣхъ на жизненной сценѣ, вымираніе ихъ ослабѣвало, а потомъ, быть можетъ, и прекратилось. Сдѣлаемъ думать, что

эта теорія не только не уступает валласовской, но, быть можетъ, естественнѣе, проще и даже правдоподобнѣе ея. Она также согласуется съ вышеупомянутымъ нами синтезомъ англійскаго натуралиста, а между тѣмъ она діаметрально противоположна объясненію Валласа. У него играетъ роль подражаніе, слѣдовательно, стремленіе къ сближенію между видами, у насъ-же, наоборотъ, расхожденіе между видами. Мы замѣтили, что предложенная нами теорія правдоподобнѣе валласовской. Вотъ доказательство этихъ словъ. Въ явленіи миметизма замѣчается одно важное обстоятельство, констатированное и Валласомъ, объяснить которое не въ силахъ его теорія: это то, что «подражаніе» встрѣчается все рѣже и рѣже по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подниматься по зоологической лѣстницѣ. У насекомыхъ миметизмъ почти правило, у змѣй онъ довольно обыкновененъ, у птицъ онъ уже рѣдко замѣчается, а у млекопитающихъ извѣстенъ всего одинъ случай миметизма. Съ точки зрѣнія развитой нами теоріи все это весьма понятно. Чѣмъ выше животное, тѣмъ оно, слѣдовательно, дольше живетъ и тѣмъ болѣе оно развивалось, совершенствовалось и удалялось отъ родственнаго типа. Для того, чтобы животное могло дойти до типа млекопитающихъ, оно должно было сильно разойтись съ родственными низшими животными и выработать себѣ мощную оригинальность, поразительное несходство, ибо если-бы оно сохранило первоначальное сходство, то оно не достигло-бы высшаго зоологическаго ранга, а осталось бы на той же низкой ступени развитія, на которой стоятъ его товарищи и до сихъ поръ.

Но опустимся, читатель, съ высотъ научныхъ теорій на многогрѣшную землю и заглянемъ въ вашу кухню съ помощью того фанаря, которымъ для насъ можетъ служить статья профессора Зальковского «О мясѣ, какъ питательномъ средствѣ». Вопросъ, какъ видите, существенный, какъ въ томъ случаѣ, когда судьба снабжаетъ васъ этимъ продуктомъ, такъ еще болѣе въ томъ, когда у васъ мало или вовсе нѣтъ его. Статья проф. Зальковского написана какъ-будто для подтвержденія той мысли, что отрицательная сторона вопроса часто бываетъ важнѣе положительной. Если выкинуть изъ этой статьи нѣсколько научныхъ замѣчаній, брошенныхъ вскользь профессоромъ, то окажется, что не найдется ни одной кухарки, которая не знала-бы того, что сообщаетъ профессоръ, и потому положительная точка зрѣнія его не приноситъ почти никакой пользы. Мы полагаемъ, что профессоръ Зальковский накормилъ-бы своихъ «мясомъ» большую массу людей, если-бы онъ коснулся вопроса о голоданіи, такъ

хорошо разработаннаго въ настоящее время, и показаль-бы, какое вліаніе производитъ на организмъ недостатокъ мяса и въ какой связи находится этотъ продуктъ съ количествомъ освобождаемыхъ организмомъ силъ. Професоръ Зальковскій еще не сказалъ послѣдняго слова и потому будемъ надѣяться, что отъ его ученаго ока не ускользнетъ эта, повторяемъ, важнѣйшая, хотя и отрицательная сторона вопроса о мясной пищѣ.

Обширный отдѣлъ мелкихъ замѣтокъ составленъ особенно живо въ этой книгѣ «Природы». Укажемъ, между прочимъ, на замѣтки «О полинезійцахъ и ихъ вымраваніи», о путешествіи Тиссандье, Кросе-Спинелли и Сивеля, о нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ приборахъ и машинахъ и особенно объ остроумной вновь изобрѣтенной Мартеномъ машинѣ для голосованія.

Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Изслѣдованіе А. Незеленова. Спб. 1875 г.

Недавнее банкротство одного изъ главныхъ нашихъ книгопродавецъ должно дать хорошій урокъ людямъ, промышленяющимъ книжнымъ товаромъ. Книгопродавецъ этотъ отличался большою солидностью, издавалъ все книги увѣсистыя, серьезныя, многоученныя, и питалъ особенную слабость къ твореніямъ нашихъ *ученыхъ мужей*, которыхъ издавалъ столько, что изъ нихъ можно соорудить весь вновь строямый Литейный мостъ черезъ Неву. Но для моста они, какъ извѣстно, не годятся, сбытъ ихъ некуда, и поневолѣ пришлось разориться, затративъ капиталы на изданіе твореній отечественныхъ ученыхъ, въ родѣ изслѣдованій «О Китоврасѣ» и т. п. Да, наши професора положительно истребляютъ издателей; ихъ диссертации и изслѣдованія смертоносны для нихъ. Конечно, тутъ виновата единственно публика, которая съ свойственнымъ ей невѣжествомъ игнорируетъ труды представителей нашей науки. Но кто-же долженъ просвѣщать публику и развивать въ ней вкусъ къ наукѣ, какъ не ученые? Ее нужно заинтересовать, а для этого ужъ вовсе не годятся ни книги о „Китоврасѣ“, ни „Русская Исторія“ г. Бестужева-Рюмина, ни изслѣдованіе о людоедствѣ до Гомера и т. д. Конечно, для ученыхъ и о Китоврасѣ знать нужно, но вѣдь наши академики и професора не все-же разрабатываютъ подобныя темы; нерѣдко берутъ

они и сюжеты общентересные, но публика все-таки не читает ихъ книгъ и, большею частью, хорошо дѣлаетъ... Представьте себѣ самоучку, который вздумалъ-бы пополнить свое образованіе при помощи магистерскихъ и докторскихъ диссертаций по исторіи за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ и по своей простотѣ увлекся-бы ихъ авторитетами. Что было-бы съ бѣднягой, какой сумбуръ водворился-бы въ головѣ его! Диссертация г. Самоквасова о городахъ убѣдила-бы его, что въ Россіи до татарскаго нашествія было нѣсколько тысячъ городовъ; диссертация г. Аристова о правленіи Софьи доказала-бы, что Софья была женщина прогрессивная въ полномъ значеніи этого слова, а Петръ Великій—узкій ретроградъ; диссертация г. В. Соловьева научила-бы, что исторія умственнаго развитія Европы кончилась такимъ кризисомъ, послѣ котораго Западу остается только пасть къ ногамъ М. П. Погодина и умолять его научить уму-разуму и т. д. Да, хорошо и дѣлаетъ публика, что не читаетъ этихъ диссертаций и изслѣдованій, отъ которыхъ отдастъ плесенью и скукой! Только представители нашего естествознанія, въ родѣ гг. Стѣчнова, Менделѣева, Ковалевскаго и т. д., могутъ интересовать публику, а историки, философы, юристы, за немногими исключеніями, пишутъ и печатаютъ не для публики. Сюжеты самые интересныя, темы самыя богатыя обрабатываются нашими учеными мужами такъ, что въ результатѣ получаются толстыя книжищи, напичканныя всякимъ архивнымъ мусоромъ, скучныя и бездарныя...

Вотъ, напр., личность и дѣятельность Новикова—сюжетъ богатый и тѣмъ болѣе интересный, что онъ мало разработанъ. Но обширной диссертациі г. Незеленова публика все-таки читать не будетъ, такъ она скучна и безсодержательна, несмотря на то, что авторъ располагалъ множествомъ матеріаловъ. Единственная заслуга г. Незеленова заключается въ подробномъ обзорѣ журналовъ, которые издавалъ Новиковъ во второй періодъ его дѣятельности, и мы воспользуемся этимъ матеріаломъ въ своей отдѣльной статьѣ о Новиковѣ, которую предложимъ читателю въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Дѣла». Г. Незеленовъ сдѣлалъ, безъ сомнѣнія, хорошо, составивъ упомянутый обзоръ, который будетъ очень полезенъ для историковъ нашей литературы, но такой обзоръ можетъ составить каждый толковый и грамотный гимназистъ, и подобная работа, конечно, недостаточна для полученія за нее ученой степени или кафедры. А между тѣмъ это единственное достоинство изслѣдованія г. Незеленова, въ которомъ страннымъ образомъ перешнаны обширная, повидимому, аргу-

дидія и незнаніе самыхъ обыкновенныхъ вещей, ученое глубокомыслие и умственная близорукость, желаніе быть интереснымъ и мертвящая скука.

Книга начинается главою „Нравы русскаго общества екатерининскихъ временъ“. Какую-бы живую, полную мысли картину можно было представить на эту тему! Но г. Незеленовъ не потрудился даже воспользоваться многими русскими источниками, а изъ иностранныхъ онъ не цитируетъ ни одного (и это не только въ первой главѣ, но и во всей книгѣ). Разсказъ его въ высшей степени сухъ и утомителенъ, а нѣкоторые выводы были-бы очень забавны, если-бы они не выходили изъ головы человѣка, имѣющаго желаніе стать въ ряды представителей русской науки. Напр., послушайте, что говорить г. Незеленовъ о Вольтерѣ и его вліяніи на русское общество XVIII в. Изобразивъ, какъ умѣлъ, пороки и недостатки послѣдняго, невѣжество и грубость нравовъ, роскошь и развратъ, взяточничество и казнокрадство, разореніе крестьянъ, г. Незеленовъ начинаетъ разсуждать о Вольтерѣ, основывая свои приговоры и выводы единственно на нѣсколькихъ повѣстяхъ Вольтера, переведенныхъ въ 1870 г. Дмитріевымъ! Кромѣ этой книги онъ не только ничего не читалъ изъ сочиненій Вольтера, но не читалъ даже ни одной порядочной монографіи о Вольтерѣ, — иначе невозможно объяснить, какъ онъ могъ говорить то, что сказалъ. Вольтеръ, по его мнѣнію, пустой софистъ, который «можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ и, повидимому, жаромъ говорить и *за*, и *противъ*» (с. 31). У Вольтера нѣтъ никакихъ принциповъ, никакихъ опредѣленныхъ идей. Въ томъ, напр., что Вольтеръ въ однихъ мѣстахъ насмѣхается надъ представителями власти, а въ другихъ рисуетъ идеалы правителей, г. Незеленовъ не видитъ ничего, кромѣ противорѣчія (с. 31—33)! Вольтеръ издѣвается надъ безбрачіемъ католическаго духовенства, а новѣйшій русскій комментаторъ говоритъ, что это онъ учитъ разврату (с. 36). Вольтеръ осмѣиваетъ лицемѣріе развратниковъ, а г. Незеленовъ говоритъ, что онъ «оправдываетъ даже» изнасилованіе женщины (36—37)!.. «Грязь есть главное содержаніе повѣстей Вольтера; все остальное, т. е. различныя обличенія и отрицанія, почти только поводы для сальныхъ картинокъ» (с. 38). Вольтеръ не только развратникъ, но даже *матеріалистъ* (43 и др.), этотъ злѣйшій врагъ атеизма—матеріалистъ!.. Вольтеръ учитъ, что человѣкъ долженъ только «веселиться и быть ко всему свѣсходительнымъ» (с. 164). Вольтеръ и энциклопедисты—ярые фанатики (376)!.. Явное дѣло, что Воль-

теръ своими сочиненіями только развращалъ русское общество и былъ чѣмъ-то въ родѣ Баркова. Мало этого, *вольтерьянство* своею проповѣдью роскоши и разврата, своимъ отрицаніемъ нравственности *поддержало и развило у насъ взяточничество и казнокрадство* (с. 67)!!! Да отъ какой просвирни узнали вы все это, г. Незеленовъ? Хотя прочтали-бы вы какую-нибудь статью о Вольтерѣ, и увидѣли-бы, что у него есть и принципы, и идеалы, что его клубничность имѣетъ вовсе не тотъ смыслъ, какой вы въ ней усмотрѣли. Притомъ Вольтеръ имѣлъ на русскихъ вліяніе не только своими повѣстями, но и всѣми сочиненіями, которыя были досконально извѣстны нашимъ предкамъ. Впрочемъ, для этого автору не нужно было-бы читать что-нибудь новое о Вольтерѣ, а стояло только думать въ смыслъ слѣдующей своей выдержки изъ журнала Повикова, этого врага вольтерьянства. „О, проклятый Вольтеръ (говорятъ фанатики), со всѣми послѣдователями своими, развратившими миръ!..“ „Они (т. е. фанатики), разставя въ народѣ худое понятіе о мужахъ, которыя просвѣщенные вѣки одолжены вѣчною благодарностью, хотятъ, чтобы всѣ люди были подобными имъ пустосвятами. Вольтеръ, кто бы онъ ни былъ, хотя, впрочемъ, и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ невзначайтенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезенъ для общества, нежели все полчище пустосвятотъ. По мнѣнію пустосвятства, и по сію пору не должны-бы угасать инквизиціонныя костры и подземныя заклены должны-бы наполняться стономъ людей, несостоящихъ или нехотящихъ быть въ полчищѣ фанатиковъ... О, вѣкъ просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила мнимыя набожности (обращается авторъ къ XVIII в.), всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что имѣютъ они самаго священнаго“ (стр. 374).

Итакъ, вліяніе французской литературы XVIII в. или «вольтерьянство», какъ выражается просвирнинымъ терминомъ г. Незеленовъ, развращало только русское общество. Оно развратило даже Державина (с. 45)! Оно-же, испортивъ нравственность русскихъ, повело къ роскоши, ибо, гласитъ по „кайдановкѣ“ авторъ, „при низкомъ уровнѣ нравственности въ обществѣ обыкновенно развивается роскошь“ (с. 45). Другое европейское вліяніе, масонство, тоже не могло имѣть хорошихъ послѣдствій. О масонствѣ г. Незеленовъ говоритъ очень много и силится выразить какой-то свой оригинальный взглядъ на него, но въ сущности у него не выходитъ ничего оригинальнаго, кромѣ отдѣльных частностей, въ родѣ того, что масонская Jungfrau Sophia есть своего

рода хлыстовская богородица (с. 115). Забавно также мнѣніе г. Незеленова, что масонство заурещало сатиру, такъ-какъ заурещало осмѣивать ближняго (с. 82). Неужели г. Незеленовъ не понимаетъ, что съ упомянутой точки зрѣнія между осмѣяніемъ ближняго и сатирой большая разница: въ первомъ предполагается только эгоистическое издѣвательство; во второй—желаніе исправить. Подобныхъ курьезовъ въ книгѣ не мало, но вотъ самый замѣчательный. «Были ли всѣ эти (масонскія и т. д.) вызванія духовъ и проникновенія въ сверхъестественный міръ только шарлатанствомъ и обманомъ?» спрашиваетъ г. Незеленовъ и отвѣчаетъ: «Едва-ли все здѣсь можетъ быть объяснено обманомъ. «Вызываніе духовъ» и пришествіе въ «экстатическое» состояніе тѣсно связаны съ магнетизмомъ. Магнетизмъ—великая, но до сихъ поръ малоислѣдованная сила природы; посредствомъ его дѣйствительно могутъ совершаться неслыханныя пока явленія и, быть можетъ, врачеванія. Этой силой, вѣроятно, и владелъ Шреиферъ, про чудеса котораго рассказываетъ дневникъ Розенкрейцера» (с. 111—112). Вонъ оно куда пошло! Только мы не понимаемъ, почему г. Незеленовъ, такъ любящій цитаты, не сослался въ этомъ мѣстѣ на подходящіе источники, въ родѣ «Мага и Чародѣя» Мильчевскаго, а только «хотѣлъ-бы сослаться на лекціи психологіи пр. Сидонскаго, но, къ сожалѣнію, онѣ не напечатаны» (с. 112). Поздравляемъ гг. Вагнера, Бутлерова, Аксакова и т. д. съ новымъ адептомъ!

Волтерьянство и масонство губили общество; для возрожденія своего оно «нуждалось, чтобы повѣяло новымъ духомъ, чтобы явился человѣкъ, который-бы высказалъ новую мысль и собралъ-бы вокругъ нея на служеніе ей алчущихъ и жаждущихъ правды. Такимъ чело-вѣкомъ является Новиковъ» (с. 141). У г. Незеленова собрано много матеріаловъ о развитіи и дѣятельности этого талантливаго самоучки и мы воспользуемся ими въ своей статьѣ о Новиковѣ, здѣсь-же замѣтимъ только, что авторъ вовсе не сумѣлъ обработать матеріаловъ, которыми онъ располагалъ. Онъ, напр., ставитъ сатиру Новикова выше фонвизинской, потому что у Новикова былъ будто-бы какой-то опредѣленный общественный идеалъ, между тѣмъ какъ даже изъ книги г. Незеленова видно, что цѣль новиковской сатиры—«исправленіе нравовъ», а не реформы (с. 314, 384). Г. Незеленовъ до того превозноситъ Новикова, что утверждаетъ, будто-бы онъ даже «женскій вопросъ поставилъ на истинную почву» (с. 285) и создалъ *„оригинальную и замѣчательную философскую систему“* (с. 411),

въ которой лежало спасеніе Россіи,—систему, въ которой «должно видѣть зародыши той философіи, которая такъ цѣлостно развила въ новѣйшее время въ сочиненіяхъ гг. Кирѣевскаго и Хомякова» (с. 307). Г. Незеленовъ утверждаетъ, что Новиковъ установилъ «новое *міро-созерцаніе*, замѣнившее масонскій и волтерьянскій взгляды на жизнь» (с. 445). Онъ положилъ основаніе новому животворному направленію, въ которомъ лежалъ залогъ будущности Россіи, и лучшимъ представителемъ этого направленія нужно считать... отгадайте, кого?.. *Чацкаго!* «Чацкій—это возвышенный типъ, выработанный нашею жизнью, и горе русскому обществу, если замолкнетъ въ немъ слово Чацкаго. Слово это—залогъ спасенія молодыхъ поколѣній!» (с. 444).

Но оставимъ эту диссертацию; нашихъ замѣтокъ достаточно, чтобы читатель могъ имѣть понятіе о ней, а толковать о сумбурныхъ мнѣніяхъ и выводахъ людей зачитавшихся старопечатными книгами ужь очень утомительно...

Золотая грамота, первая въ Россіи учебно-воспитательная народная хрестоматія и т. д., сост. Фед. Вас. Ливановымъ и т. д.

Трескучее, фразистое объявленіе, предшествовавшее выходу въ свѣтъ «Золотой грамоты», въ разныхъ слояхъ публики произвело два разныхъ впечатлѣнія. Въ то время, какъ интересующаяся дѣломъ воспитанія и интеллигентная публика недоумѣвала, откуда явилась прыть у г. Ливанова, и была распотѣшена смѣлымъ до бахвальства обѣщаніемъ произвести *реформу* въ воспитаніи; другая часть публики, масса, была заинтересована дешевизною, такъ-какъ было обѣщано болѣе тысячи статей за 50 к., а въ *золотыхъ крышечкахъ* (!?) за 60 к.

Но увы! масса была жестоко разочарована: въ дѣйствительности оказалось, что не за 60 к., а за 1 р. 20 к. ей предложили двѣ лубочныя, тощія книжонки, съ громаднымъ количествомъ опечатокъ, и не въ *золотыхъ крышечкахъ*, а въ дрянной, тоненькой папчонкѣ съ налѣпленной суздальской картинкой, вышедшей изъ артистической мастерской художниковъ, рисующихъ виньетки къ «Гуакамъ», «Бовамъ», «Рыцарямъ Херсонамъ» и прочей лубочной ерундѣ.

Пропаганду своего дѣтища г. Ливановъ прінялъ на себя *лично*:

обойдя книжные магазины, онъ возложилъ на книгопродавцевъ честь продавать свою «Золотую грамоту» со всякимъ усердіемъ.

Само собою разумѣется, что какъ интересующаяся дѣломъ воспитанія, такъ и вообще интеллигентная публика, знакомая со всею предыдущею дѣятельностію г. Ливанова, могла впередъ безошибочно предположить, какого качества будетъ новый продуктъ ливановскаго взмышленія. Однакожь, зная, что народъ нуждается въ дѣльно составленныхъ христоматіяхъ, многіе внимательно перечитали «Золотую грамоту» и убѣдились, что ожиданія ихъ вполне оправдались, т. е. что хуже составить книгу едва-ли возможно. Посмотримъ, какія свѣденія даетъ народу г. Ливановъ, съ неподражаемой смѣлостію заявляющій, что онъ производить реформу въ воспитаніи, и посвящающій свою книгу «духовенству, дворянству, земству и всѣмъ, кому вѣрено русскимъ Царемъ воспитаніе народа».

Главное отличіе «Золотой грамоты» отъ другихъ христоматій состоятъ въ томъ, что въ ней масса воззваній автора «Къ народу», которыя открываютъ и заключаютъ почти каждый отдѣлъ.

Отдѣловъ въ «Золотой грамотѣ» бездна, но главныхъ три: религіозный, научный и словесности или отрывковъ изъ произведеній русскихъ авторовъ, басенъ и проч. Прочіе суть только подраздѣленія трехъ главныхъ отдѣловъ.

Разборъ нашъ начнемъ съ воззваній «къ народу», играющихъ въ книгѣ г. Ливанова роль руководящихъ статей; въ нихъ бездна риторическихъ красотъ, богословскаго краснорѣчія, и весьма мало пригоднаго и понятнаго для народа. Каждое воззваніе есть въ своемъ родѣ перлъ краснорѣчія; для примѣра беремъ на удачу первое попавшееся: «Русскій народъ! мы представили здѣсь образцы прекрасныхъ и добродѣтельныхъ людей. Подражай имъ и помни, что кто хочетъ сдѣлаться истинно добродѣтельнымъ, тому должно обуздывать свои *разнузданныя* (разнузданныя) страсти... почти непрерывно останавливать скверные порывы своего сердца, много терпѣть отъ себя самого. Добродѣтель есть непрерывный дѣятельный подвигъ чловѣка въ продолженіи всей его жизни, и потому требуетъ отъ него всегда самоотверженія и самопожертвованія...»

Не правда-ли, очень понятно? Въ такомъ родѣ *есть* воззванія; они столько же вразумительны, какъ и вообще всѣ ливановскія поученія для народа, которыя отличаются непроходимой темнотой и могутъ интересовать развѣ только любителей схоластическаго краснорѣчія; они представляютъ безжизненную, сухую мораль и ничего болѣе.

Было-бы смѣшно теперь толковать о бесполезности прописной морали, потому что это уже давнымъ-давно сознано и не подлежит сомнѣнію, а такой именно моралью полна книга г. Ливанова.

Отдѣлъ «словесности» тоже малопрігоденъ для народа, во-первыхъ, по краткости, а во-вторыхъ (и главнымъ образомъ), потому, что г. Ливановъ выбиралъ не *лучшее* и не изъ *лучшихъ* авторовъ. Отъ этого отдѣла вышелъ сухъ и нонятресеиъ. Какъ и всякій другой отдѣлъ въ книгѣ г. Ливанова, отдѣлъ словесности тоже снабженъ его примѣчаніями и поученіями, чѣмъ и испорченъ окончательно.

По особенной склонности г. Ливанова къ отдѣламъ, и словесность разбита на много отдѣловъ, и самымъ безтолковымъ образомъ. (Всѣхъ отдѣловъ въ двухъ книжкахъ «Золот. грам.» 34!)

Каждому почти отдѣлу предшествуетъ опредѣленіе названія отдѣла. Совершенно непонятны и даже подчасъ лишены всякаго смысла эти опредѣленія, напримѣръ: «Что такое поговорка? Поговорка есть выразительная *сентенція*, заключающая въ себѣ смыслъ практической, наглядной мудрости. Это ходячее правоученіе практическое, выраженное коротко и наглядно»... «Загадка есть алегорическое выраженіе, вносказательная рѣчь, подъ которою скрывается тайный смыслъ, который нужно отгадывать»... и т. д. (стр. 126, ч. I). Или: «Что такое исторія вообще? Исторія есть священная книга народовъ, есть зеркало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополнение, изъясненіе настоящаго и примѣръ *будущаго*»... (стр. 1, ч. II).

Ну пойметъ-ли такую мудрость крестьянинъ? Точно во времена Мелетія Смотрицкаго и Симеона Полоцкаго!

Еще курьезнѣе толкованія басенъ. Вотъ какъ, напримѣръ, г. Ливановъ объясняетъ крестьянамъ басню Крылова «Дубъ и трость»: «Въ селахъ сельскіе старосты и прочее сельское начальство нерѣдко кичатся предъ простыми мужиками тѣмъ, что они-де начальство. Но вдругъ настаетъ буря... пріѣзжаетъ губернаторъ, разсматриваетъ дѣла сельскаго начальства и отдаетъ его подъ судъ... А изъ суда дорога и въ Сибирь. А простые мужики что? Да ничего! они въ сторонѣ. Нагрянула на село буря (судъ)... вырвала съ корнемъ дубъ (старшину или старосту), а они въ бурю пригнулись, какъ трость къ землѣ, и остались невредимы» (стр. 218, ч. I).

Не правда-ли, понятнѣе? Крестьянинъ, пожалуй, заключить изъ этого, что всякій пріѣздъ губернатора есть буря и за всякимъ разсмотрѣніемъ дѣла кичливаго сельскаго начальства слѣдуетъ ссылка старши-

ны или старосты въ Сибирь (и не за мошенничество, а за кичливость предъ подчиненными). И какъ складно!—«А простые мужики что? Да ничего! они въ сторонѣ».

Чтобъ быть понятнымъ, г. Ливановъ отрѣшился отъ схоластическаго красворѣчія и вздумалъ заговорить обыкновеннымъ языкомъ. Какъ видите, нагородилъ онъ съ три короба, а толку никакого.

Такія нравовченія находятся послѣ каждой басни и рѣшительно затемняютъ ихъ смыслъ и сбиваютъ съ толку. Между тѣмъ басни Крылова такъ понятны народу, что вовсе не нуждаются въ комментаріяхъ г. Ливанова.

Хороши также біографіи русскихъ писателей, составляющія сухое перечисленіе трудовъ, пересыпанное цифрами; это не біографіи, а некрологи, надерганные изъ старыхъ календарей, начинающіеся неизменно словами: *родился тогда-то* и кончающіеся—*умеръ тогда-то*.

Для примѣра приведемъ одну біографію: „Херасковъ родился въ 1733 году и воспитывался въ корпусѣ. Въ 1751 г. онъ окончилъ тамъ курсъ и поступилъ въ военную службу, гдѣ и оставался пять лѣтъ. Въ 1756 г. онъ перешелъ въ гражданскую службу и до 1802 г. служилъ при московскомъ университетѣ, въ которомъ онъ въ послѣдніе годы былъ попечителемъ. Его добрый нравъ, *лишенный всякой примѣси эгоизма и личнаго самолюбія*, безкорыстная и искренняя преданность наукъ дѣлаютъ ему *большую честь* (?!). *Въ украшеніи событій* образцомъ для поэта служили итальянскіе поэты: Аріостъ и Тассъ. Изъ повѣстей Хераскова замѣчательны тѣ, которыя имѣютъ политическій смыслъ: какъ, напр., „Нума“, гдѣ подъ видомъ гуманнаго и мудраго римскаго царя поэтъ изобразилъ Екатерину II. Херасковъ умеръ въ 1807 году“ (стр. 281, ч. II).

Вообще весь этотъ отдѣлъ составленъ самымъ небрежнымъ образомъ.

Но перлъ «Золотой грамоты» составляетъ отдѣлъ научный и въ особенности *естественная исторія*. Это по-истинѣ нѣчто колоссально... безобразное и безтолковое! Предостерегаемъ всякаго нетвердаго или незнакомаго съ зоологіею отъ чтенія естественно-исторической чепухи г. Ливанова. Для людей, знакомыхъ съ естественною исторіею, этотъ отдѣлъ можетъ замѣнить, пожалуй, анекдоты Балакирева—такъ онъ полонъ ерундой и курьезами. Но это было-бы смѣшно, когда-бы не было такъ грустно... Не забудьте, что это предлагается народу.

Бѣдный народъ! долго еще будутъ угощать тебя разной дрянью непривзванные составители нарядныхъ книгъ и популяризаторы наукъ,

подобные г. Ливанову. После сказки в 1 части «Золотой грамоты» помещенъ отдѣлъ XVI (?) «Изъ Зоологін». Онъ, въ свою очередь, раздѣленъ на шесть: I. Домашнія животныя. II. Насѣкомыя. III. Птицы. IV. *Полевая животныя* (!!) (это еще что за неизвестный отрядъ?), въ который г. Ливановъ помещаетъ: льва, тигра, леопарда, слона, носорога, *медвѣдя*, гіену, *энота* (енота?), волка, обезьяну, лисицу, зайца, лоса, серну, *бобра*, ежа, крота, суслика, хоря (хорька?), *бляку*, *тюленя*, *моржа* и летучую мышь. V. Рыбы, куда творецъ «Золотой грамоты» помещаетъ *кита* (!), и VI. Земноводныя, къ которымъ причисляетъ: *дракона* (!), *змью*, *ужа*, улитку, пиявку, *листога* (!), червей, *солитера*, ящерицу (земляную, а не тритона).

Какъ вамъ нравится такая классификація?.. И такая чепуха предлагается народу подъ громкимъ названіемъ «золота»! Ну не засмѣется-ли самый круглый невѣжда и не сочтеть-ли это за шутку, когда вы скажете ему, что медвѣдь, лось, или, еще лучше, тюлень и моржъ *полевая* животныя?

Но это еще только цвѣточки; чѣмъ дальше, тѣмъ еще ерундистѣе. Прочитавъ этотъ отдѣлъ, крестьянинъ узнаетъ, что лошадь, корова, свинья и проч. суть *домашнія* животныя и что «вѣрность собаки продолжается даже и послѣ смерти», въ подтвержденіе чего г. Ливановъ рассказываетъ извѣстные анекдоты. Затѣмъ мы узнаемъ отъ него, что мышь причисляется къ *отряду грызуновъ*, потому что она «*себе погрызетъ*», и множество подобныхъ-же научныхъ опредѣленій.

Теперь обратите вниманіе на ливановское описаніе верблюда:

«Верблюдъ есть движущееся сѣдло на четырехъ ногахъ. Верблюдъ въ одно и то-же время напоминаетъ *осицу и медвѣдя*» (а это изреченіе намъ напоминаетъ весьма глупую прибаутку: *либо старыи медвѣдь, либо молодой голубь*). «Его шерсть и неуклюжесть медвѣжьи, *лицо* овечье: оно *совсѣмъ голое*; уши и волоса *какъ у человетка* (!?). Есть что-то *древне-египетское* въ умножѣ и сурово-равнодушномъ выраженіи верблюжьего *лица!*» (стр. 285, ч. I.)

Похожъ? Право можно подумать, что г. Ливановъ описываетъ какихъ-нибудь аспидовъ и василисковъ.

Въ началѣ отдѣла г. Ливановъ выставилъ цѣлую кучу именъ извѣстныхъ естествоиспытателей: Франклина, Линнея, Бюффона, Брэма, Гартвига и мн. др. (странно перемѣшавъ ихъ съ именами: Дарагана, Водовозова, Разина, Корфа и другихъ, неполюзующихся извѣстностью, какъ *естествоиспытатели*), но мы увѣрены, что онъ и не загля-

дывалъ въ труды этихъ ученыхъ, иначе онъ не могъ-бы нагородить такой чепухи въ своихъ описаніяхъ животныхъ.

Въ описаніи бабочки г. Ливановъ доходитъ до такихъ красотъ: «Пестрая бабочка всегда дѣятельно перепархиваетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, у нея есть *ротикъ* и она имъ *отыскиваетъ* себѣ *пищу* въ цвѣткахъ. Она *плетъ* длиннымъ язычкомъ, который у ней образованъ изъ челюстей, свернутыхъ въ трубочку. Свой хоботокъ бабочка вытягиваетъ, чтобы *добыть* себѣ *соку* изъ цвѣтовой чашечки. Бабочки *ничего не ѣдятъ во всю жизнь*, за то и живутъ только одинъ день (!!)» и проч.

Какъ-же такъ? чему-же тутъ вѣрить? Есть бабочка или ничего не есть?...

Въ книгѣ г. Ливанова подобной безмыслицы такъ много, что положительно нѣтъ возможности на все указать; для этого пришлось-бы выписывать почти *всю* рассказы изъ естественной исторіи.

Взаключеніе выписокъ мы приведемъ два описанія изъ «физики» и «ботаники», по которымъ читатель можетъ составить себѣ понятіе и о другихъ описаніяхъ г. Ливанова: «Громъ и молнія. Каждый знаетъ, что молнія вылетаетъ изъ тучъ, а тучи есть сгущенный паръ, поднявшійся вверхъ отъ солнечной теплоты съ водъ земныхъ и морей, слѣдовательно грозовая сила, обнаруживающаяся молніей и громомъ, собирается въ парахъ, которые берутъ ее изъ воды при своемъ образованіи и отдѣляютъ отъ себя во время обращенія своего опять въ воду. Вода обращается въ паръ, паръ—въ воду отъ разной степени тепла (солнца) внизу и наверху; значитъ, тепло, истраченное на образованіе паровъ изъ воды, обращается въ грозовую силу, обнаруживающуюся громомъ и молніей...» (стр. 308, ч. II).

Добивайтесь смысла въ этой чепухѣ! Хорошо также это описаніе: «Горчица. *Бываетъ горчица черная, а обыкновенная бѣлая горчица* *). Это растеніе, свободно растущее по всей средней Россіи, собирается на лугахъ, на поляхъ и въ садахъ. *Цвететъ* она въ іюнѣ и іюлѣ. Употребительны только сѣмена. Сборъ бываетъ въ концѣ августа. Горчицу толкутъ или мелютъ. *Качество черной горчицы: возбуждающее, отвлекающее; бѣлой: возбуждающее, укрѣпляющее желудокъ*» (стр. 326, ч. II).

Повторяешь, по этимъ немногимъ выпискамъ читатель смѣло можетъ сдѣлать заключеніе и обо всѣхъ прочихъ описаніяхъ.

*) Курсивъ г. Ливанова.

Общее впечатлѣніе, производимое «Золотою грамотою», это—страх и удивленіе. Страхъ того, что, поддавшись на удочку заманчивыхъ объявленій, народъ или руководящіе его образованіемъ будутъ быстро раскупать „Золотую грамоту“ и приобрѣтутъ за свой кровный цѣлковый нѣсколько листовъ макулатурной бумаги. Невольно припоминается нашъ побасенка о хохлѣ, купившемъ на ярмаркѣ вмѣсто пряника кусокъ мыла и геройски съѣвшемъ его, приговаривая: «Бачили очи, що куповали—теперь иште, хоть повывлазьте!» Бѣда, если крестьянинъ такъ поступитъ съ «Золотою грамотою».

Книга г. Ливанова издана крайне небрежно: множество опечатокъ, присутствіе которыхъ нельзя извинить въ особенности въ книгѣ для народа (она должна быть въ граматическомъ отношеніи безукоризненна), скверная бумага и лубочный переплетъ (названный *золотыми крышечками*), который разлѣзается отъ однодневнаго употребленія (безъ переплета въ продажѣ нѣтъ). Крайне непріятно дѣйствуетъ на читателя самоувѣренный тонъ авторитета, какимъ г. Ливановъ вкривъ и вкось судитъ, радитъ, вѣжеть и рѣшаетъ судьбы міра и самъ-же восхваляетъ свой трудъ.

Считаемъ нелишнимъ напомнить читателю, что это тотъ самый Федоръ Ливановъ, который нѣкогда былъ шокированъ разоблаченіемъ продѣлокъ, употребленныхъ имъ при распространеніи его книги «Раскольники и острожники» и который разыскалъ при этой книгѣ свой портретъ, *купно съ портретомъ своей жены*.

Наши чудодѣи. Лѣтопись чудачествъ и эксцентричностей всякаго рода. Составилъ Касьянъ Касьяновъ. Спб. 1875 г.

«Все это отъ необузданности, а то и отъ глупости бываетъ», говоритъ о самодурствѣ одинъ изъ героевъ Островскаго. Чаше всего необузданность и глупость дѣйствуютъ вмѣстѣ. Тятя Титычъ дуритъ потому, что на него узды нѣтъ, но если-бы онъ былъ менѣе глупъ, то и его безобразія были-бы не такъ отвратительны, потому что онъ могъ-бы придумать для своего увеселенія что-нибудь поумнѣе тѣхъ „колѣнъ“, какія онъ выкидываетъ. Русская жизнь до самаго послѣдняго времени была чрезвычайно благопріятна для развитія упомянутой необузданности, проявлявшейся въ такихъ дикихъ и глупыхъ

формахъ, которыя давно уже исчезли изъ быта западной Евразы, и книгопродавческая реклама о книжкѣ г. Касьянова имѣла полное право сказать, что «наши чудодѣи за поясъ заткнутъ любого англійскаго эксцентрика». Еще-бы! Мы даже до сихъ поръ готовы хвастать передъ иностранцами этими дикими людьми и идиотами, и тотъ-же г. Касьяновъ увѣренъ, что его біографіи Хвостова и Шаликова «непремѣнно будутъ переведены французами, нѣмцами и англичанами, которые—я въ томъ увѣренъ—не назовутъ ни графа, ни князя глупцами, а только *великопѣтными чудодѣями и оригиналами*» (с. 4). Вотъ какъ мягко до сихъ поръ смотрятъ наши старички на самодурство! Правда, въ книжкѣ г. Касьянова мало говорится о самодурствахъ и безобразіяхъ, а больше переливается изъ пустого въ порожнее, но и въ ней мы видимъ очень миленькіе образчики російскаго «чудодѣйства», хотя авторъ не съумѣлъ сколько-нибудь ясно очертить видѣнныя имъ личности.

Вотъ потомокъ древней фамиліи, миліонеръ Савва Яковлевъ. У него одно достоинство, которымъ онъ можетъ гордиться: никто не въ состояніи перепить его, кромѣ отставнаго гвардейскаго капитана Бема, которому Савва и подарилъ за то 100,000 р. (с. 222). Онъ не умѣлъ даже разнообразить своихъ удовольствій и, придумавъ всего какихъ-нибудь пять-шесть глухихъ штукъ, истратилъ на выполненіе ихъ миліоны. Его обычныя сатурналіи кончались обыкновенно тѣмъ, что гостей заставляли выпивать серебряный «гробъ» шампанскаго и затѣмъ, „подбирая убитыхъ“, разносили ихъ по спальнямъ (с. 228). Иногда, впрочемъ, пустая голова Саввы изобрѣтала кое-что новое. Онъ велѣлъ однажды приготовить весь ужинъ для гостей на касторовомъ маслѣ (257). Это «шутки» еще невинныя сравнительно съ слѣдующею. Подходить къ Яковлеву нищій.—Ты что? спрашиваетъ его Яковлевъ.—Христа ради, баринушка, отвѣчаетъ нищій, кланяясь.—Ты это видишь?—Яковлевъ вынимаетъ красненькую ассигнацію, т. е. кредитку на серебро.—Вижу, батюшка.—Хочешь получить ее всю? А?—Нищій молчитъ и только низко-низко кланяется.—Я могу ее тебѣ отдать, могу, если хочешь.—Коли милость ваша, баринушка... Пошли вамъ Господи.—Только—стой! Не даромъ!.. Видишь эту собачью образину? Яковлевъ оборачивается и хрипитъ: «Нептунъ, ісі!» Изъ-подъ кресла вылѣзаетъ бульдогъ и мрачно взглядываетъ на нищаго.—Видишь, я дамъ тебѣ эту кредитку. Она ходитъ десять рублей на серебро, а по-старому 35 рублей. Шутка-ли—35 рублей! Только пусть мой Нептунъ на тебѣ промнется. Онъ, видишь, что-то

заспался, а будь онъ не такимъ соней, такъ давно-бы уже далъ тебѣ трепку. Нищему тунеядцу получить деньги хочется и, кромѣ того, онъ почти увѣренъ, что если откажется, то «Нептунъ» все-равно влетитъ сзади и даромъ прокуситъ ему ногу; не много подумавъ, онъ соглашается.—Изволь, батюшка, коли милости твоей такъ угодно.—Нептунъ, ату его! хрипитъ этотъ обрюзглый, красноносый баривушка, швыряя нищему ассигнацію. «Нептунъ» въ мигъ перерождается и, оцетиня шерсть и оскаливъ зубы, бросается на нищаго. Онъ тотчасъ сбиваетъ нищаго съ ногъ, валитъ его подъ себя и начинаетъ рвать на немъ его отрепья, добываясь и до мяса. Нищій визжитъ, кричитъ, барахтается, между тѣмъ какъ Яковлевъ и Бемъ хохочутъ. Наконецъ, собаку отзываютъ» (с. 254).

Въ людяхъ, подобныхъ Саввѣ, нѣтъ ни образа, ни подобія человѣческаго; эти животныя натуры предоставлены своей собственной глупости. Но вотъ такой-же индивидъ, только дисциплинированный. Это придворный истопникъ Брызгаловъ, дослужившійся до бригадирскаго ранга. По скупости и незажиточности онъ не могъ дурить, подобно Яковлеву, и все его самодурство сосредоточилось въ гордомъ сознаниі, что онъ бригадиръ павловскаго времени. Вплоть до своей смерти онъ горделиво расхаживалъ по Петербургу въ павловскомъ костюмѣ, въ сопровожденіи своихъ двухъ сыновей. Сыновья Брызгалова, въ 20-хъ годахъ уже парни лѣтъ 18—19, ходили въ бѣлыхъ каніфасныхъ панталончикахъ, въ желтыхъ гусарскихъ сапожкахъ съ кисточками и въ пунсовыхъ шпензерахъ, а на головѣ у одного была игрушечная казачья шапка, у другого—красный гусарскій киверъ; они всегда были вооружены жестяными дѣтскими саблями на красныхъ сафьяныхъ португяхъ, а въ рукахъ имѣли деревянные, красные съ серебряной бумагою, изображавшею дуло, ружья, изъ которыхъ стрѣляли горохомъ по командѣ милого родителя, кричавшаго имъ: «Пали!» когда уличные мальчишки слишкомъ нескромно большою толпою наступали на нихъ съ обычными ругательствами: «Брызгалята, у-у!» или «Бригадирскіе щенки!» Дайте этому Брызгалову миліоны да развейте въ немъ хоть какіе-нибудь цивилизованные вкусы—и изъ него выйдетъ В—скій, задававшій въ своемъ имѣніи Рябовѣ, около Петербурга, валтасаровскіе пиры, на которыхъ лизоблюдиачли разные литераторы, въ родѣ Свиныина, воспѣвавшіе его въ стихахъ и прозѣ, потѣшавшіе его театральными представленіями и т. д. В—скій обзавелся въ Рябовѣ англійскими земледѣльческими машинами, запрягалъ ихъ англійскими ковами—велика-

нами, выписалъ изъ Англіи землепашцевъ, ввелъ голандскую ирригацію и т. д. Все это онъ дѣлалъ для того, чтобы, по примѣру Наполеона, который по враждѣ къ Англіи ввелъ во Франціи свекло-сахарную культуру,—разводить на петербургскихъ болотахъ свекловицу и дѣлать сахаръ. Онъ истратилъ громадныя суммы, достигъ цѣли и восхищался, какъ ребенокъ, что въ своемъ домашнемъ обиходѣ не употреблялъ ни одного куска колоніальнаго сахара, хотя его собственный сахаръ былъ во сто разъ дороже привознаго (с. 169). Вѣдь это тоже «моему нраву не препятствуй», только въ другой формѣ. Безсодержательная жизнь, пустота душевная необходимо приводятъ къ подобнымъ развлеченіямъ, и, предаваясь такимъ глупостямъ, разоряясь на нихъ, самодуры этого рода воображаютъ, что дѣлаютъ дѣло и считаютъ себя неизмѣримо выше какихъ-нибудь Яковлевыхъ и Брызгаловыхъ. Даровой крѣпостной трудъ въ прежнее время особенно благопріятствовалъ развитію этого самодурства; но не одни помѣщики упражнялись въ немъ, а всякій, кто безъ труда наживалъ большія деньги и могъ оставаться необузданнымъ. Откупщикъ Ганинъ, напр., дурилъ не меньше какого-нибудь В—скаго. Онъ потратилъ миліоны на устройство чудовищно-глупыхъ садовъ. Вотъ, напр., одна изъ достопримѣчательностей этихъ садовъ. «За валомъ, гдѣ находилась безносая Венера, была устроена крѣпостца съ пушками, будками и часовыми въ мундирахъ двадцатыхъ годовъ, то-есть съ короткими фалдочками, въ высокихъ киверахъ съ кутасами, помпонами и витишкетами и въ крагахъ съ пуговками во всю ногу, отъ колѣна до подошвы. Въ гавани островка стояла яхточка съ флагами и двумя мѣдными пушками, изъ которыхъ иногда палили, съ разрѣшенія мѣстнаго квартальнаго надзирателя, частаго гостя въ саду Ганина.—А вотъ-съ, говорилъ гостямъ своимъ благодумствовавшій Егоръ Федоровичъ,—прежде, чѣмъ окончить осмотръ всѣхъ достопримѣчательностей моего сада, позвольте показать вамъ моихъ арестантовъ въ крѣпостномъ валу, гдѣ у меня устроены казематы.—И онъ велъ посетителей сначала въ одну прохладную, темноватую бесѣдку, гдѣ у стола сидѣла деревянная кукла безобразной старушонки, въ ситцевомъ капотѣ, въ чепцѣ и съ очками на носу. Старушонка эта гадала на картахъ, бобахъ и кофе. Подлѣ нея сидѣла искусственная черная кошка, но съ натуральною шкурою нѣкогда живой кошки.—«Эте вѣрное изображеніе одной мошенницы-колдуньи, пояснялъ Ганинъ,—которую я преслѣдовалъ чрезъ полицію за то, что она, негодная, извела мою покойную жену, мону-

ментъ которой вы видѣли на островкѣ. Вотъ здѣсь стоитъ и часовая съ ружьемъ». И онъ показывалъ на большую деревянную куклу солдата въ мундирѣ съ киверомъ на головѣ и съ ружьемъ на-карауль.—А вотъ-съ тутъ, продолжалъ Ганинъ,—я упряталъ безбожника Лютера.—И онъ отворялъ дверь другой бесѣдки въ стѣнѣ вала, гдѣ находилась деревянная фигура старика въ напудренномъ парикѣ съ локонами и въ черномъ суконномъ французскомъ кафтанѣ, которая такъ-же мало имѣла общаго съ знаменитымъ реформаторомъ, какъ настоящая Венера съ тою Венерою «Медыцинскъ», которую передъ тѣмъ посѣтителю видѣли на валу. Этотъ Ганинъ сочинялъ дурацкія драмы. Въ одной изъ нихъ, напр., главную роль играетъ *львица*; въ другой героиня такъ изливаетъ свои душевныя страданія: «Всегда сидѣть дома и не видѣть ничего больше, кромѣ своего закона и своей фамиліи, или же три или четыре блюда пиши, какъ супъ съ вермишелью, шпинатъ съ яйцами (выпускными), жареная индѣйка съ груздями и пражены съ вареньемъ, всякій день и одинаковаго вкуса, безъ перчику и мушката, не прискучить-ли?» (с. 115). Ничѣмъ не лучше этого Ганина были и два знаменитыхъ виршеплетата, Хвостовъ и Шаликовъ. Они отличались отъ Ганина только тѣмъ, что были бѣднѣе его, но Ганинъ былъ откупщикъ, Хвостовъ-же сардинскій графъ, а Шаликовъ—грузинскій князь. Оба они вошли въ пословицу своей бездарностью и страстью къ стихоплетству. Хвостовъ каждому встрѣчному читалъ и давалъ свои стихи, нанималъ себѣ слушателей, самъ писалъ о себѣ хвалебные отзывы, самъ скупалъ по лавкамъ свои творенія и т. д. И онъ находилъ поклонниковъ! „Въ Лѣтнемъ саду по кондитерскимъ, въ то время уже многочисленнымъ въ Петербургѣ, графъ старался ловить пріѣзжихъ провинціаловъ, восхищавшихся высокою честью бесѣдовать съ сенаторомъ-звѣздоносцемъ, и эти господа всласть выслушивали изъ устъ его сіятельства или его секретаря или сами вслухъ съ уваженіемъ читали его стихи. За такія любезности и за такую «свѣтскость» графъ приглашалъ внимательныхъ слушателей и льстецовъ къ себѣ въ домъ на обѣдъ, на который эти господа являлись какъ на нѣкое торжество, входили въ домъ къ графу съ благоговѣніемъ, точно въ святилище. Такихъ господъ въ Россіи тогда было не мало!“

Литераторы за глаза издѣвались надъ нещпымъ виршеплетомъ, а въ глаза не дерзали говорить ему ничего неодобрительнаго, потому—графъ! Это холопство доходило до того, что когда Дашковъ произнесъ въ обществѣ любителей словесности похвальное слово Хвостову,

исполненное провін, литераторы возмущались такою продерзостью и исключили Дашкова изъ членовъ общества! Впрочемъ, Хвостову льстили не даромъ, а брали у него деньги взаймы и кормились на его счетъ. Эти паразиты «отчасти жили подъ его гостепріимнымъ и хлѣбосольнымъ кровомъ, отчасти ежедневно сидѣли за его скатертью, неснимавшеюся съ утра до поздней ночи: чайный и кофейный завтракъ, мясной, рыбный и шоколадный фриштикъ, затѣмъ полдникъ съ бульономъ и разными легкими кушаньями, далѣе, въ 4 часа, обѣдъ, не иначе, какъ въ 8 блюдъ, въ 7 часовъ вечера чайный столъ со всевозможными тортами, бисквитами, пряженцами, кренделями, сушками и проч., а въ 11 часовъ ужинъ, не менѣе, какъ въ 4 блюда, съ горячимъ мяснымъ или рыбнымъ» (с. 41). Ёли много, но за то и лакействовали безъ зазрѣнія совѣсти, и только однажды пьяный Милоновъ высказалъ графу всю правду, къ общему ужасу его льстецовъ и прихлебателей. «Въ 1820 г. проживалъ въ Петербургѣ вологодскій помѣщикъ и поэтъ тогдашняго закала, съ обращеніями къ дунѣ, къ лазоревымъ очамъ, къ утраченнымъ наслажденіямъ, къ утѣшительнымъ надеждамъ и пр., Павелъ Александровичъ Межаковъ, человекъ очень богатый, любившій разыгрывать роль друга музъ и покровителя талантовъ, почти Мecenата. Онъ давалъ обѣды, вечера и ужины всѣмъ тогдашнимъ литературнымъ корифеямъ столицы, которые у него ёли, пили и читали свои произведенія. На эти «межаковскіе» литературные вечера, въ числѣ прочихъ, являлся и графъ Хвостовъ (въ «Полномъ собраніи стихотвореній» котораго не мало стиховъ, посвященныхъ авторомъ Межакову) съ пукомъ стиховъ и обыкновенно съ двумя или тремя своими чтецами, премьеромъ которыхъ былъ неразлучившійся съ графомъ Г. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, въ то время, когда все общество шло къ ужину, явился стихотворецъ Милоновъ, отличавшійся крайнею невоздержностью къ спиртнымъ напиткамъ. Къ горю чопорнаго хозяина-амфитріона, этотъ пѣтъ явился въ опьяненномъ и сильно экзальтированномъ состояніи. Онъ требуетъ себѣ стаканъ воды, но вмѣсто воды выпиваетъ залпомъ водку, дѣлая видъ, что принялъ хмѣльной напитокъ за невскую воду. Милоновъ за столомъ помѣщается противъ графа Хвостова и начинаетъ, при постоянной икотѣ, неумѣренно выхвалять добродѣтели сіятельнаго стихотворца, сравнивая его, по сердечнымъ его свойствамъ, съ добродѣтельвѣйшими людьми древняго міра, каковы: Антонинъ и Маркъ-Аврелій. При этомъ Милоновъ, страшно поводя глазами, заявляетъ, что онъ

готовъ стрѣляться съ каждымъ, кто дерзнулъ-бы не раздѣлить его мнѣнія. Тогда графъ съ сконфуженнымъ видомъ говоритъ черезъ столъ Милонову, что онъ заставляетъ его краснѣть и что вообще онъ не любитъ похвалъ себѣ.

— Ну, такъ я удовлетворю скромности вашего сіятельства, восклицаетъ пьяный стихотворецъ, — и заставлю васъ поблѣднѣть!

И въ самомъ дѣлѣ, графъ вскорѣ сдѣлался ни живъ, ни мертвъ, страшно поблѣднѣлъ, чуть не упалъ въ обморокъ, потому что Милоновъ принялся на чемъ свѣтъ стоитъ поносить все его стихотворенія, изъ которыхъ, владѣя необыкновенною памятью, наизусть приводилъ цитаты и ѣдко ихъ осмѣивалъ съ прибавкою множества совершенно венецатныхъ выраженій. Хозяинъ не зналъ, куда ему дѣться, былъ въ отчаяніи и остался очень доволенъ, когда графъ, ссылаясь на позднюю пору и головную боль, уѣхалъ до окончанія ужина, не дождавшись знаменитаго, составлявшаго въ то время принадлежность всехъ пиршествъ, пирожнаго, которое сверху пылало синимъ пламенемъ, содержа въ себѣ ванильное мороженое бѣлаго цвѣта, и называлось «Везувій на Монбланъ». Милоновъ, однакожь, дождался «Везувія»; не коснувшись „Монблана“, онъ захватилъ ложкою пылавшаго арака и затѣмъ свалился подъ столъ. Этотъ случай заставилъ П. Межакова прекратить свои „парнасскія вечеринки“ въ столицѣ и оставить берега Невы“ (с. 42—44)...

Вотъ почти все сколько-нибудь интересное, что можно выжать изъ книжки г. Касьяна Касьянова.

ОТВѢТЪ Г. ВОДОВОЗОВУ.

Въ сентябрьской книжкѣ „Дѣла“ былъ помѣщенъ скромный отзывъ автора настоящаго отвѣта о „Руководствѣ въ русской азбукѣ“ г. Водовозова. Можетъ быть, этотъ отзывъ не возбудилъ-бы неудовольствія г. Водовозова, если-бы онъ нѣкоторыхъ обобщеній не объяснилъ лично. Недоразумѣніе вызвало г. Водовозова на возраженіе, напечатанное въ 275 № „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Въ возраженіи г. Водовозова есть и сущность, но она, подобно крошечной персиковой косточкѣ, окружена очень мясистой полемической корой. Конечно, авторъ разбора могъ-бы поступить точно такъ-же, но онъ въ своемъ полемическомъ саду никогда не культивировалъ персиковъ и полагаетъ, что лучшая полемика заключается въ томъ, чтобы не играть въ снѣжки, потому что легко можно бросить и камнемъ.

Не желая измѣнить своему правилу, авторъ соберетъ только всѣ снѣжные шарики, брошенные въ него г. Водовозовымъ, и возвратитъ ихъ ему обратно. Г. Водовозовъ можетъ удостовѣриться, что они точно такъ-же цѣлы, какъ и тогда, когда онъ ихъ скаталъ и бросилъ.

Г. Водовозовъ называетъ автора разбора безконечной широтой всероссійской мысли, практическимъ русскимъ смысломъ, послонъ новыхъ боговъ, спекуляторомъ шумныхъ фразъ на славу своего имени, особеннымъ русскимъ смысломъ, хотя и соннымъ, героемъ и спасителемъ новаго здраваго смысла, источникомъ, изъ котораго сыплются кремни остроумія, колчаномъ съ гнилыми стрѣлами, наконецъ, гвоздемъ въ головѣ. Авторъ не считалъ, сколько

тутъ шариковъ,—кажется, всё; а г. Водовозовъ можетъ удостовѣриться, что нѣкоторые изъ нихъ стали еще чище, чѣмъ были тогда, когда онъ ихъ только-что скаталъ.

Но на-сколько г. Водовозовъ опровергъ автора разбора своими снѣжными шариками и удобно-ли играть въ снѣжки людямъ солиднымъ, серьезно посвятившимъ себя перевоспитанію Россіи,—авторъ предоставляетъ рѣшить г. Водовозову. Въ то-же время, мы полагаемъ, что персиковая косточка отвѣта г. Водовозова очень мала, а критическія замѣтки автора остались г. Водовозовымъ все-таки непровергнутыми.

Г. Водовозовъ думаетъ, что обязанность русскаго здраваго смысла, хотя-бы онъ былъ и сонный, въ томъ, чтобы громить безъ разбора все, и старое, и новое, и затѣмъ очутиться въ пустомъ пространствѣ. Такъ-какъ природа не терпитъ пустоты, то г. Водовозовъ, возводя автора въ герои и спасители здраваго смысла, поручаетъ ему вмѣсто всѣхъ существующихъ азбукъ создать новую, которая-бы замѣнила ихъ. Но авторъ полагаетъ, что такихъ задачъ нельзя возлагать на здравый смыслъ. Здравый смыслъ есть сила критическая и отрицающая; онъ можетъ находить, что старыя пути сообщенія нигуда не годятся, но вовсе не его обязанность изобрѣтать желѣзныя дороги; онъ можетъ находить, что у теперешнихъ аэростатовъ есть много недостатковъ, но онъ вовсе не обязанъ изобрѣтать аэростатъ совершенный; онъ можетъ находить, что азбуки и обученіе грамотѣ идутъ не туда, но онъ не обязанъ писать свою азбуку; онъ можетъ находить, что учителя нашихъ сельскихъ школъ и наши педагоги не имѣютъ въ рукахъ фонарей, но не обязанъ самъ произвести педагоговъ гениальныхъ. Здравый смыслъ всегда былъ только умышленной и критической силой и стаканомъ холодной воды. Иронизировать здравымъ смысломъ нельзя, въ него нельзя кидать ни снѣжками, ни камнями, ни обижаться противъ него, потому что снѣжки и камни, брошенные въ него, полетятъ назадъ въ ту голову, которая ихъ бросила. Здравый смыслъ не принадлежитъ никакому отдѣльному человѣку; онъ носится въ воздухѣ; онъ говоритъ самую жизнь и гвоздемъ въ головѣ сидитъ не онъ. Нѣмецкіе педагоги-педанты прошедшаго столѣтія тоже кидали снѣжками въ здравый смыслъ, но снѣжки давно растаяли, а здравый смыслъ возродился въ лицѣ Песталоцци. Песталоцци никогда не

былъ книжнымъ человѣкомъ; онъ всегда былъ человѣкомъ живого, непосредственнаго чувства, и если сдѣлался великъ, то только потому, что первые уроки жизни получилъ въ деревнѣ, на лонѣ природы, среди народнаго здравомыслія и тѣхъ непосредственныхъ хорошихъ чувствъ, источникомъ которыхъ служить простая, безхитростная деревенская жизнь. Безъ простоты и свѣжести чувствъ не можетъ быть здравомыслія, и только тотъ педагогъ выйдетъ народнымъ учителемъ, который чувствуетъ деревню душою и въ состояніи проникнуться ея безхитростною непосредственностію. Городъ не учитель деревни. Городъ создаетъ только искусственныя потребности, мелочи чувства да головные механизмы, создающіе и чувства головныя. Если и авторъ замѣтки, и г. Водозовъ думаютъ искренно служить дѣлу, которому они служатъ, зачѣмъ снѣжки, зачѣмъ обидчивость, зачѣмъ институтское самолюбіе? И какъ педагогъ съ подобными слабостями хочетъ быть учителемъ народа и свѣтелемъ пшеницы, когда у него въ рукахъ на половину мякины? Разрѣшите намъ этотъ вопросъ, г. Водозовъ, и если вы разрѣшите въ пользу пшеницы, зачѣмъ вы играете въ снѣжки и даже отрицаете здравый смыслъ?

Авторъ полагаетъ, что г. Водозовъ только потому недостаточно коснулся сущности, что придалъ полемическому приему большую силу доказательности, чѣмъ какая въ немъ есть. Отъ этого сущность осталась неразъясненной, и то, что говоритъ г. Водозовъ, служить снова противъ него, какъ и тѣ снѣжные шарики, которые онъ бросалъ.

Г. Водозовъ отказывается судить о томъ, хорошо-ли поставлены у него въ книгѣ объяснительные вопросы. Онъ даже согласенъ многое сократить, измѣнить, переставить; но въ то-же время говоритъ, что *за пользу представленныхъ имъ упражненій онъ поспоритъ*. Но если вы не можете судить о томъ, хорошо-ли поставлены вопросы, и признаетесь, что многое, можетъ быть, нужно сократить, измѣнить и переставить, то о чемъ-же вы станете спорить?

Въ защиту своего руководства г. Водозовъ приводитъ практическую формулу англійскихъ и американскихъ педагоговъ: „Не заботясь о содержаніи, дайте только сначала хорошую гимнастику уму, какъ въ гимнастикѣ тѣла вы заботитесь только о развитіи мускуловъ, а не о томъ, чтобы тѣлесныя движенія слу-

жили въ практической пользѣ. Содержаніе и польза придуть послѣ своимъ чередомъ, и тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ лучше вы сначала подготовили имъ почву этими формальными упражненіями“. Но гимнастика, какъ искусство для искусства, не существуетъ. Каждый, кто упражняется гимнастикой, преслѣдуетъ все-таки какую-нибудь задачу. У дѣтей является соревнованіе—желаніе перещегоолять другъ друга ловкостью или силой; у взрослыхъ заботы о здоровьи; но заниматься гимнастикой такъ, только потому, что она гимнастика, едва ли кто-нибудь станетъ. Такъ работаютъ только въ каторжной работѣ; только каторжная работа производится ради работы; только каторжная работа производится безъ пользы для рабочаго и потому-то она и каторжная работа. Безцѣльное упражненіе ума есть самый безчеловѣчный видъ каторги и ведетъ за собою самыя безнравственныя и разрушительныя послѣдствія, ибо затупляетъ челоуѣка и превращаетъ его въ идиота.

Г. Водовозовъ говоритъ, что онъ хочетъ не этого; онъ даже называетъ себя идеалистомъ. Но авторъ позволяетъ себѣ остаться при прежнемъ своемъ мнѣніи, потому что не видитъ ни въ чемъ доказательствъ идеализма г. Водовозова. Г. Водовозовъ находитъ, что его катехизація имѣетъ содержаніе, а авторъ думаетъ, что именно того содержанія, которое-бы давало средство для развитія мысли, въ вопросахъ г. Водовозова очень мало. Авторъ не отрицаетъ, что содержаніе есть, но онъ говоритъ, что это содержаніе односторонне и что дѣтскому уму можно предложить большій интересъ для мысли, если дать учителямъ матеріалъ болѣе реальный и болѣе увлекающій дѣтское вниманіе.

Городъ всегда останется городомъ, и педагогика, создаваемая въ четырехъ стѣнахъ столичной жизни, никогда не будетъ той живой педагогикой, которая идетъ прямо въ дѣтскую душу, возбуждаетъ дѣтскій умъ и согрѣваетъ дѣтское сердце. У Песталоцци были тоже смѣшныя упражненія, и если-бы все то, что онъ говорилъ съ дѣтьми, напечатать въ видѣ катехизаціи, то самъ Песталоцци расхохотался-бы надъ собою. Не смѣшно оно было только потому, что Песталоцци весь былъ любовь и искренность, весь жилъ дѣтскими интересами и свои вопросы творилъ на урокахъ, какъ вдохновенный поэтъ. Каждый урокъ Песталоцци, каждая его бесѣда создавались непосредственно, шли прямо изъ его увлекающейся дѣтски-чистой души и необычно-

венно возбуждали нравственныя силы дѣтей. У Песталоцци не было выработанной системы, не было ничего законченнаго, сухого и формальнаго, и онъ дѣйствовалъ больше всего своей нравственной силой и благородной атмосферой, которую создавалъ однимъ своимъ чистымъ присутствіемъ.

Но развѣ катехизація прилагательныхъ и система вопросовъ, составляемая даже самымъ искреннимъ человѣкомъ для обыкновенныхъ деревенскихъ учителей, можетъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ сухого формализма? Это пучекъ древесныхъ вѣтвей съ оборванными листьями, сухія розги вмѣсто живой природы. Обыкновенный учитель учительской семинаріи эту сушь сдѣлаетъ еще суше и то, что искренній кабинетный педагогъ чувствуетъ живымъ образомъ, превратитъ дѣйствительно въ гимнастику ума, которая окажется хуже всякой каторжной работы. Да, г. Водозовъ, вы не только идеалистъ, но вы увлекающійся идеалистъ и мечтатель. Песталоцци былъ тѣмъ-же, и когда создавалъ свою систему и творилъ вдохновенно, непосредственно, на мѣстѣ, свои занятія съ дѣтьми, онъ, конечно, не предвидѣлъ, къ чему приведетъ его живая система, очутившись въ рукахъ формалистовъ. И г. Водозовъ, творя *свое*, едва-ли предусматриваетъ, чѣмъ оно можетъ выйти въ рукахъ обыкновенныхъ учителей. Кто же разсчитываетъ на необыкновенныхъ и гдѣ они? Вотъ вся сущность того, что говорилъ авторъ, разбирая „Руководство къ русской азбукѣ“ г. Водозова.

Авторъ не думалъ, что г. Водозовъ, составившій себѣ имя искренняго человѣка, захочетъ создавать недоразумѣніе и перетолкуетъ его слова. Г. Водозовъ приписываетъ автору даже такія мысли, которыя совершенно противорѣчатъ и общему тону его статьи, и всѣмъ ея подробностямъ. Изъ словъ г. Водозова выходитъ такъ, будто авторъ желаетъ развитія общихъ понятій только для литераторовъ, для вристовъ, а не для сельскихъ мальчиговъ. Г. Водозовъ, возьмите назадъ этотъ самый большой комокъ вашего снѣга! Авторъ не отвѣтитъ вамъ комкомъ, но онъ вамъ скажетъ, что ваша катехизація и упражненіе въ понятіяхъ о *длинномъ, короткомъ, рѣдкомъ, густомъ* и т. д. именно и есть та каторжная работа, которой-бы онъ и не хотѣлъ подвергать ни дѣтей вристовъ, ни дѣтей литераторовъ, ни дѣтей мужиковъ. И неужели упражнять дѣтей въ этомъ—значить

развивать ихъ общее понятіе, и неужели общее понятіе литераторовъ и юристовъ заключается въ томъ, что они знаютъ, что дѣсь можетъ быть густымъ, а не плотнымъ, что частый дождь и частая рѣшетка не одно и то-же, что дѣсь можетъ быть рѣдкимъ, но не скважистымъ, а камень скважистымъ, но не рѣдкимъ. Авторъ очень хорошо понимаетъ, на-сколько необходима обработка матеріала знанія и мышленія, и потому, что онъ это знаетъ, онъ полагаетъ, что для формальной обработки нужно брать матеріалъ живой, наиболѣе затрогивающій вниманіе дѣтей, а не такой матеріалъ, вниманіе къ которому можно возбудить только грозой и учительскимъ авторитетомъ. Изъ этой грозной школы новые педагоги вывели дѣтей не для того, чтобы ввести ихъ въ другую, гдѣ повторятся тѣ-же туманы, но болѣе деликатные.

Полемическій задоръ, которымъ увлекся г. Водовозовъ, несколько не скрылъ отъ пронизательности автора, что статья его достигла своей цѣли. Г. Водовозовъ, пока кидалъ свои снѣжки, не замѣчалъ, что онъ бросаетъ ихъ выше цѣли, но за то, когда обратился къ доводамъ разума, онъ, вѣроятно, пожалѣлъ, что не началъ съ нихъ. Онъ говоритъ, что не только у насъ, но и въ цѣлой Европѣ, и въ Америкѣ элементарное народное образованіе стоитъ не особенно блистательно. Лучшія школы, лучшіе педагоги только то и дѣлаютъ, что крохами собираютъ вѣковой опытъ, причемъ одинъ народъ постоянно заимствуетъ у другого кое-что и успѣхъ достигается медленнымъ трудомъ, конечно, не безъ многихъ неудачныхъ попытокъ. Вы-же, обращается г. Водовозовъ къ автору статьи, —хотите какихъ-то геніальныхъ изобрѣтеній, не принимая вовсе въ соображеніе, откуда, изъ какихъ элементовъ можетъ народиться геній! Но авторъ не ставитъ себѣ въ вину, что онъ желаетъ геніальныхъ изобрѣтеній, потому что геніальныя изобрѣтенія только тогда и являются, когда люди ихъ желаютъ. Авторъ хотѣлъ только сказать, что вмѣсто геніальнаго изобрѣтенія наши педагоги крохоборствуютъ, и г. Водовозовъ самъ теперь говоритъ, что лучшіе педагоги только и дѣлаютъ, что собираютъ старыя объѣдки. Правъ-ли русскій здравый смыслъ, если онъ вмѣсто объѣдковъ проситъ у васъ чистаго хлѣба?

Н. Шелгуновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Не разсуждаемъ-ли мы о народномъ образованіи вмѣсто *начала* съ *конца*?—Опыты европейской мысли въ этомъ отношеніи.—Что такое обязательное обученіе?—Мнѣнія Европы объ обязательности.—Что думаетъ петербургская дума о томъ-же?—Зачѣмъ народу грамота, и что-же дальше? Народныя чтенія и проектъ публичныхъ лекцій о юриспруденціи.—Заботы о народной школѣ петербургскаго земства.—Чему народъ учится въ школахъ и что знаемъ мы, руководители?—Игра въ узелки.—Докторъ Струсбергъ и московская катастрофа.—Жалкая роль нашихъ акціонеровъ.—Послѣдствія излишества банковъ и выгодное и убыточное потребленіе.—Какой наукѣ мы не учились?

Изъ исторіи европейскаго народнаго образованія мы, повидимому, многому могли-бы поучиться, многими опытами воспользоваться во благо, и приступить къ этому не съ *конца*, а съ *начала*. Тамъ существуетъ по этому вопросу обширная литература, изъ которой можно черпать полной рукой богатые и законченные матеріалы, которые могли-бы дать обильную пищу нашему умственному худосочию; тамъ не только теоретически, но и на практикѣ давно уже разрѣшены тѣ задачи, которыя ставятъ насъ втупикъ, когда мы начинаемъ разсуждать на тему: должна ли быть школа обязательной для народа или нѣтъ? Тамъ этотъ вопросъ былъ предметомъ всестороннихъ изслѣдованій—экономическихъ, соціальныхъ, статистическихъ и философскихъ; тамъ надъ нимъ работали гениальные политическіе дѣятели, многіе изъ лучшихъ министровъ, ставившіе его впереди всѣхъ другихъ задачъ государственной мудрости; тамъ онъ прошелъ длинный рядъ практическихъ опытовъ, служилъ темой жаркихъ парламентскихъ дебатовъ, законодательныхъ реформъ, и когда только произносилось первое слово о соціальныхъ улучшеніяхъ, онъ немедленно высту-

наль на сцену: теперь едва ли кто изъ образованныхъ европейцевъ сомнѣвается искренно въ томъ, что народъ имѣеть право на образованіе, какъ онъ имѣеть право на защиту жизни и здоровья, что съ образованіемъ неразрывно связывается матеріальное и нравственное благосостояніе каждаго общества и что невѣжество служить неизсякаемымъ источникомъ бѣдности, преступленій и экономическаго застоя. Всѣ эти истины давно обобщились и вошли въ общее сознаніе, но когда дѣло касалось ихъ практическаго примѣненія, то трудность его обуславливалась не теоретической шаткостью самой задачи, не колебаніемъ представителей ея, а финансовой невозможностію осуществленія. Сидѣть на берегу и ждать благопріятной погоды, когда самъ народъ разбогатѣетъ и примется учиться, — въ этой прекрасной иллюзіи разочаровались самые паввые идеалисты. А чтобы государство или общество явились на помощь народу и устроили ему всеобщее даровое обученіе — для этого нужно открыть такіе калифорнскіе рудники, о которыхъ никто не рѣшается и мечтать...

Когда наши земства заговорили объ обязательномъ обученіи, мы въ свое время замѣтили, что не въ этомъ главная задача, а въ изысканіи тѣхъ экономическихъ средствъ, безъ которыхъ всякія препирательства и проекты по народному образованію останутся не болѣе, какъ бряцающимъ киваломъ. Положимъ, что всѣ мы, отъ первѣйшаго петербургскаго педагога до послѣдняго черемиса казанской курной избы, убѣдились въ томъ, что образованіе необходимо намъ, какъ воздухъ, что родители только и ждутъ открытія школъ, чтобы послать въ нихъ учиться своихъ дѣтей, что сами дѣти только и жаждутъ того, какъ-бы скорѣе пристроиться къ школѣ; положимъ, что безъ всякихъ обязательныхъ и принудительныхъ мѣръ, въ силу только нашихъ нравственныхъ стимуловъ и собственнаго сознанія, мы желаемъ отвязаться отъ своего невѣжества и готовы даже принести жертвы ради своего образованія, но что-же можетъ выйти практическаго изъ всѣхъ этихъ благихъ пожеланій и стремленій? Каково-бы ни было образованіе, но оно требуетъ денегъ и денегъ, а откуда взять ихъ, чтобы завести тысячи новыхъ школъ, открыть сотни новыхъ учительскихъ семинарій, привлечь десятки тысячъ педагоговъ къ участію въ этомъ громадномъ предпріятіи? Откуда взять этого презрѣннаго металла, безъ котораго даже нельзя быть сы-

тнѣ и обутнѣ, не только обученнѣ грамотѣ и образованнѣ? Укажите намъ на эти новыя калифорнскіе рудники—и мы будемъ считать логическими ваши споры объ обязательномъ обученіи, мы согласимся съ тѣмъ, что вы начинаете не съ конца, а съ начала. Ничего другого мы отъ васъ и не требуемъ.

А что требованіе наше рационально, подтвердимъ его нѣкоторыми фактическими данными. Извѣстно, что Францію никто не считаетъ передовой страной въ отношеніи народнаго образованія, что теперешняя республиканская партія можетъ проиграть свое дѣло только благодаря невѣжеству сельскаго населенія, довѣріе котораго такъ часто и такъ безсовѣстно обманывали клерикалы и бонапартисты. И между тѣмъ во Франціи городское рабочее населеніе пользуется множествомъ общедоступныхъ даровыхъ курсовъ, приготовительныхъ техническихъ школъ; фабрикантъ обязанъ тамъ закономъ посылать мальчика, работающаго на его фабрикѣ, до 14-лѣтняго возраста въ школу. На каждые 100,000 жителей приходится во Франціи 173 школы, съ 9,322 учениками. Въ Пруссіи эта пропорція еще больше. Тамъ на 100,000 жителей насчитывается 175 школъ, съ 18,595 учениками. Въ Россіи-же на 100,000-е населеніе существовало въ 1871 году только 32 школы, съ 1,116 учениками *). Слѣдовательно, чтобы стать на одинаковомъ уровнѣ народнаго образованія съ Франціей, намъ необходимо увеличить школы почти въ 5 разъ больше, а число учениковъ въ 8 разъ болѣе; относительно-же Пруссіи мы должны имѣть школъ болѣе, чѣмъ въ 5 разъ, и учениковъ болѣе, чѣмъ въ 16 разъ. Какъ-же великъ долженъ быть бюджетъ, чтобы достигнуть даже такого скромнаго результата, какого достигли Франція и Пруссія? Поэтому, чтобы не бряцать въ воздухѣ пустымъ кимваломъ, намъ необходимо прежде всего устремить всѣ свои силы и помыслы на изысканіе и организацію тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя-бы дали возможность не въ теоріи, не на бумагѣ, а въ дѣйствительности осуществить народное образованіе въ широкихъ размѣрахъ. Мы, впрочемъ, въ скоромъ времени надѣемся еще разъ возвратиться къ этому предмету съ болѣе обстоятельными подробностями, а теперь послушаемъ, какъ разсуждаетъ петербургское земство о народномъ образованіи.

*) См. „Сборникъ Государственныхъ Званій“. Т. I, стр. 172.

проектъ обязательнаго обученія не замедлилъ выступить на сцену. Теперь этотъ проектъ разсматривался городской думой и результаты его оказались слѣдующіе:

Пренія открылъ гласный баронъ П. Л. Корфъ. Онъ сказалъ, что городская дума давно уже сознаетъ недостаточность нынѣ существующихъ училищъ и безъ всякаго посторонняго вліянія хлопочетъ объ открытіи на городской счетъ 32 школъ. „Если учрежденіе этихъ необходимыхъ городу заведеній до сихъ поръ не состоялось, замѣтилъ г. Корфъ, — то упрекъ въ этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, не можетъ пасть на городское общество“. Оправдавъ думу, ораторъ перешелъ къ общей идеѣ проекта. Что собственно нужно понимать подъ словомъ обязательность въ обученіи? У насъ на этотъ счетъ мнѣнія еще никакого не установилось и большинство думаетъ, что обязательность заключается исключительно въ томъ, чтобъ заставлять дѣтей посѣщать школы. Европа думаетъ нѣсколько иначе и выставила три мнѣнія: одни думаютъ, что обязательность заключается въ томъ, чтобы общины устраивали школы, вполне удовлетворяющія всѣмъ потребностямъ населенія въ первоначальномъ обученіи, другими словами — обязательность падаетъ на устроителей школъ, а не на школьниковъ. По мнѣнію другихъ, обязательность падаетъ на родителей, которые должны дѣтей своихъ, достигшихъ опредѣленнаго возраста, непременно посылать въ школы. Наконецъ, третьи сводятъ обязательность къ тому, чтобы родители наблюдали за аккуратнымъ посѣщеніемъ школъ своими дѣтьми.

Предполагая, что всѣ эти мнѣнія одинаково справедливы, г. Корфъ устанавливаетъ имъ извѣстный порядокъ. И дѣйствительно, если въ данной мѣстности нѣтъ школъ, то какъ-же заставлять родителей посылать своихъ дѣтей туда, чего нѣтъ? Но если существуютъ школы и онѣ доступны, если онѣ устроены такъ, какъ слѣдуетъ, т. е. просторны, свѣтлы, теплы, снабжены всѣмъ необходимымъ, имѣютъ хорошихъ учителей и необходимыя учебныя пособія, то, по мнѣнію г. Корфа, едва-ли найдутся такіе *дикие* родители, которые не стали-бы посылать своихъ дѣтей учиться. Если страна имѣетъ такіа прекрасно устроенныя школы и родители все-таки упорствуютъ посылать въ нихъ своихъ дѣтей, то тогда только можетъ явиться вопросъ — должно-ли обя-

зывать родителей посылать своихъ дѣтей въ школы. Изъ этого г. Корфъ прямо пришелъ къ заключенію, что такъ-какъ въ Петербургѣ не существуетъ еще достаточныхъ по числу и хорошо устроенныхъ школъ, то прежде всего должно разсуждать о принципѣ „доступности“, а „обязательность“ считать преждевременною.

Разбирая принципъ доступности, г. Корфъ доказывалъ, что предлагаемый проектомъ новыя 171 школа не отвѣтятъ существующей въ Петербургѣ потребности въ первоначальномъ образованіи. Считать по 100 учениковъ на школу, какъ это дѣлаетъ составитель проекта, невозможно, потому что съ такой массой учениковъ не справиться преподавателямъ. Поэтому если-бы было устроено то число школъ, которое предлагаетъ проектъ, и употреблена на нихъ та сумма, которую онъ отчисляетъ, потребность петербургскаго населенія все-таки не была-бы удовлетворена и обязательная посылка дѣтей въ школу оказалась бы мечтательною.

Мягкіе барона Корфа нашло больше сторонниковъ, чѣмъ противниковъ, но къ основному вопросу были припутаны второстепенные и менѣе существенные. Баронъ Фридериксъ, между прочимъ, доказывалъ необходимость теперь-же „узаконить принципъ обязательности“. Въ концѣ-концовъ дума остановилась на томъ, чтобы ходатайствовать у министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи городского училищнаго совѣта и объ открытіи 32 школъ. Въстѣ съ тѣмъ, большинствомъ 47 голосовъ противъ 20 постановлено нынѣ-же образовать городскую подготовительную комисію для разработки вопроса о введеніи обязательнаго начальнаго обученія въ Петербургѣ.

Итакъ, чѣмъ-же кончились разсужденія и что значитъ обязательность, которую должна разрѣшить подготовительная комисія? Обязательность-ли это въ томъ смыслѣ, что Петербургъ долженъ устроить прекрасныя школы, въ которыя родители будутъ охотно посылать своихъ дѣтей, или-же Петербургъ устроить кое-какія школы и, несмотря на то, все-таки заставить дѣтей въ нихъ учиться? Если комисія рѣшитъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, то, конечно, она окажетъ услугу просвѣщенію Россіи, а если во второмъ, то принесетъ Россіи только вредъ.

При первой постановкѣ вопроса у думы будетъ въ рукахъ очень строгій критерій для повѣрки себя; при второй—конечно,

окажется виноватыми обще-русское невѣжество, думѣ придется дѣйствовать путемъ насилія и окажутся виноватыми всѣ, кромя нея. Мы полагаемъ, что дума поступила-бы проще и правильнѣе, если-бы выяснила мнѣніе барона Корфа словесными преніями, по-англійски, въ полномъ составѣ гласныхъ, чѣмъ подвергать его случайности, поручая разсмотрѣнію немногихъ. Если эти немногіе будутъ того-же мнѣнія, какъ баронъ Корфъ, то, конечно, за судьбу вопроса бояться нечего. Если-же они будутъ противнаго направленія и ихъ мнѣнія не приметъ дума, то только пропадетъ даромъ время.

Постановка, которую сдѣлалъ баронъ Корфъ, такъ проста и очевидна, что, кажется, и разсуждать не о чемъ, если люди отнесутся искренно къ дѣлу народнаго образованія и не хотятъ лукавить съ народомъ. Кажется, не можетъ быть и спора о томъ, что прежде всего должны быть устроены хорошія школы, снабжены всѣми необходимыми пособіями и имѣть хорошихъ учителей, т. е. въ денежномъ отношеніи не будетъ никакихъ прижимокъ и урѣзваній. Признавъ это, думѣ пришлось-бы порѣшить только, какъ добыть хорошихъ учителей и чему хорошему должны учить эти учителя.

О народномъ образованіи мы толкуемъ со временъ Петра Великаго, но до сихъ поръ даже не рѣшили того, чему учить, и когда въ послѣднее время мы такъ горячо набросились на грамотность, оказалось, что даже и для нея у насъ не выработались точныя педагогическіе приемы. Почти 20 лѣтъ мы споримъ и толкуемъ объ азбукахъ и, перепробовавъ всѣ методы, пришли въ лицѣ гр. Толстаго къ заключенію, что всѣ методы хороши и что всякій учитель, даже отставной солдатъ или съ кругу спившійся дьячокъ, можетъ руководить школой; но, несмотря на все наше усердіе, грамотность, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, остается тѣмъ-же непостижимымъ сфинксомъ. Недавно мы слышали отъ одного офицера, который, перепробовавъ всѣ методы, пришелъ къ заключенію, что всѣ они никуда не годятся. „Отчего-же?“ — „Да оттого, что пока учишь русскихъ, дѣло еще какъ-нибудь идетъ на ладъ, а у меня въ командѣ мордва и чуваша, незнающіе ни слова по-русски, и я бьюсь надъ ними цѣлыя недѣли, чтобы внучить ихъ хотя первой буквѣ“.

Замѣчаніе офицера, повидимому одностороннее, гораздо серьезнѣе,

чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Развѣ то, что мы дѣлаемъ съ народомъ, заставляя его учиться нашей грамотѣ, не то-же обученіе мордвы и чувашей? Ну, выучился мордвинъ читать и писать, а что же дальше? Для чего ему русская грамота, когда онъ не умѣетъ почти говорить по-русски? Для чего грамота русскому, когда ему читать нечего? Это „ничего“ мы говоримъ не въ томъ смыслѣ, чтобы у насъ не было „книгъ для народа“, а въ томъ смыслѣ, что въ этихъ книжкахъ ему читать нечего. Изъ нихъ онъ не приобретаетъ ни практическихъ познаній для своего быта, не усваиваетъ общихъ понятій, и если-бы прочиталъ все то, что для него написано, то, право, не ушелъ-бы очень далеко ни въ землѣдѣніи, ни въ исторіи, ни въ политикѣ, ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни въ философіи. Поэтому вопросъ о програмахъ, кинутый вскользь на засѣданіи думы, мы считаемъ вопросомъ первой важности. Отъ разрѣшенія его зависитъ, чтобы школы посѣщались народомъ и чтобы школы были дѣйствительно полезны ему.

Чему-же можетъ учить школа? Конечно, только тому, что не превышаетъ дѣтскихъ понятій. Школа научить читать и писать, научить молитвамъ, познакомить съ священной исторіей, познакомить немножко съ географіей, исторіей, научить первымъ четыремъ правиламъ арифметики, а, пожалуй, и дробямъ, познакомить нѣсколько съ природой—и сдѣлаетъ все это въ размѣрѣ, доступномъ для дѣтей лѣтъ двѣнадцати. Съ этими познаніями ребенокъ оставитъ школу, вступить въ дѣйствительную жизнь и до гробовой доски будетъ уже носиться съ своими двѣнадцатилѣтними познаніями, не сдѣлавъ ни одного шага впередъ. Конечно, вы научили его грамотѣ и дали тѣмъ „орудіе“ знанія. Но что ему дѣлать съ этимъ орудіемъ? Вы скажете: „читать“. Мы знаемъ, что наши книжные магазины завалены книгами, но если мы съ вами, два образованныхъ человека, ничего изъ этихъ книгъ не читаемъ и если даже люди, окончившіе курсъ въ университетѣ, чувствуютъ себя въ великомъ затрудненіи при видѣ громадной массы книгъ, изъ которой они не знаютъ, что выбрать для сформированія себѣ общаго міровоззрѣнія,—каково-же будетъ положеніе грамотнаго народа, если онъ захочетъ идти дальше первоначальной школы! Конечно, у насъ есть и гимназіи, и университеты, и академіи, и они открыты для всякаго, но вѣдь нельзя-же всему народу поступить въ гимназіи и въ университеты

нельзя стоять вѣчно и на своихъ школьныхъ познаніяхъ.

Вы требуете, чтобы народъ былъ хорошимъ земледѣльцемъ; вы плачетесь, что отъ народной неумѣлости страдаетъ весь нашъ экономическій бытъ и что народъ своимъ невѣжествомъ оттягиваетъ и всю страну внизю. Значить ясно, что васъ не удовлетворяютъ ни познанія, ни понятія, вращающіяся въ простонародьи, и что вы хотите, чтобы онъ не оставался вѣчнымъ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. И петербургская дума, конечно, смотрѣла на этотъ вопросъ такъ-же, а поставивъ вопросъ о програмахъ, этихъ-же самымъ она должна была заставить себя подумать о програмахъ вѣтшкольнаго образованія.

Вѣтшкольное образованіе у насъ тоже не новость и въ первый разъ оно выдвинулось впередъ, какъ практической вопросъ, въ видѣ воскресныхъ школъ. Въ послѣднее время стали практиковаться народныя чтенія, отличающіяся беззатанностію и путаницей и существующія только потому, что нѣтъ ничего лучшаго. На-сколько это дѣло понимается у насъ вѣрно, можно видѣть, напримѣръ, изъ недавняго засѣданія комисиі педагогическаго музея. Въ засѣданіи разсуждалось о томъ, что хорошо-бы сообщать народу свѣденія изъ области юридической. Между прочимъ, была предложена одна програма чтенія для народа „о мировомъ судѣ“. Этотъ „мировой судъ“ изображалъ изъ себя сухой, костистый остовъ цитатъ, изложеніе судоустройства, вѣтшней стороны порядка судопроизводства, и способенъ былъ-бы навести уныніе на самаго любознательнаго человѣка. Но если чтенія для народа имѣютъ цѣлью замѣнить школу и служить ея продолженіемъ, то вѣдь не на память народа нужно дѣйствовать, напротивъ, нужно дѣйствовать на его сознание общимъ просвѣтительнымъ образомъ, а въ этомъ случаѣ юриспруденція едва-ли годится, какъ воспитательное средство, и едва-ли она такая наука, отъ недостатка которой нашъ народъ собственно и пропадаетъ въ невѣжествѣ. Юридическое мышленіе уже настолько испортило нашихъ образованныхъ людей, что вводитъ эту порчу въ народъ—вовсе не значить оказывать ему просвѣтительную услугу. Конечно, можно-бы читать ему критику изъ юриспруденціи, прочитать ему лекцію объ адвокатахъ, прочитать ему, насколько юридическая логика не сходится съ логикой живой мы-

сли. Можно-бы, конечно, прочесть народу о сущности преступлений, о ихъ причинахъ, о злой и доброй волѣ, объ исправительныхъ наказаніяхъ. Но вѣдь сами юристы не захотѣли-бы подобнаго критическаго отношенія къ ихъ возлюбленной наукѣ и къ ихъ необыкновенному искусству самыя простыя вещи объяснять съ точки зрѣнія юридической казуистики. Любопытный фактъ по поводу юридической непогрѣшимости мы прочитали недавно въ „Новомъ Времени“, и хотя этотъ фактъ не относится прямо къ вопросу о народномъ образованіи, но мы все-таки пользуемся случаемъ, чтобы повторить его. „Новое Время“ рассказываетъ, что втеченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ существованія новой тюрьмы для подсѣдственныхъ арестантовъ при петербургскомъ окружномъ судѣ, пять человекъ оказались сумасшедшими; кромѣ того, одинъ въ припадкѣ помѣшательства лишилъ себя жизни и одинъ въ официальномъ прошеніи на имя прокурорскаго надзора просить указать ему, къ кому слѣдуетъ обратиться и на бумагѣ какого достоинства, чтобы замѣнили ему одиночное заключеніе лишеніемъ живота—„чтобы меня убили“, пишетъ онъ. „Слѣдовательно, прибавляетъ газета,—онъ находится также близко къ умственному поврежденію“. Да, слѣдовательно! — Это одинъ изъ образчиковъ неопыющагося юридическаго мышленія.

Параллельно съ разсужденіями думы разсуждало о тѣхъ-же вопросахъ петербургское уѣздное земское собраніе, и то, что было на немъ высказано, много помогаетъ разъясненію вопроса о народномъ образованіи. Напримѣръ, сказывается, что среднее число учебныхъ дней по всеѣмъ школамъ уѣзда въ прошломъ учебномъ году доходило едва до 157 дней и колебалось между 88 и 207; а такъ-какъ курсъ продолжается во всеѣхъ почти школахъ только 3 учебныхъ года, то на cadaго ученика приходится среднимъ числомъ за все время обученія около 470 дней, а за исключеніемъ пропусковъ, дѣлаемыхъ каждымъ ученикомъ, среднее учебное время составляетъ всего 360 дней. Такимъ образомъ, 3 года курса сводятся къ одному году дѣйствительнаго ученія. Дальше оказывается, что наибольшая часть пропусковъ сдѣлана по недостаточности крестьянъ-родителей, вынуждаемыхъ заставлять своихъ дѣтей работать даже и въ учебное время, или же по бѣдности родителей, неимѣющихъ возможности снабдить дѣтей хорошей обувью и одеждой въ дурную погоду. И несмотря

на всѣ эти неблагопріятныя условія, ученики оказывали весьма достаточныя успѣхи; и потому, что ученики оказывали хорошіе успѣхи и отличались вообще способностію и даровитостію, земство пришло къ той-же мысли, которую мы высказали ранѣе и которая давно не новость и для нашихъ земствъ, и для нашихъ педагоговъ, а можетъ быть, и для общества.

Земство выразило болѣзнь, что даже и тѣ скудныя познанія, которыя даетъ школа деревенскому мальчику, если связь ученика со школою прекратится, повизятся еще больше. Чтобы ученикъ, оставившій школу, могъ-бы продолжать свое ученіе, земство думаетъ устроить при школахъ бібліотеки съ книжными складами и два раза въ недѣлю вечерній и воскресный классы.

Другой вопросъ заключался въ томъ, что въ числѣ учениковъ земскихъ школъ встрѣчаются иногда личности весьма способныя, которыя съ большимъ успѣхомъ могли-бы продолжать образованіе въ гимназій. И сами они хотятъ этого, но у родителей ихъ нѣтъ для этого никакихъ средствъ. Оставить даровитыхъ мальчиковъ гложуть, когда изъ нихъ могли-бы развиться люди полезные, земство находило несправедливымъ, и потому было рѣшено: тѣхъ изъ окончившихъ курсъ въ земскихъ народныхъ школахъ учениковъ, которые будутъ способны продолжать образованіе, опредѣлять въ среднія учебныя заведенія на земскій счетъ.

Наконецъ, былъ предложенъ и еще вопросъ, хотя и не особенно важный, но показывающій, что петербургское земское собраніе не игнорируетъ вопроса о народномъ образованіи и придаетъ ему большую важность, чѣмъ петербургская дума. Вопросъ этотъ заключался въ томъ, чтобы на экзамены приглашать спеціалста-педагога, который-бы указывалъ, какія улучшенія должны быть предприняты въ школьномъ образованіи.

Изъ приведенныхъ фактовъ можно сдѣлать только то заключеніе, что не только слабо наше народное образованіе, но настолько-же слабо и образованіе насъ, ревнителей народнаго просвѣщенія. Все, что сдѣлано до сихъ поръ и земствами, и думами, и всѣми, кѣмъ хотите, — все это такъ микроскопически-ничтожно, что едва-ли можно сказать, что надъ народомъ всходитъ заря просвѣщенія. Мы не выяснили себѣ даже, что должны дѣлать для народной школы, чему учить и нужно-ли учить послѣ нея. И всякій разъ, какъ представляется намъ вопросъ о народныхъ шко-

дахъ, онъ падаетъ на насъ, точно громъ съ неба. Въ нашихъ земствахъ, въ нашихъ думахъ засѣдаютъ люди солидные, наши выборные, представители нашихъ интересовъ. И вотъ когда представители интересовъ соберутся вмѣстѣ и предложится имъ вопросъ, нужно-ли обязательное ученіе, нужно-ли продолжать школу въ школы, нужны-ли вечерніе и воскресные курсы, что нужно читать народу и по какимъ программамъ,—мы чувствуемъ себя схваченными врасплохъ и, сдѣлавъ скромную физиономію, опускаемъ внизъ стыдливо свои старыя бороды. Въ послѣднія двадцать лѣтъ, какъ вопросъ о народной школѣ у насъ фигурируетъ, мы, несмотря на то, что земство устроило повсюду довольно школъ, въ сущности не подвинули ни на шагъ впередъ народное образованіе. Укажите, въ чемъ его плоды и въ чемъ его успѣхи; укажите, въ чемъ программы народныхъ школъ и какія познанія народъ приобрѣлъ въ эти 20 лѣтъ? Если судить не по числу тѣхъ книгъ, которыя разсылаетъ общество грамотности, а по успѣхамъ, которые дѣлаетъ народная жизнь, едва-ли придется заключить, чтобы школа дала народу какое-нибудь умственное богатство. Народъ и пашетъ все такъ-же, какъ онъ пахалъ при Рюрикѣ, и лечится у знахарокъ, какъ онъ лечился въ старину, и живетъ съ тѣми-же удобствами, какъ жилъ во времена Герберштейна, и думаетъ, какъ онъ думалъ при основаніи Руси. Если вы скажете, что это невѣрно, что это преувеличеніе, что народъ сдѣлалъ успѣхи въ жизни, что онъ теперь и пашетъ лучше, и живетъ богаче, и не чуждъ многихъ улучшеній въ своемъ быту, то мы попросимъ васъ отвѣтить, на-сколько во всемъ этомъ виновата школа, на-сколько она научила его чему-нибудь и какой свѣтъ знанія и какія мысли внесла она въ крестьянскую избу? Если народъ и измѣнился къ лучшему, то перемена эта произошла благодаря улучшенію той общественной обстановки, которая вызвана реформами послѣдняго времени. Шутка сказать—20 лѣтъ заботъ о народной школѣ, да еще какихъ,—заботъ, при которыхъ земство и города не жалѣли, повидимому, ни цвѣтовъ краснорѣчія, ни денежныхъ расходовъ,—заботъ, при которыхъ высказывалась и любовь къ мѣньшей братіи, и неистощимое доброжелательство, и горячій патріотизмъ. 20 лѣтъ! Да вѣдь это жизнь цѣлаго поколѣнія! Покажите на возвращенное вами поколѣніе, земскіе дѣятели и гласные городскихъ думъ; по-

какие виды каменья трудовъ и слезъ, выросше изъ высшихъ в насъ силъ! Плоды этихъ нѣтъ и силъ крайнихъ дѣлать. Но не каменстая почва вывела въ воздухѣ, а вышесты силъ, потому что они силъ на воздухъ и силъ, больша часть, не силъ, а воздуху.

Когда захотѣть рѣчь о народѣ, у насъ высказываются и прекрасны мысли, и возмущенны стремленія. В ужъ печальны мы о народѣ, тогда насъ родная о жизнь дѣлать. Но во всѣхъ своихъ пожеланіяхъ мы не умли дальше жалкіхъ словъ и даже до сихъ нѣтъ на нѣрѣхъ мы, что мы таксе, какой дорогой должны идти. Какой программ держаться въ обществѣ людей своей русской жизни. Тренировать нѣтъ тому назадъ словъ русской публицисты, саратовскихъ Близнецаго, высказывъ мысли о своеобразности русской жизни и о томъ, что Россія, по особенностямъ своихъ историческихъ условий, должна идти своей дорогой, а не дорогой Европы. Внутреннія социальныя отношенія Европы сложились путемъ завоеваній, и таковыя феодальная система, создавшая аристократію, а затѣмъ и буржуазію,—явленіе историческое и органическое. Въ русскихъ условияхъ нѣтъ ничего подобнаго. Россія есть страна села, а не города, страна, гдѣ феодальнаго сословія никогда не существовало и гдѣ по отношенію къ верховной власти всѣ были одинаково равны и всѣ являлись одной безразличной служилой массой. Сословное различіе, явившееся у насъ, не столько дѣйствительное, сколько кажущееся, и въ трудные моменты русской исторіи всегда обнаруживалась и сила русской громады, и наше общее народное единство, чуждое въ сущности сословныхъ различій.

И вотъ проходитъ сорокъ лѣтъ и мы читаемъ статью, въ которой высказывается совершенно тотъ-же взглядъ, но взглядъ, но всѣхъ признакахъ, не замаскированный, а явившійся самостоятелно. Въ немъ повторяется та-же историческая программа, которая была высказана уже давно, но повторяется съ такой силой искренняго убѣжденія, что чувствуется въ ней вновь наболѣвшій вопросъ. Скажите, что это за странное явленіе и почему мы такъ скоро забываемъ свои собственныя мысли и черезъ жизнь одного поколѣнія снова должны начинать свою думу и снова повторять себя?

Причину этого надо искать въ томъ, что наша мысль не нѣ-

еть никакой традиціи и преемственности. „Отцы“, умирая, не оставляютъ „дѣтямъ“ прочнаго умственнаго наслѣдія. „Дѣтямъ“ вновь приходится задумываться надъ жизнію и дума ихъ является какой-то изолированной, слабенькой, недокопченной, недоросшей, очень похожей на дѣвочку въ затрапезномъ платьѣ. Но въ сущности она вовсе не дѣвочка и дѣвочкой является только потому, что живетъ въ головахъ немногихъ и не можетъ сдѣлаться мыслию общей. Только въ этомъ и вся наша бѣда. Мы очень гордимся русской мыслию, и когда, проникнувшись чувствомъ національнаго превосходства, хотимъ закидать Европу шапками, мы все и не подозреваемъ, что поступаемъ такимъ образомъ только потому, что не овладѣли еще своею мыслию. Довольно побывать въ нашихъ земскихъ собраніяхъ да въ городскихъ думахъ, чтобы увидѣть, что то, что называется обыкновенно русскою мыслию, никогда не посѣщало этихъ собраній и никогда не служило имъ общей программой при разрѣшеніи вопросовъ. Русская мысль до сихъ поръ что-то неосознанное, отвлеченное, что-то живущее гдѣ-то внѣ насъ, можетъ быть, въ отдѣльныхъ головахъ, можетъ быть, въ отдѣльныхъ статьяхъ, можетъ быть, въ умныхъ книжкахъ, можетъ быть, въ умныхъ разговорахъ двухъ-трехъ людей между собою, особенно если они молоды; но такой русской мысли, которая была бы общимъ достояніемъ всѣхъ и чувствовала-бы себя дома и на земскихъ засѣданіяхъ, и въ думахъ—такой мысли мы не знаемъ. А между тѣмъ, мы, рѣшители судебъ народа, мы, руководители народнаго образованія, мы, представители народныхъ нуждъ, интересовъ, мы, отцы и благодѣтели, заботящіеся о судьбѣ этого огромнаго ребенка,—что мы-то знаемъ сами о себѣ, о своихъ собственныхъ интересахъ, знаемъ-ли мы, что такое Россія и что, почему и какъ ей нужно?

Можно-ли требовать, чтобы все то, что мы, земскіе и всякіе другіе представители, придумаемъ, могло-бы имѣть прочныя и выгодныя послѣдствія, если въ насъ-то самихъ не сидитъ никакой думы? Знаменемъ, подъ которое стали мы всѣ въ послѣднее время, явилась „народность“. Знамя это очень благородное, и для тѣхъ, кому нужно указывать дорожку для стремленій, оно ее указываетъ. Но вѣдь это знамя не больше, какъ тотъ-же благородный идеалъ, на который намъ указывалъ Бѣлинскій, идеалъ собственно толкающей силы и направленія, а не практическая

программа, которую нужно уже держать въ рукахъ готовой, когда берешься за народное дѣло. Вотъ почему мы видимъ въ литературѣ людей, которые, размахивая яро знаменемъ, очень можетъ быть, что и воодушевляють другихъ и указываютъ имъ направленіе, но вѣдь толкающая сила еще не даетъ содержанія для мысли, а мысли этой нѣтъ. Вотъ почему у насъ найдется всегда цѣлая масса зеленыхъ пророковъ, готовыхъ проповѣдывать по вѣсямъ и деревнямъ и на распутіяхъ, какъ древній пророкъ Галлеи, готовыхъ и поучать, и руководить, но увы! столько-же знающихъ, что нужно народу, какъ и тѣ зеленые пророки, которые засѣдаютъ въ нашихъ собраніяхъ и думахъ. И въ думахъ, и въ земствахъ царить тотъ-же порывъ и то-же благородное желаніе народнаго блага, и знамя народности даетъ и силу стремленіямъ, даетъ и направленіе имъ, но чуть придется дѣлать дѣло—и знамя насъ не выручаетъ и въ самыхъ простыхъ вещахъ, вмѣсто того, чтобы, по-англійски, какъ это дѣлають люди, овладѣвшіе своею мыслию, рѣшать вопросы преніями, мы сейчасъ-же прячемся за „комисію“ и ждемъ, чтобы она научила насъ, что дѣлать.

Мы вовсе не думаемъ сказать что-нибудь поразительно новое; мы хотимъ только напомнить читателю, что новымъ называется хорошо забытое старое. Когда въ одномъ изъ „Внутреннихъ обозрѣній“ мы замѣтили, что нашъ умственный трудъ находится въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ трудъ мускульный, то насъ обвинили чуть не въ измѣнѣ и не въ предательствѣ. Но если читатель внимательно слѣдилъ за „Дѣломъ“ и ему знакомъ общій тонъ этого журнала, то онъ, конечно, знаетъ, что вопросъ о хозяйствѣ на умъ былъ однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, которыми „Дѣло“ всегда служило. Если вы знаете дарвиновскій законъ, то вамъ, конечно, извѣстно, что въ хозяйствѣ на русскій умъ онъ практиковался обратно и естественный подборъ совершался не въ сторону выгоды. Ни одна страна въ свѣтѣ не представляетъ такъ мало, какъ Россія, и отдѣльныхъ интеллектуальныхъ представителей, и общей интеллектуальной силы. Гордиться стихійностью нѣтъ особенной причины, и хотя она до сихъ поръ и являлась творцомъ исторій, но было-бы лучше, если-бы мы въ своихъ заботахъ о себѣ знали-бы, чего намъ нужно желать и что нужно дѣлать. А развѣ мы это знаемъ? Водрузивъ знамя прогресса и воодушевляясь патріотическими стремленіями, мы, отцы-просвѣтители, не

знаемъ даже того, что если выстроили 10 народныхъ школъ, то нельзя требовать, чтобы родители послали своихъ дѣтей обязательно, когда для всѣхъ желающихъ въ школахъ не найдется мѣста. Мы, просвѣтителѣ, не сказавъ народу ничего о явленіяхъ и законахъ природы, отъ которыхъ зависитъ урожай его насущнаго хлѣба, хотимъ читать ему юридическія лекціи съ учеными цитатами! О комъ, значить, должна быть первая забота въ развитіи умственныхъ средствъ — о тѣхъ-ли представителяхъ интеллекта, которые, пожалуй, заведутъ народъ въ труппу, или о такъ-называемомъ народномъ образованіи, которое въ 20 лѣтъ усердныхъ заботъ земства и городскихъ обществъ не пришло ровно ни къ чему? Мы, образованные просвѣтителѣ, заботимся о грамотности народа и хотимъ заставить его учиться, не выстроивъ для него достаточно школъ. А къ чему для насъ самихъ служить наша грамотность, что мы читаемъ, что мы знаемъ, чему мы выучились? Последнія экономическія преобразованія толкнули насъ въ сферу экономическихъ вопросовъ, и чтобы отвѣтить на вопросы жизни, для насъ перевели Адама Смита, Сея, Сисмонди, Лун-Блана, Стюарта Миля, Макъ-Кулоха, Керри. Но развѣ кто-нибудь изъ насъ ихъ читалъ и развѣ нужно было ихъ для насъ переводить? Да, народъ пропадаетъ безъ грамотности. А что мы, просвѣтителѣ народа, выигрываемъ отъ своей?..

Есть дѣтская игра, которую уже съ шести лѣтъ, а то и раньше, заставляютъ насъ практиковать наши добрые родители. Игра эта называется лотереей. Когда нѣсколькимъ неразумнымъ дѣтямъ захочется имѣть одну и ту-же вещь, разумная маменька, чтобы не огорчить никого, завязываетъ на концѣ платка узелокъ, а другіе концы беретъ въ руку незавязанными и заставляютъ дѣтей вытаскивать на счастье. Счастливецъ, вытащившій узелокъ, приобрѣтаетъ вещь и очень доволенъ, а остальные дѣлаютъ печальныя фюзіоміи и чувствуютъ къ счастливцу зависть. Добрая маменька думаетъ, что порѣшила вопросъ о вещи, а вовсе не думаетъ о томъ, что она портитъ дѣтей нравственно. Когда дѣти вырастаютъ большими, они продолжаютъ эту игру въ узелки и точно такъ-же играютъ въ случай, не затрудняя себя ни размышленіемъ, ни знаніемъ, ни расчетомъ. Былая дѣтская лотерея превращается въ лотерею взрослыхъ, и мы во всю свою жизнь вытаскиваемъ узелки на счастье, разыгрывая тѣхъ-же неразумныхъ дѣтей.

Когда начались наши экономическія и фінансовыя преобразованія и было рѣшено, что вся наша бѣда оттого, что у насъ нѣтъ кредита и что безъ кредита не явится ни промышленность, ни фабрики, ни заводы, ни народное богатство,—мы принялись за устройство банковъ и начали игру въ узелки. Игрой въ узелки явилась биржевая игра въ процентныя бумаги, игра на повышеніе и пониженіе, на выигрышные займы, на акціи желѣзныхъ дорогъ; наконецъ, мы начали игру въ кредитъ. Игра въ кредитъ явилась потому, что банковъ у насъ явилось гораздо больше, чѣмъ ихъ нужно, и предложеніе кредита было сильнѣе требованія. Банкамъ поневолѣ пришлось спекулировать и заманивать къ себѣ кредиторовъ, чтобы развивать свою спекуляцію. При недостаткѣ лицъ, нуждавшихся въ кредитѣ, пришлось не разбирать благонадежность залоговъ, а бывали и такіе случаи, когда давались деньги подъ простыя ручательства, а иногда даже и безъ нихъ, плательщикамъ вовсе не солиднымъ. Игра въ узелки тянулась долго. Въ усиленномъ кредитѣ страна не особенно нуждалась, потому что ея производительныя средства и силы большею частью спали и все наше экономическое хозяйство было сведено не къ развитію источниковъ производства и производительныхъ силъ, а только къ денежному хозяйству, къ банковымъ операціямъ и къ биржевой игрѣ цѣнными бумагами. До сихъ поръ все шло благополучно и хотя и бывали случаи, когда наши частныя банки колебались, но государственнѣй банкъ являлся къ нимъ въ такихъ случаяхъ на помощь—и старая игра въ узелки снова повторялась. Наконецъ, разразился громъ небесный и Провидѣніе, вообще пекущееся о насъ, русскихъ, послало намъ пророка въ лицѣ Струсберга.

О, людская несправедливость! Если зубной врачъ выдергиваетъ вамъ больной зубъ и дѣлаетъ вамъ боль, развѣ онъ не спасаетъ васъ отъ большей боли; если операторъ отрѣзываетъ вамъ мизинецъ и спасаетъ всю руку отъ гангренознаго воспаленія, развѣ онъ не является вашимъ спасителемъ? Станете вы негодовать на зубного врача и на оператора? Такихъ-же врачей-исцѣлителей явился для насъ и Струсбергъ, и вмѣсто того, чтобы благодарить его, мы на него негодуемъ и чуть не проклинаемъ на всѣхъ перекресткахъ. Струсбергъ, конечно, щука, и щука большого размѣра, но зачѣмъ-же неразумные и довѣрчивые караси считаютъ себя большими рыбами и хотятъ плавать въ морѣ?

Когда московскій коммерческій ссудный банкъ вылетѣлъ въ трубу, мы не только узнали, въ чемъ поучительная сущность этой штуки, но и до тонкости познакомились съ біографіею доктора Струсберга. А прежде? Зачѣмъ прежде, когда можно узнать все и послѣ? А біографія Струсберга все-таки поучительна, — поучительна потому, что это недюжинный человѣкъ и онъ могъ-бы послужить идеальнымъ героемъ для современной комедіи, романа, драмы и чего хотите.

Разсказываютъ, что Берухъ-Гиршъ Струсбергъ, родившійся въ прусской Польшѣ, двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ покинулъ свою родину и переселился въ Англію; что дѣлалъ онъ въ это время — неизвѣстно; но русскій драматургъ не сдѣлаетъ ошибки, если заставитъ Струсберга учиться въ это время разнымъ плутнямъ и искусству грандіознаго опоражниванія кармановъ легковѣрныхъ охотниковъ для наживы безъ труда. Впрочемъ, Струсбергъ, прежде, чѣмъ сдѣлался свѣтиломъ, вынесъ не легкую жизнь. Онъ перепробовалъ все на свѣтѣ. Онъ былъ и прикащикомъ, жилъ уроками, былъ газетнымъ репортеромъ и даже сочинялъ стихи; но такъ-какъ всѣ эти занятія не вели къ главной цѣли, то Струсбергъ задумалъ заняться спекуляціею. Возвратившись черезъ 20 лѣтъ въ Пруссію, Струсбергъ, не имѣя денегъ, сталъ строить желѣзныя дороги на чужіе капиталы, строилъ очень скверно, но за то дорого, а какъ Берлинъ въ то время былъ переполненъ всякими прожектерами, спекуляторами и авантюристами, то даровитому Струсбергу оказалось не особенно труднымъ попасть въ комету первой величины.

Въ качествѣ кометы первой величины, онъ началъ орудовать громадными фиктивными предпріятіями, преимущественно желѣзнодорожными, выпускалъ акціи, и, не удовольствовавшись тѣмъ неширокимъ поприщемъ, какое представляла ему Германія съ нѣмецкими простаками, Струсбергъ кинулъ свой острый взглядъ на Россію и сказалъ: „туда!“ Приѣхавъ „туда“, Струсбергъ сообразилъ, что насъ не проймешь какими-нибудь копеечными предпріятіями, и сразу предложилъ сооруженіе стомиліонныхъ казармъ по новому образцу; потомъ онъ хотѣлъ построить въ Петербургѣ исполнискую сѣть конно-желѣзныхъ дорогъ; потомъ онъ хлопоталъ о концесіи на какую-нибудь желѣзную дорогу на югѣ, и какъ эти грандіозные планы ему не уда-

лись, то онъ отпиривался въ Москву. Зачѣмъ? скажете вы. Конечно, за деньгами. Въ Европѣ Струсбергъ уже вынуждалъ на себя и жалобы, и проклятія, заставивъ простаковъ поплакать объ ихъ пропавшихъ деньгахъ; кредитъ его тамъ поколебался, и вотъ онъ вспомнилъ нашу бѣлокаменную, гдѣ такъ нетрудно по-пасть въ люди, а еще легче встрѣтить довѣріе.

Струсбергъ началъ съ того, что выпросилъ у московскаго коммерческаго банка ссуду по 600 рублей за каждый вагонъ, изготовляемый на фабрикахъ Струсберга для нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Вагоны, доставляемые въ Россію, должны были оставаться въ залогъ у банка до оплаты ссуды правленіями желѣзныхъ дорогъ. Вагоновъ было принято до полутора тысячъ и Струсбергу вмѣсто шестисотъ руб., которыя были разрѣшены советомъ, правленіе банка давало по девятисотъ рублей, т. е. вмѣсто 900,000 р. Струсбергъ получилъ 1,350,000. Послѣ этого, въ іюнѣ или въ іюлѣ, Струсбергъ предложилъ банку взять на комисію 2,000 вагоновъ, подѣ которые и получилъ впередъ опять по 900 рублей или 1,800,000 рублей. Говорятъ, что будто-бы часть этихъ вагоновъ сдѣлана и за нихъ банку слѣдуетъ заплатить только таможенную пошлину; но въ дѣйствительности большая часть вагоновъ вовсе не существуетъ. Обрадовавшись, что нашелъ такихъ довѣрчивыхъ людей, Струсбергъ убѣдилъ коммерческій ссудный банкъ дать ему еще 3,000,000 рублей. Этотъ заемъ Струсбергъ обезпечилъ облигаціями на 12,000,000 гульденовъ, выпущенными имъ подѣ залогъ имѣній его жены въ Богеміи. Рассказываютъ, что для этой операціи советъ не давалъ никакого разрѣшенія правленію. Если-же отъ совета разрѣшенія не было, то какимъ образомъ правленіе могло позволить себѣ подобный произволъ? Вотъ тутъ-то и ключъ для разъясненія вопроса, и если молва подтвердится судебнымъ разслѣдованіемъ, то... Вы, можетъ быть, думаете, что то, что мы узнаемъ, послужитъ намъ урокомъ на будущее? Ужъ какъ давно даетъ намъ судьба эти уроки, но мы изъ нихъ извлекали еще меньше пользы, чѣмъ отъ своей грамотности.

Членами правленія были гг. Ландау, Полянскій, Веденисовъ и Милліоти. Членами совета: г. Шумахеръ, нынѣшній московскій городской голова, Борисовскій, Волковъ, Гавартовскій, Лѣвиновъ, Вишнековъ, Редеръ, Грачевъ, Ильинъ и другіи весьма из-

вѣстныя въ Москвѣ лица. Г. Ландау, онъ-же и директоръ-распорядитель банка, былъ рекомендованъ изъ Варшавы г. Кроненбергомъ. Г. Ландау завѣдывалъ иностраннымъ отдѣленіемъ банка очень дурно, финансовыхъ способностей не обнаруживалъ, и его даже думали уволить, но въ такомъ случаѣ пришлось-бы заплатить по контракту 12,000 рублей неустойки. Г. Полянскій служилъ раньше въ канцеляріи генераль-губернатора, потомъ былъ мировымъ судьей и, наконецъ, попалъ въ директоры банка. Г. Полянскій пользовался въ Москвѣ отличной репутаціей, игралъ роль въ городской думѣ и былъ даже избранъ въ кандидаты городского головы. Г. Веденисовъ вступилъ въ правленіе всего въ іюлѣ, слѣдовательно былъ новичкомъ, а г. Милліоти находился во время сдѣлки на нижегородской ярмаркѣ. Такимъ образомъ, воротилами были г. Полянскій и г. Ландау. Основываясь на томъ, что для законности операций требовалось всего двѣ подписи, гг. Полянскій и Ландау сѣродовали все дѣло вдвоемъ. Молва говоритъ, что операція была одинаково выгодна и для Струсберга, и для двухъ директоровъ-распорядителей, и что Струсбергъ, помимо комисіи и 9% залоговыхъ банку, заплатилъ за комисію гг. Ландау и Полянскому. Та-же молва говоритъ, что размѣръ этой второй комисіи составляетъ 300,000 рублей каждому.

Когда совершилась операція, г. Полянскій уѣхалъ въ Крымъ и на-время мѣсто его занялъ г. Милліоти, возвратившійся съ ярмарки 11 сентября. Г. Милліоти сейчас-же замѣтилъ, что дѣло не ладно. Въ концѣ сентября ревизіонная комисія, назначаемая періодически отъ совѣта, осматривая портфель, нашла облигаціи Струсберга, о которыхъ Милліоти не могъ дать никакого объясненія; но за то бухгалтеръ банка сообщилъ такіа свѣденія, что совѣтъ встревожился; на 5 октября было назначено собраніе совѣта, 6 октября были два экстренныхъ засѣданія, а ужъ 7 октября банкъ думалъ прекратить платежи. И тутъ молва поспѣшила со своимъ злымъ языкомъ и стала трубить, что члены совѣта, вмѣсто того, чтобы принять надлежащія мѣры, начали продавать торопливо свои акціи по чѣмъ ни попало. Акціи банка, которыя 3 октября продавались на биржѣ по 210 рублей, 7 октября упали до 170, 8—до 125, 10—котировались по 85—95 руб., 14—упали до 25 руб., а теперь стоимость ихъ равняется простой бумагѣ.

Конечно, быстрый упадокъ акцій обратилъ на себя общее вниманіе и сначала заговорили, что банкъ долженъ потерять миліонъ, затѣмъ — три миліона, а потомъ уже — семь миліоновъ. Паника начала сильно распространяться, публика ломилась къ банку, требуя назадъ вкладовъ, и 10 октября совѣтъ послалъ депутацію въ Петербургъ просить помощи у министра финансовъ. Министръ отказалъ, и совѣтъ рѣшилъ 11 октября заявить въ газетахъ о пріостановленіи платежей и просилъ прокурора распорядиться запечатаніемъ кассы иностраннаго отдѣленія. Съ этого-же числа банкъ прекратилъ тѣ операціи, гдѣ онъ является дебиторомъ. Но и тутъ злая молва опять успѣла пустить слухъ и стала трубить, что банкъ, несмотря на такое постановленіе, выдавалъ часть вкладовъ съ задняго крыльца. Вѣрно это или нѣтъ, утверждать нельзя, и разрѣшить судъ; но между балансомъ 16 и 11 октября существуетъ разница въ 150,000 рублей. Эта разница, какъ утверждаетъ та-же молва, происходитъ оттого, что нѣкоторые члены совѣта, испугавшись уголовной отвѣтственности, возвратили взятые ими деньги. Стоустая молва трубить еще, что правленіе банка, предвидя уже банкротство, все еще принимало вклады, хотя и знало, что возвратитъ ихъ будетъ не въ состояніи.

Пока шаткое положеніе банка оказывалось только слухомъ, Москва хотя и слѣшила брать назадъ вклады, но держала себя мужественно. Когда-же оказалось, что банкъ прекратилъ платежи, торговый міръ взволновался и распространилась паника. Что дѣлается повсюду, когда люди видятъ, что состояніе ихъ копейка, повторилось и въ Москвѣ. Тѣ, кто лишился всего, проклинали банкъ, проклинали свою горькую судьбу, и, какъ говорить, происходили раздирательныя сцены и слышались вопли и рыданія. Катастрофа съ ссуднымъ банкомъ заставила и прочіе банки сжать свои дѣла. Боясь, что подъ вліяніемъ паники публика бросится требовать деньги съ текущихъ счетовъ и вкладовъ, банки стали производить учетъ по самымъ вѣрнымъ бумагамъ и кассы повсюду держались на-готовѣ. Эта осторожность, совершенно понятная, только усиливала кризисъ и требованіе денегъ изъ банковъ со дня на день увеличивалось. Вкладчики, даже по вкладамъ, внесеннымъ условно, рѣшались терять 8%, чтобы впручить свои деньги. Въ настоящее время отливъ вклада

довъ хотя и не прекратился, но сильно ослабѣлъ и многіе оставили свои деньги на текущемъ счетѣ, убѣдившись, что банками вклады возвращаются свободно.

Министръ финансовъ, отказавшій сначала рѣшительно въ помощи ссудному банку, когда убѣдился, что катастрофа грозитъ дѣйствительной бѣдой, прислалъ 15,000,000 изъ государственнаго банка на помощь обанкротившемуся ссудному банку, если прочіе московскіе банки поручатся за него подѣ круговою порукою. Но банки, видя, что дѣло принимаетъ уголовный характеръ, отъ поручительства отказались.

Послѣ закрытія отдѣленій банка совѣтъ взялъ дѣла въ свои руки, а гг. Ландау и Полянскій были арестованы. При опечатаніи ихъ бумагъ нашлись, какъ говорятъ, такія компрометирующія письма, что оказалось необходимымъ арестовать и Струсберга. Ожидаль-ли этого Струсбергъ или нѣтъ, или думалъ какъ-нибудь выкрутиться въ Петербургъ, но онъ удралъ туда. Изъ Москвы была послана телеграмма, и Струсбергъ, не доѣзжая до Петербурга, былъ арестованъ. Когда его привезли въ Москву и опустили въ яму, Москва пришла въ ликующій восторгъ и въ то-же время съ изумленіемъ спрашивала сама себя, какъ она могла вѣрить этому маленькому толстяку, этой непріятной, одутловатой фізіономіи, украшенной маленькими бакенбардами,—фізіономіи, вовсе невнушавшей довѣрія? А между тѣмъ не внушавшая довѣрія фізіономія и въ Россіи, и въ Европѣ пользовалась чудовищнымъ кредитомъ! Струсбергъ, посаженный въ яму, сейчасъ-же телеграфировалъ границу о высылкѣ ему денегъ, но Москва, оказавшаяся на этотъ разъ предусмотрительною, отправила къ генералъ-губернатору депутацію съ просьбою не отпускать ни за что Струсберга изъ долговаго отдѣленія. Москва разсчитываетъ на то, что Струсбергу не понравится сидѣть въ ямѣ и онъ уплатитъ хоть часть капиталовъ, которые онъ перевелъ на имя жены. На эти-же капиталы, какъ видно, разсчитываютъ и заграничные кредиторы Струсберга, которымъ хочется добыть его къ себѣ; но, конечно, Москва его даромъ не выдастъ.

У исторіи этого кризиса очень поучительная мораль. Прежде всего обнаруживается постыдный образъ дѣйствія правленія и небрежность совѣта. Если судомъ подтвердится стоустая молва, то, бо-

нечно, гг. Полянскій и Ландау подвергнутся уголовной отвѣтственности; но вѣдь этого можетъ и не случиться; можетъ случиться, что правленіе будетъ обвинено только въ превышеніи власти. Мы вовсе не хотимъ, чтобы правленіе было подвергнуто ссылкѣ въ каторжную работу; но мы думаемъ, что обвиненіе въ превышеніи власти будетъ похоже нѣсколько на обвиненіе той шуки, которую въ наказаніе велѣно было опустить въ воду. Мы сильно сомнѣваемся даже и въ томъ, чтобы гг. Полянскій и Ландау не могли попасть снова въ директоры какого-нибудь банка. На этотъ счетъ мы очень великодушны и забывчивы. Выборы людей снова къ той-же должности, для которой они оказывались неудобными и невыгодными, повторялись у насъ нѣсколько разъ, и даже надняхъ, наприимѣръ, въ Рязани въ почетные мировые судьи выбранъ нѣкто г. Р., исключенный въ текущемъ году изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Все это для насъ слишкомъ не ново, также какъ не ново и то, почему совѣтъ ссуднаго банка оказался бездѣятельнымъ.

Это тоже очень старая исторія, о которой лѣтъ десять тому назадъ уже много толковалось и шумѣлось, но тѣмъ не менѣе она все еще повторяется и, вѣрно, долго еще будетъ повторяться. Въ Москвѣ, какъ и повсюду, въ члены совѣтовъ акціонерныхъ обществъ выбираются тузы. Случается, что членамъ совѣта дается пристойное жалованье, но большею частью жалованье не велико, тысячъ до двухъ рублей; но главную роль тутъ играетъ честь быть членомъ совѣта и русская слабость потщеславиться своимъ положеніемъ и властью. Москвичи, не въ примѣръ петербуржцамъ, любятъ честь и продолжаютъ отличаться тѣми слабостями, въ которыхъ насъ укорялъ еще Крыжаничъ. Но такъ-какъ тузовъ у насъ вообще немного, то во всѣ совѣты избираются почти одни и тѣ-же лица, занимающіяся больше торжественными засѣданіями, чѣмъ дѣломъ. Да и можно-ли заниматься дѣломъ какъ слѣдуетъ, когда одинъ и тотъ-же человѣкъ участвуетъ въ нѣсколькихъ совѣтахъ учрежденій, нерѣдко очень многосложныхъ и требующихъ не распиванія чаевъ въ торжественныхъ засѣданіяхъ, а дѣла?

Такъ-какъ новое есть хорошо забытое старое, то мы еще разъ напомнимъ читателю о жалкой роли, которую разыгрываютъ повсюду акціонеры. Съ акціонерами правленій нашихъ акціонерныхъ обществъ обращаются искони самымъ нецеремоннымъ образомъ.

Акціонеры—это нѣчто въ родѣ безгласнаго народа, напоминающаго турецкихъ христіанъ, съ которыми можно дѣлать все, потому что они позволяютъ съ собою дѣлать все. Акціонеровъ собираютъ въ засѣданіе для выслушиванія отчетовъ правленія и въ такихъ случаяхъ съ акціонерами поступаютъ совершенно такъ-же, какъ поступаетъ Бисмаркъ съ германскимъ парламентомъ. Акціонерамъ оказывается честь тѣмъ, что ихъ собираютъ, прочитаютъ имъ отчетъ, изъ котораго они не поймутъ ничего и узнаютъ только, что въ правленіи обстоитъ все благополучно и что дѣла предпріятій идутъ необыкновенно хорошо. И какъ-же акціонерамъ не разыгрывать роль жалкихъ турецкихъ христіанъ, когда отчеты не сообщаются имъ никогда преждевременно, а самое главное, когда турецкіе христіане даже и не понимаютъ, въ чемъ сущность дѣла, которымъ они сами занимаются? Тутъ незнаніе и легкомысліе идутъ рука объ руку, и чего больше—рѣшить трудно. Возьмемъ, на примѣръ, такое учрежденіе, какъ банкъ, балансъ котораго составляетъ миліоновъ 25. Активъ такого банка составляютъ вклады, векселя, торговныя обязательства и вообще чужія деньги, которыми, въ сущности, банкъ поддерживается и существуетъ. Но развѣ хозяева денегъ банка что-нибудь знаютъ и понимаютъ не только въ хозяйствѣ банка, но и вообще въ денежномъ хозяйствѣ? Какъ еще дѣтьми они играли въ узелки, дома у маменьки, такъ они и теперь продолжаютъ ту-же игру, и, прослышавъ, что на свѣтѣ есть такое хорошее мѣсто, какъ банкъ, куда можно положить деньги и затѣмъ, ничего не дѣлая, получать на нихъ проценты, они несутъ въ банки свои крохи и съ умиленіемъ глядятъ на тузовъ правленія и тузовъ совѣта, которымъ, какъ богамъ Олимпа, они ввѣряютъ свою судьбу, твердо увѣренные, что боги лучше знаютъ, что нужно смертнымъ, и ихъ не обидятъ.

Мы очень хорошо знаемъ, что банковое дѣло—дѣло сложное; но вѣдь оно только сложное, а вовсе не головоломное. Сущность операций банка очень проста и его большія книги, даже съ двойной бухгалтеріей, вовсе не санскритскій языкъ. Но мы спросимъ, какимъ образомъ человѣкъ, ввѣряющій свое состояніе банку, изображаетъ изъ себя младенца, играющаго въ узелки? А между тѣмъ мы всѣ играемъ въ узелки, и играемъ самымъ несправившимъ образомъ.

Любопытно, что какъ только разыгралась паника съ московскимъ ссуднымъ банкомъ, въ Москвѣ тотчасъ-же явились ловчаки, начавшіе игру въ пониженіе банковыхъ акцій, но не кредитнаго, потерпѣвшаго погромъ, а другихъ. Игроки рассчитали, что человѣческое легкомысліе нескончаемо, и ловко сообразили, какъ нужно поступать, рассчитывая на человѣческую глупость. А сообразили они такъ. Катастрофа ссуднаго банка должна, конечно, ослабить довѣріе къ прочимъ банкамъ: Если акціи этихъ банковъ пустить по значительно пониженнымъ цѣнамъ, то этихъ можно напугать владчиковъ и они пустятъ свои акціи въ продажу по той-же низкой цѣнѣ. Если это случится, то ловчаки скупятъ акціи. Затѣмъ ихъ поднимутъ, перепродадутъ тѣмъ или другимъ неопытнымъ младенцамъ и наживутся. На этотъ разъ штука, однако, не удалась, и не удалась она вовсе не потому, чтобы Москва прониклась внезапно финансовой мудростью, а просто потому, что не такое время избрали игроки и отуманившаяся Москва просто чувствовала свои способности въ состояніи подавленности. Москвичи думаютъ, что, не попавшись на удочку, они доказали свою увѣренность въ прочность другихъ банковъ. Едва ли это такъ.

И вотъ при такомъ пониманіи дѣла нашими акціонерами въ московской печати возникъ вопросъ, кому будетъ ввѣрена ликвидація дѣла банка? Если банкъ будетъ ликвидироваться только по постановленію общаго собранія самихъ акціонеровъ, то ужъ не говоря о томъ, что банкъ юридически останется въ рукахъ своего теперешняго совѣта и правленія, но и выборъ администраторовъ будетъ зависѣть отъ того-же собранія, которое такъ удачно выбрало правленіе, и вышло-бы, что акціонеры, ужъ разъ легкомысленно ввѣрившіе свои капиталы людямъ, такъ хорошо оправдавшимъ ихъ довѣріе, опять очутились-бы въ ихъ рукахъ. Если же, напротивъ, всѣ дѣла по несостоятельности банка были-бы поручены общему собранію его кредиторовъ, то дѣло отъ этого, конечно, ничего-бы не выиграло. Кредиторовъ у банка тысячи; они живутъ по всѣмъ концамъ Россіи; собраться имъ невозможно; еще труднѣе сообща разбирать дѣло; а еще труднѣе выбрать изъ себя ликвидаціонную комисію, если люди не знаютъ другъ друга. И потому казалось самымъ естественнымъ, что дѣло это должно пройти черезъ руки правительства. Такъ оно и случилось. 30

октября состоялось высочайшее повелѣніе, по которому, въ видахъ наиболѣе правильнаго и согласнаго съ интересами кредиторовъ окончанія дѣла коммерческаго ссуднаго банка, ликвидація возложена на особую ликвидаціонную комисію, состоящую изъ 6 членовъ и предсѣдателя. Предсѣдатель и четыре члена назначаются министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, а два члена избираются московскимъ биржевымъ комитетомъ изъ почетнѣйшихъ торгующихъ на биржѣ купцовъ.

Обязанность ликвидаціонной комисіи будетъ заключаться только въ томъ, чтобы разобрать денежныя дѣла банка, сдѣлать общій счетъ его долговъ и имущества и расчетъ удовлетворенія кредиторовъ. Но затѣмъ у этого дѣла есть и уголовная сущность, и этой сущности слѣдуетъ придать чуть-ли не большее значеніе. Судъ разъяснить всѣ злыя толки стоустой молвы, всѣ мелкія и крупныя продѣлки членовъ правленія, покажетъ, правда-ли, что велись двойныя книги, что расходы и приходы показывались не вѣрно, что были подлоги, что гг. Полянскій и Ландау получили очень скромную комисію въ 300,000 рублей каждый. Въ числѣ арестованныхъ оказался даже городской голова г. Шумахеръ; но онъ внесъ 100,000 р. залогомъ и былъ освобожденъ.

Оптимисты думаютъ, что случай съ московскимъ ссуднымъ банкомъ послужитъ намъ урокомъ на будущее время. Мы же думаемъ, что дѣло это поведетъ только къ тому, что поможетъ пополнить нѣкоторые пробѣлы въ нашемъ законодательствѣ, потому что при нынѣшнемъ порядкѣ кредиторы находятся въ полнѣйшей безпомощности; правленія и совѣты дѣлаютъ все, что имъ угодно, и противъ нихъ у акціонеровъ нѣтъ никакихъ средствъ.

Но всѣ законы только тогда хороши, когда они не только написаны на бумагѣ, но и примѣняются на дѣлѣ. Очень можетъ быть, что отвѣтственность правленій и совѣтовъ будетъ усилена, кредиторамъ будетъ предоставлена ббльшая власть; но что-же они станутъ дѣлать съ своею властью, когда ее приходится уже приимѣнять къ испорченному дѣлу? Страхъ, говорятъ, одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ, и теорія утрашенія давно уже существуетъ въ юридической практикѣ; но особенно полезныхъ плодовъ отъ нея человѣчество до сихъ поръ не видѣло. Если законъ усилитъ отвѣтственность управленій и контрольную власть акціонеровъ, но и контролеры, и управители останутся все такими-

же знающими людьми, какъ нынче, — сомнительно, чтобы положеніе лицъ, ввѣряющихъ свои капиталы банкамъ, оказалось-бы болѣе твердымъ и обезпеченнымъ. Это неисходный кругъ, который насъ снова возвращаетъ къ афоризму, высказанному еще въ шестидесятихъ годахъ, но афоризму, такъ и оставшемуся неразрѣшеннымъ: „Оттого-ли мы бѣдны, что глупы, или оттого мы глупы, что бѣдны?“

Умъ отъ бѣдности отдѣлить нельзя, и, слѣдуя путемъ медленнаго прогресса, мы будемъ въ одно и то-же время и понемножку умнѣть, и понемножку богатѣть. Въ видѣ перваго урока для насъ не мѣшало-бы, чтобы былъ разрѣшенъ самый главный вопросъ, на которомъ зиждется существованіе нашихъ банковъ. Нуженъ-ли намъ кредитъ въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ предлагается многочисленными акціями, облигаціями и массой другихъ денежныхъ бумагъ? Кредитъ, конечно, вещь необходимая для существованія промышленности и для развитія ея, и для торговли; но что-же сдѣлалъ нашъ кредитъ и онъ-ли способствовалъ тѣмъ очень скуднымъ успѣхамъ промышленности, которые она сдѣлала со времени освобожденія крестьянъ? Кредитъ и масса бумажныхъ цѣнностей, напротивъ, послужили источникомъ для денежной горячки, для биржевой игры и для дутыхъ спекуляцій. Развѣ кредитъ, открытый землевладѣльцамъ, привелъ хотя къ какии-нибудь успѣхамъ сельскаго хозяйства? Укажите на эти успѣхи. Единственный успѣхъ, кажется, заключался въ томъ, что кредитъ помогъ еще больше абсентеизму и что имѣнія землевладѣльцевъ стали переходить въ руки кулаковъ и купцовъ, которые объ успѣхахъ сельскаго хозяйства заботятся столько-же, сколько ростовщикъ печалится о бѣдности своего закладчика. Въ промышленности кредитъ очень часто помогалъ не ей самой, а служилъ другимъ дѣламъ. У насъ выстроилась масса желѣзныхъ дорогъ, усилилось необыкновенно парходное сообщеніе, и главные капиталы ушли на эти предпріятія, а вовсе не на развитіе промышленности вообще и народной промышленности въ особенности. Все это движеніе капиталовъ шло верхами, а до низу не дошло, и производительные источники страны остались въ своемъ прежнемъ спромъ видѣ, точно до нихъ не было никому и дѣла.

И, дѣйствительно, дѣла до нихъ никому не было. Реформы послѣдняго времени открыли столько свободныхъ путей и предоста-

ВИЛИ столько возможности для самодѣятельности общества, что общество немедленно воспользовалось всѣми этими путями и устроило для себя пиръ, на который попалъ только тотъ, кто былъ безъ дѣлъ. Этихъ людей „не у дѣлъ“, людей, у которыхъ нѣтъ ни собственности, ни фабрикъ, ни заводовъ, а которые только спекулируютъ, торгуютъ и играютъ въ деньги, явилась такая масса, что они заслонили собою всю Россію. Въ былые годы, при крѣпостномъ правѣ, земледѣліе наше было, можетъ быть, и не блистательно, но ужь, конечно, оно не было хуже теперешняго. Промышленность тогда была не грандіозна, да и теперь она не грандіозна. Экономическіе источники не были особенно развиты, да они и теперь не развились. Мы строимъ желѣзныя дороги, развиваемъ пароходныя сообщенія, а между тѣмъ вагоны доставляетъ намъ все-таки Струсбергъ изъ-за границы, да еще по двѣ тысячи штукъ за-разъ; пароходы дѣлаютъ для насъ тоже за-границей, и даже въ нашихъ сношеніяхъ съ Турціей оказывается, что въ послѣднее время нашъ вывозъ въ нее значительно понизился. Спрашивается, какъ-же воспользовалось общество той свободой, которую ему открыли, и какъ оно воспользовалось кредитомъ, который какъ-бы неожиданно свалился съ неба? Повторяемъ еще разъ, что оно воспользовалось ими не для созданія новыхъ матеріальныхъ цѣнностей, не для возвышенія удобствъ жизни простого и не простого народа, а исключительно для разныхъ видовъ азартной денежной игры. У насъ царитъ повсюду не экономическое, а денежное хозяйство. Примѣръ Джона Ло заразилъ насъ на-столько, что каждый воображаетъ себя маленькимъ Ло и играетъ въ дутую денежную игру. Теперь для нашего предостереженія разразился надъ московскимъ ссуднымъ банкомъ денежный кризисъ, но мы-бы не хотѣли, чтобы надъ нами разразился общій денежный кризисъ, а еще меньше хотѣли бы увидѣть экономическій кризисъ.

На наше общество мы не возлагаемъ особенныхъ надеждъ и не думаемъ, чтобы, идя теперешнимъ путемъ, оно скоро очнулось и собственнымъ умомъ стало-бы на другую дорогу. Двадцать лѣтъ тому назадъ оно идеальничало и жило порывами, не имѣя ни малѣйшаго понятія о практическихъ дѣлахъ; потому оно принялось за практику и свело ее къ денежной игрѣ, для которой не требуется ни знаній, ни умѣнья, а нужна смѣлость и нюхъ

биржевого зайца. Теперь, повидимому, наступаетъ пора, когда мы скоро пожнемъ плоды своей практической неумѣлости, и если поможетъ Богъ и просвѣтитъ насъ кто-нибудь, можетъ быть, мы и догадаемся, что эта практика не годится, а нужна иная.

И вотъ мы опять приходимъ къ началу, опять приходимъ къ тому злополучному афоризму, что безъ ума не будешь богатъ и что намъ нужно знаніе и наука. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы потребность знанія нами не чувствовалась. Потребность эта обнаруживается той массой дѣтей, которая является ежегодно, чтобы держать экзамены въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и едва на половину поступаетъ въ нихъ по недостатку мѣстъ. Въ этомъ случаѣ наше общество, въ упрекахъ которому мы не поскупились, можетъ быть, и не заслуживаетъ ихъ въ такой мѣрѣ и охотно-бы воспитало своихъ дѣтей въ практическихъ знаніяхъ, если-бы они были легче доступны. Жалобы на недостатокъ людей, на недостатокъ практиковъ, техниковъ и на недостатокъ ученыхъ слышатся у насъ уже давно, и разработка промышленной статистики показала-бы полнѣе всего, отчего существуетъ невѣрность отношенія между легкимъ кредитомъ и дѣйствительными экономически-производительными силами Россіи. У насъ не только нѣтъ людей для развитія экономическихъ силъ, но мы даже думаемъ въ иномъ направленіи. Наше мышленіе не экономическое, а юридическое. Въ теоріи мы все свели къ вопросу права, къ философіи, къ социологіи; мы ловимъ и ищемъ все человѣка вообще, вяжемъ себѣ сѣть полнаго общественнаго міровоззрѣнія, а практическая жизнь подставляетъ намъ на каждомъ шагу ножку. Высшія теоретическія идеи остаются гдѣ-то въ пустомъ пространствѣ и живутъ въ головахъ отдѣльныхъ единицъ, а „сбирательная посредственность“ ведетъ жизнь такую-же бесполезную для Россіи, какъ карточные игроки. Мы говоримъ, что время теорій прошло и наступила пора практики, а въ сущности мы живемъ, не зная ни практики, ни теоріи, а такъ, толкаясь куда-то направо и налево. Масса нашей сбирательной посредственности, величая себя интеллигенціей, не знаетъ даже первыхъ шести теоремъ экономической науки и служитъ позорнымъ бременемъ для всѣхъ истинно трудящихся людей. Экономическая теорія, которую мы забыли, а можетъ быть никогда и не знали, признаетъ богатствомъ то, что создаетъ матеріальныя цѣнности. А какія матеріальныя

цѣнности создаетъ биржевая игра, игра на повышение и пониженіе, жизнь на проценты отъ вкладовъ, аферы, спекуляціи и тотъ умышленный трудъ, который практикуетъ большинство изъ насъ? Если во всей этой игрѣ вращаются десять миліоновъ—мы предполагаемъ мало,—то эти деньги перекалдываются изъ кармана въ карманъ, а новыхъ матеріальныхъ цѣнностей никакихъ не создается. Предположимъ, что всѣ наши дѣльцы, играющіе въ эту некрасивую игру, внезапно переселились куда-нибудь съ своими десятью миліонами. Какая-бы явилась бѣда отъ этого для Россіи? Никакой. Сколько у насъ было хлѣба, столько и останется; сколько мы производили платьевъ, обуви, машинъ, предметовъ жизненной потребности, столько ихъ и будемъ производить. Мы не только не сдѣлаемся бѣднѣе отъ выселенія игроковъ, мы даже выиграемъ, потому что дѣйствительные производители не будутъ трудиться на убыточное потребленіе. Если-бы люди денежной наживы ѣли и пили для того, чтобы создавать своимъ трудомъ или благотворныя идеи, или воспитывать полезныхъ гражданъ, или создавать предметы матеріальной потребности, то все, что они пропиваютъ и проѣдаютъ, шло-бы на пользу общества. Теперь-же каждый кусокъ хлѣба, который они сѣдаютъ, каждый стаканъ воды, который они выпиваютъ, пропадаютъ совершенно даромъ, и весь трудъ тѣхъ людей, которые работаютъ на нихъ, которые учили ихъ, которые пишутъ для нихъ, все, все, что для нихъ ни дѣлается, все это такъ-же пропадаетъ даромъ, какъ выстрѣлы на воздухъ. Мало того, что они не приносятъ никакой дѣйствительной выгоды, они убыточнымъ образомъ заставляютъ трудиться другихъ и нарушаютъ правильную гармонію обмѣна выгоднаго труда. Мы знаемъ, что если-бы почтеннымъ игрокамъ сказали, что они бесполезные копители неба и что идутъ въ положительный убытокъ Россіи, они-бы съ этимъ не согласились. Но согласіе ихъ и не такъ важно и ужь, конечно, имъ не доказать, что они приносятъ своей родинѣ дѣйствительную выгоду.

Но денежное мышленіе, въ томъ видѣ, какъ оно сложилось у насъ, съ тѣхъ поръ, какъ явился легкій кредитъ и масса буржуйскихъ цѣнностей, приноситъ обществу положительный нравственный вредъ. Дѣло о шантажѣ, которое производилось недавно въ петербургскомъ окружномъ судѣ, только одно изъ ми-

ліонныхъ доказательствъ вреднаго вліянія денежной лихорадки. Всѣ эти господа, которые фигурировали на скамьѣ подсудимыхъ, больше ничего, какъ экономическіе софисты, измышляющіе способы наживы и по-просту заѣзжающіе въ чужіе карманы. Мошенническое мышленіе неизбѣжно, когда трудъ сводится къ простому измышленію новаго способа нажиться на счетъ глупости или трусости ближняго. А такое мышленіе—теперь основное мышленіе, и для него въ концѣ-концовъ нѣтъ другого выхода, кромѣ скамьѣ подсудимыхъ и „системы Струсберга“, какъ обозвалъ Ласеверъ надувательства этого почтеннаго господина.

Народныя школы, о которыхъ мы такъ хлопочемъ, и грамотность, въ которой видимъ спасеніе, не приведутъ ни къ чему. Отдѣльное лицо, попавшее въ водоворотъ новой софистики, не выкрутится изъ своей собственной бѣды своими собственными силами; оно даже и не виновато, если думаетъ ошибочно, потому что, конечно, кто-же себѣ врагъ и кому хочется попасть на скамью подсудимыхъ или, еще хуже, угодить въ Сибирь. Тутъ дѣйствуетъ общій духъ тѣхъ экономическихъ возможностей, которыя открыты для каждаго отдѣльнаго существованія. А пока царитъ этотъ духъ и пока общество не прониклось вѣрнымъ пониманіемъ своихъ интересовъ и не умѣетъ само себя держать на болѣе высокомъ уровнѣ пониманія своихъ интересовъ, и толковать нечего.

По поводу этого мы припомнимъ полемику, завязавшуюся между газетою „Сибирь“ и „Отечественными Записками“. „Сибирь“, пропагандируя вопросъ о сибирскомъ университетѣ, встрѣтила возраженіе со стороны „Отечественныхъ Записокъ“, которыя не придавали ему особенной важности. Мы не будемъ говорить объ этой полемикѣ, но для нашей цѣли воспользуемся одною мыслию, высказанной обозрѣвателемъ „Отечественныхъ Записокъ“. Онъ говорить, между прочимъ, что университетъ и кружки образованныхъ людей не имѣютъ между собою ничего общаго. Кружки, подобныя тѣмъ, какъ былъ, на примѣръ, кружокъ Станкевича, конечно, могутъ дать много свѣта и жизни университету и, по характеру своего развитія, посвящаютъ всѣ свои знанія и умственныя силы общественнымъ цѣлямъ. Что-же касается университетовъ, то они, со всѣми своими науками, далеко еще не речательство въ томъ, что образованное общество, которое они формируютъ, вы-

пло-бы обществомъ разумныхъ людей, правильно понимающихъ общественныя потребности. Притѣняя вопросъ къ Сибири, обозрѣватель говоритъ, что все тамошнее чиновное сословіе составляетъ почти одну корпорацію, настраиваемую однимъ камертономъ и потому недопускающую никакой свободы мнѣнія. Какой-же можетъ образоваться духъ въ университетѣ при подобномъ жалкомъ составѣ и положеніи общества?

И дѣйствительно, на-сколько науки, даже при самомъ безукоризненномъ ихъ преподаваніи, являются тѣмъ свѣточемъ, который поможетъ потомъ человѣку совершать правильно свой путь и не забредать въ тущобы? Мы слушали курсы очень разнообразныхъ наукъ, преимущественно очень обширную юриспруденцію; но только что-же отъ этого выиграли кредиторы московскаго ссуднаго банка, что выиграло общество, которое обираютъ всякіе проходимцы; что выиграли мы отъ такихъ юристовъ, какъ наши адвокаты, которые, точно саранча, набрасываются на такіе толстые карманы, какъ Овсянниковъ и Пантелѣевъ? На-сколько, наконецъ, мы поняли, что нужно для нашего собственнаго образованія и какое образованіе нужно давать народу? Должно быть, есть еще какая-то наука, о которой мы никогда ничего не слыхали и о которой не имѣемъ ни малѣйшаго понятія.

И. Ш.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

ГАНРИ-АЛЕКСАНДРЪ ВАЛЛОНЪ.

Праго Ганри Валлона на біографію.—Располагающая наружность Валлона.— Примѣрный ученикъ.—Философскія упражненія.—Награды за посредственность.—Валлонъ въ роли политическаго орудія Гизо.—Вопросъ объ освобожденіи невольниковъ во французскихъ колоніяхъ.—„Исторія рабства въ древнемъ мірѣ“.—Секретарь общества уничтоженія невольничества.—Валлонъ депутатъ законодательнаго собранія.—Героическій подвигъ.—Настоящее мѣсто Валлона.—Теологическіе труды Валлона.—„Исторія Жанни д'Аркъ.—Соперница-медіумъ.—Увѣнчаніе преміей.—Валлонъ секретарь академіи.—„Біографія Людовика IX“.—Волненіе, возбужденное сочиненіемъ Ренана „Жизнь Иисуса Христа“.—Неудачная вылазка Валлона противъ Ренана.—Вліяніе на Валлона произведеній Боскетта.—Посредственность Валлона какъ историка.—Соперничество съ Мамомъ и К^о.—Валлонъ снова депутатъ.—Творецъ республики.—Недостатки конституціи Валлона.—Завѣтный планъ клерикаловъ.—Свобода высшаго образованія во Франціи.—Иезуиты торжествуютъ.—Завладѣла церковь св. Сердцу.

„Поторопитесь принять это лекарство, пока оно еще можетъ помочь вамъ“, говорилъ обыкновенно знаменитый французскій медикъ Дюпюитренъ. Поторопимся и мы рассказать исторію Ганри-Александра Валлона, министра народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій во Франціи, которымъ нѣсколько недѣль къ ряду интересовался всякій, кто слѣдитъ за ходомъ политическихъ событій. Именемъ Валлона (валлонатъ) названа одна изъ самыхъ любопытныхъ и въ то-же время одна изъ самыхъ фантастическихъ конституцій, проектированныхъ или принятыхъ во второй половинѣ XIX вѣка. Кто такой Валлонъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ творецъ новой конституціи. А еще кто? Создатель респуб-

лики, которой онъ далъ свое имя. Далѣе? Вмѣстѣ съ Ниной, Семирамидой, Ромуломъ, Шувъ-Тши и др. онъ будетъ считаться въ числѣ основателей государствъ. Какими-же качествами и способностями располагаетъ г. Валлонъ—это мы пояснимъ ниже.

I.

Мы не безъ удовольствія принимаемся за выполненіе этой задачи, такъ-какъ имѣемъ полное право сказать, что Валлонъ принадлежитъ къ числу людей дѣйствительно честныхъ. Эта оригинальность своего рода даетъ ему право на вниманіе, по крайней мѣрѣ, современниковъ. Правду сказать, между политическими дѣятелями обоихъ полушарій въ послѣднее время встрѣчается не такъ много честныхъ людей, чтобы нельзя было считать ихъ исключеніями, а всякое исключеніе, потому уже, что оно исключеніе, составляетъ оригинальность. Хроникеръ съ облегченнымъ сердцемъ останавливается на такомъ дѣятелѣ, который заслуживаетъ полного уваженія, котораго можно назвать хорошимъ отцомъ, хорошимъ сыномъ, хорошимъ супругомъ, искренно привязаннымъ къ своей профессіи, честно исполняющимъ свои обязанности, котораго нельзя заподозрить ни въ подземныхъ интригахъ, ни въ биржевыхъ спекуляціяхъ темнаго свойства, ни въ подтасовкахъ всякаго рода, ни въ измѣнѣ своей партіи или дѣлу прогресса. Среди такихъ французскихъ дѣятелей, изощрившихся въ интригахъ, неуважающихъ убѣжденія, невѣрныхъ въ своемъ словѣ, сварливыхъ, лукавыхъ, какъ Гизо, Бюффе, Брольи, Симонъ, Фавръ, пріятно имѣть дѣло съ Валлономъ, глубоко-убѣжденнымъ, хотя онъ нѣсколько ханжитъ, искреннимъ, хотя онъ ясенистъ, и доброжелательнымъ, хотя онъ филантропъ по профессіи. Для описанія его жизни и поступковъ нѣтъ надобности обмакивать перо въ отваръ изъ жолчи, крови и сѣрной кислоты; можно довольствоваться самыми обыкновенными чернилами, даже если они нѣсколько блѣдны.

II.

Наружность Ганри Валлона располагаетъ въ его пользу. Ясный взглядъ, мужественная осанка, довольно высокая талія, почтенная

дородность, высокій лобъ, правильныя черты, хотя носъ нѣсколько толстъ, а глаза нѣсколько малы; благосостояніе, здоровье, довольство и спокойствіе, выражающіяся во всемъ его существѣ, даже круглый, лунообразный обликъ его добродушнаго лица, — все производитъ пріятное впечатлѣніе. Одѣвается онъ изящно, безъ всякой изысканности, носитъ тонкое, безукоризненно-чистое бѣлье, обладаетъ хорошими манерами, красиво говоритъ, ходитъ, держится, встаетъ и садится, пріятный собесѣдникъ, утонченно вѣжливъ, сдержанъ, находчивъ, знаетъ съ кѣмъ какъ говорить, — однимъ словомъ, человѣкъ пріятный во всѣхъ отношеніяхъ, котораго съ перваго знакомства можно назвать „особой“. Приличныхъ размѣровъ брюшко, маленькіе свѣтло-сѣрые глаза, большіе очки въ золотой оправѣ, большая голова, обрамленная высокими стоячими воротничками рубашки, невольно заставляютъ назвать Валлона французскимъ Пиввикомъ. Читатели Диккенса, конечно, хорошо знакомы съ этимъ типомъ, столь популярнымъ въ Англіи. Почитателямъ Поль де-Бука мы напомнимъ о типѣ добродушнаго французскаго буржуа, который очень часто встрѣчается въ романахъ этого писателя, напримѣръ въ „Монфермельской молочницѣ“, въ „Семействѣ Бедульаръ“ и во многихъ другихъ. Валлонъ представляетъ довольно полное олицетвореніе этого типа.

III.

Валлонъ, какъ показываетъ его фамилія, фламандецъ по происхожденію. Онъ родился въ Валансенѣ въ 1812 году. Восемнадцати-лѣтнимъ юношей онъ присталъ къ либерально-буржуазному движенію 1830 года и вполне увлекся имъ, — увлекся до того, что заостенѣлъ въ тогдашнихъ идеяхъ и теперь представляетъ уже рѣдкій въ наше время образчикъ типа буржуазнаго революціонера 1830 года. Изъ лекцій Кузена, Жюфруа, Вильмена и Гизо онъ усвоилъ себѣ чистый спиритуализмъ и вынесъ убѣжденіе въ возможности полного соглашенія человѣческаго разума съ католицизмомъ. Въ политикѣ онъ явился поклонникомъ конституціонной монархіи и повѣрилъ на слово, безъ всякаго критическаго изслѣдованія, что эта монархія беретъ свое начало въ отдаленныхъ среднихъ вѣкахъ и что зачатки ея по-

ложены германскими вторженіями во Францію; онъ повѣрилъ на слово, что эта монархія, развивавшаяся втеченіи тысячи лѣтъ, можетъ расчитывать на продолжительное, тысячелѣтнее существованіе въ будущемъ. Онъ счелъ іюльскую монархію послѣднимъ словомъ либерализма, окончательнымъ торжествомъ буржуазіи, которая будто-бы ничѣмъ не обязана первой революціи. Выдѣлившійся изъ революціонной партіи, чисто-буржуазный отдѣлъ, къ которому примкнулъ Валлонъ, стремился всѣми силами отрицать какую-нибудь связь между первой революціей (произведенной во имя и на пользу буржуазіи) и революціей 1830 года. Эта партія подражала главѣ іюльской монархіи, королю Луи-Филиппу, который какъ-бы отступался отъ своего отца Филиппа Эгалите и помнилъ только о своемъ прадѣдѣ Людовикѣ XIV и предкѣ — Людовикѣ святомъ. Философія исторіи Гизо, его научные принципы, блестящіе, но по большей части въ своемъ основаніи ложные, надѣлали много вреда тогдашней молодежи, которая, подобно Валлону, слѣпо вѣрила своему учителю и съ жадностью усваивала его идеи. Валлонъ какъ-будто не желалъ дѣйствовать самостоятельно и на всю жизнь остался образцовымъ ученикомъ нормальной школы. Въ школѣ энтузіазмъ къ ученію, способность усваивать трудно переваримыя идеи туманной философіи, точность и прилежаніе обезпечили Валлону расположеніе его учителей, которые ставили его въ образецъ прочимъ его товарищамъ. Въ то же время Валлонъ умѣлъ ладить съ товарищами, которые любили его и называли „добрымъ малымъ“. Въ школѣ Валлонъ былъ изумительно точенъ въ своихъ занятіяхъ: три четверти часа онъ употреблялъ на составленіе алкаическихъ стиховъ; три четверти на внимательное чтеніе произведеній Григорія турскаго; три четверти на изученіе психологіи, по методу, бывшему тогда въ употребленіи: онъ садился на стулъ, закладывая большіе пальцы своихъ рукъ въ жилетные карманы, смотрѣлъ въ потолокъ и, мысленно раздвигаясь, различалъ между явленіемъ и сущностью вещи; половина его интеллектуальнаго существа наблюдала другую половину; онъ обдумывалъ свою думу, чувствовалъ свое чувство; дергалъ языкъ, чтобы лучше освоиться съ механизмомъ „хотѣнія“; кусалъ губы, желая выникнуть въ проблемы „зла“ и „боли“; плевалъ налѣво, потомъ направо, чтобы измѣрять глубину тайнъ „свободной воли“; онъ становился передъ зеркаломъ и встав-

лялъ стеклышко въ одинъ глазъ, потомъ перемѣщаль его на другой, — однимъ словомъ, онъ подвергалъ себя всѣмъ упражненіямъ, какія въ то время считались необходимыми для того, чтобы вполне проникнуться философскимъ духомъ. Вообще Валлонъ былъ примѣрнымъ воспитанникомъ во всѣхъ отношеніяхъ; въ свое время онъ прочитывалъ молитву; праздники онъ проводилъ совершенно такъ, какъ предписывала католическая церковь. Все это онъ исполнялъ съ изумительной въ его лѣта точностью, но не потому, что былъ склоненъ къ ханжеству. О, нѣтъ! развѣ онъ не былъ либераломъ; развѣ онъ не вѣрилъ, что существуетъ полная гармонія между требованіями человѣческаго разума и стремленіями папскаго католицизма? Онъ поступалъ такъ, а не иначе, потому только, что обладалъ въ очень слабой степени инициативой, мало склоненъ былъ къ критическому анализу и лишенъ всякой оригинальности. Выражаясь метафорически, мы можемъ сказать, что въ его венахъ текла слишкомъ блѣдная кровь, въ немъ отсутствовали энергія и стремленіе къ самостоятельности. Онъ принадлежалъ къ натурамъ пассивнымъ и сталъ тѣмъ, чѣмъ его сдѣлали другіе. Но какъ натура пассивная, онъ былъ совершенство. Онъ не архитекторъ, но хорошій работникъ, штукатуръ или лѣпщикъ. Онъ работаетъ превосходно подъ чужимъ руководствомъ, самъ-же руководить другими не можетъ.

Въ нормальной школѣ онъ заслужилъ дружбу и уваженіе своихъ профессоровъ и старшихъ товарищей, окончившихъ курсъ ранѣе его, какъ Низаръ, Патенъ, Жененъ, Дюбуа и Сен-Маркъ-Жиранденъ. „*Macte animo generose puer, naupestruisti me.* — *Tu Marcellus eris!*“

IV.

По выходѣ изъ школы нашъ Marcellus былъ назначенъ профессоромъ въ одинъ изъ провинціальныхъ лицеевъ. Вначалѣ карьеры повышеніе рѣдко идетъ быстрыми шагами, однакожь Валлона скоро перемѣстили изъ маленькаго городка въ крупный провинціальный центръ. Черезъ шесть лѣтъ службы Валлонъ получилъ кафедру въ нормальной школѣ и былъ назначенъ секретаремъ конференціи. Валлонъ, такимъ образомъ, получилъ завид-

ное положеніе, о которомъ мечтаютъ молодые университетскіе профессора: секретарю конференціи открыта широкая дорога къ устройству карьеры.

Едва успѣлъ Валлонъ освоиться съ своимъ новымъ положеніемъ, министръ народнаго просвѣщенія Гизо снова выказалъ ему привязанность, назначивъ его своимъ помощникомъ въ „Collége de France“.

Валлонъ, какъ мы уже говорили, не обладалъ исключительными способностями или замѣчательнымъ талантомъ, но онъ былъ молодъ (тогда ему было 28 лѣтъ), веселъ, возбуждалъ симпатію своей паружностью, своимъ голосомъ, а эти качества тоже имѣютъ свою цѣну, если профессоръ исторіи притомъ не невѣжда и излагаетъ свой предметъ толково и довольно занимательно. Съ первыхъ-же лекцій молодой профессоръ возбудилъ надежды, а извѣстно, что широкій кредитъ стоитъ капитала. Гизо, назначая Валлона на кафедру въ „Collége de France“, желалъ этимъ вознаградить своего прилежнаго ученика, своего ревностнаго поклонника и человѣка вполне благонамѣреннаго, выражаясь официальною речью. Скромность, нѣкоторая застѣнчивость и посредственность Валлона ручались за то, что онъ не затмитъ своего покровителя Гизо. Конечно, посредственность Валлона не была вульгарною посредственностью; благодаря своей изумительной памяти Валлонъ обладалъ множествомъ знаній; его голова была наполнена именами, фактами, числами; въ ней помѣщались правила и выводы грамматики, синтаксиса, орфографіи, лексикологии, просодіи, реторикѣ — французскихъ, греческихъ и латинскихъ; здѣсь были заключены плоды непрестанной и прилежной двадцати-лѣтней работы (Валлонъ началъ учиться восьми лѣтъ). Но и посредственность иногда бываетъ опасной, когда она блеститъ ярко; къ счастью для Валлона, блескъ, имъ производимый, горѣлъ блѣднымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Гизо могъ спать спокойно: помощникъ не въ силахъ былъ затмить его и отнять у него частицы блеска. Учителя, подобные Гизо, могутъ покровительствовать только тѣмъ изъ своихъ учениковъ, которые и не помышляютъ сдѣлаться ихъ соперниками; они требуютъ, чтобы ученики точно повторяли ихъ уроки и не рѣшались-бы выдумывать ничего своего. Молодой помощникъ Гизо, Валлонъ, представлялъ изъ себя кроткаго, послушнаго, но сильнаго вола, ко-

торый безъ понуванія тянулъ и плугъ, и телѣгу; на него можно было смѣло положиться: онъ не боднетъ, не сломастъ своего ярма, подобно энергичному быку, неподчиняющемуся дисциплинѣ и порой наводящему ужасъ своей свирѣпостью.

Одни люди почти съ самаго рожденія еретики, другіе съ колыбели привыкають слѣдовать точно установившимся мнѣніямъ. Если общественными дѣлами руководятъ люди, питающіе боязнь или отвращеніе къ нововведеніямъ, естественно, что они, усмотрѣвъ въ дѣтяхъ приверженность къ установившимся идеямъ, назѣчаютъ ихъ какъ своихъ будущихъ помощниковъ. Ганри-Александръ Валлонъ принадлежалъ къ числу такихъ дѣтей. Послѣ революціи 1830 года университетскіе профессора и студенты были далеки отъ того, чтобы преклоняться предъ католицизмомъ; они скорѣе относились къ нему враждебно и каждый изъ нихъ спѣшилъ заявить о своихъ убѣжденіяхъ, повторяя, что ханжество отжило свой вѣкъ. Но люди, державшіе власть въ своихъ рукахъ, думали иначе и давали ходъ только тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ администраторовъ, которые умѣли ладить съ епископами или явно выказывали свои симпатіи къ католицизму. Самъ Гизо, протестантъ, получилъ портфель министра народнаго просвѣщенія отъ Луи-Филиппа для того, чтобы онъ нѣсколько пріостановилъ рвеніе ультра-католиковъ. Гизо обратился къ услугамъ искренняго католика Валлона въ надеждѣ, что рьяные католики будутъ обезоружены возвышеніемъ „своего“ и пріостановятъ свои враждебныя нападенія на еретика-гугенота, получившаго министерскій портфель и удержавшаго за собой профессорскую кафедру.

Конечно, Гизо втайнѣ предавался такимъ соображеніямъ и ихъ прозрѣвали только люди опытные и умѣющіе дѣлать истинную оцѣнку событіямъ. Но ни публика, ни самъ Валлонъ не подозревали, какая причина побудила министра такъ быстро возвысить молодого профессора. Наивный и добродушный Валлонъ счелъ свое возвышеніе наградой за ревностное исполненіе имъ своихъ профессорскихъ обязанностей. Ему и въ голову не приходило, что онъ можетъ играть роль политическаго орудія.

V.

Возмутительное рабство негровъ, уже уничтоженное въ англійскихъ колоніяхъ на Антильскихъ островахъ, продолжало существовать въ колоніяхъ французскихъ. Знаменитый „Актъ освобожденія“, по всей справедливости, долженъ считаться лучшимъ изъ дѣлъ, совершенныхъ средними классами Великобританіи. Чтобы ни говорила зависть и низкая клевета, но великобританскіе реформаторы, ставшіе подъ знамя Фрея, Кларка и Вильберфорса, руководились въ своихъ дѣйствіяхъ не какой-нибудь корыстью, а только страстнымъ желаніемъ облегчить участь страждущихъ и угнетенныхъ людей. Много употребили они усилій, много принесли жертвъ, пока успѣли преодолѣть упрямое сопротивленіе крупной поземельной аристократіи, епископовъ и колонистовъ. Французская буржуазія, отказавшись слѣдовать примѣру, поданному сосѣдями, торжественно доказала, что уже пережила свое лучшее время и стала клониться въ упадеу. Между тѣмъ ей было легче, чѣмъ англійской буржуазіи, оказать справедливость угнетеннымъ рабамъ, потому что національный конвентъ въ 1793 году уже издалъ декретъ объ ихъ освобожденіи, отиѣненный Наполеономъ I. Само правительство Луи-Филиппа, на этотъ разъ вдохновенное болѣе гуманными убѣжденіями, чѣмъ просвѣщеннѣйшая часть французской буржуазіи, желало послѣдовать примѣру сент-жемскаго кабинета. Но консервативная партія такъ дѣятельно ратовала противъ освобожденія, что успѣла составить себѣ большинство въ обѣихъ палатахъ. Она не щадила никакихъ издержекъ, чтобы привлечь на свою сторону большую часть прессы, въ чемъ успѣла благодаря энергической дѣятельности Касаньяка-отца, который кричалъ, что освобожденіе рабовъ въ колоніяхъ, составляющее уже прямое нарушеніе правъ собственности, будетъ сопровождаться самыми гибельными послѣдствіями для самой Франціи; разоривъ колоніи, оно нанесетъ огромный ущербъ всѣмъ финансовымъ предпріятіямъ метрополіи. Онъ дошелъ до обвиненія правительства въ коммунизмъ, когда оно представило палатамъ проектъ выкупа невольниковъ у владѣльцевъ, на что требовалось около 200,000,000 франковъ. Конечно, Гизо могъ-бы пристрашать свою собственную партію, какъ онъ это дѣлалъ во многихъ

другихъ случаяхъ, и добился-бы своего. Но къ такимъ крайнимъ мѣрамъ онъ прибѣгалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось ратовать противъ республиканцевъ или останавливать попытку рыванія къ реформамъ либеральной буржуазіи. Боясь возстановить противъ себя консерваторовъ, Гизо согласился удовольствоваться полумѣрой: онъ заключилъ съ Великобританіей трактатъ „о правѣ осмотра судовъ“, стоившій ему заботъ и денегъ не мѣнѣе, если еще не болѣе, чѣмъ стоило-бы немедленное и прямое освобожденіе рабовъ.

По вопросу объ освобожденіи невольниковъ Гизо пришлось бороться съ самой смѣшанной оппозиціей, составившейся изъ болѣе искреннихъ либераловъ, социалистовъ, республиканцевъ, католиковъ, протестантовъ и евреевъ, представителями которой служили: Викторъ де-Брольи, Делессеръ, Лютеро, Кошень, Ламартинъ, де-Фелись, Ледрю-Ролленъ и Викторъ Шельхеръ.

Пока шла борьба на политической аренѣ, академія нравственныхъ наукъ и политики назначила конкурсъ, избравъ темой сочиненія слѣдующій вопросъ: „Какая причина вызвала уничтоженіе древняго рабства?“ Премія была присуждена Валлону. Представленную имъ въ академію записку онъ впоследствии развилъ въ трехтомное сочиненіе, озаглавленное „Исторія рабства въ древнемъ мірѣ“. На обработку этого сочиненія онъ втеченіи десяти лѣтъ употреблялъ досугъ, остававшійся ему отъ профессорскихъ занятій въ „Collège de France“.

Сочиненіе это безспорно лучшее изъ всего, что написалъ Валлонъ; одно оно уже давало-бы ему право на почетное мѣсто въ ряду писателей. Оно представляетъ собою чрезвычайно добросовѣстное и полное изслѣдованіе положенія рабовъ у грековъ и римлянъ. Ту часть, которая касается Греціи, можно, пожалуй, упрекнуть мѣстами въ неясности, но если принять во вниманіе запутанность отношеній, существовавшую между республиками ахейскаго союза, недостаточность точныхъ свѣдѣній о разнообразныхъ учрежденіяхъ греческаго міра, нельзя не согласиться, что и въ этой части своего труда Валлонъ далъ все, что могъ дать изъ тѣхъ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ.

Что касается второй половины труда Валлона, — о рабствѣ у римлянъ, — она поражаетъ какъ своей логикой, такъ и мѣткостью выводовъ. Она удовлетворяетъ и историка, и философа,

и экономиста, и даже моралиста. Она запечатлена глубоким убеждением и искренностью; в ней есть страницы, от которых трудно оторваться. С необыкновенной симпатией относится авторъ къ Гравхамъ и ихъ аграрнымъ законамъ; онъ беретъ сторону Спартака, Сальвия, Атеніона и другихъ борцовъ за свободу. Зная послѣдующую дѣятельность Валлона на политическомъ поприщѣ, нельзя не задать себѣ вопроса: почему-же практическій дѣятель въ немъ такъ расходится съ теоретикомъ-ученымъ? Но не надо забывать, что сочиненіе Валлона издано до 1848 года, когда его партія съ меньшимъ ужасомъ, чѣмъ впоследствии, смотрѣла на социальныя реформы.

Доказавъ несправедливость и невыгоду существованія рабства въ древности, Валлонъ доказалъ тѣмъ самымъ непригодность его и въ наше время. Назвавъ институтъ рабства въ древнемъ мірѣ преступленіемъ противъ человѣчества, Валлонъ косвенно обвинилъ въ немъ христіанскіе народы, нерѣшающіеся покончить съ наслѣдіемъ, полученнымъ ими отъ язычниковъ. Онъ требовалъ, чтобы они немедленно прекратили возмутительную эксплуатацію чернаго племени бѣлыми, безповоротно уничтожили позорящее христіанскіе народы учрежденіе. Повторяемъ, книга Валлона превосходна и долго еще будетъ пользоваться значеніемъ, кромѣ, однакожь, заключительныхъ главъ ея, въ которыхъ Валлонъ съ чисто-католической точки зрѣнія смотритъ на значеніе христіанства въ дѣлѣ освобожденія рабовъ. Здѣсь Валлонъ безъ всякаго критическаго анализа повторяетъ мнѣнія католическихъ писателей. Впрочемъ, въ его время по этому предмету не имѣлось никакихъ точныхъ изслѣдованій. Теперь, когда существуетъ скромный, но чрезвычайно обстоятельный трудъ Патриса Ларока, подкрѣпленный массой неопровержимыхъ фактовъ, намъ нетрудно видѣть ошибки, въ которыя впалъ Валлонъ, основавшій свои выводы только на тенденціозныхъ трудахъ католическихъ писателей. При всемъ томъ нельзя не поставить въ заслугу Валлону, что онъ выписалъ изъ Новаго Завѣта рѣшительно всѣ мѣста, которыя прямо или косвенно осуждали рабство. Эти выписки несомнѣнно должны были произвести и производили сильное впечатлѣніе на читателей. За такую практическую пользу можно простить Валлону, что онъ не изслѣдовалъ вопроса со всѣхъ сторонъ, что онъ упустилъ изъ вида, что католическое духовенство, во имя хри-

стіанства, являлось защитникомъ института рабства всегда, и вездѣ, кромѣ тѣхъ только случаевъ, когда въ его личныхъ выгодахъ было осуждать это учрежденіе; что даже протестантское духовенство въ южныхъ штатахъ сѣверной Америки спокойно владѣло черными невольниками и обращалось съ ними, какъ съ вьючнымъ скотомъ; наконецъ, что въ то время рабство существовало еще во многихъ христіанскихъ государствахъ и его уничтоженію съ особенной силой противились именно тамъ, гдѣ правительственная власть находилась въ рукахъ клерикаловъ.

Книга Валлона произвела сильное впечатлѣніе во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Шельхеръ, пламенный противникъ рабства, по его собственнымъ словамъ, захлебывался, читая ее. Цѣлыми тучками онъ отправлялъ ее въ Мартинику и Гваделупу, гдѣ распространялъ ее всѣми возможными средствами. По настоянію-же Шельхера, предсѣдательствующаго въ обществѣ уничтоженія рабства, Валлонъ былъ избранъ секретаремъ этого общества и, надо отдать ему справедливость, ревностно исполнялъ свою новую обязанность, выказывая преданность дѣлу освобожденія. Тѣмъ не менѣе нельзя не улыбнуться при чтеніи слѣдующаго комплимента, приподнесеннаго Валлону:

— Послѣ Бога свѣтъ болѣе всѣхъ обязанъ вамъ уничтоженіемъ рабства во французскихъ колоніяхъ.

Этотъ комплиментъ высказалъ Валлону другъ его Огюстенъ Кошень, таковой-же, какъ онъ, аболиціонистъ, католикъ и филантропъ, менѣе его ученый, но обладавшій большей практичностью и способностью къ инициативѣ. Кошень, однакожь, не достигъ высшихъ степеней: онъ умеръ, занимая второстепенную должность; онъ слишкомъ твердо держался своихъ убѣжденій, что не могло нравиться клерикаламъ, и они старались держать его въ тѣни. Ультрамонтане не прочь оказывать покровительство либеральнымъ и просвѣщеннымъ католикамъ, но не допустятъ ихъ занять высшія должности, если замѣтятъ, что они осмѣливаются имѣть собственные убѣжденія по серьезнымъ практическимъ вопросамъ, не вполнѣ согласныя съ основными воззрѣніями ультрамонтанства. Кошень былъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлали уступки только до извѣстнаго предѣла, а ультрамонтанство прежде всего требуетъ безпрекословнаго повиновенія.

Какъ только пала июльская монархія и временное правительство заступило ея мѣсто, Шельхеръ вырвалъ у него декретъ за подписью Ламартина и Ледрю-Роллена о немедленномъ уничтоженіи рабства во французскихъ колоніяхъ. Прокламація объ учрежденіи республики и декретъ объ освобожденіи рабовъ были отправлены въ колоніи одновременно.

Вслѣдъ за этимъ Валлонъ былъ избранъ вице-президентомъ общества освобожденія невольниковъ, замѣщающимъ Шельхера въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ не могъ присутствовать въ засѣданіи.

Въ 1849 году Валлонъ былъ избранъ въ законодательное собраніе депутатомъ отъ сѣвернаго департамента. Въ то время уже торжествовала буржуазная реакція и Валлонъ былъ избранъ скорѣе какъ послѣдователь Гизо, чѣмъ какъ ревностный аболиціонистъ. Человѣкъ честный и скромный, ученый профессоръ, католикъ, республиканецъ, филантропъ, другъ негровъ, но мало симпатизирующій французскимъ рабочимъ, ревностный реформаторъ для заморскихъ странъ, но робкій консерваторъ у себя дома, Валлонъ принадлежалъ къ тѣмъ среднимъ людямъ, которые нравятся только нѣкоторымъ, но за то не найдется никого, кто-бы ихъ ненавидѣлъ, — къ тѣмъ личностямъ, которыхъ каждый, и нераздѣляющій ихъ мнѣній, охотно предпочитаетъ своимъ болѣе твердо убѣжденнымъ противникамъ. Клерикалы вотировали за него, говоря: лучше этотъ либеральный, но набожный добрякъ, чѣмъ какой-нибудь радикалъ. Радикалы, въ свою очередь, твердили: предпочтемъ этого добряка, ратовавшаго за освобожденіе негровъ, а то, пожалуй, пройдетъ какой-нибудь завзятый клерикалъ. Красные и синіе, черные и бѣлые, не чувствуя особенной привязанности къ Валлону, не имѣли никакого основанія питать къ нему вражду. Когда партіи находятся въ равновѣсіи, успѣхъ непременно долженъ выпасть на долю людей съ неопредѣленными убѣжденіями и за ними всегда остается рѣшающій голосъ.

Если революція 1848 года привела чисто къ отрицательнымъ результатамъ, то это случилось потому, что она выдвинула на

спену дѣйствія преимущественно людей съ неопредѣленными убѣжденіями, нерѣшительныхъ, бросающихся то въ ту, то въ другую сторону. Къ числу ихъ принадлежалъ и Валлонъ. Все это были люди просвѣщенные, одушевленные самыми прекрасными напѣреніями, но большая часть изъ нихъ, держась радикальныхъ убѣжденій по многимъ вопросамъ, въ то-же время не рѣшалась разстаться съ принципами, навѣянными католицизмомъ, и готова была дѣлать всевозможныя уступки клерикаламъ; безпрестанно коленгируя Руссо и преклоняясь передъ нимъ, эти люди отягивались отъ Вольтера. Была-ли революція 1848 г. социальной или просто политической, была-ли она произведена противъ или въ пользу буржуазіи?—можно было отвѣчать и утвердительно, и отрицательно на каждый изъ противоположныхъ вопросовъ. Ее произвели вмѣстѣ рабочіе и національные гвардейцы, т. е. рать буржуазіи. Эта коалиція, отъ которой ждали чудесъ, привела только къ многочисленнымъ бѣдствіямъ. Послѣ легкой побѣды побѣдители не знали какъ, не хотѣли и не могли раздѣлить между собою власть. Между ними не существовало однородности убѣжденій; путаница была невообразимая. Споръ шелъ не только между людьми, расходящимися въ основныхъ убѣжденіяхъ, но враждовали между собою изъ-за неважныхъ въ сущности подробностей дѣятеля, принадлежащіе къ одному лагерю. Луи Бланъ, Пьеръ Леру, послѣдователи Фурье, ученики Кабе нападали другъ на друга, а противъ нихъ всѣхъ ополчился Прудонъ съ своей безпощадной ироніей. Всякій тянулъ въ свою сторону; вышелъ самый нескладный концертъ: лѣзли кто въ лѣсъ, кто по дрова. Гюго и Монталамберъ, оба пары Франціи, оба романтики, смертельно возненавидѣли другъ друга. Въ лагерѣ реакціонеровъ тоже было мало согласія; самымъ ужаснымъ противникомъ Фалу явился Ламене. Волтерьяпецъ Тьеръ добился, что его назначили церковнымъ старостой въ его приходскую церковь; аббатъ Констанъ сбросилъ съ себя монашеское званіе. Арно изъ Аржежа, ревностный католикъ, ратовалъ противъ свѣтской власти папы. Ламорисьеръ арестовалъ сына плотника на барикадѣ въ тампльскомъ предмѣстьѣ, среди возставшаго народонаселенія, и Кавеньякъ за это отправилъ его въ ссылку въ Алжирь. Многие наивные люди вѣрили, что папа Пій IX стоитъ во главѣ европейскаго либерализма. Въ то время, какъ патеры окропляли святой водой воздвигающа населеніемъ

военную экспедицію и клерикальное владычество. Господствовало смѣшеніе идей еще болѣе поразительное, чѣмъ смѣшеніе языковъ. Самые искренніе люди не могли-бы опредѣлять навѣрное, что они будутъ поддерживать черезъ часъ. Сегодняшніе друзья завтра становились врагами и сражались другъ съ другомъ. Изъ вчерашнихъ друзей одни сидѣли за судейскимъ столомъ, другіе располагались на скамьѣ обвиняемыхъ. Люди двадцать лѣтъ рука объ руку дѣйствовали въ оппозиціи и вдругъ одни изъ нихъ получили министерскіе портфели, а другіе подверглись тюремному заключенію. Дѣла не могли долго находиться въ подобномъ положеніи; должна была разразиться катастрофа, и она явилась въ самой бѣдственной формѣ—въ формѣ декабрьскаго государственнаго переворота. Неопредѣленная система необходимо должна погибнуть. При тогдашнемъ составѣ законодательнаго собранія нельзя было провести ни одной разумной мѣры. Въ немъ засѣдали по-преимуществу люди средніе, съ неопредѣленными убѣжденіями, болѣе честными и просвѣщенными представителями которыхъ можно считать Валлона. Но если-бы и всѣ они были такъ-же искренни, какъ Валлонъ, все-таки ничего-бы не вышло изъ ихъ дѣятельности, такъ-какъ они, люди пассивные и нерѣшительные по своему характеру, никогда не могли-бы придти ни къ какому опредѣленному рѣшенію, не могли-бы согласиться ни на одну радикальную мѣру.

Отдавая должное Валлону, упомянемъ о героическомъ подвигѣ, совершенномъ имъ въ законодательномъ собраніи. Вотируя постоянно съ большинствомъ, Валлонъ отсталъ отъ него, когда былъ пущенъ на голосованіе законъ 31 мая, ограничивающій всеобщую подачу голосовъ. Мало того, Валлонъ сложилъ съ себя депутатскія полномочія, не желая, какъ онъ выражался, „налагать руки на самое существенное изъ правъ французскаго народа, выбравшаго его, Валлона, своимъ представителемъ“. Валлонъ пошелъ еще далѣе: онъ объявилъ, что, по его мнѣнію, палата, принявъ законъ 31 мая, совершила безчестный поступокъ.

Много ошибокъ надѣлалъ Валлонъ, многое въ его политической и общественной дѣятельности достойно порицанія, но честная защита имъ всеобщей подачи голосовъ заслуживаетъ всякой похвалы; она обезоруживаетъ критику и біографъ невольно извиня-

еть своему герою многіе его промахи. Къ еще большей чести Валлона слѣдуетъ прибавить, что онъ только одинъ выходомъ въ отставку рѣшился протестовать противъ мѣры, повлекшей за собой самыя плачевныя послѣдствія для Франціи. Если-бы примѣру Валлона послѣдовала вся оппозиція, то законъ 31 мая не могъ-бы быть принятъ и Наполеонъ III не имѣлъ-бы благовиднаго предлога къ совершенію государственнаго переворота. А безъ этого предлога едва-ли-бы онъ осмѣлился на крайне-рискованное предпріятіе!

VII.

Сложивъ съ себя депутатскія полномочія, Валлонъ надолго отказался отъ политики. По нашему мнѣнію, ему не слѣдовало и соваться въ нее, потому что онъ какъ-бы созданъ исключительно для карьеры французскаго профессора. Тихая и спокойная жизнь университетскаго ученаго, полунезависимаго отъ правительства, была по душѣ Валлону и вполнѣ соответствовала его мягкой, пассивной натурѣ. Мало заботъ, возможность при довольно-значительномъ содержаніи устроить себѣ комфортабельно жизнь—это было все, чего могъ желать человекъ, подобный Валлону. Для полученія этихъ благъ не требовалось ни особенной энергіи, ни значительнаго расходованія труда. Работа, правда, однообразная, но за девятимѣсячнымъ легкимъ трудомъ слѣдовали трехмѣсячныя вакаціи, которыя профессоръ могъ употреблять какъ ему заблагоразсудится. Особенныхъ талантовъ отъ французскаго профессора тоже не требуется: хорошая память и умѣнье говорить достаточны для того, чтобы пріобрѣсти славу дѣльнаго профессора. Обязанностей за стѣнами университета тогдашній профессоръ не несъ почти никакихъ; ему приходилось иногда надѣвать парадный фракъ и являться въ Тюльери на выходы или для присутствованія на торжественныхъ засѣданіяхъ въ академіи. Жизнь профессора протекала мирно, невозмутимо, подобно ручью, тихо струящемуся въ долину. Утромъ на лекціи, вечеромъ кабинетная работа или какое-нибудь развлеченіе, и такъ каждый день; никакихъ особыхъ заботъ, никакихъ тревоженій. Профессоръ такъ привыкъ къ монотонности и однообразію своей жизни, такъ уединялся въ своей скорлупѣ, что совершенно отрѣшался отъ жизни прочаго общества и свысока смотрѣлъ на волненіе, безпрестанно колебавшее

житейское море. Валлонъ можетъ считаться характеристичнымъ представителемъ типа французскаго профессора.

Удалившись снова въ университетъ, Валлонъ еще съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ прежде, принялся за изученіе теологіи и вскорѣ имѣлъ право считаться однимъ изъ самыхъ ученѣйшихъ теологовъ, хотя и не имѣлъ офиціальнаго титула доктора теологіи. Последовательно, одно за другимъ, онъ издалъ слѣдующія четыре теологическія сочиненія: 1) *De la croyance due à l'Eglise*; 2) *Un abrégé d'histoire sainte*; 3) *Des Paraphrases de la Sainte Bible* и 4) *Des extraits des Saints Evangiles*. Всѣ эти сочиненія были на-столько учены и на-столько пронивнуты католическими тенденціями, что ихъ могъ-бы подписать любой сельскій патеръ. Филантропія привела Валлона къ католицизму, а католицизмъ — къ галликанству. Но отъ галликанства прямой шагъ къ ультрамонтанству. Сдѣлаетъ-ли его окончательно Валлонъ? Мудренаго ничего нѣтъ, такъ-какъ онъ очень близко подошелъ къ чертѣ, отдѣляющей либеральный католицизмъ отъ іезуитскаго.

Валлонъ сдѣлался галликаномъ изъ страстной привязанности къ Боссюету. Онъ изучилъ Боссюета въ совершенствѣ и безпрестанно комментируетъ его. Въ своей страстной привязанности къ своему герою, Валлонъ не хочетъ допустить въ немъ никакихъ слабостей, никакихъ ошибокъ. Онъ до сихъ поръ считаетъ образцовой громаднѣйшую рѣчь Боссюета „о величій римской имперіи“, хотя не можетъ-же онъ не знать, что эта рѣчь полна намѣренныхъ ошибокъ и анахронизмовъ. Въ своемъ экстазѣ Валлонъ доходитъ до защиты Боссюета отъ нападокъ на далеко не-монашескую жизнь, каковую велъ знаменитый архіепископъ, отличавшійся любовными похождениями почти столько-же, какъ и своимъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, хотя приводимые въ доказательство этой жизни факты неоспоримо вѣрны и, конечно, Валлону хорошо извѣстны. Увлечение Валлона Боссюетомъ такъ наивно, что его безъ всякой натяжки можно сравнить съ привязанностью, какую питаетъ юная монашенка бенедиктинскаго ордена къ своему духовному отцу. И та, и другая привязанность считаетъ предметъ своего обожанія стоящимъ выше человѣческихъ слабостей, одареннымъ всевозможными добродѣтелями и достоинствами; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ предметъ поклоненія признается сзорѣе полубогомъ, чѣмъ простымъ смертнымъ.

VIII.

Однакожь помощникъ Гизо долженъ былъ, наконецъ, вспомнить, что онъ въ университетскихъ спискахъ числится профессоромъ исторіи. Онъ написалъ и издалъ „Исторію Жанны Д'Аркъ“, которая по своимъ достоинствамъ не можетъ выдержать никакого сравненія съ однородными трудами Мишле и Кюне. Но официальные судьи французской литературы думали иначе. Академія присудила Валлону гобертовскую премію, выдаваемую за сочиненія, выходящія изъ ряду, составляющія эпоху въ наукѣ. Произведеніе Валлона понравилось и академикамъ, и конгрегациі; Валлонъ сумѣлъ угодить однимъ — своею ученостію, другимъ — набожностью, которою проникнута вся книга. Надо полагать, что немногіе изъ тѣхъ и другихъ дочитывали книгу до конца, но на первыхъ-же страницахъ они находили то, что имъ было нужно, а этого было вполне достаточно для признанія за сочиненіемъ тѣхъ качествъ, какія давали ему право на признательность той или другой стороны. Въ литературѣ, какъ и въ политикѣ, болѣе всего успѣваютъ тѣ, которые умѣютъ льстить преобладающимъ въ обществѣ инстинктамъ. Человѣкъ ловкій всегда сумѣетъ отгадать ихъ, но для отгадыванія ихъ не требуется ни особеннаго таланта, ни особеннаго ума. По теченію плыть гораздо легче, чѣмъ противъ теченія.

Между судьями на конкурсѣ нашелся, однакожь, человѣкъ, сдѣлавшій правильную оцѣнку труду Валлона. Несмотря на измѣнчивость политическихъ убѣжденій, лучшей французскій критикъ Сен-Бевъ въ дѣлѣ критическаго анализа искусства никогда не кривилъ душой. Съ безошадной логикой онъ разбивалъ всякое бездарное или посредственное произведеніе, хотя-бы оно принадлежало лицу, пользующемуся большимъ значеніемъ въ политическомъ мірѣ. Онъ протестовалъ противъ приговора академіи, недѣлающаго чести ея вкусу. Въ своей статьѣ, напечатанной въ 1862 году, онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее о произведеніи Валлона: „Исторія Жанны д'Аркъ, съ изумительной снисходительностію увѣнчанная академіей, принадлежитъ къ числу самыхъ слабыхъ произведеній этого рода и къ тому-же вся провинута самымъ неопозволительнымъ для ученаго суетврѣемъ“.

На конкурсѣ Валлонъ имѣлъ опаснаго соперника въ лицѣ дѣвицы Германсы Дюфо, написавшей также біографію Жанны д'Аркъ. Валлонъ для своего сочиненія пользовался почти исключительно старинными хрониками, а дѣвица Германса, въ качествѣ замѣчательнаго медиума, писала подѣ диктовку самой орлеанской дѣвственницы. Поэтому въ ея сочиненіи явилось множество анекдотическихкихъ подробностей, до сей поры неизвѣстныхъ. Но какъ ни цѣненъ былъ вѣладъ, принесенный спириткою въ ученую сокровищницу, суровые академики предпочли своего собрата и увѣнчали его.

Дѣвица Германса имѣла превосходство надъ своимъ соперникомъ Валлономъ въ стилѣ, въ логикѣ, въ методѣ изслѣдованія; наконецъ, она отличилась нѣсколькими историческими открытіями. Валлонъ-же превосходилъ ее простотой и наивностью, а эти два качества, въ особенности послѣднее, по мнѣнію почтенныхъ академиковъ, составляли главное достоинство, котораго только можно требовать отъ писателя, изслѣдующаго возвышенный предметъ.

Кстати о наивности Валлона. Онъ до сихъ поръ еще наивенъ, какъ въ былое время, когда онъ походилъ болѣе на дѣвочку, чѣмъ на юношу. Онъ до сихъ поръ опускаетъ глаза съ цѣломудренной скромностью, ищетъ словъ, путается въ фразахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда епископу орлеанскому, Дюпанлу, вздумалось доказать несправедливость приговора епископа бовескаго, постановленнаго при осужденіи Жанны д'Аркъ, для чего онъ рѣшился произвести самое точное разслѣдованіе, онъ объявилъ, что главнымъ свидѣтелемъ явится Валлонъ. Какъ вы думаете, что долженъ былъ засвидѣтельствовать почтенный профессоръ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ дѣвственность Жанны д'Аркъ... Даже нѣкоторыя клерикальныя газеты нашли, что хитроумный епископъ орлеанскій въ своей ревности хватилъ черезъ край. Оппозиціонныя газеты посоветовали монсеньеру Дюпанлу обратиться лучше къ дѣвицѣ Германсѣ, имѣвшей привилегію бесѣдовать съ духомъ Жанны, а нѣкоторые шутники прозвали Валлона акушеркой.

Гобертовскую премию за свое весьма посредственное сочинение Валлонъ получалъ благодаря настоянію двухъ своихъ покровителей: Гизо и герцога Брольи. Послѣднему, какъ „самому мудрому и мужественному защитнику правъ человѣка на свободу“. Валлонъ посвятилъ свою „Исторію рабства“. Въ это время академія была не ученымъ учрежденіемъ, а скорѣе салономъ, куда собирались старья дѣвы мужескаго пола потолковать о своихъ оппозиціонныхъ планахъ, лучше сказать — поиграть въ оппозицію. Съ своего академическаго кресла, точно съ какого-нибудь трона. Гизо раздавалъ приказанія. Глава академіи, папа протестантизма, диетаторъ нравственнаго порядка, Гизо правилъ своими единомышленниками тиранически и въ своемъ муравейникѣ былъ большимъ деспотомъ, чѣмъ Наполеонъ III на огромной политической аренѣ.

Желая осыпаться почестями своего помощника, который болѣе всего гордился честью считаться только ученикомъ своего великаго учителя, Гизо потребовалъ, чтобы Валлона избрали безсмыннымъ секретаремъ академіи надписей и литературы.

Гдѣ находилась эта академія? Не въ Аркадіи-ли? О. нѣтъ, въ Парижѣ, и считалась самымъ замѣчательнымъ изъ ученыхъ учреждений Франціи. Безсмынными секретарями въ ней перебивали: Франсуа Араго, Флурансъ, Эли де-Бомонъ, Вильменъ, т. е. люди, прославившіеся своими научными трудами, своими талантами, дѣлавшими честь академіи ихъ избравшей. Валлонъ, несмотря на нѣкоторыя дѣйствительныя заслуги, все-таки не могъ считаться свѣтиломъ науки и далеко не заслуживалъ права на такое высокое отличіе. Однакожь, онъ не отказался.

IX.

Получивъ такъ много отъ Гизо и академиковъ и желая совершенно попасть имъ въ тонъ, Валлонъ выпустилъ книгу, направленную противъ 1793 года, подъ заглавіемъ „La Terreur“. Мы не станемъ разбирать достоинствъ и недостатковъ этого сочиненія Валлона; замѣтимъ только, что даже тогдашняя критика отнеслась къ этой книгѣ очень строго и нашла, что въ ней несравненно болѣе недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. Она рѣшила, что сочи-

неніе почтеннаго профессора, секретаря академіи, почти ничѣмъ не отличается отъ бездарныхъ сочиненій въ томъ-же родѣ, написанныхъ Мортимеромъ Терно, Лескюромъ и Тюро Дангеномъ, и гораздо ниже произведеній Капфига, котораго тоже нельзя счесть за мудреца. Въ этомъ жалкомъ сочиненіи Валлона замѣчается полнѣйшее отсутствіе эрудиціи и критическаго анализа; авторъ валитъ въ кучу всякій фактъ, о которомъ ему пришлось случайно слышать, рассказываетъ безъ всякой провѣрки самыя неправдоподобныя сплетни. Однимъ словомъ, по выраженію одного критика, Валлонъ, подобно трусливому человѣку, ночью заблудившемуся въ лѣсу, повѣствуетъ о всѣхъ ужасахъ, пригрезившихся ему въ то время, когда онъ, дрожа отъ страха, прислушивался къ свисту вѣтра и принималъ его за крикъ и визгъ лѣсныхъ чудовищъ.

Издавъ этотъ историческій трудъ, Валлонъ снова обратился къ теологіи, задумавъ написать исторію христіанства. Припоминая, что Боссюетъ считалъ провозвѣстниками новой исторической жизни человѣчества двухъ героевъ: Карла великаго и св. Людовика, Валлонъ началъ съ Людовика IX, объяснивъ въ предисловіи, что „назидательная жизнь этого святого короля должна показать вольнодумцамъ всю силу христіанства.“ Біографія героя и христіаннѣйшаго короля, по словамъ самого автора, должна была служить подтвержденіемъ тѣмъ выводамъ, какіе естественно вытекаютъ изъ біографіи орлеанской дѣвственницы, героини и крестьянки.“ И святой король, и героиня, спасающа Францію, были мучениками; ихъ біографіи какъ-бы дополняютъ одна другую“.

Приведемъ отрывокъ изъ предисловія автора къ біографіи св. Людовика.

„Людовикъ IX былъ святымъ на тронѣ, говоритъ Валлонъ.— Какое вліяніе характеръ святости оказалъ на дѣятельность короля? Какое изъ правительственныхъ дѣйствій этого короля оказало рѣшительное вліяніе на судьбу Франціи? Втеченіи нѣсколькихъ столѣтій жизни Франціи ея управляли нѣсколько послѣдовательныхъ династій. Ея правители были люди съ различными характерами; оставляя въ сторонѣ дурныхъ королей, мы видимъ, что остальные отличались великодушіемъ, преданностью своему дѣлу; между ними были даже геніи. Но святой король на престолѣ былъ только одинъ. Поэтому интересно прослѣдить въ подробностяхъ

его жизнь и определить место, какое онъ занимать въ ряду своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Его жизнь представляетъ не только великій примеръ, достойный подражанія для всякаго христианина, но и предметъ размышленія для коллума. Изъ нея можно вывести вѣрное заключеніе, въ чемъ именно заключаются величіе, сила и слава націй*.

X.

Между тѣмъ появилось въ продажѣ сочиненіе Ренана. Его книга произвела страшный переполохъ въ клерикальномъ лагерѣ. Поспѣлилась масса возраженій; папа велѣлъ съечь въ своемъ присутствіи нѣсколько экземпляровъ книги Ренана. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ епископы разрѣшили собирать пожертвованія для того, чтобы на собранныя деньги покупать еретическое сочиненіе и жечь его. Даже нѣкоторые изъ либеральныхъ протестантовъ присоединились къ числу негодующихъ противъ Ренана. Несмотря на особенное благоволеніе (впрочемъ, выказываемое тайно) императора Наполеона III къ Ренану, самъ покорный сенатъ громко осудилъ надѣлавшее шумъ сочиненіе.

Университетъ, по недоразумѣнію считавшійся либеральнымъ, потому что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ немъ читали еще Мишле и Киза, онъ дѣйствительно былъ либераленъ,—университетъ, уstraшенный волненіемъ, вызваннымъ книгой Ренана, рѣшился остаться нейтральнымъ, держась въ сторонѣ отъ возникшей борьбы. Министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи (самый либеральный администраторъ второй имперіи послѣ императора) уволилъ въ отставку Ренана, когда послѣдній отказался самъ подать ее, точно сочиненіе Ренана имѣло какую-нибудь связь съ преподаваніемъ семитическихъ языковъ (кафедра Ренана); между тѣмъ Ренанъ, безспорно, первый знатокъ этихъ языковъ во Франціи. Увольненіе Ренана нисколько не обезоружило его враговъ. Напротивъ, они накинулись на него съ еще большимъ ожесточеніемъ. Нѣкоторыя газеты въ этомъ случаѣ вели себя, точно школьники, показывающіе языкъ противнику, совладать съ которымъ были не въ состояніи. „Union“, „Gasette de France“ и „Univers“ подняли такой оглушительный лай противъ уволеннаго

профессора, что людямъ нервнымъ приходилось затыкать уши. Но болѣе всѣхъ свистѣла и шипѣла знаменитая „Фигаро“, — газета, въ то время занимавшаяся почти исключительно составленіемъ репутацій женщинамъ легкаго поведенія, что, впрочемъ, она дѣлаетъ и теперь. Нѣсколько дней къ ряду въ этой газетѣ помѣщались статьи противъ Ренана, возбуждшія презрѣніе во всѣхъ мало-мальски уважающихъ себя людяхъ. Эти статьи были наполнены самыми возмутительными клеветами и площадными ругательствами, точно Вильмессанъ желалъ превзойти Вельо, который тоже большой мастеръ ругаться. Вильмессанъ имѣлъ право торжествовать побѣду: онъ превзошелъ всѣхъ; болѣе омерзительнаго отношенія къ человѣку, извѣстному въ ученомъ мірѣ дѣйствительно замѣчательными трудами, представить себѣ невозможно, далѣе идти было нельзя.

Успѣхъ противниковъ Ренана — Кокиля, Бубра, аббата Гратри, Гранье де-Бассаньяка, Эжена Шаю, Кретино Жоли, графини Реневиль и маркизы Сегуръ — возбудилъ соревнованіе въ Валлонѣ. Какъ профессоръ университета, какъ ученый, онъ не счелъ себя вправѣ выступать съ полемическими статьями; онъ захотѣлъ поразить Ренана эрудиціей, ученымъ трактатомъ. Долго онъ приготовлялся къ борьбѣ, долго рылся въ произведеніяхъ Боссюета, желая свалить филистимлянина такъ, чтобы онъ не могъ подняться. И вотъ трактатъ его явился, но, увы! оказалось, что это ученое сочиненіе очень маленькое, очень слабенькое; что при помощи одного Боссюета немислимо бороться съ такимъ знаткомъ семитическаго Востока, какимъ былъ Ренанъ. Вылазка Валлона, такимъ образомъ, потерпѣла совершенное пораженіе. Ренанъ не обратилъ на нее никакого вниманія; онъ не удостоилъ ея даже самымъ краткимъ отвѣтомъ. Такая неудача сильно опечалила Валлона, собиравшаго матеріалы для второй вылазки, которая, разумѣется, не состоялась.

Да не подумаетъ читатель, что мы принадлежимъ въ числу поклонниковъ Ренана; какъ мало мы симпатизируемъ его политическимъ убѣжденіямъ, такъ-же мало придаемъ значенія и этому его труду, вызвавшему между тѣмъ яростныя нападки; въ самомъ своемъ основаніи это сочиненіе крайне парадоксально; но мы не можемъ не признать, что въ литературномъ отношеніи оно безукоризненно; есть страницы, удивительныя по своему слогу, по изя-

ности и смелости. Что же касается научной стороны, т. е. объективных данных и объективных обитателей Палеонтологической эрудиции, то она и теперь не возмужала. Конклюдентская сторона также не становится жальше ничего. Ревазъ, какъ литераторъ, ученый и интеллектъ—мастеръ своего дѣла. Между тѣмъ его противники отъдавали въ руку въ тѣхъ несоразмерныхъ достоинствахъ и на его ученые тезисы отъдавали или призывали бродягу, или ворвавшимся сарказмами, измѣненными изъ критикой. И Валлонъ, при всей его добросовѣстности, умаялся обмануть выносливостью всѣхъ противниковъ Реваза и вытиснуть противъ его сильнѣе багровый съ холостыми оружіемъ. Онъ, вѣроятно, полагалъ, что ему будетъ такъ-же легко справиться съ Ревазомъ, какъ онъ справился съ дѣланной Германомъ Дюфо, и даже жалко показался его трудъ въ сравненіи съ блестящими, хотя и не раздольными произведеніемъ Реваза! Палеонтологическіе Валлонъ вѣдалъ, рѣчь нерыночельца; изъ каждаго его слова заучено, что онъ чувствуетъ презрѣніе надъ собой своего противника, но изъ ложной гордости не рѣшается въ этомъ признаться. Почти совершенно незнакомый съ исторіей и жизнью Востока, Валлонъ упрекаетъ Реваза, первѣшаго знатока, въ недостаточномъ знакомствѣ и съ той, и съ другой. Положеніе Валлона было по-истинѣ комическое и онъ заслуживаетъ скорѣе сожалѣнія, чѣмъ рѣзкаго упрека. На этотъ разъ къ нему удобно пригнѣнуть выраженіе, что онъ самъ не знаетъ, что творитъ. Желая сдѣлать угодное своимъ друзьямъ и покровителямъ, онъ поставилъ себя въ самое неловкое положеніе, изъ котораго выйти съ честью оказалось невозможнымъ.

Искренній католикъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ можетъ согласовать свои католическія убѣжденія съ научными принципами. Католицизмъ—противникъ всякаго прогресса; онъ враждебно относится ко всякому научному откритію. Валлонъ, какъ искренній католикъ, въ качествѣ ученаго нерѣдко долженъ былъ видѣть противорѣчіе научныхъ фактовъ съ его основными католическими убѣжденіями. Долго онъ колебался, наконецъ католицизмъ одержалъ въ немъ верхъ, и онъ, обладавшій всѣми данными, чтобы дѣлаться хорошимъ историческимъ писателемъ, кончилъ тѣмъ, что

поступилъ въ разрядъ заурядныхъ историковъ и самыхъ посредственныхныхъ писателей. По мѣрѣ того, какъ укрѣплялись въ немъ католическія тенденціи, онъ все болѣе и болѣе терялъ способность правильной оцѣнки историческихъ фактовъ. Послѣ обнародованія его полемическаго трактата, направленнаго противъ Ренана, многіе изъ числа людей, уважавшихъ въ немъ автора „Исторіи рабства“, спрашивали себя, тотъ-ли это Валлонъ? И какимъ образомъ случилось, что онъ потерялъ способность реального отношенія къ дѣлу, что онъ разучился понимать смыслъ историческихъ событій?

Изученіе произведеній Боссюета подѣйствовало очень неблагоприятно на Валлона, заставивъ его почти враждебно относиться къ критикѣ событій, безъ которой исторія, несомнѣнно, обращается въ романъ или въ риторическую болтовню. Боссюетъ терпѣть не могъ критики и называлъ ее „опаснымъ нововведеніемъ вольнодумцевъ“. Дѣло въ томъ, что критика всегда основывается на фактахъ, а фанатики и даже просто идеалисты чувствуютъ какое-то отвращеніе къ фактамъ. Между католиками находятся такіе закоренѣлые фанатики, которые на факты исторіи челоуѣчества смотрятъ, какъ на дѣянія, порожденныя внушеніемъ дьявола („gesta diaboli“, пишетъ одинъ изъ нихъ), какъ на собраніе самыхъ возмутительныхъ событій, какъ на сплошную грѣхъ. Боссюетъ порицалъ философа Малевранша именно за то, что тотъ занимался исторіей. Ройе-Коляръ, покровитель Гизо, въ одной изъ своихъ рѣчей провозгласилъ, что исторія ни къ чему непригодна. Вообще, даже умѣренные католики держатся мнѣнія, что папскій силлабусъ заключаетъ въ себѣ всякую мудрость, всякую истину, что для объясненія того или другого факта или событія незачѣмъ обращаться къ исторіи, которая можетъ сбить съ толку, затемнить слабый, колеблющійся умъ челоуѣческой; впрочемъ, они готовы допустить занятія исторіей, но какъ забаву, пригодную для недостаточно развитаго ума, неспособнаго понимать глубокомысленные трактаты католическихъ богослововъ. Конечно, вѣрный католикъ можетъ пользоваться исторіей на пользу теологій; онъ долженъ выискивать факты, подтверждающіе теологическіе выводы, но не больше. Валлонъ, разумѣется, не смотрѣлъ такъ узко на значеніе исторіи, но, во всякомъ случаѣ, подчинялся въ извѣстной степени католическому взгляду. Нахо-

даясь подъ вліяніемъ произведеній Боссюета, Валлонъ черезъ два вѣка вздумалъ развивать историческіе взгляды знаменитаго проповѣдника. Не говоря уже о томъ, что взгляды эти, и въ свое время парадоксальныя, сдѣлались совершенно непригодными въ XIX вѣкѣ, Валлонъ былъ лишонъ той вѣры, которая служила побудительной причиною дѣятельности Боссюета. Знаменитый проповѣдникъ вѣрилъ въ справедливость своихъ выводовъ; Валлонъ, загроможденный массой фактовъ, противорѣчащихъ этимъ выводамъ, не могъ имѣть такой вѣры. Приверженецъ философій Кузена и Жюфруа, Валлонъ пытался быть независимымъ, но католическія доктрины, въ свою очередь, вліяли на него до того сильно, что онъ уставалъ отъ борьбы и сдавался побѣжденнымъ; оттого во всѣхъ его произведеніяхъ замѣчается сильное противорѣчіе между сущностью и формой. Въ его историческихъ сочиненіяхъ рядомъ съ прекрасными страницами, достойными серьезнаго и талантливаго историка, идетъ такая схоластика, что пропадаетъ всякая охота читать далѣе. Выбросьте всѣ эти туманности, составляющія, впрочемъ, добрую половину въ произведеніяхъ Валлона, и явится довольно талантливый историкъ, читать котораго можно не безъ удовольствія. Наоборотъ, соберите вмѣстѣ туманности, и вы можете подписать подъ ними имя котораго угодно изъ сотрудниковъ „Monde“ и „Univers“. Что особенно портитъ историческіе труды Валлона, это—болтливость, и именно въ тѣхъ частяхъ ихъ, гдѣ онъ напускаетъ тумана. Послѣ этого имѣть-ли право Валлонъ называться историкомъ въ настоящемъ значеніи этого слова? Едва-ли. Онъ, конечно, обладаетъ знаніемъ множества фактовъ, онъ вѣрно знаетъ имя того каменщика, которому король Филиппъ-Августъ поручилъ устроить первую мостовую въ Парижѣ; мы не сомнѣваемся и въ томъ, что ему извѣстно, какъ звали спряматника, выдѣлавшаго пергаментъ, на которомъ была написана „прагматическая санкція“, послужившая краеугольнымъ камнемъ для галликанской церкви. Валлонъ знакомъ съ хронологіей и, пожалуй, не сдѣлаетъ ни одной ошибки въ именахъ и числахъ. Но этого еще недостаточно для настоящаго историка. Историческія компіляціи Валлона могутъ имѣть цѣну, какъ полезный, усидчивый трудъ, но это не наука. Въ его произведеніяхъ недостаетъ критическаго анализа событій и фактовъ и болѣе всего бросается въ глаза узкая тенденціозность въ клери-

важномъ направленіи и, во имя этой тенденціозности, намѣренное умолчаніе о нѣкоторыхъ событіяхъ или искаженіе другихъ событій, можетъ быть, не намѣренное, но совершенное подъ вліяніемъ той же тенденціозности.

XI.

Торговый домъ Мама и Ко въ Турѣ спеціально торгуетъ учебными книгами и доставляетъ книги для раздачи въ награду ученикамъ и ученицамъ школъ общественныхъ и частныхъ, свѣтскихъ и конгрегаціонныхъ, даже коллегій и лицеевъ. Торговый домъ держитъ у себя на жалованьи разныхъ мелкихъ литераторовъ, которые не могутъ пристроиться при какомъ-нибудь періодическомъ изданіи и не настолькоъ талантливы или обеспечены, чтобы ихъ произведенія могли являться въ печати и помимо журналовъ и газетъ. Они обязаны писать на всякую тему, какую предложить имъ Мама и Ко. Чаще всего имъ заказываютъ романы съ католическимъ направленіемъ или дѣтскія повѣстухи, наполненныя моральными сентенціями. Эти-то книжонки идутъ въ конгрегаціонныя школы и въ такія свѣтскія школы, которыя находятся подъ вліяніемъ мѣстнаго духовенства. Въ предпріятіи Мама заинтересованъ архіепископъ турскій; немудрено, что все католическое духовенство Франціи старается распространять въ школахъ всѣ книги, изданныя фирмой Мама и Ко. Книжки эти издаются съ картинками и продаются въ переплетахъ съ золоченымъ бордюромъ; книжечки печатаются обыкновенно въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и расходятся очень успѣшно.

Валлонъ нѣкоторыми изъ своихъ сочиненій соперничаетъ съ Мама. Клерикалы старательно распространяютъ слѣдующія его книги, рекомендуя ихъ для подарковъ въ школахъ: 1) *La Vie de Jeanne D'Arc*; 2) *La vie de Saint Louis*; 3) *Richard II*; 4) *La Terreur* и 5) *La Geographie politique des Temps Modernes*. Такимъ образомъ, Мама и Валлонъ являются между собою конкурентами, хотя и неравными по своему значенію. Произведенія Валлона представляютъ собою болѣе пространное и болѣе серьезное изложеніе произведеній Мама, а изданія Мама составляютъ сокращеніе трудовъ Валлона. Объ ихъ пропорціональ-

вошь значенія можно судить по тому мѣсту. Какое дается ихъ произведеніямъ, назначенію въ награду лучшимъ ученикамъ и ученикамъ и раздаваемому съ торжествомъ въ присутствіи властей изъ мѣстной администраціи. Служить прилежнымъ воспитанникамъ высшихъ классовъ обыкновенно назначаются въ награду избранныя произведенія французской литературы. Тогда посредственныхъ учениковъ дается то, что она заслуживаетъ: Мама, вообще бездарность, обремененную въ золотые переплеты. Что касается Валлона, его произведенія занимаютъ еще нѣчто почетное мѣсто въ ряду книгъ, даваемыхъ въ награду; ихъ почитать въ среднѣхъ между превосходными произведеніями французской литературы и конгломератомъ тришестидесяти литературъ. Дѣвочки въ пансіонахъ и мальзуганы въ буржуазныхъ школахъ, награждаемые сказками евангелиста Шлидтъ, розовенькими, желтыми и синими бездѣлушками, сочиненными графиней Сегюръ и т. п., при полученіи награды удостоиваются официального поцѣлуя отъ простаго муниципальнаго совѣтника; ученицы и ученики, получившіе въ награду произведенія Мама, принимаютъ поцѣлуй отъ помощника мэра или табачнаго смотрителя или-же отъ сборщика податей; награжденные сочиненіями Валлона подставляютъ свои губы для поцѣлуя мэра или даже совѣтника префектуры. Честъ, правда, не малая, но почтенный Валлонъ непременно вздыхаетъ горько при размышленіи, что удостоенные награды французскими классиками получаютъ поцѣлуй отъ самого префекта и даже отъ дивизионнаго генерала.

ХП.

Потихонечку, полегонечку, постепенно теряя въ своемъ значеніи какъ ученый, Валлонъ выигрывалъ въ жизненной карьерѣ и все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ клерикалами. Настала, наконецъ, бѣдственный для Франціи 1870 годъ; затѣмъ наступила революція 4 сентября. Клерикалы ступеивались, притаялись и Валлонъ. Но недолго они прятались. Поразсмотрѣвъ поближе правительство 4 сентября и увѣрившись, что Трошю, пріятель клериковъ, засѣдаетъ въ составѣ правительства не для одного только счета, что остальные члены правительства народной обороны вовсе не были такъ страшны, какими ихъ представляли

противники, — клерикалы вострепнулись и во все время осады Парижа нѣмцами составляли планы, какъ-бы обезпечить себѣ будущее торжество. Искусившіеся въ интригахъ и хорошо понимавшіе сердце человѣческое, они не сомнѣвались, что сдача Парижа, а слѣдовательно пораженіе Франціи, принесетъ имъ пользу; что реакція, которая непременно должна будетъ обнаружиться, снова выдвинетъ ихъ на политическую арену и обезпечитъ за ними власть. Они не сомнѣвались, что провинціальная буржуазія и сельское населеніе ждуть мира, и на этой жаждѣ болѣе всего основали свои надежды. Какъ только Парижъ сдался нѣмцамъ, всѣ главные дѣятели клерикальной партіи выставили въ провинціяхъ свои кандидатуры въ національное собраніе. Всѣ они явились поборниками мира во что-бы то ни стало. Поѣхавъ въ провинцію и Валлонъ. Онъ заявилъ кандидатуру въ сѣверномъ департаментѣ; онъ обѣщавъ своимъ избирателямъ настоятельно требовать заключенія мира, и былъ избранъ значительнымъ большинствомъ.

Такимъ образомъ, послѣ двадцатилѣтняго удаленія отъ политики Валлонъ снова захотѣлъ попробовать свои силы на политическомъ поприщѣ. Нельзя сказать, что возвращеніе его сопровождалось блистательнымъ успѣхомъ. Онъ тотчасъ-же затерялся въ большинствѣ, его никто не замѣчалъ, да и самъ онъ едва ли смѣлъ мечтать о своемъ будущемъ торжествѣ. Заурядный ученый, онъ еще болѣе заурядный ораторъ, стоящій даже ниже средняго уровня посредственности. Въ его сочиненіяхъ, по крайней мѣрѣ, встрѣчаются хорошія страницы; слогъ ихъ довольно изящный, чисто-академическій; онъ ихъ отдѣлывалъ тщательно, хотя это и стоило ему значительнаго труда. Но говоритъ онъ вяло, отрывисто, короткими фразами; онъ видимо желаетъ отдѣлывать свои рѣчи, но такъ-какъ для этого ему необходимо время, значительная подготовка, что невозможно въ парламентѣ, гдѣ говорить иногда приходится экспромтомъ, то рѣчи Валлона отличаются чопорностью, сбивчивостью и темнотою.

Мы не станемъ перечислять, за какія мѣры вотировалъ Валлонъ,—это не стоитъ труда, да и къ тому-же тогда это будетъ

не біографія Валлона, а історія версальскаго національнаго собранія. Замѣтимъ только, что онъ не мало грѣха взялъ на свою душу, подавъ свой голосъ за тѣ мѣры, принятіе которыхъ держитъ до сихъ поръ Францію въ неопредѣленномъ положеніи. Но главная вина его состоитъ въ томъ, что онъ, жившій безвыѣздно 30 лѣтъ въ Парижѣ, не замолвилъ ни слова въ защиту Парижа, когда началась борьба его съ версальскимъ правительствомъ. Вначалѣ борьбы примиреніе еще было возможно; если-бы люди, подобныя Валлону, поддержали предложеніе парижскихъ мэровъ, очень вѣроятно, что была-бы устранена междоусобная война. Но Валлонъ молчалъ; не произнесъ онъ ни слова и въ то время, когда началась расправа съ побѣжденнымъ Парижемъ. Опять-таки воззваніе къ милосердію такихъ людей, какъ Валлонъ, могло-бы смягчить суровость возмездія. Но филантропъ Валлонъ, вызвавшій къ гуманности, когда шло дѣло о черныхъ и желтыхъ, проливавшій слезы надъ несчастной участью рабовъ въ древности, показывалъ видъ, что онъ оглохъ, когда къ нему обращались съ просьбой замолвить слово за побѣжденныхъ. Въ это печальное время, какъ и вообще во всѣ первые четыре года засѣданія своего въ палатѣ, Валлонъ отрывалъ ротъ только за тѣмъ, чтобы требовать у палаты уменьшенія содержанія астроному, который въ маленькой обсерваторіи въ люксембургскомъ дворцѣ производилъ метеорологическія наблюденія. Каждый разъ, какъ обсуждался бюджетъ, Валлонъ вставалъ и требовалъ сокращенія двухъ съ половиною миллиарднаго бюджета уменьшеніемъ содержанія астроному Кулонъ-Гравье. Если онъ такъ жаждалъ сократить государственный бюджетъ, то не проще-ли было ему самому отказаться отъ части получаемаго имъ отъ государства содержанія? Какъ депутатъ, онъ получалъ 9,000 франковъ и, кромѣ того, ему были сохранены содержанія профессора и по другимъ занимаемымъ имъ должностямъ. Почему-же онъ такъ привязался къ бѣдному астроному, почему его такъ беспокоили звѣзды, кометы и планеты—это осталось для всѣхъ тайной.

Путая дѣло все болѣе и болѣе, версальское собраніе, наконецъ, пришло къ необходимости воигривать какую-нибудь консти-

туцію. Наступило 25 февраля 1875 года. Валлонъ, вчера еще едва приметная для глазъ точка, въ этотъ день сталъ знаменитостью, великимъ человекомъ, первымъ гражданиномъ Франціи; въ этотъ день онъ учредилъ республику во Франціи, по новому образцу, почему ее и прозвали „валлонатъ“. Добрякъ-професоръ, который безъ очковъ не видитъ дальше своего носа, внезапно обратился въ представителя и объяснителя желаній 36-милліоннаго народа...

Чудныя дѣла творятся на свѣтѣ! Въ первое время никто не могъ понять, какъ это случилось, что членъ большинства, свергнувшаго Тьера за то, что онъ вознамерился утвердить республиканскую форму правленія во Франціи, — явился учредителемъ республики, очень мало чѣмъ отличавшейся отъ тьеровской. Дѣло, впрочемъ, разъяснилось очень просто. Коалиція монархическихъ партій была не въ состояніи реставрировать монархію, между тѣмъ бонапартисты настолько усилились, что можно было опасаться захвата ими власти. Къ тому-же съ Гамбетой было гораздо легче войти въ соглашеніе, чѣмъ съ Руэромъ. Составилась коалиція республиканцевъ съ орлеанистами и республиканская форма правленія была вотирована, благодаря поправкѣ, предложенной Валлономъ. Онъ предложилъ отождествить республику съ диктатурой маршала Мак-Магона, который не питаетъ никакого расположенія къ этой формѣ правленія. Поправка поправилась республиканцамъ; ихъ союзники тоже не находили въ ней ничего неприятнаго для себя. Предложеніе Валлона принято большинствомъ одного голоса, т. е. его самого. Муза исторіи Кліо открыла Франціи новую страницу.

Конституція Валлона (благодаря его поправкѣ она получила это имя) страдаетъ многими противорѣчіями. Въ силу ея Мак-Магонъ, президентъ республики, пользуется королевскими правами, равными тѣмъ, какими пользовались Людовикъ XIV и Наполеонъ I, бѣльшими, чѣмъ пользуются обыкновенно короли въ конституціонныхъ государствахъ. Президентъ имѣетъ право созывать и распускать палату, онъ можетъ продлить и отсрочить ея засѣданія. Хотѣли даже дать ему право объявленія войны по его произволу, однакожъ, во-время спохватились, кто-то напомнилъ объ императрицѣ Евгеніи, вызвавшей войну 1870 года, и предложеніе не прошло. Творцы конституціи вздумали примирить

непримиримое, согласовать несогласуемое. Подчиняя палаты исполнительной власти, они мечтали, что вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняютъ исполнительную власть палатамъ. Но какъ-же согласовать такую очевидную невозможность? спросите вы. Очень просто, отвѣчаютъ творцы конституціи: законодательная власть все-таки у насъ поставлена выше исполнительной, * потому что въ случаѣ измѣны исполнительной власти она можетъ ее свергнуть... Но, подождите, прерываете вы: исполнительная власть разгонитъ законодательную раньше, чѣмъ та вздумаетъ составить обвинительный актъ... Это возраженіе ваше не удостоивается отвѣта; творцы конституціижимаютъ плечами и удаляются.

Люди наивные, въ родѣ Валлона, готовы вѣрить, что президентъ республики, облеченный правомъ во всякое время отдѣлываться отъ надобѣдающей ему палаты, будетъ на-столько деликатенъ, что, въ случаѣ обвиненія его палатой, явится передъ законодателями и скажетъ имъ: господа! вы мной недовольны, я готовъ подчиниться вашему суду; судите меня! Чудаки, право, не менѣе наивные, какъ и законодатели 1851 года, которые воображали, что стоитъ имъ прикрикнуть на принца Наполеона— и онъ смирится, самъ пойдетъ въ тюрьму и будетъ тамъ ожидать суда надъ собою. Вмѣсто того, чтобы гарантировать страну отъ возможности государственнаго переворота, они дѣлали все возможное, чтобы онъ удался. Дѣйствительный Одилонъ Барро 20 февраля 1848 года закричалъ Гизо: „Ваши оправданія наглы и доказываютъ ваши неблаговидныя намѣренія. Я предложу палатѣ судить васъ за измѣну! Да, я требую, чтобы она составила противъ васъ обвинительный актъ!..“ Но глаза его и жесты говорили: я дѣйствительно совершу все это только въ такомъ случаѣ, если вы позволите... Но Гизо, конечно, не позволилъ.

Замѣчательно, что творцы новой французской республиканской конституціи много толковали о томъ, чтобы на будущее время сдѣлать невозможными государственные перевороты, отъ которыхъ такъ сильно страдала страна. И они нашли только одно средство: въ нѣкоторомъ родѣ узаконить насильственный переворотъ. Пока будетъ дѣйствовать настоящая конституція, насильственные перевороты будутъ совершаться легальнымъ путемъ. Президентъ, въ силу конституціи, имѣетъ право распустить всякую палату, которая не захочетъ дѣйствовать согласно его волѣ. А развѣ это не

тотъ-же государственный переворотъ, только легальный, произведенный подъ прикрытіемъ законности?

Многіе республиканцы пробовали возражать; они находили, что новая конституція совершенно расходится съ республиканскими традиціями, съ чѣмъ согласился самъ Лабулэ, много способствовавшій тому, что версальскому національному собранію не предстояло другого выбора, кромѣ конституціи Валлона. Однакожь, несмотря на то, что несостоятельность новой конституціи была для всѣхъ очевидна, даже крайняя лѣвая присоединилась къ лѣвому центру, переманившему на свою сторону часть праваго, и вмѣстѣ съ нимъ подала свой голосъ за эту конституцію. Несомнѣнно, что большинство, принявшее новую конституцію, за исключеніемъ, можетъ быть, десяти, двадцати человѣкъ, приняло ее очень неохотно и уже на другой день шли толки о томъ, что едва-ли она приведетъ къ чему-нибудь хорошему; она скорѣе вызоветъ новыя затрудненія, устранить которыя будетъ еще тяжело, чѣмъ существовавшія. Но натянутость и неопредѣленность положенія до такой степени всѣмъ опротивѣли, что пришлось примириться даже и съ такой конституціей, которая была все-таки чѣмъ-нибудь.

Валлонъ торжествовалъ. Скромный профессоръ новой исторіи и географіи въ Сорбоннѣ внезапно превратился въ политическаго реформатора, въ героя дня. Если-бы старый Гизо могъ отдернуть завѣсу будущаго, если-бы онъ могъ предвидѣть, что молодой человѣкъ, которому онъ покровительствовалъ, въ одинъ прекрасный день сдѣлается отцомъ республиканской Горгоны; что его протеже пойдетъ рука объ руку съ Гамбетой и даже съ Луи Бланомъ; что его помощникъ будетъ наслѣдникомъ дѣятелей первой революціи, — съ какимъ-бы негодованіемъ онъ отвернулся отъ него! Да, невозможное стало возможнымъ, неправдоподобное совершилось. Кто-бы могъ думать, что спокойный, толстенькій, невозмутимый профессоръ и добродушный буржуа Ганри-Александръ Валлонъ сдѣлается основателемъ республики, законодателемъ, подобно Солону и Ливургу? Рядомъ съ эрой Набоссара, съ гиждрой Магомета, мы должны поставить циклъ Валлона. Новому порядку вещей дано и новое имя: „валлонатъ“. Съ 25 февраля 1875 года Франціи суждено идти по новой дорогѣ...

Какъ любопытна исторія! Современная намъ исторія, можетъ

быть, самая любопытная изъ всёхъ эпохъ, какія переживало человечество! Кто понимаетъ ее немного (говоримъ „немного“ потому, что даже между руководителями едва-ли кто можетъ похвалиться, что понимаетъ ее вполне), тотъ непремѣнно теряетъ охоту къ чтенію романовъ, ибо онъ чувствуетъ, онъ видитъ, что самое богато-одаренное воображеніе не въ силахъ измыслить того, что представляетъ сама дѣйствительность по части неожиданностей, запутанностей интриги и непредвидѣнныхъ развязокъ. Фантазія произвольна и потому часто ошибается, но дѣйствительность всегда беретъ свое основаніе въ природѣ вещей. Какъ-бы нелѣпы и неправдоподобны ни казались факты, но они всегда дѣйствительно существуютъ.

Республика, созданная Валлономъ, стала существующимъ фактомъ. Авторъ (какъ назвала Валлона „Gazette de France“), давшій ей свое имя, призванъ управлять ею вмѣстѣ съ маршаломъ Мак-Магономъ. Знаменитый Бюффе, неожиданная помощь котораго утвердила побѣду за республиканцами, получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Валлонъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія; онъ рѣшился сдѣлать опытъ, можетъ-ли онъ держать власть въ своихъ рукахъ, — опытъ весьма щекотливый, потому что „высокій постъ дѣлаетъ великаго человека болѣе великимъ, а маленькаго совсѣмъ принижаетъ“, говоритъ Лабрюеръ.

XIII.

Иезуиты и клерикалы на первыхъ порахъ были очень недовольны Валлономъ; не говоря уже о томъ, что ихъ непріятно поразила его поправка, способствовавшая принятію конституціи, что противорѣчило ихъ планамъ, имъ не нравилось, что Валлонъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Клерикалы опасались его, какъ приверженца галликанской церкви, какъ поклонника Боссюета, который, въ мнѣніи клерикаловъ, слылъ почти за еретика.

„Но постойте, прерываетъ насъ читатель, — развѣ Валлонъ не клерикалъ?“

Онъ клерикалъ, но вѣдь клерикалы бываютъ разные. Въ этой партіи существуетъ раздвоеніе. Обѣ фракціи взаимно ненавидятъ

и не доверяют одна другой. Клерикалы-ультрамонтане смотрят съ недоверіемъ на клерикаловъ - галликанъ и считают ихъ либералами. Клерикалы-галликане, въ свою очередь, считают ультрамонтанъ изступленными фанатиками. Обѣ эти большія фракціи подраздѣляются на меньшія, тоже препирающіяся и враждующія другъ съ другомъ; мы, впрочемъ, не находимъ нужнымъ поиманно перечислять ихъ. Замѣтимъ только, что газета „Monde“ готова уничтожить газету „Français“, хотя, повидимому, обѣ онѣ держатся одного толка. Фаллу ненавидѣлъ Монталамберъ; Монталамберъ ненавидѣлъ Фаллу. Полемика между Вельо и Дюпанлу всѣмъ извѣстна и приобрѣла знаменитость, особенно благодаря тѣмъ средствамъ, къ какимъ прибѣгали полемизаторы; споръ между ними принималъ размѣры самаго крупнаго скандала, такъ что папа, наконецъ, долженъ былъ вмѣшаться и своей властью прекратить полемику.

Этотъ монсеньеръ Дюпанлу, какъ предводитель клерикаловъ въ версальскомъ національномъ собраніи, взялъ на себя проведение клерикальнаго проекта, постепенно подготавлиаемаго втеченіи жизни трехъ поколѣній.

Утвердивъ за государствомъ монополію высшаго образованія, революція 1793 года нанесла клерикализму такой ударъ, отъ котораго ему трудно было оправиться. Но восторжествовавшая буржуазія, вмѣсто того, чтобы воспользоваться вполне своею побѣдою, сама помогла клерикализму подняться и залечить свои раны. Буржуазія сдѣлала это вовсе не изъ великодушія, а изъ чистаго расчета. Не желая ни съ кѣмъ дѣлиться плодами побѣды, она задумала управлять при пособіи католическаго духовенства, рассчитывая подчинить его совершенно своей власти. Конкордатъ Наполеона I былъ первой побѣдой французскаго католическаго духовенства, такъ-какъ имъ торжественно доказывалось, что ово существуетъ и снова пользуется извѣстными, довольно значительными сословными правами. Съ этого времени всѣ стремленія духовенства были направлены къ тому, чтобы возвратить себѣ потерянное во время революціи положеніе. Чѣмъ болѣе буржуазія расходилась съ демократіей, тѣмъ тѣснѣе она сближалась съ католическимъ духовенствомъ. Луи-Филиппъ, Гизо, герцогъ Брольи и Тьеръ всегда прибѣгали къ союзу съ клерикалами, когда предстояла имъ необходимость побороть демократи-

„Дѣло“, № 11.

ческую оппозицію. Этотъ союзъ правительства ильсской монархіи съ клерикалами привелъ къ развитію неудовольствія въ народѣ, къ усиленію оппозиціи и, наконецъ, къ февральской революціи. Когда остылъ пылъ побѣды, буржуазія снова обратилась къ союзу съ клерикалами и снова водворилась реакція. Въ этомъ заколдованномъ кругу—изъ реакціи къ революціи, изъ революціи снова къ реакціи — Франція вертится болѣе трехъ четвертей столѣтія, вѣчно повторяя сказку о бѣломъ бычкѣ.

Монсеньеръ Дюпанлу очень опечалился назначеніемъ Валлона министромъ народнаго просвѣщенія. Орлеанскій епископъ сильно рассчитывалъ на содѣйствіе бывшаго министра Кюмона, вѣрнаго слуги клерикаловъ. Валлонъ, съ его ученой репутаціей, съ честностію и преданностію своимъ убѣжденіямъ, въ глазахъ достопочтенныхъ отцовъ іезуитовъ былъ личностію подозрительной. Однакожь, поразмысливъ хорошенько, они пришли къ убѣжденію, что наивность Валлона представляетъ такія-же гарантіи успѣшности ихъ плановъ, какъ и податливость Кюмона. Ихъ успокоилъ въ этомъ отношеніи духовникъ Валлона, патеръ іезуитскаго ордена. На сомнѣнія своихъ товарищей онъ отвѣчалъ слѣдующими словами:

— У береговъ Средиземнаго моря водится моллюскъ въ формѣ шара, утыканный кругомъ иглами; онъ называется морской ежъ. Дѣти боятся къ нему притронуться, но рыбаки изловчились ловить его, быстро запуская ногу подъ его скорлупу. Валлонъ можетъ быть сравненъ съ этимъ ежомъ. Его нападки на ультрамонтанство возбуждаютъ удивленіе въ простякахъ и наивныхъ. Но вмѣсто крови въ его венахъ течетъ молоко; онъ наивенъ и незлобивъ; если вы, подобно рыбакамъ, сумѣете запустить ногу подъ его скорлупу, онъ вашъ. Слѣдовательно, нечего его бояться!

Достопочтенные отцы имѣли случай вскорѣ убѣдиться, что ихъ товарищъ правъ. Къ тому-же обстоятельства сложились совершенно въ ихъ пользу. Бѣдлая половина Франціи находилась въ осажденномъ положеніи; газеты, книги и брошюры безпрестанно задерживались; безпрепятственный ходъ давался только клерикальнымъ изданіямъ. Одинъ изъ подпрефектовъ въ своемъ рвеніи дошелъ

до того, что арестовалъ ученаго дрозда, насвистывавшаго марсельезу. Бюффе запретилъ астроному Фламаріону прочесть рѣчь о небесной сферѣ, а химику Накэ лекцію о спектральномъ анализѣ; запретилъ продавать въ разность книгу англійскаго экс-премьера Гладстона о послѣднихъ папскихъ посланіяхъ. Многіе префекты и подпрефекты считали врагами общественнаго порядка всѣхъ, кто не принадлежалъ къ клерикальной или бонапартистской партіямъ. Время для осуществленія замысловъ клерикаловъ было самое подходящее. Дюпанлу рѣшился сдѣлать попытку. Онъ заговорилъ противъ монополіи, которой пользуется правительство относительно высшаго образованія, и требовалъ разрѣшенія открыть католическіе университеты, имѣющіе право выдавать своимъ воспитанникамъ дипломы, равнозначущіе правительственнымъ дипломамъ. Этимъ способомъ католическое духовенство рассчитывало захватить въ свои руки множество мѣстъ въ администраціи. Профессоровъ въ католическіе университеты предполагалось выбрать только изъ людей, считающихъ силлабусъ высшимъ проявленіемъ человѣческаго ума и человѣческаго прогресса. Только такіе профессора способны убѣдить своихъ учениковъ, что для міра одно спасеніе въ католицизмъ, а еретиковъ слѣдуетъ жечь и убивать. Католическое духовенство, осуществивъ свой планъ захвата высшаго образованія въ свои руки, имѣетъ полное право рассчитывать, что поколѣніе юношей и дѣвѣнцъ, вышедшее изъ католическихъ университетовъ и школъ, будетъ преданнѣйшимъ слугою клерикаловъ.

Такія мысли католическое духовенство оставляло про себя, въ публикѣ-же оно ратовало за свободу преподаванія, только за одну свободу. „Вы должны помочь намъ завоевать эту свободу, иначе вы будете дѣйствовать противъ собственныхъ принциповъ!“ твердило оно республиканцамъ и свободнымъ мыслителямъ. И мудрецы, въ родѣ Валлона, „Journal des Débats“ и Лабулэ, патріарха французскаго либерализма, согласились, что клерикалы правы. Точно туманъ застлалъ глаза либераламъ и они не замѣтили, что свободой, которую они желали дать всѣмъ, воспользуются одни іезуиты, что давая клерикаламъ право открывать свои университеты, они пускаютъ лисицъ въ курятникъ. Одно время казалось, что либералы понимаютъ, какую западню устроили имъ клерикалы, что они сознаютъ, сколько бѣдствій вынесла Франція благо-

даря господству влерикаловъ, что syllabusъ столько-же опасенъ для Франціи, сколько опасна была для Испаніи инквизиція...

Въ рѣшительный моментъ всѣ взоры обратились на Валлона, представителя государства, приверженца галликанства, противника ультрамонтанъ. Все, что есть интеллигентнаго во Франціи и вообще въ Европѣ, съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдило за рѣшеніями въ версальской палатѣ по вопросу о высшемъ образованіи. По странной игрѣ случая, отъ Валлона снова зависѣло рѣшеніе вопроса: за какую сторону подастъ онъ свой голосъ, за той стороной обезпечивалась побѣда...

Валлонъ колебался; началъ онъ защитой университета отъ вторженія іезуитовъ... но его духовникъ, іезуитъ, подаль ему знакъ—и Валлонъ кончилъ сдачей цитадели. Пробормоталъ онъ что-то невнятно, на его лицѣ появилась неопредѣленная, почти, бессмысленная улыбка, и онъ отдалъ іезуитамъ Францію, государство, университетъ, либерализмъ, даже самое галликанство.

Какъ только фатальное слово сошло съ губъ Валлона, германскій посланникъ, князь Гогенлоз, телеграфировалъ князю Бисмарку: „Германія можетъ уменьшить свою армію на 500,000 человекъ. Ей нечего болѣе опасаться Франціи“.

Пораженіе подъ Седаномъ, сдача Мэца были бѣдственными событіями для Франціи, но не на-столько пагубными, какъ отдача высшаго образованія въ руки іезуитовъ. На это событіе французская буржуазія должна смотрѣть, какъ на свое Ватерлоо. Валлонъ, какъ предводитель въ этомъ пораженіи, долженъ понести тяжкую отвѣтственность. Онъ долженъ страдать ужасно. Онъ отдалъ своимъ врагамъ не только отечество, но и свою религію... да, онъ предалъ религію Воссьюета, онъ пожертвовалъ галликанствомъ!

Бѣдный Валлонъ! пока онъ былъ только професоромъ, онъ могъ считать себя человѣкомъ справедливымъ, безкорыстно преданнымъ своимъ убѣжденіямъ. Теперь-же? Ахъ, зачѣмъ онъ рискнулъ на инициативу!

XIV.

Валлонъ получилъ награду за смиреніе. Іезуиты рѣшили, наконецъ, произвести закладку церкви, посвященной святому Сердцу. Со-

борь долженъ бытъ воздвигнуть на Монмартрѣ, господствующемъ надъ Парижемъ, что должно служить символомъ побѣды іезуитовъ надъ французской революціей, подчиненія человѣческой мысли принципамъ Лойолы. Іезуиты смѣло утверждаютъ теперь, что побѣда ихъ уже обезпечена.

Въ основаніи фундамента положена гранитная глыба въ 260 пудовъ вѣсомъ. Эта глыба посвящена св. Игнатію Лойолѣ. Въ центрѣ этой глыбы высѣчена комнатка, запирающаяся герметически. Въ ней поставленъ сундучекъ, а въ сундукѣ хрустальная трубка, покрытая толстымъ свинцовымъ листомъ, предназначенная для храненія протокола торжественной закладки, написаннаго на пергаментѣ. На мраморной доскѣ и на бронзовой пластинкѣ, — одной, прибитой въ глыбѣ, а другой, положенной въ сундучекъ, изображено слѣдующее:

XVI дня іюня MDCCLXXV

Въ славное царствованіе его святѣйшества Пія IX.

Въ присутствіи

Президента республики маршала Мак-Магона

герцога Маджентскаго

Министра народнаго просвѣщенія и исповѣданій

Г. Валлона

Сей камень

служащій основаніемъ церкви національной

посвященной святому Сердцу Іисусову

благословенъ и положенъ

его эминенціей, кардиналомъ Гиберомъ

архіепископомъ парижскимъ.

Поставивъ имя Валлона рядомъ съ именемъ папы и монсенъера Гибера, іезуиты этой честью думали вознаградить его вполне за то, что онъ отдалъ въ ихъ руки французское юношество.

Но не превратится-ли эта высокая награда въ наказаніе Валлону? Это скажетъ ему его собственное сознаніе.

М. Траго.

При главной конторѣ редакціи журнала „ДѢЛО“ продаются слѣдующія изданія:

Происхожденіе человека и полсвій подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ. подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150 ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. ШЕРРА. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. КАРЛА РЕКЛАМА. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигиены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 50 к.

О подчиненіи женщины. Лж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 коп.; съ перес. 70 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Одинъ въ колѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Видъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лятнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Сочиненія **Ф. М. Толстаго.** (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Записки военнаго. Белегистическіе очерки. Рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 75 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антонъ Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Естественно-научные очерки, Валласа; **Иповѣдь старика.** Романъ Иполита Пькво, перев. съ итальянскаго.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДВЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

П. Е. РЕХРИВАРДЖИ,

С.-Петербургъ, Невскій просп., д. № 32,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

НОВЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПЕТЕРБУРГУ

И

ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМЪ.

Съ подробнымъ планомъ города и сѣтью конно-железныхъ дорогъ.
Спб., 1875 г. Цѣна 1 р.

ПИЛЛЕРЪ И ЕГО ВРЕМЯ. Соч. Югана Шерра, въ трехъ книгахъ, переводъ съ нѣмецк. Москва, 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

ЖЕНЩИНЫ изъ петербургскаго большого свѣта, оригинальный романъ въ трехъ частяхъ К. В. М. Спб., 1875 г. Ц. 4 р.

УЧЕНИЕ О ВОЕННОМЪ ВЫТѢ, какъ часть науки о государствѣ. Сочин. Штейна, перев. А. Эргеля. Спб., 1875 г. Ц. 3 р.

НАШИ ЧУДОДѢИ. Лѣтопись чудачествъ и эксцентричностей всякаго рода. Сост. Касьянъ Касьяновъ. Спб., 1875 г. Ц. 1 р. 50 к.

ВОЛЧЬЕ СТАДО. Записки провинціального адвоката. Сцены и картины сельскаго суда. Москва, 1876 г. Ц. 2 р.

УЧЕБНИКЪ ФИЗИОЛОГИИ. Соч. Эрнста Брюкке. Перев. съ нѣмецк. профессоровъ физиологій Казанскаго Университета Н. О. Ковалевскаго, С.-Петербургскаго—Академика Ф. В. Овсянникова, Новороссійскаго—И. М. Съченова, Московскаго—О. П. Шереметевскаго и Харьковскаго—И. П. Шелкова. Приб. и измѣн. по второму нѣм. изд. сдѣланы Н. Н. Любавинымъ. Спб., 1876 г. Ц. за 2 тома 6 р.

ИЗО ДНЯ ВЪ ДЕНЬ, записки сельскаго священника. Спб., 1875 г. Ц. 1 р. 50 к.

ЛУГОВЫЕ РАЗВОЙНИКИ. Ром. изъ американской жизни Фр. Герштевера. 2 тома. Спб., 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

ОГОНЬ И МЕЧЪ. Соч. Ксавье де-Монтенена. Историческій романъ въ 4 частяхъ, перев. съ французскаго Е. Суворовой. Москва, 1875 г. Ц. 1 р. 75 к.

РУКОВОДСТВО къ изученію глазныхъ болѣзней. Соч. д-ра Эд. Мейера. Перев. съ франц. подъ редакціей д-ра В. Добровольскаго, съ дополненіями и примѣчаніями. Спб., 1875 г. Ц. 4 р.

COMPENDIUM дѣтскихъ болѣзней для студентовъ и врачей. Соч. Иоганна Штейнера. Перев. студентовъ кievскаго университета подъ ред. д-ра А. Л. Липскаго. Кіевъ, 1875 г. Ц. 2 р. 25 к.

РОССІЯ И АНГЛІЯ въ средней Азіи. Соч. М. А. Терентьева. Спб., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

СЛАВЯНСКІЙ СБОРНИКЪ. Спб., 1875 г. Ц. 3 р.

СБОРНИКЪ узаконеній о подрядахъ и поставкахъ. Сост. М. Недошивинъ. Спб., 1875 г. Ц. 1 р. 50 к.

КРАТКОЕ руководство къ сочиненію чертежей яхтъ. Сост. В. Соболевъ. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

КРЕСТЬ И МЕЧЪ. Ром. Григорія Самарова. Перев. съ нѣмецк. 2 т. Спб., 1875 г. Ц. 3 р.

МЫ И НАШИ СОСѢДИ или лѣтопись немодной улицы въ Нью-Йоркѣ. Ром. изъ современной Американской жизни. Герриеты Бичеръ-Стоу. Перев. съ англ. 2 т. Спб., Ц. 2 р. 50 к.

ОПЫТЪ ТЕОРИИ страховаго договора. Соч. И. Степанова. Казань. 1875 г. Ц. 2 р.

ДОЧЬ ВОЗДУХА. Тюрма убійствъ. Ром. Иоганна Шерра. Перев. съ нѣмец. Ю. К. Вострема. Москва, 1876 г. Ц. 2 р.

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВЪ. Соч. Жюль Верна. Перев. съ франц. Марка Вовчка, съ 51 гравюрой К. Барбана. 3 т. Спб., 1875 г. Ц. 6 р.

ДАЧА НА РЕЙНЪ. Ром. въ пяти частяхъ. В. Ауэрбаха, съ предисловіемъ И. С. Тургенева, перев. съ нѣмецк. 3 т. Спб., 1876 г. Ц. 6 р.

РАЗОРЕННОЕ ГНѢЗДО (спѣтая пѣсня), комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Д. Д. Минаева. Пѣсни и сатиры. Спб., 1875 г. Ц. 1 р. 25 к.

МИНЕРАЛЬНЫЙ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗЪ. Соч. Р. Фрезениуса. Перев. съ дополн. съ послѣдн. 6-ю нѣмецк. изд. подъ ред. Н. Тавилдарова. Спб., 1875 г. Ц. 4 р. 50 к.

ОСНОВАНІЯ ТЕРМОДИНАМИКИ. Соч. Ж. Мутье. Перев. С. Степанова. Спб., 1875 г. Ц. 1 р. 25 к.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО. Соч. Ф. К. Савинья. Перев. съ нѣмецк. В. Фукса и Н. Мандро. Москва, 1876 г. Ц. 3 р.

ГѢТЕ въ молодости и его поэтическія произведенія. Соч. Иоганна Шерра. Спб., 1876 г. Ц. 1 р. 25 к.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ПОЛУСВѢТЪ. Ром. М. А. Филипова, изд. 2-е. Спб., 1875 г. Ц. 1 р. 25 к.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЦЫГАНСКОЙ ЖИЗНИ (Scènes de la vie de bohème). Г. Мюрже, перев. съ франц. Спб., 1875 г. Ц. 1 р. 50 к.

У ОКЕАНА. Жизнь на крайнемъ сѣверѣ. Соч. В. И. Немировича-Данченко. Спб., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУЖОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ. Романъ П. Лѣтнева. Спб., 1875 г. Ц. 1 р. 50 к.

СИРІЯ И ПАЛЕСТИНА подъ турецкимъ правительствомъ, въ историческомъ и политическомъ отношеніяхъ. Соч. К. Базили, изд. 2-е. Спб., 1875 г. Ц. 4 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КРЫМУ. Роскошное изданіе съ великолѣпными фотографическими видами Крыма и картой Таврической губерніи. Спб., 1875 г. Ц. 12 р.

ТАЙНЫ ТУРЕЦКАГО ДВОРА. Историческій романъ XIX столѣтія. Соч. Ксено, переводъ съ греческаго. 2 т. Спб., Ц. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ для военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Сост. полковникъ генеральнаго штаба Лобко. Изд. 4-е. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

ОПЕРАТИВНАЯ ГИНЕКОЛОГІЯ со включеніемъ ученія о гинекологическомъ изслѣдованіи. Соч. д-ра Хегаја и д-ра Р. Кальтенбаха, перев. съ нѣмецк. д-ра Штоля, съ 175 рисунками. Спб., 1875 г. Ц. 4 р.

НОВЫЙ ПЛУТАРХЪ, біографіи замѣчательныхъ людей въ исторіи, литературѣ и искусствѣ, т. 1-й. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к.

ПОЖАРНАЯ КНИГА, постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Сост. А. Н—въ, съ рисунками въ текстѣ. Спб., 1875 г. Ц. 3 р.

КУРСЪ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Соч. Кроніда Малышева, т. 2-й. Спб., 1875 г. Ц. 2 р. 25 к.

ОГНЕННАЯ ЖЕНЩИНА. Соч. Белло. Романъ. Переводъ съ французскаго. Спб., 1875 г. Ц. 1 р. 25 к.

СПИРИТИЗМЪ, міръ духовъ или жизнь послѣ смерти. Соч. Одуаръ. Переводъ съ французскаго Самариной. Содержаніе: Различные роды медиатизма. Общ. ощущенія души. Счастливыя и несчастныя этого міра. Шекспиръ спиритъ. Что дѣлается съ душой въ случаяхъ сумасшествія, паралича и идиотизма. Мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о спиритизмѣ. Спб., 1875 г. Ц. 1 р. 50 к.

ОСЕОВЫ ФИЗИОЛОГИИ ЧЕЛОВѢКА. Соч. Германна. Перев. съ 4 нѣмецк. изд. подъ ред. профессора Стенцова, изд. 2-е. Спб., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

ПОЛЖИЗНИ. Романъ П. Бсбарыкина. Спб., Ц. 2 р.

ЧУДАКИ. Романъ Крашевскаго, перев. съ польскаго. Спб., Ц. 2 р.

ОБЪ ИЗЛЕЧИМОСТИ РАКА и врачеваніи его безъ помощи хирургическихъ операцій. Соч. Шмидта. Перев. съ англ. д-ръ Блюль. Спб., Ц. 50 к.

Книжный магазинъ П. Е. Кехрибарджи снабженъ большимъ выборомъ книгъ по всеѣмъ отраслямъ знанія. Гг. иногороднымъ высылаются все книги, кѣмъ бы то ни было опубликованныя. Пересылку книгъ магазинъ принимаетъ на свой счетъ.

Магазинъ принимаетъ подписку на слѣдующіе журналы и газеты на 1876 г.:

	Съ доставкою въ С. Петерб.	Съ пересылкою въ гор.
	Рубл. Коп.	Рубл. Коп.
Библіотека дешевая и общедоступная	8 —	8 —
Библіотека техническихъ производствъ	12 —	— —
Тоже выстъ съ Техническимъ Сборникомъ	16 —	— —
Библіотека для чтенія	8 50	9 —
Биржа, ежедневн. газ. коммерч. и политическая	15 —	15 —
Биржевыя Вѣдомости, ежедневно	16 —	17 —

Ваза, литературный и рукодѣльно-модный журналъ:				
безъ премій	7	—	7	—
съ преміями	12	—	12	—
Вечерняя газета, ежедневно	8	—	8	—
Военный Сборникъ, съ газ. Русскій Инвалидъ	10	—	10	—
Всемирная Иллюстрація (изд. Гоппе)	14	50	16	—
Всемирный Путешественникъ	10	—	10	15
Вѣстникъ Европы, журналъ исторіи, политики и ли- тературы	16	—	17	—
Вѣстникъ Россійскаго Общ. Садоводства	6	—	6	—
Вѣстникъ ж. д.	5	50	7	—
Голосъ, ежедневная газ. политич. и литературная	16	—	17	—
Гражданинъ, журн. политич. и литературный	8	—	8	—
Древняя и Новая Россія, ежемѣсячный историческій иллюстрированный журналъ	12	50	13	50
Душеполезное Чтеніе	4	—	4	—
Дѣло, учено-литерат. журналъ	15	50	16	—
Дѣтскій Садъ, педагогическій журналъ для воспи- танія	5	—	5	—
Дѣтское Чтеніе	3	50	4	—
Женскія рукодѣля	3	—	3	50
Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права	8	50	9	—
Журналъ Садоводства	6	—	6	—
Журналъ Коннозаводства	6	—	6	—
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія	12	50	13	75
Журналъ Охоты и Коннозаводства	9	—	9	—
Записки Русскаго Техническаго Общества	5	—	5	—
Здоровье, научно-популярный гигиенич. журналъ	5	—	5	—
Знаніе, научно и критико-библиогр. журналъ	13	—	13	50
Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества	3	50	3	50
Иллюстрированный журналъ для всѣхъ	7	—	7	—
Тоже съ приложеніемъ „Охотничьихъ Записокъ“	10	—	10	—
Кругозоръ, иллюстрированный журналъ	5	—	5	50
Лѣсной журналъ	4	—	4	—
Маляръ, журналъ художественно-карикат.	5	—	5	—
Медицинскій Вѣстникъ	8	—	8	—
Медицинское Обзорѣніе	8	—	8	—
Модныя Выкройки	5	—	5	—
Модный Магазинъ, иллюстр. журн. 24 №№	7	50	8	—
Модный Свѣтъ, журналъ для дамъ: а) 48 №№ въ годъ съ 12 карт. и 12 выкр.	5	50	6	—
б) 48 №№ въ годъ съ 24 карт. и 12 выкр.	6	50	7	—
Московскія Вѣдомости	16	—	16	—
Московскій Врачебный Вѣстникъ	8	—	8	—
Московская Медицинская Газета	7	—	7	—
Морской Сборникъ	7	—	7	—
Мотивы Русской Архитектуры	8	50	8	80
Музыкальный Листокъ	3	60	3	60
Музыкальный Свѣтъ	11	50	11	50
Народная Школа	4	50	4	50

Педѣла, газ. полит. и литературная	8	—	8	—
Нива, иллюстрир. журн. для семейнаго чтенія	5	—	5	50
Новое Время, газ. политич. и литературная	16	—	17	—
Новости, ежедневная газета	8	—	9	—
Новый Русский Базаръ, иллюстрированный дамскій журналъ	7	—	8	—
Нувеллистъ, музык. журналъ	10	50	11	50
Оружейный Сборникъ	6	60	6	60
Отечественныя Записки, журналъ учено-литературный и политическій	16	—	17	—
Педагогическій Сборникъ	5	—	5	—
Петербургскій Листокъ	8	—	9	—
Переводы отдѣльных иностранныхъ романовъ	8	50	9	—
Правительственный Вѣстникъ	11	—	12	—
Природа, Популярн. Естество-Историческій Сборникъ	13	50	13	50
Православное Обзорѣніе	7	—	7	—
Пчела, иллюстрированный журналъ, 50 №№ въ годъ, съ олеограф. и др. преміями	10	—	10	—
Развлеченіе	5	—	5	—
Рижскій Вѣстникъ	8	—	8	—
Русскій Архивъ	8	—	8	—
Русскій Вѣстникъ	16	—	17	—
Русскій Инвалидъ, газ. военная	7	50	7	50
Русскій Міръ, газ. политическ. и литературная	16	—	16	—
Русское Богатство, журналъ торговли, промышлен., землед. и естествознанія	5	—	5	—
Русское Сельское Хозяйство	8	—	8	—
Русская Старина, ежемѣсячное историческое изданіе	8	—	8	—
Семья и Школа, педагогическій журналъ	11	50	12	—
С.-Петербургскія Вѣдомости	16	—	17	—
Сельское Хозяйство и Лѣсоводство	8	50	8	50
Семейные Вечера, дѣтскій журналъ для младшаго возраста (12 книжекъ) и для старшаго возраста 12 книжекъ	11	—	11	—
Собраніе Иностранныхъ Романовъ, повѣстей и разсказовъ въ перев. на русскій языкъ	11	—	12	—
Современная Медицина, еженедѣльный журналъ для врачей	8	—	8	—
Современныя Извѣстія	8	50	8	50
Современность, газ. полит., обществен. и литерат.	5	30	5	30
Странникъ, духовный учебно-литер. журналъ	5	—	5	—
Судебный Вѣстникъ, съ прил. на годъ	18	—	20	—
Тоже безъ приложеній на годъ	14	—	15	—
Сынъ Отечества	7	—	8	—
Техническій Сборникъ, журн. открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ промышленности	6	—	6	—
Указатель правительственныхъ распоряженій по Министерству Финансовъ	3	—	3	—
Финансовое Обзорѣніе	11	50	12	—

Христіанское Чтеніе.	7	—	7	—
Journal de St.-Pétersbourg.	18	—	22	—
Всеобщій календарь на 1876 г., изд. Гоппе	1	—	1	30
Въ папкѣ	1	30	1	60
Въ переплетѣ	1	50	2	—
Русскій календарь на 1876 г., изд. Суворина.	1	—	1	30
Въ папкѣ	1	30	1	60
Въ переплетѣ	1	60	2	10
Календарь на 1876 г., изд. Гатцука, въ папкѣ	1	30	1	60
Въ переплетѣ	1	50	2	—
Памятная книжка на 1876 г., въ бумажкѣ	1	50	2	—
Въ папкѣ	2	25	2	75
Стѣнной календарь на 1876 г., съ историческими событіями на каждый день (отрывной)	—	60	—	75

Магазинъ передаетъ подписку на журналы въ Редакціи на другой день по полученіи таковой.

РАКЪ И КОСТОЪДА,

язвы, нагноенія и проч.

Спеціальное леченіе посредствомъ гуако изъ Индіи, безъ операціи и боли, д-ра Фонъ - Шмитта изъ Лондона, съ помощію двухъ русскихъ врачей. Пока д-ръ Фонъ-Шмиттъ въ Петербургѣ, то приеѣмъ больныхъ отъ 12 до 2 часовъ пополудни, по вторникамъ и пятницамъ отъ 9 до 11 ч. утра, для бѣдныхъ бесплатно.

EMPLASTRUM GUACO

и способъ употребленія продается во всѣхъ аптекахъ Россіи. Цѣна 1 р. Главное депо у д-ра на углу Гороховой и Большой Морской, д. № 13—30, кв. № 13. Тамъ же можно получить брошюру д-ра Шмитта объ излечимости рака, цѣна 50 к.

Уступка для гг. аптекарей.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

І. ЮРГЕНСОНА,

композитора московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, С.-Петербургъ, Вольная Морская, № 9 (на углу Невскаго проспекта), ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ:

Новое дешевое изданіе Юргенсона:

Школа для фортепіано. Брассеръ и Йотти: „Сокровище для матерей семействъ“. Элементарная школа для фортепіано, одобренная гг. Геизельтомъ, Рубинштейномъ, Лешетицкимъ, Герке и др., посвященная Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, 7-е изданіе (5 р., съ перес. 6 р.); *Бейеръ*—Первоначальная школа для фортепіано для дѣтей самаго пѣжнаго возраста (3 р.); *Бурмиллеръ*—Первоначальная фортепіанная школа (2 р.); *Гюнтцъ*—Полная школа для фортепіано. 18-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное профессоромъ московской консерваторіи А. И. Дюбукомъ, съ прибавленіемъ 20 новыхъ пьесъ, составленныхъ изъ любимыхъ оперъ и русскихъ романсовъ и пѣсенъ. Съ приложеніемъ краткихъ правилъ для молодыхъ музыкантовъ Р. Шумана и изображенія клавиатуры (3 р. 50 к.).

Упражненія и этюды для фортепіано. *Ведеманъ*—126 практическихъ упражненій (60 к.); *Schmitt*—Exercices préparatoires (45 к.); *Berens*—40 nouvelles études de la vélocité op. 61, 4 тетр. (по 60 к.); *Brunner*—50 petites études pour les enfants (1 р. 30 к.); *Burgmüller*—25 études faciles op. 100 (1 р. 30 к.), 18 études de genre op. 109 (1 р. 30 к.); *Chopin*—12 études op. 10, Liv. 1, 2 (по 1 р.), 12 études op. 25 Liv. 1, 2 (по 1 р.); *Clementi*—Gradus ad parnassum. Etudes choisies par Tausig (2 р.); *Czerny*—30 études de la vélocité op. 299 (2 р.), 40 exercices journaliers op. 337 (1 р. 50 к.), Die Vorschule zur Fingerfertigkeit. 24 Etuden op. 636, 3 тетр. (по 60 к.), Die Kunst der Fingerfertigkeit. 50 Studien im brillanten Style op. 740 (3 р. 30 к.) Тоже въ 6 тетр. (по 90 к.). *Duvernoy*—Ecole du mécanisme 15 études op. 120 (1 р. 20 к.).

Для фортепіано. „Perle de salon“. Сборникъ избранныхъ пьесъ для фортепіано Спицлера, Юнгмана, Кеттерера, Воленгацпта, Ричардса, Литольфа и др. Томъ I, 17 пьесъ (1 р.); томы II до VII, въ каждомъ отъ 8 до 10 пьесъ (за томъ 75 к.). *Келеръ*—Народныя мелодіи всѣхъ націй земного шара, въ 2 руки (1 р.); въ четыре руки (1 р.); Народныя танцы всѣхъ націй земного шара въ 2 руки (1 р.); въ 4 руки (1 р.); „Opéra-Album“, 50 мелодій изъ любимыхъ оперъ въ легкомъ переложеніи (50 к.); 14 польскихъ кн. Огнискаго (50 к.); *Шопенъ*—всѣ 19 ноктюрнъ (1 р.), всѣ 14 вальсовъ (1 р.);

всѣ 48 пѣсень безъ словъ *Мендельсона* (2 р.); 40 избранныхъ мелодій Шуберта, переложенныхъ А. Дюбюкомъ (2 р.); 70 любимѣйшихъ увертюръ въ 2 руки (по 15 к.); въ 4 руки (по 25 к.).

За пересылку предлагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Каталогъ дешевыхъ изданій высылается бесплатно. Требования гг. иногороднихъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ этомъ-же магазинѣ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Принимается подписка на дешевый журналъ для фортепiano „Die musikalische Welt“ (Le monde musical на 1876 г., годъ V), издаваемый Г. Литольфомъ въ Брауншвейгѣ и содержащій ежемѣсячно отъ 5 до 6 избранныхъ новѣйшихъ пѣсень любимыхъ современныхъ композиторовъ. Годовая цѣна подписки 2 р. 70 к., съ пересылкою 4 р. Полные экземпляры журнала за 1875 г. продаются по той-же цѣнѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1876 ГОДУ

„Б У Д И Л Ъ Н И К А“

сатирическаго журнала съ хромо-литографическими рисунками и карриатурами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ.

Безъ доставки	6 р. 50 к.
Съ доставкою	7 р. — к.
Съ пересылкою въ города	7 р. 50 к.

На полгода.

Безъ доставки	3 р. 50 к.
Съ доставкою	4 р. — к.
Съ пересылкою	4 р. 50 к.

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 20 к. с.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ *Москву* — въ редакціи (на Большой Никитской) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ Москвы принимается въ книжныхъ магазинахъ въ *С.-Петербургъ, Одессу, Харьковъ, Полтаву, Курскъ, Орлъ, Миускь и Воронежъ.*

Объявляя о продолженіи изданія „Будильника“ въ 1876 году, редація честь имѣетъ заявить, что съ 1-го января 1876 года она намѣр на увеличить число красокъ въ хромолитографическихъ рисункахъ и вообще число каррикатуръ чисто юмористическаго, а въ особенности бытового и политическаго содержанія. Въ текстѣ журнала будутъ значительно усилены отдѣлы: 1) иногородныхъ корреспондентій, 2) юмористическихъ телеграмъ, передающихъ событія дня, и 3) политическаго, провинціального и столичнаго фельетоновъ. Вообще задача редаціи—постоянно, не щадя никакихъ усилій, заботиться объ улучшеніи литературной и художественной стороны журнала.

Редація покоряѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, дабы предотвратить могущую быть несвоевременную высылку номеровъ журнала.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1876 ГОДУ

ежемѣсячнаго историческаго иллюстрированнаго сборника

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“.

ВТОРОЙ ГОДЪ.

Въ 1876 году сборникъ „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“ будетъ издаваться по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ текущемъ году, но *безъ предварительной цензуры.* Такое облегченіе, полученное сборникомъ, послужитъ, разумѣется, къ существенному расширенію и улучшенію его историко-литературнаго отдѣла; что-же касается внѣшности изданія, то въ ней произойдетъ лишь одна переиѣна: рисунки будутъ помѣщаться не въ текстѣ, а на отдѣльныхъ листахъ. Редація не можетъ опредѣлить количества художественныхъ приложений къ каждой книжкѣ, такъ-какъ это зависитъ отъ содержанія статей, но втеченіи года будетъ дано не менѣе 40—50 гравюръ на деревѣ, литографій и хромолитографій.

Въ историко-литературномъ отдѣлѣ сборника „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“, въ 1876 году, будутъ принимать участіе слѣдующія лица, большею частію уже доставившія въ редакцію общанныя ими статьи:

Проф. *М. Я. Аристовъ, А. П. Барсуковъ, Проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. Г. Богословскій, проф. А. Г. Брикнеръ, баронъ Ѳ.*

А. Бюлеръ, Е. А. Бьловъ, проф. В. Г. Васильевскій, Ф. А. Вит-
деръ, В. П. Гаевскій, проф. В. И. Герье, П. А. Гильтенбрандтъ,
акад. Я. К. Гротъ, проф. В. П. Драгомановъ, П. Я. Дашковъ, М.
Ф. Де-Пуле, Г. В. Есиповъ, И. Е. Забѣлинъ, проф. Е. Е. Замя-
словскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Д. И. Иловайскій, Е. П.
Карновичъ, проф. Г. Ф. Карповъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. Д.
А. Корсаковъ, проф. Н. И. Костомаровъ, А. М. Лазаревскій, проф.
В. И. Ламанскій, Л. Н. Майковъ, В. Н. Майновъ, П. К. Мартья-
новъ, проф. О. Ф. Миллеръ, Д. Л. Мордовцевъ, проф. И. С. Некра-
совъ, В. И. Немировичъ-Данченко, П. Н. Петровъ, П. Н. Полевой,
проф. Н. А. Поповъ, А. Н. Поповъ, В. П. Поповъ, П. А. Ровин-
скій, проф. А. В. Романовичъ-Славятинскій, А. И. Савельевъ, проф.
Д. Я. Сажоковъ, М. В. Свирьминъ, акад. С. М. Соловьевъ, В. В.
Стасовъ, Н. П. Степановъ, А. А. Соиновъ, акад. М. И. Сухоми-
ловъ, И. А. Тихомировъ, К. Н. Тихонравовъ, Л. Н. Трефолевъ, Ф.
М. Уманецъ, И. П. Хрущовъ, Н. А. Чаевъ, проф. С. М. Шпилевскій.

Кромѣ того, въ сборникѣ 1876 года будутъ напечатаны посмертныя со-
чиненія академика Н. Г. Устрялова (Неизданная глава изъ 5 тома
„Исторіи царствованія Петра Великаго“ и „Воспоминанія“) и М. Д. Хмы-
рова.

Въ художественномъ отдѣлѣ сборника будутъ принимать участіе худож-
ники и граверы: П. Ф. Борель, И. И. Ваулинъ, Н. А. Гоголинскій,
Г. В. Глушковъ, И. А. Космаковъ, И. И. Матюшинъ, А. А. Шли-
перъ.

Къ первой книжкѣ сборника 1876 г. будетъ приложена, между прочимъ,
большая литографія на тону съ картины проф. В. И. Якоби „Волынскій
въ засѣданіи кабинетъ-министровъ“.

Сборникъ „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“ выходитъ ежемѣсячно книж-
ками, въ размиръ отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ большого
формата, in 4°, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими пор-
третами и рисунками въ приложеніи, такъ-что, по окончаніи года, со-
ставится три большихъ тома, отъ 120 до 150 печатныхъ листовъ, съ
40—50 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромолитографіями.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ сборника, состоящей изъ двѣнад-
цати книгъ: Для гг. городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ 12 р. 50
к. съ доставкою на домъ; 12 р. безъ доставки. Для иногородныхъ: 1) въ
Москвѣ: 13 р. 50 к. съ доставкою на домъ; 12 р. 50 к. безъ доставки.
2) въ губерніи: 13 р. 50 к. съ пересылкою. Для заграничныхъ: 14 р. вся
Европа (крошъ Франціи). 16 р. Франція.

Подписка на 1876 годъ принимается въ С.-Петербургѣ, въ кон-
торѣ редакціи сборника, при хромолитографіи и типографіи издателя В. И.
Грацианскаго, Невскій пр., д. № 46, рядомъ съ Пасажемъ; въ Москвѣ,
въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алек-
сѣева.

Иногородные исключительно обращаются въ контору редакціи.

Разсрочка платежа подписной суммы для частныхъ лицъ допускается
по соглашенію съ конторою редакціи, для служащихъ — чрезъ посредство
ихъ казначеевъ.

ПОДПИСКА НА 1875 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Сборникъ „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ“ за 1875 годъ, состоящій изъ трехъ томовъ, по четыре книжки въ каждомъ, и заключающій около 150 печатныхъ листовъ большого формата, in 4°, въ два столбца печати на страницѣ, съ 65 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромо-литографіями, можно получать въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: въ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 15 р., въ папкѣ 13. въ бумажной обложкѣ 12 р.

Принимается подписка на ежемѣсячное историческое изданіе, выходящее въ С.-Петербургѣ:

РУССКАЯ СТАРИНА.

1876 г. (седьмой годъ изданія).

Цѣна за 12 книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками и снимками — восемь рублей съ доставкой и съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ — въ книжномъ магазинѣ *А. Θ. Базунова* (Невскій, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ *Ив. Григорьевича Соловьева* — на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. *Иногородныхъ* подписчиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Надеждинская улица, д. № 42.

Къ „Русской Старинѣ“ 1876 г. будутъ прилагаемы приготовленные уже для сего портреты русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравюры на мѣди акад. *Пожалостина* и гравюры на деревѣ акад. *Сѣрякова*; также рисунки, снимки съ писемъ, виньетки и проч.

Отпечатано и поступило въ продажу новое третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870-го года, съ портретами, снимками и съ приложеніемъ I-го тома записокъ *Болотова*, украшеннаго 60-ю рисунками, вновь исполненными акад. *Л. А. Сѣряковичемъ*.

Цѣна „Русской Старинѣ“ 1870 г. (первый годъ), третье изданіе. 8 руб. съ пересылкой. Цѣна „Русской Старинѣ“ 1876 г. (седьмой годъ) 8 руб. съ пересылкой.

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ

„С И В И Р Ъ“

НА 1876 ГОДЪ.

Газета „СИБИРЬ“ въ 1876 году будетъ выходить подъ той же редакціей и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ настоящемъ году. Газета „СИБИРЬ“ выходитъ разъ въ недѣлю. Подписная цѣна, съ доставкой и пересылкой: за годъ СЕМЬ руб., за полгода ЧЕТЫРЕ руб., за три мѣсяца ДВА руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *Иркутскѣ*: въ конторѣ газеты „СИБИРЬ“ (Трапезниковская, 215); въ книжномъ магазинѣ Жигаревой (Амурская, 27); въ Типографіи Н. Н. Сеницына (Харлампіевская, 92) и въ Городской публичной библіотекѣ (Ивановская пл.).

Въ *Петербургѣ*, въ книжномъ магазинѣ для иногородныхъ (Невскій, 44).

Въ *Москвѣ*, въ Центральномъ книжномъ магазинѣ (Никольская, Славянскій базарь).

Въ *Томскѣ*, въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Мавушина.

Въ *Енисейскѣ*, въ Публичной библіотекѣ г. Скорнякова.

Иногородные адресуются исключительно въ Иркутскъ, въ редакцію газеты „СИБИРЬ“.

Издатель-Редакторъ *В. Вагнъ*.

**ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА
И МОСКВЫ**

П Р О Д А Ю Т С Я :

1. ВЪДНЫЕ РОДСТВЕННИКИ. Романъ Бальзака. Цѣна 1 руб. 80 коп., съ пер. 2 руб.
2. ЩЕГОЛИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Романъ Жюль Кларети. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 30 коп.
3. ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОЙ ДѢВОЧКИ. Г-жи Е. С—ой. Одобрено ученымъ комитетомъ женскихъ учебныхъ заведеній. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 руб. 75 коп.
4. ПОВѢСТИ ГОФМАНА. Для дѣтей старшаго возраста. Т. I. Цѣна 85 коп., съ пер. 1 руб. Т. II. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 руб. 50 коп.
5. ПРИКЛЮЧЕНІЯ НѢМЕЦКОЙ КОЛОНИИ. Романъ Фр. Герштейкера. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 25 коп.

лопа противъ Ренана. — Вліяніе на Валлона произведеній Боссюета. — Посредственность Валлона какъ историка. — Соперничество съ Мамомъ и К°. — Валлонъ снова депутатъ. — Творецъ республики. — Недостатки конституціи Валлона. — Заветный планъ елерикаловъ. — Свобода высшаго образованія во Франціи. — Иезуиты торжествуютъ. — Замадка церкви Св. Сердцу.

XX. ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДЪЛО“ ВЪ 1876 ГОДУ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДЪЛО“:

РУССКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ (Женщины до-петровской Руси.)

Д. Л. Мордовцева. Спб. 1874 г. Осталось незначительное число экземпляровъ. Цѣна 2 р. 75 к.; съ перес. 3 р. 25 к.

ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ ГОДЪ, РОМАНЪ В. ГЮГО.

Въ двухъ томахъ. Перев. съ франц. Изд. Редакціи журнала „Дѣло“. Цѣна 2 р. безъ перес., съ перес. 2 р. 30 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ уступается за половинную цѣну, т. е. 1 р. безъ перес.; съ перес. 1 р. 30 к.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1876 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“; 3) отъ книжного магазина П. Е. Кехрибарджи; 4) отъ д-ра фон-Шмидта о леченіи рака и костоѣда; 5) отъ музыкальнаго магазина І. Юргенсона; 6) объ изданіи въ 1876 г. сатирическаго журнала „Будильникъ“; 7) объ изданіи въ 1876 г. журнала „Древняя и Новая Россія“; 8) объ изданіи въ 1876 г. журнала „Русская Старина“ 9) объ изданіи въ 1876 г. газеты „Сибирь“.

При этой книгѣ разсылаются для иногороднихъ подписчиковъ: 1) Каталогъ книжнаго магазина Колесова и Михина; 2) объ изданіяхъ книжнаго магазина М. О. Вольфа; 3) объ изданіи журнала „Живописное Обозрѣніе“; 4) о подпискѣ на журналъ „Ива“; 5) для городскихъ и иногороднихъ: объ изданіи журналовъ „Модный Свѣтъ“ и „Всемирная Иллюстрація“.

При № 10 было приложено для иногороднихъ подписчиковъ объявленіе книжнаго магазина г. Мелье.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1876 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (въ
Надеждинской улицѣ, д. № 39) и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Вазунова,
на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи
Ольхиной, и въ Книжномъ Магазинѣ
для Иногороднихъ, на Невскомъ, въ д.
Львинова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьевъ,
на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣ
сѣва; а также въ книжномъ магазинѣ
А. Л. Васильева, на Страстномъ буль
варѣ, въ д. Шахардина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества —
20 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція
и Греція — 22 р.; Швейцарія — 23 р.; Италія — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поруч
тельствомъ гг. назначеевъ.

Въ настоящемъ 1876 году продолжается подписка на второе полугодіе жи
нала „ДЪЛО“, съ 7 книжки по 12-ю включительно.

Редакторъ-издатель П. ШУЛЬГИНЪ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 204